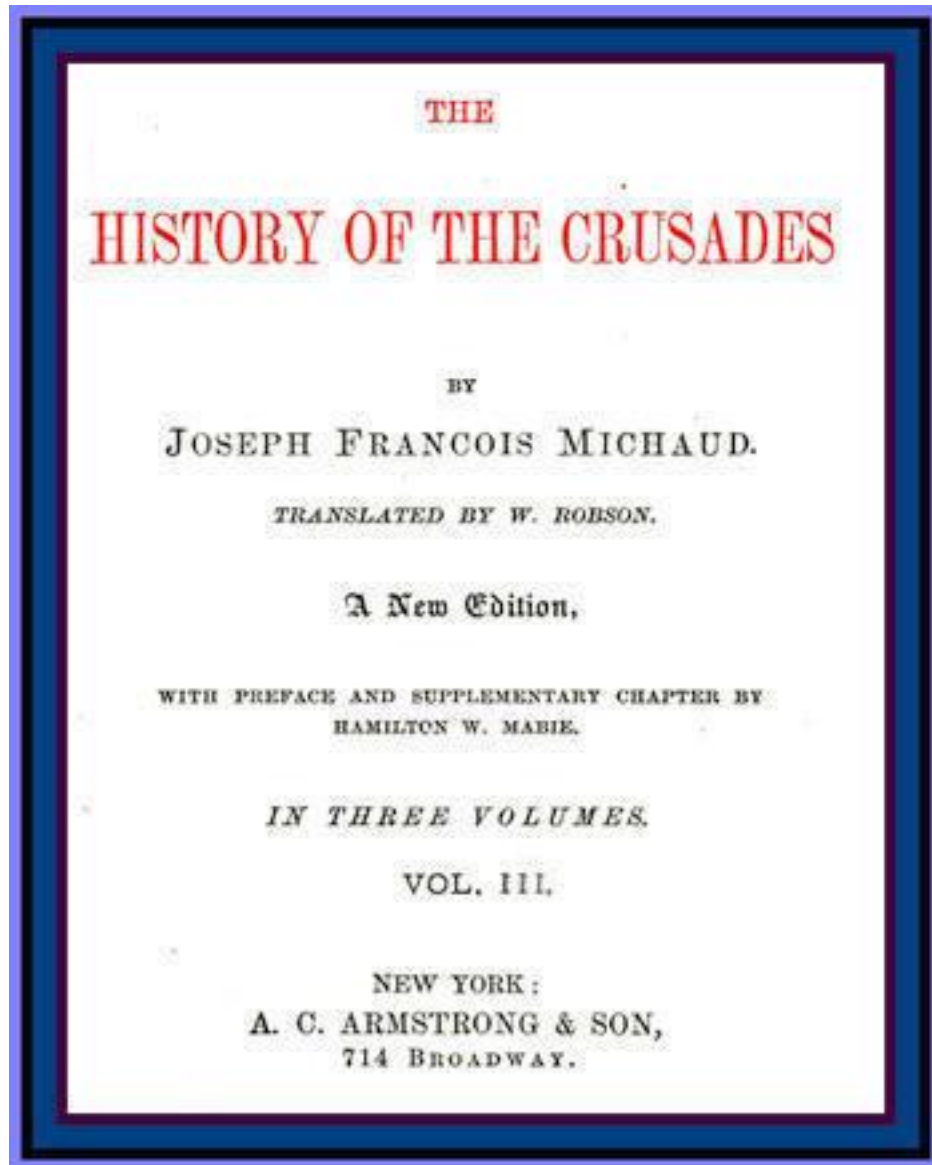

История крестовых походов (том 3 из 3)

Жозеф Франсуа Мишо

Электронная книга проекта Гутенберга по Истории крестовых походов (том 3 из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История крестовых походов (том 3 из 3)

Автор: Жозеф Франсуа Мишо

Переводчик: Уильям Робсон

Дата выхода: 8 июня 2015 г. [Электронная книга № 49167]

Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Джованни Фини и командой корректоров, распространяющей тексты онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ" (ТОМ 3 ИЗ 3) ***

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА:

— Исправлены очевидные печатные и пунктуационные ошибки.

— Тома I и II этой работы были опубликованы проектом "Гутенберг":

Том. I: <http://www.gutenberg.org/ebooks/49104>

Том II: <http://www.gutenberg.org/ebooks/49118>

— Общий указатель, охватывающий все три тома, присутствует и связан в этом томе.

— Переписчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя титульный лист оригинальной книги. Изображение находится в общественном достоянии.

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

АВТОР Жозеф Франсуа Мишо.

ПЕРЕВОД У. РОБСОНА.

Новое издание С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ГЛАВОЙ ГАМИЛЬТОНА У. МЭБИ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ III.

НЬЮ-ЙОРК: А. С. ARMSTRONG & SON, Бродвей, 714.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА III.

КНИГА XV.—1255-1270 гг. н.э..

ВОСЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Христианские города Палестины, укрепленные Людовиком IX.—Ссоры между крестоносцами—Разногласия среди сарацин—Айбек, султан Египта, убит—Чеггер-Адур, султанша, убита—Моголы, или татары, захватывают Багдад—Кутуз избран султаном Египта—Моголы захватывают главные города Сирии—Всеобщий террор, вселенный мусульманами и христианами—Опасения Белы IV, короля Венгрии—Убийство Кутуза—Мамелюки Египта—Бибарс провозглашен султаном Египта—Объявляет войну христианам Палестины—Мамелюки побеждают и изгоняют татар из Палестины—Константинополь отбит греками, а латиняне изгнаны—Христиане побеждены мамелюками, и Палестина опустошена—Кесария, Арсуф и Сефед осаждены и захвачены—Резня христиан—Магометанство не религия меча—Карьера Карла Великого—Захват Яффы султаном Египта—Бозмунд заключает договор с Бибарсом—Антиохия захвачена и разрушена, а жители вырезаны—Ссоры пап с суверенами Европы—Королевская семья Швабии—Карл, граф Анжуйский, коронованный папой как король Сицилии—Майнфруа—Конраддин оспаривает корону Сицилии—Людовик IX решает начать новый крестовый поход в Святую Землю—Выдающиеся личности, которые берут крест в его поддержку—Жуанвиль отказывается сопровождать он—Абага, татарский хан, отправляет послов в Рим к папе Клименту IV. поддерживает новый крестовый поход—Духовенство выступает против взимания контрибуций—В Нортгемптоне состоялся совет по оказанию помощи крестовому походу—Король Джеймс Арагонский и принц Эдуард Английский участвуют в крестовом походе—Смерть Климента IV.—Крестоносцы прибывают в Тунис—Историческая справка о

стр. 1-
91.

Тунисе—Мусульмане сопротивляются крестоносцам—Болезни и смертность среди крестоносцев—Смерть герцога Неверского—Болезнь и горячая преданность Людовика—Его смерть—Карл Анжуйский высаживается в Тунисе и принимает командование крестоносцами—Возвращается в Тунис Франция с телами его отца, жены и брата — добродетель? и благочестие Людовика IX.—Принц Эдуард Английский прибывает в Палестину—Назарет захвачен крестоносцами—Принц Эдуард возвращается в Англию—Тибо избран папой под титулом Григория X.—Он созывает Лионский собор для возобновления нового крестового похода—Любопытный документ, изданный Гумбертом де Романисом—Трое претендентов на иерусалимский престол—Продолжающиеся победы Бибарса—Его смерть и характер—Смерть Григория X.—Восстание на Сицилии—Сицилийская вечерня—Кеалаун, султан Египта, заключает договор с христианами из Птолемаиса и заключает договоры с европейскими князьями—Форт Маргат захвачен мусульманами—Сьер Бартелеми становится мусульманским ренегатом—Триполи захвачен и разрушен, а христиане вырезаны—Описание Птолемаиса—Халил избран султаном Египта—Мусульманская секта Чагес—Птолемаис захвачен и разрушен Халилом—Девственницы Сен-Клера самоуничтожены—Смерть Уильяма де Клермона—Самоотверженный героизм тамплиеров —Захват и разрушение Тира, Берита, Сидона и всех христианских городов вдоль побережья Палестины

КНИГА XVI.—1291-1396 гг. н.э..

ПОПЫТКИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ ПРОТИВ ТУРОК.

Папы Николая IV. попытки возродить свежий крестовый поход против Востока—отправляет миссионеров, татары—их конкурсы с мусульманами возродить надежды христиан—Аргун, татарин главного—завоевания Татар—Казан, магнат князь отправляет послов к папе—Клемент IV. провозглашает крестовый поход на Соборе в Вене—подвиги Госпитальеры—завоеваний и богатств тамплиеров обвинения против них—Филипп Ле Бель Франции берет креста—смерти—Филипп Ле пор—его смерти—Шарль Ле Бель—его смерть—Раймона Лулли проповедует свежий крестовый поход—Филипп Валуа созывает ассамблею в Париже для оживления свежий крестовый поход—возобновление гонений на христиан в Палестине—брат Андрей Антиохийский—Петрарка апостол Священная война—Хамберт-II ст., дофин Вьеннский, берет крест—Гуго Лузиньян, король Кипра—политические проблемы Франции—король Иоанн в плену у Poitiers—участвует в крестовом походе—Урбан V. созывает заседание в Авиньон—Питер де Лузиньян, и Карл IV, император Германии, участвовать в крестовом походе—Александрия захвачен и сожжен крестоносцами—Барбари захвачена христианских войск в Триполи захватили и сожгли городов Сирии уничтожили—происхождение и История тюрок и Османской империи—их завоевания и вторжения из Греции—Константинополя нависла угроза-турки—ее ослабевшее государство—императоров Константинополя—Amurath, турецкий султан Баязет—двое пап одновременно—в крестовый поход против турок определяется на Баязет поражения христианского войска с великого поражения—поражения венгров—Мануэль, император Константинополя, Франция—отвлекся государства Европы—истории и завоевательных походов Тамерлана татаро—турки разгромлены, а Сирия наводнена татарами—Баязет поднимает осады Константинополя, и потерпел поражение от

стр.
92-
158.

Тамерлана—Смирну захватили и уничтожили—османам завоевать провинции захвачен Тамерланом—греческая церковь подчиняется папской власти—варварства турок по отношению к христианам—папе Евгению призывает христианских государств на другой крестовый поход—кардинал Хулиан проповедует в его пользу—Amurath заключает мирный договор с крестоносцами, которые нарушаются, они победили с большим убой—Владислава, короля Польши, и кардинал Юлиан, сраженный—Битва Wara—присоединение Магометом II. к османскому трону — Его обширная империя—Осаждает Константинополь—Характер Константина Палеолога, греческого императора—Его огромные усилия по защите своей столицы—Магомет берет город штурмом—Смерть императора и разрушение греческой империи

КНИГА XVII.—1453-1481 гг. н.э..

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ ТУРОК.

Ужас среди христианских государств в связи с падением Константинополя.—Филипп, герцог Бургундский, собирает свою знать в Лилле—Любопытный фестиваль, проводимый Энтузиастами в поддержку крестового похода против турок —епископ Сильвиус, Джон Капистран, Фридрих III. из Германии и папа Каликст III. попытка разжечь крестовый поход—Турки проникают в Венгрию—Доблесть Гунниада—Они разбиты под Белградом—Тревожная комета—Епископ Сильвий избран папой—Расширенные завоевания Магомета II.—Он покоряет Грецию—Папа созывает ассамблею в Мантуе, чтобы призвать к крестовому походу—Его переговоры с Магометом—Босния завоевана—Пий II. лично участвует в крестовом походе, достигает Анконы и погибает —Скандерберг побеждает турок—Магомета II. клянется уничтожить христианство—Король Персии выступает против турок, и его армия уничтожена—Кардинал Караффа командует флотом крестоносцев—Саталия и Смирна разграблены христианскими войсками—Владения венецианцев и генуэзцев захвачены турками—Жак Кер—Кипр подчинен мусульманам— Захвачен турками—Родос храбро защищают рыцари Святого Иоанна—Турки вторгаются в Венгрию и разные части Европы одновременно—Побежден королем Венгрии Корвином—Отранто захвачен турками турки, а впоследствии покинутый — папа Секст IV. умоляет о помощи христианскую Европу против турок—Расстроенное состояние Италии—Смерть Магомета II. и разногласия в его семье—Зизим оспаривает турецкую империю с Баязетом и посещает Европу—Карл VIII. из Неаполя, участвует в крестовом походе против турок — Альфонсо II. Арагонский собор—Италия захвачена, Рим захвачен французами—Эндрю Палеолог продает свои притязания на Восточную империю—Смерть Зизима—Баязет объявляет войну Венеции—Заключает мирный договор—Предпринимает экспедицию против Португалии—Коммерческие амбиции Венеции—Сейм в Аугсбурге—Речь Гелиана против венецианцев—Латеранский собор, созванный Юлием II.—Баязет II свергнут с престола, и ему наследовал Селим—Беспорядки в христианском мире—Селим побеждает короля Персии и султана Египта —Палестина и все соперничающие державы Востока под властью турок—Усилия Льва X. по возобновлению крестового похода против них—Вида, итальянский поэт—Панегирики Новаджеро Льву X.—Развитие греческого языка в Италии—Грандиозные приготовления к новому крестовому походу—Красноречие Садолетуса и письма Франциска I. в его пользу—Продажа индульгенций—Ссоры августинцев и доминиканцев—Проповедь Лютера против

стр.
159-
250.

индульгенций—Солиман становится наследником Османской империи—Белград и Родос захвачены османами. турки —рыцари Святого Иоанна изгнаны с Родоса и переведены на Мальту —Франциск I. взят в плен в битве при Павии —Венгры разбиты турками, а Людовик II убит -Климент VII. заключенный Карлом V.—Религиозные волнения Европы—Вена осаждена турками—Венгрия заключает мирный договор—Политика Генриха VIII, Франциска I и Карла V.—Берберийские государства взяты под защиту Оттоманской Порты—Проповедь Лютера—Героическая защита Мальты—Смерть Солимана и восшествие на престол Селима—Захват Кипра—Турки потерпели сокрушительное поражение в морском сражении при Лепанто—Всеобщее ликование по всему христианскому миру—Общее распространение цивилизации в Европе—Блестящий век Льва X.—Военная мощь турок начинает снижаться—Побежденный Собеским у стен Вены—Причины и история их упадка—Мавры изгнаны из Испании—Состояние христианского мира в Европе и прогресс Реформации—Игнатий Лойола—Паломничества в Святую Землю—Дух смирения уступает место энтузиазму по поводу крестовых походов

КНИГА XVIII.—1571-1685 гг. н.э.

Размышления о состоянии Европы, о различных классах общества и о прогрессе мореплавания, промышленности, искусства и общие знания во время и после крестовых походов

стр.
251-
348.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Паломничества—Маршрут из Бордо в Иерусалим—Фульк Анжуйский—Вильгельм Малмсберийский—Роберт Нормандский—Карл Великий—Хроника Тура—Письма Боэмунда, архиепископа Даймбера и главных крестоносцев—Собор в Наплузе—Булла папы Евгения III. для второго крестового похода—Письмо Саладина с подробным описанием взятия Иерусалима и битвы при Тверии—Проповедь, произнесенная в Иерусалиме Мухаммедом Бен Зеки—Булла Григория VIII 1187 г. н.э.—Парижский собор, состоявшийся в 1188 г.—Заметки о греческом огне—Мемуары о Саронском лесу, или зачарованном лесу Тассо—Ральф Дайсе—Ральф Коггершолльский—Уловка, предпринятая Саладином—Заключение Ричарда I.—Путешествие по Уэльсу архиепископа Болдуина—Письмо Журдена о “Ассасины” Сирии —История исмаилитов, или “ассасинов” —Договор, заключенный лидерами крестоносцев о разделе Константинополя и греческой империи—О смерти маркиза Монферратского—Фрагмент хроник Никиты о разрушении крестоносцами статуй Константинополя—Письмо Журдена о крестовом походе детей в 1212 году—Письмо папы Иннокентия III. призыв к крестовому походу в Святую Землю—Поэзия трубадуров о крестовых походах—Похоронные церемонии пруссаков—Письмо графа д'Артуа о взятии Дамьетты—Письмо Людовика Святого о его пленении и освобождении—Список великих офицеров или рыцарей, последовавших за Людовиком Святым в Тунис—Инструкции Людовика Святого, адресованные на смертном одре Филиппу ле-Харди-Эдуард I, король Англии, и попытка его убийства-Открытие банка trons во Франции и расходование квитанций—Мемуары Лейбница, адресовано Людовику XIV.—Капитуляции между Францией и Оттоманской Портой—Примечание Рейнуара к

стр.
349-
500.

история

из

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

КНИГА XV.

ВОСЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1255-1270 гг. н. э.

Людовик IX во время своего пребывания в Палестине не только занимался укреплением христианских городов; он не пренебрегал никакими средствами для установления того союза и гармонии между самими христианами, которые, как он чувствовал, создадут их единственную защиту от нападений мусульман: к несчастью для этого народа, который он сохранил бы с опасностью для своей жизни, его советы не заставили себя долго ждать, и дух раздора вскоре вытеснил те благородные чувства, которым его пример и речи на мгновение оживили жизнь.

В ходе этой истории, возможно, было замечено, что у нескольких морских держав были склады, конторы и значительные коммерческие учреждения в Птолемаиде, которая стала столицей Палестины. Среди этих наций Генуя и Венеция занимали первое место: каждая из этих колоний населяла отдельный квартал и имела разные законы, помимо интересов, которые постоянно их разделяли; единственное, что у них было общего,^[1] была церковь Святого Саввы, в которой венецианцы и генуэзцы собирались вместе, чтобы совершать церемонии своей религии.

Это общее владение часто было предметом ссор между ними; вскоре после отъезда Людовика Святого раздор вспыхнул с новой силой и разжег все страсти, какие только мог породить дух соперничества и ревности между двумя нациями, которые так долго боролись за господство на море и превосходство в торговле. Посреди этой борьбы, в которой сам предмет соперничества должен был вызывать в их сердцах чувства мира и милосердия, генуэзцы и венецианцы часто вступали в драку в городе Птолемаиде, и не раз святилище, которое обе стороны укрепили как военное место, оглашалось шумом их кощунственных сражений.

Раздоры очень скоро пересекли моря и принесли на Запад новые беды. Генуя заинтересовала пизанцев в своем деле и искала союзников и вспомогательных сил даже среди греков, которым в то время не терпелось вернуть Константинополь. Венеция, чтобы отомстить за нанесенные ей обиды, заручилась поддержкой Манфруа, который был отлучен от церкви главой Церкви. Были собраны войска, вооружены флоты, и стороны атаковали друг друга как на суше, так и на море; и эта война, которую верховный понтифик был не в состоянии подавить, длилась более двадцати лет, иногда в пользу венецианцев, как часто в пользу генуэзцев; но всегда фатально для христианских колоний Востока.

Этот дух раздора также распространил свое пагубное влияние на соперничающие ордена Святого Иоанна и Храма; и кровь этих мужественных защитников Святой Земли лилась потоками в городах, защиту которых они взяли на себя; госпитальеры и тамплиеры преследовали и атаковали друг друга с яростью, которую ничто не могло унять или отвлечь, оба ордена призвали на помощь рыцарей, оставшихся на Западе. Таким образом, самые знатные семьи христианского мира были втянуты в эти кровавые распри, и в Европе больше не спрашивали, победили ли франки сарацин, но была ли победа благоприятна рыцарям Храма или рыцарям Госпиталя.

Храбрые Сержины, которых звал Людовик IX. хад при своем отъезде остался в Птолемаиде, и мудрейший из других защитников Святой Земли не имел ни достаточной власти, чтобы восстановить спокойствие, ни достаточного войска, чтобы противостоять нападениям мусульман. Единственная надежда на безопасность, которая, по-видимому, оставалась христианам Палестины, проистекала из раздоров, которые также беспокоили сарацинскую империю; каждый день среди мамлюков вспыхивали новые восстания; но, по странному контрасту, междоусобицы, ослаблявшие могущество франков, часто, казалось, только усиливали могущество их врагов. Если из слабого Иерусалимского королевства мы перейдем в Египет, то там увидим странное зрелище правительства, основанного восстанием и укрепляющегося среди политических бурь. Христианские колонии после взятия Иерусалима Саладином больше не имели общего центра или связей; короли Иерусалима, потеряв свою столицу, потеряли авторитет, который служил, по крайней мере, боевым кличем, с помощью которого они объединяли вокруг себя пылкие души. От королевской власти не сохранилось ничего, кроме названия, от республиканизма не было получено ничего, кроме его вседозволенности. Что касается мамлюков, то они были не столько нацией, сколько армией, в которой сначала ссорились из-за вождя, а потом слепо ему повиновались. Из недр каждой из их революций вырастал военный деспотизм, вооруженный всеми породившими его страстями, и, что, должно быть, удвоило тревогу христиан, этот деспотизм не дышал ничем, кроме войны и завоеваний.

В предыдущей книге мы говорили, что Айбек, женившись на султанше Чеггер-Эддур, вззошел на трон Саладина; но вскоре его правление было нарушено соперничеством эмиров. Смерть Фарес-Эддина Октаи, одного из лидеров, выступавших против нового султана, расстроила планы фракции, но ревность женщины сделала то, чего не смогли добиться ни фракция, ни лицензия. Чеггер-Эддур не мог простить Айбека за то, что тот попросил руки дочери принца Моссула, и неверный муж был убит рабами в бане. Султанша, удовлетворив свою женскую месть, призвала на помощь честолюбие эмиров и политические преступления.^[2] Она послала за эмиром Саиф-Эддином, чтобы спросить его совета и предложить ему свою руку и империю. Войдя во дворец, Саиф-Эддин обнаружил султаншу сидящей с окровавленным телом ее мужа у

ее ног: при этом зрелище эмира охватил ужас, и спокойствие, которое продемонстрировала султанша, вместе с видом окровавленного трона, на который она предложила ему сесть рядом с ней, усилили его испуг; Чеггер-Эддур вызвала двух других эмиров, которые не могли вынести ее присутствия, но убежали, в ужасе от того, что они увидели и услышали. Эта сцена произошла ночью. На рассвете весть об этом распространилась по всему Каиру, и возмущение народа и армии было всеобщим и активным: мать Айбека щедро отомстила за смерть своего сына. Чеггер-Эддур, в свою очередь, погибла от рук рабов, и ее тело, брошенное в крепостной ров, могло бы научить всех честолюбцев, боровшихся за империю, тому, что революции тоже иногда имеют свою справедливость.

Среди смуты на трон был возведен пятнадцатилетний сын Айбека; но приближение войны вскоре вызвало новую революцию и лишило юношу его легкомысленного возвышения: в Азии назревали великие события, а в Персии назревала буря, которая вскоре должна была разразиться и над Сирией, и над Египтом.[3]

Моголы под командованием Улагона осадили Багдад в тот момент, когда город был разделен на несколько сект, более увлеченных борьбой друг с другом, чем подготовкой к отражению нападения грозного врага. Халиф, как и его народ, погряз в сладострастной изнеженности, и гордыня, порожденная тщеславным преклонением мусульман, заставляла его пренебрегать настоящими и доступными средствами защиты. Татары взяли город штурмом и предали его всем ужасам войны. Последний и тридцать седьмой из преемников Аббаса, утащенный как самый подлый пленник, расстался с жизнью посреди такого смятения и беспорядков, что история[4] не может сказать, умер ли он от отчаяния или пал от меча своих врагов.

Это насилие, совершенное над главой мусульманской религии во время похода моголов в Сирию, повергло мамлюков в величайший ужас. Затем они сочли необходимым сместить сына Айбека и избрать лидера, способного вести их среди угрожавших им опасностей, и их выбор пал на Кутуза, самого храброго и способного из эмиров.

В то время как Египет был серьезно занят приготовлениями к сопротивлению моголам, христиане, по-видимому, ожидали своего избавления от этой войны против мусульман; татарский хан пообещал царю Армении довести свои завоевания до берегов Нила; и восточные хроники сообщают, что армянские войска объединились с войсками моголов.[5] Последние, переправившись через Евфрат, овладели Алеппо, Дамаском и основными городами Сирии. Мусульмане со всех сторон бежали от татар, а ученики Христа были защищены победоносными ордами; с тех пор христиане видели в этих грозных завоевателях только освободителей. В церквях и даже на могиле Христа возносились молитвы о триумфе моголов, и от избытка радости христиане Палестины отказались от своей обычной практики просить помощи у европейских держав.

В то же время сама Европа придерживалась совершенно иного представления об этой войне; продвижение моголов вызвало величайший ужас у всех народов Запада; они не только боялись оружия моголов из-за христианских колоний Востока; они трепетали за самих себя;[6] ибо, пока орды Улагона опустошали Сирию, другие армии моголов один и тот же народ опустошал берега Днестра и Дуная. Папа Александр, обращаясь к князьям, прелатам и всем верующим, призвал их объединиться против варваров. Во Франции, Англии, Италии и Германии были созваны Соборы для обсуждения опасностей христианского мира; глава Церкви приказал возносить молитвы и устраивать процессии, карать богохульства и пресекать роскошь за столом и в

одежде — меры, которые можно было бы считать подходящими для смягчения гнева Небес, но совершенно недостаточными для того, чтобы остановить вторжение моголов.

Однако орды, опустошавшие Венгрию и Польшу, были рассеяны, и ужас снова овладел христианами Востока, надежды которых были столь оптимистичны. Улагон, отозванный в Персию гражданскими войнами, оставил своего лейтенанта Кетбогу в Сирии с указаниями продолжать свои завоевания. Христиане все еще аплодировали победам моголов, когда ссора, спровоцированная некоторыми немецкими крестоносцами, внезапно изменила положение вещей и сделала врагами тех, кого считали вспомогательными силами. Некоторые мусульманские деревни, которые платили дань татарам, были разграблены, и Кетбога послал потребовать возмещения ущерба христианам, в чем они отказались. В ходе спора, возникшего по этому поводу, был убит племянник командира моголов. С этого времени татарский вождь объявил открытую войну христианам, опустошил территорию Сидона и угрожал Птолемаиде. При виде их опустошенных равнин все надежды христиан исчезли; их надеждам и радости не было предела, теперь у них не было ни горя, ни страхов. Тревога, вызванная в них варварским народом, заставила их забыть, что большая часть их несчастий пришла из Египта, и поскольку они отказались от всякой мысли о помощи с Запада, многие из них теперь полностью доверяли оружию мамлюков.

Большая часть Палестины уже была захвачена моголами, когда султан Каира выступил им навстречу во главе своей армии; он оставался три дня в окрестностях Птолемаиды, где возобновил перемирие с христианами. Вскоре после этого на равнине Тивериады произошла битва; Кетбога погиб в разгар конфликта, и армия татар, разбитая и рассеянная, покинула Сирию.

На чью бы сторону ни склонилась победа, христианам нечего было надеяться на завоевателя; мусульмане не могли простить им того, что они обратились за поддержкой к победоносным моголам и воспользовались опустошением Сирии, чтобы оскорбить учеников Магомета. Церкви были разрушены в Дамаске; христиане подвергались преследованиям во всех мусульманских городах, и эти преследования были предвестием войны, в которой фанатизм проявил всю свою ярость. Со всех сторон раздавались жалобы и угрозы на франков Палестины; крик *овойне с христианами* разнесся по всем провинциям, находившимся во власти мамлюков; вражда была так велика, что султан Каира, только что одержавший победу над татарами, пал жертвой своей верности в соблюдении последнего перемирия, заключенного с франками. Бибарс, убивший последнего султана из рода Саладина, воспользовался этим возбуждением общественного мнения, чтобы попытаться поднять партию против Кутуза, изображая сильную ненависть к христианам и упрекая султана в преступной умеренности по отношению к врагам исламизма.

Когда брожение достигло высшей точки, Бибарс, собрав своих сообщников, застал султана врасплох во время охоты, нанес ему несколько смертельных ударов, затем, весь перепачканный кровью своего господина, поспешил к мамелюкской армии, в то время собранной в Салли; он представился атабеку или наместнику принца, объявив о смерти Кутуза. Когда его спросили, кто убил султана. “Это был я”, - ответил он. “В таком случае, - сказал атабек, - царствуй вместо него”.^[7] Станные слова, которые одним махом характеризуют дух мамлюков, а также основанное ими правительство! Армия провозгласила Бибарса султаном Египта, и церемонии, подготовленные в Каире для приема победителя татар, послужили поводом для празднования коронации его убийцы.

Эта революция дала мусульманам суверена, которого христиане боялись больше всего. Бибарс был назван *столпом мусульманской религии и отцом побед*; и ему было суждено заслужить эти титулы, завершив разгром франков. Едва он взошел на трон, как подал сигнал к войне.

Христиане Палестины, не имея средств противостоять силам мамелюков, послали депутатов на Запад за быстрой и эффективной помощью. Верховный понтифик, казалось, был тронут рассказом об опасностях Святой Земли и призвал верующих принять крест; но тон его увещаний и мотивы, которые он назвал в своих циркулярах, слишком явно свидетельствовали о его желании увидеть, как Европа поднимет оружие против других врагов, помимо мусульман. “Сарацины, - сказал он, - знают, что ни один христианский князь не сможет надолго обосноваться на Востоке”, [8] и что Святая Земля никогда не получит никакой, кроме временной помощи из дальних стран”.

Александр IV. был гораздо искреннее и гораздо красноречивее в своих манифестах против Швабского дома; интерес, который он проявлял к борьбе, которую он вел в Неаполитанском королевстве, не мог быть отвлечен развязыванием священной войны. Сменивший его Климент IV предпринял несколько демонстраций рвения, чтобы побудить европейские народы взяться за оружие против мусульман; но политика его предшественников оставила слишком много зародышей раздора и беспокойства в Италии, чтобы позволить ему уделять много внимания Востоку. С одной стороны, Германия, все еще без императора, хотя и с тремя претендентами на империю, не могла пожалеть воинов для Святой Земли. Англия стала жертвой гражданской войны, в ходе которой бароны носили белый крест как знак союза против короля, и в ходе которой священники призывали их к борьбе, указывая на небеса как на награду за их храбрость и мятеж. Этот странный крестовый поход исключал всякие мысли о ком-либо за морями. Франция была единственным королевством, молитвы христиан Палестины не были отвергнуты; некоторые французские рыцари приняли крест и избрали своим предводителем Эда, графа Неверского, сына герцога Бургундского; и это была единственная помощь, которую Европа могла позволить себе послать на Восток.

В то же самое время, когда из Святой Земли пришли печальные вести, было объявлено о событии, которое повергло бы в траур весь Запад, если бы завоевания крестоносцев тогда вызвали хоть сколько-нибудь подобный интерес, который они вызывали в прежние века. У нас часто был повод сожалеть о быстром упадке Константинопольской латинской империи; долгое время у Балдуина не было средств для поддержания императорского достоинства или выплаты жалованья своему скудному отряду солдат, кроме милостыни христианского мира и некоторых займов, полученных от Венеции, за которые он был вынужден отдать своего собственного сына в качестве заложника или, точнее, залога. В минуты острой нужды он продавал реликвии, срывал свинец с крыш церквей, а древесина общественных зданий использовалась для разжигания огня на императорских кухнях. Полуразрушенные башни, валы без укреплений, дворцы, задымленные и покинутые, домаи целые улицы заброшены - таково было зрелище, представленное королевой восточных городов.

Болдуин заключил перемирие с Михаилом Палеологом. Легкость, с которой было заключено это перемирие, должна была бы внушить латинянам некоторое подозрение; но плачевное положение франков не мешало им презирать своих врагов или мечтать о новых завоеваниях. В надежде на грабеж и забыв о вероломном характере греков, венецианский флот собрал все, что осталось от защитников Византии, для похода против Дафнузии, расположенной на устье

Черного моря. Греки из Ниццы, информированные несколькими крестьянами с берегов Босфора, без колебаний воспользовались предоставленной таким образом удачей возможностью. Эти крестьяне указали полководцу Михаила Палеолога, который собирался начать войну в Эпире, на отверстие, проделанное под крепостными валами Константинополя, недалеко от Золотых ворот, через которое могло быть введено больше войск, чем было бы необходимо для завоевания города. С Болдуином не было никого, кроме детей, стариков, женщин и торговцев; среди последних были генуэзцы, недавно вступившие в союз с греками. Когда солдаты Михаила проникли в город, они были удивлены, не обнаружив врага, с которым можно было бы бороться; в то время как они сохраняли свои ряды и продвигались с предосторожностями, отряд команчей, которым греческий император платил жалованье, пересек город с мечом и огнем в руках. Небольшая, перепуганная толпа латинян бежала к порту, в то время как греческие жители поспешили навстречу победителю, крича: “Да здравствует Михаил Палеолог, император римлян!” Болдуин, разбуженный этими криками и шумом, поднявшимся возле его дворца, поспешил покинуть город, который ему больше не принадлежал. Венецианский флот, возвращавшийся из экспедиции в Дафнузию, прибыл как раз вовремя, чтобы принять беглого императора и все, что осталось от империи франков на Босфоре. Таким образом, латиняне были лишены этого города, завоевание которого стоило им таких чудес храбрости; греки вернулись в него, не нанеся ни единого удара, чему способствовали лишь предательство нескольких крестьян и ночная тьма. Балдуин II, правивший в Византии тридцать семь лет, возобновил курс нищенства, которого придерживался в юности, и скитался от одного двора к другому, умоляя о помощи христиан. Папа Урбан принял его со смесью сострадания и презрения. В письме, адресованном Людовику IX, понтифик сожалел о потере Константинополя и горько сетовал на померкшую славу Латинской церкви. Урбан выразил желание, чтобы был предпринят крестовый поход для восстановления Византии; но он обнаружил, что умы людей очень мало расположены к такому предприятию: духовенство как Англии, так и Франции отказалось от субсидий на экспедицию, которую они признали бесполезной. Папа был вынужден довольствоваться покорностью и подарками Михаила Палеолога, который, все еще пребывая в страхе перед своим новым завоеванием, пообещал, чтобы умиротворить Святой Престол, признать Римскую церковь и оказать помощь святым местам.

Тем временем положение христиан Палестины с каждым днем становилось все более тревожным и все более достойным сострадания народов и князей Запада. Новый султан Каира, опустошив страну франков, вернулся во второй раз с более грозной армией, чем в первый. Франки, встревоженные его успехами, послали к нему просить мира; его единственным ответом было предать церковь Назарета огню; мусульмане разорили всю страну, расположенную между Наином и горой Табор, а затем расположились лагерем в пределах видимости Птолемаиды.

Самые выдающиеся из христианских воинов предприняли поход на Тиверию; но этот доблестный отряд, последний ресурс франков, только что был разбит и рассеян неверными; пятьдесят рыцарей прибыли в Палестину с герцогом Неверским; но что могло сделать такое слабое подкрепление, чтобы остановить продвижение победоносной армии.

Страна была опустошена, и жители городов держались взаперти за своими крепостными валами в постоянном опасении увидеть врага под своими стенами. Угрожая Птолемаиде, Бибарс бросился на город Кесарию; христиане после ожесточенного сопротивления оставили это место и удалились в замок, окруженный морскими водами. Эта крепость, казавшаяся

неприступной, смогла противостоять атакам мусульман всего несколько дней.^[9] Следующим объектом мусульманского лидера был город Арсуф. Жители защищались с почти беспримерной храбростью; несколько раз машины осаждающих и кучи дерева, которые они поднимали до уровня стен, были преданы огню. После сражения у подножия крепостных валов осажденные и осаждающие выкапывали землю под стенами города и искали друг друга, чтобы сразиться в шахтах и подземных ходах; ничто не могло ослабить пыл христиан или нетерпеливую активность Бибарса. Религиозный фанатизм воодушевил мужество мамлюков; имауны и знатоки закона стекались на осаду Арсуфа, чтобы присутствовать при торжестве исламизма; наконец султан водрузил знамя пророка на башнях города, и мусульман призвали на молитву в церквях, сразу же превращенных в мечети. Мамелюки вырезали большую часть жителей; остальные были приговорены к рабству. Бибарс распределил пленников между предводителями своей армии; затем он приказал разрушить город, и плененные христиане были вынуждены снести свои собственные жилища. Завоеванная территория была разделена между главными эмирами в соответствии с приказом султана, который арабские хроники сохранили как исторический памятник. Такая щедрость по отношению к победителям христиан казалась мусульманам достойной величайшей похвалы, и один из историков Бибарса в своем восторге восклицает, “Что столь благородный поступок был записан в книге Божьей, прежде чем быть вписанным в книгу жизни султана”.

Такое поощрение, оказанное эмирам, свидетельствовало о том, что Бибарс все еще нуждался в их доблести для осуществления других замыслов. Султан вернулся в Египет, чтобы начать новые приготовления и набрать свою армию. Во время своего пребывания в Каире он принимал послов от нескольких королей франков, от Альфонсо, короля Арагона, короля Армении и некоторых других князей Палестины. Все эти послы требовали мира для христиан; но их настойчивые просьбы только укрепляли султана в его намерении продолжать войну; чем серьезнее были их просьбы, тем больше у него было оснований полагать, что им больше нечего ему противопоставить. Он ответил посланцам графа Яффского: “Пришло время, когда мы больше не потерпим обид; когда у нас отберут коттедж, мы возьмем замок; когда вы схватите одного из наших работников, мы закуем в цепи тысячу ваших воинов”.

Бибарс не замедлил привести свои угрозы в исполнение; он вернулся в Палестину и совершил паломничество в Иерусалим, чтобы просить Магомета о защите своего оружия. Его армия немедленно получила сигнал к войне и razорила территорию Триполи. Если верить некоторым восточным хроникам, план Бибарса тогда состоял в том, чтобы напасть на Птолемаиду; и в столь великом предприятии он не пренебрег помощью предательства. Принц Тира, говорит Ибн-Ферат, объединившись с генуэзцами, должен был атаковать Птолемаис с многочисленным флотом со стороны моря, в то время как мамелюки атаковали его по суше. Бибарс действительно предстал перед Птолемаисом, но его новые помощники, без сомнения, раскаялись в данных ему обещаниях и не поддержали его замыслов. Султан удалился, полный ярости, и пригрозил отомстить за себя всем христианам, которых война отдаст в его власть.

Сначала он обрушил свой гнев на крепость Сефед, расположенную в нижней Галилее, в пятнадцати лигах от Птолемаиды. Эта крепость должна была защищаться от всех сил, которые султан собрал для своего великого предприятия. Когда началась осада, Бибарс не пренебрегал никакими средствами заставить гарнизон сдаться; он постоянно находился во главе своих войск, и в одном из столкновений вся его армия разразилась громким криком, предупреждая его о грозившей ему опасности. Чтобы разжечь пыл мамлюков, он приказал раздавать на поле

битвы почетные одежды и кошельки с деньгами; великий кади Дамаска прибыл на осаду, чтобы своим присутствием воодушевить сражающихся; а обещания, с которыми он обратился от имени пророка ко всем мусульманским солдатам, значительно усилили их воинственный энтузиазм.

Христиане, однако, доблестно защищались. Это сопротивление сначала изумило их врагов и вскоре привело к упадку духа; напрасно султан старался оживить своих солдат, напрасно он приказывал бить дубинками всех, кто бежал, и заковал в цепи нескольких эмиров за то, что они оставили свои посты; ни страх перед наказаниями, ни надежды на награду не могли оживить мужество мусульман. Бибарс был бы вынужден снять осаду, если бы дискорд не пришел ему на помощь. Он сам приложил немало усилий, чтобы зародить это среди христиан; в частых посланиях, отправляемых в гарнизон, вероломные обещания и хорошо направленные угрозы сеяли семена подозрительности и недоверия. Наконец подразделения прорвались вперед; одни хотели, чтобы они сдались, другие - чтобы они сражались насмерть: с этого момента мусульмане встретили менее упорное сопротивление и возобновили свои атаки с еще большим рвением; в то время как христиане обвиняли друг друга в предательских действиях или намерениях, боевые машины заставили стены пошатнуться, и мамлюки после нескольких штурмов были готовы открыть себе дорогу в город. Наконец, однажды в пятницу (мы цитируем арабскую хронику) кади Дамаска молился за сражающихся, когда было слышно, как франки кричали с вершин своих полуразрушенных башен: "О мусульмане, пощадите нас, пощадите нас!" Осажденные сложили оружие и больше не сражались — ворота были немедленно открыты, и знамя мусульман взвилось над стенами Сефеда.

Капитуляция давала христианам разрешение удаляться, куда они пожелают, при условии, что они не возьмут с собой ничего, кроме своей одежды. Бибарс, видя, как они дефилируют перед ним, искал предлог, чтобы удержать их в своей власти. Некоторые были по его приказу арестованы и обвинены в краже сокровищ и оружия; и немедленно был отдан приказ остановить всех. Их упрекали в нарушении договора и угрожали смертью, если они не примут исламизм. Они были закованы в цепи и скопились на холме, где их не ожидало ничего, кроме смерти. Комендант Храма и два кордельера призывали своих товарищей по несчастью умереть как христианские герои. У всех тех воинов, которых разделили раздоры, теперь воссоединившихся в одном общем зле, было только одно чувство и одна мысль;^[10] они плакали, обнимая друг друга, они подбадривали друг друга достойной смертью; они провели ночь, исповедуясь в своих грехах перед Богом и сожалея о своих ошибках и разногласиях. На следующий день только двое из этих пленников были освобождены; один был брат-госпитальер, которого Бибарс послал в Птолемаиду, чтобы объявить христианам о взятии Сефеда; другой был тамплиер, который оставил веру Христову и связал себя с богатствами султана; все остальные, числом шестьсот, пали от меча мамелюков. Это варварство, совершаемое во имя мусульманской религии, кажется тем более отвратительным, что франки никогда не подавали ему примера и что среди неистовства войны они, как известно, никогда не требовали обращения неверных с мечом в руках.^[11]

Невозможно описать отчаяние и ужас христиан Палестины, когда они узнали о трагическом конце защитников Сефеда. Их суеверное горе изобрело или слепо восприняло самые удивительные рассказы, которые западные хронисты не побрезговали повторить; говорилось, что небесный свет каждую ночь озарял тела христианских воинов, которые оставались непогребенными.^[12] Добавлялось, что султан, раздраженный этим чудом, которое каждый

день возобновлялось на его глазах, приказал похоронить мучеников христианской веры и возвести вокруг места их захоронения высокие стены, чтобы никто не мог быть свидетелем чудес, творимых в пользу жертв, которых он принес в жертву своей мести.

После взятия Сефеда Бибарс вернулся в Египет, и франки надеялись на несколько дней отдыха и безопасности; но неутомимый султан никогда не давал своим врагам времени порадоваться его отсутствию. Он оставался в Египте только до тех пор, пока не пополнил свою армию свежими войсками, и вскоре принес еще больше опустошения в государства христиан. В этой кампании Армения была точкой, на которую были направлены его гнев и мощь его оружия; он упрекал армянского монарха в том, что тот запретил египетским купцам въезжать в его владения, и не мог простить ему того, что он препятствовал своим собственным подданным получать товары из Египта. Эти разногласия были быстро улажены на поле битвы; один из сыновей царя Армении лишился свободы, а другой - жизни: армия Бибарса вернулась, нагруженная добычей, и за ней последовало неисчислимое множество пленников.

Поскольку после каждой из своих побед султан появлялся перед Птолемаисом, столицей христианских государств, он не преминул по возвращении из этого последнего похода продемонстрировать перед стенами этого города награбленное народом Армении вместе со своими собственными военными машинами; но еще не наступил момент, когда можно было предпринять такое великое предприятие, как взятие Птолемаиса. Напугав жителей своим появлением, он внезапно уехал, чтобы застать врасплох Яффу. Этот город, укрепления которого стоили Людовику IX. значительная сумма,^[13] после очень небольшого сопротивления попала в руки Бибарса, который сравнял все стены с землей. Во время этой экскурсии султан Каира овладел замком Карак и несколькими другими фортами, а затем двинулся маршем в сторону Триполи. Боэмунд послал спросить у него, какова цель его прихода: "Я пришел, - ответил он, - собрать ваш урожай; в моем следующем походе я возьму в осаду вашу столицу". Тем не менее, он заключил перемирие с Триполи в разгар этих военных действий, предвидя, что мирный договор послужит завесой для проекта новой войны и что он вскоре найдет возможность нарушить перемирие с выгодой для себя.

Автор "Жизни Бибарса", который был послан к Боэмунду, графу Триполийскому и принцу Антиохийскому, говорит, что султан находился в свите посла в качестве герольда при оружии. Его проект состоял в том, чтобы изучить укрепления и средства обороны города Триполи. При составлении договора мусульманские депутаты присвоили Боэмунду титул графа, в то время как он претендовал на титул принца; дискуссия стала жаркой, и посланцы Бибарса, естественно, обратили свои взоры на своего господина, который сделал им знак уступить.^[14] По возвращении в свою армию султан от души посмеялся вместе со своими эмирами над этим приключением, сказав: "Пришло время, когда Бог проклянет принца и графа".

Этим Бибарс намекал на свой проект завоевания и разорения Антиохийского княжества. Египетская армия получила приказ выступить к берегам Оронта; и не прошло и нескольких дней, как та же самая армия расположилась лагерем под стенами Антиохии, плохо защищенной ее патриархом и покинутой большинством ее жителей. Историки очень мало говорят об этой осаде, во время которой христиане оказывали лишь слабое сопротивление и появлялись чаще как просители, чем как воины: их покорность, их слезы, их молитвы, однако, не произвели никакого впечатления на завоевателя, единственной политикой которого было разрушение христианских городов.

Поскольку мусульмане вошли в Антиохию без капитуляции, они предались всем проявлениям распущенности и победоносности. В письме, которое Бибарс адресовал графу Триполийскому, варвар-завоеватель находит удовольствие в описании опустошения покоренного города и всего зла, которому его ярость подвергла христиан.[15] “Смерть, - говорит он, - пришла к осажденным со всех сторон и по всем дорогам: мы убили всех, кого ты назначил охранять город или защищать подступы к нему. Если бы ты видел, как твои рыцари были растоптаны копытами лошадей, твои провинции отданы на разграбление, твои богатства распределены по полной программе, жены твоих подданных выставлены на публичную продажу; если бы ты видел, как опрокинуты кафедры и кресты, как вырваны и брошены по ветру страницы Евангелия и осквернены гробницы твоих патриархов; если бы ты видел, как твои враги, мусульмане, топчут дарохранительницу и приносят в жертву в святилище монахов, священников и диаконов; короче говоря, если бы ты если бы ты увидел свои дворцы, преданные огню, мертвых, пожираемых огнем этого мира, церкви Святого Павла и святого Петра, полностью разрушенные, несомненно, ты бы воскликнул: *”Хотел бы я, чтобы Небеса обратили меня в прах!”*”

Бибарс распределил добычу между своими солдатами, мамелюки оставили себе в качестве своей доли женщин, девушек и детей. В то время, говорится в арабской хронике, *“не было раба рабыни, который не был бы хозяином раба”*. Маленький мальчик стоил двенадцать дирхемов, маленькая девочка - пять дирхемов. В один день город Антиохия лишился всех своих жителей, и пожар, разожженный по приказу Бибарса, довершил дело варваров. Большинство историков сходятся во мнении, что семнадцать тысяч христиан были убиты, а сто тысяч уведены в рабство.

Когда мы вспоминаем первую осаду этого города крестоносцами, а также труды и подвиги Боэмунда, Годфри и Танкреда, основавших Антиохийское княжество, мы с грустью наблюдаем конец всего того, что было создано славой победителей. Когда, с другой стороны, мы видим многочисленное население, окруженное крепостными валами, осуществляющее лишь слабую оборону против врага и позволяющее убивать себя без сопротивления, мы не можем не спросить, что могло случиться с потомством стольких храбрых воинов, которые защищали Антиохию в течение почти двух столетий от всех мусульманских сил.

Христиане жаловались на патриарха Вильгельма, которого они обвиняли по меньшей мере в том, что он своим слабым малодушием способствовал вторжению и завоеванию мусульман. Не высказывая своего мнения по поводу обвинения, мы довольствуемся тем, что скажем, что робкий прелат недолго наслаждался плодами своего низкого поведения; ибо мамелюки, после того как позволили ему удалиться в Коссейр со всеми его сокровищами, силой вытащили его из его убежища; и неверный пастор, лишенный своего богатства и ввергнутый в позор, в конце концов подвергся гораздо более жестокой смерти, чем он мог ожидать среди своей паствы и на крепостных стенах христианского города.

После взятия Антиохии христианам не осталось ничего, что могло бы остановить продвижение мусульман, кроме городов Триполи и Птолемаиды. Бибарсу не терпелось атаковать эти последние оплоты франков; но он не осмеливался положиться на свою удачу и нанести последний смертельный удар той силе, перед которой еще так недавно трепетали мусульманские народы. Султан Каира не мог забыть, что опасности, исходящие от христиан, часто будоражили весь Запад, и одной этой мысли было достаточно, чтобы удерживать его в бездействии и страхе. Таким образом, печальные остатки христианских колоний Востока все

еще были защищены воинственной репутацией европейских народов и памятью о чудесах первых крестовых походов.

Слава не преминула разнести весть о стольких катастрофах по морям. Архиепископ Тирский, великие магистры Храма и Госпиталя отправились на Запад, чтобы повторить стенания христианских городов Сирии; но по их прибытии Европа, казалось, была мало расположена прислушиваться к их жалобам. Напрасно проповедовался крестовый поход в Германии, Польше и более отдаленных странах Севера; жители северной Европы не проявляли ничего, кроме безразличия к событиям, происходившим на таком расстоянии от них. Король Богемии, маркиз Бранденбургский и некоторые другие лорды, принявшие крест, казалось, не спешили выполнять свою клятву. Ни одна армия не выступила в поход; все свелось к проповедям и тщетным приготовлениям.

Несчастья Святой Земли вызывали глубокое сожаление в королевстве Франция; в *сирвенте*,^[16] сочиненном на эту тему, современный трубадур, по—видимому, упрекает Провидение в поражениях христиан Палестины, и в своем поэтическом бреду предается нечестивому отчаянию: “ Печаль и огорчение, — воскликнул он, - овладели моей душой до такой степени, что мало что может привести меня к немедленной смерти; ибо крест опозорен - тот крест, который мы приняли в честь того, кто умер на кресте. Ни крест, ни вера больше не защищают нас и не направляют против жестоких турок, которых проклинает Бог! Но, насколько может судить человек, Божья воля состоит в том, чтобы поддержать их для нашего уничтожения. И никогда не верьте, что враг остановится в своей карьере после такого успеха; напротив, он поклялся и публично объявил, что ни один человек, верующий в Иисуса Христа, не останется в живых в Сирии; что даже храм святой Марии будет превращен в мечеть. Поскольку сын Марии, которого это оскорбление должно было бы огорчить, желает, чтобы так и было, *поскольку это доставляет ему удовольствие, следует ли из этого, что это должно нравиться и нам?*

“Тогда безумен тот, кто ищет ссоры с сарацинами, когда Иисус Христос ни в чем не противостоит им, поскольку они одержали победы и одерживают их до сих пор (что меня огорчает) над франками, армянами и персами. Каждый день мы побеждены; ибо он спит, — этот Бог, который привык быть таким бдительным:^[17] Магомет действует изо всех сил, и свирепые бибары поддерживают его”.

Мы не можем поверить, что эти чрезвычайно замечательные слова выражали чувства верующих; но в то время, когда поэты осмеливались говорить в такой манере, мы вполне можем предположить, что умы людей не были благосклонны к крестовому походу. Трубадур, которого мы цитировали, не советует начинать какую-либо войну против сарацин и яростно проклинает папу римского, который продал *Бога и индульгенции*, чтобы вооружить французов против швабского дома. Фактически, разногласия, вызванные спорным наследованием Неаполитанского королевства и Сицилии, тогда занимали все внимание Святого Престола, и Франция не была вполне свободна от партийного духа по этому поводу.

Не удовлетворившись отлучением от церкви и церковными громами против Фридриха и его семьи, суверенные понтифики пожелали добавить силу оружия к власти, данной им Церковью, и право завоевания того, чем, как они думали, они обладали в королевстве, столь близком к их собственной столице. Поскольку у них не было военного опыта, а их лейтенантам в равной

степени не хватало способностей и мужества, их армии потерпели поражение. Римский двор, побежденный таким образом на поле битвы, был вынужден признать преимущество победы и в этой мирской борьбе утратил часть той духовной силы, которая одна делала его грозным.

За исключением Мейнфруа, побочного сына Фридриха, и Конрадина, его внука, швабская семья вымерла. Мейнфруа, обладавший способностями и мужеством своего отца, недавно поднял дело Германии в Италии и бросил вызов как оружию, так и власти понтификов. Римский двор, обнаружив, что он не может удержать Сицилийское королевство за собой, предложил его любому, кто возьмется за его завоевание. Корона, на которую претендовал Мейнфруа, была сначала предложена Ричарду Корнуольскому, а после его благоразумного отказа - Эдмунду, младшему сыну короля Англии; но английский парламент не предоставил субсидий, необходимых для столь грандиозного предприятия. Затем он был предложен Людовику IX. за своего брата, графа Анжуйского; и хотя щепетильность благочестивого монарха на мгновение помешала планам папы Урбана, Климент IV, вступив на престол, прибегнул к новым доводам, и Людовик в конце концов уступил мольбам Карла; в то же время он лелеял тайную надежду, что завоевание Сицилии когда-нибудь сыграет важную роль в защите Святой Земли.

Карл, после коронации папой римским в церкви святого Иоанна Латеранского, вступил в Неаполитанское королевство во главе значительных сил, чему предшествовали гневные заявления римского двора. Солдаты Карла носили крест и сражались во имя Церкви; священники увещевали сражающихся и обещали им покровительство Небес. Мейнфруа пал жертвой в этой, ошибочно названной, священной войне и потерял и свою жизнь, и корону в битве при Козенце.

Папа, избавленный от забот этого политического крестового похода, обратил свое внимание на святого за морями; его легаты просили различных князей, одних принять крест, других выполнить свои обеты. Климент не преминул надавить на Михаила Палеолога, чтобы тот доказал искренность своих обещаний. Карл, который был признанным вассалом папы и был обязан ему своим королевством, получил много посланий, в которых рассказывалось об опасностях Святой Земли и напоминалось ему о том, чем он обязан Иисусу Христу, который был возмущен победами мусульман. Новый король Сицилии удовлетворился тем, что отправил посольство к султану Каира и предоставил несчастных жителей Палестины на милость Бибарса. Султан ответил Карлу, что он не отвергает его ходатайств; но христиане уничтожают самих себя своими собственными руками; что ни у кого из них нет власти принуждать к соблюдению договоров, *и что самые презренные из них постоянно разрушают то, что сделали величайшие*. Бибарс, в свою очередь, отправил послов к Карлу, не столько с целью продолжения каких-либо переговоров, сколько для получения информации о состоянии и взглядах христианского мира.^[18]

Молодой Конрадин, который готовился оспорить корону Сицилии у Карла Анжуйского, чтобы использовать все средства для поддержки своих притязаний, отправил депутатов к султану Каира в качестве короля Иерусалима, умоляя его защитить свои права от соперника. Бибарс в своем ответе сделал вид, что пытается утешить Конрадина, но, несомненно, с радостью воспринял эти доказательства разногласий, существовавших среди европейских князей.

В том состоянии, в котором тогда находилась Европа, только один монарх проявлял серьезный интерес к судьбе христианских колоний Азии. Воспоминание о земле, в которой он так долго жил, и надежда отомстить за честь французского оружия в Египте,^[19] еще раз направили

мысли Людовика IX. к новому крестовому походу. Однако он скрыл свою цель, и этот великий проект, говорит один из его историков,^[20] был сформирован, так сказать, между Богом и им самим. Людовик посоветовался с папой, который не решался ответить ему, размышляя об опасностях, которые его отсутствие могло навлечь на Францию и даже на Европу. Первое письмо Климента^[21] целью было отвлечь французского монарха от столь опасного предприятия; но, после повторных консультаций, суверенный понтифик не проявил ни малейших угрызений совести и заявил, что его долгом является поощрять Людовика в его замысле, поскольку, по его словам, он был убежден, что этот замысел исходит от Бога.

Цель, однако, этих переговоров по-прежнему оставалась покрытой глубокой тайной. Людовик, без сомнения, боялся преждевременно объявить о своих замыслах, чтобы размышления не ослабили энтузиазм, в котором он, должно быть, так нуждался, или чтобы при его дворе и в его королевстве не сформировалось мощное противодействие началу крестового похода; он думал, что, объявив о своем проекте неожиданно, в тот момент, когда он созрел для исполнения, он сильнее повлияет на умы людей и легче побудит их последовать его примеру. Ближе к середине Великого поста в Париже было торжественно созвано собрание баронов, дворян и прелатов королевства. Верный Жуанвиль не был забыт на этом собрании; сенешаль предвидел, как он говорит в своих Воспоминаниях, что Людовик вот-вот примет крест, и причиной его этого предчувствия было то, что во сне он видел короля Франции облаченным в ризу ярко-красного цвета из реймской саржи, что означало крест. Его податель милостыни, объясняя ему этот сон, добавил, что облачение Реймса сержа означает, что крестовый поход будет всего лишь пустяковым подвигом.

Двадцать третьего марта, когда великий парламент королевства собирался в зале Лувра, король вошел, неся в руке терновый венец Христа. При виде этого всему собранию стало известно о намерениях монарха. Людовик в речи, произнесенной с большим воодушевлением, описал несчастья Святой Земли и провозгласил, что он полон решимости отправиться на помощь ей; затем он призвал всех, кто его слушал, принять крест. Когда он замолчал, печальное, но глубокое молчание выразило одновременно удивление и скорбь баронов и прелатов, а также уважение, которое все питали к воле святого монарха.

Кардинал де Сент-Сесилия, папский легат, выступил вслед за ним и в патетическом обращении призвал французских воинов взяться за оружие. Людовик получил крест из рук кардинала, и его примеру последовали трое его сыновей. Среди этих принцев собрание было тронато лицезрением Иоанна, графа Неверского, который родился в Дамьетте во время бедствий предыдущего крестового похода. В то же время легат принял присягу Иоанна, графа Бретани, Альфонсо де Бриенна, графа Эу, Маргариты, древней графини Фландрии, и множества прелатов, дворян и рыцарей.

Решимость Людовика Святого, о которой ходили печальные предчувствия, вызвала глубокое сожаление во всем его королевстве; его народ не мог без скорби наблюдать за уходом принца, одно присутствие которого сохраняло мир и поддерживало порядок и справедливость повсюду. Здоровье короля было очень ослаблено, и были большие основания опасаться, что он не сможет выдержать опасностей и тягот крестового похода; он взял с собой своих сыновей; это обстоятельство сильно усилило общественное горе. Бедствия первого крестового похода были еще свежи в памяти его подданных, и хотя они думали о пленении всей королевской семьи, они

опасались еще больших несчастий в будущем. Жуанвиль не боится сказать, “что те, кто посоветовал королю предпринять это путешествие за моря, смертельно согрешили”.

Несмотря на всеобщее сожаление, в адрес короля не было ни жалоб, ни ропота; дух покорности, который был одной из добродетелей монарха, по-видимому, проникал в умы всех его подданных, и, выражаясь словами папской буллы, “французский народ видел в преданности своего короля не что иное, как благородную и болезненную жертву делу христиан, тому делу, ради которого Бог не пощадил своего единственного Сына”.

Чем сильнее была привязанность к королю, тем сильнее была общая скорбь; но рвение разделить с ним опасности с лихвой соответствовало им.^[22] Только Людовик думал о том, чтобы освободить гробницу Христа и христианские колонии; воинственная знать королевства думала только о том, чтобы последовать за своим королем в экспедиции, которая и так считалась неудачной.

Среди тех, кто принял крест после собрания в Лувре, история называет Тибо, короля Наваррского; Генриха, графа Шампанского, и его брата, графа д'Артуа, сына Роберта, убитого при Мансуре; графов Фландрии, де ла Марша, Сен-Поля и Суассона; сеньоров де Монморанси, де Немура, де Пьенна и др. Сьера де Жуанвиля горячо уговаривали принять крест, но он сопротивлялся всем уговорам, которые к нему могли обратиться, ссылаясь на огромные увечья, полученные его вассалами во время последней экспедиции. Добрый сенешаль также не забыл предсказаний своего подателя милостыни; он искренне желал сопровождать короля, которого искренне любил; но он еще не оправился от ужасов, пережитых им в Египте, и никакие земные мотивы не могли заставить его вновь посетить страну сарацин.

Решимость короля Франции произвела оживленную сенсацию по всей Европе и возродила в умах людей то немного, что осталось от бывшего энтузиазма по поводу крестовых походов. Поскольку он был руководителем предприятия, большинство воинов стремились сражаться под его непосредственными знаменами; доверие, питаемое к его мудрости и добродетелям, в некотором роде укрепляло умы, которые боялись дальних походов, и возвращало надежды христианским народам, о которых они, казалось, забыли. Даже воспоминание о неудачах первого путешествия вселяло уверенность в будущем и вселяло во многих веру в то, что триумф христианских армий в конце концов станет наградой за прошлые труды и бедствия и плодом спасительного опыта.

Климент IV. написал царю Армении, чтобы утешить его в том зле, которое он претерпел во время нашествия мамлюков, и сообщить ему, что христиане Востока вот-вот получают мощную помощь. Абага, татарский хан, который в то время вел войну против турок Малой Азии, отправил послов ко двору Рима и нескольким князьям Запада с предложением напасть на мамлюков совместно с франками и изгнать их из Сирии и Египта. Папа принял могольских послов с большой торжественностью; он сообщил им, что армия, возглавляемая могущественным монархом, собирается отправиться на Восток, что настал роковой для мусульман час и что Бог благословит его народ и всех союзников его народа.

Людовик, постоянно занятый своей экспедицией, назначил срок своего отъезда на 1270 год; так что должно было пройти три долгих года, прежде чем на Восток могла прибыть помощь, обещанная верховным понтификом. От Генуэзской и венецианской республик потребовались суда для перевозки крестоносцев: венецианцы сначала отказались; но, узнав, что генуэзцам были поданы заявки, они отправили послов с предложением предоставить флот. После длительных переговоров, в ходе которых Венеция проявила больше зависти к генуэзцам, чем рвения к крестовому походу, она снова отказалась согласиться на отправку христианской армии, опасаясь не столько гнева Людовика IX, сколько гнева султана Каира, в чьей власти было разрушить ее торговые предприятия на Востоке. Наконец генуэзцы взялись снабдить экспедицию судами.

Но самой большой трудностью было найти деньги, необходимые для подготовки к войне. До этого периода десятки доли, взимаемые с духовенства, покрывали расходы на крестовые походы; [23] и в целом преобладало мнение, что священная война должна оплачиваться людьми, преданными Церкви и алтарям Иисуса Христа. Урбан IV, предшественник Климента, уже распорядился по всему Западу взимать налог в размере сотой доли с доходов духовенства; и в связи с тем, что можно было бы считать торговлей святынями, римский двор разрешил раздачу индульгенций, право на которые предоставлялось пропорционально тому, что давалось сверх требуемой дани. Французское духовенство обратилось к папе с несколькими петициями по этому поводу, но эти петиции всегда оставались незамеченными.

Когда стало известно о позднем решении Людовика IX, Святой Престол прибегнул к обычным средствам и, не обращая ни малейшего внимания на жалобы, которые были небезосновательны, был издан приказ о повторном взимании десятой части налога в течение трех лет. После этого духовенство удвоило свое сопротивление и было гораздо более ревностно настроено на защиту своих собственных доходов, чем на защиту Святой Земли. Они пожаловались королю и послали депутатов в Рим, чтобы показать глубину страданий, в которые была ввергнута Церковь Франции из-за бремени, возложенного на нее; [24] эти депутаты представили верховному понтифику, что поборы последних времен становились с каждым днем все более невыносимыми, и что имущества духовенства больше не хватало для поддержания алтарей и прокорма верующих. бедный Иисус Христос. Они добавили, что несправедливость и насилие ранее отделяли Греческую Церковь от Римской, давая понять его святейшеству, что новые строгости не преминут привести к новым расколам. Далее они сказали, что если большинство крестовых походов, особенно экспедиция Людовика IX в Египет, были неудачными, то это, без сомнения, произошло из-за того, что святилища были разграблены, а церкви разрушены ради них; в качестве последней причины они предсказывали в будущем гораздо большие бедствия, чем те, которые были пережиты.

Такое обращение неизбежно вызвало гнев суверенного понтифика. Климент в своем ответе горячо упрекнул депутатов и тех, кто их послал, в их безразличии к делу всех христиан и в их скупости, которая заставила их отказаться от своего избыточного богатства ради ведения войны, в которой так много принцев и прославленных воинов рисковали своими жизнями. Он указал на отлучение, готовое обрушиться на их головы, и, что, должно быть, напугало их гораздо больше, пригрозил лишить их имущества и льгот. Такова была тогда власть Рима, что ничем нельзя было обладать без его удовольствия: духовенство было обязано подчиняться и платить десятую часть в течение четырех лет. Папа далее уполномочил короля распоряжаться всеми суммами, завещанными по завещанию на помощь Святой Земле; он также оставил ему деньги,

которые могли быть взяты у тех, кто, приняв крест, желал искупить свои обеты; последнее средство, должно быть, принесло значительную сумму, поскольку духовенство раздавало крест всем и никому не отказывало в разрешении.

Людовик IX не пренебрегал ни одним из ресурсов, которые давало ему в руки его положение короля Франции; в тот период не было известно ни о каком регулярном самозванстве, и для поддержания великолепия своих тронов королям не на что было рассчитывать, кроме доходов своих владений.^[25] Чтобы покрыть все расходы, которые он был вынужден понести по этому случаю, король прибегнул к самозванству, называемому подушным налогом, который сюзерены, согласно феодальным обычаям, требовали от каждого из своих вассалов в любых чрезвычайных обстоятельствах. Обычай разрешал ему взимать этот взнос в счет крестового похода, но он также имел право провести церемонию, в то время очень важную, на которой его старший сын Филипп должен был быть посвящен в рыцари. Таким образом, самозванец требовался во имя рыцарства и во имя религии; он был выплачен безропотно, потому что Людовик доверил его сбор людям признанной честности.

Когда Филипп получил рыцарский меч, французы, и особенно парижане, выразили свою любовь к Людовику IX и его семье публичными ликованиями; вся знать поспешила из провинций, чтобы присутствовать на празднествах и зрелищах, которые устраивались в столице по этому случаю. Среди турниров, упражнений на тилт-ярде и спортивных состязаний, в которых демонстрировались мастерство и отвага *пре и паладинов*, крестовый поход не был забыт. Папский легат произнес на острове Святого Людовика речь о несчастьях Святой Земли; весь народ, казалось, был глубоко тронут увещеваниями прелата; толпа рыцарей и воинов всех сословий приняла крест; таким образом, Людовик IX. нашел в этом обстоятельстве возможность собрать деньги на содержание своей армии и набрать рекрутов для священной войны.

В то время как вся Франция была занята подготовкой к экспедиции за моря, крестовый поход проповедовался в других странах Европы. В Нортгемптоне, в Англии, состоялся собор, на котором Оттобон, папский легат, призвал верующих вооружиться, чтобы спасти то небольшое, что осталось от Иерусалимского королевства; и принц Эдуард принял крест, чтобы исполнить обет, данный его отцом Генрихом III. был сделан, когда до Европы дошла весть о пленении Людовика IX. в Египте. По примеру Эдуарда, его брат принц Эдмунд вместе с графами Пембруком и Уориком, а также многими рыцарями и баронами согласились поднять оружие против неверных. Такое же рвение к освобождению святых мест было проявлено в Шотландии, где Джон Балиол и несколько дворян записались под знамена креста.

Каталония и Кастилия предоставили большое количество крестоносцев: король Португалии и Иаков, король Арагона, приняли крест. Донья Санча, одна из дочерей арагонского принца, совершила паломничество в Иерусалим и умерла в больнице Святого Иоанна, посвятив много лет служению паломникам и больным. Яков несколько раз завоевывал мавров; но ни его подвиги против неверных, ни память о дочери, принявшей мученическую смерть за христианское милосердие, не могли поддержать его благочестие перед приступами земных страстей, а его постыдная связь с Беренгарией шокировала христианский мир.

Папа римский, которому он сообщил о своем намерении отправиться в Святую Землю, ответил, что Иисус Христос не мог принять услуги князя, *который каждый день распинал его за его грехи*. Король Арагона, благодаря странному сочетанию противоположных чувств, не отказался ни от Беренгарии, ни от своего проекта отправиться воевать против неверных на Восток. Он

возобновил свою клятву на большом собрании в Толедо, на котором присутствовали послы татарского хана и короля Армении. Мы читаем в испанской диссертации[26] о крестовых походах, что Альфонсо Мудрый, который не смог сам отправиться на Восток, снабдил короля Арагона сотней человек и ста тысячами марведи золотом; орден Святого Иакова и другие рыцарские ордена, которые часто сопровождали победителя мавров в его битвах, были награждены орденом Святого Иакова. снабжал его также людьми и деньгами. Город Барселона предложил ему восемьдесят тысяч барчеллонских солей, а Майорка - пятьдесят тысяч серебряных солей за два снаряженных судна. Флот, состоявший из тридцати больших кораблей и множества судов поменьше, на которые были погружены восемьсот латников и две тысячи пехотинцев, выступил из Барселоны 4 сентября 1268 года. Когда они прибыли с Майорки, флот был рассеян бурей; одна часть судов достигла берегов Азии, другая укрылась в портах Сардинии; судно, на борту которого находился король Арагона, было выброшено на берег Лангедока.

Прибытие в Птолемаис арагонских крестоносцев под командованием внебрачного сына Иакова вернуло некоторые надежды палестинским франкам. Согласно восточным хроникам, посланник короля Арагона отправился к татарскому хану, чтобы сообщить ему, что испанский монарх скоро прибудет со своей армией. Но то ли его задержали чары Беренгариин, то ли буря, разметававшая его флот, заставила его поверить, что Небеса были против его паломничества, Джеймс не прибыл. Его отъезд, в ходе которого он, по-видимому, пренебрег советами Святого Престола, подвергся суровому порицанию; и его возвращение, которое было приписано его постыдной страсти, было встречено с равной долей порицания. Точно так же поднялся ропот против короля Португалии, который взимал десятые налоги, но не покидал своего королевства.

Все те, кто в Европе проявлял интерес к крестовому походу, в это время обратили свои взоры на Неаполитанское королевство, где Карл Анжуйский усиленно готовился сопровождать своего брата на Восток; но это королевство, недавно завоеванное, было снова обречено стать театром войны, разжигаемой жадой мести и честолюбием. В государствах Неаполе и Сицилии, которые так часто меняли хозяев, произошло то, что почти всегда происходит после революции: обманутые надежды сменились ненавистью: эксцессы, неотделимые от завоеваний, присутствие армии, гордящейся своими победами, при слишком жестоком правлении Карла воодушевили народ против своего нового короля. Климент IV. счел своим долгом дать своевременное и спасительное предупреждение: "Ваше королевство, " писал он ему, - сначала истощенное агентами вашей власти, теперь разорено вашими врагами; так гусеница уничтожает то, что ускользнуло от кузнечика. Сицилийское и Неаполитанское королевства не испытывали недостатка в людях, способных опустошить их; где теперь те, кто будет защищать их?" Это письмо папы возвещало о готовящихся бурях. Многие из тех, кто призвал Карла на трон, сожалели о швабском доме и возлагали свои новые надежды на Конрадина, наследника Фридриха и Конрада. Этот молодой принц покинул Германию с армией и двинулся в Италию, укрепляя себя в своем походе партией гибеллинов и всеми теми, кого раздражало господство Карла. Вся Италия была объята пламенем, и папа, покровитель Карла, удалился в Витербо, не имея никакой защиты, кроме грома Церкви.

Однако Карл Анжуйский собрал свои войска и выступил навстречу своему сопернику. Две армии встретились на равнине Святого Валентина, близ Аквилы; армия Конрадина была разбита вдребезги, и молодой принц попал во власть завоевателя. Потомство не может простить Карлу того, что он злоупотребил своей победой настолько, что осудил и обезглавил

своего обезоруженного и поверженного врага.^[27] После этой казни Сицилия и Неаполь были отданы на растерзание всем фуриям ревнивой, подозрительной тирании; ибо насилие порождает насилие, а великие политические преступления никогда не совершаются в одиночку. Так Карл готовился к крестовому походу; но, с другой стороны, Провидение готовило ему ужасные катастрофы: “Так верно, “ говорит историк, - что Бог так же часто дает королевства для наказания тех, кого он возвышает, как и для наказания тех, кого он низводит”.

В то время как в Италии происходили эти кровавые сцены, Людовик IX. одновременно следил за установлением общественного спокойствия и своей любимой целью - крестовым походом. Святой монарх не забывал, что самый верный способ смягчить зло войны, равно как и его отсутствие, - это издать хорошие законы; поэтому он издал несколько указов, и каждый из этих указов был памятником его справедливости. Самой знаменитой из всех является Прагматическая Санкция, которую Боссюэ назвал самой твердой поддержкой галликанских свобод. Он также посвятил себя возведению того памятника законодательства, который иллюстрировал его правление и который стал светом для последующих веков.

Граф Пуатье, который должен был сопровождать своего брата, тем временем был занят умиротворением своих провинций и установил множество правил для поддержания общественного порядка. Он, прежде всего, стремился отменить рабство, руководствуясь максимой, “Что люди рождаются свободными, и всегда разумно возвращать вещи к их истокам”. Этот добрый государь пользовался благословением своего народа, а любовь его вассалов обеспечивала долговечность принятых им законов.

Мы уже говорили, что принц Эдуард, сын Генриха III, дал клятву сражаться с неверными. Недавно он проявил блестящую доблесть в гражданской войне, которая так долго опустошала Англию; и освобождение его отца и умиротворение королевства были наградой за его подвиги. Именно его уважение к характеру Людовика IX, а не дух преданности, побудило его отправиться на Восток. Король Франции, который сам убеждал его принять крест, одолжил ему семьдесят тысяч турнских ливров на приготовления к путешествию. Эдуард должен был следовать за Людовиком как его вассал и вести под его знаменами английских крестоносцев, объединившихся с гиенскими. Гастон де Беарн, которому французский монарх одолжил сумму в двадцать пять тысяч ливров, приготовился последовать за принцем Эдуардом в Святую Землю.

Приближался срок, назначенный для отправления экспедиции. По приказу легата кюре в каждом приходе записали имена крестоносцев, чтобы обязать их публично носить крест, и всех предупредили, чтобы они были готовы отправиться в путь в мае месяце 1270 года. Людовик доверил управление своим королевством на время своего отсутствия Матфею, аббату Сен-Дени, и Симону, сьеру де Неслю; он написал всем дворянам, которые должны были последовать за ним в Святую Землю, чтобы рекомендовать им собрать своих рыцарей и латников. Поскольку религиозный энтузиазм был недостаточно силен, чтобы заставить людей забыть о своих мирских интересах, многие дворяне, принявшие крест, сильно опасались быть разоренными священной войной, и большинство из них не решались отправиться в путь. Людовик обязался оплатить все расходы по их путешествию и содержать их за свой счет во время войны, чего не было сделано во время крестовых походов Людовика VII. или Филипп Август, в котором пыл крестоносцев не позволял им задумываться о своей судьбе или проявлять такую дальновидность. У нас до сих пор сохранился ценный памятник той эпохи - хартия, в которой

король Франции оговаривает, сколько он должен выплатить большому количеству баронов и рыцарей в течение того времени, пока будет продолжаться война за морями.

В начале марта Людовик отправился в церковь Сен-Дени, где получил символы паломничества и отдал свое королевство под защиту апостолов Франции.^[28] На следующий день после этой торжественной церемонии в церкви Нотр-Дам в Париже была отслужена месса в честь крестового похода. Монарх появился там в сопровождении своих детей и главных придворных; он вышел из дворца босиком, неся свою сумку и посох. В тот же день он отправился спать в Венсен и в последний раз увидел место, на котором он имел столько счастья вершить правосудие над своим народом. И именно здесь он простился с королевой Маргаритой, с которой никогда прежде не расставался, — разлука, ставшая еще более болезненной из-за печальных размышлений о прошлых событиях и печальных предчувствий на будущее.

И народ, и двор были охвачены глубочайшим сожалением, и то, что усиливало общественное беспокойство, заключалось в том обстоятельстве, что никто не знал о точке, к которой должна была быть направлена экспедиция: побережье Африки было лишь смутно обозначено. Король Сицилии принял крест, не имея ни малейшего желания отплывать в Азию; и когда этот вопрос обсуждался на совете, он высказал мнение, что объектом первого нападения должен стать Тунис. Тунисское королевство наводняло моря пиратами, которые наводняли все пути в Палестину; кроме того, оно было союзником Египта и могло, в случае покорения, стать самым удобным путем в эту страну. Таковы были выдвинутые мнимые причины; истинные заключались в том, что для короля Сицилии было важно, чтобы побережье Африки было подчинено европейцам, и что он не хотел уходить слишком далеко от Италии. Истинная причина, по которой святой Людовик, без сомнения, определял его, заключалась в том, что он верил в возможность обратить короля Туниса и таким образом привести огромное королевство под христианские знамена. Мусульманский принц, послы которого несколько раз бывали во Франции, сам породил эту идею, сказав, что он не просил ничего лучшего, чем принять религию Иисуса Христа:^[29] таким образом, то, что, по его словам, должно было предотвратить вторжение, было именно причиной войны, направленной против его территорий. Людовик IX часто повторял, что согласился бы провести всю свою жизнь в темнице, не видя солнца, если бы такой жертвой можно было добиться обращения короля Туниса и его народа; выражение горячего прозелитизма, которое с большой горечью осуждалось, но которое лишь демонстрировало крайнее желание видеть Африку избавленной от варварства и идущей вместе с Европой по пути развития разума и цивилизации, которые являются великими благословениями христианства.

Когда Людовик пересекал свое королевство по пути в Эг-Морт, где должна была высадиться армия крестоносцев, его повсюду приветствовали благословения его народа и радовали их горячие молитвы об успехе его оружия; духовенство и верующие, собравшиеся в церквях, молились за короля, его детей и всех, кто последует за ним. Они молились также за иностранных принцев и вельмож, принявших крест, и обещали отправиться на Восток, как будто таким образом хотели заставить их ускорить свой отъезд.

Однако очень немногие откликнулись на этот религиозный призыв. Король Кастилии, принявший крест, претендовал на императорскую корону и не мог забыть смерть своего брата Фредерика, принесенного в жертву Карлом Анжуйским. Дело было не только в том, что дела

империи задерживали немецких принцев и знать; смерть молодого Конрадина настолько потрясла умы людей в Германии, что никто из этой страны не согласился бы сражаться под одними знаменами с королем Сицилии. Столь черное преступление, совершенное в разгар подготовки к священной войне, казалось, предвещало великие бедствия. В разгар своего горя или негодования люди могли опасаться, что Небеса разгневаются на христиан и что их проклятие падет на оружие крестоносцев.

Когда Людовик прибыл в Эг-Морт, он не нашел ни генуэзского флота, ни знатных особ, которые должны были отправиться с ним на борт; послы Палеолога были единственными людьми, которые не заставили себя ждать; ибо в Константинополе испытывали большой страх перед крестовым походом, и этот страх был более сильным, чем энтузиазм крестоносцев. Людовик мог бы спросить греческого императора, почему, пообещав прислать солдат, он отправил только послов; но Людовик, придававший большое значение обращению греков, удовлетворился устранением опасений послов и, как Климент IV. умерев в тот период, он отправил их на конклав кардиналов, чтобы прекратить воссоединение двух церквей.

Наконец, невольные крестоносцы, воодушевленные неоднократными увещеваниями и примером Людовика, выступили в поход из всех провинций и направили свой курс к портам Эг-Морт и Марсель. Людовик вскоре приветствовал прибытие графа Пуатье с большим количеством его вассалов; главная знать привела с собой самых выдающихся своих рыцарей и самых храбрых и выносливых солдат; многие города также предоставили своих воинов. Каждый отряд имел свое знамя и составлял отдельный корпус, носивший название города или провинции; батальоны Бокера, Каркассона, Шалона, Перигора и др. Привлекали внимание христианской армии. Эти имена, правда, возбуждали большое соперничество, но они также давали повод к ссорам, унять которые мудрости и твердости Людовика было очень трудно. Крестоносцы прибыли из Каталонии, Кастилии и нескольких других провинций Испании; пятьсот воинов из Фрисландии также с полной уверенностью встали под знамена такого лидера, как Людовик, заявив, что их нация всегда гордилась повиновением королям Франции.

Прежде чем отправиться в путь, король еще раз написал регентам королевства, рекомендуя им тщательно следить за общественной моралью, избавить Францию от продажных судей и вершить для всех, особенно для бедных, быстрое и совершенное правосудие, чтобы тому, кто судит людей, не в чем было себя упрекнуть.

Таковы были последние слова прощания Людовика с Францией. Флот отплыл четвертого июля 1270 года и через несколько дней прибыл на дорогу Кальяри. Здесь на королевском судне был собран совет графов и баронов, чтобы обсудить план крестового похода. Те, кто выступал за завоевание Туниса, говорили, что таким образом будут открыты проходы в Средиземное море и власть мамлюков будет ослаблена; и что после этого завоевания армия с триумфом войдет либо в Египет, либо в Палестину. Многие бароны были иного мнения; они говорили, что, если Святая Земля нуждается в срочной помощи, они должны предоставить ее без промедления; пока они сражаются на побережье Африки, в стране, с которой они не знакомы, все христианские города Сирии могут попасть в руки сарацин; самым грозным врагом христиан был Бибарс, грозный султан Каира; именно на него они должны были напасть в первую очередь; именно в его государствах, в недрах его столицы, должна вестись война, а не в том месте, где они жили. в двухстах лигах от Египта. Они добавили к этому воспоминания о поражениях французской

армии на берегах Нила — поражениях, за которые следовало отомстить на самом театре стольких бедствий.

Современная история не говорит, до какой степени Людовик был поражен мудростью этих последних мнений; но экспедиция в Тунис оправдала его самые заветные надежды. Это было предложено королем Сицилии, чье согласие было необходимо для успеха крестового похода. Поэтому было решено, что генуэзский флот направит свой курс в Африку; и через два дня, двадцатого июля, он появился в виду Туниса и Карфагена.

На западном побережье Африки, напротив Сицилии, находится полуостров, описанный Страбоном, окружность которого составляет триста сорок стадиев, или сорок две мили. Этот полуостров вдается в море между двумя заливами, один из которых, на западе, представляет собой удобный порт; другой, на юго-востоке, сообщается посредством канала с озером, которое простирается на три лиги в глубь суши и которое современные географы называют Галлетом. Именно на этом месте был построен великий соперник Рима, территория которого простиралась на два берега моря. Ни завоевания римлян, ни опустошительные действия вандалов не смогли полностью разрушить этот некогда процветающий город; но в седьмом веке, после того как сарацины вторглись в него и опустошили его, от него не осталось ничего, кроме груды развалин; небольшая деревня в порту под названием Марса, башня на мысе Мыс, довольно прочный замок на холме Бирса - все это были остатки того города, власть которого так долго господствовала над Средиземным морем и побережьями Африки и Азии.

На расстоянии пяти лиг, к юго-востоку, немного за заливом и озером Галлет, возник город, называвшийся в древние времена Тынис или Тунисса, [30] которым овладел Сципион, прежде чем напал на Карфаген. Тунис процветал после падения других городов, и в XIII веке он соперничал по богатству и численности населения с самыми процветающими городами Африки. Он насчитывал десять тысяч домов и имел три обширных предместья; добыча народов и продукты огромной торговли обогатили его; и все, что только могло изобрести искусство фортификации, было употреблено для защиты доступа к нему.

Побережье, на котором стоял Тунис, было театром многих революций, о которых древняя история донесла до нас сведения; но современная история не освятила таким же образом революции сарацин. Мы едва ли можем следить за продвижением варваров, которые водрузили знамя исламизма на стольких руинах. Все, что мы положительно знаем, это то, что Тунис, долгое время входивший в состав королевства Марокко, был отделен от него при воинственном принце, третий преемник которого правил во времена Людовика Святого.

При виде христианского флота жителей африканского побережья охватил ужас, и все, кто был на карфагенском берегу, обратились в бегство по направлению к горам или к Тунису. Некоторые суда, находившиеся в порту, были покинуты своими экипажами; король приказал Флорану де Варенну, исполнявшему функции адмирала, сесть в лодку и разведать побережье. Варенн никого не нашел ни в порту, ни на берегу; он послал весточку королю, что нельзя терять времени, он должен немедленно воспользоваться замешательством врага. Но все помнили, что в предыдущей экспедиции высадка на побережье Египта была слишком поспешной; в этой было решено ничем не рисковать. Неопытная молодость руководила прошлой войной; теперь ею руководили старость и зрелая зрелость: было решено подождать до завтра.

На следующий день, на рассвете, побережье показалось покрытым сарацинами, среди которых было много всадников. Крестоносцы, тем не менее, начали подготовку к высадке. При приближении христиан множество неверных исчезло, что, по свидетельству очевидца, было благословением Небес, ибо беспорядок был настолько велик, что сотни человек было бы достаточно, чтобы остановить высадку всей армии.

Когда христианская армия высадилась на берег, она выстроилась в боевом порядке на берегу, и, в соответствии с законами военного времени, Пьер де Конде, подающий милостыню королю, громким голосом зачитал воззвание, по которому завоеватели вступали во владение территорией. Это воззвание, составленное лично Людовиком, начиналось такими словами: “Я провозглашаю во имя Господа нашего Иисуса Христа и Людовика, короля Франции, его наместника” и т.д.[31]

Багаж, провизия и военное снаряжение были выгружены на берег; было расчерчено обширное пространство, и христианские солдаты разбили свои палатки. Пока они рыли рвы и возводили укрепления, чтобы защитить армию от внезапного нападения, они овладели башней, построенной на оконечности мыса; а на следующий день пятьсот моряков водрузили знамя с лилиями на замке Карфагена. Деревня Марса, находившаяся недалеко от замка, также попала в руки крестоносцев; женщины и больные были размещены здесь, в то время как армия оставалась в своих палатках.

Людовик все еще надеялся на обращение короля Туниса, но эта благочестивая иллюзия очень быстро развеялась. Мусульманский принц отправил гонцов к королю, чтобы сообщить ему, что он придет и встретит его во главе ста тысяч человек и потребует от него крещения на поле битвы; мавританский король добавил, что он приказал захватить всех христиан в своих владениях и что каждый из них должен быть перебит, если христианская армия осмелится оскорбить его столицу.

Угрозы и напрасная бравада принца Тунисского не произвели никаких изменений в планах крестового похода; мавры, кроме того, не внушали страха, и они сами не могли скрыть того ужаса, который вызывал в них один только вид христиан. Не осмеливаясь встретиться лицом к лицу со своим врагом, их разрозненные отряды иногда кружили вокруг христианской армии, стремясь застать врасплох тех, кто выбился из лагеря; а в других случаях, объединяясь, они устремлялись к передовым постам, выпускали несколько стрел, обнажали мечи, а затем полагались на быстроту своих лошадей, чтобы обезопасить их от преследования христиан. Они нередко прибегали к предательству: триста из них пришли в лагерь крестоносцев и заявили, что желают принять христианскую веру, и еще сотня последовала за ними, объявив о том же намерении.[32] После того, как их приняли с распростертыми объятиями, они дождались того, что сочли благоприятной возможностью, и напали на группу христиан с мечом в руке; но, будучи подавлены численностью, большинство из них были убиты, а остальным позволили сбежать. Трое руководителей упали на колени и взмолились о сострадании к руководителям. Презрение, которое франки питали к таким врагам, было им прощено, и они были изгнаны из лагеря.

Наконец мусульманская армия, ободренная бездействием христиан, несколько раз появлялась на равнине. Ничего не было бы легче, чем атаковать и завоевать его; но Людовик решил перейти к обороне и дожидаться прибытия короля Сицилии, чтобы начать войну, — роковое решение, которое все погубило: сицилийскому монарху, который посоветовал эту неудачную

экспедицию, было суждено своими промедлениями завершить зло, которое он начал своими советами.

Мусульмане стекались со всех концов Африки, чтобы защитить дело исламизма от христиан. В Египте велись приготовления к отражению вторжения франков, и в августе месяце Бибарс объявил через гонцов, что собирается выступить на помощь Тунису. Войска, которые султан Каира держал в провинции Барка, получили приказ выступить вперед. Таким образом, мавританская армия вот-вот должна была стать грозной; но крестоносцам больше всего следовало опасаться не этого полчища сарацин. Им угрожали другие опасности, другие несчастья: христианская армия нуждалась в воде; у них не было ничего, кроме просоленной провизии; солдаты не могли вынести климата Африки; постоянно преобладали ветры, которые, приходя из жаркой зоны, казались европейцам дыханием всепожирающего огня. Сарацины на соседних горах поднимали песок с помощью специальных приспособлений, сделанных специально для этой цели, и пыль пылающими облаками неслась ветром вниз, на равнину, на которой стояли лагерем христиане. Наконец, дизентерия, эта смертельная болезнь теплого климата, начала совершать ужасные опустошения среди войск; и чума, которая, по-видимому, зародилась сама по себе в этих жгучих, засушливых песках, распространила свою страшную заразу по христианской армии.

Они были вынуждены находиться при оружии день и ночь; не для того, чтобы защищаться от врага, который всегда убегал от них, а для того, чтобы остерегаться неожиданностей. Огромное количество крестоносцев пало от усталости, голода и болезней. Французам вскоре пришлось пожалеть о потере Бушара, графа де Вандом, графа де ла Марш, Готье де Немура, лордов де Монморанси, де Пьена, де Брессака, Ги д'Аспремона и Рауля, брата графа де Суассона. Стало невозможно хоронить мертвых; канавы лагеря были заполнены трупами, сваленными в кучи, что усугубляло испорченность воздуха и зрелище общего запустения.

Наконец Оливье де Терм, лангедокский дворянин, прибывший с Сицилии, объявил, что король Карл вполне готов отправиться в путь со своей армией. Это известие было воспринято с радостью, но не смогло смягчить беды, которым тогда подверглись крестоносцы. Жара стала невыносимой; нехватка воды, плохая пища, болезни, которые продолжали свои опустошительные действия, и горе от того, что их заперли в лагере, не имея сил сражаться, довели до уныния, овладевшее умами лидеров и солдат. Людовик старался подбодрить их обоими своими словами и примером, но сам заболел дизентерией. Принц Филипп, герцог Неверский, король Наваррский и легат также ощутили на себе последствия заражения. Герцог де Невер, прозванный Тристаном, родился в Дамьетте во время пребывания короля в плену и был особым объектом любви своего отца. Молодой принц оставался в королевском шатре; но так как он, по-видимому, слабел под воздействием болезни, было решено, что лучше всего перенести его на борт одного из судов. Монарх непрестанно требовал известий о своем сыне, но все, кто его окружал, хранили печальное молчание. Наконец им пришлось сообщить ему, что герцог де Невер умер; отеческие чувства возобладали над смирением христианина, и он горько заплакал. Вскоре после этого папский легат скончался, о чем глубоко сожалели духовенство и воины креста, которые считали его своим духовным отцом.

Несмотря на свои страдания, несмотря на свои горести, Людовик IX. постоянно прилагал усилия, чтобы облегчить положение своей армии. Он отдавал приказы до тех пор, пока у него оставались хоть какие-то силы, деля свое время между обязанностями христианина и монарха.

Лихорадка, однако, усилилась; не имея больше возможности заниматься ни своими заботами об армии, ни упражнениями в благочестии, он приказал поставить перед собой крест и, простирая руки, молча умолял Того, кто пострадал за всех людей.

Вся армия была в трауре; солдаты ходили в слезах, требуя от Небес сохранить такого доброго принца. Среди всеобщего горя Людовик обратил свои мысли к исполнению божественных законов и судьбам Франции. Филипп, который был его преемником на престоле, находился в его палатке; он попросил его подойти к его постели и дрожащим голосом давал ему советы, каким образом ему следует управлять королевством своих отцов. Наставления, которые он дал ему, содержат в себе самые благородные принципы религии и верности; и то, что навсегда сделает их достойными уважения потомков, так это то, что они опирались на его пример и напоминали только о добродетелях его собственной жизни. Порекомендовав Филиппу уважать религию и ее служителей и добиваться, чтобы к ним относились с уважением, и всегда, и превыше всего, бояться оскорбить Бога:^[33] “Мой дорогой сын, - добавил он, - будь милосерден к бедным и всем страждущим. Если ты взойдешь на трон, покажи своим поведением, что ты достоин принять святое помазание, которым посвящаются короли Франции. Когда ты станешь королем, проявляй себя справедливым во всем, и пусть ничто не сбивает тебя с пути истины и прямоты. Если вдова и сирота сразятся перед тобой с могущественным человеком, объяви себя на стороне слабых против сильных, пока тебе не станет известна истина. В делах, в которых ты сам будешь заинтересован, сначала поддержи дело другого; ибо, если ты не будешь действовать подобным образом, твои советники будут колебаться говорить против тебя, чего тебе не следовало бы желать. Мой дорогой сын, превыше всего я рекомендую тебе избегать войны с каждым христианским народом; если необходимость вынуждает тебя пойти на это, по крайней мере, позаботься о том, чтобы бедные люди, которые не виноваты, были защищены от всякого вреда. Приложи все свои усилия, чтобы умиротворить разногласия, которые могут возникнуть в твоём царстве, ибо ничто так не угодно Богу, как зрелище согласия и мира. Не пренебрегай ничем, чтобы обеспечить хороших лейтенантов (baillis) и начальников в твоих провинциях. Свободно отдавай власть людям, которые знают, как ею пользоваться, и наказывай всех, кто злоупотребляет ею; ибо если твой долг - ненавидеть зло в других, то у тебя гораздо больше причин ненавидеть его в тех, кто пользуется твоей властью. Будь справедлив при взимании твоих государственных налогов и будь мудр и умерен в их расходовании; остерегайся неразумных расходов, которые ведут к несправедливым поборам; исправляй с благоразумием все, что несовершенно в законах твоего королевства. Сохраняй с преданностью права и привилегии, оставленные твоими предшественниками, ибо чем счастливее будут твои подданные, тем величественнее станешь ты; чем безупречнее будет твое правительство, тем больше твои враги будут бояться нападать на него”.

Людовик дал Филиппу еще несколько советов о любви, которой тот обязан Богу, своему народу и своей семье; затем, излив все свое сердце, он не произнес ничего, кроме слов родителя, которого вот-вот разлучат с сыном, которого он нежно любит. “Я дарую тебе, - сказал он, - все благословения, которые отец может даровать дорогому сыну. Помоги мне мессами и молитвами и позволь мне участвовать во всех добрых делах, которые ты совершишь. Я умоляю Господа нашего Иисуса Христа, по его великой милости, оградить тебя от всего зла и удержать тебя от действий, противоречащих Его воле; и чтобы после этой смертной жизни мы могли видеть Его, любить Его и славить Его вместе в жизни вечной ”.

Когда мы вспоминаем, что эти слова были произнесены на побережье Африки умирающим королем Франции, мы испытываем смесь удивления и эмоций, которые не могут не разделять даже самые холодные и равнодушные сердца. Судите же, какое впечатление они должны были произвести на чувства безутешного сына! Филипп выслушал их с почтительной печалью и приказал точно переписать, чтобы иметь их перед глазами во все дни своей жизни.[34]

Затем Людовик повернулся к своей дочери, королеве Наваррской, которая сидела, заливаясь слезами, в ногах его кровати: в наставлении, которое он приготовил для нее, он изложил ей все обязанности королевы и жены. Прежде всего, он посоветовал ей как можно тщательнее ухаживать за своим мужем, который в то время был болен; и, никогда не забывая даже о самых незначительных обстоятельствах, он посоветовал королю Наваррскому по возвращении в Шампань выплатить все его долги, прежде чем он начнет восстанавливать монастырь Кордельеров Провена.

Эти наставления были последними словами, которые Людовик адресовал своим детям; с тех пор они его больше никогда не видели. Когда послы Михаила Палеолога прибыли в лагерь, царь согласился принять их. В том состоянии, в котором тогда находился Людовик, для него было невозможно разглядеть насквозь лживые обещания греков или тревогу и лживую политику их императора; он больше не обращал внимания на мирские дела. Он ограничился выражением своих искренних пожеланий, чтобы воссоединение двух церквей наконец состоялось, и пообещал послам, что его сын Филипп сделает все, что в его силах, чтобы осуществить это. Этими посланцами были Мелитениот, архидьякон императорской часовни, и знаменитый Вечус, канцлер Константинопольской церкви. На них обоих так сильно повлияли слова и добродетели Людовика Святого, что впоследствии они приложили все свои самые ревностные усилия для содействия воссоединению, и оба закончили тем, что стали жертвами политики греков.

После этой беседы Людовик не думал ни о чем, кроме своего Бога, и остался наедине со своим духовником. Его служители читали перед ним молитвы Церкви, на которые он откликался. Затем он получил Виатикум и чрезвычайное помазание. “С воскресенья, в час ночи, - говорит очевидец, - до понедельника, в час ночи, его уста не переставали ни днем, ни ночью восхвалять нашего Господа и молиться за людей, которых он привел в это место”. Было слышно, как он произносил эти слова царя-пророка: “Даруй, Господь, чтобы мы презирали процветание этого мира и знали, как противостоять его невзгодам”. Он также повторил, так громко, как только позволяло его слабое состояние, этот стих из другого псалма: “О Боже! соблаговоли освятить свой народ и присматривать за ним”. Иногда он взывал к святому Дени, которого привык призывать в битве, и умолял его даровать небесную поддержку этой армии, которую он собирался оставить без предводителя. В ночь с воскресенья на понедельник было слышно, как он дважды произнес слово “Иерусалим”, а затем добавил: “Мы поедем в Иерусалим”. Его ум был постоянно занят идеей священной войны. Возможно, точно так же он не видел тогда ничего, кроме небесного Иерусалима, последней страны праведника.

В девять часов утра в понедельник, двадцать пятого августа, он потерял дар речи, но по-прежнему доброжелательно смотрел на всех, кто был вокруг него (*отставка*). Лицо его было спокойно, и было очевидно, что разум его в то же время был разделен между чистейшими земными чувствами и мыслями о вечности. Чувствуя, что смерть быстро приближается, он сделал знак своим слугам положить его, покрытого власяницей, на ложе из пепла. Между часом ночи и полуднем он, казалось, заснул и лежал с закрытыми глазами более получаса кряду.

Затем он, казалось, ожил, открыл глаза и, обратив взор к небу, воскликнул: “О Господи! Я войду в дом Твой и поклонюсь Тебе в твоей святой скинии!” Он умер в три часа дня.

Мы говорили о глубоком горе, охватившем крестоносцев, когда Людовик заболел. Не было ни одного вождя или солдата, который не забывал бы о своих собственных бедах в тревоге за короля. В любое время дня и ночи эти верные воины толпились вокруг палатки монарха, и когда они видели печальный и встревоженный вид всех, кто выходил из нее, они отворачивались, опустив глаза в землю, и их души наполнялись самыми мрачными мыслями. В лагере солдаты едва осмеливались задавать друг другу вопросы, потому что не слышали ничего, кроме печальных вестей. Наконец, когда в армии было объявлено о событии, которого все так боялись, французские воины впали в отчаяние; они увидели в смерти Людовика сигнал ко всякого рода бедствиям и с тревогой спрашивали друг друга, какой предводитель поведет их обратно в их дома. Ко всеобщим стонам и слезам примешивалось множество горьких упреков в адрес тех, кто советовал эту роковую экспедицию, особенно в адрес короля Сицилии, которого все обвиняли в том, что он был причиной бедствий войны.

В самый день смерти короля Карл Анжуйский и его армия высадились близ Карфагена; трубы и другая воинственная музыка разносились по берегу, но в лагере крестоносцев царил глубокая и печальная тишина, и ни один человек не вышел навстречу сицилийцам, которых они ждали с таким нетерпением. Печальные предчувствия овладели Карлом; он поскакал вперед и, подлетев к королевскому шатру, нашел своего царственного брата мертвым и распростертым на своем ложе из пепла. Черты лица Луи почти неизменились, настолько спокойной была его смерть. Карл пал ниц к его ногам, орошая их слезами и называя его иногда своим братом, иногда своим господином. Он долго оставался в такой позе, не видя никого из тех, кто его окружал, продолжая обращаться к Людовику так, словно тот был еще жив, и с отчаянием в голосе упрекая себя в том, что не услышал, не воспринял последних слов самого любящего из братьев и лучшего из королей.

Бренные останки Людовика были помещены в две погребальные урны. Внутренности святого монарха были переданы Карлу Анжуйскому, который отправил их в Монреальское аббатство, где эти драгоценные реликвии долгое время вызвали преданность и уважение верующих. Кости и сердце Людовика остались в руках Филиппа. Этот молодой принц хотел отправить их во Францию, но вожди и солдаты не согласились расстаться со всем, что осталось им от их любимого монарха. Наличие этого священного сокровища у крестоносцев казалось им защитой от новых несчастий и самым верным средством привлечь покровительство Небес на христианскую армию.

Филипп все еще был болен, и его недуг вызывал сильное беспокойство. Армия считала его достойным преемником Людовика, и привязанность, которую испытывали к отцу, передалась сыну; он принимал, несмотря на всеобщее горе, почтение и клятвы вождей, баронов и знати. Его первой заботой было утвердить регентство и все, что его отец установил во Франции перед своим отъездом. Джеффри де Болье, Уильям де Шартр и Джон де Монс, исповедники и раздаватели милостыни при короле, были отправлены выполнять эти приказы Филиппа на Запад. Среди писем, которые эти священнослужители взяли с собой во Францию, история сохранила то, которое было адресовано духовенству *и всем достойным людям* королевства.^[35] После описания их трудов, опасностей и смерти Людовика IX молодой принц взмолился Богу даровать ему возможность следовать по стопам столь доброго отца, выполнять его священные

повеления и претворять в жизнь все его советы. Филипп завершил свое письмо, которое было зачитано вслух во всех церквях, просьбой к священнослужителям и верующим “вознести к Царю царей свои молитвы и приношения за этого принца, с чьим религиозным рвением и нежной заботой о королевстве Франции, которое он любил как зеницу ока, они были так хорошо знакомы”.

Смерть Людовика значительно укрепила доверие сарацин. Траур и скорбь, которые они наблюдали в христианской армии, были ими ошибочно приняты за уныние, и они льстили себя надеждой одержать победу над своими врагами; но эти надежды быстро развеялись. Король Сицилии принял командование христианской армией во время болезни Филиппа и возобновил войну. Войска, которые он привел с собой, рвались в бой, и все французы, казалось, стремились отвлечься от своего горя на поле боя. Болезнь, опустошившая их армию, казалось, прекратила свои опустошительные действия, и солдаты, долгое время находившиеся взаперти в своем лагере, почувствовали, как к ним возвращаются силы при виде опасностей войны. Несколько конфликтов произошло вокруг озера Галлет, которым христиане хотели завладеть, чтобы облегчить свой подход к Тунису. Мавры, которые всего за несколько дней до этого угрожали истребить или обратить в рабство всех крестоносцев, были не в состоянии выдержать натиск своих врагов; одних арбалетчиков часто было достаточно, чтобы рассеять их бесчисленное множество. Ужасный вой, сопровождаемый грохотом литавр и других инструментов, возвестил об их приближении; облака пыли, спускавшиеся с соседних высот, возвестили об их отступлении и заслонили их бегство. В двух стычках они были настигнуты и оставили большую часть своего войска растянутым на равнине. В другой раз их лагерь был захвачен и отдан на разграбление. Правитель Туниса не мог рассчитывать на свою армию для защиты своих государств, и сам он не подавал им примера храбрости, поскольку постоянно оставался взаперти в своих подземных готах, чтобы одновременно избежать палящих лучей солнца и опасностей сражения. Подгоняемый своими страхами, он, в конце концов, не видел другой надежды на безопасность, кроме мира, и решил приобрести его, даже ценой всех своих сокровищ. Его послы неоднократно приезжали в христианскую армию с поручениями делать предложения и, прежде всего, попытаться соблазнить короля Сицилии блестящими обещаниями.^[36]

Когда весть об этих переговорах распространилась по лагерю крестоносцев, это породило очень разные мнения. Солдаты, которым была обещана добыча Туниса, хотели продолжать войну; некоторые из лидеров, на которых возлагались другие надежды, не проявляли такого рвения, как солдаты. Со смертью Людовика IX и апостольского легата крестовый поход утратил как свой главный мотив, так и ту моральную силу, которая вдохновляла все. Дух крестоносцев, которым никто не руководил, на который воздействовали тысячи различных страстей, витал в неопределенности, и эта неопределенность, вероятно, в конце концов, удерживала армию в состоянии бездействия и привела к прекращению войны. Филипп желал вернуться во Францию, куда его безапелляционно призывали дела его королевства. Большинство баронов и французской знати начали вздыхать по своей стране. Наконец было решено, что следует обсудить мирные предложения короля Туниса.

В совете те, кому не было дано никаких обещаний и кто не был столь нетерпелив, как другие, покинуть побережье Африки, придерживались мнения, что они должны продолжать войну. “Людовик IX отправился в Карфаген для завоевания Туниса. Христианская армия претерпела так много бедствий. Как они могли бы больше почтить память Людовика и стольких французов, подобных ему, ставших мучениками своего рвения и своей веры, чем продолжением и завершением своей работы? Весь христианский мир знал, что крестоносцы угрожают Тунису, что мавры разбегаются при виде их и что город готов открыть свои ворота. Что сказал бы христианский мир, узнав, что крестоносцы бежали раньше побежденных и лишили себя собственной победы?”

Те, кто придерживался мнения, что мир должен быть заключен, отвечали, что вопрос заключается не только в том, чтобы войти в Тунис, но и в завоевании страны, что может быть сделано только путем истребления населения. “Кроме того, длительная осада очень сильно ослабила бы христианскую армию. Приближалась зима, на время которой они не могли раздобыть провизии, и когда непрерывные дожди, возможно, вызвали бы больше болезней, чем чрезмерная жара. Взятие Туниса не было главной целью крестового похода; необходимо было заключить мир на выгодных условиях, чтобы получить средства для последующего ведения войны там, где этого потребуют обстоятельства”. Лидеры, говорившие таким образом, сами были теми же, кто поощрял экспедицию против Туниса: их возглавлял король Сицилии; они больше не настаивали на необходимости очистить Средиземное море от пиратов, которые наводняли пути паломников; они больше не говорили о том, чтобы лишить султана Египта его самого могущественного союзника. Причины, которые они приводили для прекращения войны, были точно такими же, какие они приводили для ее начала. Их мнение, однако, возобладало; не потому, что других убедило то, что они услышали, но, как это часто бывает в самых важных обсуждениях, большинство принимает решение скорее исходя из мотивов, в которых они не признаются, чем из тех, кого они, по-видимому, поддерживают.^[37]

Тридцать первого октября между королем Туниса и предводителями христианской армии было заключено перемирие сроком на десять лет. Все пленники должны были быть выданы с обеих сторон, а христиане, которые ранее были пленниками, должны были быть отпущены на свободу. Правитель Туниса обязался не требовать от франков никаких пошлин, взимаемых в его королевстве с внешней торговли. Международный договор предоставлял всем христианам свободу проживать в Тунисском государстве, строить там церкви и даже проповедовать там свою веру. Мусульманский принц был обязан выплачивать королю Сицилии ежегодную дань в размере сорока тысяч крон и двести десять тысяч унций золота предводителю христианской армии на военные расходы.

Несомненно, это было последнее условие, решившее вопрос: двести десять тысяч унций золота превышали сумму, которую получил Людовик IX. заплатил в Египте выкуп за свою армию; но сначала была получена только часть суммы. Кто мог гарантировать выплату остальной части, когда христианская армия покинула побережье Африки? Только король Сицилии мог извлечь какую-либо выгоду из этого договора, столь позорного для французского оружия; он не только нашел средство заставить мусульманского принца уплатить дань в размере сорока тысяч золотых экю, которые он был должен Папе как вассалу Святого Престола; но и мир, который они заключили, в некотором роде предоставил в его распоряжение армию, способную совершить гораздо более крупные завоевания, чем тунисские. Таким образом, немедленно возникли

жалобы, в которых короля Сицилии упрекали в том, что он по своему усмотрению изменил цель крестового похода, чтобы подчинить христианскую армию своим амбициям.

Через несколько дней после подписания перемирия принц Эдуард прибыл к берегам Карфагена вместе с английскими и шотландскими крестоносцами. Отплыв из Эг-Морта, он взял курс на Палестину и прибыл, чтобы получить приказы от короля Франции. Французы и сицилийцы были расточительны в выражениях искренней дружбы к англичанам. Эдуарда приняли с большими почестями, но когда он узнал, что они заключили мир, он удалился в свою палатку и отказался присутствовать на каком-либо совете христианской армии.

Крестоносцам не терпелось покинуть засушливую и смертоносную землю, которая не напоминала им ничего, кроме несчастий, без малейшей примеси славы. Восемнадцатого ноября христианская армия отправилась на Сицилию; и, как будто Небеса predetermined, что эта экспедиция обернется не чем иным, как чередой несчастий, ужасная буря обрушилась на флот как раз в тот момент, когда он собирался войти в порт Трапани. Восемнадцать больших кораблей и четыре тысячи крестоносцев были затоплены и погибли в волнах. Большинство лидеров и солдат потеряли свое оружие, снаряжение и лошадей. Если верить одному историку, деньги, полученные от короля Туниса, были потеряны во время этого кораблекрушения.

После столь великого несчастья король Сицилии не пренебрегал никакими средствами для оказания помощи крестоносцам. Мы можем верить в великодушные чувства, которые он выразил по этому поводу; но нет никаких сомнений в том, что к его чувствам примешивалась надежда извлечь что-нибудь благоприятное для его проектов из этого прискорбного обстоятельства. Когда прибыли все лидеры, было проведено несколько советов, чтобы выяснить, что еще предстоит сделать. Поскольку каждый сожалел о своих собственных потерях, Карл предложил верный способ их восполнить, которым стало завоевание Греции. Таков был разработанный им план; во-первых, все крестоносцы должны были провести зиму на Сицилии; весной граф Пуатье должен был отправиться в Палестину с частью армии, остальные должны были следовать за Карлом в Эпир, а оттуда в Византию. В этом проекте было что-то авантюрное и рыцарское, вполне способное соблазнить французских баронов и знать; но из Франции молодому королю приходили письма, в которых регенты в ярких красках изображали горе и тревоги его народа. Филипп заявил, что не может оставаться на Сицилии, а должен немедленно вернуться в свои собственные владения. Эта решимость разрушила все надежды Карла; французские лорды не хотели покидать своего молодого монарха, и принцы и все предводители христианской армии отложили крест. Итальянская хроника сообщает, что Карл в гневе конфисковал к своей выгоде все суда и все имущество, которые после недавнего кораблекрушения были выброшены на берега Сицилии. Он воспользовался неудачами армии перед Тунисом, а теперь обогатился за счет добычи своих товарищей по оружию. Этот акт несправедливости и насилия довершил неприязнь, которую испытывало к нему большинство крестоносцев; особенно это касалось генуэзцев, которым принадлежал флот, на который погрузилась христианская армия.

Однако было решено, что они должны возобновить крестовый поход четыре года спустя. Два короля, принцы и наиболее влиятельные вожди поклялись отправиться в Сирию со своими войсками в июле месяца четвертого года; напрасное обещание, которое ни одному из них не суждено было сдержать и которое они дали только затем, чтобы оправдать в своих собственных глазах непоследовательность своего поведения в этой войне. Эдуард, объявивший о своем

решении провести зиму на Сицилии, а весной отправиться в Палестину, был единственным, кто не нарушил своих обещаний.

Французские воины оставили все мысли о крестовом походе; но они были еще далеки от того, чтобы увидеть, как закрывается та бездна страданий, которую он разверз у них под ногами. Король Наварры умер вскоре после высадки в Трапани, и его жена Изабелла была так глубоко потрясена его смертью, что немедленно последовала за ним к могиле. Филипп отправился на свое возвращение во Францию в январе месяце, и сопровождавшая его молодая королева стала еще одной жертвой крестового похода. При пересечении Калабрии, когда она переходила вброд реку близ Козенцы, ее лошадь упала, и, поскольку она была беременна, это падение стало причиной ее смерти. Так Филипп продолжил свое путешествие, унося с собой тела своего отца, брата и жены. Во время похода он узнал, что граф и графиня Пуатье, возвращавшиеся в Лангедок, оба умерли в Тоскане от последствий заразной болезни африканского побережья. Проезжая мимо Витербо, Филипп стал свидетелем трагического конца одного из самых прославленных своих товарищей по оружию; Генрих д'Алемань подвергся нападению сыновей графа Лестера, был загнан в церковь и убит у подножия алтаря. Таким образом, великие преступления были соединены с великими бедствиями, чтобы усилить жестокие воспоминания, которые этому крестовому походу было суждено оставить после себя.

Филипп, переправившись через гору Сени, вернулся в Париж через Бургундию и Шампань. Какие траурные дни для Франции! По случаю ухода Людовика IX. что касается Востока, то вся нация была охвачена самыми печальными предчувствиями; и, увы! все эти предчувствия сбылись слишком полно!

Это был не флаг победы, а погребальный покров, который предшествовал маршу французских воинов. Погребальные урны, развалины армии, еще недавно такой процветающей, молодой больной принц, лишь чудом избежавший смерти, унесшей его семью, — вот и все, что вернулось из крестового похода! Люди стекались со всех концов, чтобы встретить скорбный кортеж; они окружали молодого короля, они стремились приблизиться к останкам Людовика Святого, и по их благочестивой благопристойности и религиозной печали было очевидно, что чувства, которые привели их туда, не были такими, которые обычно толкают толпу к ступеням владык земли.

По прибытии Филиппа в его столицу кости и сердце святого Людовика были перенесены в церковь Нотр-Дам, где священнослужители всю ночь пели гимны отпевания усопших. На следующий день в церкви Сен-Дени были отпразднованы похороны царственного мученика. Посреди огромного скопления людей всех классов, глубоко потрясенных увиденным, выступил молодой монарх, неся на плечах бранные останки своего отца. По пути он несколько раз останавливался, и кресты, установленные на каждой станции, вплоть до прошлого века напоминали об этой прекрасной картине сыновнего благочестия.

Людовик IX. был помещен рядом со своим дедом Филиппом Августом и своим отцом Людовиком VIII. Хотя он запретил украшать свою гробницу, она была покрыта серебряными пластинами, которые впоследствии были унесены англичанами. В более поздний период более ужасная революция ворвалась в его могилу и развеяла его прах; но эта революция не смогла уничтожить память о нем.

Нет, потомство никогда не перестанет восхвалять ту страсть к справедливости, которая наполняла всю жизнь Людовика IX, этот пыл в поисках истины, столь редкий даже среди величайших королей; это миролюбие, которому он пожертвовал даже славой, приобретенной во время военных действий; эту заботу о всеобщем благе; это нежное отношение к бедности; это глубокое уважение к правам несчастных и к жизни людей: добродетели, которые поражали средние века и которые в наше время все еще обнаруживаются в потомках столь доброго правителя.[38]

Влияние, которое давали ему его добродетель и благочестие, он использовал только для защиты своего народа от всего несправедливого. Это господство, которое он сохранил на протяжении своей жизни, придало его законам империю, которую законы, какими бы они ни были, обретают редко, но со временем. Через несколько лет после его правления провинции потребовали присоединения к короне с единственной надеждой и единственным условием пользоваться *мудрыми указами короля, который любил справедливость*. Таковы были завоевания Сент-Луиса. Хорошо известно, что после своих побед над англичанами он вернул им Гиенну, несмотря на советы своих баронов, которые считали этот акт великодушия противоречащим интересам королевства. Возможно, только таким возвышенным умам, как у него, дано знать, сколько мудрости содержится в советах умеренности! Выдающийся писатель прошлого века сказал, говоря о Людовике IX, *что великие умеренные люди редки*, и несомненно, по этой причине мир их не понимает.

В том положении, в котором находилась Франция в то время, вульгарный гений разжег бы раздоры; тогда как Людовик стремился только умиротворить их; и именно этот дух примирения сделал его арбитром королей и народов и придал ему больше силы и могущества, чем можно было бы получить в результате комбинаций самой мудрой политики. Среди современников Сент-Луиса не было недостатка в людях, порицавших его умеренность, и многие из тех, кто гордится тем, что является искусным политиком, порицают его даже сейчас. Станный навык, который создает веру в то, что мораль чужда счастью народов, и который не может позволить лидерам империй обладать теми же добродетелями, которыми Бог наделил человека для сохранения общества!

Чем больше мы восхищаемся правлением Людовика IX. тем больше наше изумление по поводу того, что он дважды прервал поток его благословений и покинул народ, который осчастливил своим присутствием. Но, наблюдая за страстями, которые волнуют нынешнее поколение, кто осмелится возвысить свой голос с целью обвинения прошлых веков? Если в момент, когда я пишу эту историю, вся Европа взбудоражена слухами о всеобщем восстании против мусульман, ныне правящих Византией; — если самые ревностные последователи современной философской школы дают обеты за торжество Евангелия над Кораном, за освобождение греков и возрождение Афин и Лакедемонян, как мы можем поверить, что в средние века князья и христианские народы не были бы затронуты ужасным состоянием рабства в Иерусалиме и во всех тех святых областях, из которых свет впервые пролился на христианский мир? ? В соответствии с характером, который Людовик IX проявлял во всех обстоятельствах своей жизни, как мог он оставаться равнодушным к бедствиям христианских колоний, которые были в основном населены французами и которые считались другой Францией — Францией востока? Мы также не должны забывать, что великой целью его политики было объединить народы востока и запада узлами христианства; и что эта цель, если бы он преуспел в ней, принесла бы

огромную пользу человечеству. Самим амбициям иногда прощали проекты, гораздо более химеричные, а войнам - гораздо более неудачные.[39]

Как бы то ни было, мы можем рискнуть сказать, что пленение и смерть Людовика Святого в отдаленных краях нисколько не уменьшили уважения, которым пользовались его имя и добродетели в Европе. Возможно, даже такие экстраординарные несчастья, постигшие монархию во имя религии и всего, что тогда почиталось, кое-что добавили к великолепию монархии; ибо времена, которые мы видели, были тогда далеко в прошлом, когда несчастья королей служили лишь для того, чтобы лишить королевскую власть того, что делает ее уважаемой среди людей. Смерть Людовика IX. был предметом великой скорби для французов; но к сожалению, вызванному его потерей, примешивались для всего народа мысли о счастливом будущем, которое уготовил Людовик, а для благочестивых умов - надежда обрести покровителя и поддержку на небесах. Очень скоро смерть короля Франции была отмечена как новый триумф религии, как новая слава его страны; и годовщина дня, в который он скончался, стала впоследствии одним из торжественных праздников христианской церкви и французской монархии.

Прекрасным зрелищем было то каноническое расследование, в ходе которого общий отец верующих допрашивал современников Людовика IX о достоинствах его жизни и выгодах его правления! Французы всех сословий вышли вперед, чтобы подтвердить на основании Евангелия, что монарх, смерть которого они оплакивали, был достоин всех наград небес. Среди них было много его старых товарищей по оружию, которые разделяли его цепи в Египте и видели, как он умирал на своем пепельном ложе под Тунисом. Вся Европа подтвердила их религиозное свидетельство и повторила эти слова главы Церкви: *“Дом Франции, радуйтесь тому, что дали миру такого великого принца; радуйтесь, народ Франции, тому, что у вас был такой хороший король!”*[40]

Смерть Людовика IX, как мы уже говорили, внезапно приостановила все заморские предприятия. Только Эдуард в сопровождении графа Бретани, своего брата Эдмунда и трехсот рыцарей отправился в Сирию во главе небольшой армии из пятисот крестоносцев из Фрисландии. Все эти крестоносцы вместе составляли отряд численностью в тысячу или тысячу двести бойцов; и это было все, что достигло Азии из тех бесчисленных армий, которые были собраны на Западе для освобождения Святой Земли. Столь слабое подкрепление не было рассчитано на то, чтобы внушить доверие или восстановить безопасность христианам Палестины, еще не оправившимся от ужаса, вызванного известием об отступлении крестоносцев от Туниса и их возвращении в Европу.

Большинство князей и христианских государств Сирии, опасаясь вторжения, заключили договоры с султаном Каира; многие, должно быть, колебались, вступая в войну, в которой слабая помощь из Европы не давала им никаких надежд на большие преимущества, и в которой точно так же они должны были опасаться быть покинутыми крестоносцами, всегда стремившимися вернуться на Запад. Тем не менее тамплиеры и госпитальеры, которые никогда не упускали возможности сразиться с сарацинами, объединились с принцем Эдуардом, чья слава опередила его на Востоке. Бибарс, который в то время опустошал территории Птолемаиды, отвел свои войска от города, который он наполнил тревогой, и на мгновение показалось, что он отказался от осуществления своих планов.

Небольшая армия христиан, насчитывавшая от шести до семи тысяч человек, продвигалась по мусульманским территориям, направляясь в Финикию, чтобы восстановить прерванное сообщение между христианскими городами. В этой экспедиции крестоносцам пришлось сильно пострадать от чрезмерной жары; многие умерли, переев фруктов и меда, которые страна производила в изобилии. После этого они двинулись маршем к городу Назарету, на стенах которого водрузили знамя Христа. Воины креста не могли без возмущения вспоминать, что Бибарс полностью разрушил церковь этого города, посвященную Богородице. Назарет был отдан на разграбление, и все мусульмане, находившиеся в городе, искупили свою вину преданием мечу, сожжением и разрушением одного из самых красивых памятников, воздвигнутых христианами в Сирии.

После этой победы, за которую мы не можем восхвалять крестоносцев, христианской армии пришлось сразиться с мусульманскими войсками, которым не терпелось отомстить за бесчинства, совершенные в Назарете. Научился ли он уважать превосходство своих врагов, или у него были причины жаловаться на воинов Палестины, но Эдуард вернулся в стены Птолемаиды и больше не искал сражений. Частые вылазки сарацин не могли побудить его взяться за оружие; но пока он оставался таким образом в безопасности от опасностей войны, он был на грани гибели от руки мусульманина, которого он взял к себе на службу. Некоторые хроники того времени сообщают нам, что эмир Яффы вооружил руку убийцы; другие говорят, что удар был нанесен сектой исмаилитов, которые все еще существовали, несмотря на войну, объявленную им как татарами, так и мамлюками.

Подвергнувшись таким образом опасности расстаться с жизнью, Эдуард, излечившийся от ран, думал только о заключении перемирия с Бибарсом; и, будучи отозван в Англию молитвами Генриха III, преемником которого он был, он покинул Восток, не сделав ничего важного для дела, которое поклялся защищать. Таким образом, все результаты этого крестового похода, который так сильно встревожил мусульман, свелись, с одной стороны, к резне безоружного населения Назарета, а с другой - к тщетному завоеванию руин Карфагена. Другим результатом этой войны, и единственным, который она имела для Европы, было полное обескураживание христианских воинов и заставление их забыть о Востоке. После Эдуарда ни один принц с Запада никогда не пересекал моря, чтобы сразиться с неверными в Азии, и крестовый поход, в котором он принял столь малоизвестное участие, был последним из тех, целью которых было освобождение или возвращение Святой Земли.

Среди обстоятельств, приведших к провалу этого крестового похода, история не должна забывать о длительной вакантности папского престола, во время которой не было поднято ни одного голоса, чтобы воодушевить крестоносцев, при котором не было достаточно могущественной власти, особенно после смерти Людовика Святого, чтобы руководить их предприятием. Однако по прошествии двух лет конклав избрал преемника святого Петра; и, к счастью для восточных христиан, голоса избирателей пали на Тибо, архидьякона Льежского, который последовал за Фризонами в Азию и которого известие о его возвышении застало все еще в Палестине. У христиан Сирии были основания надеяться, что новый понтифик, так долго являвшийся свидетелем их опасностей и невзгод, не преминет использовать всю свою власть, чтобы помочь им. Тибо заверил их в этом перед тем, как покинуть Птолемаиду, и в речи, с которой он обратился к собравшимся, он взял за свой текст этот стих из сто тридцать седьмого псалма: “Если я забуду тебя, о Иерусалим, пусть я сам буду забыт среди людей!”

Патриарх Иерусалимский и великие магистры Храма и Госпиталя сопровождали Григория X. на Запад. По возвращении понтифик сразу же занялся восстановлением мира в Италии и Германии. Он призвал принцев, особенно короля Франции, объединить свои усилия для оказания помощи Святой Земле. Филипп удовлетворился тем, что отправил несколько войск на Восток и перевел тридцать шесть тысяч марок серебром папе римскому, за эту сумму он сохранил в залог все имущество тамплиеров в своем королевстве. Пиза, Генуя и Марсель снарядили несколько галер, и пятьсот воинов отправились в Птолемаиду за счет верховного понтифика.

Эта помощь была далека от того, чтобы соответствовать надеждам или нуждам христианских колоний. Григорий решил заинтересовать своим проектом весь христианский мир и с этой целью созвал собор в Лионе в 1274 году. Этот собор был гораздо более многочисленным и торжественным, чем тот, который созвал Иннокентий IV. они собрались тридцать лет назад в том же городе. На этом присутствовали патриархи Иерусалимский и Константинопольский, более тысячи епископов и архиепископов, посланники императоров Востока и Запада, королей Франции и Кипра, а также всех принцев Европы и за морями. В этом многочисленном собрании ни один человек не привлекал такого внимания, как татарские князья и послы, отправленные могущественным главой моголов заключить союз с христианами против мусульман; несколько из этих татарских князей приняли крещение из рук папы римского, и христиане, которые были свидетелями этой церемонии, увидели в ней надежный залог Божественных обещаний.

Все восхищались могуществом Бога, избравшего орудия своих замыслов из отдаленных и малоизвестных регионов; толпа верующих смотрела на верховного главу татарских орд как на другого Кира, которому Провидение поручило разрушение Вавилона и освобождение Иерусалима. На последнем заседании Лионский собор постановил, что следует предпринять новый крестовый поход и что в течение десяти лет со всей церковной собственности должна взиматься десятая часть налога. Палеолог, который в конце концов подчинился латинской церкви, пообещал прислать войска для освобождения наследия Христа; папа признал Рудольфа Габсбургского императором Запада при условии, что он отправится в Палестину во главе армии.

Но, несмотря на грандиозное зрелище такого собора, решения и увещевания папы и прелатов не смогли пробудить энтузиазм верующих, который уже не представлял собой ничего, позаимствовав выражение из Священного Писания, “кроме дымящихся остатков сожженной тлани”. Григорию X. удалось восстановить мир между итальянскими республиками и положить конец всем разногласиям Германии относительно наследования империи: крестовому походу не помешала война; но умы как правителей, так и народов приняли новое направление. Мы все еще располагаем письменным документом того периода, который, несомненно, получил одобрение, если не поощрение папы римского, и который, как нам кажется, хорошо рассчитан на то, чтобы пролить свет на дух эпохи и показать нам, каково было тогда общее мнение об экспедициях на Восток. В этом документе, который можно считать причудливым, по крайней мере, по его форме, автор, Гумберт де Романис, пытается возродить рвение христиан к священной войне, и, сожалея о безразличии своих современников, он указывает на восемь препятствий на пути к эффекту своей проповеди: 1. *Греховная привычка*; 2. *Страх усталости*; 3. *Отвращение покидать родную страну*; 4. *Чрезмерная любовь к семье*; 5. *Злые речи людей*; 6-е место. *Слабость ума, которая порождает веру в то, что все невозможно*; 7-е место. *Плохие примеры*; 8-е место. *Вера без тепла*. Ко всем этим мотивам

безразличия автор мог бы добавить другие причины, вытекающие из политики и новых интересов Европы; но, не позволяя стольким препятствиям остановить себя, бесстрашный защитник крестовых походов, всегда руководствуясь перечислениями и категориями, спешит обозначить семь сильных страстей, которые, по его мнению, должны были привести сторонников святого к триумфу; этими причинами были: 1. *Ревность о славе Божьей*; 2. *Ревность о христианской вере*; 3. *Братская благотворительность*; 4-е место. *Благоговейное уважение к Святой Земле*; 5. *Война, начатая мусульманами*; 6-е число. *Пример первых крестоносцев*; 7-е место. *Благословения Церкви*. После этих перечислений Гумберт де Романис повторяет возражения, которые были высказаны в его время против крестовых походов. Одни говорили, что войны, какого бы рода они ни были, только способствуют пролитию крови, и что было вполне достаточно тех, которых нельзя было избежать, и тех, которые люди были вынуждены вести в целях самообороны; другие говорили, что это было искушение Бога покинуть землю, в которой его воля заставила нас родиться, и в которой его благодать осыпала нас благословениями, чтобы отправиться в страну, которую Бог дал другим народам, и в которой он постоянно оставлял нас на все невзгоды изгнания. Далее было сказано, что вторгаться на территории сарацин недопустимо, что для преследования мусульман было не больше причин, чем евреев, что войны, развязанные против них, никогда не приведут к их обращению, и, короче говоря, что эта война, по-видимому, не была угодна Богу, поскольку он допустил, чтобы столько несчастий обрушилось на крестоносцев.

Гумберт де Романис в своей книге отвечает на все эти и многие другие возражения; но сами эти возражения были основаны на духе эпохи, который нельзя было изменить рассуждениями. Он тщетно повторял, что Святая Земля изначально принадлежала христианам и что они имели право пытаться отвоевать ее; что виноградную лозу Господню следует защищать мечом от тех, кто желает вырвать ее с корнем; что если они вырвут ежевику с бесплодной почвы, то гораздо сильнее будут вынуждены изгнать со святой земли грубый и варварский народ. Он напрасно повторял то, что так часто говорилось ранее, что несчастья крестовых походов произошли не потому, что эти крестовые походы были неуютны Богу, а потому, что Божьей волей было наказать крестоносцев и испытать их постоянство и веру. Вся эта демонстрация церковной эрудиции и аргументации никого не убедила; не потому, что люди стали более просвещенными, чем несколькими годами ранее, а потому, что у них были другие мысли: подобные рассуждения имели бы превосходный успех в предыдущем столетии, когда обращались к господствующим страстям; но они не произвели никакого эффекта, когда были обращены к безразличию.

Это европейское безразличие оказалось роковым для христианских колоний Востока; оно отдало их без защиты на милость врага, который с каждым днем становился все более могущественным и чей фанатизм разгорался после победы. С другой стороны, в конфедерации сирийских франков наблюдались свежие симптомы упадка и новые признаки приближающегося разорения. Все эти мелкие княжества, все эти города, разбросанные по сирийским берегам, были разделены между ними; и все страсти, порождаемые духом соперничества, стали вспомогательными средствами сарацин. Каждое из этих мелких государств, пребывавших в постоянном страхе, охотно покупало несколько дней мира или несколько месяцев существования договорами с бибарами, договорами, в которых почти всегда приносились в жертву общая честь и интересы христиан. Султан Каира не побрезговал заключить союзный договор с отдельным городом или даже с поселком; и нет ничего более любопытного, чем видеть, как в этих политических актах фигурирует, с одной стороны, суверен Египта, Сирии, Месопотамии и двадцати других провинций; а с другой - маленький городок

вроде Сидона^[41] или Тортоса с ее полями, его сады и мельницы: прискорбный контраст, который, должно быть, заставил христиан почувствовать степень своего унижения и доказал им все, чего они должны были бояться. Во всех этих договорах мусульманской политикой было способствовать расколу среди франков и удерживать их в состоянии зависимости,^[42] никогда не рассматривая их как союзников, а как вассалов, фермеров или данников.

Таким был мир, которым наслаждались христианские государства в Сирии; и еще одним предметом сожаления было то, что в то время было трое претендентов на Иерусалимское королевство: король Кипра, король Сицилии и Мария Антиохийская, происходившая от четвертой дочери Изабеллы, жены Амора. Партии спорили и даже сражались за наполовину разрушенное королевство; или, скорее, они боролись за то, чтобы позорно разрушить его полностью и отдать под власть сарацин, раздираемое раздорами.

Бибарс тем временем неуклонно продолжал свои завоевания; каждый день разносился слух о каком-нибудь новом триумфе; однажды он вернулся в Каир, таща за собой в свите царя Нубии, которого только что завоевал; в другой раз он вернулся из Армении, откуда привел тридцать тысяч лошадей и десять тысяч детей обоего пола. Эти сообщения посеяли ужас среди христианских городов, ужас, который очень мало смягчался их договорами с султаном Египта; никто не мог сказать, каким может быть следующее завоевание, задуманное Бибарсом, и каждый город дрожал, опасаясь, что станет следующим объектом его честолюбия или ярости, когда смерть этого свирепого завоевателя подарила христианам несколько мгновений безопасности и радости.

Конец Бибарса описывается по-разному; мы будем следовать рассказу историка Ибн-Ферата, с выражениями которого даже мы иногда будем вольны. Бибарс собирался отправиться в Дамаск, чтобы сразиться с татарами в окрестностях Евфрата; но перед своим отъездом он потребовал чрезвычайного самозванства. Имам Мохьеддин Алмури обратился к нему с упреками по этому поводу, но султан ответил: “О! мой господин, я отменю этот налог, когда одержу победу над нашими врагами”. Когда Бибарс одержал победу над татарами, он в следующих выражениях написал начальнику дивана в Дамаске: “Мы не сойдем с коня, пока ты не наложишь оброк в двести тысяч дирхемов на Дамаск, один из трехсот тысяч - на его территории, один из трехсот тысяч - на его города и один из десяти сотен тысяч дирхемов - на южные провинции”. Таким образом, радость, вызванная победой Бибарса, сменилась печалью, и народ молился о смерти султана. Жалобы были переданы шейху Мохьеддину, благочестивому и уважаемому человеку;^[43] и едва начался сбор дани, как Бибарс был вычеркнут из списка живых — он умер отравленным.

Арабские историки относят Бибарса к числу великих князей династии бахаритских мамлюков. Первоначально он был продан в рабство, и хотя жил всего лишь среди солдат, проницательный ум заменил ему образование. Когда впоследствии он познакомился с войной и попал в ряды армии, он приобрел все знания, которые были необходимы для того, чтобы позволить ему править мамлюками. Качеством, которое больше всего помогло ему в осуществлении его честолюбивых замыслов, была его невероятная активность; в течение семнадцати лет своего правления он не позволял себе ни дня отдыха; он находился почти в одно и то же время в Сирии, Египте и на берегах Евфрата: хроники сообщают, что он часто прогуливался по улицам Дамаска, в то время как его придворные ожидали момента его пробуждения у ворот каирского дворца. Поскольку два султана Египта погибли от его руки, и поскольку он пришел к власти путем

жестоких революций, то, чего он больше всего боялся, было влияние его собственного примера; все те, чье честолюбие он опасался или в чьей верности сомневался, были немедленно принесены в жертву. Самого простого общения между людьми было достаточно, чтобы встревожить его свирепый и подозрительный нрав; если верить восточным историкам, во время правления Бибарса друзья избегали друг друга на улицах, и ни один человек не осмеливался войти в дом другого. Когда для него было важно скрыть свои замыслы, набросить завесу на свои действия или самому скрыться от посторонних глаз, горе тому, кто угадывал его мысли, произносил его имя или приветствовал его на пути. Суровый со своими солдатами, льстец со своими эмирами, не испытывающий отвращения к хитрости, предпочитающий насилие, играющий договорами и клятвами, практикующий лицемерие, которое никто не мог разгадать, одержимый алчностью, которая делала его безжалостным при взимании дани; никогда не отступавший ни перед врагом, ни перед препятствием, ни перед преступлением, его гений и характер, казалось, были созданы для правительства, которое он в некотором роде основал, чудовищного правительства, которое поддерживалось пороками и излишествами и которое, возможно, не могло бы существовать при других условиях. сочетание с умеренностью и добродетелью.

Его враги и подданные одинаково трепетали перед ним; они все еще трепетали перед носилками, на которых его останки были перевезены из Дамаска в Каир. Но так много эксцессов, так много насилия, так много триумфов, которые служили только его личным амбициям, не смогли закрепить корону за его семьей; двое его сыновей взошли на трон только для того, чтобы снова сойти с него. Келаун, храбрейший из эмиров, вскоре узурпировал верховную власть; было совершенно маловероятно, что в армии, постоянно подверженной мятежам, сохранится единая линия наследования трона. Каждый мамелюк считал себя рожденным для империи, и в этой республике рабов каждому казалось допустимым мечтать о тирании. Вещь почти невероятная — то, что казалось наиболее рассчитанным на то, чтобы погубить эту группу мятежных солдат, было именно тем, что ее спасло; слабость или неспособность никогда не могли долго продержаться на троне, и среди суматохи фракций почти всегда случалось, что для руководства правительством и ведения войны выбирался самый храбрый и способный.

Бибарс начал уничтожение христиан; Келауну было суждено завершить его. На Западе Григорий тщетно занимался подготовкой или, скорее, проповедью крестового похода; он несколько раз возобновлял свои отношения с Родольфом Габсбургским, но Родольфу нужно было защищать империю; папе было бесполезно угрожать лишить его короны; новый император видел гораздо меньшую опасность для себя в гнев суверенного понтифика, чем в экспедиции, которая увела бы его так далеко от его государств. В конце концов Григорий умер, так и не сумев выполнить обещания, данные им христианам Востока. Время от времени Палестина получала некоторую помощь из Европы; но эта помощь, почти никогда не поступавшая вовремя, казалась скорее не столько увеличивающей, сколько ставящей под угрозу ее безопасность. Король Сицилии, который добился провозглашения себя королем Иерусалима, послал несколько солдат и губернатора в Птолемаис; он готовился совершить грандиозную экспедицию в Сирию,^[44] и его честолюбие, возможно, могло бы в этих обстоятельствах послужить делу христиан, если бы революция внезапно не положила конец его проектам.

Недовольство населения его государств, особенно Сицилии, постоянно росло. Народ был обременен тяжелыми налогами за прошлый крестовый поход, и объявление о новом походе было встречено большим ропотом; враги Карла не видели в вознесении креста ничего, кроме сигнала к насилию и разбою; именно под этим священным знаменем, говорили они, он привык проливать невинную кровь; они также помнили, что завоевание Неаполя было совершено под знаменем креста. Наконец был подан сигнал к восстанию, восемь тысяч французов были принесены в жертву Конрадину, и сицилийская вечерня завершила разрушение всех восточных планов Карла.

С этого времени Келаун мог нападать на христиан; но, занятый установлением своей власти среди мамлюков и отражением татар, которые продвинулись к Евфрату, он согласился заключить перемирие с франками Птолемаиды. Из этого договора, который сохранили арабские авторы, можно ясно понять, каковы были замыслы каирских султанов и насколько велико их влияние над своими слабыми врагами.^[45] Христиане обязались на случай, если какой-либо принц франков предпримет экспедицию в Азию, предупредить неверных о приближении христианских армий с Запада. Это было одновременно подписанием бесчестного условия и отказом от всех надежд на крестовый поход.

Кроме того, армии Запада сражались не за Святую Землю, а за другие интересы, и не было никаких оснований полагать, что их будут видеть в Азии в течение длительного времени. Большинство князей Европы в то время никогда не задумывались о мусульманах или их победах; те князья или государства, которым нужно было защищать какие-либо интересы на Востоке,^[46] не только без колебаний вступили в союз с султаном Египта, но и обещали в договорах и поклялись на Евангелии объявить себя врагами всех христианских держав, которые нападут на государства их ближнего Востока. Союзник мусульманина.

Таким образом, все эти договоры, продиктованные иногда честолюбием и алчностью, а иногда страхом, с каждым днем воздвигали новый барьер между христианами Востока и Запада. Кроме того, эти договоры не сдерживали султана Каира, который всегда находил какой-нибудь предлог для их нарушения, когда война давала больше преимуществ, чем мир. Так было с крепостью Маргат, расположенной на реке Элевктера, в окрестностях Триполи. Госпитальеры, охранявшие этот замок, были обвинены во вторжениях в земли мусульман; и за этим обвинением, которое, возможно, не было лишено оснований, вскоре последовала осада этого места. Башни и крепостные валы долгое время сопротивлялись ударам боевых машин; гарнизон отражал каждую атаку; но пока они сражались на стенах и у подножия стен, шахтеры выкапывали из-под них землю. Наконец крепость, подорванная со всех сторон, была готова развалиться на куски по первому сигналу. Госпитальеры с честью капитулировали, и Маргат открыл свои ворота мусульманской армии.

На берегу моря, между Маргатом и Тортозой, стоял другой замок, в который удалился франкский дворянин, которого некоторые арабские хронисты называют съером де Телима, а другие - съером Бартелеми. Этот франкский лорд не переставал опустошать земли по соседству и каждый день возвращался домой в свою крепость, нагруженный добычей сарацин. Келаун хотел напасть на замок съера Бартелеми, но, считая его неприступным, он написал графу Триполи: "Это ты построил или позволил построить этот замок; зло будет тебе, зло будет твоей столице, зло будет твоему народу, если он не будет немедленно разрушен".^[47] Граф Триполи был тем более встревожен этими угрозами со стороны мусульманских войск, которые на момент

получения письма находились на его территории: он предложил сеньору Бартелеми значительные земли в обмен на его замок; он давал ему самые блестящие обещания и предложения, но все напрасно. Наконец в переговоры вмешался сын Бартелеми и отправился умолять каирского султана о сострадании. Разгневанный старик бросился вслед за своим сыном, настиг его в городе Птолемаиде и заколол кинжалом на глазах у собравшегося народа. Это отцеубийство вызвало отвращение у всех христиан, и в конце концов Бартелеми был оставлен своими собственными солдатами, которые с ужасом восприняли его преступление. Замок, который остался незащищенным, вскоре после этого был снесен. С этого времени сьер Бартелеми стал самым закоренелым врагом христиан; и, уединившись среди неверных, постоянно привлекал их к своей мести и призывал к разрушению христианских городов.

Его безжалостная ненависть имела слишком много возможностей для удовлетворения. Султан Каира вел войну против христиан, и все, казалось, благоприятствовало его начинаниям. Он долгое время вынашивал план овладения Лаодикией, порт которой соперничал с портом Александрии; но цитадель этого города, окруженная морскими водами, была неприступна; землетрясение, сотрясшее башни крепости, облегчило ему ее завоевание. Замок Карак и некоторые другие форты, построенные на побережье Финикии, попали в руки мусульман. Открыв таким образом все пути к Триполи, султан обратил все свое внимание на осаду этого города. Ни вера в международные договоры, ни недавние заявления Бозмунда не смогли ни на мгновение задержать падение цветущего города: ни один христианский город, ни один палестинский князь не предложили Триполи ни малейшей помощи. Действительно, дух разделения, который всегда царил среди франков, был таков, что тамплиеры совместно с сеньором де Жибле вынашивали план ввести несколько христианских солдат в город Бозмунда и захватить его врасплох. Правда, они не смогли осуществить свой замысел; но какое зло, должно быть, навлекли эти отвратительные чувства зависти, эти черные предательства на слабые остатки христианских колоний!

Грозная армия предстала перед стенами Триполи, и у крепостных валов было установлено огромное количество машин: после тридцатипятидневной осады мусульмане проникли в город с огнем и мечом в руках. Семь тысяч христиан пали от рук завоевателя; женщин и детей увели в рабство, а перепуганная толпа тщетно искала убежища у кровожадных мамлюков на острове Святого Николая. Абульфедра рассказывает, что, побывав на этом острове через несколько дней после взятия Триполи, он обнаружил его усеянным мертвыми телами. Некоторым жителям удалось попасть на корабли и бежать прочь из своей опустошенной страны; но море снова отбросило их на берег, где они были перебиты мусульманами. Мало того, что население Триполи было почти истреблено, но султан отдал приказ сжечь и снести город. Порт Триполи привлекал большую часть торговли Средиземноморья; в городе насчитывалось более четырех тысяч ткацких станков по производству шелка; его дворцами восхищались, его башни и укрепления казались неприступными. Так много источников процветания, все, что могло бы способствовать поддержанию мира или служить для защиты во время войны, - все погибло под огнем, топором и молотом! Главной целью мусульманской политики в этой войне было уничтожить все, что сделали христиане; не оставить никаких следов своей власти на берегах Сирии; ничего, что могло бы впоследствии привлечь туда князей и воинов Запада, ничего, что могло бы дать им средства удержаться там, если когда-нибудь у них возникнет искушение снова развернуть свои знамена на Востоке.

Птолемаида, оставшаяся невредимой в этой жестокой войне, узнала о падении и разрушении христианского города от нескольких беглецов, которые, спасшись от меча мусульман, нашли убежище в его стенах. Исходя из этого печального известия, можно было легко предсказать несчастья, которые его ожидали. Птолемаида была тогда столицей христианских колоний и самым значительным городом Сирии. Большинство франков, будучи изгнанными из других городов Палестины, нашли там убежище, прихватив с собой все свое имущество. В его порту стояли на якоре все воинственные флоты, пришедшие с Запада, с самыми богатыми торговыми судами из большинства стран мира. Город увеличился в размерах не меньше, чем население; он был построен из камней квадратной формы; все стены домов были одинаковой высоты, и платформа или терраса венчала большинство зданий.^[48] Интерьер главных домов был украшен картинами, и они получали свет через стеклянные окна, что в то время было необычайной роскошью. В общественных местах покрывала из шелка или прозрачных тканей защищали обитателей от палящего солнца. Между двумя крепостными валами, окружавшими город с востока, были построены замки и дворцы, резиденции великих; ремесленники и торговцы занимали внутреннюю часть города. Среди принцев и знати, имевших особняки в Птолемаиде, были король Иерусалима, его братья и его семья, князя Галилеи и Антиохии, наместники Франции и Сицилии, герцог Кесарии, графы Триполи и Яффо, сеньоры Барута, Тира, Тверии, Ибелина, Арсафа и другие. Мы читаем в старой хронике, что все эти магнаты имели обыкновение разгуливать по общественным местам в золотых коронах, как короли, в то время как облачения их многочисленных приближенных сверкали золотом и драгоценными камнями. Каждый день проходил в празднествах, зрелищах или турнирах; в то время как порт был местом обмена сокровищ Востока и Запада, демонстрируя во все времена оживленную картину торговли и промышленности.

Современная история со всей серьезностью сожалеет о развращении нравов, царившем в Птолемаиде, о толпах чужеземцев, приносящих с собой пороки всех стран. Изнеженность и роскошь пронизывали все сословия, само духовенство не могло избежать общей заразы: жители Птолемаиды считались самыми сладострастными и распутными из всех народов Сирии. Птолемаис был не только самым богатым городом Сирии, но и считался самым хорошо укрепленным. Людовик Святой, пока он жил в Палестине, ничем не пренебрегал для ремонта и увеличения ее укреплений. Со стороны суши город окружала двойная стена, на расстоянии возвышавшаяся над высокими зубчатыми башнями, а широкий и глубокий ров преграждал доступ к крепостным валам. Со стороны моря город защищала крепость, построенная у входа в порт, замок темпл на юге и башня, называемая Королевской башней, на востоке.

Таким образом, Птолемаида, по-видимому, обладала гораздо лучшими средствами обороны, чем в тот период, когда она в течение трех лет противостояла всем силам Европы. Никакая сила не смогла бы покорить его, если бы он был населен истинными гражданами, а не иностранцами, паломниками и торговцами, в любое время готовыми перевезти себя и свои богатства из одного места в другое. Лица, представлявшие короля Неаполя, наместников короля Кипра, французов, англичан, папского легата, патриарха Иерусалимского, князя Антиохийского, три военных ордена, венецианцев, генуэзцев, пизанцев, армян, татар, имели все и каждого в отдельности, свою юрисдикцию, свои суды, своих магистратов — все независимо друг от друга и все пользуются правом суверенитета. Все эти кварталы были, как и многие другие города, противоположны друг другу обычаями, языком, манерами и, прежде всего, соперничеством и ревностью. Было невозможно сохранить порядок в городе, в котором так много суверенов издавали законы, в котором не было единого правительства и в котором преступление,

преследуемое в одной части, находило защиту в другой. Таким образом, все страсти не поддавались сдерживанию и часто приводили к кровавым и позорным сценам: помимо ссор, которые разгорались в стране, в Европе, особенно в Италии, не было ни одной вражды, которая не ощущалась бы в Птолемаиде. Раздоры гвельфов и гибеллинов здесь обсуждались с жаром, а соперничество Венеции и Генуи вызвало потоки крови. У каждого народа были укрепления в том квартале, который он населял, против других; и даже церкви были укреплены. У входа в каждую дивизию стояла крепость с воротами и железными цепями; было ясно видно, что все эти средства обороны использовались не столько для того, чтобы остановить продвижение врага, сколько как барьер против соседей и соперников.

Иногда собирались руководители всех кварталов и основные жители города; но они редко соглашались и всегда относились друг к другу с недоверием: эти собрания никогда не вырабатывали какого-либо устоявшегося плана поведения, никогда не устанавливали никаких полезных незыблемых правил и, прежде всего, никогда не проявляли ни малейшей предусмотрительности.

В то же время город запросил помощи с Запада и заключил перемирие с сарацинами. Когда заключался международный договор, ни у кого не было достаточной власти, чтобы обеспечить его соблюдение; напротив, каждый имел право нарушить его и таким образом навлечь на город все беды, которые могло вызвать это нарушение.

После взятия Триполи султан Каира угрожал городу Птолемаис; тем не менее, то ли он боялся отчаяния жителей, то ли думал, что благоприятный момент еще не наступил, он уступил их просьбам и возобновил перемирие с ними на два года, два месяца, две недели, два дня и два часа. Согласно хронике, папский легат не одобрил этот договор и нанес оскорбление некоторым мусульманским торговцам, которые приехали в Птолемаис: тамплиеры и другие военные ордена хотели возместить ущерб египетскому султану; но легат воспротивился им и пригрозил отлучить от церкви всех, кто будет иметь хоть малейшее отношение к неверным.^[49]

Арабский автор указывает еще на один мотив насилия, совершенного против мусульман. Он рассказывает, что жена богатого жителя Птолемаиды, будучи глубоко влюбленной в молодого мусульманина, назначила ему встречу в одном из садов, окружающих город; муж, предупрежденный об этом надругательстве над супружеской верностью, собирает вместе нескольких друзей, уезжает с ними из Птолемаиды,^[50] сюрпризы его жена и ее соблазнитель, и приносит их обоих в жертву своей оскорбленной чести. Некоторые мусульмане стекаются на это место; христиане появляются в еще большем количестве; ссора становится яростной и всеобщей; и каждый мусульманин убит.

Эти насилия, которые слава не преминула преувеличить, повествуя о них, могли дать султану Египта предлог для возобновления войны; и христиане, которые ясно осознавали свою новую опасность, обратились за помощью к верховному первосвященнику. Папа поручил Венеции снарядить двадцать пять галер, и этот флот доставил в Птолемаиду отряд в тысячу шестьсот человек, спешно набранный в Италии. Это подкрепление, посланное жителям Палестины для их защиты, привело к их гибели; солдаты Святого Престола, набранные из числа авантюристов и бродяг, предавались всевозможным излишествами. Не имея регулярного жалованья, они грабили христиан и мусульман без разбора; наконец, этот недисциплинированный отряд выступил из города с оружием в руках и совершил вторжение в земли сарацин. Все было опустошено на их пути; города и деревни были разграблены, жители оскорблены, и многие из

них были убиты. Султан Каира отправил послов к христианам с жалобой на эти безобразия, совершенные в мирное время. По прибытии мусульманских посланников в Птолемаис было проведено несколько соборов. Мнения сначала разделились; одни были готовы встать на сторону тех, кто нарушил перемирие; другие считали более справедливым и благоразумным удовлетворить султана и добиваться продолжения договора. В конце концов было решено послать в Каир депутацию с поручением оправдаться и преподнести подарки. Будучи допущенной на аудиенцию в Келауне, депутация заявила, что преступления были совершены несколькими солдатами, пришедшими с Запада, и ни в коем случае не жителями Птолемаиса. Депутаты от имени своего города предложили наказать зачинщиков беспорядков; но их покорность и мольбы не произвели никакого эффекта на султана, который сурово упрекнул их в том, что они посмеиваются над верностью международных договоров и предоставляют убежище нарушителям спокойствия и противникам законов наций. Он был более непреклонен, считая возможность благоприятной для осуществления своих проектов; он знал, что в Европе не готовился никакой крестовый поход, и он знал, что вся помощь с Запада сводилась к этой банде авантюристов, которые только что нарушили перемирие. Келаун отослал послов обратно, пригрозив городу Птолемаису всей тяжестью своего гнева: его приказы о подготовке к войне уже были отданы во всех его провинциях.

Сразу после возвращения послов^[51] был созван большой совет, на котором присутствовали патриарх Иерусалимский Иоанн де Гресли, который командовал от имени короля Франции, мессир Ост де Грансон от имени короля Англии, великие магистры Храма и Госпиталя, главные лица города, а также большое количество горожан и паломников. Когда депутаты рассказали о своей миссии и повторили угрозы султана, патриарх обратился к собранию; его добродетели, его седины, его рвение к делу христиан - все внушало доверие и уважение. Этот достопочтенный прелат призывал всех, кто его слушал, вооружиться для защиты города, помнить, что они христиане и что их долг - умереть за дело Христа; он заклинал их забыть о своих разногласиях, не иметь других врагов, кроме мусульман, и показать себя достойными святого дела, за которое они собирались сражаться. Его красноречие пробудило великодушные чувства слушателей, и все поклялись повиноваться увещаниям патриарха: "Счастливы были бы город Птолемаида, если бы его жители и защитники сохранили тот же настрой и тот же энтузиазм среди опасностей и невзгод войны!"

Они просили помощи отовсюду; несколько паломников прибыли с Запада и несколько воинов с островов Средиземноморья; король Кипра высадился на берег с пятью сотнями человек. Эти новые вспомогательные силы и все, кто был способен носить оружие в городе, насчитывали девятьсот всадников и десять тысяч пехотинцев. Они были разделены на четыре отряда, которым было поручено защищать башни и крепостные валы. Первой из этих дивизий командовали Осте де Грансон и Джон де Гресли, в одной были англичане и пикардийцы, в другой - французы; второй дивизией командовал король Кипра совместно с великим магистром Тевтонского ордена; третьей - великий магистр ордена Святого Иоанна и великий магистр ордена кентерберийских рыцарей; четвертой - великие магистры Тампля и Святого Лазаря: совет из восьми лидеров должен был управлять городом во время осады.

Мусульмане готовились к войне повсюду; все было в движении от берегов Нила до берегов Евфрата. Султан Келаун, заболев при выезде из Каира, отправил перед собой семь главных эмиров, у каждого из которых под командованием было четыре тысячи всадников и двадцать тысяч пехотинцев. Когда они прибыли на территорию Птолемаиды, сады, загородные дома,

виноградные лозы, покрывавшие холмы, — все было уничтожено. Вид пожара, возникшего со всех сторон, обезумевшая толпа окрестных жителей, которые бежали из своих домов со своим добром, стадами и семьями, предупредили Птолемея об исполнении угроз и зловещих замыслов сарацин: на равнине произошло несколько сражений, но ничего примечательного или решающего; мусульмане ждали прибытия султана, чтобы приступить к трудам осады.

Тем временем Келаун все еще задерживался в Египте из-за болезни, и, чувствуя приближение своего конца, султан послал за своим сыном и его главными эмирами; последнему он посоветовал служить его сыну так же, как они служили ему самому; а первому - продолжать войну против христиан без какого-либо перерыва, умоляя его не оказывать его останкам почестей погребения до того, как он завоюет город Птолемаис. Халил поклялся исполнить последнюю волю своего отца; и когда Келаун закрыл глаза, улемы и имауны собрались в часовне, где были захоронены его останки, и всю ночь читали стихи из Корана, не переставая призывать своего пророка против учеников Христа. Халил не стал медлить, отправившись в поход со своей армией. Франки надеялись, что смерть Келауна вызовет некоторые беспорядки среди мамелюков; но ненависть к христианам была достаточным связующим звеном для мусульманских солдат; даже осада Птолемаиса, надежда уничтожить христианский город, заглушила все зародыши раздора и укрепила власть Халила, которого они заранее провозгласили победителем франков *иумиротворителем мусульманской религии*.

Султан прибыл раньше Птолемея; его армия занимала пространство в несколько лиг, от моря до гор. Более трехсот боевых машин были готовы обрушиться на крепостные валы города. Абульфед, присутствовавший при этой осаде, говорит об одной из таких машин, для перевозки которой едва хватило бы сотни колесниц.

Эти грозные приготовления посеяли ужас среди жителей Птолемаиды. Великий магистр тамплиеров, отчаявшись в обороне или спасении города, собрал лидеров, чтобы посоветоваться, нет ли каких-либо средств возобновить перемирие и таким образом избежать неминуемой гибели.^[52] Отправившись в палатку султана, он потребовал от него мира; и, стремясь произвести впечатление на его разум, он преувеличил силу Птолемаиса; султан, несомненно, опасаясь трудностей осады и надеясь найти другую возможность стать хозяином города, согласился на перемирие при условии, что каждый житель заплатит ему венецианский денье. Великий магистр по возвращении созвал народное собрание в церкви Святого Креста и изложил им условия, выдвинутые султаном при заключении нового перемирия. Его совет состоял в том, чтобы они выполнили эти условия при условии, что не будет других способов спасти Птолемаис. Едва он успел высказать свое мнение, как толпа в ярости ворвалась внутрь, издавая громкие крики *опредательстве!* и великий магистр едва не искупил на месте свою предусмотрительность и рвение к спасению города. С того времени единственной мыслью этого великодушного воина было умереть с оружием в руках за неблагодарный и легкомысленный народ, неспособный отразить войну войной и не способный выстоять, чтобы спастись миром.

Присутствие султана удвоило пыл мусульманских войск. Со дня его прибытия осада велась с невероятной энергией. Армия осаждающих насчитывала шестьдесят тысяч всадников и сто сорок тысяч пеших, которые постоянно сменяли друг друга и не оставляли осажденным ни минуты покоя. Машины швыряли камни и огромные куски дерева, падение которых потрясло дворцы и жилые дома города до основания. День и ночь на крепостные валы и башни

обрушивался ливень стрел, дротиков, огненных горшков и свинцовых ядер. Во время первых штурмов христиане убили стрелами и камнями большое количество неверных, приблизившихся к стенам; они совершили множество вылазок, в одной из которых проникли в палатки сарацин. Будучи, наконец, отброшены, некоторые из них попали в руки мусульман, и сирийские всадники, привязав головы побежденных к шеям своих лошадей, отправились демонстрировать султану Каира варварские трофеи, добытые дорогой ценой.

Опасность поначалу объединила всех жителей Птолемаиды и воодушевила их одинаковыми чувствами. В первых боях ничто не могло сравниться с их пылом; их поддерживало ожидание получения помощи с Запада, и они надеялись также, что некоторые преимущества, полученные над сарацинами, заставят осаждающих отступить; но по мере того, как эти надежды исчезали, их рвение уменьшалось; большинство из них были неспособны выносить длительную усталость; вид опасности, которая непрестанно возвращалась, истощал их мужество; защитники крепостных валов видели, что их число уменьшается с каждым днем; порт был заполнен христианами, покидавшими город и уносившими с собой свои сокровища. Пример тех, кто таким образом бежал, окончательно обескуражил оставшихся; и в городе, насчитывавшем сто тысяч жителей и имевшем к началу осады около двадцати тысяч воинов, в конце концов удалось собрать под ружье только двенадцать тысяч.

К дезертирству вскоре добавилось еще одно зло, а именно разногласия среди лидеров; некоторые из них не одобряли меры, которые были приняты для защиты города, и поскольку их мнения не преобладали в совете, они оставались бездейственными, забыв об опасностях, которые угрожали как городу, так и им самим.

На четвертый день мая, после того как осада длилась почти месяц, султан Каира дал сигнал к штурму. С рассветом все армейские барабаны, установленные на трехстах верблюдах, издавали устрашающий и оглушающий звук. Самая грозная из боевых машин была задействована при штурме крепостных валов по направлению к воротам и башне Святого Антония, на восточной стороне города. Этот пост охраняли солдаты короля Кипра; мусульмане установили свои лестницы у подножия стен; оборона была не менее энергичной, чем атака; сражение длилось целый день, и только ночью сарацины были вынуждены отступить. После этой жестокой борьбы король Кипра стал больше заботиться о безопасности, чем о славе, и решил покинуть город, на спасение которого у него теперь не было надежды. Он удалился со своим отрядом вечером под предлогом необходимого отдыха и, доверив опасный пост тевтонским рыцарям, пообещал вернуться с рассветом; но когда взошло солнце, король Кипра уже сел на корабль со всеми своими рыцарями и тремя тысячами солдат. Каково же было удивление и негодование христианских воинов при известии об этом подлом дезертирстве! “Вознесся бы к небесам”, — говорит автор отчета, который находится перед нами,^[53] - “вознесся бы к небесам, если бы поднялся смерч, затопил этих низкопробных беглецов и они погрузились, как свинец, на дно моря!”

На следующее утро мусульмане предприняли новую атаку; прикрываясь своими длинными щитами, они в хорошем порядке продвигались к своим машинам, неся огромное количество лестниц. Христиане некоторое время защищали подступы к стенам; но когда осаждающие увидели, что башни, занятые киприотами накануне, оставлены, их дерзость возросла, и они предприняли невероятные усилия, чтобы засыпать ров, бросая в него камни, землю и туши своих мертвых лошадей. Современные историки рассказывают об обстоятельствах этой части

осады, которым очень трудно поверить: отряд сектантов, которых называли Чагами, следовал за армией мамлюков; преданность этих сектантов заключалась в том, что они терпели всевозможные лишения и даже приносили себя в жертву ради исламизма: султан приказал им засыпать ров; они засыпали его своими живыми телами, и мусульманская кавалерия перешагнула через них, чтобы добраться до подножия стен![\[54\]](#)

Осаждающие сражались с яростью; некоторые приставили лестницы и толпами взобрались на валы; в то время как другие продолжали долбить стены таранами и пустили в ход все доступные средства, чтобы разрушить их. Наконец большая брешь открыла проход в город, и вскоре эта брешь стала ареной кровавого и упорного сражения. Камни и стрелы были оставлены, теперь они сражались один на один, копьями, мечами и булавами. Количество сарацин увеличивалось с каждым мгновением, в то время как христиане не получали новой помощи. После долгого и храброго сопротивления защитники вала, измученные усталостью и подавленные численностью, были вынуждены отступить в город; сарацины бросились за ними в погоню, и, во что трудно поверить, большинство жителей оставались праздными зрителями не потому, что их мужество было подавлено видом опасности, а потому, что дух соперничества и ревности не был подавлен даже чувством общественного и всеобщего бедствия. “Когда весть о вторжении сарацин [мы заимствуем выражения современного историка] распространилась по городу, многие горожане из злобы друг к другу не испытывали и близко такого сострадания к общему бедствию, как им следовало бы, и не принимали в расчет того, что могло с ними случиться, думая в глубине души, что султан не причинит им вреда, потому что они не согласились на нарушение перемирия”. В своем безумии они предпочитали полагаться на милосердие завоевателя, а не на храбрость христианских воинов;[\[55\]](#) вместо того, чтобы оказывать помощь своим соседям, все втайне радовались их потерям; главные вожди каждого квартала или каждой нации щадили своих солдат не для того, чтобы сохранить свои средства ведения войны. с сарацинами, но ради того, чтобы иметь больше империи в городе и беречь их силы, чтобы в будущем быть самыми могущественными и грозными в общественных распрях.

Однако истинная храбрость не позволяла ввести себя в заблуждение такими низменными страстями; войска Храма и Госпиталя находились везде, куда их призывала опасность. Вильгельм де Клермон, маршал госпитальеров, поспешил со своими рыцарями туда, где опасность была наиболее неминуемой, а резня - самой большой. Он встретил толпу христиан, бегущих впереди своих врагов; этот храбрый воин остановил их бегство и придал им мужества, ворвавшись в ряды сарацин и рубя всех, кто попадался ему на пути; мусульмане, как говорится в старой хронике, “разбежались при его приближении, как овцы перед волком”. Тогда большинство из тех, кто повернулся спиной к врагу, вернулись в бой; потрясение было ужасным, резня ужасающей: ближе к вечеру трубы сарацин протрубили отступление, и все, кто спасся от мечей христиан, в беспорядке отступили через сделанную ими брешь. Это неожиданное преимущество чудесным образом подействовало на дух осажденных. Те, кто не принимал участия в состязании, но спокойно оставался в своих жилищах, начали опасаться, что их обвинят в предательстве христианского дела. Они выступили вперед с развернутыми знаменами и направились к воротам Святого Антония. Вид поля битвы, все еще покрытого следами резни, должен был, пробудил в них какие-то благородные чувства, и если они не проявили своей храбрости, то их братья-воины, распростертые на земле, которые умоляли их помочь им и перевязать их раны, по крайней мере, предоставили им возможность проявить свою человечность. Раненым оказали помощь, мертвых похоронили, а затем приступили к

ремонту стен и установке машин: вся ночь ушла на подготовку средств обороны к следующему дню.

Перед восходом солнца на следующее утро в доме госпитальеров было созвано общее собрание. Печаль была написана на каждом лице; они потеряли две тысячи христианских воинов в битве предыдущего дня; теперь в городе оставалось всего семь тысяч бойцов; их было недостаточно для защиты башен и крепостных валов; их больше не поддерживала надежда победить своих врагов; будущее не представляло ничего, кроме одной ужасной перспективы опасностей и бедствий. Когда все собрались, патриарх Иерусалимский обратился к скорбящему собранию. Достопочтенный прелат не упрекал тех, кто не участвовал в битве предыдущего дня; прошлое должно быть забыто; он не хвалил тех, кто проявил свою храбрость, опасаясь пробудить зависть; в своей речи он не осмеливался говорить о стране, ибо Птолемида не была страной большинства из тех, кто его слушал. Картина несчастий, угрожавших городу и каждому из его жителей, была представлена в самых мрачных красках; не было ни надежды, ни убежища для побежденных; нечего было ожидать милосердия сарацин, которые всегда приводили в исполнение свои угрозы и никогда не выполняли своих обещаний. Было слишком очевидно, что Европа не пришлет им помощи; у них не было достаточно кораблей, чтобы подумать о морском путешествии: таким образом, патриарх прилагал меньше усилий, чтобы рассеять тревогу своих слушателей, чем для того, чтобы воодушевить их отчаянием. Он закончил свою речь, призвав их полностью довериться Богу и своим мечам, готовиться к битве покаянием, любить друг друга, помогать друг другу и стараться сделать свою жизнь или смерть славной для себя и полезной для христианства.

Речь патриарха произвела глубочайшее впечатление на собрание; не было слышно ничего, кроме рыданий и вздохов; все присутствующие были в слезах; религиозные чувства, которые обычно пробуждаются при виде великой опасности, наполнили их сердца пылом и воодушевлением, которых они никогда прежде не испытывали; большинство из них обнялись и обменялись взаимными увещаниями не бояться любой опасности; они взаимно исповедовались в своих грехах и даже выразили надежду на мученический венец; те, кто накануне подумывал о дезертирстве, поклялись, что никогда не оставят город, и даже выразили надежду на мученический венец. но погибли бы на крепостных валах вместе со своими братьями и товарищами.

Затем вожди и солдаты отправились на посты, вверенные их храбрости. Те, кто не был задействован в обороне крепостных валов и башен, приготовились сразиться со своими врагами, если те проникнут в город; на всех улицах были воздвигнуты заграждения, а на крышах и у дверей домов были сложены кучи камней, чтобы сокрушить мусульман или затруднить их продвижение.

Едва были закончены эти приготовления, как воздух огласился звуками труб и боем барабанов; ужасный шум, донесшийся с равнины, возвестил о приближении сарацин. Выпустив множество стрел, они уверенно двинулись к стене, которую прорвали накануне. Но они встретили сопротивление, которого не ожидали; многие были убиты у подножия крепостных валов; но поскольку их число на мгновение увеличилось, их постоянно возобновляющиеся атаки неизбежно истощили силы христиан, поначалу в небольшом количестве и не получавших подкрепления. К концу дня у христиан едва хватало сил метать дротики или обращаться с пикой. Стена снова начала проседать под ударами таранов; тогда патриарх, всегда находившийся на

пороге опасности, воскликнул умоляющим тоном: “О Боже! окружи нас крепостным валом, который люди не могут разрушить, и покрой нас эгисом Твоей силы!” Услышав это, солдаты, казалось, собрались с силами и предприняли последнее усилие; они бросились на врага, громким голосом взывая к *благословенному Иисусу*. Сарацины, добавляет наш хронист, *призывали имя своего Магомета* и произносили самые страшные угрозы в адрес защитников христианской веры.

Пока на крепостных стенах продолжалось это сражение, город с великим ужасом ожидал исхода сражения; волнение в умах людей породило тысячи слухов, которые, в свою очередь, принимались и отвергались. В самых отдаленных кварталах ходили слухи, что христиане одержали победу, а мусульмане обратились в бегство; добавлялось также, что с Запада прибыл флот с армией на борту. За этими новостями, вызвавшими мгновенную радость, последовали самые обескураживающие сведения; и во всех этих сообщениях не было ничего правдивого, кроме того, что предвещало нечто злое.

Вскоре стало известно, что мусульмане вошли в город. Христианские воины, защищавшие ворота Святого Антония, не смогли устоять перед натиском врага и бежали по улицам, умоляя жителей о помощи. Тогда эти последние вспомнили увещевания патриарха; отовсюду спешат подкрепления; вновь появляются рыцари Госпиталя во главе с доблестным Вильгельмом. Град камней падает с крыш домов; железные цепи натягиваются поперек прохода мусульманской кавалерии; те, кто был измотан боем, восстанавливают свои силы и снова бросаются в бой; те, кто пришел им на помощь, следуют по их стопам, прорываются сквозь мусульманские батальоны, рассеивают их и преследуют за крепостными валами. В каждом из этих сражений было продемонстрировано все, на что способна доблесть в сочетании с отчаянием. Размышляя, с одной стороны, о неизбежном разрушении великого города, а с другой - об усилиях небольшого числа защитников, которые изо дня в день откладывают сцены разрушения и смерти, мы не можем не испытывать одновременно сострадания и удивления. Нападения возобновлялись без перерыва, и всегда с одинаковой яростью. В конце каждого дня сражения несчастные жители Птолемаиды поздравляли себя с победой над своими врагами; но на следующее утро, когда солнце показалось над горизонтом, каковы были их мысли, когда они увидели с вершины своих крепостных валов мусульманскую армию, все ту же самую, покрывающую равнину от моря до подножия Каренбы и Кармила!

Сарацины, со своей стороны, были поражены сопротивлением, которое встречали все их атаки; такое количество сражений, в которых их неисчислимое множество не могло добиться решающего преимущества, начало повергать их в уныние. В армии неверных было невозможно объяснить непобедимую храбрость христианских солдат, не приписав ей чудесных причин. Тысячи необыкновенных историй передавались из уст в уста и поражали воображение толпы мусульман. Они верили, что видят двух мужчин в каждом из тех, с кем сражались;[56] в избытке своего изумления они убедили себя, что каждый воин, павший под их ударом, возродился сам по себе и вернулся на поле битвы более сильным и ужасным, чем когда-либо. Султан Каира, казалось, потерял всякую надежду взять город штурмом. Утверждается, что ренегаты, чье отступничество заставило их желать уничтожения христианского имени, искали все средства, чтобы возродить его мужество; сьер Бартелеми, поклявшийся в вечной ненависти к франкам, последовал за мусульманской армией;[57] этот непримиримый дезертир ничем не пренебрегал, чтобы ободрить лидеров, оживить их для битвы, и пробудить в их сердцах яростные страсти, которые постоянно пожирали его собственные. В дополнение к этому, имауны и шейхи, которых

было много в лагерях мамлюков, проникли в ряды армии, чтобы разжечь фанатизм солдат: султан угрожал наказанием всем, кто бежал перед врагом, и предложил огромные награды тем, кто водрузит знамя Пророка не на стенах Птолемаиса, а в центре города.

4 мая, в день, роковой для христиан, был дан сигнал к новому штурму. На рассвете мусульманская армия была вооружена, султан воодушевлял солдат своим присутствием. И атака, и оборона были гораздо более энергичными и упрямыми, чем несколько дней назад. Среди тех, кто пал на поле битвы, на одного христианина приходилось семь мусульман; но мусульмане могли возместить свои потери; потери христиан были невозполнимы. Сарацины по-прежнему направляли все свои усилия против башни и ворот Святого Антония.

Они были уже у бреши, когда рыцари Храма приняли опрометчивое решение совершить вылазку и напасть на лагерь мусульман. Они обнаружили вражескую армию выстроенной в боевом порядке; после кровопролитного столкновения сарацины отбросили христиан и преследовали их до подножия крепостных валов. Великий магистр Храма был поражен стрелой и упал среди своих рыцарей. В то же время великий магистр Госпиталя получил рану, которая вывела его из строя. Затем разгром стал всеобщим, и всякая надежда на спасение города была потеряна. Едва ли тысяча христианских воинов могла защитить ворота Святого Антония от всей мусульманской армии.

Христиане были вынуждены уступить множеству своих врагов; они направились к дому тамплиеров, расположенному на берегу моря. Именно тогда, казалось, смертельная пелена накрыла весь город Птолемаиду: сарацины наступали, полные ярости; не было улицы, которая не превратилась бы в театр резни; битва велась за каждую башню, за каждый дворец и у входа в каждое общественное здание; и во всех этих битвах было убито так много людей, что, согласно сообщению одного историка, *они ходили по мертвым, как по мосту.*

Как будто разгневанные небеса подали сигнал к разрушению, сильная буря, сопровождавшаяся градом и дождем, разразилась над городом; горизонт внезапно покрылся такой непроницаемой тьмой, что сражающиеся едва могли различить цвета, под которыми они сражались, или увидеть, какой штандарт развевался над башнями; все бедствия способствовали опустошению Птолемаиды; пламя появилось в нескольких кварталах, и никто не пытался его потушить; победители думали только о разрушении города, единственной целью побежденных было спастись бегством. Множество людей бежали, подвергаясь опасности, не зная, где они могли бы надеяться найти убежище. Целые семьи укрывались в церквях, где их душило пламя или рубили на куски у подножия алтарей; монахини и робкие девственницы смешивались с толпой, которая бродила по городу, или обезображивали ранами свои лица и грудь,^[58] спасаясь от жестокости завоевателей: что было самым прискорбным в войне? зрелищем, которое тогда представляли в Птолемаиде, было дезертирство вождей, бросивших народ на пике его отчаяния. Джон де Гресли и Осте де Грансон, которые почти не показывались на крепостных валах во время осады, бежали в самом начале сражения. Многие другие, давшие клятву умереть при виде этого всеобщего разрушения, думали только о спасении своих жизней и побросали оружие, чтобы облегчить себе бегство. История, однако, может противопоставить некоторые акты истинного героизма этим подлым дезертирствам. Наши читатели не могли забыть блестящие действия Уильяма де Клемента. Среди руин Птолемаиды, среди всеобщего разрушения, он все еще бросал вызов врагу; пытаясь собрать несколько христианских воинов, он поскакал к воротам Святого Антония, которые тамплиеры только что покинули; хотя он был

один, он хотел возобновить битву; он несколько раз прорывался сквозь ряды сарацин и возвращался, все еще сражаясь; когда он вернулся в центр города, его боевой конь (мы копируем рассказ того времени) был очень утомлен, как и он сам; боевой конь больше не слушался прищипываний, и он вернулся в город. и остановился на улице, так как больше не мог ничего делать. Сарацины повергли брата Уильяма на землю стрелами, и таким образом этот верный защитник Иисуса Христа отдал свою душу своему создателю. [59]

Мы не можем отказать в высочайшей похвале иерусалимскому патриарху, который в течение всей осады разделял все опасности сражающихся; когда друзья утащили его в порт, чтобы он скрылся от преследования мусульман, великодушный старик горько жаловался на то, что его разлучили со своей паствой в час опасности. Наконец его уговорили сесть на борт, но так как он настаивал на том, чтобы взять на борт своего судна все, что было под рукой, лодка затонула, и верный пастор пал жертвой своего милосердия.

Море было бурным, суда не могли подойти близко к суше; берег представлял собой душераздирающее зрелище: здесь мать звала своего сына, там сын умолял отца о помощи; многие в отчаянии бросались в волны; масса людей пыталась добраться до судов вплавь; некоторые утонули при попытке, других отбили веслами. Несколько женщин из самых знатных семей в ужасе бросились в порт, захватив с собой свои бриллианты и самые ценные вещи; они пообещали морякам стать их женами, отдать им себя и все свое богатство, если они увезут их подальше от этой ужасной сцены; большинство из них были перевезены на остров Кипр: жалость проявлялась только к тем, у кого были сокровища, которые можно было отдать взамен; таким образом, когда слезы не действовали на сердца, алчность заняла место человечности и спасла нескольких жертв. Наконец мусульманские всадники обрушились на порт и яростно преследовали христиан даже в волнах: с этого момента никому не удавалось избежать резни.

Тем не менее, среди города, отданного на разграбление и ставшего жертвой пламени и варварства завоевателей, несколько крепостей остались стоять, и их защищали несколько христианских солдат; эти несчастные воины умерли с мечами в руках, не имея других свидетелей своего славного конца, кроме своих непримиримых врагов.

Замок тамплиеров, в котором укрылись все рыцари, спасшиеся от сарацинской стали, вскоре стал единственным местом в городе, которое устояло. Султан, даровав им капитуляцию, послал триста мусульман для исполнения договора. Едва они вошли в одну из главных башен, башню великого магистра, как начали бесчинствовать над женщинами, которые нашли там убежище. Это нарушение прав войны до такой степени разозлило христианских воинов, что все сарацины, вошедшие в башню, были немедленно принесены в жертву их слишком справедливой мести. Разгневанный султан приказал начать осаду христиан в их последнем убежище и предать всех мечу. Рыцари Храма и их товарищи оборонялись несколько дней: наконец башня великого магистра была подорвана и пала в тот самый момент, когда мусульмане пошли на штурм: те, кто атаковал ее, и те, кто ее защищал, были в равной степени раздавлены ее падением; женщины, дети, христианские воины, все, кто пришел искать убежища в доме тамплиеров, погибли, погребенные под развалинами. Каждая церковь Птолемаиды была разграблена, осквернена, а затем предана огню. Султан приказал снести все основные здания, включая башни и крепостные валы.

Мусульманские солдаты выражали свою радость свирепыми криками; эта радость составляла ужасный контраст с отчаянием побежденных. К шумным сценам победы примешивались крики

женщин, над которыми варвары совершали насилие в их лагере, и плач маленьких детей, уводимых в рабство. Обезумевшее множество беглецов, гонимых от развалины к развалине и не находящих убежища, направились к шатру султана, чтобы молить его о пощаде; Халил распределил этих просителей-христиан среди своих эмиров, которые приказали всех их перебить. Макризи называет число этих несчастных жертв десятью тысячами.

После взятия и разрушения Птолемаиды султан послал одного из своих эмиров с отрядом войск овладеть городом Тир; этот город, охваченный ужасом, открыл свои ворота без сопротивления. Завоеватели также овладели Беритом, Сидоном и всеми христианскими городами вдоль побережья. Эти города, которые не оказали ни малейшей помощи Птолемаиде в последней великой битве и которые считали себя защищенными перемирием, увидели, что их население вырезано, рассеяно и обращено в рабство; ярость мусульман распространилась даже на камни, они, казалось, хотели уничтожить саму землю, по которой ступали христиане; их дома, их храмы, памятники их благочестия, их доблести и их трудолюбия, все было обречено погибнуть вместе с ними от меча или огня.

Большинство современных хроник приписывают такие великие бедствия грехам жителей Палестины, а в сценах разрушения видят только действие того божественного гнева, который обрушился на Ниневию и Вавилон. История не должна отвергать эти простые объяснения; но ей, несомненно, позволено глубже проникать в человеческие дела, и, признавая вмешательство Небес в политические судьбы народов, она обязана, по крайней мере, попытаться обнаружить средства, которые Провидение использовало для создания, поддержания на время и, в конце концов, для разрушения империй.

В ходе нашего повествования мы показали, до какой степени амбиции лидеров, отсутствие дисциплины среди солдат, бурные страсти толпы, разложение нравов, дух раздора, сопровождающийся эгоизмом и эгоистичностью, подтолкнули Иерусалимское королевство к его упадку и разрушению. Здесь мы приведем лишь одно общее наблюдение, относящееся к нашей теме и которое не должно быть опущено в истории крестовых походов.

Эта мощь франков обрушилась на Азию, как ураган, и не могла удержаться там своими силами. Истинная опора Иерусалимского королевства оставалась на Западе, и принцип его сохранения, источник его могущества были чужды ему самому; его безопасность зависела от множества обстоятельств, которые его лидеры никак не могли предвидеть, от множества событий, которые происходили далеко от него; это зависело прежде всего от чувств и мнений, которые преобладали среди отдаленных народов. Пока энтузиазм, с которым были основаны христианские колонии, сохранялся в Европе, эти колонии могли надеяться продлить свое существование; величайшее из их бедствий[60] было безразличие народов, обитавших за морями; Иерусалимское королевство началось с крестовых походов, им было суждено закончиться.

Мусульманский хронист, описав опустошение берегов Сирии и изгнание жителей, заканчивает свой рассказ таким странным размышлением: “Если Богу будет угодно, все останется так до страшного суда”. Пожелания арабского историка до сих пор исполнялись слишком полно; мусульмане более пяти столетий правили странами, оккупированными христианами, и вместе с ними правил гений разрушения, который руководил войнами, которые мы описали. Философ, который созерцает эти опустошенные регионы, эти невозделанные и покинутые поля, эти города в руинах, эти города без промышленности, без законов и почти без жителей, и который

сравнивает их с тем, какими они были во времена крестовых походов, не может не испытывать глубокого чувства сожаления и сострадания. Не останавливаясь на мотивах, руководивших действиями крестоносцев, не одобряя всего, что вдохновлялось зачастую слепым энтузиазмом, он должен, по крайней мере, признать, что эти дальние походы принесли кое-что хорошее, и что, если они иногда приносили опустошение к берегам Сирии, они также приносили туда зародыши процветания и цивилизации.

КНИГА XVI.

ПОПЫТКИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ ТУРОК.

1291-1396 гг. н. э.

Теперь мы подошли к концу блистательной эпохи крестовых походов, но наша задача еще не завершена; ибо, поскольку любопытство читателей придает большое значение знанию причин событий, в той же степени оно должно стремиться узнать, какое влияние эти события оказали на законы, нравы и судьбы народов. После того, как мы стали свидетелями разжигания стольких страстей, которые воспламеняли Европу и Азию в течение двух столетий, кому, как не нам, должно быть любопытно увидеть, каким образом эти страсти постепенно угасали; каковы были политические комбинации, ослабившие этот всеобщий энтузиазм; и каковы были интересы, мнения и институты, которые заменили дух священных войн. Философия истории приходит сюда по нашему желанию, чтобы осветить нас своим светильником и прояснить нам вечный ход человеческих дел. Конец великой революции можно сравнить, в некотором роде, с закатом человеческой жизни, именно тогда можно собрать плоды длительного опыта, именно тогда прошлое с его воспоминаниями и уроками отражается, как в верном зеркале.

Тогда мы с уверенностью продолжим начатую нами работу; если на пути, который нам еще предстоит пройти, нам, возможно, нечего сказать такого, что пробудило бы любопытство обычных умов, просвещенные умы, несомненно, найдут некоторый интерес в том, чтобы проследить вместе с нами за всеми этими долгими отзвуками революции, которая глубоко взволновала мир и последствия которой ощутят самые отдаленные потомки.

Когда известие о взятии Птолемаиды дошло до Запада, папа Николай IV все свое внимание уделил проповеди крестового похода. Булла, обращенная ко всем верующим, в патетических выражениях выражала сожаление по поводу недавних бедствий христиан; и чем больше были эти бедствия, тем полнее папа предлагал сокровища божественного милосердия и папские индульгенции новым крестоносцам. Индульгенция на сто дней была предоставлена тем, кто

посещал проповеди проповедников крестового похода или приходил в церкви послушать стоны града Божьего. Святым ораторам было разрешено проповедовать о войне на Востоке в запретных местах; и, чтобы побудить великих грешников стать воинами креста, проповедники получили право даровать определенные отпущения грехов, которые до того времени были зарезервированы за верховной властью Святого Престола.

Во многих провинциях духовенство собиралось по указанию папы, чтобы обсудить средства возвращения Палестины. Прелаты с большим рвением приступили к выполнению этой благочестивой миссии, и, чтобы обеспечить успех предприятия, все объединились, призывая верховного понтифика неустанно трудиться над восстановлением мира между христианскими князьями.

Несколько монархов уже приняли крест, и Николай послал легатов, чтобы заставить их выполнить обет, о котором они, по-видимому, забыли. Эдуард, король Англии, хотя и обложил десятинами долями духовенство для покрытия расходов на крестовый поход, не проявлял особого желания покидать свои государства с целью возвращения в Азию. Император Родольф, который на Лозаннской конференции пообещал папе совершить морское путешествие, умер в это время, гораздо более глубоко погруженный в дела Германии, чем в дела христиан Востока. Николай IV дал Филиппу понять, что взоры всего Запада прикованы к нему и что его пример может повлиять на весь христианский мир; в то же время верховный понтифик призвал прелатов Французской церкви присоединиться к нему в убеждении короля, знати и народа взяться за оружие против неверных.

Отец христианского мира не ограничил свои усилия пробуждением рвения князей и народов Запада; он направил апостольские послания греческому императору Андронику Палеологу, императору Трапезунда и царям Армении, Грузии и Кипра, в которых он объявил им о приближающемся освобождении святых мест. Поскольку христиане в своем бедственном положении иногда обращали свои взоры к татарам, на побережье Аргуна были посланы два миссионера с поручением предложить императору Великих Моголов благословение верховного понтифика и просить его могущественной помощи против мусульман.

Усилия и увещания папы римского не привели к вооружению Европы против сарацин; современные хроники говорят, что Николай не смог вынести такого безразличия христиан и умер в отчаянии. После его смерти конклав не смог прийти к согласию в вопросе назначения главы Церкви, и Святой престол оставался вакантным в течение двадцати семи месяцев. В течение этого долгого промежутка кафедры, с которых раздавались жалобы верующих Востока, оставались немymi, и Европа забыла о последних бедствиях Святой Земли.

На Востоке дела христиан приняли не более благоприятный оборот. Раздор, возникший между князьями рода Хайтонов, опустошил Армению и отдал ее нашествию варваров. Кипрское королевство, последнее убежище франков, обосновавшееся в Азии, было обязано лишь временной безопасностью кровавым распрям египетских мамлюков и, казалось, было полностью поглощено собственными опасностями.

Но в то время как христианский мир отказался от всяких мыслей об освобождении Иерусалима, персидские татары, к которым папа послал миссионеров, внезапно возродили надежды христиан, разработав проект по вырванию Сирии и Палестины из рук мусульман; предприятие, которое могло быть только крестовым походом, провозглашенным главой Церкви.

Татары долгое время угрожали мусульманским державам, которых христиане считали своими самыми жестокими врагами. Аргун, когда он умер, был занят подготовкой к страшной войне. Эти приготовления посеяли такую серьезную тревогу среди его врагов, что ученики Магомета сочли его смерть одним из чудес, совершенных в пользу исламизма.

Среди преемников Аргуна, которые поочередно были врагами и друзьями мусульман, был один способный вождь, воинственный и более других воодушевленный жаждой завоеваний. Греческий историк Пахимер и армянин Хайтон расточают самые высокие похвалы храбрости, добродетели и даже благочестию Казана. Этот могольский князь считал христиан своими самыми верными союзниками; и в его армиях, в которых служили грузины, знамя с крестом развевалось рядом с императорским штандартом. Завоевание берегов Нила и Иордана занимало все его мысли. Когда в его государствах были построены новые города, он с удовольствием дал им названия Алеппо, Дамаск, Александрия и несколько других мест в Египте и Сирии.

Казан покинул Персию во главе армии; и король Кипра с орденами Святого Иоанна и Храма, узнав о его планах, встал под его знамена. Близ Эмессы разыгралась великая битва, исход которой был решен не в пользу египетского султана, потерявшего большую часть своей армии и преследуемого армянской кавалерией до границы пустыни. Алеппо и Дамаск открыли свои ворота завоевателям; и, если мы можем верить историку Хейтону, христиане снова вошли в Иерусалим, а император татар посетил в их компании гробницу Христа.

Именно оттуда Казан отправил послов к папе римскому и государям Европы, чтобы просить их о союзе и предложить им во владение Святую Землю. Среди особенностей этого периода наши читатели, без сомнения, будут поражены, обнаружив императора Великих Моголов, пытающегося возродить дух крестовых походов среди князей христианского мира; и увидев варваров с берегов Иртыша и Яксарта, ожидающих на Голгофе и горе Сион воинов Франции, Германии и Италии, чтобы сразиться с врагами Христа. Верховный понтифик принял послов Казана с отличием, но мог ответить на их требования и предложения только обещаниями, обреченными остаться неисполненными. Высокомерие, с которым Бонифаций VIII, преемник Николая, обращался к христианским принцам, вместе с его увещеваниями, которые больше походили на приказы, чем на мольбы, вызывали отвращение у монархов, особенно у короля Франции. Генуя, которая тогда находилась под запретом, была единственным городом Европы, в котором серьезно говорили о крестовом походе; и по странному стечению обстоятельств именно дамы подали сигнал и подали пример.

Мы все еще располагаем кратким изложением папы римского, в котором святой отец поздравляет женщин, принявших крест, после того, как они последовали по стопам Казана, императора татар, *который, хотя и был язычником, принял великодушное решение освободить Святую Землю*. История сохранила два других письма папы, одно адресовано Порчетто, архиепископу Генуи, а другое - четырем генуэзским дворянам, которые взялись руководить экспедицией. "О, чудо! о, чудо!" говорит он Порчетто. "Слабый и робкий пол возглавляет наступление воинов в этом великом предприятии, в этой войне с врагами Христа, в этой борьбе с делателями беззакония. Короли и принцы земли, несмотря на все просьбы, которые к ним обращались, отказываются посылать помощь христианам, изгнанным из Святой Земли, а здесь есть женщины, которые выступают без приглашения! Откуда может взяться это великодушное решение, если не от Бога, источника всей силы и всей добродетели!!!" Папа

завершил свое письмо, приказав архиепископу созвать духовенство и народ и провозгласить преданность благородных генуэзских дам, чтобы их пример мог посеять семена добрых дел в сердцах людей.

Этот крестовый поход, несмотря на это, так и не состоялся; несомненно, он проповедовался только для того, чтобы возбудить рыцарское соперничество, и папа обратил на него свое внимание только для того, чтобы преподать урок князьям христианского мира, от которого они нисколько не выиграли. Письма, написанные по этому случаю Бонифацием VIII, долгое время хранились в архивах Генуэзской республики. Даже в прошлом веке шлемы и кирасы, которые должны были носить генуэзские дамы в этой экспедиции, были выставлены в арсенале этого города.

Татары, несмотря на свои победы, не смогли восторжествовать над постоянством и дисциплиной мамлюков, которые, как и они сами, пришли из пустынь Скифии. То, что так часто случалось с франками в разгар крестовых походов, теперь случилось с моголами; сначала они получили большие преимущества, но события, чуждые Священной войне, отозвали их в их собственную страну и вынудили отказаться от своих завоеваний. Казан был вынужден покинуть Сирию и вернуться в Персию; он предпринял вторую экспедицию, от которой снова отказался; и он умер в третьей, посреди своих триумфов, унеся с собой в могилу последние надежды христиан.

Армянские и кипрские воины покинули святой город, крепостные стены которого они начали восстанавливать и который был обречен никогда больше не увидеть знамя креста развернутым на своих стенах. Этот последний поворот христиан Востока был едва известен в Европе, где название Иерусалима все еще произносилось в собраниях верующих, но уже не имело силы пробуждать энтузиазм рыцарей и воительниц. На Венском соборе папа Климент V провозгласил крестовый поход; но на этом собрании, на котором было принято решение об уничтожении тамплиеров, христиан очень слабо призывали взяться за оружие против неверных.

Верховный понтифик был тогда гораздо больше занят сбором десятин, чем подготовкой к священной войне. Одна вещь, заслуживающая внимания, заключается в том, что Климент считал себя обязанным в этом случае рекомендовать сборщикам десятин умеренность и запретил им *брать чаши, книги или церковные украшения*. Этот запрет папы доказывает нам, что при сборе дани, предназначенной на расходы священных войн, часто применялось насилие; это насилие, должно быть, способствовало ослаблению рвения народов к дальним предприятиям, в результате которых христианские города были разрушены, а алтари Христа разграблены.

Европа в то время с большим нетерпением ожидала результатов экспедиции, предпринятой рыцарями ордена Святого Иоанна Иерусалимского. Множество воинов, возбужденных рассказами о рыцарских приключениях и страстью к военной славе, последовали за госпитальерами в их предприятии; даже женщины изъявили желание принять участие в этой экспедиции и продали свои бриллианты и драгоценности, чтобы покрыть военные расходы.

Эта армия новых крестоносцев поднялась на борт в порту Брендиси, и вскоре на Западе стало известно, что рыцари Госпиталя захватили остров Родос.

Слава повсюду распространялась о подвигах госпитальеров и их товарищей по оружию; и эти подвиги, а также восхищение, которое они вызывали во всем христианском мире, естественно,

обратили внимание и память верующих к тамплиерам, которых упрекали в позорном покое, в котором они забыли и Святую Землю, и гробницу Христа.

Рыцари Храма, после того как их приняли на острове Кипр, вернулись на Сицилию, где король нанял их для участия в экспедиции против Греции. Объединившись с каталонцами и некоторыми воинами из Италии, это воинственное объединение овладело Фессалониками, овладело Афинами, продвинулось к Геллеспонту и razорило часть Фракии. После этого похода тамплиеры отказались от владения городами, попавшими в их власть, и, оставив завоеванные провинции своим товарищам по оружию, они оставили себе богатства покоренного ими народа. Именно тогда, нагруженные греческой добычей, они прибыли, чтобы утвердиться на Западе, особенно во Франции, где их богатство, роскошь и праздность возмущали благочестие верующих, пробуждали зависть и вызывали ненависть как народа, так и знати.

В план этой работы не входит распространяться о процессе, возбужденном против тамплиеров; но если мы следовали за этими благородными рыцарями во всех их войнах против мусульман, если мы так долго были свидетелями их подвигов и, так сказать, соучастниками их трудов, мы, возможно, приобрели право высказать свое мнение по поводу выдвинутых против них обвинений. Мы должны сразу заявить, что до периода процесса мы не нашли ничего ни в хрониках Востока, ни в хрониках Запада, что могло бы породить или обосновать представление или даже подозрение о вменяемых им преступлениях. Как можно, в самом деле, поверить, что воинственный и религиозный орден, который двадцать лет назад видел, как триста его рыцарей принесли себя в жертву на руинах Сафета, вместо того, чтобы принять мусульманскую веру, что этот орден, почти полностью похоронивший себя под руинами Птолемаиды, мог заключить союз с неверными, оскорбить христианскую религию ужасными богохульствами и отдать сарацинам Святую Землю, наполненную ее военной славой.

И в какой период были высказаны все эти гнусные упреки в адрес тамплиеров? в то время, когда христианский мир, казалось, забыл Иерусалим, и в котором имени Христа было недостаточно, чтобы пробудить храбрость христианского воина. Несомненно, орден тамплиеров выродился из аскетизма ранних времен и что он больше не был одушевлен тем духом смирения и религиозности, которым так хвастался святой Бернард; несомненно, некоторые рыцари принесли с собой ту развращенность, которая была тогда порицанием всех христиан Востока, и которой сама Европа могла предложить им многочисленные примеры; несомненно, короче говоря, некоторые из них могли ранить мораль своим поведением и оскорблять религию Христа своими нарушениями; но мы без колебаний скажем, что не дело людей судить о ней. они, и что в этом случае милосердный Бог христиан не возложил свою месть на человеческие законы.

Настоящей ошибкой тамплиеров было то, что они покинули Восток и отказались от духа своего учреждения, которое заключалось в приеме и защите паломников, а также в борьбе с врагами христианской веры. Этот орден, более богатый, чем самые могущественные монархи, и рыцари которого были как регулярная армия, всегда готовая к бою, естественно, внушал страх князьям, предоставившим им убежище. Тамплиеры не были свободны от всех упреков во время своего пребывания на Кипре; привыкнув править в Палестине, они, должно быть, с трудом привыкали к повиновению. Пример тевтонских рыцарей, которые, покинув Восток, основали на севере Европы державу, внушавшую страх соседним государствам, вряд ли мог успокоить князей, не доверявших воинственному духу и активному и предприимчивому гению рыцарей Храма.

Таковы, вероятно, были мотивы, которые направляли против них политику, а не правосудие суверенов; ничто так ясно не доказывает страх, который они внушали, как злоба, с которой их преследовали, и забота, которая была предпринята, чтобы сделать их одиозными. Как только началось их преследование, на них стали смотреть только как на врагов, с которыми необходимо было обращаться как с преступниками. Поскольку их отмене предшествовали строгости без примера, необходимо было оправдать эту меру новыми строгостями. Месть и ненависть довершили то, что было начато политикой князей; политикой, у которой, возможно, были основания для подозрительности, но которая не имела никаких оснований для того, чтобы проявить себя варварской. Таким образом, мы должны объяснить трагический исход этого процесса, в ходе которого все формы правосудия были настолько нарушены, что даже если обвинения будут признаны доказанными, мы все равно должны рассматривать тамплиеров как жертв, а их судей - как палачей.^[61]

Филипп-ле-Бель пообещал венскому совету отправиться на Восток для борьбы с неверными, без сомнения, чтобы добиться прощения за то, что с таким упорством преследовал рыцарей Храма. Посреди празднеств, которые приветствовали прибытие Эдуарда в Париж, французский монарх и принцы его семьи приняли крест. Большинство придворных вельмож последовали его примеру, и дамы пообещали сопровождать рыцарей на священную войну; но никто не предпринял никаких мер для отъезда. Затем были даны обещания пересечь моря людьми, у которых не было серьезного намерения покинуть свои дома. Клятва сражаться с сарацинами оказалась пустой церемонией, которая ни к чему не обязывала клятвopреступника. Это было воспринято с совершенным безразличием и нарушено таким же образом; *считалось не более священным, чем клятвы, которые рыцари давали дамам.*

Филипп ле Бель умер, так и не подумав о том, чтобы выполнить свой обет. Сменивший его Филипп ле Лонг на мгновение вынашивал план похода на Восток. Эдуард, который уже несколько раз клялся сражаться с сарацинами, в то же время возобновил свое обещание. Но верховный понтифик, то ли потому, что сомневался в их искренности, то ли потому, что нуждался в согласии этих двух монархов, чтобы восстановить спокойствие в Европе и оказать сопротивление императору Германии, против которого он вооружился громами Церкви, или, короче говоря, потому, что считал момент неблагоприятным, не одобрил их экспедицию в Сирию. “Прежде чем думать о заокеанском путешествии, - писал он королю Англии, - мы хотели бы, чтобы вы установили мир сначала в вашей собственной совести, а затем и в вашем королевстве”. Отец верующих сообщил королю Франции, что мир, столь необходимый для укрепления перед началом крестового похода, был почти изгнан из христианского мира. Англия и Шотландия находились в состоянии войны; государства Германии были разделены друг против друга; король Сицилии и король Неаполя были связаны лишь кратковременным перемирием; взаимное недоверие помешало королям Кипра и Армении объединить свои силы против общего врага; короли Испании были вполне достаточно заняты защитой своих государств от мавров; республики Ломбардии были вооружены друг против друга; все города Италии были раздираемы фракциями, провинции стали добычей тиранов, море непроходимо, сухопутный путь изобиловал опасностями. После этого картину плачевного состояния христианского мира, папа прижал Филиппа, чтобы спросить, серьезно, как он мог предусмотреть расходы война не губит свой народ, *или не претендуя,- добавил он, чтобы сделать то, что невозможно, как это делалось раньше.*

Отеческий совет суверенного понтифика и некоторые проблемы, возникшие в недрах его королевства, побудили Филиппа отложить осуществление своего проекта. Множество скотоводов и пастушков, авантюристов и бродяг, основавших, как во времена пленения Людовика Святого, крест паломников, собирались во многих местах, преследовали евреев и совершали самые преступные бесчинства. Пришлось прибегнуть к силе оружия и всей строгости законов, чтобы подавить эти беспорядки, для которых крестовый поход был лишь предлогом. В то же время несколько провинций Франции сильно пострадали от эпидемии; евреев обвинили в том, что они отравили колодцы с целью приостановить приготовления к священной войне. Их обвиняли во всевозможных заговорах против христиан; и общее брожение было тем сильнее, что подозрения были смутными, а также из-за невозможности доказать или опровергнуть предполагаемые преступления. Политика не могла найти другого средства рассеять смуту, кроме как поддаться страстям толпы и изгнать всех евреев из царства. Среди этих печальных обстоятельств Филипп заболел и умер, сожалея о том, что не выполнил данный им обет войны с сарацинами.

В состоянии заброшенности, в которое впали крестовые походы, мы удивлены, видя, что умы французов все еще время от времени устремлены к освобождению святых мест. Эта последняя вспышка энтузиазма, которую наши предки поддерживали среди всеобщего безразличия, не ограничивалась религиозными чувствами, но распространялась на чувство патриотизма и национальной славы. Именно Франция дала первый толчок священным войнам, как мы уже несколько раз наблюдали. Название Палестины, Сен-Жан д'Акр или Птолемаис, а также Иерусалима взывали к патриотизму не меньше, чем к благочестию. Хотя две экспедиции Людовика IX. если пример святого монарха не увенчался успехом, он был большим авторитетом для принцев его семьи и часто переносил их мысли в те места, где он принял славу мученика. Память о его подвигах и даже о его несчастьях, память о героях, погибших на берегах Нила и Иордана, интересовала все семьи королевства; и город, в котором покоился прах Годфри и Балдуина Бульонских, эти отдаленные края, в которых было разыграно так много славных сражений, не могли быть забыты французскими воинами.

После смерти Филиппа ле Лонга в Европу прибыли послы от короля Армении; этот принц, покинутый татарами и находящийся под угрозой египетских мамелюков, обратился за помощью к Западу. Папа написал Шарлю ле Белю, преемнику Филиппа ле Лонга, и призвал его взяться за оружие против неверных. Карл с уважением отнесся к советам и увещаниям суверенного понтифика и был занят подготовкой к крестовому походу, когда наследование графства Фландрия привело к началу войны в Нидерландах. С этого времени Франция стала обращать внимание только на события, которые происходили у нее на глазах и в которых были глубоко заинтересованы ее собственная независимость и безопасность. При приближении смерти и в то время, когда королевству больше нечего было бояться, Шарль-ле-Бель вспомнил о своей клятве, и его последние мысли были направлены к освобождению Иерусалима. “Я завещаю, - говорит он в своем завещании, - Святой Земле пятьдесят тысяч ливров, которые будут выплачены и доставлены, когда будет совершен общий переход; и я намерен, если переход будет совершен при моей жизни, отправиться туда лично”.[62] Именно таким образом, в этот период дух крестовых походов все еще время от времени проявлялся; большинство заветов[63], составленных тогда князьями и богачами (этими словами обозначалась знать), содержали некоторые предложения в пользу Святой Земли; но мы должны также добавить, что легкость приобретения благ паломничества за деньги неизбежно должна была значительно уменьшить число паломников и крестоносцев. .

В то время как умирающие люди расточали свои сокровища ради священной войны, никто не брался за оружие. Однако все еще оставались люди, наделенные живым воображением и пылким темпераментом, которые прилагали невероятные усилия, чтобы вновь разжечь энтузиазм, который вот-вот должен был угаснуть. Чем больше было безразличия народов, тем больший пыл и рвение проявляли эти люди в своих проповедях. Среди этих последних апостолов крестовых походов история упоминает имя Раймона Луллия, одного из корифеев средневековых школ.[64]

Всю свою жизнь Луллием владела только одна мысль, а именно: сражаться с неверными и обращать их в свою веру.[65] Именно по предложению этого ревностного миссионера Венский совет постановил учредить кафедры в университетах Рима, Болоньи, Парижа и Саламанки для преподавания языков Востока. Он представил папе римскому несколько памятных грамот о средствах уничтожения поклонения Магомету и господства его учеников. Луллий, постоянно занятый своим проектом, совершил паломничество в Палестину, путешествовал по Сирии, Армении и Египту и вернулся в Европу, чтобы описать несчастья, плен и позор христиан за морями. По возвращении он посетил все дворы Запада, стремясь донести до государей те чувства, которыми он был одушевлен. Убедившись, что его усилия были тщетны, его рвение привело его к побережью Африки, где он попытался своим красноречием обратить в свою веру тех самых сарацин, против которых он призвал оружие христианских воинов. Он вернулся в Европу, прошел через Италию, Францию и Испанию, повсюду проповедуя необходимость еще одного крестового похода. Он снова отправился в Иерусалим и привез оттуда, как плод своего паломничества, несколько полезных идей о наилучшем способе нападения на страны неверных. Все его труды, все его исследования, все его молитвы не произвели никакого эффекта на безразличие королей и народов. Луллий, в конце концов отчаявшись увидеть осуществление своих замыслов и сожалея о слепоте своих современников, удалился на остров Майорка, который был его родной страной. Из глубины своего затворничества он все еще распространял воспоминания об экспедиции на Восток; но одиночество вскоре утомило его пылкий и беспокойный дух, и он покинул Майорку, не для того больше, чтобы тратить свои слова на князей Европы, которые не хотели его слушать, а для того, чтобы вернуться к мусульманам, которых он все еще надеялся привести к Евангелию своим красноречием. Он вторично отправился в Африку и, наконец, в награду за свои проповеди претерпел мучения и смерть мучеников.

В то время как Луллий стремился направить усилия верующих на освобождение святых мест, благородный венецианец также посвятил свою жизнь и свои таланты возрождению духа крестовых походов. Санути так описывает первую аудиенцию, которую он получил у суверенного понтифика: “Я послан сюда, - сказал он, - не каким-либо королем, каким-либо принцем или какой-либо республикой; я пришел сюда по побуждению моего собственного разума, чтобы броситься к ногам вашего святейшества и предложить вам простое средство сокрушить врагов истинной веры, искоренить секту Магомета и вернуть Святую Землю.[66] Мои путешествия по Кипру, Армении и Египту, вместе с длительным пребыванием в Румынии, снабдили меня знаниями и информацией, которые могут быть использованы на благо христианства”. Закончив эти слова, Санути подарил папе две книги, одну в красной обложке, другую в желтой, и четыре географические карты: первая - Средиземного моря, вторая - земли и морей, третья - Святой Земли, четвертая - Египта. Две книги благородного венецианца содержали историю христианских установлений на Востоке и мудрые советы относительно начала очередного крестового похода. Его усердие, подогретое опытом, не позволяло ему

пренебречь малейшей деталью в отношении маршрута, по которому предстояло следовать, в отношении того, что было бы лучше всего атаковать, в отношении количества войск и оснащения судов провизией. Он посоветовал начать операцию с высадки в Египте и ослабления власти каирских султанов. Наиболее надежным средством достижения этой последней цели было получение непосредственно из Багдада индийских товаров, которые европейская торговля привыкла получать через города Александрию и Дамьетту. Санути, в то же время, посоветовал верховному понтифику удвоить суровость своих порицаний тем, кто ввозил в Египет оружие, металлы, древесину для строительства или все, что могло помочь в оснащении флота или вооружении мамелюкской армии.

Папа высоко оценил Санути и представил его нескольким монархам Европы. Христианские князья, особенно король Франции, приняли его с добротой, превозносили его набожность и восхищались его талантами, но старались не следовать его советам. Санути также обратился к императору Константинополя с просьбой вовлечь его в поход против неверных; он стремился повсюду и любыми средствами поднять врагов против мусульман и провел свою жизнь, проповедуя крестовый поход, не добившись большего успеха, чем Раймунд Луллий.

Усердие двух мужей, о которых мы только что говорили, можно сравнить только с усердием Петра Отшельника; они оба были гораздо более просвещенными, чем кенобит Петр, но они не могли заставить никого слушать их, и бесплодность их усилий доказывает, насколько изменились времена. Петр проповедовал в городах и общественных местах, и толпа, воспламененная его речами, увлекала за собой и пробуждала чувства великих. Во времена Луллия и Санути можно было обращаться только к государям, а государи, занятые своими собственными делами, проявляли очень мало интереса к проектам, которые касались только христианского мира в целом. В первые времена крестовых походов освобождение святых мест было делом большой важности; простого произнесения названия Иерусалима было достаточно, чтобы унять разногласия между князьями; позже малейший интерес ревности, честолюбия или себялюбия имел силу остановить продвижение святого предприятия или полностью положить ему конец. Часто в двенадцатом веке папы и простые проповедники, вооружаясь властью Христа, повелевали князьям взять крест и отправиться на Восток; в тринадцатом, но особенно в четырнадцатом веке было необходимо молиться и просить; и, как правило, самые смиренные молитвы не производили никакого эффекта.^[67]

Таким образом, стоны Сиона больше не растопляли сердца, и христианское красноречие было бессильно против неверных. Чтобы привлечь внимание, необходимо было примешать что-то светское к патетическим увещаниям религии; таким образом, Европа, которая едва ли прислушивалась к миссионерам креста, казалось, внезапно была взбудоражена прибытием короля Кипра, лично обратившегося за помощью к христианским князьям. Папа, находившийся в то время в Авиньоне, радостно объявил верующим, что к его двору прибыл восточный король, и призвал воинов Запада взяться за оружие против сарацин. Король Кипра и Иерусалима описал вторжения мамлюков, продвижение турок, опасности, которые окружали его королевство, Армению и остров Родос, и не упустил ни одного примера многочисленных преследований, которым подвергались христиане, оставшиеся в Сирии и Египте. Эти печальные рассказы, исходящие из королевских уст, пробудили в умах людей благородные чувства; между суверенным понтификом, королем Франции и Венецианской республикой был заключен союз; и папа опубликовал буллу, в которой приказал епископам начать проповедь крестового похода.

Филипп Валуа созвал собрание в Париже, в Святой часовне, на котором присутствовали Иоанн, король Богемии, король Наварры, герцоги Бургундии, Бретани, Лотарингии, Брабанта и Бурбона, а также большинство прелатов и баронов королевства. Питер де ла Палю, назначенный патриархом Иерусалимским и недавно проехавший через Египет и Палестину, обратился к слушателям с речью о необходимости напасть на неверных и остановить распространение их господства на Востоке. Филипп, который уже принял крест, обновил данный им обет, и когда он готовился покинуть свое королевство, бароны принесли клятву повиновения его сыну принцу Джону, подняв руки к терновому венцу Христа. Иоанн Богемский, король Наварры, и множество принцев и знати получили крест из рук архиепископа Руанского. Крестовый поход проповедовался по всему королевству, “и доставлял всем знатым лордам, “ говорит Фруассар, ” огромное удовольствие, особенно тем, кто хотел провести время с оружием в руках и не знал тогда способа более разумного его применения”.[68]

Король Франции послал к папе архиепископа Руанского, который впоследствии взошел на кафедру Святого Петра под именем Климента VI. Архиепископ в полном составе произнес речь о крестовом походе и объявил в присутствии божественного величества святому отцу, Римской церкви и всему христианскому миру, что Филипп Валуа отправится на Восток в августе месяце 1336 года. Папа поздравил французского монарха с его решением и даровал ему десятиные доли в течение шести лет. Эти обстоятельства описаны Филиппом Виллани, который в то время находился в Авиньоне и который, рассказав в своей истории об обещании, данном в “Даме короля Франции”, восклицает: “А я, историк, слышал произнесенную клятву, о которой я только что рассказал”.

Филипп отдал приказ подготовить флот, собранный в порту Марселя, к приему сорока тысяч крестоносцев. Эдуард III, которому крестовый поход предложил простое средство взимания налогов, пообещал сопровождать короля Франции с армией в паломничестве за моря. Большинство итальянских республик вместе с королями Арагона, Майорки и Венгрии обязались предоставить деньги, войска и суда для экспедиции. В разгар своих приготовлений крестоносцы потеряли того, кто руководил этим предприятием и был его душой. Все было прервано смертью папы Иоанна XXI, и в этом месте становится необходимым указать на одну из причин, которые в тринадцатом и четырнадцатом веках сделали безуспешными столь многочисленные попытки перенести войну на Восток. Поскольку преемники святого Петра едва ли когда-либо вступали на папский престол до достижения преклонного возраста, им не хватало энергии и активности, необходимых для возбуждения христианского мира, руководства отдаленными войнами и разжигания энтузиазма, который раньше так трудно было сдерживать, а теперь так трудно возродить. Каждый крестовый поход требовал длительной подготовки, жизни одного суверенного понтифика едва хватало для завершения таких великих предприятий. Чаще всего случалось, что тот, кто проповедовал священную войну, не мог видеть ухода крестоносцев; и что тот, кто видел, как выступили христианские армии, никогда не прожил достаточно долго, чтобы следовать за ними во время их походов, руководить ими в их победах или помогать им в их поражениях. Таким образом, мы никогда не находим в проектах, сформированных обстоятельствами, того духа последовательности и цельности, который необходим для обеспечения исполнения и успеха. Добавьте к этому, что с тех пор, как папы утвердились в Авиньоне и их апостольская резиденция больше не находилась в центре христианского мира, они не пользовались таким же влиянием в отдаленных провинциях, и их авторитет с каждым днем терял часть того влияния, которое было связано только с именем Рима, считавшегося на протяжении стольких веков столицей мира.

Когда весть о новом крестовом походе достигла Востока, христиане, жившие в Сирии или Египте вместе с паломниками и европейскими купцами, подверглись всевозможным преследованиям. Султан Каира и несколько мусульманских принцев собрали армии с целью оказать сопротивление крестоносцам или пойти и напасть на христиан на Западе. Потомок Аббасидов, живший в Египте и принявший титул халифа, разослал письма и послания во все стороны, призывая всех истинно верующих взяться за оружие; он обещал мученикам мусульманской веры, что они будут присутствовать на изысканных пирах и что у каждого из них будет по семь девственниц в женах.

Целью этого крестового похода, проповедуемого от имени пророка из Мекки, было проникновение в Европу через Гибралтар; воины-мусульмане поклялись уничтожить христианство и превратить все христианские храмы в конюшни. По мере того, как сарацины, таким образом, воспламенялись для похода, который они также называли священной войной, Европа наблюдала, как рвение князей и воинов, поклявшихся сражаться с врагами Христа, становилось все слабее и слабее и, наконец, угасло. При Бенедикте XI. сменив Иоанна XXI, он обнаружил, что умы всех изменились; ненависть, недоверие и ревность сменились преходящим и неискренним энтузиазмом; напрасно христиане с Востока описывали преследования, которым они подверглись, и приготовления неверных против народов Запада; напрасно папа продолжал свои увещевания и молитвы; чем больше становилась причина для начала крестового похода, тем более равнодушными становились люди, и тем больше казалось, что все слои населения избегают идеи борьбы с сарацинами. Именно в это время брат Андрей Антиохийский прибыл в Авиньон с намерением обратиться за помощью к папе римскому и князьям христианского мира. Филипп Валуа прибыл ко двору верховного понтифика, чтобы сообщить ему, что ему следует отложить свое путешествие на Восток, и уже сел на коня, чтобы вернуться в Париж, когда брат Эндрю предстал перед ним и сказал: “Ты ли Филипп, король Франции, который обещал Богу и его Церкви освободить Святую Землю?” Король ответил: “Да”. Затем монах продолжил: “Если твое намерение состоит в том, чтобы исполнить то, что ты обещал, я умоляю Иисуса Христа направить твои шаги и даровать тебе победу; но если начатое тобой предприятие направлено только на то, чтобы навлечь позор и несчастья на христиан, если ты не намерен с Божьей помощью довести его до конца, если ты обманул святую Католическую Церковь, божественное правосудие тяжким бременем падет на твою семью и на твоё королевство, и кровь, пролитая из-за известия о твоём походе, восстанет против тебя”. Король, удивленный этим странным призывом, ответил: “Брат Эндрю, пойдем с нами”, и брат Эндрю ответил невозмутимо и вдохновенным тоном: “Если бы ты направлялся на Восток, я бы пошел впереди тебя, но поскольку ты направляешься на Запад, продолжай; я вернусь, чтобы покаяться за свои грехи в земле, которую ты покинул”.

Уже тогда авторитет ораторов, говоривших от имени Иерусалима, был таков, что последние слова брата Андрея вызвали беспокойство в душе могущественного монарха; но недавно разразились новые политические бури. Эдуард III. предъявил права на трон Капетингов, и его амбиции послужили сигналом к войне, которая длилась более столетия и принесла Франции величайшие бедствия. Филипп, подвергшийся нападению грозного врага, был вынужден отказаться от своей морской экспедиции и использовать для защиты своего собственного королевства войска и флот, которые он собрал для освобождения наследия Христа.

Однако папа не отказался от проекта священной войны. Поэт Петрарка, находившийся тогда в Авиньоне, оказался одним из самых ревностных апостолов крестового похода. Этот прославленный поэт, которого мы теперь привыкли считать только искусным воспевателем прекрасной Лауры и который тогда считался самым достойным толкователем мудрости древних и одним из величайших умов своего времени, обратился с красноречивым письмом к венецианскому дожу, чтобы побудить его вступить в войну против мусульман. Некоторые государства Италии объединили свои силы, чтобы совершить экспедицию на Восток. Хроника графов Эсонских повествует, что огромное количество крестоносцев, одетых в белое, с красным крестом, выступили из Милана; и что флот, снаряженный верховным понтификом, прошел через архипелаг и застал врасплох город Смирну, в котором сами крестоносцы были быстро осаждены турками. Папский легат и несколько рыцарей погибли во время вылазки, и это обстоятельство побудило суверенного понтифика предпринять новые усилия, чтобы возродить рвение к крестовому походу. Именно в этот период дофин Вьеннуа Гумберт II решил принять крест и прибыл в Авиньон, чтобы умолять папу разрешить ему возглавить священное плавание против турок и неверных вассалов Римской церкви. Гумберт легко получил все, что просил, и вернулся в свои штаты, чтобы подготовиться к своей экспедиции. Он отчуждал свои владения, он продавал привилегии знати и иммунитеты своим городам; он обложил значительными суммами евреев и итальянских купцов, обосновавшихся в Вене; он взимал дань со всех своих подданных, которые не захотели сопровождать его в крестовом походе, и, сев на корабль с сотней латников, отправился искать в Азии либо удачи завоевателя, либо славы мученика. Он не нашел ни того, ни другого и вернулся в Европу без славы и обремененный долгами. История представляет Гумберта слабым, непостоянным и нерешительным принцем. Он погубил себя, в первую очередь, своим распутством, затем расходами на крестовый поход; устав от мира и его дел, он закончил тем, что передал короне Франции свое княжество, которое он пообещал Филиппу Валуа, и удалился в монастырь монахов-доминиканцев. Чтобы утешить его в том, что он не завоевал Египет или какую-либо другую страну, папа даровал ему титул патриарха Александрийского; а король Франции, чтобы заставить его забыть Дофина, назначил его архиепископом Реймса.

Таковы были события и последствия крестового похода, вызванного в Европу прибытием Гуго Лузиньяна, короля Кипра. Прошло несколько лет, и этот принц снова пришел просить помощи у верховного понтифика; в тот период большинство суверенов находились в состоянии войны, и папа, будучи не в состоянии ничего сделать для короля Кипра, задумал назначить его римским трибуном. Гуго Лузиньянский принял эту должность и умер в Италии, так и не сумев послать никакой помощи на Восток.

Война была тогда не единственным бедствием, опустошавшим мир; к уничтожению оружия добавились ужасы чумы; эта зараза, получившая название черной чумы и распространившаяся на обширную равнинную равнину Татарии, распространила свои опустошения на все страны Востока и Запада и за несколько лет унесла более тринадцати миллионов человек. Историки отмечали, что это бедствие в своем похоронном шествии следовало по стопам купцов, привозивших в Европу товары из Индии, и паломников, возвращавшихся из Палестины.

Как только эпидемия прекратила свои опустошительные действия, война возобновилась со всей своей яростью. Плачевное состояние, в которое в то время были ввергнуты раздоры в Европе, и особенно во Франции, должно быть, заставляло людей сожалеть о тех периодах, когда проповедь крестового похода заставляла замолчать все страсти и приостанавливала все

военные действия. Папа несколько раз предпринимал попытки восстановить мир: сначала он обращался с мольбами к английскому монарху; затем он угрожал ему громами Церкви, но голос отца верующих тонул в грохоте оружия.

Филипп Валуа погиб в разгар ужасной борьбы, которую ему пришлось вести с Англией. Поражение в битве при Пуатье и пленение короля Иоанна стали сигналом к величайшим бедам, обрушившимся на французское королевство в средние века. Заговоры короля Наваррского, интриги вельмож, народные волнения, ярость фракций, кровавые сцены Жакерии сеяли ужас и опустошение в столице и провинциях. Когда Франция завершила истощение своих сокровищ, заплатив выкуп за короля Иоанна, присутствие ее монарха не смогло вернуть ей покой, в котором она нуждалась, чтобы исправить свои невзгоды. Солдаты обеих наций, которых распустили без жалованья и которые оказались без убежища, сформировали вооруженные банды и под названием "белые роты" распространились по королевству, не обращая внимания на приказы короля и отлучения от церкви папы римского, и повсюду, куда бы они ни пошли, несли распущенность, убийства и опустошение. Все, что избежало меча англичан и алчности сборщиков податей, стало добычей этих разбойников, численность которых возрастала пропорционально их безнаказанности и бесчинствам. Поля оставались невозделанными, все коммерческие занятия были прерваны, а в городах царили ужас и нищета. Таким образом, приостановка военных действий не принесла облегчения бедствиям народов, и беспорядки, вспыхнувшие во время мира, были более невыносимыми, чем те, которые были пережиты во время войны.

Именно в этих печальных обстоятельствах Петр, сын Гуго де Лузиньяна, по примеру своего отца обратился за помощью к христианским князьям против неверных и заставил Урбана V. принять проект нового крестового похода. Возможно, он надеялся, что состояние смятения, в которое была ввергнута Франция, даст ему возможность собрать войска и обратить против своих восточных врагов всю ярость войны, опустошавшей королевство.

Петр Лузиньянский предложил нанести удар по власти султанов Каира, чьи владения простирались до Иерусалима. В то время у христианского мира были более грозные враги среди мусульманских народов, чем мамлюки Египта. Турки, ставшие хозяевами Малой Азии, недавно перешли Геллеспонт, продвинули свои завоевания до горы Хемус и разместили резиденцию своей империи в Адрианополе. Это был враг, на которого, несомненно, следовало напасть, но турки пока не внушали серьезной тревоги, за исключением стран, в которые они вторглись или которым угрожали. При авиньонском дворе, где собрались король Кипра, король Франции и король Дании, не упоминалось ни о вторжении в Румынию, ни об опасностях Константинополя, но говорилось о потере христианских колоний в Сирии и о пленении, в котором все еще находился город Христа.

Петр Лузиньянский с энтузиазмом рассказывал о войне с неверными и об освобождении святых мест; король Иоанн слушал его не без волнения, и в конце концов забыл о своих собственных несчастьях, заинтересовавшись судьбами христиан за морями. Вальдемар III, король Дании, был в равной степени потрясен речью и отчетами короля Кипра. Папа проповедовал крестовый поход перед тремя монархами: была страстная неделя; воспоминание о страданиях Христа, казалось, придавало авторитет словам понтифика, и когда он оплакивал несчастья Иерусалима, князья, слушавшие его, не могли удержаться от слез и поклялись идти и сражаться с сарацинами.

Мы, несомненно, можем полагать, что короля Франции побудило принять крест чувство благочестия и красноречие папы; но мы также должны предположить, что политические советы не были полностью чужды этому решению. Дух священной войны, если бы он однажды действительно пробудился, обязательно зашел бы далеко, чтобы умиротворить, если не погасить, раздоры и страсти, разжигаемые революцией и гражданской войной. Король Иоанн мог тешить себя надеждой объединиться под знаменем крестового похода и соблазнить последовать за ним за *морябелые отряды*, над которыми он не мог иметь никакой власти; и суверенный понтифик не меньше стремился избавиться от этих банд разбойников, которые пренебрегали его духовной властью и угрожали сделать его узником в Авиньоне.

Несколько знатных людей, Иоанн Артуа, граф Эу, граф Даммартен, граф де Танкарвиль и маршал Бусико, последовали примеру короля Иоанна. Кардинал Талейран де Перигор был назначен легатом папы римского в крестовом походе. Король Дании пообещал объединить свои силы с французскими. Чтобы поощрить его рвение, суверенный понтифик подарил ему частицу истинного креста и несколько других реликвий, вид которых будет постоянно напоминать ему о святом деле, которое он поклялся защищать. Waldemar III. он прибыл ко двору Авиньона, чтобы передать свое королевство под защиту Святого Престола; он принес все требуемые от него клятвы; но буллы, которые он получил от Урбана в качестве платы за свою покорность, не помогли восстановить мир в его владениях, а неприятности, последовавшие за его возвращением, вскоре заставили его забыть о своих обещаниях относительно священной войны.

Король Кипра, получив самые настоятельные рекомендации от папы римского, посетил все дворы Европы; рвением и рыцарским красноречием героя креста восхищались все; но он не извлек из своего предприятия ничего, кроме туманных обещаний, и не получил ничего, кроме напрасных поздравлений за преданность, не нашедшую подражателей.

Король Франции был единственным из всех христианских князей, который, казалось, всерьез участвовал в крестовом походе. Урбан V., однако, не выказывал особой уверенности в твердости своего решения, поскольку считал необходимым пригрозить отлучением от церкви всем, кто попытается отвлечь его от святого предприятия. Но все эти предосторожности папы, наряду с примером короля и индульгенциями крестового похода, были бессильны побудить нацию взяться за оружие или убедить *белые отряды покинуть палату*, как они называли королевство, которое они опустошили своими разбоями. Время, назначенное для похода, было уже совсем близко, а ничего не было готово; не было ни армии, ни флота. Как раз в это время король Иоанн умер в Лондоне, куда он вернулся, чтобы предложить себя в качестве заложника герцогу Анжуйскому, бежавшему из тюрьмы, а также, возможно, чтобы избавиться от забот о предприятии, которое у него не было средств осуществить или направить с успехом.

Папа задрожал в Авиньоне и был вынужден приложить все усилия, чтобы освободиться от этих грозных банд, предводители которых называли себя *друзьями Бога и врагами всего мира*. История гласит, что в своих состязаниях с ними он использовал небольшое количество денег, собранных для крестового похода, и это вызвало бурный ропот. При таком положении вещей Карл IV, император Германии, по согласованию с королем Венгрии предложил взять роты на жалованье и направить их против турок. Если бы этот проект был осуществлен, мы смогли бы присоединить имя Бертрана Дюгесклена к славным именам, украшающим страницы этой истории; бретонский герой должен был стать предводителем войск, которым предстояло

сразиться с мусульманами на берегах Дуная. Сам суверенный понтифик написал ему несколько писем, чтобы побудить его принять участие в этом крестовом походе, но это был проект Карла IV. в конце концов был оставлен, и Дюгесклен повел белые отряды в Испанию.

Однако королю Кипра удалось привлечь под свои знамена множество авантюристов всех мастей и состояний, людей, привыкших жить среди опасностей и привлеченных надеждой разграбить богатейшие страны востока. Венецианская республика не побрезговала принять участие в экспедиции, от которой ее торговля, вероятно, получила бы большие выгоды. Петр Лузиньянский также получил помощь от храбрых рыцарей Родоса, и по возвращении на остров Кипр он отправился в путь во главе десяти тысяч человек, чтобы осуществить свои планы завоеваний над неверными. Крестоносцы, к которым папа послал легата, отправились атаковать Александрию, которую они нашли почти беззащитной. Когда это место перешло в их власть, король Кипра пожелал, чтобы они укрепились в нем и там ожидали армии Каира; но его солдаты и союзники не могли устоять перед своим желанием разграбить цветущий город, и, опасаясь быть застигнутыми мамлюками врасплох, они подожгли Александрию и оставили ее на четвертый день после завоевания. Не подчиняя мусульман, они раздражали их. После поспешного ухода крестоносцев египетский народ, не слыша ничего, кроме ненависти и мести, предавался всевозможному насилию против несчастных христиан, живших в Египте. По приказу султана Каира было захвачено все, что принадлежало венецианцам; а мамелюки, подготовив флот, угрожали, в свою очередь, напасть на острова Родос и Кипр. Снова были обращены к народам Запада; папа призвал всех христианских монархов взяться за оружие против неверных; но ни один из них не принял креста, и король Кипра был оставлен в одиночестве вести войну, которую он спровоцировал.

Пылу крестовых походов в умах европейских воинов на смену пришла страсть выделяться и обогащаться за счет рыцарских подвигов и авантюрных экспедиций, к которым, однако, всегда примешивались некоторые воспоминания о священных войнах. Генуэзцы, составившие план ведения войны на берегах Берберии, чьи пиратские обитатели наводнили Средиземное море, потребовали от короля Франции предводителя и войска. При одном только известии о таком предприятии толпа воинов, стремясь продемонстрировать свою храбрость, выступила из всех провинций; граф д'Овернь, сьер де Куси, Ги де ла Тримуйль и мессир Жан де Вьенн, адмирал Франции, просили чести сразиться с неверными в Африке; четырнадцать сотен рыцарей и дворян, по приказу герцога Бурбонского, отправились в Геную и взошли на борт флота этой республики; французы и генуэзцы, первыми руководимые желанием победить неверных в Африке. добыча и жажда славы, последняя из-за более позитивных интересов своей торговли, отправились на эту войну за морем, как на пир. “Прекрасно и приятно, - говорит Фруассар, - было видеть порядок их отбытия и то, как эти знамена, выпелы и выпелы, красиво и богато украшенные гербом благородных рыцарей, развевались по ветру и блестили на солнце; и слышать, как звучат эти трубы и кларнеты, и другие музыканты, исполняющие свои партии на свирелях, флейтах и макайрах, а также звук и голоса, исходящие от них, разносятся над всем морем”. После нескольких дней плавания христианская армия прибыла к берегам Берберии и осадила город *Африка*. Жители оказали некоторое сопротивление, и, не будучи в состоянии понять, почему на них напал враг, которого они не знали и о котором никогда не слышали, они послали депутатов в лагерь христиан, чтобы спросить у них, какие мотивы привели их под их стены. Генуэзцы, несомненно, напомнили депутатам о пиратстве, совершаемом в Средиземном

море и у берегов Италии; но рыцари не могли сослаться ни на какие обиды и, должно быть, испытывали немалую неловкость, отвечая на вопросы осажденных. Фруассар, который дает отчет об этой экспедиции, сообщает нам, что герцог Бурбонский созвал совет главных вождей, и после того, как они обсудили вопрос, предложенный сарацинами, он обратился к ним с таким ответом, который мы передадим на старом языке, настолько близком к языку того времени, насколько сможем: “Те, кто спрашивает, почему против них ведется война, должны знать, что их происхождение и раса предали смерти и распяли сына Божьего по имени Иисус Христос, и что мы хотим отомстить им за этот факт и злое деяние. Кроме того, они не верят ни в святое крещение, ни в Деву Марию, мать Иисуса Христа; и учитывая все это, вот почему мы считаем сарацин и всю их секту врагами”. Осажденных вряд ли убедило это объяснение, “поэтому,” добавляет добрый Фруассар, “они только посмеялись над этим и сказали, что это неразумно и не доказано, потому что это евреи предали Христа смерти, а не они”.

Французские рыцари обладали больше храбростью, чем знаниями, и были гораздо более искусны в бою, чем в рассуждениях. Они продолжали осаду и предприняли несколько штурмов, но все их атаки встречали решительное сопротивление. Однако они были убеждены, что Небеса благоволят им и совершают чудеса, гарантирующие им победу. В лагере говорили, что батальон дам в белом появился среди сражающихся и навел большой ужас на сарацин. Они также рассказали о чудесной собаке, которую Бог послал христианским солдатам в качестве бдительного стража и которая несколько раз не давала мусульманам застать их врасплох. Мы повторяем эти удивительные истории, чтобы показать дух рыцарей, которые не видели ничего, кроме дам, в обстоятельствах, при которых ранние крестоносцы увидели бы святых и ангелов. История о чудесной собаке служит доказательством того, что французские воины плохо следили за своим лагерем и что они вели осаду скорее храбро, чем осмотрительно. Было проведено несколько сражений, в которых погибли самые безрассудные. Жаркий климат и время года породили заразные болезни. По мере того как вокруг них множились препятствия, пыл осаждающих с каждым днем клонился к упадку. Раздор вспыхнул и в христианской армии, где французы и генуэзцы взаимно упрекали друг друга в своих невзгодах: приближалась зима, и они отчаялись освободить город; герцог Бурбонский решил снять осаду и вернуться в Европу со своими рыцарями и солдатами.

В течение нескольких месяцев во Францию не поступало никаких известий об этой экспедиции; во всех провинциях устраивались процессии и возносились публичные молитвы, чтобы попросить Небеса о благополучном возвращении крестоносцев. Старые хроники сообщают нам, “что леди Куси, леди Сюлли, дофинство Оверни и все дамы Франции, чьи лорды и мужья были вовлечены в это путешествие, были в большом смятении за них, пока длилось путешествие; и когда до них дошла весть, что они уже пересекли море, все они были очень обрадованы”.

Эта экспедиция, которую генуэзцы предприняли с намерением защитить свою торговлю от разбоев пиратов, только усилила зло, которое они хотели исправить; месть, негодование и страх вооружили неверных против христиан со всех сторон. Суда отплывали от всех берегов Африки, пересекали Средиземное море и перекрывали сообщение с Европой; товары, которые обычно доставлялись из Дамаска, Каира и Александрии, больше не появлялись, и историки того времени сожалеют как о бедствии о невозможности приобрести пряности ни во Франции, ни в Германии.

Война, начавшаяся между Египтом и королевством Кипр, велась с одинаковой враждебностью с обеих сторон. В то время как султан Каира угрожал жалким остаткам христианских колоний на Востоке, король Кипра и рыцари Родоса сеяли ужас по всему побережью Сирии; в ходе одного вторжения они овладели Триполи и предали город огню. Тортосу, Лаодикию и Белинас постигла та же участь: такой способ ведения войны в стране, которую, по их словам, они хотели завоевать ради освобождения ее, повсюду возбуждал ярость мусульман, но не вселял надежды или мужества в живших там христиан. Паломничество в Святую Землю стало неосуществимым, и в течение нескольких лет ни один европейский христианин не мог посетить Иерусалим.

Однако султан Египта после многих бесплодных попыток отомстить за поход на Александрию заключил мир с королем Кипра и рыцарями Родоса. Было решено, что пленники должны быть освобождены с обеих сторон и что король Кипра должен получать половину пошлин, взимаемых с товаров, поступающих в Тир, Берут, Сидон, Александрию, Иерусалим и Дамаск. Договор регулировал дань, которую паломники должны были платить в тех местах Святой Земли, к которым их призывала их преданность. Султан Египта вернул рыцарям ордена Святого Иоанна дом, которым они ранее владели в Иерусалиме, и рыцари получили разрешение на ремонт церковей гроба Господня в Вифлееме, Назарете и т. Д.

Европа в этот период отвела свои взоры от стран, которые так долго вызывали ее почитание и энтузиазм, чтобы направить их на регионы, захваченные турками или находящиеся под угрозой их вторжения. Мы видели, как к концу одиннадцатого века орды этого народа распространились как завоеватели по всей Азии. Следует помнить, что именно их вторжение в Палестину и их насильственное господство над святым городом всколыхнули христианский мир и спровоцировали первый крестовый поход. Их могущество, которое тогда простиралось до Ниццы и которое даже в то время вызывало тревогу у греков, было остановлено победоносными армиями Запада. Турки, о которых мы сейчас говорим и которых христианский мир к концу четырнадцатого века начал очень бояться, подобно тем, кто им предшествовал, вели свое происхождение от татар. Их воинственные племена, некогда обосновавшиеся в Каризмии, были изгнаны оттуда преемниками Чингисхана; и остатки этого народа-завоевателя, опустошив Сирию и Месопотамию, пришли за несколько лет до первого крестового похода Людовика Святого искать убежища в Малой Азии.

Слабость греков и разобщенность мусульманских князей позволили им завоевать несколько провинций и основать новое государство на руинах нескольких империй. Ужас, навеянный их свирепой доблестью, облегчил их продвижение и открыл им дорогу в Грецию. Страны, которые были колыбелью цивилизации, искусства и знаний, вскоре пали под властью законов османского деспотизма.

Не может быть никаких сомнений в том, что деспотизм, каким он был известен тогда в Азии и каким его видят в наши дни, является самым хрупким из человеческих институтов. Насильственные меры, которые она предприняла, чтобы сохранить себя, ясно показывали, что она сама осознавала свою собственную хрупкость. Когда мы видим, как оно приносит в жертву все законы природы своим собственным законам, постоянно держит меч занесенным над всеми, кто приближается к нему, и само испытывает больше страха, чем внушает, у нас возникает искушение поверить, что у него нет настоящей поддержки. Читая восточную историю средних веков, мы поражаемся, видя, что все те империи, которые гений деспотизма воздвиг в Азии, падают почти без сопротивления и исчезают со сцены мира. Но мы должны признать, что

когда это чудовищное правительство опирается на религиозные идеи, а также на предрассудки и страсти великой нации, оно также пользуется популярностью в народе; оно также, выражаясь весьма распространенным в настоящее время способом, является выражением всей его воли, и ничто не может противостоять его действиям или остановить развитие его власти.

Так возникла Османская империя, движущими силами которой были ненависть к христианам и завоевание греческой империи, и которая поддерживала себя двойным фанатизмом религии и победы. У турок были только две идеи, или, скорее, две постоянно действующие страсти, которые у них заменяли патриотизм, — расширять свои владения и распространять мусульманскую веру. Было установлено, что честолюбие, побудившее монарха завоевать христианские провинции, принадлежало целому народу, привыкшему обогащаться за счет всех жестокостей войны и верившему, что они соблюдают самую священную заповедь Корана, истребляя расу неверных. Если князь был постоянно обязан разжигать религиозный энтузиазм и воинственный пыл своих подданных, то подданные, в свою очередь, столь же постоянно поддерживали князя в физических упражнениях. Абсолютный лидер османов мог безнаказанно совершать всевозможные преступления, но он не мог долго жить в состоянии мира со своими соседями, не рискуя своим авторитетом и своей жизнью. Турки не могли вынести ни мирного принца, ни принца, потерпевшего неудачу на войне; так основательно они были убеждены, что должны всегда сражаться и что они должны всегда побеждать. Османский народ, для которого не было ничего хорошего или праведного, кроме завоеваний, не подчинялся никому, кроме завоевателя; и если они соглашались быть рабами и дрожать под хмурым взглядом хозяина, то только при том единственном условии, что этот всемогущий хозяин распространит ужас своего оружия и передаст цепи другим народам.

Османская династия, которая началась с турецкой нации и дала ей свое название, эта династия, всегда являвшаяся объектом почитания и уважаемая самими бунтарями, своей стабильностью представила новое зрелище на Востоке. Она явила миру череду великих князей, которые в истории имели почти все одинаковые физиономии и походили друг на друга своей гордыней, честолюбием и военным гением: это доказывает, что все эти герои-варвары были сформированы своими национальными манерами и что у турок есть только один-единственный путь к величию. Мы можем судить, какие преимущества эта гармония между подданными и сувереном, должно быть, давала османской нации в ее войнах против христиан или даже против других мусульманских народов.

В то время как единственная защита Европы заключалась в феодальных войсках, которые собирались в определенные периоды и не могли удерживаться под своими знаменами в течение какого-либо длительного времени, османы были единственным народом, у которого регулярная армия всегда была при оружии. Их воины, всегда движимые одним и тем же духом, имели, кроме того, преимущество дисциплины перед непокорным рыцарством франков, которые постоянно находились в состоянии раздора и были приведены в действие тысячью различных страстей.

Поскольку население турок не всегда было достаточным для их армий, они заставляли каждую семью завоеванных ими стран отдавать пятую часть своих детей мужского пола на военную службу. Таким образом, они обложили христианское население данью, и сыновья изнеженных греков стали теми непобедимыми янычарами, которые в один прекрасный день осадили Византию и разрушили даже руины империи Цезарей. Таковы были новые люди, которые

собирались встать между Востоком и Западом и завладеть всем вниманием христианской Европы, до того времени занятой освобождением святых мест.

Когда мы знакомимся с мощью и характером османов, мы поражаемся, видя, что то, что осталось от греческой империи, долгое время существовало по соседству с ними. Здесь мы должны вернуться к прошлому периоду, к истории слабых преемников Константина, которые иногда заключали союзы с турками, готовые разграбить их, а иногда просили помощи у латинян, которых они ненавидели, и стремились пробудить дух крестовых походов, последствий которых они боялись.

Во время первых вторжений турок в Грецию император Андроник отправил посольство к Папе Римскому, чтобы пообещать ему повиноваться Римской церкви и попросить у него апостольских легатов с армией, способной прогнать неверных и открыть путь к Гробу Господню. Кантакузин, последовавший примеру Андроника, сказал посланцам суверенного понтифика: “Я буду считать своей славой служить христианскому миру; мои государства обеспечат крестоносцам свободный и безопасный проход; мои войска, мои суда, мои сокровища будут направлены на общую оборону, и моей участи можно будет позавидовать, если я получу мученический венец”. Климент VI, к которому обратился Кантакузин, умер, так и не сумев заинтересовать христианских воинов судьбой Константинополя. Вскоре после этого император похоронил себя в монастыре, а брат *Иосафат Христул*, затерянный среди монахов Афона, больше не утруждал себя крестовым походом на латинян.

В правление Иоанна Палеолога продвижение турок стало еще более тревожным. Император сам отправился просить помощи у верховного понтифика. После того, как на публичной церемонии папа римский поцеловал руки и ноги, он признал двойную *процессию* [69] Святого Духа и верховенство Римской Церкви. Тронутый этой смиренной покорностью, папа заявил, что придет на помощь грекам; но когда он обратился к государям Европы, то не смог добиться от них ничего, кроме пустых обещаний. В тот момент, когда Палеолог собирался отправиться в обратный путь на Восток, он был арестован своими кредиторами и оставался таким образом в течение нескольких месяцев без папы или князей, которых он пришел просить и которые обещали помочь ему в освобождении его империи, не предпринимая ни малейшей попытки освободить его самого. Палеолог вернулся в Константинополь, к своей разделенной семье, а его подданные, презиравшие его, напрасно ждали исполнения обещаний папы и европейских монархов. В своем отчаянии он, наконец, принял решение умолять султана Амурата о помиловании и купить данью разрешение продолжать править на развалинах своей империи. Он пожаловался на эту суровую необходимость римскому понтифику, который провозгласил новый крестовый поход; но христианский монарх равнодушно взирал на принца, вернувшегося в лоно Католической церкви, обреченного объявлять себя вассалом неверных. Император Византии и глава Церкви, пообещав, один, вооружить Запад на благо Греции, а другой - подчинить греков Римской Церкви, взяли на себя обязательства, которые им с каждым днем было все труднее выполнять. Пока они взаимно упрекали друг друга в том, что не сдержали своего слова, Амурат, который выполнил свои угрозы лучше, чем папа и христианские князья выполнили свои обещания, усугубил участь Палеолога новыми суровостями и запретил даже восстанавливать крепостные стены его столицы. Снова возобновились мольбы к государю, и снова эти мольбы были переданы монархам христианского мира; но они не дали никакого ответа или, самое большее, удовлетворились выражением жалости к императору и народу Византии.

Нет сомнения, что греческие императоры очень нуждались в помощи латинян, но эта малодушная политика, постоянно призывавшая на помощь другие народы, лишь свидетельствовала о слабости империи и неизбежно лишала греков в час опасности всякой уверенности в своих собственных силах. С другой стороны, эти тревожные крики, которые постоянно раздавались по всей Европе, не встречали ничего, кроме недоверчивых умов и равнодушных сердец. Напрасно воины Запада слышали бесконечные повторения о том, что Константинополь был преградой христианскому миру; они не могли рассматривать город, который был неспособен обеспечить свою собственную оборону и постоянно нуждался в помощи, как преграду, способную остановить продвижение могущественного врага. При Григории XI. на просьбу императора Германии оказать помощь Константинополю этот князь резко ответил, что греки открыли туркам ворота Европы *ивпустили волка в овчарню*.

В то время жалкие остатки империи Цезарей простирались менее чем на двадцать лье, и на этом узком пространстве существовали Византийская империя и империя Родесто или Селивреи; князья, которых должны были объединить кровные узы, с неистовой яростью ссорились из-за лохмотьев императорского пурпура. Брат вооружился против брата, отец и сын объявили открытую войну; все преступления, которые прежде были вызваны честолюбивым стремлением завладеть скипетром римского мира, все еще совершались ради того, чтобы властвовать над несколькими несчастными городами. Такова была Восточная империя, на которую со всех сторон продолжали посягать османские владения.

В тот период, о котором мы говорим, всем принцам семейства Палеологов было приказано отправиться ко двору Баязета, и они с трепетом подчинились его высшему приказу; и если они вышли целыми и невредимыми из дворца султана, который был для них логовом льва, то только потому, что жалость обезоруживала палача и потому, что презрение, которое они внушали мусульманам, было их защитой. Османский император удовлетворился тем, что приказал Мануилу, сыну и преемнику Иоанна Палеолога, не передавать ему Константинополь, а оставаться запертым в нем, как в тюрьме, под страхом потери как короны, так и жизни.

Пока греки трепетали в присутствии турок, янычары беспрепятственно прошли Фермопилский пролив и продвинулись в Пелопоннес. С другой стороны, Баязет, за стремительность своих завоеваний получивший прозвище *Иберим*, или *Молния*, вторгся в страну сербов, а затем в страну болгар, и готовился перенести войну в Венгрию.

Затем прискорбный раскол разделил христианский мир. Два папы делили империю Церкви, и у европейской республики больше не было главы, который мог бы предупредить ее об опасностях, органа, который мог бы выражать ее желания и страхи, или уз, которые могли бы объединить ее силы; религиозные мнения больше не имели достаточного влияния, чтобы вызвать крестовый поход, и у христианского мира не осталось ничего, чтобы защитить его, кроме духа рыцарства и воинственного характера некоторых наций Европы.

Послы, которых Мануил отправил на Запад, повторяя вечные стенания греков по поводу варварства турок, тщетно зывали к благочестию верующих. Посланцам Сигизмунда, короля Венгрии, повезло больше, когда они зывали к храбрости рыцарей и баронов Франции. Карл VI. он не отказался, если верить историкам того времени, от идеи предпринять какое-нибудь великое предприятие против врагов истинной веры: “чтобы, - говорит Фруассар, - освободить

души своих предшественников, короля Филиппа, светлой памяти, и короля Иоанна, своего деда”. Венгерские послы позаботились намекнуть в своих речах, что турецкий султан презирает христианское рыцарство; ничто больше не могло разжечь пыл французских воинов; и когда их монарх объявил о своем намерении вступить в союз против неверных, каждый доблестный рыцарь в королевстве взялся за оружие. Этим храбрым отрядом командовал герцог де Невер, сын герцога Бургундского, молодой принц, чья опрометчивая храбрость впоследствии принесла ему фамилию Жан-сан-Пер (Иоанн Бесстрашный). Среди других лидеров были граф де ла Марш, Генрих и Филипп де Бар, родственники короля Франции, Филипп Артуа, коннетабль королевства; Иоанн Вьенский, адмирал; сьер де Куси, Ги де ла Тремуйль и маршал де Бусико, чье имя связано с историей каждой войны его времени.

Все представления о славе, все религиозные и рыцарские чувства были связаны с этой экспедицией. Вожди разоряли себя, готовясь к своему путешествию и поражая Восток своим великолепием; народ молил Небеса о покровительстве их оружию. Предприимчивость новых крестоносцев уже сравнивали с подвигом Готфрида Бульонского, и поэты того времени прославляли близкое освобождение Святой Земли.

Французская армия, в которой было тысяча четыреста рыцарей и столько же оруженосцев, пересекла Германию и пополнилась по пути толпой воинов из Австрии и Баварии. Когда они прибыли на берега Дуная, то обнаружили всю знать Венгрии и Богемии под ружьем. Обозревая многочисленных солдат, собранных таким образом для противостояния туркам, Сигизмунд с восторгом воскликнул: “Если бы небеса обрушились, копьа христианской армии остановили бы их падение”.

Никогда еще война не начиналась при более благоприятных обстоятельствах; не только рыцарский дух сплотил множество воинов под знаменами креста, но и несколько морских держав Италии взяли за оружие для защиты своей восточной торговли. Венецианский флот под командованием благородного Мочениго присоединился к кораблям греческого императора и рыцарей Родоса близ устья Дуная, чтобы обеспечить триумфальное водружение знамени франков в Геллеспонте, в то время как христианская армия должна была выступить против Константинополя.

Как только был подан сигнал к войне, ничто не могло устоять перед безудержной доблестью крестоносцев; они повсюду разбивали турок; они взяли несколько городов Болгарии и Сербии и осадили Никополь: счастливы были бы они, если бы эти первые преимущества не вселили в них слепую уверенность в победе!

Французские рыцари, которых всегда находили во главе христианской армии, не могли поверить, что Баязет осмелится напасть на них; и когда им было объявлено, что султан со своей армией приближается, они наказали смелого разведчика, который первым сообщил им об этом. Однако мусульманская армия перешла гору Хемус и продвигалась к Никополю. Когда две армии оказались лицом к лицу, Сигизмунд призвал своих союзников умерить свой воинственный пыл и дожидаться благоприятной возможности атаковать врага, с которым они были совершенно незнакомы. Герцог Неверский и сопровождавшие его молодые дворяне с нетерпением прислушивались к советам венгров и полагали, что те желают оспорить у них честь начать сражение. Едва им на глаза попался штандарт полумесяца[70], как они выбежали из лагеря и напали на врага; турки отступили и, казалось, обратились в бегство; французы преследовали их в беспорядке и вскоре оказались отделенными от венгерской армии.

Внезапно тучи спахи и янычар хлынули из соседних лесов, в которых они были устроены в засаде. По всей стране были расставлены пики, чтобы затруднить марш кавалерии. Французские воины, неспособные ни наступать, ни отступить, окруженные бесчисленной армией, сражались уже не для того, чтобы победить, а для того, чтобы умереть со славой и дорого продать свои жизни. После того, как в течение нескольких часов французы вели бойню в рядах противника, все участвовавшие в конфликте французы либо погибли от мечей мусульман, либо были взяты в плен.

Баязет после этой первой победы направил все свои силы против венгерской армии, которой уже овладел ужас и которая была рассеяна при первом же ударе. Сигизмунд, который утром того дня насчитал под своими знаменами сто тысяч человек, бросился в рыбацью лодку и, поплыв вдоль берегов Эвксинского моря, нашел убежище в Константинополе, где одно его присутствие возвестило о его поражении и посеяло ужас.

Таковы были плоды самонадеянности и отсутствия дисциплины у французских воинов. История больше оплакивала их неудачи, чем порицала их поведение; она удовлетворилась утверждением, что для победы над турками венграм следовало проявить доблесть французов, или французы должны были подражать благоразумию венгров.

Баязет, который был ранен в битве, после победы проявил себя варваром. Некоторые историки утверждают, что султан должен был отомстить за смерть многих мусульманских пленников, которые были убиты христианской армией. Он приказал привести к нему всех пленников, многие из которых были ранены и сорвали одежду, а затем отдал приказ своим янычарам перебить их у него на глазах. Три тысячи французских воинов были принесены в жертву его мести; но он пощадил герцога де Невер, графа де ла Марш, сьера де Куси, Филиппа Артуа, графа де Бара, маршала Бусико и некоторых других военачальников из-за выкупа, который он надеялся получить за них.

Когда слава разнесла весть о столь великом бедствии по Франции, первым, кто заговорил об этом, пригрозили сбросить в Сену: многие были заключены в тюрьму в парижском шатле по приказу короля. Наконец, самые зловещие слухи были подтверждены рассказом мессира де Эли, которого Баязет послал во Францию объявить о поражении христиан и пленении их лидеров. Этот интеллект распространение запустения через суд Карла VI. и Королевства Франции. Фруассар добавляет в своем естественном стиле, “что знатные дамы Франции были сильно разгневаны, и у них были на то веские причины, поскольку это слишком сильно затронуло их сердца”.

Чтобы смягчить гнев турецкого императора Карла VI. послал ему великолепные подарки. Гонцы, проезжавшие через Венгрию и территорию Константинополя, привозили султану белых соколов из Норвегии, прекрасные алые ткани, белое и красное полотно из Реймса, *высокие ткани*, или гобелены, созданные в Аррасе, в Пикардии, представляющие историю Александра, “на что, “ добавляют современные хроники, - было очень приятно смотреть всем достойным и благородным людям”. При французском дворе не могли найти средств для отправки в Турцию денег, необходимых для освобождения принцев и знати, содержащихся в тюрьмах Баязета. Парижский банкир совершил то, чего не смог бы тогда ни один государь Европы: в сговоре с

несколькими генуэзскими купцами он договорился о выкупе пленников и обязался выплатить за этот выкуп оговоренную сумму в двести тысяч дукатов.

Знатным пленникам, которых султан протащил в своем обозе до самого Бруса, наконец разрешили вернуться в Европу. Из этого числа все вернулись в свою родную страну, за исключением двоих: Ги де Тремуйль умер на острове Родос. Леди де Куси, неспособная к утешению, послала верного рыцаря к туркам узнать о судьбе своего мужа, и рыцарь вернулся с роковой вестью, что сьер де Куси умер в своей тюрьме.

Когда герцог де Невер со своими товарищами по несчастью покинул лагерь Баязета, султан обратился к нему со следующими словами, как сообщает Фруассар: “Граф де Невер, я хорошо знаю и осведомлен, что ты в своей стране великий сеньор и сын великого сеньора. Ты молод; ты, может быть, считаешь оскорблением, требующим отмщения, то, что постигло тебя в твоём первом рыцарстве, и охотно, чтобы восстановить свою честь, собрал бы войска, чтобы прийти и дать мне бой; если бы я подозревал это и если бы на то была моя воля, я заставил бы тебя поклясться на твоей вере и на законе, что ты никогда не вооружишься против меня или кого-либо из тех, кто находится в твоей компании; но нет, я не требую ни от тебя, ни от них этой клятвы; но я хочу сказать тебе, что если, когда ты вернешься, возможно, тебе будет угодно собрать силы, чтобы выступить против меня, ты найдешь меня всегда готовым как для тебя, так и для твоего народа”.

Эта речь, в которой проявилась вся османская гордость, без сомнения, должна была стать уроком для молодых воинов, чья безумная самонадеянность навлекла на себя все беды войны. Они презирали Баязета до своего поражения, и его надменное презрение после победы не могло показаться в их глазах напрасной бравадой. “Итак, - говорит Фруассар, - они хорошо помнили это всю свою жизнь”.

По возвращении во Францию благородные рыцари были приняты с интересом, который вызывает несчастная храбрость. Двор Карла VI. и жители Бургундии никогда не уставали слушать их рассказы об их подвигах, их трагических приключениях и невзгодах их плена; они рассказывали чудеса о великолепии Баязета; и когда они повторяли речи султана, который привык говорить, что он будет повелителем всего мира, что он еще придет в Рим и заставит своего коня есть овес на алтаре Святого Петра; когда они говорили об армиях, которые император ежедневно собирал для выполнения своих угроз, какой страх, несомненно, должен был быть смешан в умах его подданных. аудиторы с чувством любопытства и удивления.

Рассказы герцога де Невера и его спутников пробудили, однако, соперничество воинов, и их несчастья в Азии вызвали не столько сострадание, сколько желание отомстить за свое поражение. Вскоре во Франции было объявлено о новом походе против турок, и толпа молодых дворян и рыцарей с готовностью взялась за оружие. Герцог Орлеанский, брат короля, был безутешен из-за того, что не смог получить разрешения встать во главе их и отправиться вместе с ними сражаться с неверными. Именно маршал Бусико, едва вернувшийся из плена, повел этих новых крестоносцев на Восток. Их прибытие на берега Босфора освободило Византию, которая затем была осаждена Баязетом. Их подвиги подняли мужество греков и восстановили честь солдат Запада среди турок. Когда после года трудов и славных сражений они вернулись в свою страну, греческий император Мануил поверил, что видит новое зло, готовое захлестнуть

его, и он решил последовать за маршалом Бусико и обратиться за дополнительной помощью к Карлу VI.; таким образом, возлагая все надежды своей империи на французских воинов. Он был принят с большими почестями во время своего путешествия по Италии; когда он пересек Альпы, во всех крупных городах его ожидали блестящие празднества. В двух лье от Парижа он встретил Карла VI, который со всей своей знатью вышел ему навстречу. Он публично въехал в столицу, одетый в мантию из белого шелка и верхом на белом коне - знаке высшего ранга среди франков. Отрадно было видеть преемника цезарей, взывающего к рыцарскому оружию; и доверие, которое он питал к храбрости французов, льстило гордости нации; но в тогдашнем положении Франции было гораздо легче предложить Мануэлю зрелища турниров и блестящие придворные церемонии, чем снабдить его сокровищами и армиями, в которых он нуждался. Карл VI. начал ощущать приближение той роковой болезни, которая оставила поле битвы открытым для фракций и ввергла королевство в величайшие несчастья. Англия, чьей помощи также просил император Константинополя, была встревожена узурпацией власти Генрихом Ланкастерским; и если английский монарх затем принял крест, то это было сделано не столько с намерением помочь грекам, сколько для того, чтобы отвлечь внимание от собственной несправедливости и иметь предлог для взимания налогов со своего народа. В то же время низложение Винцеслава привело в движение всю Германскую империю; а зарождающаяся ересь Яна Гуса уже послужила сигналом к беспорядкам, которым было суждено охватить Богемию в пятнадцатом веке. Среди всех этих волнений в христианском мире единственная сила, которая могла восстановить гармонию, сама была разделена, и католическая церковь, все еще ставшая жертвой соперничающих притязаний двух понтификов, не могла уделять свое внимание ни укреплению мира среди христиан, ни войне против турок.

Такое положение Франции и Европы полностью разрушило все надежды греческого императора. Проведя два года в Париже, ничего не добившись, он решил покинуть Запад и, сев на корабль в Венеции, остановился на Пелопоннесе, где терпеливо ждал, пока Фортуна сама возьмет на себя заботу о полном разрушении или освобождении его империи.

Это избавление, которого уже нельзя было ожидать от христианских держав, внезапно пришло благодаря народу, еще более варварскому, чем турки, чьи завоевания заставили содрогнуться весь Восток. Тамерлан, или Тимур, вырвавшийся из пучины междоусобных войн, был возведен на трон Великих Моголов и возродил на севере Азии грозную империю Чингисхан. История едва ли в состоянии проследить за этим новым завоевателем в его гигантских экспедициях. Воображение приходит в ужас от быстроты, с которой, пользуясь выражением самого Тимура, он перенес “разрушительный ветер запустения” из Загатаи к Инду, а от Инда к ледяным пустыням Сибири. Таково было бедствие, посланное Небесами, чтобы уничтожить грозную гордыню Баязета. Историки того времени расходятся во мнениях относительно мотивов, которые вооружили вождя моголов против османского императора; некоторые приписывают решимость Тамерлана жалобам мусульманских князей Малой Азии, которых турецкий султан изгнал из их государств; другие, верные духу своего времени и ищущие причины великих событий в небесных явлениях, объясняют нашествие татар появлением кометы, которая в течение двух месяцев была видна испуганной Азии. Пренебрегая чудесными объяснениями, мы ограничимся утверждением, что мир не мог длиться между двумя людьми, движимыми одним и тем же честолюбием и которые вряд ли простили бы друг другу то, что в одно и то же время лелеяли мысль о завоевании мира. Их характер, а также их политика достаточно ясно обозначены в жестоких угрозах, которые они взаимно адресовали друг другу перед военными действиями и которые стали сигналом к самым кровавым катастрофам.

Тамерлан, выступив из Самарканда, сначала подчинил Себорто, и, как будто желая показать Баязету, прежде чем напасть на него, зрелище опустошений, которые повсюду сопровождали его оружие, он сразу направил свои татарские орды в Сирию и провинции, управляемые египетскими мамлюками. Доблесть его солдат, раздоры его врагов, вероломство, которое он никогда не гнушался призывать на помощь своей власти, открыли перед ним ворота Алеппо, Дамаска и Триполи. Потоки крови и пирамиды человеческих голов отмечали прохождение могольского завоевателя. Его приближение посеяло ужас повсюду, как среди христиан, так и среди мусульман; и хотя он хвастался в своих речах местью за дело угнетенных, Иерусалим мог бы в данном случае быть благодарен за то, что он не подумал освободить ее.

Наконец татары продвинулись к Малой Азии. Тимур пересек Анатолию с армией в восемьсот тысяч человек. Баязет, снявший осаду Константинополя, чтобы выступить навстречу своему грозному противнику, столкнулся с ним на равнинах Анкиры. В конце битвы, длившейся три дня, император Османской Империи разом потерял свою империю и свободу. Греки, которым известие об этой победе вскоре принесла слава, с трепетом поблагодарили своего свирепого освободителя; но равнодушие, с которым он принял их посольство, доказывало, что у него не было намерения заслужить их благодарности. Прибыв на берега Босфора, завоеватель Баязета обратил свои взоры и замыслы на Запад; но у повелителя обширных царств Азии не было ни одной барки, на которой он мог бы перебраться на другой берег канала. Таким образом, Константинополю, избежавшему ига османов, посчастливилось также избежать присутствия татар, и Европа увидела, как эта яростная буря рассеялась на некотором расстоянии от нее.

Завоеватель выместил свой гнев на городе Смирна, который защищали рыцари Родоса. Этот город был взят штурмом, предан разграблению и превращен в пепел; император Великих Моголов с триумфом вернулся в Самарканд, таща за собой султана Баязета в своей свите и обдумывая поочередно завоевание Африки, вторжение на Запад и войну против Китая.

После битвы при Анкире несколько принцев из рода Баязетов оспаривали разоренные провинции Османской империи. Если бы франки появились тогда в Галлиопольском проливе и во Фракии, они могли бы воспользоваться поражением и раздорами турок и отбросить их обратно за Тавр; но безразличие христианских государств наряду с вероломством и алчностью некоторых морских наций Европы дали османской династии время и средства восстановить свое пришедшее в упадок могущество.

Греки извлекли из победы Тамерлана не больше преимуществ, чем латиняне. Через двадцать лет после битвы при Анкире османы отвоевали все свои провинции; их армии снова окружили Константинополь, и именно в этот момент мы можем применить к могуществу турок восточное сравнение со змеей пустыни, которую раздавил слон на своем пути, которая снова соединяет свои разрозненные кольца, постепенно поднимает голову, снова хватается брошенную добычу и сжимает ее в своих чудовищных складках.

Пока греческие императоры не опасались за безопасность своей столицы, они поддерживали очень мало сношений с христианскими князьями Европы; но при появлении опасности византийский двор возобновил свои мольбы и обещания повиновения Римской церкви. Разговор Мануила, о котором сообщает Франца, проливает свет на положение греков и на политику робких преемников Константина. “Единственное средство, которое у нас осталось против турок, - сказал этот принц своему сыну, - это их страх перед нашим союзом с латинянами и ужас, который внушают им воинственные народы Запада. Всякий раз, когда на вас будут

давить неверные, обращайтесь ко двору Рима и продлевайте переговоры, никогда не принимая решающего участия”. Мануил добавил, что тщеславие латинян и упрямство греков всегда будут препятствовать какой-либо реальной или прочной гармонии; и что союз любого рода с папой, разжигая страсти обеих сторон, только отдаст Византию на милость варваров.

Такие советы, свидетельствующие лишь о малой откровенности в политике греков, не могли долго сопровождаться успехом. Опасности становились все более насущными, обстоятельства - все более настоятельными; поскольку христианский мир отвечал на тщетные переговоры только пустыми обещаниями, преемник Мануила оказался вынужденным заверить его в своей вере и искренности. В конце концов была принята идея собора, на котором две церкви должны были прийти к взаимопониманию и сблизиться. Император Иоанн Палеолог и доктора греческой церкви отправились в Феррару, а затем во Флоренцию. После долгих дебатов обе стороны принесли присягу и торжественно провозгласили унию. На Западе это событие праздновалось как победа; в Константинополе оно вызвало крики о богохульстве, отступничестве и нечестии. Так исполнилось предсказание Мануила; все усилия, приложенные для объединения мнений, послужили лишь возведению нового барьера между греками и латинянами.

На соборах Феррары и Флоренции депутаты от армян, маронитов, якобитов Сирии и Египта, несториан и эфиопов подчинились, так же как и греки, папской власти, и, без сомнения, также в той же надежде на помощь латинян и избавление от тирании мусульман. Это торжественное мероприятие было не столько подчинением Святому Престолу, сколько данью уважения храбрости франков, в которых все христиане Азии и Африки видели освободителей.

Однако папа Евгений, получив покорность греков, пообещал прислать помощь Константинополю и христианам Востока. Понтифик надеялся, что объединение двух церквей и проповедь крестового похода привлекут к нему взоры христианского мира и вернут папской власти доверие и могущество, которых ее лишили расколы на Западе и мятежные декреты собора в Бале. Он написал всем князьям христианского мира, призывая их объединиться, чтобы положить конец вторжениям мусульман. Евгений в своем письме описал все бедствия, которым подвергались верующие в странах, находящихся под властью варваров. “Турки связали отряды мужчин и женщин вместе и потащили их за собой в обозе. Все христиане, которых они приговорили к рабству, были лишены самой гнусной добычи и проданы, как вьючный скот. В своем варварстве они отделили сына от отца, брата от сестры и мужа от жены. Те, кому возраст или немощи не позволяли ходить, были убиты на больших дорогах или в центре городов. Даже младенчество не могло возбудить в них жалости; они предавали смерти невинных жертв, которые едва начали существовать и которые, еще не ведая страха, улыбались своим палачам, принимая смертельный удар. Каждая христианская семья была вынуждена отдать своих сыновей Османской империи, точно так же, как некогда народ Афин был вынужден посылать в качестве дани цвет своей юности чудовищу Крита. Везде, куда проникали турки, поля были прокляты бесплодием, а в городах не было ни законов, ни промышленности; у христианской религии больше не было ни священников, ни алтарей; у человечества больше не было ни поддержки, ни убежища”. Фактически, отец верующих не забыл ни одной из жестокостей, совершенных врагами Христа; он не мог сдержать печали, которую вызывали у него столь многие болезненные образы, и призвал князей и народы направить помощь Кипрскому королевству, острову Родос и особенно Константинополю, поскольку это были последние оплоты Запада.

Увещевания суверенного понтифика были адресованы только равнодушным сердцам народов Англии, Франции и Испании. Ни гуманность, ни патриотизм не были в силах возродить энтузиазм, который в прошлые времена порождает дух религии и рыцарства. Дальние крестовые походы, какова бы ни была их цель, стали рассматриваться лишь как результат ревнивой политики, пружины которой были приведены в движение, чтобы изгнать принцев и знать, чьей власти и богатства они жаждали. В том состоянии, в котором тогда находилась Европа, у тех, кто любил войну, было слишком много возможностей проявить свою храбрость, не покидая своих домов. Немцы, которые выставили сорок тысяч человек для борьбы с еретиками Богемии, оставались неподвижны, когда им представили турок готовыми нести знамя исламизма до самых пределов Запада.

Папа, однако, не удовлетворился призывом верующих взяться за оружие, он хотел подать им пример; понтифик набрал солдат и снарядил суда для войны с турками. Приморские города Фландрии и республики Генуя и Венеция, имевшие большие интересы на Востоке, сделали некоторые приготовления; их флоты объединились под знаменем Святого Петра и направили свой курс к Геллеспонту. Страх перед приближающимся вторжением пробудил рвение народов, населявших берега Днестра и Дуная. Крестовый поход проповедовался в сеймах Польши и Венгрии. На границах, которым угрожали варвары, народ, духовенство и знать повиновались голосу религии и патриотизма.

Верховный понтифик назначил легатом крестоносцев кардинала Юлиана, прелата с бесстрашным характером и пылким гением, вооружавшегося поочередно боевым мечом и мечом речи; столь же грозного на поле битвы, как и в учебных состязаниях школ. Заручившись доверием собора в Бале, кардинал Юлиан отличился на Флорентийском соборе, защищая догмы латинской церкви. Его красноречие подняло всю Германию против гуситов; теперь он горел желанием поднять весь христианский мир против турок. В армии, собранной под знаменами креста, предводителями были Гунниадес и Ладислав; первый, путевой обходчик Трансильвании, был прославлен среди христианских воинов, и эпитет *разбойник*, который турки прикрепили к его имени, обозначал ненависть и ужас, которые он внушал неверным. На голове Ладислава соединились две короны Польши и Венгрии, и он заслужил, благодаря блестящим качествам своей юности, любовь как поляков, так и венгров. Крестоносцы собрались на Дунае и быстро получили сигнал к войне. Флоты суверенного понтифика Венеции и Генуи крейсировали в Геллеспонте. Жители Молдавии, Сербии и Греции обещали присоединиться к христианской армии; султан Карамани, непримиримый враг османов, должен был напасть на них в Азии. Греческий император Иоанн Палеолог объявил о больших приготовлениях и был готов выступить во главе армии навстречу своим освободителям.

Гунниадес и Ладислав продвинулись до Софии, столицы болгар. Две битвы открыли для них проходы через гору Хемус и дорогу в Византию. Только суровые зимние условия остановили победоносное шествие христианских воинов, и армия крестоносцев вернулась в Венгрию, чтобы дожидаться благоприятного времени года для возобновления войны. Они вернулись в Буду с триумфом, под одобрительные возгласы огромного населения. Духовенство отпраздновало гимнами и благодарственными возгласами первые победы христиан, и Ладислав босиком отправился в церковь Нотр-Дам, где повесил знамена, отнятые у неверных.

Перед началом войны мусульмане были убеждены, что уничтожение христиан записано в книге судеб. "Когда все враги пророка, - говорили они между собой, - будут уничтожены, каждому из

нас не останется ничего другого, как править своим плугом и смотреть на своего боевого коня в конюшне”. Этому мнению, порожденного гордостью и победой, оказалось достаточно, чтобы ослабить рвение османских воинов; и большинство из них остались в своих домах, в то время как христиане двинулись к Адрианополю.

Когда слава сообщила им о победах франков на Дунае, эта слепая уверенность сразу уступила место страху. Султан Амурат немедленно отправил послов просить мира. История умалчивает о средствах обольщения, которые использовали османские послы, чтобы привлечь на свою сторону победоносных крестоносцев; но хорошо известно, что им удалось добиться благоприятного рассмотрения своих предложений. Решение о мире было принято на совете руководителей христианской армии. Стороны поклялись, одна на Коране, а другая на Евангелии, заключить перемирие на десять лет. Это неожиданное решение возмутило гордость и рвение кардинала Юлиана, чья миссия состояла в том, чтобы побуждать христиан к войне. Когда он увидел, что лидеры крестового похода объединились в стремлении к миру, он хранил надменное молчание и отказался подписать договор, который не одобрял. Непреклонный легат ждал удобного случая, при котором он мог бы дать выход своему недовольству и заставить крестоносцев взяться за оружие. Эта возможность не заставила себя долго ждать.

Амурат, довольный восстановлением мира в своих государствах и утомленный земным величием, отказался от забот империи и похоронил себя в уединении в Магнезии. Султан Карамани сообщил христианам, что их самый грозный враг *лишился рассудка* и только что обменял императорскую корону на шапку сенобита. Он добавил, что Амурат оставил верховную власть в руках ребенка, и в своем послании сравнил этого ребенка с *молодым растением, которое малейший ветер может вырвать с корнем*.

Тот же султан был настолько убежден в том, что Османская империя находится в упадке, что вступил в Анатолию во главе целой армии. Примерно в то же время распространились слухи о том, что император Константинополя продвигается к Фракии; что греки Пелопоннеса взяли за оружие и что флоты конфедерации все еще ожидают нового сигнала к войне в Геллеспонте. Другое обстоятельство, не менее важное, казалось, было рассчитано на то, чтобы пробудить воинственный пыл крестоносцев; победа, одержанная под Софией, дала им могущественного союзника в Греции. В этой битве сын Джона Кастукта, командовавший авангардом османской армии, внезапно отказался от знамен и религии турок, чтобы защитить культ и наследие своих предков в Албании. Посланцы Скандерберга объявили предводителям христианской армии, что он готов присоединиться к ним во главе двадцати тысяч албанцев, собранных под знаменем креста.

Все эти новости, поступившие одновременно, оказали немедленное воздействие на умы людей, а также на ход событий. Был созван новый собор; кардинал Джулиан встал среди лидеров и упрекнул их в том, что они предали и свое состояние, и свою славу; он в суровых выражениях упрекнул их в подписании позорного мира, который был кощунственным, гибельным для Европы и для Церкви. “Вы поклялись,” сказал он, “сражаться с извечными врагами христианского мира, а теперь вы поклялись на Евангелии сложить оружие. Какой из этих двух клятв вы будете верны? Вы только что сочли нужным заключить договор с мусульманами; но разве у вас нет договоров также и с вашими союзниками? Покинете ли вы этих великодушных союзников в тот момент, когда они со всех сторон спешат к вам на помощь и

готовятся разделить с вами опасности войны, в которой Бог столь явно покровительствовал вашим первым трудам?

“ Но что мне сказать? Вы не только бросаете своих союзников, вы оставляете без поддержки и без надежды ту толпу христиан, которых вы обещали избавить от невыносимого ига и которые теперь должны оставаться жертвой всех бесчинств мусульман, которых раздражали ваши победы. Стоны стольких жертв будут преследовать вас в вашем уединении и будут обвинять вас перед Богом и перед людьми.

“Вы навсегда закрываете ворота Азии перед христианскими фалангами и возвращаете мусульманам утраченные ими надежды на вторжение в страны христианского мира. Ради каких интересов, ответь мне, ты пожертвовал своей славой и безопасностью христианского мира? Разве война уже не дала тебе всего, что султан Амурат обещает? Разве он уже не дал бы вам еще больше; и разве обещания, полученные в результате победы, не внушают большего доверия, чем обещания неверных?

“Что мне сказать верховному понтифику, который послал меня к вам не для того, чтобы вести переговоры с мусульманами, а для того, чтобы изгнать их за моря? Что мне сказать всем пастырям христианских церквей и всем верующим Запада, которые сейчас возносят молитвы Небесам об успехе вашего оружия?

“Нет сомнения, что варвары, которых мы дважды побеждали, никогда бы не согласились на мир, если бы у них были средства для ведения войны. Вы верите, что они будут соблюдать перемирие, когда фортуна станет более благосклонной к ним? Нет; христианские воины не могут оставаться связанными нечестивым договором, который отдает Церковь и Европу ученикам Магомета. Поймите, что нет мира между Богом и его врагами, между истиной и ложью, между Раем и Адом. Мне нет необходимости освобождать вас от клятвы, явно противоречащей религии и морали, всему тому, что составляет среди людей святость и веру в обещания. Тогда я увещаю вас, во имя Бога, во имя Евангелия, взяться за оружие и следовать за мной по пути спасения и славы”.

Безопасность христианского мира, без сомнения, может служить оправданием жестокости этого дискурса; но беспристрастная история, каковы бы ни были предполагаемые причины, не может одобрить это открытое нарушение веры в клятвы. Лидеры крестового похода могли заслужить упреки апостольского легата, который обвинил их в заключении мира, позорного самого по себе и опасного для христианской Европы; но они, безусловно, также заслуживают презрения потомков за нарушение договоров, которые они так недавно заключили. Когда кардинал Джулиан начал говорить, умы его слушателей уже колебались; когда он закончил свою речь, воинственный пыл, воодушевлявший его, охватил все собрание и проявился в громких возгласах всеобщего одобрения. В один единодушный голос все они поклялись возобновить войну на том же самом месте, где только что поклялись поддерживать мир.

Энтузиазм большинства военачальников был на высоте это едва позволило им заметить, что они потеряли половину своей армии. Большое количество крестоносцев покинули свои знамена, некоторым не терпелось вернуться в свои дома, но гораздо большая часть была недовольна договором, который сделал бесполезными их храбрость и подвиги. Принц Сербии, близкий сосед турок, опасаясь их мести, не осмелился пойти на риск новой войны и не послал войск в армию Гунниада и Ладислава. Они напрасно ждали подкрепления, обещанного

Скандербергом, который был обязан защищать Албанию. Под знаменами креста оставалось не более двадцати тысяч человек. Вождь валахов, присоединившись со своей кавалерией к крестоносцам, не смог удержаться от выражения своего удивления королю Венгрии малочисленностью его войск; и сказал ему, что султана, с которым они собирались сражаться, часто преследовало в погоне больше рабов, чем насчитывалось христианских воинов.

Главным вождям было рекомендовано отложить начало войны до прибытия свежих крестоносцев или возвращения тех, кто их покинул; но Ладислав, Гунниад и особенно Юлиан были убеждены, что Бог защищает защитников креста и что ничто не может им противостоять. Они выступили в поход и, пересекши пустыни Болгарии, расположились лагерем в Варне, на берегу Черного моря.

Именно там крестоносцы, вместо того чтобы найти флот, который должен был их сопровождать, узнали, что Амурат покинул свое убежище в Магнезии и спешит им навстречу во главе шестидесяти тысяч воинов. При этом известии вся чрезмерная самоуверенность, внушенная кардиналом Юлианом, испарилась, и в своем отчаянии они обвинили греков в том, что они предали или бросили их, а генуэзцев вместе с племянником папы, командовавшим христианским флотом, в том, что они уступили туркам проход через Галлиополь. Это обвинение повторяется во всех западных хрониках; но турецкие историки ничего не упоминают об этом; напротив, они говорят, что Амурат пересек Геллеспонт на значительном расстоянии от мест, занятых христианским флотом, и что великий визирь, находившийся на европейском берегу, прикрывал проход оттоманской армии пушечной батареей. “Как только войска Амурата, - добавляет турецкий историк Джоджа Эффенди, - достигли берега, они вознесли молитвы и благодарность Богу Магомета, и *зефир победы дохнул на мусульманские знамена*”. Султан продолжил свой поход, клянясь пророками исламизма наказать своих врагов за нарушение международных договоров. Если верить некоторым авторам, император турок умолял самого Иисуса Христа отомстить за надругательство, совершенное над его именем лжесвидетельными воинами. При приближении османов Гунниадес и легат посовествовали отступить; но отступление стало невозможным, и Ладислав решил победить или умереть. Началась битва, и именно тогда, по словам османского историка, “бесконечное количество доблестных людей было унесено в долину теней потоками крови”. В начале сражения были разбиты как правое, так и левое крыло мусульманской армии. Некоторые авторы говорят, что Амурат думал бежать и что он был остановлен янычаром, который удержал его под уздцы его лошади; другие восхваляют твердую храбрость султана и сравнивают его со скалой, которая противостоит всем порывам бури. Когджа Эффенди, которого мы уже цитировали, добавляет, что османский император обратился на поле битвы с молитвой к Богу Магомета и со слезами заклинал его отвести от мусульман горькую чашу презрения и невзгод.

Казалось, удача благоволила оружию крестоносцев. Большая часть османской армии обратилась в бегство перед двадцатью четырьмя тысячами христианских солдат, и ничто не могло устоять перед безудержной храбростью короля Венгрии. Толпа прелатов и епископов, вооруженных кирасами и мечами, сопровождала Ладислава и уговаривала его направить свои атаки к тому месту, где все еще сражался Амурат, защищаемый самыми храбрыми из его янычар. Он слишком охотно прислушался к их неосторожным советам и, ворвавшись в ряды вражеских батальонов, был мгновенно пронзен тысячей копий и пал вместе со всеми, кто мог последовать за ним. Его голова, насаженная на острие копья и показанная венграм, посеяла ужас в их рядах. Напрасно Гунниад и епископы пытались возродить мужество крестоносцев,

говоря им, что они сражаются не за земного короля, а за Иисуса Христа; вся христианская армия была распущена и бежала в величайшем беспорядке. Сам Хунниадес был унесен вместе с остальными: десять тысяч солдат креста погибли, а турки взяли большое количество пленных. Кардинал Джулиан погиб либо в битве, либо при бегстве.

После своей победы Амурат пересек поле битвы; и поскольку он заметил, что не видит среди тел христиан ни одного с седой бородой, его визирь ответил, что люди, достигшие возраста разума, никогда бы не решились на такое опрометчивое предприятие. Эти слова были не более чем лестью в адрес султана; но, тем не менее, они могли бы послужить характеристикой войны, в которой предводители христианских армий подчинялись скорее порывам безрассудных страстей юности, чем более хладнокровному диктату опыта и зрелого возраста.

Почти все подобные этому походы христиан против турок начинались блестящими успехами, а заканчивались великими бедствиями. Чаще всего крестовый поход заканчивался в первой или второй битве, потому что крестоносцы обладали только доблестью и были совершенно лишены качеств, которые могли бы улучшить победу или исправить неудачи. Став победителями, они ссорились ради славы боя или добычи врага; побежденные, они сразу же впадали в уныние и обескураживались и возвращались по домам, взаимно обвиняя друг друга в своих поражениях.

Битва при Варне закрепила за турками европейские провинции, в которые они вторглись, и позволила им совершить новые завоевания. Амурат, одержав победу над своими врагами, снова отказался от императорской короны, и уединенная Магнезия снова увидела победителя венгров, одетого в скромную мантию отшельника; но янычары, которых он так часто приводил к победе, не позволили ему отречься от мира или наслаждаться покоем, которого он так жаждал. Вынужденный возобновить командование армиями и бразды правления империей, он направил свои взгляды против Албании; а затем вернулся, чтобы сражаться с Гунниадисом на берегах Дуная. Остаток своих дней он провел в войне против христиан и при последнем издыхании рекомендовал своему преемнику направить оружие против Константинополя.

Магомет II, которому Амурат завещал завоевание Византии, наследовал своему отцу только через шесть лет после битвы при Варне. Именно тогда начались дни траура и бедствий для греков; и именно в этот период история предлагает нам в качестве зрелища последний и ужасный конфликт; с одной стороны, старая империя, слава которой наполнила вселенную и у которой не осталось ни защиты, ни пределов, кроме крепостных валов ее столицы; а с другой - новая империя, название которой было едва известно, и которая уже угрожала вторжением всему миру.

Константин и Магомет, возведенные почти в одно и то же время, — один на трон Отмана, другой на трон Цезарей, - отличались друг от друга характерами не меньше, чем судьбами. Умеренностью и благочестием Константина восхищались, и историки отмечали его спокойную и благоразумную доблесть на поле боя и героическое терпение при поражениях. Магомет привел на трон деятельный и предприимчивый дух, пылкую и страстную политику и неукротимую гордость. Утверждается, что он любил литературу и искусство, но эти мирные занятия не смогли смягчить его дикой свирепости. На войне он не щадил жизней ни своих врагов, ни своих солдат; и жестокость его характера часто обескровливала даже мирный процесс. В то время как в Константине можно было узнать монарха, воспитанного в школе христианства, в Магомете так же легко было узнать принца, сформированного воинственными и нетерпимыми принципами Корана. Последний из цезарей обладал всеми добродетелями,

которые могут почтить и научить переносить большое несчастье. Сын Амурата проявил темные качества завоевателя со всеми страстями, которые в день победы не должны оставлять побежденным ничего, кроме отчаяния.

Когда Магомет унаследовал империю, его первой мыслью было завоевание Византии. В переговорах, предшествовавших разрыву мира, Константин не скрывал слабости греческой империи и проявил всю покорность христианина. “Я уповаю на Бога, - сказал он османскому принцу. - Если ему будет угодно смягчить ваше сердце, я буду рад этой счастливой перемене; если ему будет угодно передать вам Константинополь, я подчинюсь его воле безропотно”.

Было решено, что осада Византии начнется весной 1453 года; и греки и турки провели зиму, готовясь к обороне и нападению. Магомет с энтузиазмом взялся за предприятие, на которое в течение длительного времени были направлены все желания турецкой нации и вся политика османской Империи. Среди ночи, послав за своим визирем: “Ты видишь, - сказал Магомет, - какой беспорядок на моем ложе. Я принес туда беду, которая волнует и пожирает меня; отныне ни отдыха, ни сна для меня не будет, кроме как в столице греков”.

В то время как Магомет собирал все свои силы, чтобы начать войну, Константин Палеолог обратился за помощью к народам Европы. Из Константинополя так часто доносились тревожные крики, что одни считали опасности, грозящие греческой империи, воображаемыми, а другие - ее гибель неизбежной. Напрасно Константин обещал, как это делали все его предшественники, объединить греческую церковь с Римской; воспоминание о стольких обещаниях, данных в час опасности и забытых во времена безопасности, усилило антипатию латинян к народу Греции. Папа слабо призывал воинов Запада взяться за оружие и удовлетворился тем, что послал к греческому императору легата и нескольких духовных лиц, сведущих в искусстве аргументации и изучении теологии. Хотя кардинал Исидор привез с собой значительные сокровища и имел в своей свите несколько итальянских солдат, его прибытие в Константинополь, должно быть, посеяло уныние среди греков, которые ожидали другой помощи и, по-видимому, придавали очень большое значение своему подчинению Римской церкви.

Князя Морей и Архипелага, а также князя Венгрии и Болгарии, одни из которых боялись сами подвергнуться нападению, другие, сдерживаемые безразличием или духом ревности, отказались принимать какое-либо участие в войне, победа в которой решила бы их собственную судьбу. Поскольку в Генуе и Венеции были конторы и коммерческие учреждения в Константинополе, две тысячи генуэзских солдат и пятьсот или шестьсот венецианцев прибыли, чтобы помочь в защите города. Прибыл также отряд каталонцев, бесстрашных солдат, поочередно ставших бичом и надеждой Греции, которых любовь к войне и опасностям привела в имперский город. И это было все, что должно было представлять воинственную Европу при осаде Византии.

В этот период несколько христианских держав находились в состоянии войны друг с другом: продолжатель Барониуса замечает по этому поводу, что солдат, которые тогда погибли в битвах, сражавшихся в лоне христианского мира, было бы достаточно, чтобы рассеять турок и отбросить их обратно к внешним границам Азии. Но если история в данном случае обвиняет народы Запада в безразличии, что она должна сказать об этом грекам в свою защиту? Усилия Константина по объединению двух Церквей ослабили уверенность и рвение его подданных, которые гордились тем, что они православные. Среди греков некоторые, чтобы ничем не быть

обязанными латинянам, заявляли, что сам Бог взялся спасти свой народ, и, веря некоторым сделанным ими пророчествам, они в бездействии ожидали чудесного избавления. Другие, более мрачные в своих схоластических мечтаниях, не желали спасения Константинополя, потому что они предсказывали, что империя должна погибнуть, чтобы искупить преступление унии. Всякая надежда на победу была в их глазах чем-то нечестивым и противоречащим воле Небес. Когда император заговорил о средствах обеспечения безопасности, которые еще оставались, и о необходимости взяться за оружие, эти отважные врачи отступили с каким-то ужасом, и толпа, которую они ввели в заблуждение, побежала за монахом Геннадием, который из глубины своей кельи постоянно кричал народу, что ничего нельзя сделать и что все потеряно.

Когда мы изучаем причуды человеческого разума, то больше всего просвещенного наблюдателя поражает то, что есть люди, страстью которых являются слова, которых себялюбие привязывает к тщеславным тонкостям и для которых крушение мира было бы менее болезненным зрелищем, чем триумф мнения, которому они противостоят. Накануне величайшей опасности Константинополь был полон людей, которых ненависть к латинянам заставляла забывать даже о приближении турок и их угрозах. Великий герцог Нотарес зашел так далеко, что заявил, что ему бы больше хотелось видеть в Византии тюрбан Магомета, чем тиару римского понтифика.

Здесь бесполезно напомнить нашим читателям, что во всех этих дебатах не было ни одного вопроса, затрагивающего истины христианства, — ничего, кроме некоторых моментов церковной дисциплины: служение мессы на латинском языке, освящение пресного хлеба, подмешивание холодной воды в чашу, общение с азимитовцами — это были вещи, которые следовало ненавидеть, вещи, которых следовало бояться гораздо больше, чем исламизма. Таковы были мотивы, по которым греки дали отпор франкам, своим естественным союзникам, осыпали их анафемами и призвали проклятия Небес на свой собственный город.

Среди этих прискорбных споров к голосу патриотизма никто не прислушивался, а безразличие, эгоизм и трусость могли скрываться под респектабельной внешностью религии и православия. Большая часть населения Константинополя покинула город; среди тех, кто остался, самые богатые зарыли свои сокровища, которые они могли бы использовать для общей обороны и которые они вскоре потеряли вместе со своей свободой и своими жизнями. Имперский город содержал в своих недрах всего четыре тысячи девятьсот семьдесят защитников, и император был вынужден грабить церкви, чтобы поддержать их. Таким образом, от восьми до девяти тысяч бойцов составляли весь гарнизон Византии, последней надежды Восточной империи.

Магомет завершил свои грандиозные приготовления. Поскольку завоевание Византии и разграбление Константинополя были самой щедрой наградой, которую можно было предложить доблести османов, все солдаты были так или иначе связаны с амбициями своего лидера. Воинственный пыл и фанатизм, которые отличали сподвижников Омара и первых поборников исламизма, теперь возродились. Из всех областей, простирающихся от Таврской цепи до берегов Эбро и Дуная, стекались толпы воинов, привлеченных в армию надеждой на добычу или желанием отличиться в религиозной и национальной войне. Чтобы сразу дать ясное представление об упадке и слабости греков, а также о силе и могуществе османов, достаточно будет сказать, что в Константинополе и на всей оставшейся территории империи проживало меньшее количество жителей всех мастей, чем Магомет собрал солдат под своими знаменами.

Османская армия выступила из Адрианополя в начале марта, а шестого апреля Магомет разбил свою палатку перед воротами Святого Романа. Сигнал к битве был быстро подан с обеих сторон. В первые дни осады греки и турки продемонстрировали все, что изобрели или усовершенствовали в военном искусстве древние и современные люди. Среди своих грандиозных приготовлений Магомет не пренебрег артиллерией, использование которой в то время было распространено по всему Западу. Одна из его пушек, созданная на его собственных глазах в Адрианополе, была таких гигантских размеров, что триста волов с трудом тащили ее, и она запускала ядро весом в семьсот центнеров (семьсот фунтов веса) на расстояние более шестисот туазов (шестисот морских сажений). Почти все историки того времени говорят об этом ужасном орудии войны, но очень мало говорят о том эффекте, который оно производило на поле боя. Внимательно изучив рассказы современников, и особенно оставленные ими описания этих огромных бронзовых машин, которые им с таким трудом удалось сдвинуть с места, мы пришли к убеждению, что при осаде Византии османская артиллерия внушала больше страха и удивления, чем при исполнении. Турки проявили очень мало умения или рвения, поддерживая франкских инженеров и артиллеристов, которых Магомет взял к себе на службу; и для христианского мира было великим благословением, что столь мощное открытие не было доведено до совершенства сразу в руках варваров, которым Европа не смогла бы противостоять, если бы они присоединили эту новую силу к преимуществам, которыми они уже обладали в войне.

Турки с гораздо большим успехом использовали другое оружие и другие средства нападения; такие как мины, вырытые под валами, катящиеся башни, которые были поднесены вплотную к стенам, тараны, которые пробивали стены, балисты, которые запускали балки и камни, стрелы, дротики и даже греческий огонь, который все еще соперничал с порохом, хотя последнему было суждено вскоре сделать его заброшенным и забытым. Все эти средства разрушения применялись одновременно, и нападения возобновлялись непрерывно. Осажденные не могли воспользоваться всеми своими машинами из-за нехватки рук для их приведения в действие; и когда мы размышляем о малочисленности защитников Константинополя, мы поражаемся, что они были способны в течение более пятидесяти дней сопротивляться неисчислимо войску османов. Эти храбрые воины занимали линию протяженностью более лиги, отражая днем и ночью атаки противника, заделывая бреши в стенах и совершая вылазки; казалось, они были повсюду в одно и то же время и были равны во всем, воодушевленные присутствием своих предводителей и особенно примером Константина. Несколько раз удача благоволила усилиям этого героического отряда и пробуждала несколько проблесков надежды в чувствах печали и ужаса, царивших в Константинополе. У осажденных сохранилось одно преимущество: город был неприступен со стороны Пропонтиды и со стороны порта. Магомет собрал многочисленный флот в Черноморском канале; но он служил только для перевозки провизии и военных припасов. Морская пехота Османской империи не могла соперничать с морской пехотой греков, особенно с морской пехотой франков; и сами турки признавали, что они должны уступить морскую империю христианским народам.

Примерно в середине осады в канал прибыли пять судов с берегов Италии и Греции. Весь османский флот немедленно пришел в движение и двинулся им навстречу; судя по их численности, они окружили их и несколько раз атаковали с целью завладеть ими или свернуть с намеченного курса. Магомет подбадривал сражающихся голосом и жестами с берега. Когда османы, казалось, потерпели неудачу в своей попытке, он не смог сдержать свой гнев; направив своего коня в море, он, казалось, угрожал стихии и, подобно древнему царю-варвару,

обвинял волны в том, что они являются препятствием на пути его завоеваний. С другой стороны, греки, собравшиеся на крепостных валах города, с большим беспокойством ожидали исхода сражения. Наконец, после упорного и кровопролитного сражения все турецкие корабли были рассеяны или выброшены на берег; и христианский флот, нагруженный провизией и солдатами, с триумфом вошел в Константинопольский порт.

Султан горел желанием отомстить за этот позор своему оружию и решил предпринять последнюю попытку овладеть Константинопольским портом. Поскольку вход в него охранялся несколькими большими судами и был закрыт цепью из железа, которую нельзя было ни сломать, ни пройти, османский монарх применил экстраординарный метод, которого осажденные не предвидели, и успех которого продемонстрировал силу его воли и масштабы его власти. За одну ночь от семидесяти до восьмидесяти судов, стоявших на якоре в Черноморском канале, были перевезены по суше в Церерский залив. Дорога была устлана досками, смазанными жиром, по которым множество солдат и рабочих заставляли катиться суда. Турецкий флот под командованием лоцманов, с распущенными парусами, как будто отправлялся в морскую экспедицию, двинулся вперед по холмистой местности и преодолел пространство в две мили при свете факелов и факельных огней, под звуки кларнетов и труб, причем генуэзцы, населявшие Галату, не осмелились оказать никакого сопротивления его прохождению. Греки, полностью занятые охраной своих крепостных валов, не подозревали о замыслах врага. Они не могли понять, что могло быть причиной или объектом всего того шума, который всю ночь доносился с морского берега, пока рассвет не показал им мусульманские штандарты, развевающиеся в их порту.

Мы, естественно, задаемся здесь вопросом, какое сопротивление оказали суда, охранявшие железную цепь, и те, которые вошли в порт после того, как рассеяли османский флот. Мы можем предположить, что каждый воин, сражавшийся на христианских кораблях, был затем задействован в защите крепостных валов города; или, вполне вероятно, что часть залива, в которую вошли турецкие корабли, была недостаточно глубокой, чтобы быть доступной для больших судов. Как бы то ни было, мусульмане, не теряя времени, воспользовались своим успехом. Едва турецкие лодки были спущены на воду, как множество рабочих усердно занялись сооружением плавучих батарей на том самом месте, где венецианцы предприняли свой последний штурм в пятом крестовом походе.

Это смелое предприятие, осуществленное с такой дерзостью и успехом, посеяло тревогу и ужас среди осажденных. Они предприняли несколько попыток сжечь флот и разрушить начатые неприятелем сооружения; но напрасно они прибегали к греческому огню, который так часто спасал Константинополь от нападений варваров. Сорок их самых отважных воинов, преданных своей неосмотрительной доблестью, а возможно, и генуэзцами, попали в руки турок, и смерть среди пыток была наградой за их великодушную преданность.

Константин применил репрессии и выставил головы семидесяти своих пленников на крепостных валах. Такой способ ведения войны свидетельствовал о том, что воюющие стороны больше не прислушивались ни к чему, кроме призывов отчаяния или ярости мести. Мусульмане, ежедневно получавшие всевозможные припасы, вели осаду без перерыва. Уверенность в победе удвоила их пыл; Константинополь подвергся нападению сразу с нескольких сторон, и гарнизон, уже ослабленный конфликтами и трудами долгой осады, был вынужден разделить свои силы, чтобы защитить все атакованные пункты.

Ремонтом укреплений со стороны порта пренебрегли. На западе несколько башен, особенно башня Святого Романа, превращались в руины. В этом почти отчаянном положении, которое было, если возможно, еще более плачевным, византийским гарнизоном овладел дух раздора. Между великим герцогом Нотаресом и Джустиниани, командовавшим генуэзскими войсками, возникли ожесточенные споры. Венецианцы и генуэзцы несколько раз были на грани драки, и все же история едва ли может указать на предмет этих прискорбных ссор. Слепота, порожденная духом ревности или, скорее, отчаяния, была настолько велика, что в этом отборном отряде воинов, которые каждый день жертвовали своими жизнями за благородное дело, за которое они взялись, нередко можно было услышать взаимные обвинения в трусости и предательстве.

Константин старался умиротворить их; и сам он, всегда спокойный среди раздоров, казалось, не руководствовался никакими иными чувствами, кроме любви к родине и жажды славы. Характер, который он проявлял в окружении опасностей, должен был бы снискать ему доверие и любовь народа; но буйный и мятежный дух греков и тщеславие их споров не позволили им оценить истинное величие. Они упрекали Палеолога в несчастьях, которые не были его делом и которые могла исправить только его добродетель. Они обвинили его в том, что он довершил разрушение империи, от которой отказался весь мир и которую он один был готов защищать. Они не только больше не уважали власть или намерения принца; но каждый, кто был возвышен либо по рангу, либо по характеру, становился объектом порицания или недоверия. Вследствие того беспокойного духа, который при общественных беспорядках побуждает толпу искать скрытой поддержки, некоторые предсказания, которым народ полностью верит, возвещали, что город Цезарей может спасти только жалкий нищенствующий, в руку которого Бог вложит меч своего гнева.

По мере приближения дня их великих бедствий количество прихожан в церквях пропорционально увеличивалось. Образ святой Девы, покровительницы Константинополя, был торжественно выставлен и пронесен процессией по улицам. Эти благочестивые церемонии, несомненно, представляли собой нечто назидательное, но они не вдохновляли на храбрость, необходимую для защиты страны и религии в условиях крайней опасности; и Небеса среди опасностей войны не прислушались к молитвам безоружного, дрожащего народа.

Во время осады несколько раз поговаривали о капитуляции. Магомет требовал, чтобы столица империи, всеми провинциями которой он уже владел, была передана ему, и он позволил бы грекам удалиться со своими сокровищами. Палеолог был готов согласиться платить дань, но он не хотел отдавать Константинополь. Наконец, в последнем послании султан пригрозил принести в жертву греческого императора вместе с его семьей и рассеять его плененный народ по всей земле, если он будет упорствовать в защите города. Магомет предложил своему врагу княжество на Пелопоннесе; Константин отверг это предложение и предпочел славную смерть. С этого момента о мире больше не упоминалось, и Византия оказалась на волоске от непримиримой войны.

Султан объявил армии о приближающемся генеральном штурме: богатства Константинополя, пленники, гречанки должны были стать наградой за доблесть солдат; он оставил за собой только город и здания. Чтобы добавить религиозного энтузиазма к военному энтузиазму, дервизы наводнили ряды османской армии, призывая солдат очищать свои тела омовениями, а души молитвами; и обещая райские наслаждения защитникам мусульманской веры. В конце

дня большие костры, зажженные по приказу султана, разливали зловещее великолепие по всем берегам моря, от мыса Галата до Золотых ворот. Затем османский император появился посреди своей армии, снова обещая своим солдатам разграбление Византии; и, чтобы придать своему обещанию большую торжественность, он поклялся в этом *душой Амурата, четырьмя тысячами пророков, своими детьми и, наконец, своим киммерийцем*. Вся армия разразилась радостными возгласами и несколько раз повторила: *Бог есть Бог, а Магомет - посланник Бога*. Когда эта воинственная церемония была закончена, султан под страхом смерти приказал, чтобы во всем лагере соблюдалась глубокая тишина; и с этого момента в Константинополе не было слышно ничего, кроме беспорядочного шума армии, в которой все пришло в движение, готовясь к ужасной и решающей битве.

В городе гарнизон нес вахту на крепостных валах и с тревогой наблюдал за передвижениями османской армии. Они с ужасом слышали шумные восклицания турок, но внезапная тишина, последовавшая за ними, удвоила их тревогу. Свет вражеских костров отражался от вершин башен и куполов церквей и делал темноту, окутавшую город, еще более ужасной. Константинополь, в котором были приостановлены промышленные работы и все обычные заботы жизни, погрузился в глубокое затишье, которое, однако, никому не давало ни сна, ни покоя; это был мрачный вид города, который какое-то великое бедствие привело в запустение. Только вокруг храмов раздавалось несколько жалобных звуков, умоляющих голосом молитвы о милости небес. К этому несчастному городу уже можно было бы применить слова персидского поэта, которые завоеватель повторил на следующий день в гордости своего триумфа: *Паук молча плетет свою паутину под крышами дворцов, и птица тьмы издает свои скорбные крики на башнях Эфрасиаба*.

Константин созвал главных начальников гарнизона, чтобы обсудить опасности, угрожавшие империи. В патетической речи он попытался возродить мужество и надежды своих товарищей по оружию; обращаясь к грекам о патриотизме и к латинским сторонникам религии и человечности, он призывал их всех набраться терпения, но прежде всего сохранять согласие. Воины, присутствовавшие на этом последнем совете, слушали императора в печальном молчании; они не осмеливались расспрашивать друг друга о средствах защиты, которые, как все знали, были бесполезны. Они обнялись со слезами на глазах и вернулись на крепостной вал, исполненные самых зловещих предчувствий.

Император вошел в церковь Святой Софии, где принял таинство причащения; печаль, читавшаяся на его лице, благочестивое смирение, с которым он просил прощения за свои проступки, трогательные слова, обращенные им к народу, напоминавшие вечное прощание, удвоили всеобщее смятение. Взошло солнце последнего дня Римской империи: это было 29 мая; сигнал к штурму был дан турецкой армии перед рассветом: множество мусульманских солдат устремилось к стенам города. Нападение было совершено одновременно со стороны порта и недалеко от ворот Святого Романа. В первой атаке нападавшие повсюду встречали упорное сопротивление; каталонцы и генуэзцы сделали все, на что было способно мужество франков. Палеолог сражался во главе греков, и один только вид императорского знамени поверг османских солдат в ужас. Триста лучников с острова Крит прославили древнюю славу критян своим мастерством владения луком. Среди этого храброго отряда следует лишь указать на кардинала Исидора, который приказал отремонтировать укрепления, которые ему было поручено защищать, за свой счет, и который сражался до конца осады во главе солдат, которых он привел из Италии. История также обязана великой похвале монахам святого Василия,

которые, без сомнения, приняли сторону унии и чья доблесть и славная смерть искупили слепое и фатальное упрямство византийского духовенства.

Историк Франца сравнивает сомкнутые ряды мусульман с натянутой веревкой, которая, возможно, была натянута вокруг города. Башни, защищавшие ворота Святого Романа, рухнули под ударами таранов и залпами османской артиллерии. Внешние стены были снесены; мертвые и основатели, смешанные с руинами, засыпали рвы. И все же на этом ужасном поле битвы защитники Византии продолжали сражаться; ничто не могло поколебать их стойкости, ничто не могло поколебать их мужество.

После двухчасового ожесточенного сражения Магомет двинулся вперед со своими отборными войсками и десятью тысячами янычар. Он появился посреди них со своей булавой в руке, как ангел разрушения; его угрожающий вид воодушевил пыл его солдат, и он жестами указал им пункты, которые следовало атаковать. Позади батальонов, которые он вел, шел отряд тех людей, которых деспотизм обвиняет в исполнении своего возмездия, наказывал или принуждал к бегству всех, кто хотел бежать, и гнал их вперед, на бойню. Пыль, поднимаемая от шагов сражающихся, вместе с дымом артиллерийских выстрелов покрывала и армию, и город. Лязг труб, грохот руин, взрывы пушек и звон оружия полностью заглушили голоса вождей. Янычары сражались в беспорядке, и Константин, заметивший это, призывал своих солдат предпринять последнее усилие, когда характер сражения внезапно изменился. Юстиниан был поражен стрелой, и боль от раны была настолько сильной, что вынудила его покинуть поле боя. Генуэзцы и большинство латинских вспомогательных войск последовали его примеру. Греки, оставшиеся в одиночестве, вскоре оказываются подавленными численностью; турки проходят крепостные валы, овладевают башнями и взламывают ворота. Константин все еще сражался; но вскоре, покрытый ранами, он пал среди груды мертвых, и Константинополь остался без главы и без защитников.

Что за зрелище представляет собой империя, которой осталось существовать всего одно мгновение и которая вот-вот рухнет среди ярости войны и под мечами варваров! Внезапно все связи общества разорваны; религия, патриотизм, природа больше не имеют законов, на которые можно ссылаться; даже мудрость и опыт не могут дать ничего, кроме бесполезных советов. Все влияние и великолепие добродетели, гения или даже отваги больше не в силах отличать или защищать граждан. Теми великолепными дворцами, которые составляли гордость принцев, сейчас никто не владеет. Среди всех многочисленных зданий великой столицы никто не может найти убежища или обители. В городе больше нет воинов или магистратов, знати или плебеев, бедных или богатых; все население - всего лишь толпа рабов, которые с ужасом ожидают появления раздраженного хозяина. Таков был Константинополь в тот момент, когда завоеватели готовились войти в него.

Когда некоторые из тех, кто защищал крепостные валы, отступили в город, объявив о приближении турок, им не поверили; когда в город хлынули турецкие батальоны, люди, по словам греческого историка Дукаса, "были полумертвы от страха и едва могли дышать". Толпа металась по улицам, не зная, куда идти, и издавая пронзительные крики. Женщины, дети и старики стекались в церкви, как будто алтари Христа могли стать убежищем от жестоких последователей Магомета!

В нашу задачу не входит описывать бедствия, последовавшие за взятием Константинополя. Массовое убийство безоружных жителей, город, отданный на разграбление, оскверненные

святые места, девственницы и матроны, охваченные бесчинствами, все население, закованное в цепи; таковы ужасные картины, которые можно найти в летописях турок, греков и латинян. Такова была судьба этого города, который частые революции покрывали руинами и который в конце концов стал посмешищем и добычей нации, которую он долгое время презирал. Если и есть что-то утешительное среди стольких печальных сцен, то это добродетель Константина,^[71] который не пережил свою страну и чья смерть стала последней славой Восточной империи.^[72]

Когда мы рассматриваем слабость греческой империи и мощь ее врагов, мы поражаемся, что она смогла так долго сопротивляться. Османами руководили все те страсти, которые способствуют завоеваниям; греки не обладали ни одним из качеств, полезных при обороне: чтобы убедиться в этом, нам достаточно посмотреть, как действовали эти две нации. Когда Магомет объявил о своем предприятии, османы стеклись к его армии со всех концов его империи; в то время как при первом сообщении об осаде большая часть населения Константинополя покинула город. Мы видели, что дервисы поощряли мусульманских солдат и считали войну против греков священной войной. Греческие священники, напротив, обескуражили защитников Византии и были недалеко от того, чтобы рассматривать сопротивление Константина как святотатственный поступок. Во время штурмов имперского города турецкие солдаты, чтобы засыпать рвы, бросили в них свои палатки и поклажу, предпочитая победу всему, чем обладали. Хорошо известно, что в то же время самые богатые греки были заняты тем, что прятали свои богатства, предпочитая сокровища патриотизму. Мы могли бы добавить другие примечательные черты, но они вполне достаточно показывают, на чьей стороне была сила. Что наиболее убедительно предвещало крах Византии, так это малая степень уверенности греков в продолжительности существования своей империи. Никогда древние римляне так ясно не демонстрировали силу и господство своего патриотизма, как тогда, когда они называли Рим *вечным городом*. Константинополь видел, как уменьшалось число его защитников, а их мужество слабело пропорционально тому, с какой легкостью зловещие предсказания о его приближающемся разрушении находили доверие среди людей.

Когда Византия в начале XIII века попала в руки латинян, империя все еще обладала большими средствами обороны, и все же двадцать тысяч крестоносцев завоевали ее, что ставит доблесть франков намного выше доблести турок. Возможно, это было бы лучшим местом для изучения того, как крестовые походы повлияли на судьбу Восточной империи. В ходе первого похода латинян Малая Азия была освобождена от турок, которые уже были хозяевами Ниццы и угрожали Константинополю; но крестоносцы продали оказанные ими услуги слишком дорогой ценой: с одной стороны, насилие, с другой - вероломство нарушили гармонию, которая должна была существовать между греками и латинянами. В конце концов взятие Константинополя франками стало смертельным ударом по Византийской империи. В разгар войны раскол усилился ненавистью; а раскол, в свою очередь, удвоил взаимную ненависть. Это разделение способствовало продвижению турок и открыло им ворота Константинополя.

Что самое прискорбное в завоевании османами, так это то, что они ничего не сохранили, даже названия Византии. Варвары, опрокинувшие западную империю, переняли религию и нравы покоренных народов, что постепенно привело к исчезновению следов вторжения и завоеваний. Турки, напротив, были полны решимости добиться торжества Корана везде, где они носили свое оружие. Как только они стали хозяевами Константинополя, алтари Христа были опрокинуты, и

все изменилось вместе с религией. Город Константин стал более отдаленным, чем когда-либо, от христианского мира; и поскольку для неверных он был воротами Запада, христианская Европа, которая в течение почти трех столетий посылала свои флоты и армии в Азию, наконец-то получила повод задрожать за себя. С этого периода крестовые походы приобрели новый характер и были не чем иным, как оборонительными войнами.

КНИГА XVII.

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ ПРОТИВ ТУРОК.

1453-1481 гг. н. э.

Запад равнодушно слышал об опасностях, угрожавших греческой империи; но, узнав о последнем триумфе оружия Магомета, все христианские народы были охвачены ужасом; и считалось, что янычары уже опрокидывают алтари Евангелия в богатейших провинциях Германии. Люди трепетали при мысли о том, что однажды услышат проповедь Корана в церквях Рима, превращенных в мечети. Со всех сторон поднялся ропот против папы Николая V. Его упрекали в том, что он не проповедовал крестовый поход, чтобы предотвратить несчастье, о котором сожалел весь христианский мир. Помощь, посланная до начала осады, действительно могла бы спасти Константинополь; но когда город оказался во власти варваров, зло стало непоправимым. Только союз всех христианских держав мог вырвать их завоевания из рук турок, и против этого союза ежедневно возникали новые препятствия.

Напрасно, чтобы еще раз взволновать Запад, красноречие христианских ораторов обращалось иногда к горю, а иногда и к благочестию верующих; напрасно, поочередно, использовались религиозные идеи и рыцарство: все сожалели о продвижении турок, но слепая покорность или, скорее, жестокое безразличие вскоре сменили всеобщий ужас.

Вскоре после взятия Константинополя Филипп Добрый, герцог Бургундский, собрал в Лилле, во Фландрии, всю знать своих государств; и на празднестве, о котором история сохранила достоверный отчет, он попытался пробудить рвение и доблесть рыцарей зрелищем всего, что могло в то время поразить их рыцарское воображение. Во-первых, зрителям было представлено множество картин и любопытных сцен, среди которых были подвиги Геракла, приключения Ясона и Медеи и чары Мелузины.^[73] После этого великан-сарацин ввел в банкетный зал слона; на спине слона была башня, из которой вышла дама, одетая в траур, представляющая христианскую церковь. Когда слон появился перед столом герцога Бургундского, дама произнесла длинную жалобу в стихах на зло, от которого она страдала; и, обращаясь к принцам, герцогам и рыцарям, она пожаловалась на их медлительность и безразличие в оказании ей помощи. Затем появился латный герольд, державший в руке фазана - птицу, которую рыцарство приняло как символ и награду за храбрость. Две благородные девицы и несколько рыцарей

ордена Золотого Руна подошли к герцогу и подарили ему птицу храбрецов, умоляя *сохранить их в памяти*. Филипп Добрый, который знал, говорит Оливер де ла Марш, с каким намерением он устроил этот банкет, бросил взгляд сострадания на Госпожу Святую Церковь,^[74] и достал из-за пазухи записку, которую герольд при оружии громким голосом прочитал. В этом письме герцог поклялся *в первую очередь Богом, своим Создателем, и святой Девой, а затем дамами и фазаном*, “что, если королю Франции будет угодно обнажить свое тело для защиты христианской веры, чтобы противостоять проклятому предприятию Великого турка, он будет служить ему своей личностью и своей властью в упомянутом путешествии наилучшим образом, каким Бог ниспослет ему милость; если упомянутый король поручит эту экспедицию какому-либо принцу своей крови или другому великому лорду, он поклялся повиноваться ему; и если из-за своих великих дел он не был расположен ехать или посылать, а другие могущественные князья хотели принять крест, он предлагал сопровождать их, как только сможет. Если бы во время священного путешествия он мог каким-либо образом узнать, что упомянутый Великий турок готов встретиться с ним лицом к лицу, он, Филипп, ради упомянутой христианской веры охотно сражался бы с ним, с помощью всемогущего Бога и своей очень милой Матери-Девы, к которой он всегда обращался за помощью”.

Леди Святая Церковь поблагодарила герцога за рвение, которое он проявил в ее защиту. Все присутствовавшие лорды и рыцари по очереди призвали имена Бога и Пресвятой Девы, не забыв о дамах и фазане, и поклялись посвятить свое богатство и свои жизни служению Иисусу Христу, *и своему грозному повелителю герцогу Бургундскому*. Все они выражали самый горячий энтузиазм. Некоторые отличились причудливостью и необычностью своих обещаний. Граф д'Этамп, племянник Филиппа Доброго, вызвался *бросить вызов любому из великих князей и лордов великотурецкого отряда* и пообещал сразиться с ними *лицом к лицу, двое на двое, трое на трое, четверо на четверо, пять на пять и т.д.* Бастард Бургундский поклялся сражаться с турком любым способом, который ему заблагорассудится, и пообещал, что его вызов будет отправлен в *общее житие турка*. Лорд Понса поклялся никогда не останавливаться ни в одном городе, пока не встретится с сарацином, с которым он мог бы сразиться лицом к лицу с помощью Богоматери, из любви к которой *он никогда не стал бы спать в постели в субботу*, пока полностью не выполнит свой обет.

Другой рыцарь обязался со дня своего отъезда никогда не есть в пятницу ничего из того, что было убито, пока он не обменяется ударами с одним или многими врагами веры; если знамя его господина и знамя сарацин будут развернуты как сигнал к битве, он поклялся подойти прямо к знамени Великого турка и *повергнуть его на землю или умереть, пытаясь это сделать*.^[75] Сеньор де Тулонжон по прибытии в страну неверных поклялся бросить вызов одному из воинов Великого турка и сразиться с ним в присутствии своего господина, герцога Бургундского; или, если сарацин не захочет прийти, он предложил пойти и сразиться с ним в присутствии Великого турка, *при условии, что у него будут хорошие гарантии безопасности*.

Все эти обещания, которые так и не были выполнены, служат, по крайней мере, для того, чтобы показать нам дух и нравы рыцарства. Простая уверенность, с которой рыцари относились к своему оружию, доказывает, как мало они были знакомы с врагами, против которых таким образом объявили войну.^[76]

Когда каждый произнес свои клятвы, дама, одетая в белое, с надписью золотыми буквами на спине — *Grace-Dieu*, подошла, поприветствовала собрание и представила двенадцати дам в

сопровождении двенадцати рыцарей. Эти дамы олицетворяли двенадцать добродетелей или качеств, название которых каждая носила на своем плече: Вера, Милосердие, Справедливость, Разум, Благоразумие, Умеренность, Сила, Истина, Щедрость, Усердие, Надежда, Доблесть — таковы были рыцарские добродетели, которые должны были руководить крестовым походом.

После этой церемонии, говорит цитированный нами хронист, дамы *начали танцевать, как ряженные, и предаваться веселью, чтобы веселее провести праздник.*

Подробности этого рыцарского пира заставляют нас ощутить большие перемены в духе и нравах Европы. Когда мы вспоминаем собор в Клермоне, проповеди Петра Отшельника и Святого Бернарда с тем серьезным энтузиазмом и суровой набожностью, которые присутствовали при принесении клятв первыми крестоносцами; и когда мы впоследствии созерцаем блестящие рыцарские торжества, наполовину светские, наполовину религиозные обеты рыцарей, короче говоря, все мирские зрелища, среди которых была провозглашена священная война, мы можем представить себя перенесенными не только в другую эпоху, но и среди новых наций. Религия, которая привела Запад в Азию, больше не имела империи, если только дамы не были ее толковательницами. Не набожность или желание обрести небесные венцы, а чувство доблести, которым они были воодушевлены на турнирах, привели рыцарей под знамена креста.

Мы также знаем, что такого рода проповеди производили лишь временное воздействие на умы воинов и что они не оказывали никакого влияния на толпу. Это наблюдение должно убедить нас в одной истине, которая заключается в том, что самым активным и могущественным мотивом среди людей всегда будет дух религии, и что никакой другой мотив, исходящий из человеческих страстей, не мог бы так взволновать мир, как тот, который вызвал и поддерживал крестовые походы.

Однако некоторые благочестивые люди прилагали невероятные усилия, чтобы возродить дух ранних времен священных войн. Джон Капистран, монах святого Франциска, и Эней Сильвий, епископ Сиенны, не пренебрегали никакими средствами, которые, по их мнению, могли воспламенить умы людей и возродить религиозный энтузиазм. Первый, прослышавший святым, путешествовал по городам Германии и Венгрии, рассказывая собраниям народа об опасностях веры и угрозах нечестивых. Второй, один из самых просвещенных епископов своего времени, сведущий в греческой и латинской литературе, оратор и поэт, призывал князей взяться за оружие, чтобы отразить вторжение из их собственных государств и спасти христианскую республику от надвигающегося разрушения.

Эней Сильвий написал верховному понтифику и попытался пробудить его рвение, сказав ему, что потеря Константинополя ослабит его авторитет и запятнает его имя, если он не приложит все усилия для уничтожения могущества турок. Благочестивый оратор отправился в Рим и проповедовал крестовый поход в консистории; и чтобы показать необходимость священной войны, он поочередно цитировал перед папой и кардиналами авторитет греческих философов и авторитет отцов Церкви. Он сожалел о пленении Иерусалима, колыбели христианства, и о рабстве Греции, матери наук и искусств. Эней прославлял героическое мужество немцев, благородную преданность французов, великодушную гордость испанцев и любовь к славе, которая одушевляла народы Италии. Король Венгрии, королевству которого угрожал Магомет, присутствовал на этом собрании. Оратор крестового похода, указывая на этого монарха верховному понтифику и прелатам, умолял их сжалиться над его слезами.

Фридрих III, император Германии, в то же время написал папе Николаю V. Умоляя его спасти христианский мир. “Слова, которые слетают с уст человека, не могут дать представления о бедствии, которое только что пережила католическая церковь, или рассказать о свирепости людей, которые сейчас опустошают Грецию и угрожают Западу”. Император настаивал на том, чтобы папа объединил все христианские державы против этого грозного врага, объявив, что он сам собирается созвать князей и государства Германии. Папа приветствовал намерения императора, и легаты были отправлены на сеймы в Ратисбон и Франкфурт. Эней Сильвий снова проповедовал крестовый поход против турок на этих двух собраниях. Герцог Бургундский, присутствовавший на обоих, возобновил в присутствии князей и государств Германской империи обет, данный им *Богу, Пресвятой Деве, дамам и фазану*. Венгерские депутаты прибыли, чтобы объявить, что берега Дуная и границы Германии вот-вот будут захвачены турками, если христиане во всех частях мира не поспешат взяться за оружие, чтобы дать им отпор.

Сейм постановил, что десять тысяч всадников и тридцать тысяч пехотинцев должны быть отправлены против турок; но поскольку ничего не было решено ни относительно способа комплектования этой армии, ни относительно того, как ее следует содержать, энтузиазм по поводу крестового похода вскоре угас, и никто не выступил против продвижения османов. Эней Сильвий объясняет нам в одном из своих писем причины такого безразличия и бездействия христианского мира. “Христианская республика была не чем иным, как телом без головы; те, кто должен был быть лидерами, не имели ничего выдающегося в себе, кроме названия; Европа была разделена на множество враждебных или соперничающих государств; разногласия, которые нельзя было унять, разнообразие интересов, языков и обычаев не оставляли надежды собрать общую армию или вести активную и регулярную войну против турок”.

Таким образом, Эней Сильвий продемонстрировал невозможность крестового похода, и все же, увлеченный своим рвением, он провел всю свою жизнь в проповеди о нем. В то время как он бесполезно обращался с речью к князьям Германии, папа пытался установить согласие между государствами Италии. Господства папской власти было недостаточно, чтобы успокоить разгневанных духов, и установление мира было делом рук бедного отшельника, чьи слова имели высшую власть над сердцами верующих. Брат Симон внезапно выступил из своего убежища, обошел города и, обращаясь как к князьям, так и к народу, призывал их объединиться против врагов Иисуса Христа: по голосу святого оратора Венеция, Флоренция и герцог Миланский сложили оружие, и был образован союз, в который вошло большинство республик и княжеств Италии.

Этим союзом можно было бы воспользоваться для объявления войны туркам. Но у конфедерации не было лидера, способного руководить ею. Два человека смогли привести в движение и Германию, и Италию — император Фридрих и папа Николай. Только они могли обеспечить успех крестового похода, который они сами проповедовали; но одного сдерживали алчность и леность его характера; другой, страстный в стремлении к ученой древности, всегда окруженный учеными, гораздо более усердно занимался сбором литературных сокровищ Греции и Рима, чем содействием попыткам освобождения города Константина. Когда турки захватили Византию, он велел за большие деньги переводить самых знаменитых греческих авторов; и было бы нетрудно поверить, что десятки доли, собранные на крестовый поход, иногда использовались для приобретения шедевров Платона, Геродота или Фукидида.

Николай ограничился несколькими наставлениями, обращенными к верующим, и умер, не устранив ни одной из трудностей, которые стояли на пути к развязыванию священной войны. Сменивший его Каликст III проявил больше рвения и в самом начале своего понтификата разослал легатов и проповедников по всей Европе, чтобы объявить крестовый поход и взимать десятые налоги. Посольство от понтифика отправилось просить царей Персии и Армении, а также татарского хана объединиться с христианами Запада и начать войну против турок. Шестнадцать галер, построенных на десятые доли урожая, вышли в море под командованием патриарха Аквилейского и вывесили знамя Святого Петра на Архипелаге и у берегов Малой Азии; Эней Сильвий обратился к папе с речью от имени императора Германии и пообещал ему поддержку всех держав христианского мира, если его святейшество откроет сокровища Церкви и своими евангельскими увещаниями призвет *всех работников на жатву*. Каликст III. поблагодарил главу империи за его совет и призвал его подать пример. Но ленивый Фридрих удовлетворился возобновлением своих обещаний; и пока император таким образом убеждал папу продолжать крестовый поход, а папа, со своей стороны, призывал императора взяться за оружие, османы проникли в Венгрию и двинулись на Белград.

Этот город, один из оплотов Запада, не получил помощи от христианского мира. На это не оставалось никакой надежды, кроме как на доблесть Гунниада и на апостольское рвение Иоанна Капистранского. Один командовал войсками венгров и возбуждал их своим примером; другой, собравший своими проповедями большое количество немецких крестоносцев, воодушевлял христианских солдат и вселял в них непобедимый пыл.

Современные хроники сообщают нам, что в это время на востоке появилась волосатая комета, сверкающая. Христианские народы верили, что видят в этом явлении пророческий сигнал о величайшем зле; и поскольку злом, которого тогда больше всего следовало опасаться, было вторжение турок, Каликст желал воспользоваться этим чувством народа, чтобы возродить идею крестового похода. Он призывал христиан к покаянию и указывал на священную войну как на средство, с помощью которого они могли бы искупить свои грехи и умиловить гнев Небес.

Однако ни в одной стране народ не вооружался, за исключением тех, которым непосредственно угрожали турки. Именно в это время папа распорядился, чтобы каждый день в полдень во всех приходах звонили колокола, призывая верующих молиться за венгров и за тех, кто воевал с турками. Каликст даровал индульгенции всем христианам, которые по этому сигналу трижды повторят молитву Доминика и ангельское приветствие. Таково было происхождение *Angelus*, которое было освящено обычаями Церкви и продолжается до наших дней.

Небеса, несомненно, были тронуты этими пламенными молитвами, которые возносились одновременно со всех концов христианской Европы. 6 августа 1456 года турки потерпели поражение под стенами Белграда, который они осаждали сорок дней и с которым они угрожали поступить так же, как поступили со столицей Греции. Присутствие Гунниадиса и горячее рвение Джона Капистрана так возбудили храбрость венгров, что они уничтожили османский флот, прикрывавший Дунай и Саву, и армию, которой командовал сам Магомет. В битве погибло более двадцати тысяч мусульман; султан был ранен среди своих янычар и с большим трудом избежал преследования победителей. Вся Европа возблагодарила Небеса за победу, с достижением которой она была согласна только своими молитвами и которую, должно быть,

считала чудом. Шатер и оружие Магомета были отправлены папе римскому как трофей священной войны и как дань уважения отцу верующих. Религия праздновала своими церемониями день, в который были повержены ее самые жестокие враги. Праздник Преображения, учрежденный буллой папы Римского и отмечаемый 6 августа, ежегодно напоминает Вселенской Церкви о поражении турок под Белградом.

Гунниадес и Капистран недолго пережили свои триумфы; но оба умерли, когда христианский мир все еще смешивал их имена с благодарственными гимнами. Страсть ревности омрачала их последние минуты; и едва ли евангелическая теплота, с которой каждый из них заявлял о чести спасти Белград, оставила пятно на их славе. Эней Сильвий, отдавая дань уважения их памяти потомству, восхваляет добродетели Капистрана и выражает удивление, что у скромного кенобита, растоптавшего ногами все богатства этого мира, не хватило сил противостоять чарам славы.

Пока венгры били турок под Белградом, флот папы римского получил некоторые преимущества на архипелаге. Каликст не забывал напоминать верующим о подвигах и триумфах патриарха Аквилеи; он был убежден, что известия о победах, одержанных над мусульманами, вернут надежду и мужество всем тем, кого неудачи христиан обескуражили и напугали. Новый крестовый поход проповедовался во Франции, Англии, Германии и даже в королевствах Кастилия, Арагон и Португалия. Повсюду люди с благочестивой серьезностью внимали проповедникам крестового похода, но обычно поднимался ропот против взимания десятин. Духовенство Руана, университет и парламент Парижа открыто выступили против самозванца. В Германии жалобы были более ожесточенными, чем где-либо еще. По мере того как дух священных войн остывал, средства, использованные папами для возобновления этих дальних походов, оценивались с большей строгостью. Следует также признать, что при сборе и использовании десятиных были допущены большие злоупотребления. Продолжалась открытая торговля индульгенциями Римского двора для крестового похода, и трибунал покаяния в определенных случаях, казалось, был не чем иным, как средством взимания налогов с верующих. Благосклонность Церкви и милости Небес можно было получить только деньгами; можно сказать, что грехи христиан в некотором роде облагались пошлиной; и мы находим в истории Арагона, что неповиновение указам папы даже стало источником новой дани. Следует помнить, что верховные понтифики часто запрещали христианам передавать боеприпасы или оружие неверным. Торговля приморских городов часто не обращала внимания на угрозы Святого Престола, и алчность заставляла купцов нарушать самые строгие предписания по этому вопросу. Затем от имени папы римского была потребована определенная сумма денег от всех, кто был обвинен в этом преступлении. Они были приговорены выплатить четвертую или пятую часть прибыли, полученной от их незаконной торговли. Были назначены комиссары для взимания этого налога, и декреты регулировали его взимание, как и взимание всех других государственных доходов.

Но то, что наиболее полно раскрывает дух этого века, и особенно дух римского двора, заключается в том, что в проповедях крестовых походов верующих гораздо менее серьезно призывали взяться за оружие, чем платить дань деньгами. Сборы, взимаемые от имени Святого Престола, назывались *помощью венграм*; и поскольку венгры всегда нуждались в помощи, взимание десятин стало постоянным явлением, которое народ и духовенство с каждым днем переносили все с меньшим терпением и покорностью.

Мы также должны добавить, что Святой Престол не всегда получал плоды той дани, которой он облагал христиан. Князья, под предлогом ведения войны против турок, иногда овладевали им; и десятиные доли, предназначенные для священной войны, слишком часто использовались для ведения честолюбивых распрей.

В конце концов жалобы немцев на комиссаров и агентов Римского двора стали настолько серьезными и многочисленными, что папа счел себя обязанным ответить на них. В своей апологии, составленной Энеасом Сильвием, он заявил, что Скандербег и король Венгрии получили многочисленную помощь; что флоты были вооружены против неверных и что корабли и военное снаряжение были отправлены на Родос, Кипр и Митилену; что, одним словом, деньги, взимаемые с верующих на защиту веры и христианского мира, никогда не использовались иным образом. Апологет папы, оправдав его таким образом, поздравил его со спасением Европы.

Это извинение, которое ничего не объясняет и заканчивается хвалебной речью, слишком сильно напоминает извинение древнего римлянина, который, будучи обвиненным в растрате государственных денег, в качестве единственного ответа предложил им отправиться в Капитолий и возблагодарить богов за победы, одержанные им над врагами республики. Следует, однако, признать, что то, что сказал Эней Сильвий, не было полностью лишено истины; и история может только приветствовать рвение, проявленное верховным понтификом, чтобы остановить продвижение Магомета и спасти множество жертв от тирании османов.

Каликст не переставал призывать христианских князей объединиться с ним и особенно стремился разжечь воинственный энтузиазм французов против турок. “Если бы меня поддержали французы, - сказал он, - мы уничтожили бы расу неверных”. Он не жалел ни молитв, ни обещаний, чтобы склонить Карла VII. чтобы помочь Венгрии и защитить барьеры Европы. Он послал ему ту золотую розу, которую папы имели обыкновение благословлять в четвертое воскресенье Великого поста и которую они подарили христианским князьям в знак особого уважения и привязанности. Эти ласки и вежливость понтифика сильно отличались от тех времен, когда главы Церкви обращались к монархам только от имени разгневанных Небес; и только призывали их принять крест, упрекая их в их грехах и рекомендуя искупить их священной войной. Папы, проповедуя крестовые походы, больше не были толкователями господствующих мнений; их желания больше не были законами, и князья широко использовали способность, которой они обладали, не подчиняться. Карл VII, пребывавший в постоянном страхе перед предприятиями англичан, устоял перед неоднократными просьбами Каликста. Напрасно дофин, который впоследствии правил под титулом Людовика XI, а в то время жил при бургундском дворе, открыто заявил о своей поддержке крестового похода и пожелал создать себе партию в королевстве, приняв крест; Франция оставалась незаинтересованной в войне, которую проповедовали против неверных, и Карл удовлетворился разрешением взимать десятиные доли налогов в своих штатах при четком условии, что он будет наблюдать за их использованием.

В то время как папа умолял христианский мир помочь венграм, Венгрия стала жертвой проблем, вызванных преемственностью Ладислава, который был убит в битве при Варне. Семья Гуннадисов была объявлена вне закона, и честолюбивые князья оспаривали владение провинциями, которым угрожали турки. Каликст использовал отеческую власть Святого Престола, чтобы умиротворить фурий раздора и примирить притязания императора Германии с

правами справедливости и с правами наций; и эти щедрые усилия в конце концов привели к восстановлению мира. Его поведение казалось менее похвальным и особенно менее бескорыстным, когда наследование престола Альфонсо, королю Неаполя, привело к новым войнам в Италии. История гласит, что верховный понтифик в этом случае забыл об опасностях христианства и использовал сокровища, собранные для священной войны, для защиты дела, которое, безусловно, не было делом религии.

Но неутомимый оратор крестовых походов Эней Сильвий сменил Каликста III. на кафедре святого Петра. Тиара, по-видимому, была наградой за его рвение в войне против турок, и все давало повод надеяться, что он ничем не пренебрежет для осуществления задуманных им проектов и пробудит среди народов христианского мира тот воинственный энтузиазм, тот религиозный патриотизм, которыми дышали его речи.

Магомет II. продолжал следовать череде своих побед, и его власть с каждым днем становилась все более грозной. Затем он был занят ограблением всех греческих князей, которые избежали его первых вторжений и чья слабость скрывалась под напыщенными титулами императора Трапезунда, короля Иберии и деспота Мореи. Все эти князья, которым акты подчинения ничего не стоили, при условии, что они позволяли им править еще несколько дней, вскоре после взятия Константинополя горели желанием отправить послов к победоносному султану, чтобы поздравить его с триумфами; и свирепый завоеватель не видел в них ничего, кроме добычи, которую ему было бы легко проглотить, — врагов, которых он мог бы покорить на досуге. Большинство из них опозорили последние минуты своего правления или своего существования всем, что могли внушить честолюбие, ревность и дух раздора, что было вероломным, жестоким или вероломствующим. Когда мусульмане проникли в греческие провинции, запятнанные всеми преступлениями гражданской войны, можно было подумать, что они были посланы для исполнения угроз небесного гнева.

Магомет не снизошел до того, чтобы направить все свои силы против малодушных тиранов Греции. Другие враги были достойны того, чтобы пустить в ход его оружие; ему стоило только сказать слово, чтобы выбить трон из-под власти принца Синопского или императора Трапезундского; и если все, что осталось от семьи Комнинов, было вырезано по его приказу, то в этих обстоятельствах он был послушен не столько страхам перед темной политикой, сколько своей природной свирепости. Через семь лет после взятия Византии он повел своих янычар в Пелопоннес: при его приближении все князья Ахайи либо обратились в бегство, либо стали его рабами. Не встречая почти никакого сопротивления, он с презрением пожирал плоды легкой победы. Он вынашивал планы более масштабные, чем подобные завоевания; и когда он развернул знамя с крестом среди развалин Спарты и Афин, он устремил свой взор на Сицилийское море и пожелал найти путь, который мог бы привести его к берегам Италии.

Первой заботой Пия II. было объявить о новых опасностях, нависших над Европой. Он написал всем властям христианского мира и созвал генеральную ассамблею в Мантуе, чтобы обсудить способы остановить продвижение османов. Булла понтифика напомнила верующим, что Церковь Христа часто страдала от бурь, но Тот, кто повелевает ветрами, всегда следит за ее безопасностью. “Мои предшественники, - добавил он, - объявили войну туркам как на суше, так и на море; теперь дело за нами; мы не пожалеем ни труда, ни расходов для войны столь полезной, столь справедливой и столь святой”.

Все государства христианского мира пообещали прислать послов в Мантую. Pius II. отправился туда сам; и в своей вступительной речи он решительно выступил против безразличия принцев и суверенов. Он указал на турок, которые в то время опустошали Боснию и Грецию и были готовы распространить свои опустошения, подобно быстрому пожару, на Италию, Германию и все страны Европы. Понтифик заявил, что не оставит Мантую до тех пор, пока христианские князья и государства не поклянутся ему в своей преданности делу христианского мира; и, наконец, возразил, что, если христианские державы оставят его, он один будет вести эту славную борьбу и умрет, защищая независимость Европы и Церкви.

Язык Пия II. был полон религии, а его религия была полна патриотизма. Когда Демосфен и греческие ораторы поднимались на трибуну, чтобы призвать своих сограждан защищать свободы Греции от предприятий Филиппа или вторжений великого царя, они, без сомнения, говорили с большим красноречием; но никогда их не вдохновляли более высокие интересы или благородные мотивы.

Кардинал Биссарион, которого породила Греция и которого приняла Римская церковь, выступил после Пия II и заявил, что вся коллегия кардиналов воодушевлена тем же рвением, что и отец верующих. Депутаты Родоса, Кипра, Эпира, Иллирии, Пелопоннеса и нескольких стран, в которые вторглись турки, выступили перед собором с прискорбным перечислением всех бед, которые терпели христиане под господством мусульман; но послы великих держав Европы еще не прибыли; и эта задержка слишком явно свидетельствовала о безразличии христианских монархов к крестовым походам. Дебаты, возникшие впоследствии относительно притязаний семей Анжу и Арагона на Неаполитанское королевство, а затем споры об этикете и старшинстве, которые занимали совет в течение нескольких дней, полностью доказали, что на умы собрания не произвели достаточного впечатления опасности христианской Европы и что там не будет принято благородного решения, чтобы предотвратить их.

Папа предложил взимать на крестовый поход десятую часть с доходов духовенства, двадцатую - с евреев и тридцатую - с князей и светских людей. В то же время он предложил собрать армию в сто тысяч человек в различных государствах Европы и доверить командование этой армией императору Германии. Эти предложения, чтобы быть приведенными в исполнение, требовали одобрения государей, и большинство послов давали лишь туманные обещания. Было проведено множество совещаний; собор длился много месяцев, и папа покинул Мантую, не предприняв ничего решающего для задуманного им предприятия. Он вернулся в Рим, откуда снова написал христианским князьям, умоляя их прислать послов, чтобы заново обсудить войну против турок.

Постоянно преследуемый мыслью об освобождении христианского мира и с каждым днем теряя надежду повлиять на Запад, он загорелся странной идеей обратиться к Магомету II. самого себя и употребления всей силы разума и красноречия для обращения мусульманского принца в христианство. Его письмо, которым мы до сих пор располагаем, представляет собой полный трактат по философии и теологии того времени. Понтифик противопоставляет апостолам исламизма авторитет пророков и отцов Церкви, а также профанный авторитет Ликурга и Солона. Стремясь особенно заинтересовать честолюбие османского императора, он предлагает ему пример великого Константина, который получил мировую империю, приняв крещение и облекшись тем знаком, с помощью которого ему было дано завоевывать. Султану стоило только признать Бога, от которого исходит вся власть, чтобы абиссинцы, арабы,

мамлюки, персы и все народы Азии подчинились его господству; и если бы заступничество Римского двора было необходимо для его правления на Востоке, глава Церкви обещал ему помощь своими молитвами и поддержку папского суверенитета.

В этих необычных переговорах с Магометом II папе повезло не больше, чем с христианскими князьями. Последние, когда он призывал их защищать свои собственные государства, отвечали тщетными протестами. Магомет, которому он предлагал завоевание мира, ограничился ответом, что “он невиновен в смерти Иисуса Христа и что он с ужасом думал о тех, кто распял его на кресте”.

Император Османской империи только что овладел Боснией и стал причиной того, что король этой несчастной страны, покорившийся его оружию, погиб в пытках. Османские войска разорили границы Иллирии и угрожали городу Рагуза. Опасности в Италии становились с каждым днем все более насущными. Папа собрал свою консисторию и объявил ее членам, что пришло время остановить продвижение турок и начать священную войну, которую он проповедовал. Герцог Бургундский и Венецианская республика были готовы поддержать его предприятие. В то время как венгры и поляки готовились сражаться с османами на Днестре и Дунае, эпейроты и албанцы собирались поднять знамя свободы среди греков: в Азии султан Карамани и король Персии нападут на турок и поддержат объединенные усилия христиан. Понтифик заявил, что он полон решимости выступить против неверных. Когда христианские князья увидят наместника Иисуса Христа, отправляющегося на священную войну, не постыдятся ли они бездействия? Обремененному годами и немощами, ему оставалось жить всего несколько мгновений; это означало бы приближение к почти верной смерти; но какое значение имел час или место его кончины, при условии, что он умер за дело Христа и за безопасность христианского мира”.

Кардиналы единогласно согласились с решением Пия II. С этого времени папа занялся приготовлениями к своему отъезду и обратился к верующим с призывом привлечь их к поддержке его замыслов. После того, как в этом апостольском наставлении с живым красноречием описал несчастья и опасности христианской церкви, понтифик выразился так:

“Наши отцы потеряли Иерусалим и всю Азию; мы потеряли Грецию и большую часть Европы. Христианский мир теперь не что иное, как уголок мира. В этой крайней опасности общий отец верующих сам идет навстречу врагу. Несомненно, война плохо подходит к слабости преклонного возраста или к характеру понтифика; но когда религия готова уступить, кто может нас удержать? Мы займем свое место во время битвы, будь то на корме судна или на высоком холме, изливая наши благословения на воинов Христа и взывая за них к Богу воинств. Так молился патриарх Моисей на горе и воздевал руки к небу, в то время как Израиль сражался с народами, которых Бог обличил. За нами последуют наши кардиналы и огромное количество епископов; мы будем маршировать с выставленным знаменем креста, с мощами святых, с самим Иисусом Христом в его евхаристии. Какой христианин откажется последовать за наместником Божиим, идущим со своим святым сенатом и всей почитаемой свитой Церкви на защиту религии и человечества?

“Какая война когда-либо была более справедливой или более необходимой? Турки нападают на все, что нам дороже всего, на все, что христианское общество считает самым святым. Если вы

мужчины, может ли вам не хватать сострадания к своим братьям? Если вы христиане, религия повелевает вам оказывать помощь своим братьям. Если несчастья других вас не трогают, подумайте о своей собственной безопасности — пожалейте самих себя. Вы воображаете, что находитесь в безопасности, потому что вы еще далеки от опасности: завтра меч будет занесен над вашими головами. Если вы не окажете помощи тем, кто находится перед вами, те, кто стоит за вами, точно так же покинут вас в час опасности.

Чувствуете ли вы себя достаточно сильными, чтобы выдержать позор и унижение варварского господства? Оставайтесь в своих жилищах, ждите там своих врагов; ждите там этих мерзких азиатов, которые даже не люди, и все же имеют наглость притязание управлять всеми народами Европы. Но если вы обладаете благородным сердцем, возвышенным умом, великодушным характером, христианской душой, вы последуете за знаменами Церкви; вы пошлете нам помощь; вы поможете армии Господа.

“Тех, кто поможет нам, Бог благословит; но те, кто останется равнодушными, не будут иметь доли в сокровищницах божественного милосердия. Пусть злые и нечестивые, которые нарушают общественный порядок, будут прокляты Богом! Пусть Небеса изольют на них бичи своего гнева! Пусть они живут в непрестанном страхе, и пусть их жизнь будет как бы подвешена на волоске! Ни власть, ни богатство не защитят их; стрелы раскаяния настигнут их повсюду; пламя бездны поглотит их сердца”.

Понтифик обратился с этим призывом к принцам, знати и людям всех наций. Он остановил свой выбор на городе и порту Анкона как на месте встречи крестоносцев. Он пообещал отпущение их грехов всем, кто будет служить в течение шести месяцев за свой счет или кто будет содержать одного или двух воинов креста в течение того же промежутка времени. Ему нечего было даровать в этом мире верующим, которые должны были принять участие в крестовом походе; но он заклинал Небеса направлять все их шаги, умножать их дни, сохранять и приумножать их королевства, их княжества и их владения. Завершив свою апостольскую речь, он обратился к Всемогущему Богу: “О ты, испытующий узды и сердца, ты знаешь, есть ли у нас какие-либо другие мысли, кроме борьбы за твою славу и безопасность паствы, которую ты вверил нашим заботам. Отомсти за христианскую кровь, которая течет под мечом турок и которая со всех сторон восстает против тебя. Обрати благосклонный взор на свой народ; веди нас в войну, затеянной ради торжества твоей веры. Сделай так, чтобы Греция могла быть восстановлена для поклонения тебе, и чтобы вся Европа могла благословлять твое имя!”

Эта булла папы римского была разослана по всему Западу и публично зачитана в церквях. Собравшиеся верующие проливали слезы при упоминании о несчастьях христианского мира. Крест и оружие были вывезены в страны, по-видимому, наиболее защищенные от вторжений турок, даже насамом отдаленном севере Европы. Некоторые отправились в Анкону; другие направились в Венгрию, чтобы присоединиться к армии Матьяша Корвина, готовой выступить в поход против турок.

Папа написал дожу Венеции, умоляя его лично оказать помощь в войне, которая вот-вот должна была начаться против неверных. Он сказал ему, что присутствие принцев в войсках вселяет уверенность в солдат и ужас в их врагов. Поскольку дож был уже в преклонных годах, Павел напомнил ему, что его собственные волосы побелели от времени,^[77] и что герцог Бургундии, который обещал сопровождать крестоносцев на Восток, достиг преклонного возраста. “Мы будем,” добавил святой отец, “трое стариками во главе армии христиан. Бог находит

удовольствие в числе три, и Троица, пребывающая на небесах, не преминет защитить эту троицу на земле”.

Эти странные выражения папы римского относились к дурному вкусу того времени. Но, представляя старость как единственную движущую силу и последнюю надежду крестового похода, они достаточно ясно обрисовали дух времени в отношении священных войн и, как можно полагать, предвещали небольшой успех предприятия, для успеха которого требовались пыл и активность, присущие только молодости. Венецианский дож колебался отправиться в путь; но поскольку республика находилась в состоянии войны с Магометом II и поскольку было важно сочетать свои интересы с интересами крестового похода, он пригрозил применить силу, чтобы заставить дожа последовать за римским понтификом. Герцог Бургундский, который первым из всех христианских принцев поклялся идти сражаться с неверными, не выказывал ни малейшего желания присоединиться к крестоносцам. Папа в своих письмах напоминал ему о его торжественных обещаниях и упрекал его в том, что он обманул людей, — в том, что он обманул самого Бога. Он добавил, что его нарушение веры погрузит в траур весь христианский мир и может привести к полному провалу предприятия. Филипп, несмотря на суровые увещевания Пия II, не мог решиться покинуть свои владения, но удовлетворился тем, что послал две тысячи латников в христианскую армию. В то время он боялся нечестной политики Людовика XI., который, когда был дофином, горел желанием сражаться с турками; но, взойдя на трон Франции, не имел других врагов, кроме своих соседей.

Пий II, умоляя Бога о защите в базилике святых апостолов, покинул Рим в июне месяце 1464 года. Страдая от вялотекущей лихорадки и опасаясь, что вид его немощей может обескуражить воинов креста, он скрыл свои страдания и попросил своего врача молчать о его болезни. На всем протяжении его пути люди возносили молитвы за успех его предприятия. Город Анкона принял его с триумфом и приветствовал как освободителя христианского мира.

В этот город прибыло большое количество крестоносцев, но большинство из них были без оружия или припасов и почти нагими. Искренние увещевания папы не произвели никакого эффекта на рыцарей и баронов христианского мира. Бедняки и люди из низшего класса народа, по-видимому, были более поражены опасностями Европы, чем богатые и знатные люди земли.^[78] Толпа крестоносцев, собравшихся в Анконе, гораздо больше напоминала отряд бродяг и нищенствующих, чем армию. Каждый день нужда и болезни делали из них мучеников. Pius II. был тронут их нищетой; но поскольку он не мог обеспечить их содержание, он оставил тех, кто был в состоянии отправиться на войну за свой счет, а остальных отпустил, предоставив индульгенции крестового похода.

Христианская армия должна была направиться к берегам Греции и присоединиться к Скандербергу, который недавно разбил османов на равнинах Окриды. Депутаты были отправлены к венграм, королю Кипра и ко всем врагам турок в Азии, не забыв и о короле Персии, чтобы предупредить их, чтобы они были готовы начать войну против последователей Магомета.

Маленький город Анкона привлек внимание всей Европы. В самом деле, какое зрелище может быть интереснее, чем отец верующих, бросающий вызов опасностям войны и морей, отправляющийся в далекие страны с целью отомстить за оскорбленное человечество, разорвать цепи христианских пленников и навестить своих детей в их скорби? К сожалению, физическая сила Пия II. не соответствовала его рвению и не позволила ему довести до

совершенства свою жертву. Флот был готов отплыть, когда лихорадка, которой он переболел при отъезде из Рима, усугубленная утомительным путешествием и последующим беспокойством, превратилась в смертельную болезнь. Чувствуя приближение своего конца, он созвал вокруг себя кардиналов и заставил их поклясться вести войну против неверных. Он умер, поручая заботам христиан Востока; и последние взгляды, которые он бросил на землю, были обращены к Греции, тогда трудившейся под гнетом врагов Христа.

Павел II, избранный папой, пообещал на конклаве последовать примеру своего предшественника. Но крестоносцы, собранные Пием II. были уже возвращены в свои дома. Венецианцы, оставшиеся в одиночестве, перенесли войну на Пелопоннес, не сумев добиться каких-либо больших преимуществ перед турками. Они опустошили страну, которую отправились освобождать, и самым замечательным из их трофеев было разграбление Афин. Греки Лакедемонянского кантона и некоторых других городов, которые в надежде на помощь подняли знамя свободы, не смогли устоять против янычар и пали жертвами своей преданности делу религии и патриотизма. Скандерберг, столицу которого турки осадили, сам приехал просить помощи у папы римского. Был принят Павлом II. в присутствии кардиналов он заявил перед священной коллегией, что на Востоке больше нет другого места, кроме Эпира, а в Эпире только его маленькая армия, которая все еще сражается за дело христиан. Он добавил, что если он сдастся, некому будет защищать пути в Италию. Папа воздал Скандербергу величайшие почести и преподнес ему в подарок меч, который он благословил. В то же время он написал князьям христианского мира, чтобы убедить их помочь Албании. В письме, адресованном герцогу Бургундскому, Павел II сетовал на судьбу народов Греции, изгнанных из своей страны варварами; он сожалел об изгнании и нищете греческих семей, прибывших в поисках убежища в Италию, умирающих от голода и в наготе, столпившихся на морском берегу, воздевающих руки к Небу и умоляющих своих братьев-христиан помочь им или отомстить за них. Глава Церкви напомнил им обо всем, что сделали его предшественники, и обо всем, что сделал он сам, чтобы предотвратить столь великие несчастья. Он обвинял в безразличии как монархов, так и народы и угрожал Европе теми же бедствиями, если они немедленно не возьмутся за оружие против турок. Увещевания папы остались безрезультатными; Скандерберг, не взяв с собой ничего, кроме некоторых сумм денег, полученных им от Святого Престола, вернулся в свое королевство, тогда разоренное османами, и вскоре после этого умер в Лиссе, овеянный славой, но отчаявшийся в благородном деле, за которое он боролся всю свою жизнь.

Таково было господство одного великого человека, что под его знаменами греки, так долго вырождавшиеся, вспомнили о самых ярких днях военной славы своей страны; маленькая провинция Албания в течение двадцати лет сопротивлялась всей мощи Османской империи. Смерть Скандерберга повергла его товарищей по оружию в отчаяние. “Поспешите, храбрые албанцы, - кричали они в общественных местах, - удвойте свое мужество, ибо крепостные стены империи и Македонии теперь обращены в прах”. Эти слова были одновременно надгробной речью героя и его народа. Не прошло и двух лет, как большинство городов Эпира перешло во власть турок; и, как сам Скандерберг предсказал римскому понтифику, к востоку от Адриатического моря не осталось ни одного воина Христова.

С того времени все предприятия против неверных ограничивались несколькими морскими экспедициями венецианцев и рыцарей Родоса. Этих экспедиций было недостаточно, чтобы остановить продвижение османов. Магомет II никогда не переставал обдумывать вторжение в Германию и Италию. Решив нанести последний удар своим врагам, он решил, по примеру

римских первосвященников, использовать влияние религии, чтобы возбудить храбрость и энтузиазм мусульман. Посреди торжественной церемонии в присутствии дивана и муфтия он поклялся “отказаться от всех удовольствий и никогда не обращать своего лица с Запада на Восток, пока он не свергнет и не растопчет копытами своих коней богов народов — тех богов из дерева, меди, серебра, золота и живописи, которых ученики Христа создали своими руками”. Он поклялся “истребить беззаконие христиан с лица земли и провозглашать от восхода до заката славу Бога Саваофа и Магомета”. После этого угрожающего заявления турецкий император призвал все обрезанные народы, которые следовали его законам, присоединиться к нему, чтобы повиноваться повелению Бога и его пророка.

Клятва Магомета II. была прочитана во всех мечетях империи в час молитвы. Османские воины стекались в Константинополь со всех концов. Армия султана уже опустошала Хорватию и Карниолу; и вскоре грозный флот вышел из канала и напал на остров Эвбея, или Негропонт, отделенный Еврипадом от города Афины, который турецкие историки называют городом или страной философов. При первом известии об опасности папа приказал провести публичные молебны в Риме. Сам он ходил босиком в процессии перед образом Богородицы; но Небеса, говорит один из церковных летописцев, не соизволили прислушаться к молитвам христиан; Негропонт попал в руки турок, и все население острова было либо истреблено, либо утащено в рабство. Огромное количество тех, кто мужественно защищал свою страну, скончались в мучениях. Слава вскоре разнеслась по Европе о бесчинствах османского варварства, и все христианские народы наполнились ужасом.

После последних побед турок у Германии были основания опасаться скорого вторжения, и в то же время побережье Италии находилось под угрозой. Кардинал Бессарион обратился к итальянцам с красноречивым призывом объединиться против общего врага. Папа делал все, что было в его силах, чтобы унять раздоры, и в конце концов ему удалось сформировать лигу между итальянскими государствами, подобную той, которая была заключена после взятия Константинополя. Его легаты обратились за помощью к королям Франции и Англии. По его настоятельной просьбе Фридрих созвал сейм в Ратисбоне, а затем в Нюрнберге, на котором выступили депутаты Венеции, Сиены, Неаполя, Венгрии и Карниолы, которые описали опустошительные действия турок и в самых ярких красках расписали бедствия, угрожавшие Европе. На этих двух собраниях было принято несколько резолюций о войне против мусульман, но ни одна из них не была исполнена. Всеобщая слепота была такова, что ни увещевания папы римского, ни ужасающие успехи турок не смогли пробудить рвения ни у князей, ни у народа. Хроники того времени говорят о нескольких чудесах, посредством которых Бог проявил свою силу в эти несчастливые дни; но не может быть сомнений в том, что величайшим чудом Провидения было то, что Италия и Германия не попали в руки османов, когда ни одна человеческая рука не поднялась, чтобы защитить их.

После смерти Павла II, у которого не было времени завершить свою работу и который не был свидетелем эффекта своих проповедей, его преемник Секст IV ничем не пренебрегал для защиты христианского мира. Едва заняв папский престол, он направил кардиналов в несколько государств Европы проповедовать мир между христианами и войну против турок. Легатам было специально поручено настаивать на сборе десятин для крестового похода. Они были уполномочены объявить об отлучении от церкви тех, кто должен был противостоять этому самозванству или кто неправильно использовал его результаты. Эта суровость, вызвавшая смуту в Англии и еще больше в Германии, имела успех в других странах и снабдила суверенного

понтIFIка средствами для подготовки к войне. Но ни один из правителей Запада не взялся за оружие, и христианский мир по-прежнему подвергался величайшим опасностям, когда судьба посылала помощь, которой у него не было причин ожидать из глубин Азии.

Из всех держав, которые обещали бороться с османами, единственной, кто не потерпел неудачу, был персидский царь, которому подчинялся Каликст III. он послал миссионера, который объявил себя верным союзником христиан. В своем ответе персидский король осыпал папу величайшими похвалами, ободрил его в решении напасть на Магомета и объявил ему, что он сам начнет военные действия. В то время, когда его письмо было получено в Риме, его войска уже пересекали Армению, и несколько османских городов попали в руки персов. Магомет был вынужден отказаться или приостановить свои завоевательные проекты на стороне Европы, чтобы выступить против этих новых врагов с большей частью сил своей империи.

Из этого мощного отвлекающего маневра персов можно было извлечь большую выгоду. Но венецианцы, король Неаполя и папа римский в одиночку выступили на войну против османов. Верховный понтифик приказал построить двадцать четыре галеры на десятки доли доходов, собранных для крестового похода. Этот флот под командованием кардинала Караффы, собранный на Тибре после благословения Секста IV, присоединился к флоту Венеции и Неаполя и курсировал вдоль берегов Ионии и Памфилии, к великому ужасу всех приморских османских городов. Венецианцы не преминули направить действия христианского флота против городов, богатство и торговля которых давали им повод для зависти. Саталия и Смирна были преданы ужасам войны; первый из них, расположенный на побережье Памфилии, был *перевалочным пунктом* для продуктов и товаров Индии и Аравии. Второй, расположенный в Ионическом море, обладал богатыми мануфактурами и процветающей торговлей. Христианские солдаты совершали в этих двух городах все те бесчинства, в которых тогда упрекали турок. После этой пиратской экспедиции флот вернул себе порты Италии, и кардинал Караффа с триумфом вернулся в Рим, сопровождаемый двадцатью пятью пленными верхом на превосходных лошадях и двенадцатью верблюдами, нагруженными добычей врага. Знамена, взятые у мусульман, и цепь порта Саталия были торжественно подвешены над воротами и на сводчатой крыше Ватикана.

В то время как в Риме праздновались эти слабые преимущества над мусульманами, Магомет наносил своим врагам страшные удары; а когда он вернулся в Константинополь, он уничтожил армии персидского царя. Что давало турецкому императору огромное преимущество перед державами, которые подняли против него оружие, так это то, что они никогда не действовали согласованно, ни для защиты, ни для нападения. Вскоре между христианскими князьями, и особенно между государствами Италии, возродились раздоры. Сам папа забыл о духе мира и единения, который он проповедовал; он забыл о священной войне; и Венеция, оставшись одна в борьбе с османами, была вынуждена просить Магомета о мире.

Османь пользовались миром не меньше, чем войной, чтобы увеличить свою мощь. Теперь от печального крушения греческой империи ничего не осталось. Венеция потеряла все свои владения на Архипелаге и в Греции; Генуя в конце концов потеряла богатую колонию Каффа в Крыму. Из всех завоеваний крестоносцев христиане сохранили только Кипрское королевство и остров Родос.

В течение более чем столетия короли Кипра обращались за помощью к Западу и добились некоторых успехов в борьбе с сарацинами, особенно с египетскими мамелюками. Приморские

города Италии защищали королевство, от которого торговля и мореплавание получали огромное преимущество. Каждый день новые воины из Европы оказывали ему поддержку своим оружием. Через несколько лет после взятия Константинополя история упоминает Жака Кера, который добился возвращения своего богатства, обосновался на острове Кипр и посвятил свое состояние и свою жизнь защите христиан Востока. После его смерти на церкви в Бурже, которую он основал, можно было увидеть такую надпись: “Сеньору Жаку Керу, главнокомандующему Церковью в борьбе с неверными”.[79]

Кипрское королевство, долгое время сопротивлявшееся мусульманам, в конце концов стало ареной и добычей революций. Покинутая, в некотором роде, христианскими державами и вынужденная защищаться от турок, она перешла под покровительство египетских мамлюков. В смутное время недовольные удалились в Каир и заручились защитой власти, которая была очень заинтересована в поддержании раздора. Семья Лузиньянов почти вымерла, и дочь, единственная наследница многих королей, сначала вышла замуж за португальского принца, а затем за Людовика, графа Савойского. Но султан Каира и Магомет II. не позволили латинскому принцу носить корону Кипра и добились избрания внебрачного сына последнего короля. Джеймс, незаконнорожденный, лишенный трона и взволновавший королевство своими честолюбивыми притязаниями, был коронован королем Кипра в городе Каире под покровительством мамлюков и в их присутствии. Скандал, связанный с этой коронацией, должно быть, еще больше усилился из-за того, что новый король пообещал хранить верность султану Египта и заплатить пять тысяч золотых крон на содержание великих мечетей Мекки и Иерусалима. Именно на Евангелии он поклялся сдержать это обещание и не упустить ничего из того, что требовали мамлюки. “Если я нарушу свое слово,” добавил он, “я буду вероотступником и фальсификатором; я буду отрицать существование Иисуса Христа и девственность его матери; я убью верблюда у купели крещения и прокляну священство”. Таковы были слова, которые желание царствовать вложило в уста принца, который собирался управлять королевством, основанным воинами Иисуса Христа. Он умер вскоре после того, как принял верховную власть. Его народ думал, что дни его жизни и правления были сокращены божественным правосудием.

Венецианская республика, усыновившая Екатерину Корнаро, вдову Джеймса, затем завладела Кипром, который она защищала от мамлюков и турок, и удерживала его до середины следующего столетия.

Взоры всего христианского мира были прикованы к острову Родос. Этот остров, защищаемый рыцарями Святого Иоанна, напомнил верующим о Святой Земле и предотвратил угасание надежды когда-нибудь снова увидеть знамя Христа, реющее над стенами Иерусалима. Воинственная молодежь всех стран Запада непрерывно стекалась туда и в какой-то мере возрождала пыл, рвение и подвиги первых крестовых походов. Орден Госпитальеров, верный своему первому учреждению, всегда защищал паломников, направлявшихся в Палестину, и христианские суда от нападений турок, мамлюков и пиратов. В начале своего правления Магомет II. призвал великого магистра, чтобы отдать ему дань уважения как своему суверену. Последний ограничился ответом: “Суверенитетом Родоса мы обязаны только Богу и нашим мечам. Наш долг - быть врагами османов, а не данниками!” Этот ответ уязвил гордость султана, но он скрыл свой гнев, убежденный, что победа скоро даст то, в чем ему было отказано, и в то же время отомстит ему за благородное пренебрежение рыцарей ордена Святого Иоанна.

Отоманский император, одержав победу над персами, вернулся в Константинополь с новыми планами завоеваний в Европе и с возросшей враждебностью по отношению к христианам; и вся его империя приготовилась потакать его честолюбию и его гневу. Если турки до этого периода не осуществляли своих вторжений на Запад, то это было потому, что разница в религии и нравах удерживала их от всякого общения с христианскими народами; и потому, что они были в полном неведении о состоянии и настроениях христианского мира, о силах, которые могли им противостоять, и даже о наилучших маршрутах их следования. Они постепенно знакомились с границами Европы и с морскими побережьями и, подобно льву из Священного Писания, который постоянно рыщет в поисках своей добычи, всегда высматривали благоприятные возможности. Они заняли передовые посты и с предосторожностями двинулись маршем к стране, которую хотели завоевать, подобно тому, как армия собирается вокруг места, которое собирается осадить. Часто повторяющимися вторжениями они сеяли ужас среди народов, на которые намеревались напасть; а совершаемыми ими опустошениями они ослабляли средства сопротивления своих врагов. Магомет сначала овладел Скутари и Негропонт, чтобы в определенной степени господствовать над побережьями Адриатики и Неаполитанского моря; с другой стороны, несколько его армий направились к Дунаю, чтобы открыть пути в Германию; а османские войска огнем и мечом дошли до Фриули, чтобы устрасшить Венецианскую республику и разведать пути, ведущие в Италию.

Когда все было готово для осуществления его ужасных замыслов, лидер Османской империи решил атаковать христианский мир сразу в нескольких точках. Многочисленная армия выступила в поход, чтобы вторгнуться в Венгрию и все страны, расположенные вблизи Дуная. Были отправлены два многочисленных флота с огромным количеством войск на борту: один против родосских рыцарей, храбрости которых Магомет опасался, а другой против побережья Неаполя, завоевание которого открыло бы путь к Риму и южной Италии. В условиях такой острой опасности надежды немцев и даже части итальянских государств всецело возлагались на венгров. Король Венгрии считался тогда стражем границ Европы; и чтобы всегда быть в состоянии встретить турок, он каждый год получал денежную помощь от Венецианской республики и императора Германии. Папа добавил к этой помощи часть десятин, собранных для крестового похода, и его легаты и миссионеры всегда присутствовали, чтобы вдохновлять доблесть венгерских солдат.

При приближении османской армии вся Венгрия, управляемая Матьяшем Корвином, сыном Хунниадиса, взялась за оружие. Венгерская армия встретила турок на равнинах Трансильвании и дала им бой. Победу одержали христиане, которые в одном сражении уничтожили армию противника. Современные хроники уделяют меньше внимания описанию этого ужасного конфликта, чем изображению радости победителей после их триумфа. Вся победоносная армия присутствовала на пиршестве, приготовленном на поле битвы, все еще покрытом мертвецами и дымящемся от кровавой бойни. Вожди и солдаты смешивали свои радостные песни с криками раненых и умирающих и в упоении победой и праздником исполняли варварские танцы на окровавленных телах своих врагов.

Война между христианами и турками становилась с каждым днем все более жестокой и не представляла ничего, кроме сцен варварства и разрушений. Угрозы Магомета; постоянное нарушение турками, как в мирное, так и в военное время, прав народов и клятвенной веры; многие тысячи христиан, приговоренных к мучительной смерти за то, что они защищали свою страну и свою религию в течение двадцати лет сражений и неудач, все это возбуждало

ненависть воинов креста; жажда мести делала их иногда такими же свирепыми, как и их врагов; и в своих победах они слишком часто забывали, что сражаются за дело Евангелия.

В то время как турецкая армия терпела кровавое поражение на Дунае, флоту Магомета, направленному против острова Родос, было суждено найти в рыцарях Святого Иоанна врагов, не менее бесстрашных и заслуживающих меньшего страха, чем венгры. Паша, командовавший этой экспедицией, принадлежал к императорской семье Палеологов, чьи смиренные молитвы так часто обращались за помощью к христианской Европе. После взятия Константинополя он принял мусульманскую религию и с того времени стремился только поддержать Магомета в его проекте истребления христианской расы на Востоке.

Несколько историков очень подробно рассказали о событиях осады Родоса; и это, возможно, подходящая возможность исправить великую несправедливость, допущенную по отношению к одному из предшествовавших нам авторов. Одного выражения, вырвавшегося у аббата де Верто и которым вооружилась критика, оказалось достаточно, чтобы лишить его самой благородной награды за труды историка — репутации правдивца.^[80] После тщательного изучения имеющихся у нас исторических памятников, согласно которым автор *"Истории мальтийских рыцарей"* описал осаду Родоса, мы испытываем огромное удовольствие, отдавая дань уважения точности его рассказа, и без колебаний отсылаем к нему наших читателей. В этом элегантном историке можно найти героическое постоянство Обюссона, великого магистра ордена Святого Иоанна, и неутомимую отвагу его рыцарей, защищавшихся среди руин от ста тысяч мусульман, вооруженных всем, что изобрели искусство осад и гений войны. При приближении турок великий магистр Родоса умолял христианских князей о вооружении и помощи; но вся присланная им помощь состояла из двух неаполитанских кораблей, которые прибыли только после снятия осады, и некоторых денежных сумм, которые были получены в связи с юбилеем, назначенным папой по просьбе Людовика XI.

Третьей экспедицией Магомета, наиболее важной для его завоевательных планов, была та, которая должна была быть направлена против Неаполитанского королевства. Османский флот остановился перед Отранто. После нескольких дней осады этот город был взят штурмом, отдан на разграбление, а его население вырезано или уведено в рабство. Это вторжение турок, которое было совершенно неожиданным, посеяло ужас по всей Италии. Буфиний сообщает нам, что у папы на мгновение возникла мысль покинуть город Апостолов и отправиться за Альпы, чтобы искать убежища во Французском королевстве.

Вполне вероятно, что если бы Магомет II. объединил все свои силы для вторжения в Неаполитанское королевство, он мог бы продвинуть свои завоевания до Рима. Но потеря его армии в Венгрии и испытание, испытанное его лучшими войсками перед городом Родос, должно быть, приостановили или остановили осуществление его проектов. Секст IV, оправившись от своих первых ужасов, обратился за помощью к христианскому миру. Суверенный понтифик обратился ко всем церковным и светским властям, а также к христианам всех сословий; он заклинал их милостью и страданиями Христа; страшным судом, на который каждый будет поставлен согласно своим делам; обещаниями крещения; послушанием, подобающим Церкви, — он умолял их сохранять между собой, по крайней мере в течение трех лет, милосердие, мир и согласие. Он разослал легатов во все стороны с поручением унять смуты и войны, разделившие христианский мир. Этим легатам было приказано действовать умеренно и благоразумно; вести народы и королей посредством убеждения к истинному духу Евангелия и

в своем благочестивом поведении напоминать голубя, который вернулся в ковчег с мирной оливковой ветвью. Чтобы ободрить принцев своим примером, понтифик приказал галерам, которые он предназначил для помощи Родосу, отплыть к берегам Неаполя. В то же время он повелел возносить публичные молитвы; и, чтобы ниспослать благословения Небес на руки христиан и возбудить благочестие верующих, он распорядился, чтобы во вселенской Церкви праздновалась октава Всех Святых, начиная с 1480 года, который он назвал в своей булле “Октавой века”.

До взятия Отранто Италия была разделена сильнее, чем когда-либо. Накал страстей и вражда, порожденные завистью, настолько извратили умы людей, что несколько государств и многие граждане рассматривали вторжение турок только как разрушение соседнего государства или соперничающей группировки. Венецию обвинили в том, что она ввела османские войска в Неаполитанское королевство. Однако, справедливости ради, мы должны сказать, что присутствие опасности и особенно рассказ о жестокостях, практикуемых свирепыми завоевателями Отранто, пробудили благородные чувства во всех сердцах; и когда верховный понтифик, обращаясь к итальянцам, сказал, что настало время взяться за оружие, если они хотят защитить свои земли, свои семьи, свою веру, свою свободу, вся Италия прислушалась к его увещаниям и объединилась как один человек против общего врага.

Речи и молитвы главы Церкви не произвели такого эффекта в Англии, Германии или Франции. Легатов повсюду принимали с уважением, но они не могли положить конец войне между Англией и Шотландией или заглушить зародыши ссоры, всегда готовой вспыхнуть между Людовиком XI. и император Максимилиан. На германском сейме, который был созван, как обычно, произносились патетические речи о бедствиях, угрожавших христианской Европе; но никто не взялся за оружие.

У османов, запертых в Отранто, правда, не было достаточных сил, чтобы продвинуться в Италию; но они могли каждый день ожидать подкрепления. После того как турецкий император собрал три армии, четвертую он направил в Вифинию, чтобы ее использовали, в зависимости от обстоятельств, против мамлюков Египта или против христиан Запада. Но даже эти приготовления или новые вторжения, которых у них были основания опасаться, не смогли устранить всеобщего безразличия. Народы и князья, которые не верили, что им хотя бы приблизительно угрожает опасность, вернулись к своим разделениям и ссорам. Они оставили безопасность христианского мира на попечение Провидения, когда узнали о смерти Магомета II.; эта новость, казалось, распространилась повсюду сразу и была воспринята как весть о великой победе, особенно в странах, которые боялись османских вторжений. В Риме, где страх был особенно велик, папа распорядился о молитвах, празднествах и процессиях, которые продолжались три дня; и в течение этих трех дней мирная артиллерия замка Святого Ангела не переставала разносить вести об освобождении Италии.

Эта радость христиан лучше, чем долгие пересказы истории, рисует честолюбие, гений, удачу и политику варварского героя исламизма. В течение этого правления,^[81] пять понтификов унаследовали кафедру Святого Петра; все использовали господство своей духовной и мирской власти в попытке сдержать продвижение его оружия, и все умерли с горечью, видя рост и расширение этой империи, перед которой трепетал весь Восток и вторжений которой Запад был в постоянном страхе.

1481-1571 гг. н. э.

Турки оставили Отранто, и разногласия, возникшие в семье Магомета, приостановили на время осуществление проектов османской политики. Джем-Джем, которого латинские хроники называют Зизимом, оспаривал империю у Баязета и, будучи побежденным, двинулся на Запад, ожидая благоприятной возможности для возобновления войны. Рыцари Родоса приняли его с большими почестями. Впоследствии он был отправлен во Францию, и по прихоти фортуны малоизвестное командорство в провинции Овернь на мгновение стало убежищем принца, претендовавшего на обширную империю Полумесяца. Его присутствие среди христианских держав вызывало у Баязета серьезное беспокойство. Король Венгрии и король Неаполя уже пообещали беглому принцу поддержку своих армий. Османский император отправил послов к Карлу VIII; он сообщил французскому монарху, что его план состоит в завоевании Египта и что он добровольно уступит ему Иерусалим, если тот передаст Зизим в его руки. В то же время султан Каира послал одного из латинских отцов храма Гроба Господня к папе римскому и просил также, чтобы брат Баязета был выдан ему, поскольку он хотел показать его во главе своей армии в войне против турок. Он предложил верховному понтифику в обмен на столь великую услугу сто тысяч золотых дукатов, владение святым городом и даже Константинополем, если им удастся изгнать из него турок. Карл VIII. не достиг того возраста, чтобы править, и королева-регентша, занятая восстановлением мира в королевстве, не прислушалась к предложению Баязета. Папа также не принял великолепных предложений египетского султана; но значение, которое, по-видимому, придавалось личности Зизима, натолкнуло его на мысль, что он сам мог бы извлечь из него некоторую выгоду. Он потребовал и добился, чтобы ему выдали брата Баязета, а затем призвал христианских князей объединиться с ним и пообещал лично отправиться на завоевание Греции и Сирии. Предприятие Иннокентия VIII. напоминает нам предприятие Пия II., и ему было суждено стать столь же неудачным. Когда понтифик умер, он был задействован в своем плане скорее с усердием, чем с успехом. Сменивший его Александр VI создал себе имя, которое отвергало доверие верующих и не оставляло надежды на то, что приготовления к священной войне когда-либо смогут отвлечь его от забот о личных амбициях или оторвать от мирских привязанностей.

Однако Неаполитанское королевство, ставшее причиной стольких войн, начатых и продолжавшихся под знаменами креста, породило в этих обстоятельствах идею предприятия, напоминающего крестовый поход. Герцог Миланский и несколько других небольших государств, постоянно занятых беспокойством в Италии и призывом туда иностранного оружия с целью увеличения или сохранения своего собственного могущества, убедили Карла VIII, восседавшего тогда на троне, попытаться утвердить права анжуйского дома. Их просьбы и блестящие обещания пробудили честолюбие молодого короля, который решил завоевать Неаполитанское королевство и объявил о намерении распространить свои взгляды на территории неверных.

Страсть к оружию, рыцарский дух и то немногое, что осталось в сердцах людей от древней страсти к крестовым походам и дальним экспедициям, поддерживали предприятие французского монарха. Были вознесены публичные молитвы, и по всему королевству прошли процессии за успех экспедиции против турок. Проповеди или, скорее, поэтическое вдохновение некоторых писателей того времени возвестили всей Европе об освобождении Востока.

При Карле VIII. когда он перешел Альпы со своей армией, все народы Италии встретили его с самыми живыми проявлениями радости; любовь к свободе, дух преданности, чувство отваги, все страсти, которые тогда преобладали, казалось, вселяли некоторую надежду в исход этого похода. Народы надеялись на независимость короля Франции и его рыцарей. Среди блестящих рыцарских празднеств французские воины были приняты как *защитники чести дам*. Они подарили Карлу VIII. титулы *посланника Бога, освободителя Римской церкви и защитника веры*. Все действия короля давали основания полагать, что целью его экспедиции были слава и безопасность христианского мира. Он написал епископам Франции, требуя от них десятых долей крестового похода. “Наше намерение, - писал он им в своих письмах, - состоит не только в том, чтобы вернуть себе Неаполитанское королевство, но и в том, чтобы обеспечить благосостояние Италии и добиться освобождения Святой Земли”.

В то время как народы по обе стороны Альп предавались надежде и радости, в Неаполитанском королевстве царил ужас. Альфонсо обратился ко всем своим союзникам; он, в частности, умолял о помощи Святой Престол, и, по странному контрасту, хотя он возлагал свои самые большие надежды на римский двор, он отправил послов в Константинополь, чтобы предупредить Баязета о планах Карла VIII. уважая Грецию, и призвать мусульманского императора помочь ему в защите своего королевства от вторжения французов. Александр VI, поддержавший князей Арагонских, с живейшим интересом наблюдал за триумфальным шествием короля Франции, который продвигался к Риму, не встречая никаких препятствий. Напрасно он призывал к себе на помощь итальянские государства и мусульманских правителей Греции; напрасно он использовал свою духовную власть; вскоре он оказался вынужден подчиниться и открыть ворота своей столицы государю, которого он считал своим врагом и которому он поочередно угрожал гневом Небес и гневом Баязета.

Таким образом, война, которую король Франции поклялся вести против неверных, началась с победы, одержанной над папой римским. Согласно одному из условий, предъявленных суверенному понтифику, брат Баязета был передан в руки Карла VIII. Несчастный *Джем-Джем*, ничего не знавший о политике, жертвой которой ему вскоре предстояло стать, поблагодарил папу за то, что тот вернул ему свободу. Он поздравлял себя с тем, что *находится под защитой великого короля Запада*, и не сомневался, что победоносное оружие христиан заменит его на османском троне. Однако Карл VIII, по-видимому, был весьма не расположен возвращать ему Константинопольскую империю, которую он только что приобрел для себя. В течение прошлого столетия в канцелярии Рима был обнаружен акт, согласно которому Андрей Палеолог, деспот Ахайи и племянник Константина, продал королю Франции все свои права на восточную империю за сумму в четыре тысячи триста золотых дукатов! Этот акт, посредством которого империя продавалась в присутствии нотариуса и который мог быть утвержден только победой, представляется нам очень любопытным историческим памятником; он служит для того, чтобы просветить нас относительно духа и политики тех далеких времен. Однако мы должны признать, что французский монарх, казалось, уже тогда придавал очень мало значения такого рода договору и не выполнил ни одного из его условий. Его внимание было в основном приковано к Неаполитанскому королевству, которое фортуна собиралась отдать в его руки, не требуя от него ни единого сражения.

В то время как Карл продлевал свое пребывание в Риме, Альфонсо II, предоставленный самому себе, охваченный страхом и угрызениями совести и преследуемый жалобами неаполитанцев, сошел со своего трона и отправился хоронить себя в сицилийском монастыре. Его сын

Фердинанд, который наследовал ему, хотя и изгнал турок из города Отранто и был провозглашен освободителем Италии, не смог ни возродить мужество своей армии, ни верность своих подданных. С того момента, как было объявлено о прибытии французов, иго дома Арагон, казалось, становилось с каждым днем все невыносимее. Когда Карл покинул римские государства, вместо того чтобы столкнуться с армиями врага, он встретил на своем пути только депутацию, которая прибыла предложить ему неаполитанскую корону. Столица вскоре приняла его с триумфом, и все королевство оказалось в его подчинении.

Слава вскоре разнеслась по Греции весть о чудесных завоеваниях Карла VIII. Эпирские турки, охваченные ужасом, каждое мгновение боялись увидеть прибытие французов. Николя Винье добавляет, что Баязетом овладел такой страх, что он направил весь свой флот в пролив Святого Георгия, чтобы дать ему возможность бежать в Азию.

Присутствие Зизима в христианской армии особенно встревожило мусульман; но фортуна исчерпала все свои возможности в пользу французов. *Джем-Джем*, которого король Франции надеялся выставить врагам веры, почти внезапно скончался по прибытии в неаполитанское королевство. Александр VI. был обвинен в этой смерти; Баязет пообещал ему триста тысяч золотых дукатов, *если он поможет своему брату избежать невзгод этой жизни*. Турецкие историки описывают это событие по-другому: они говорят, что константинопольский цирюльник по имени Мустафа был послан отравить Зизима; и то, что одним мазком рисует дух и характер османского деспотизма, когда цирюльник вернулся, чтобы объявить, что брат султана мертв, Баязет возвел его на пост визиря; настолько важной казалась услуга, и настолько достойным награды было преступление.

Завоевания Карла VIII, которые так встревожили турок, вызвали оживленные волнения в нескольких христианских государствах. Был создан союз против французов, в который вошли папа римский, император Максимилиан, король Испании и основные государства Италии. По примеру Карла VIII эта лига приняла в качестве предлога войну против турок; но ее истинный замысел не оставался долго скрытым, ибо она требовала одобрения и помощи Баязета. Политики в этом случае, не колеблясь, приносили христианские жертвы, чтобы укрепить союз с последователями Корана. Поскольку греки Эпира и Пелопоннеса стремились извлечь выгоду из предприятия короля Франции по сбросу ига османов, они послали в Италию своих наместников. Венецианский сенат приказал арестовать этих депутатов и передал их бумаги посланцам султана. Пятьдесят тысяч жителей Греции погибли жертвами этого подлого акта предательства.

С другой стороны, непостоянство народа, который поначалу благосклонно относился к вооружению короля Франции, и недовольство, которое всегда вызывает присутствие победоносной армии, - все это в одночасье изменило положение вещей в неаполитанском королевстве. Французы, которых встретили с таким энтузиазмом, стали ненавистны, и надежды всех были устремлены на семью Арагон, так недавно покинутую. Карл, вместо того чтобы обратить свой взор на Грецию, обратил его к Франции. В то время как он добивался того, чтобы его короновали императором Византии и королем Сицилии, его мысли были сосредоточены на отказе от своих завоеваний. Это зрелище представляло собой странный контраст между приготовлениями к отступлению и триумфальной церемонией, происходившей в одно и то же время. В то время как знать, духовенство и все общественные организации государства пришли поздравить принца-победителя, народ взывал к Небесам о защите от него, а французы в молчании ожидали приказа и сигнала к отправлению. На следующий день после своей

коронации, как будто он приехал в Неаполь только ради этой тщетной церемонии, Карл VIII. отправился в путь в сопровождении самых выдающихся из своих рыцарей и с грустью продолжил путь в свое королевство. По прибытии в Италию он не слышал во время своего похода ничего, кроме благословений и победных песен. Вернувшись, он услышал только проклятия народа и угрозы своих врагов. Во-первых, он пересек Италию без сопротивления; чтобы покинуть ее, он был вынужден дать сражение и считал победой предоставленную ему свободу перетащить остатки своей армии через Альпы.

Так завершилось это предприятие Карла VIII, которое сначала выдавалось за священную войну, которой руководила близорукая политика и последствия которой стали столь фатальными для Франции и Италии. Пока шла подготовка к этой войне, появилось, как мы уже говорили выше, несколько сочинений в прозе и стихах, в которых предсказывались великие победы. Целью этих предсказаний было не только возбудить энтузиазм народа, но и укрепить слабого и нерешительного принца в его начинании. Когда мы читаем пророческие песни и гимны поэтов, нам может показаться, что мы видим французов, отправляющихся на завоевание святых мест. Но картина меняется, когда мы обращаем свой взор к страницам истории. Все приводит нас к заключению, что в данном случае религиозные мнения и рыцарские чувства были всего лишь вспомогательными средствами неудачного честолюбия. Именно к этой экспедиции мы можем применить то, что Ж.-Ж. Руссо где-то говорит о крестовых походах: “Интриги кабинетов министров запутывали дела, и религия была предлогом”.

Политика Венеции не спасла ее от гнева Баязета, который объявил ей войну. Александр VI. издал ликующий возглас и потребовал десятую часть духовенства Европы для подготовки к крестовому походу против турок. Император Максимилиан, Людовик XII и короли Кастилии, Португалии и Венгрии, казалось, на мгновение прислушались к предложениям папы. Но взаимное недоверие быстро разрушило этот христианский союз: напрасно проповедники крестового похода повторяли в своих речах угрозы Баязета; они не могли преодолеть безразличия народа; и суверенный понтифик повсюду встречал равные препятствия для взимания десятин и раздачи индульгенций. Французское духовенство в этом случае не побоялось церковных порицаний; и что свидетельствует об упадке папской власти, по крайней мере в том, что касается крестовых походов, простого решения парижского богословского факультета в то время было достаточно, чтобы противостоять всему ужасному множеству угроз и громов Рима.

Мы показали, как и по каким причинам ослабел дух крестовых походов. Ближе к концу пятнадцатого века и началу шестнадцатого два великих события завершили отвлечение внимания от Востока. Америка недавно открылась древнему миру, и португальцы обогнули мыс Доброй Надежды вдвое. Нет никаких сомнений в том, что прогресс мореплавания во время священных войн способствовал открытиям Васко де Гамы и Христофора Колумба. Но эти открытия, когда о них однажды стало известно в Европе, всецело захватили тот активный, предприимчивый и авантюрный дух, который так долго поддерживал пыл к экспедициям против неверных. Направление человеческих умов, взгляды на политику, коммерческие спекуляции - все изменилось; и великая революция крестовых походов на закате, как было замечено, в некотором роде вступила в столкновение с новой революцией, которая родилась в результате открытия и завоевания нового мира.

Венецианцы, хозяева древних путей и торговли Индии, были первыми, кто осознал происходящие изменения, последствия которых, должно быть, оказались для них столь пагубными. Они тайно послали депутатов к султану Каира, столь же заинтересованных, как и они сами, в противостоянии интересам португальцев. Депутация из Венеции посоветовала султану Египта вступить в союз с королем Калькутты и другими индийскими державами, чтобы напасть на флот и войска Португалии. Республика обязалась послать в Египет и к берегам Аравии ремесленников для изготовления пушек и плотников для постройки боевых кораблей. Египетский монарх, интересы которого совпадали с интересами Венеции, с готовностью принял предложенный ему план; и чтобы остановить продвижение португальцев в Индию, он попытался внушить страх перед святыми местами, которые так долго были и все еще остаются объектами почитания верующих Запада. Он угрожал сравнять с землей церковь Гроба Господня, развеять прах и памятники мученикам по ветру и заставить всех христиан его штатов отречься от веры Христовой. Иерусалимский кордельер приехал в Рим, чтобы выразить тревогу христиан Палестины и хранителей святой гробницы. Папа был охвачен ужасом и поспешил отослать Кордельера к королю Португалии, которого он заклинал принести свои новые завоевания в жертву Богу и христианскому миру.^[82] Португальский монарх любезно принял посланника папы римского и восточных христиан, выделил ему значительные суммы на содержание святых мест и ответил верховному понтифику, что он нисколько не боится исполнения угроз султана, но, напротив, надеется сжечь и Мекку, и Медину, и привести обширные регионы в соответствие с законом Евангелия, если князья христианского мира захотят сотрудничать с ним.

Султан Египта, получавший дань от всех паломников, не разрушал иерусалимские церкви, но предпринял попытку похода против португальцев совместно с королем Камбея и Калькутты. Они снарядили в Суэце флот, состоявший из шести галер, галеона и четырех судов с припасами, на которые погрузили восемьсот мамлюков. Египетский флот прошел вдоль берегов Красного моря, обогнул Аравию, обогнул Персидский залив и бросил якорь у острова и в порту Диу, одном из важнейших пунктов торговли с Индией. Именно об этой экспедиции автор “Лузиады” рассказывает в своей девятой книге: “С помощью флотов из порта Арсиноя каликуты надеялись обратить корабли Эммануила в пепел; но вершитель небес и земли всегда находит средства для исполнения постановлений своей глубокой мудрости”.

Экспедиция мамлюков, несмотря на успех, которого она поначалу добилась, привела не к тем результатам, которых ожидали султан Каира и Венецианская республика. Португальцы в своем отчаянии пытались убедить короля Эфиопии изменить русло Нила. Проект перекрытия новых торговых путей и прохода мыса Доброй Надежды едва ли был более разумным. Вместо того чтобы прибегать к оружию, султаны Мамлюков гораздо лучше послужили бы интересам Венеции и своим собственным державам, если бы они расширили каналы в своих провинциях и открыли удобный, быстрый и безопасный проход для торговли с Индией: таким образом они сохранили бы для судоходства по Средиземному морю преимущество, которым оно веками пользовалось перед судоходством по океану; и приморские города Египта и Италии не увидели бы, как внезапно иссякли источники их процветания.

В то время как Венецианская республика с ужасом размышляла о причинах своего будущего упадка, она все еще вызвала немалую зависть блеском своего богатства и великолепия. Много жалоб возникло на венецианцев, которых повсеместно обвиняли в том, что они пожертвовали всем ради интересов своей торговли и в предательстве или служении делу христиан, поскольку верность или предательство стали для них наиболее выгодными. На сейме, созванном

Максимилианом в Аугсбурге, Элиан, посол Людовика XII, произнес яростную речь против венецианской нации. Прежде всего он упрекал их в том, что они своей враждебностью и интригами сорвали союз, созданный папой римским, императором Германии, королем Франции и королем Арагона против турок. Затем оратор упрекнул венецианцев в том, что они отказались прийти на помощь Константинополю, осажденному Магометом II. “Их флот находился в Геллеспонте во время осады; они могли слышать стоны христианского народа, гибнущего под мечами варваров. Ничто не могло возбудить в них жалости. Они оставались непоколебимыми и неподвижными, и когда город был взят, они скупили добычу побежденных и продали мусульманам несчастных жителей Греции, нашедших убежище под их знаменами. В более поздний период, когда османы осаждали Отранто, помощь осажденным присылали не только города и князья, но и нищенствующие ордена. Венецианцы, флот которых стоял тогда на якоре перед Корфу, смотрели с безразличием, возможно, с радостью, на опасности и несчастья христианского города. Нет, Бог не может простить нацию, которая из-за своей алчности, ревности и честолюбия предала дело христианского мира и, похоже, поддерживает взаимопонимание с турками, чтобы вместе с ними править Востоком и Западом”. Элиан, завершив свою речь, призвал государства и князей объединить свои усилия, исполнить постановления божественного правосудия и завершить падение Венецианской республики.

Эта речь, в которой упоминалось имя христианства, но которая не дышала ничем, кроме мести и ненависти, произвела живое впечатление на собрание. Страсти, которые разгорелись на аугсбургском сейме и которые не оставляли места для мысли о войне с турками, но слишком ясно показывали состояние волнения и раздора, в которое был тогда погружен христианский мир. Не соответствует нашей цели говорить о лиге, созданной в первую очередь против Венеции, или о лиге, созданной впоследствии против Людовика XII, или о событиях, которые принесли смуту в Италию и даже в лоно Церкви, которой тогда угрожал раскол.

На Латеранском соборе, созванном Юлием II, были осуждены беспорядки в христианском мире, но не было предложено ни малейшего средства для их устранения. Они коснулись войны с турками, не уделив никакого внимания средствам для ее продолжения. Увещевания папы, которые, как предполагалось, были вдохновлены амбициозной политикой, не внушали доверия. Понтифик, которого Вольтер представляет как плохого священника, но хорошего принца, активно участвовал в войнах между христианскими державами. Поскольку война велась от его имени, он не мог выполнять почетную роль миротворца и больше не пользовался уважением, связанным с титулом Отца верующих. Он не смог восстановить мир, который сам же и нарушил, и счел невозможным направить предприятие против неверных.

Проповедь о крестовом походе, так часто повторявшаяся, больше не производила никакого впечатления на умы людей; несчастья, которые так и не пришли, так часто объявлялись народам, что они перестали вызывать какую-либо тревогу. После смерти Магомета турки, казалось, отказались от всякой идеи завоевания Европы. Баязет сначала безуспешно атаковал египетских мамлюков; впоследствии он погрузился в сладострастие и удовольствия сераля, которые подарили христианам несколько лет покоя и безопасности. Но поскольку ленивый и женоподобный принц не выполнял первого условия османского деспотизма, которым была война, он раздражал армию, и его миролюбивые вкусы привели к его падению с трона. Сменивший его Селим, более честолюбивый и более жестокий, чем Магомет, обвиненный в отравлении своего отца и запятнанный кровью своей семьи, едва достиг власти, как пообещал янычарам завоевание мира и в то же время угрожал Италии, Германии, Персии и Египту.

На двенадцатом и последнем заседании пятого Латеранского собора Лев X взялся проповедовать крестовый поход против грозного императора османов. Он приказал зачитать перед отцами собора письмо императора Максимилиана, который выражал глубокую скорбь по поводу того, что христианский мир постоянно подвергается вторжениям варварской нации.

В то же время император Германии в письме своему советнику на нюрнбергском сейме выразил желание, которое он всегда испытывал, восстановить империю Константина и освободить Грецию от господства турок. “Мы бы охотно, - сказал он, - использовали наши силы и даже нашу личность в этом предприятии, если бы другие лидеры христианского мира помогли”. Читая эти письма Максимилиана, мы можем прийти к выводу, что этот принц был больше других тронут несчастьями греков и опасностями христианского мира. Но непостоянство и легкомыслие его характера не позволяли ему с рвением продолжать предприятие, которому он, по-видимому, придавал такое большое значение. Он провел свою жизнь, составляя планы борьбы с турками и ведя войну против христианских держав; и в старости утешал себя мыслью, что, возможно, однажды слава спасения Европы будет принадлежать принцу из его семьи.

В то время как христианские князья, таким образом, взаимно призывали друг друга взяться за оружие, ни один из них не отказался от интересов своего собственного честолюбия и не подал примера великодушной преданности, Селим, победив персидского короля, напал на армию Мамлюков, сверг с престола каирского султана и присоединил к своим обширным владениям все страны, которые франки населяли в Азии или которыми владели в ней. Затем Иерусалим увидел знамя с полумесяцем, развевающееся над его стенами, и сын Баязета, по примеру Омара, осквернил своим присутствием храм Гроба Господня.^[83] Палестина только попала под новое господство, и никаких изменений в судьбе христиан не произошло. Но поскольку Европа боялась турок больше, чем мамлюков, против которых война прекратилась, известия о завоеваниях Селима посеяли повсюду ужас и скорбь. Христианскому миру казалось, что святой город впервые перешел под иго неверных; и чувства скорби и оплакивания, которые тогда испытывали христиане, неизбежно возродили идею освобождения гробницы Христа.

Мы должны добавить, что последние победы Селима завершили свержение всех держав на Востоке, которые соперничали с турками, и что, устрашающим образом увеличивая мощь Османской империи, они не оставили ей других врагов, с которыми можно было бы бороться, кроме народов Запада.

Лев X. серьезно обдумал опасности, угрожавшие христианскому миру, и решил вооружить основные державы Европы против турок. Суверенный понтифик объявил о своем проекте коллегии кардиналов. Прелаты, наиболее отличившиеся своей ученостью и искусством ведения переговоров, были направлены в Англию, Испанию и Германию с миссией уладить все распри, разделявшие монархов, и сформировать могущественную лигу против врагов христианской республики. Лев X, который заранее объявил себя главой этой священной лиги, объявил перемирие на пять лет между всеми государствами Европы и пригрозил тем, кто нарушит мир, отлучением от церкви.

В то время как папа, таким образом, уделял все свое внимание подготовке к крестовому походу, поэты и ораторы, чьи труды он поощрял, представляли его уже освободителем христианского мира. Знаменитая Вайда в сапфической оде, адресованной Льву X, воспевала будущие труды и завоевания понтифика. Увлеченный своим поэтическим энтузиазмом, он поклялся отправиться, закованный в сверкающую сталь, на край света и пить из медного шлема воды Ксанфа и Инда.

Он хвастается тем, что сразил своим мечом героев-варваров Азии, и воображает, что уже видит, как потомки занесут его имя в список воинов, никогда не знавших страха. Вида в своей оде говорит не о Христе и не о кресте, а о Беллоне и Аполлоне. Его стихи кажутся гораздо менее вдохновленными Евангелием, чем подражанием Горацию; и дифирамбы, которые он адресует главе христианской церкви, напоминают как по тону, так и по форме те, которые бард с Тибра адресовал Августу. В то время как Вида в нечестивых стихах поздравлял Льва X с лаврами, которые он собирался снискать среди трудов и опасностей священной войны, другой писатель, не менее знаменитый, в прозаическом послании, напечатанном во главе "Речей Цицерона", обратился к верховному понтифику с теми же поздравлениями и теми же панегириками. Новаджеро получал удовольствие от того, что заранее праздновал те дни славы, в которые папа с триумфом вернется в вечный город после расширения пределов христианского мира, — те счастливые дни, в которые вся Италия, в которые все народы будут почитать его как божество, сошедшее с небес для их освобождения.

Италия тогда была заполнена беглыми греками, среди которых были некоторые выдающиеся ученые, которые оказывали большое влияние на умы людей и никогда не переставали представлять турок как варварский и свирепый народ. Греческий язык с успехом преподавался в самых знаменитых школах, и новое направление обучения, а также восхищение, которое вызывали шедевры Греции, значительно усилили ненависть народа к свирепым правителям Византии, Афин и Иерусалима. Таким образом, все ученики Гомера и Платона так или иначе связывали себя своими желаниями и речами с предприятием суверенного понтифика. Можно было бы заметить, что манера проповеди крестовых походов и мотивы, якобы возбуждавшие пыл христиан, различались в зависимости от обстоятельств и почти всегда были аналогичны преобладающим идеям каждого периода. Во времена, о которых мы сейчас говорим, все, естественно, носит характер и печать великой эпохи Льва X. и если крестовый поход смог внести свой вклад в восстановление письменности, то именно письма, в свою очередь, должны были что-то сделать в войне, предпринятой против врагов цивилизации и разума.

Посланцы римского двора были с почетом приняты во всех государствах Европы и не пренебрегали ни евангельскими увещеваниями, ни соблазнами, ни обещаниями, ни никакими средствами светской политики, чтобы побудить христианских князей присоединиться к крестовому походу, провозглашенному папой. Священная коллегия радовалась успеху своей миссии, и папа, чтобы доказать свою благодарность Небесам и ниспослать божественное благословение на свое предприятие, приказал в течение трех дней устраивать процессии и возносить молитвы в столице христианского мира. Он сам совершал богослужение, раздавал милостыню и ходил босиком и с непокрытой головой в церковь Святых Апостолов.

Sadoletus, секретаря Святого престола, Одним из самых выдающихся избранное муз, и которая, по мнению Эразма, обладавшие в своих трудах seriousness и порядке, Цицерона, произнесенная в присутствии духовенства и римского народа, а дискурс, в котором он отметил рвение и активность суверенного понтифика, стремление к христианским князьям помириться друг с другом, и желание, которое они проявили, чтобы объединить свои силы против турок: оратор напомнил своей аудитории императора Германии и короля Франции, славные столпов христианского мира; армия Карла, короля Кастилии, чья юность выставлены все достоинства созревшие возраст; короля Англии, непобедимый защитник веры; Эмануэль, король Португалии, всегда готовы пожертвовать собственными интересами, чтобы те Церкви, Людовика II., король Венгрии; а Сигизмунд, король Польши; во-первых, молодой князь,

упование христиан; во-вторых, достойны быть их лидера, короля Дании, с которой преданность религии Европе был хорошо знаком; и Джеймса, короля Шотландии, примеры которых семья должна держать его на путь добродетели и славы. Среди христианских государств, на которых человечество и религия должны возлагать свои надежды, Садолетус не забыл гельветов, могущественную и воинственную нацию, которая горела таким рвением к войне с турками, что ее многочисленные отряды солдат уже были готовы выступить в поход и ждали только сигнала главы Церкви. Святой оратор закончил яростным обращением к османской расе, которой он угрожал объединенными силами Европы, и обращением к Богу, которого он заклинал благословить оружие стольких государей, стольких христианских народов, чтобы мировая империя могла быть отнята у Магомета и чтобы хвала Иисусу Христу наконец зазвучала с юга на север и с запада на восток.

Лев X. был постоянно занят крестовым походом, который он проповедовал. Он посоветовался с опытными военачальниками и получил информацию о силе турок и о средствах нападения на них с преимуществом: самым надежным средством было собрать многочисленные армии. В своих письмах к князьям и верующим он призывал христиан не пренебрегать молитвами и аскетизмом покаяния; но прежде всего он рекомендовал им приготовить оружие и противостоять своим грозным врагам с силой и доблестью. В согласии с основными государствами христианского мира он разработал план священной войны. Император Германии должен был создать армию, в которую войдут венгерская и польская кавалерия. Король Франции со всеми своими войсками, всеми войсками венецианцев и нескольких государств Италии, а также шестнадцатью тысячами швейцарцев должен был сесть на корабль в Бриндизи и высадиться на побережье Греции; в то время как флоты Испании, Португалии и Англии должны были отплыть из Карфагена и соседних портов, чтобы переправить испанские войска к берегам Геллеспонта. Папа намеревался отплыть в порт Анкона, чтобы направиться в Константинополь, под стенами которого должны были встретиться все силы христианских держав.

Этот план был гигантским, и никогда Османская империя не оказалась бы в большей опасности, если бы такие грандиозные замыслы можно было привести в исполнение. Но христианские монархи могли соблюдать только перемирие, объявленное папой и принятое ими на несколько месяцев; каждый из них обязался снабдить войска для крестового похода, которые с каждым днем становились все более необходимыми им в их собственных государствах и которые они хотели увеличить или защитить. Преклонный возраст Максимилиана и приближающаяся вакантность императорского трона в то время держали всех честолубцев в состоянии ожидания: очень скоро соперничество Карла V и Франциска I. война в Европе возобновилась, и христианский мир, встревоженный ссорами принцев, больше не считал возможным вторжение турок.

Но эти политические разногласия были не единственными препятствиями на пути осуществления проектов Льва X. Другая трудность возникла из-за взимания десятин. Духовенство повсюду проявляло одинаковое безразличие к войнам, которые разорили его. Люди боялись видеть, как их милостыня используется в предприятиях, которые не имели целью торжество религии. Легат папы римского в Испании обратился сначала к арагонцам, которые ответили официальным отказом, выраженным на национальном синоде. Кардинал Хименес заявил от имени короля Кастилии, что испанцы не верят в угрозы турок и что они не отдадут свои деньги до тех пор, пока папа положительно не объявит, как он собирается их использовать. Если

распоряжения и воля римского двора встретили меньшее сопротивление и не вызвали никаких проблем в Англии или Франции, то это произошло потому, что кардинал Уолси, министр Генриха VIII, был связан с миссией апостольского легата и что Лев X оставил десятую часть своего королевства Франциску I.

Перед нами несколько исторических документов, которые никогда не печатались и которые проливают яркий свет на обстоятельства, о которых мы говорим. Первое - это письмо Франциска I., датированное из Амбуаза 16 декабря 1516 года, в котором *магистр Жосс де Лагард, доктор богословия, генеральный викарий кафедральной церкви Тулузы*, назван комиссаром, *затрагивающим факт крестового похода в епархии*. Король Франции раскрывает в другом письме цель юбилея, который вот-вот будет открыт: *он состоял в том, чтобы умолять о средствах, чтобы начать войну против неверных и завоевать Святую Землю и Греческую империю, удерживаемую и узурпированную упомянутыми неверными*. К этим патентным письмам прилагаются инструкции, данные королем совместно с легатом папы римского относительно исполнения буллы, предписывающей проповедовать крестовый поход во французском королевстве в течение двух 1517 и 1518 годов. Эти инструкции, в первую очередь, рекомендуют выбирать хороших проповедников, которым поручено *произносить хорошие и благочестивые проповеди перед людьми и объяснять способности и диспенсации, содержащиеся в булле*, а также почему *справедливые и святые причины, по которым предписано, чтобы в течение двух лет приостанавливались и отменялись все другие индульгенции, все другие общие и частные помилования*.

После того, как было сказано о выборе проповедников и о том, каким образом они должны проповедовать, в патенте короля даются некоторые инструкции относительно выбора исповедников. Генеральный комиссар крестового похода мог назначить столько человек, сколько ему казалось необходимым, для каждой церкви, в которой были *troncs et questes* (ложи для пожертвований и собрания) по случаю юбилея. Ему было приказано назвать шестерых для кафедрального собора епархии, *gens de bonne conscience, hors de suspension* (достойные люди, вне подозрений). Священнослужители, выбранные комиссаром таким образом, имели миссию исповедовать всех тех, кто желал индульгенций; и чтобы избежать беспорядков, которые могли возникнуть из-за духа соперничества, они имели, за исключением всех остальных, право составлять составы и реституции, давать отпущение грехов и т. Д.

Короче говоря, королевский указ не упустил ни одного из обстоятельств, сопровождавших проповедь крестового похода, ни форм, которые следовало принять при раздаче индульгенций. Он заходит так далеко, что регулирует форму *тронов*, устанавливаемых в церквях для приема подношений верующих, и религиозные церемонии, которые должны были соблюдаться во время юбилея. [84] Среди других приказов один предписывал составить большое количество исповедей, или векселей об отпущении грехов и индульгенциях; что эти векселя, подписанные нотариусом, должны быть отправлены генеральному комиссару, который скрепит их ПЕЧАТЬЮ, присланной королем, и что на них должно быть оставлено пустое место для имени того, кто желает исповедаться. раздобудьте их. Королевская инструкция добавляла, что комиссар должен позаботиться о том, чтобы его *тронк* был установлен должным образом и красиво, и что в центре его должен быть установлен большой красивый крест, на котором должно быть написано крупными красивыми буквами *IN HOC SIGNO VINCES*. Для того, чтобы ничто не могло побудить народ к благочестию, кроме того, было приказано устраивать торжественные процессии и нести в них красивое знамя, на котором с одной стороны должны быть портреты

папы римского и короля Франции, а с другой - *картины с изображением турок и других неверных.*

В этом постановлении, дух и выражения которого нам доставляет большое удовольствие вспоминать, история особенно отмечает многочисленные меры предосторожности против неверности и мошенничества. Распространители индульгенций были обязаны консультироваться со сметой своих государственных расходов и восстановлений в правах. *Банки*, в которых хранились деньги верующих, имели три замка и три ключа и открывались только в присутствии свидетелей; среди документов, которые мы процитировали, есть один, который является юридическим распоряжением об открытии *банков*, [85] с отчетом о поступлениях и расходах, в котором большинство не были проигнорированы мельчайшие детали, что показывает, до какой степени были доведены точность и бдительность. Эти строгие меры предосторожности были тем более необходимы, что примеры прошлых времен внушали людям подозрения; было довольно хорошо известно, что многие из сборщиков денег на крестовые походы не были *достойными людьми и были вне подозрений*. Чем более священным, как говорили, был мотив взимания этой дани, тем быстрее пробуждалось подозрение; и тем более озабоченной казалась сама благотворительность относительно того, каким образом могут быть израсходованы ее пожертвования. В этом вопросе, как и в других, властям было тем более необходимо строго следить, что среди ораторов крестовых походов всегда находились такие, кто проявлял больше рвения, чем мудрости, и чьи проповеди действительно были предметом скандала. Поскольку большинство из них получали жалованье, пропорциональное сумме денег, поступавших в *фонды* церквей, многие без колебаний преувеличивали обещания суверенного понтифика и привилегии, связанные с благотворительными пожертвованиями. История дает нам пример проповедника, который выдвинул с евангелической кафедры следующую преступную сентенцию: *Когда монета будет положена в корзину крестового похода для освобождения души из чистилища, эта душа немедленно будет освобождена и улетит на небеса*. Парижский богословский факультет осудил это предложение как противоречащее догмам Церкви. Таким образом, благоразумие глав Галликанской церкви и мудрые меры, принятые королем Франции, предотвратили большие беспорядки. Иначе обстояло дело в Германии, где царили величайшее возбуждение и недовольство и где семена ереси и смуты начали прорасти даже в недрах духовенства.

Можно было заметить, насколько легче римскому двору было до сих пор ежедневно открывать сокровищницу папских индульгенций. В первых экспедициях на Восток эти послабления предоставлялись только паломникам Святой Земли. Впоследствии они были предоставлены всем, кто внес свой вклад в поддержку крестоносцев. Еще позже они были дарованы верующим, слушавшим проповеди проповедников крестовых походов; иногда даже тем, кто присутствовал на мессе папских легатов. Поскольку раздача или продажа индульгенций была неисчерпаемым источником богатства, Лев X. взял на себя обязательство раздавать их не только тем, кто своей милостыней был готов помочь в покрытии расходов на войну с турками, но и всем верующим, чья благочестивая щедрость должна была внести свой вклад в сумму, необходимую для завершения строительства церкви Святого Петра, начатого его предшественником Юлием II. Хотя в этом предназначении могло быть что-то благородное и по-настоящему полезное; хотя оно могло быть в некотором роде достойно эпохи, когда искусство расцветало с большим блеском, многие христиане, особенно в Германии, не видели в нем ничего, кроме настоящей профанации и нового средства, с помощью которого римский двор стремился обогатиться за счет верующих.

Альберту, архиепископу Майнцскому, поручено назначить проповедников юбилея и распространителей папских индульгенций, названных в честь Саксонии, доминиканцами, за исключением кордельеров или августинцев, которые иногда выполняли миссии такого рода. Последние ревниво относились к этому предпочтению; и поскольку не было принято никаких мер предосторожности ни для предотвращения последствий такого рода соперничества, ни для того, чтобы положить конец злоупотреблениям, которые могли быть совершены, случилось так, что августинцы сурово порицали поведение, манеры и мнения доминиканцев, и что последние слишком хорошо оправдывали жалобы своих противников.

Лютер, монах-августинец, выступил вперед в этих жестоких ссорах и отличился своим пылким красноречием;^[86] он решительно выступал против проповедников, которые были выбраны для получения пожертвований верующих; и среди предложений, которые он выдвинул с кафедры, история сохранила следующее, которое было осуждено Львом X.: “Это грех сопротивляться туркам, видя, что Провидение использует этот неверный народ, чтобы наказать беззакония своего народа”. Эта странная максима завоевала веру среди сторонников Лютера; и когда папский легат потребовал на ратисбонском сейме взимания десятых сумм, предназначенных для крестового похода, он встретил горячее сопротивление. Ропот и жалобы поднялись во всех частях Германии. Римский двор упрекали в том, что он выставляет на продажу святыни; его сравнивали с неверным пастухом, который стрижет вверенных его попечению овец; его обвиняли в ограблении доверчивых людей, в разорении наций и королей и в том, что он навлекает на христиан больше страданий, чем могло причинить им господство турок.

На протяжении более чем столетия подобного рода обвинения раздавались по всей Германии каждый раз, когда собирались деньги для крестовых походов или когда суверенный понтифик налагал на христиан какую бы то ни было дань. Реформаторы воспользовались таким расположением умов людей, чтобы распространять новые идеи и попытаться произвести революцию в Церкви. Среди нации, склонной благодаря своему гению и характеру к спекулятивным идеям, философские и религиозные новшества, несомненно, находили больше горячих сторонников и пылких апостолов, чем где бы то ни было. Следует также добавить, что Германия была одной из стран христианского мира, которую Рим в своем всемогуществе пощадил меньше всего; и что дух противостояния *там* поднялся среди долгих раздоров между духовенством и империей. Когда однажды узы, объединявшие умы людей, были разорваны и ярмо власти, освященной временем, было сброшено, противодействие не знало границ; мнениям больше не было предела: Церковь подверглась нападкам сразу со всех сторон, со стороны тысячи различных сект, все они были настроены против римского двора, и большинство из них были настроены друг против друга. С этого периода началась революция, которой было суждено навсегда отделить многие народы христианского мира от римского сообщества.

В нашу задачу не входит описывать события, сопровождавшие раскол Лютера; но любопытно отметить, что происхождение Реформации должно быть связано не непосредственно с крестовыми походами, а со злоупотреблением индульгенциями, обнародованными для крестовых походов.

Как и все, кто начинает революции, Лютер совершенно не осознавал, до какой степени может прийти его оппозиция римскому двору: сначала он начал с нападков на некоторые злоупотребления папской властью и вскоре закончил нападками на саму власть. Мнения,

которые он разжег своим красноречием, страсти, которые он породил среди своих учеников, завели его самого гораздо дальше, чем он мог предвидеть: те, у кого были самые веские причины бороться с доктринами реформаторов, видели не больше, чем он, что эти доктрины должны были принести с собой. Германия, разделенная на тысячу различных государств и преданная всевозможным беспорядкам, не имела власти, достаточно сильной и дальновидной, чтобы предвидеть последствия раскола. При римском дворе никто бы не поверил, что простой монах может когда-либо поколебать столпы Церкви. Среди помпезности и великолепия искусств, которым он покровительствовал, и отвлекаясь на заботы амбициозной политики, Лев X. возможно, был слишком небрежен успехами Лютера. Прежде всего, он был неправ, полностью отказавшись от экспедиции против турок, о которой он объявил христианскому миру и которая могла бы, по крайней мере на первых порах, послужить полезным отвлечением умов, взбудораженных идеями реформации. Начинание священной войны, за которое он с таким жаром следил в начале своего понтификата и за которое поэты обещали ему вечную славу, — это предприятие после его смерти больше не занимало ни его мыслей, ни мыслей его современников.

Между тем Солиман, преемник Селима, недавно овладел Белградом и угрожал острову Родос. Этот остров был тогда последней колонией христиан в Азии. Пока рыцари ордена Святого Иоанна оставались хозяевами этой страны, у турецкого султана были основания опасаться, что на Западе может быть организована какая-нибудь крупная экспедиция для возвращения Палестины и Сирии или даже для завоевания Египта, который недавно был присоединен к Османской империи.

Великий магистр госпитальеров, отправленный за помощью в христианскую Европу. Карл V только что объединил в своем лице императорскую корону с короной Испании. Всецело занятый противостоянием могуществу Франции и стремящийся втянуть папу Адриана VI в войну против самого христианского короля, император был очень мало обеспокоен опасностью, которая угрожала рыцарям Родоса. Суверенный понтифик не осмелился прийти им на помощь или заручиться поддержкой христианского мира. Франциск I проявил более великодушные чувства, но в той ситуации, в которой тогда находилось его королевство, он не смог оказать им обещанную помощь.

Рыцари Родоса были предоставлены сами себе. История прославила труды и чудеса героизма, которыми орден Госпитальеров продемонстрировал свою защиту. После многих месяцев боев Родос попал в руки Солимана. Печальное зрелище представлял собой великий магистр Иль-Адам, отец своих рыцарей и подданных, тащивший за собой печальные остатки ордена и всех жителей Родоса, которые решили последовать за ним. Сначала он высадился на побережье Неаполя, недалеко от того места, где Вергилий изображает благочестивого Энея на берегу со славными обломками Трои. Если бы дух крестовых походов мог возродиться, какое сердце осталось бы невозмутимым при виде этого почтенного старика, за которым следуют его верные товарищи по несчастью, ищущие убежища, взывающие к состраданию и просящие в награду за свои прошлые заслуги маленький уголок земли, на котором он и его воины могли бы все еще поднимать знамя религии и сражаться с неверными.

Когда великий магистр выступил в поход на Рим, Адриан VI. объявил войну королю Франции; суверенный понтифик, император, король Англии и герцог Миланский сформировали лигу. При таком положении дел христиане Востока не могли надеяться ни на какую помощь. После смерти

Адриана папа Климент VII. проявил себя более благосклонно к ордену госпитальеров. Он принял великого магистра со всеми проявлениями отеческой нежности. Когда канцлер ордена рассказал в консистории о подвигах и поражениях рыцарей, верховный понтифик и римские прелаты пролили слезы и пообещали заинтересовать все державы христианского мира ради таких благородных страдальцев. К несчастью для ордена Святого Иоанна, европейские державы были более чем когда-либо разделены между собой. Франциск I. попал в плен в битве при Павии. Папа, желавший вернуть себе старый папский титул примирителя, только навлек на себя ненависть и гнев Карла V. Среди этих раздоров родосские рыцари были забыты; и только через десять лет после завоевания Солимана эти благородные воины смогли получить от императора Мальтийскую скалу, где они снова стали ужасом мусульман.

Пока Европа пребывала в таком смятении, завоеватель Родоса и Белграда вновь появился на берегах Дуная с угрожающим видом. Людовик II стремился возродить патриотизм венгров и возродил старый обычай публично обнажать окровавленную саблю как сигнал войны и опасности для страны. Но ни увещания монарха, ни призывы духовенства, ни даже приближение врага не смогли унять раздоры, порожденные феодальной анархией и затянувшимися бедствиями Венгрии. Венгерский монарх смог собрать армию численностью всего в двадцать две тысячи человек, чтобы противостоять армии Солимана. Людовик, молодой принц без опыта, который позволил духовенству руководить собой даже на войне, назначил генералом своей армии Поля Темори, недавно вышедшего из монастыря Кордельеров, чтобы тот стал архиепископом Колоцы. Мы не можем установить, был ли в этих обстоятельствах король Венгрии вынужден отдать себя в руки духовенства, потому что его бросила знать; или, если знать бросила его, потому что он отдал себя в руки духовенства. Поскольку папа постоянно призывал венгров защищать свою страну, венгерские священнослужители, которые были его переводчиками для верующих и даже для короля, естественно, должны были оказывать большое влияние во всем, что касалось крестового похода.

В этой войне двадцати двум тысячам христиан пришлось сражаться со стотысячной армией османов; и это была венгерская армия, которая, по совету епископов, предложила бой неверным. Что очень примечательно в священных войнах, так это то, что духовенство почти всегда можно узнать по опрометчивости предприятий. Убеждение церковников в том, что они сражаются за дело Божье, при их незнании военного искусства мешало им видеть опасности, не позволяло им сомневаться в победе и заставляло их часто пренебрегать средствами человеческого благоразумия. Именно тогда, уверенный в чудесном успехе, архиепископ Колоцкий без колебаний отважился на решающую битву. Духовенство, сопровождавшее его, воодушевляло сражающихся своими речами и подавало пример храбрости; но религиозный и воинственный энтузиазм не может одержать верх над численностью, и большинство прелатов получили пальму первенства мученичества *всхватке*. Восемнадцать тысяч христиан остались на поле битвы; и что еще больше усугубило несчастье, Людовик II исчез и погиб во время всеобщего разгрома, оставив свое королевство раздираемым партиями и разоренным турками.

Поражение венгров привело Климента VII в отчаяние. Понтифик написал всем монархам Европы; он даже разработал проект личного посещения их и привлечения их своими молитвами и слезами к защите христианского мира. Ни трогательные увещания папы, ни его умоляющая позиция не смогли тронуть князей; и именно здесь мы можем ясно увидеть быстрый упадок папской власти, которую мы так недавно видели вооруженной всеми ужасами Церкви и решения которой рассматривались как постановления Небес. В Италии вот-вот должна была

разразилась война, и папа римский вскоре сам стал жертвой беспорядков, которые он бы охотно предотвратил. Императорские войска вошли в Рим как во вражеский город. Император, принявший титул временного главы Церкви, не побоялся вызвать в Европе скандал, связанный с пленением понтифика.

Хотя авторитет главы Церкви больше не внушал прежнего почитания и не оказывал прежнего влияния на умы людей, тем не менее жестокость Карла V. вызвала всеобщее негодование. Англия и Франция взяли за оружие. Вся Европа была встревожена: одни хотели отомстить за папу, другие воспользоваться беспорядками; но никто не думал защищать христианский мир от вторжения турок.

Климент VII, однако, из глубин тюрьмы, в которой его держал император, все еще наблюдал за обороной христианской Европы: его легаты отправились увещевать венгров сражаться за своего Бога и свою страну. Поскольку понтифик был разорен бедствиями войны, он взывал к милосердию верующих; он приказал продавать тарелку во всех церквях Италии; он обратился за помощью к нескольким итальянским государствам; и он приказал раздавать индульгенции, а десятую часть собирать для покрытия расходов на священную войну.

Активная забота папы зашла так далеко, что он искал врагов против турок даже на Востоке и среди неверных. Акомат, который в Египте сбросил иго Порты, получил поддержку от римского двора. Легат папы отправился к нему, чтобы пообещать поддержку христиан Запада. Суверенный понтифик поддерживал постоянные связи на всех границах и во всех провинциях Турецкой империи, чтобы быть в курсе замыслов и приготовлений константинопольских султанов. Здесь уместно сказать, что большинство предшественников Климента, как и он сам, проявляли величайшую осторожность, наблюдая за замыслами неверных. Таким образом, главы Церкви не ограничивались тем, что побуждали христиан защищаться на их собственной территории; но, подобно бдительным часовым, они постоянно следили за врагами христианского мира, чтобы предупредить Европу об опасностях, которые ей угрожали.

Когда император разорвал цепи Климента VII, святой понтифик забыл о нанесенных ему оскорблениях, чтобы посвятить все свои заботы опасности, нависшей над Германской империей, которая вот-вот подвергнется нападению турок. Столица Австрии вскоре была осаждена и была обязана своей безопасностью только храбрости своего гарнизона. На сеймах Аугсбурга и Шпиля папский легат пытался во имя религии пробудить в народе Германии рвение к собственной защите. Врач по имени Риччиус говорил от имени императора и присоединил свои увещевания к увещеваниям апостольского легата; он взывал к древней добродетели германцев и напоминал своим слушателям пример их предков, которые никогда не терпели иностранного господства. Он настаивал на том, чтобы принцы, магистраты и народ боролись за свою собственную независимость и безопасность. Фердинанд, король Богемии и Венгрии, призвал князей и государства империи принять быстрые и эффективные меры против турок. Эти увещевания и советы имели лишь небольшой успех, но им пришлось столкнуться с сильным противодействием со стороны все еще слишком активного духа новых доктрин. Все города, все провинции были заняты вопросами, возбужденными Реформацией. В настоящее время мы можем сравнить народы Германии, которым угрожали турки, с греками нижней империи, чья история изображает предававшимися тщетным спорам, когда варвары были у их ворот. Как и среди греков, среди немцев была толпа людей, которые меньше боялись увидеть в своих городах тюрбан Магомета, чем тиару римского первосвященника; некоторые, руководствуясь

духом фатализма, равного которому едва ли можно найти в Коране, утверждали, что Бог судил Венгрию и что безопасность этого королевства не во власти людей; другие (милленаристы) с фанатичной радостью возвещали о приближении страшного суда; и в то время как проповедники крестовых походов призывали немцев защищать свою страну, они утверждали, что Бог судил Венгрию и что безопасность этого королевства не во власти людей. ревнивая гордыня нечестивой секты призывала к дням всеобщего опустошения.

Отеческие действия и советы папы римского не смогли ни успокоить умы людей, ни возродить энтузиазм по поводу священной войны ни в Германии, ни даже среди венгров. Фердинанд, брат Карла V, которого императорская власть провозгласила королем Венгрии, и вайвод Трансильвании, который с разрешения турок правил на развалинах своей страны, боролись за это несчастное королевство, угнетаемое одновременно его врагами и союзниками. Когда Солиман в третий раз вернулся на берега Дуная, призванный туда группой венгерской знати, он не нашел армии, способной воспротивиться его походу. Османы продвигались к столице Австрии и готовились вторгнуться в богатейшие провинции Германии. Столь острая опасность побудила главу и князей империи объединить свои силы против общего врага. Но когда турки в беспорядке отступили, никто не подумал ни о том, чтобы сражаться с ними, ни о том, чтобы преследовать их во время их поспешного отступления. Королю Венгрии, внезапно покинутому немцами и опасавшемуся новых нападений, не оставалось ничего другого, как обратиться к своим врагам с просьбой о мире. Заслуживает внимания то обстоятельство, что в договоре фигурировал папа римский: Солиман передал титул отца римскому понтифику, а титул брата - королю Венгрии. Климент VII после стольких бесполезных попыток заинтересовать князей христианского мира, казалось, не питал никакой надежды, кроме как на Провидение; и с горечью воскликнул, одобряя исход мирных переговоров: "Нам ничего не остается, кроме как молить Небеса присмотреть за христианским миром".

Можно было бы поверить, что священные войны подходили к концу, когда глава Церкви сложил оружие и заключил мир с неверными. Но этот мирный договор, как и другие, предшествовавшие ему, можно было рассматривать только как перемирие, и война, скорее всего, вспыхнет снова, когда либо христиане, либо мусульмане увидят какие-либо надежды продолжить ее с выгодой для себя. Такова была политика того времени, особенно та, которая управляла христианскими и мусульманскими державами в их взаимоотношениях. Солиман отказался от своих проектов в отношении Германии и Венгрии не столько из уважения к договорам, сколько потому, что он использовал свои силы против персов или что ему требовалось, чтобы его армия подавила несколько восстаний, вспыхнувших в Азии против его власти. С другой стороны, христианский мир оставил османов в покое, потому что он был жертвой раздоров; и потому что большинство христианских князей, занятых своими собственными интересами, не прислушивались ни к чему, кроме советов своих амбиций.

В то время в Европе было три великих монарха, объединенных сил которых было бы вполне достаточно, чтобы сокрушить могущество турок; но эти три государя были противоположны друг другу не только характером и гениальностью, но и своей политикой. Генрих VIII. король Англии, который опроверг Лютера и вступил в союз с королем Франции, чтобы освободить плененного папу, только что отделился от Римской церкви. Иногда в союзе с Францией, иногда в союзе с императором, занятый триумфом раскола, апостолом и главой которого он был, он не имел

времени уделять войне с неверными. Франциск I. в первую очередь претендовал на императорскую корону, а затем на миланское герцогство и Неаполитанское королевство. Эти притязания, которые были источником несчастий для него самого и Франции, нарушали все его правление и никогда не давали ему возможности серьезно предпринять крестовый поход против турок, крестовый поход, который он сам проповедовал в своих государствах. Чувство мести и ревности, которые воодушевляли его против удачливого и могущественного соперника, дважды внушали ему мысль о союзе с Солиманом. К великому скандалу христианского мира, османский флот был встречен в порту Марселя, и знамя с лилиями смешалось с полумесяцем под стенами Ниццы. Карл V, повелитель всех Испаний, глава Германской империи, суверен Нидерландов и обладатель нескольких империй в новом свете, гораздо больше стремился смирить французскую монархию и установить свое господство в Европе, чем защищать христианский мир от вторжения турок. В течение большей части своего правления этот монарх примирял протестантов Германии из-за османов и избегал столкновения с османами из-за своих врагов в христианской республике. Он удовлетворился тем, что защитил своим оружием столицу Австрии, когда ей угрожали турки; но когда папа призвал его употребить свои силы для освобождения Венгрии, он предпочел предпринять экспедицию к побережью Африки. Война против мавров в Африке была более популярна в Испании, чем экспедиция на Дунай; и Карл больше желал приобрести популярность среди испанцев, чем заслужить благодарность христианского мира. Берберийские державы были недавно сформированы под защитой Османской Порты и начали проявлять себя грозно в Средиземноморье. Карл дважды поднимал свое оружие к побережью Африки: в первом походе он овладел Тунисом, водрузил свои знамена на развалинах Карфагена и освободил двадцать тысяч пленников, которые разошлись по всему христианскому миру, чтобы объявить о его победах; во втором походе он уничтожил бы берберийские державы, столь пагубные для мореплавания франков; но ураган, уничтоживший его флот и армию, рассеял надежды коммерсантов и мореплавателей.

В то время, когда Карл потерпел столь крупное бедствие, сражаясь с мусульманами Африки, османы, приглашенные Франциском I, опустошали побережье Италии и недавно вторглись в Венгрию, откуда угрожали Германии.

Затем новые крики тревоги раздались по всей Европе, и среди тех, кто призывал народы выступить против турок, был услышан голос Мартина Лютера. В книге, озаглавленной *"Молитва против турок"*, реформатор осудил безразличие народа и королей и посоветовал христианам сопротивляться мусульманам, если они не хотят, чтобы их уводили в плен, как некогда детей Израиля. В составленной им молитвенной формуле он выразил себя так: "Восстань, Господи, великий Боже, и освяти имя твое, которое поносят враги твои; укрепи царствование твое, которое они хотят уничтожить, и не дай нам быть попранными ногами тех, кто не желает, чтобы Ты был нашим Богом".

Несколько раз поднимался ропот против Лютера, которого обвиняли в том, что его доктрины ослабили мужество немцев. Незадолго до того периода, о котором мы говорим, он опубликовал апологию, в которой, не отрицая известного положения, подвергнутого порицанию папой, он придавал своим словам смысл, отличный от того, который придавал им римский суд и который он сам, без сомнения, придавал им в первую очередь. Все его объяснения, которые не очень легко проанализировать, сводились к одной идее: "Что было допустимо воевать с турками, но что не было допустимо сражаться с ними под знаменами христианства". Хотя вождь Реформации требовал от воинов, призванных сражаться с мусульманами, всех качеств совершенного

христианина и хотя все принципы своей проповеди он черпал из религии Христа, знамя креста в христианской армии вызывало у него, по его словам, большой ужас, чем вид демона. Истинный мотив его отвращения к крестовому походу можно легко угадать; крестовый поход, по-видимому, обязательно требовал согласия папы; а согласия папы в войне, которая интересовала христианский мир, Лютер больше всего на свете боялся. У него было такое сильное отвращение к римскому двору, что в своих сочинениях он спрашивает себя, не следует ли начать войну как против папы, так и против турок; и в избытке своей ненависти не колеблясь отвечает: *против того, как против другого*.

Мы не будем здесь повторять декламации и софизмы Лютера. Несмотря на ребяческие тонкости и противоположные рассуждения, которые он использует для своего оправдания, мы должны, однако, отметить различие, которое он провел между гражданской властью и церковной властью: первой, говорит реформатор, надлежит сражаться с турками; долг второй - ждать, покоряться, молиться и стенать. Он добавляет, что война была делом не епископов, а должностных лиц; что императора в этих обстоятельствах следует рассматривать как главу германского союза, а не как защитника Церкви или опору христианской веры; титул, который по праву может быть присвоен только Иисусу Христу. Во всех этих аргументах, несомненно, было что-то разумное; и мнение Лютера о гражданской власти, хотя он мог бы принять его только из оппозиции к папской власти, получило бы одобрение просвещенных умов, если бы он не использовал при его поддержке всю страсть раздраженной гордости; и если бы его извинения, в частности, не были запятнаны злоупотреблениями, которые приличия не позволят истории повторить.

Не удовлетворившись этой апологией, имевшей заглавие "*Войны с турками*", Лютер через два года после осады Вены опубликовал другую работу, озаглавленную "*Военный дискурс*", в которой он также призывает немцев взяться за оружие. Это второе рассуждение начинается, как и первое, с богословских различий и тонкостей; с заявлений против папы римского и епископов; с предсказаний о приближающемся конце света и о могуществе турок, о чем автор ясно сообщает в книге Даниила. Хотя он пытается доказать, как и в своем первом произведении, что война против мусульман - это вовсе не религиозная война, а предприятие исключительно политическое, он, тем не менее, обещает пальму первенства мученичества тем, кто умрет с оружием в руках. Он представляет эту войну как угодную Божеству и как долг истинного ученика Евангелия. "Твоя рука и твое копьё, - говорит он каждому христианскому воину, который поднимет оружие против неверных, " будут рукой и копьем Бога. Принося в жертву турок, ты не будешь проливать невинную кровь, и мир будет считать тебя исполнителем постановлений божественного правосудия; ибо ты будешь убивать только тех, кого сам Бог осудил. Турок, " добавляет он, " отнимает у христиан земную жизнь и обеспечивает им жизнь вечную; в то же время он убивает себя и низвергает в ад". Лютер, по-видимому, настолько проникся этой идеей, что готов оплакать судьбу мусульман; и чтобы наказать равнодушных христиан и малодушных немцев, он не может пожелать им никакого наказания, если только они не станут турками и, таким образом, не станут собственностью дьявола.

Короткого отрывка недостаточно, чтобы показать, какие причудливые и необычные идеи содержатся в рассуждениях Лютера; однако легко понять, насколько этот вид проповеди отличается от проповедей ораторов, проповедовавших крестовый поход в предыдущие эпохи. Во второй части своей речи лидер Реформации обратился к различным классам общества; к дворянству, которое погрязло в роскоши и удовольствиях, но для которого наконец настал час

борьбы; к горожанам и торговцам, слишком долго предававшимся ростовщичеству и алчности; к рабочим и крестьянам, которых он обвиняет в обмане и ограблении своих соседей. Тон проповедника преисполнен чрезмерной суровости; он говорит как человек, который не печалится о несчастьях, которые вот-вот произойдут, потому что он предсказал их, а его предупреждения и пророчества были отвергнуты. Он говорит со своего рода удовлетворением, что после дней радости и разврата, после сезонов празднеств и удовольствий наступает время слез, страданий и тревог. Он заканчивает яростным апострофом, обращенным ко всем, кто останется глух к его голосу и кого враг найдет беззащитными: "Слушайте теперь, тогда, дьявола в турке, вы, кто не желает слушать Бога в Иисусе Христе; турок сожжет ваши жилища; он уведет ваш скот и ваши урожаи; он надругается над вашими женами и вашими дочерьми и убьет их на ваших глазах; он насадит ваших маленьких детей на те самые колья изгороди, которая служит оградой для вашего наследия; он принесет в жертву вас самих, а также ваших детей". или увезет вас в Турцию, чтобы выставить на продажу, как нечистых животных; именно он научит вас тому, что вы потеряете и что вам следовало бы сделать. Именно турку принадлежит задача смирить надменную знать, сделать граждан послушными, а также наказать и укротить грубую толпу".

Затем Лютер дает свой совет относительно способа ведения войны против турок; он желает, чтобы все защищались даже до смерти и чтобы все страны, через которые собирался пройти враг, были опустошены; он заканчивает свою речь, обращаясь с утешениями к тем, кто попадет в руки турок, и намечает для них план поведения на время их пленения у неверных.

Этот язык, необычность которого мы далеки от того, чтобы преувеличивать, вовсе не был рассчитан на то, чтобы согреть и сплотить умы людей для борьбы с врагами Германии и христианского мира. В этот период князья и государства империи часто встречались, чтобы обсудить собственные опасности. Созывать сеймы было проще, чем собирать армии. Протестанты не желали браться за оружие против турок, опасаясь усиления своих противников; а католиков сдерживал их страх перед протестантами: среди ожесточенных споров, волновавших Германию, Церковь и даже гражданская власть, провозглашенная Лютером, утратили все то единство действий, без которого невозможно с преимуществом сражаться с грозным врагом. Среди немцев дух сектантства постепенно ослаблял дух патриотизма; среди христиан ненависть, которую они питали друг к другу, заставляла их терять тот благочестивый пыл, который воодушевлял их против мусульман. По мере того, как продолжалась Реформация, Германия разделялась на две партии, которые были подобны двум врагам лицом к лицу. Вскоре обе стороны прибегли к оружию, и в ярости гражданских войн о вторжениях турок было забыто. Именно таким образом Реформация, зародившаяся в конце крестовых походов, полностью погасила энтузиазм к священным войнам и больше не позволяла народам христианского мира объединяться против неверных.

Имя турок все еще произносилось на сеймах Германии и даже на Тридентском соборе; но не было принято никаких мер для ведения войны против них. С того времени ни в Венгрии, ни на Востоке не произошло ничего, что могло бы привлечь внимание христианского мира. Единственным событием, которое, казалось, заинтересовало Европу, была защита Мальты от всех сил Солимана. Эта защита повысила репутацию военного ордена Святого Иоанна. Порт Мальты стал единственным пристанищем для христианских судов на пути в Египет, Сирию или Грецию. Корсары Туниса и Алжира и все пираты, наводнившие Средиземное море, трепетали при виде скалы и галер, над которыми развевался штандарт с крестом. Эта военная колония, всегда вооруженная против неверных и постоянно набиравшаяся из воинственной знати

Европы, вплоть до конца восемнадцатого века являла собой живой образ древнего рыцарства и героической эпохи крестовых походов. Мы описали происхождение этого прославленного ордена, мы проследили за ним в дни его триумфа и в его неудачах, еще более славных, чем его победы. Мы не будем говорить, в результате какой революции она пала и как она потеряла этот остров, который был дан ей в награду за ее храбрость и который она защищала более двухсот лет от османских войск и африканских варваров.

В то время как турки потерпели неудачу в своей экспедиции против Мальты, Солиман продолжал войну в Венгрии и все еще угрожал Германии. Он умер на берегах Дуная, в разгар побед, одержанных над христианами. Христианский мир, должно быть, радовался его смерти, как радовался смерти Магомета II. При правлении Солимана, который был величайшим принцем османской династии, турки не только вторглись в часть Германской империи, но и их морская пехота, поддержанная гениями Барбероссы и Драгута, добилась успехов, которые, должно быть, встревожили все морские державы Европы. Сменивший его Селим II не обладал ни его качествами, ни гением большинства своих предшественников; но тем не менее он следовал их проектам расширения или взглядам их честолюбивой политики. Османы, хозяева побережий Греции, Сирии и Африки, желали присоединить к своим завоеваниям Кипрское королевство, которым тогда владели венецианцы.

После нескольких месяцев осады османская армия овладела городами Фамагуста и Никосия. Турки запятнали свою победу беспрецедентной жестокостью. Храбрейшие из защитников Кипра искупили пытками славу упорного сопротивления; и можно сказать, что именно палачи закончили войну. Варварство турок вновь вызвало отвращение у христианских народов, и приморские страны Запада с ужасом наблюдали вторжение, которое угрожало отрезать европейцам все пути на Восток.

При приближении опасности папа Пий V. призвал христианские державы взяться за оружие против османов. Была образована конфедерация, состоящая из Венецианской республики, Филиппа II, короля Испании, и самого папы римского, всегда готового подкрепить свои проповеди авторитетом своего примера. Многочисленный флот, снаряженный для защиты острова Кипр, прибыл в восточные моря слишком поздно и смог лишь исправить позор, нанесенный христианскому оружию. Этот флот, которым командовал дон Иоанн Австрийский, встретился с флотом османов в заливе Лепанто. Именно в этом море Антоний и Август оспаривали господство римского мира. Битва, произошедшая между христианами и турками, в какой-то степени напоминает нам дух и энтузиазм крестовых походов. Перед началом конфликта дон Джон поднял на борту своего корабля знамя Святого Петра, которое он получил от папы римского, и армия приветствовала радостными криками этот религиозный сигнал победы. Вожди христиан прошли вдоль вереницы барк, увещевая солдат сражаться за дело Христа. Все воины, упав на колени, взмолились о божественной защите и встали, полные уверенности в собственной храбрости и чудесах небес.

Ни одно морское сражение древности не может сравниться с битвой при Лепанто, в которой турки сражались за мировую империю, а христиане - за защиту Европы. Храбрость и умение дона Иоанна и других военачальников, бесстрашие и пыл солдат, а также превосходство франков в управлении своими судами и в артиллерии обеспечили христианскому флоту решающую победу. Двести вражеских кораблей были захвачены, сожжены или потоплены.

Крушение турецкого флота, возвестившее о победе христиан, вызвало ужас у берегов Греции и в столице Османской империи.

Напуганный результатами этой битвы, Селим приказал построить знаменитый замок в Дарданеллах, который по сей день защищает вход в Константинопольский канал. Во время битвы обрушилась крыша храма в Мекке, и турки поверили, что увидели в этом происшествии знак гнева Небес. Крыша была деревянной; и чтобы она могла стать, по словам Кантемира, более солидной эмблемой империи, сын Солимана приказал перестроить ее из кирпича.

В то время как турки сожалели о первом поражении, с которым столкнулось их оружие, весь христианский мир с величайшей радостью узнал весть о победе при Лепанто. Венецианцы, с ужасом ожидавшие исхода сражения, отпраздновали триумф христианского флота необычайными празднествами. Чтобы ко всеобщей радости не примешивалось чувство печали, сенат освободил всех заключенных и запретил подданным республики носить траур по своим родственникам или друзьям, погибшим в боях против турок. Битва при Лепанто была запечатлена на монетах, и поскольку неверные потерпели поражение в день святого Юстина, сеньория распорядилась, чтобы этот счастливый день ежегодно становился праздником для всего населения Венеции.

В Толедо и во всех церквях Испании народ и духовенство возносили благодарственные гимны Небу за победу, дарованную доблести христианских солдат. Ни одна нация, ни один принц Европы не был равнодушен к поражению турок; и, если верить одному историку, король Англии Яков I прославил в стихотворении славный день Лепанто.

Поскольку папа действительно способствовал успеху христианского оружия, именно в Риме были проявлены самые сильные признаки восторга. Марк Антоний Колонна, командовавший судами суверенного понтифика, был встречен с триумфом и препровожден в Капитолий в сопровождении большого числа военнопленных. Отобранные у врага знамена были вывешены в церкви Арахили. После торжественной мессы Марк Антоний Мурети произнес панегирик победоносному полководцу. Таким образом, церемонии древнего Рима были смешаны с церемониями современного, чтобы прославить доблесть и подвиги защитников христианского мира. Сама Церковь желала освятить победу, одержанную над своими врагами, среди своих праздников; Пий V. учредил один в честь Пресвятой Девы, благодаря заступничеству которой, как считалось, мусульмане были побеждены. Этот праздник отмечался 7 октября, в день битвы при Лепанто, под названием “Богоматерь Побед”.

Таким образом, к небесам вознесся единодушный концерт молитв и благодарственных возгласов, и все христиане одновременно выразили свою благодарность Богу воинств за то, что он избавил Европу от нашествия мусульман. Но вскоре эта счастливая гармония была нарушена: честолубие, взаимное недоверие, разнообразие интересов - все, что до того времени благоприятствовало прогрессу турок, помешало христианам извлечь надлежащие выгоды из своей победы. Венецианцы стремились продолжить войну, чтобы вернуть остров Кипр; но Филипп II, опасаясь любого усиления могущества Венеции, вышел из конфедерации. Венецианская республика, покинутая своими союзниками, поспешила заключить мир. Оно добилось этого, пожертвовав всем имуществом, которое потеряло во время войны, — странный результат победы, в результате которой побежденные диктовали законы победителю и которая ясно показывает нам, до какой степени оправдались бы притязания турок, если бы фортуна была благосклонна к их оружию.

Война, завершившаяся битвой при Лепанто, была последней, в которой знамя креста воодушевляло или спланивало христианских воинов.

Дух священных войн поначалу возник из популярных мнений. Когда эти мнения ослабли и были сформированы великие державы, все, что касалось войны или мира, было сосредоточено в советах монархов. В общественных советах больше не формировались проекты дальних экспедиций; с церковных кафедр или перед собраниями верующих больше не рекомендовались воинственные предприятия. Государства и князья, поставленные во главе человеческих дел, даже когда они вели войну против мусульман, подчинялись гораздо меньше влиянию религиозных идей, чем интересам чисто политическим. С этого периода энтузиазм толпы и все страсти, породившие крестовые походы, были сведены на нет.

Союз Франциска I с Солиманом поначалу стал большим скандалом для всего христианского мира. Король Франции оправдывал себя, обвиняя Карла V. Его примеру быстро последовал сам Карл и другие христианские государства. Политика, все больше и больше отдалявшаяся от того, что было в ней религиозного, в конце концов стала рассматривать Османскую Порту уже не как врага, с которым всегда было долгом бороться, а как великую державу, с которой иногда было необходимо примириться и чьей поддержки можно было добиваться, не оскорбляя Божество и не затрагивая интересы Церкви.

Поскольку голос суверенного понтифика всегда был инструментом, призывающим христиан взяться за оружие против неверных, дух крестовых походов неизбежно ослабевал по мере падения авторитета пап. Можно добавить, что политическая система Европы находилась в процессе своего развития, и связи и пружины, которые должны были установить равновесие в христианской республике, имели все возрастающую тенденцию к своему установлению. У каждого государства был свой план обороны и расширения, которому оно следовало с постоянной активностью; все были заняты попытками достичь той степени могущества, силы и влияния, на которую давали им право их положение и состояние их оружия. Отсюда эти беспокойные амбиции, это взаимное недоверие, этот вечно активный дух соперничества, который почти никогда не позволял государям обращать свое внимание на далекие войны.

В то время как честолюбие и желание увеличить и защитить свою власть удерживали принцев в их собственных государствах, люди привязались к своим домам благодаря благословениям и радостям быстро развивающейся цивилизации. В одиннадцатом веке франки, норманны и другие варвары с севера еще не совсем утратили характер и привычки кочевых народов, что способствовало росту и прогрессированию того воинственного энтузиазма, который толкнул крестоносцев на Восток. В шестнадцатом веке институты, освященные временем, более понятные заповеди христианства, уважение к происхождению, любовь к оседлой собственности, постоянно растущее богатство городов по мере развития промышленности и сельского хозяйства изменили характер франков, уничтожили их пристрастие к бродячей жизни и превратились в многочисленные узы, привязывающие их к своей стране.

В предыдущем столетии гений мореплавания открыл Америку и миновал мыс Доброй Надежды. Результаты этого открытия произвели великую революцию в торговле, привлекли внимание всех наций и дали новое направление человеческому разуму. Все промышленные спекуляции, столь долгое время основанные на крестовых походах, были направлены в Америку или Ост-

Индию. Великие империи, богатый климат — все это сразу предлагалось честолюбию или алчности всех, кто искал славы, богатства или приключений, - чудеса нового света заставили людей забыть о чудесах Востока.

В эту столь памятную эпоху в Европе возникло всеобщее соревнование в развитии искусств и литературы. Эпоха Льва X породила шедевры всех мастей.^[87] Франция, Испания и в еще большей степени Италия в значительной степени использовали недавно открытое искусство печати в интересах знаний. Повсюду возрождались великолепные гении Греции и Рима. По мере того, как умы людей становились просветленными, расширялась новая карьера, открывавшаяся перед ними. Другой энтузиазм сменился энтузиазмом религиозных предприятий; и подвиги героических времен нашей истории вызывали гораздо больше восхищения у наших романистов и поэтов, чем желание людей всего мира подражать им. Затем Эпическая Муза, чей голос воспекает лишь отдаленные события, воспела героев священных войн; и крестовые походы, по той же причине, по которой Тассо получил свободу украшать их рассказ всем богатством своего воображения, — крестовые походы, как мы говорим, были для Европы уже не чем иным, как поэтическим воспоминанием.

Одним из удачных обстоятельств для христианского мира является то, что в период, когда крестовые походы, имевшие целью защиту Европы, приближались к концу, турки начали терять некоторую часть той военной мощи, которую они демонстрировали в своих сражениях с христианскими народами. Поначалу османы, как мы уже говорили, были единственной нацией, имевшей регулярную постоянную армию, что давало ей огромное превосходство над державами, которые она желала подчинить. В шестнадцатом веке большинство великих государств Европы также располагали армиями, которые они могли в любое время направить против своих врагов. Дисциплина и военная тактика достигли большого прогресса в христианском мире; артиллерия и морская пехота с каждым днем становились все совершеннее на Западе, в то время как турки во всем, что касается военного искусства или мореплавания, не извлекали никакой пользы ни из уроков опыта, ни из знаний, которые время и обстоятельства дали их соседям. Мы должны добавить, что дух суеверия и нетерпимости, который турки связывали со своими войнами, был очень вреден для сохранения и расширения их завоеваний. Когда они вступали во владение провинцией, они настаивали на том, чтобы их законы, обычаи и богослужение были превыше всего. Они должны все изменить, они должны все разрушить в стране, в которой они хотели утвердиться; они должны либо истребить население, либо сократить его до невозможности помешать иностранному господству. Таким образом, можно отметить, что, хотя они несколько раз становились хозяевами Венгрии, они уходили из нее после каждой кампании и никогда не были в состоянии, несмотря на все свои победы, основать там колонию или создать какое-либо прочное учреждение. Османское население, которого было достаточно для оккупации и порабощения греческой империи, не могло заселить и сохранить более отдаленные страны. Именно это, прежде всего, спасло Германию и Италию от вторжения турок. Османы, возможно, завоевали бы весь мир, если бы смогли навязать ему свои нравы или обеспечить его жителями.

После битвы при Лепанто, хотя турки сохранили остров Кипр и диктовали законы Венецианской республике, они тем не менее утратили представление о своей непобедимости или о том, что весь мир должен покориться их оружию. Было замечено, что с этого времени большинство руководителей турецких армий или флотов стали более робкими и чувствовали себя менее уверенными в победе в присутствии врага. Астрологи, которые до тех пор видели в небесных

явлениях рост и славу Османской империи, во время правления Солимана и последующих царствований не видели ничего, кроме зловещих предзнаменований в аспектах небесных тел. Мы упоминаем астрологов, потому что их предсказания оказывают значительное влияние на политику турок. Нет ничего невероятного в том, что эти мнимые фокусники не ограничивались своими наблюдениями за небесными телами, но что они наблюдали за нравами и мнениями людей, а также за ходом событий и делишек. Именно по этой причине их пророчества были признаны правдивыми и что они в некотором роде принадлежат истории.

Однако дух завоевания, который так долго воодушевлял нацию, все еще сохранялся, и иногда фортуна благоволила османскому знамени одерживать победы.

К концу шестнадцатого века турки перенесли войну на оба берега Дуная и к границам Персии. Среди христианских воинов, отправившихся на помощь Германии, нельзя забывать герцога Меркура, брата герцога Майенского; за ним последовала толпа французских солдат, сражавшихся против Генриха IV и отправившихся, чтобы искупить преступления гражданской войны, сражаясь с неверными. Герцог Меркурский, которому император Рудольф II передал командование имперской армией, получил ряд преимуществ перед османами.

Пока шла война в Венгрии, король Персии отправил посольство к императору Германии и князьям Запада, чтобы убедить их заключить с ним союз против турок. Персидские послы отправились ко двору верховного понтифика и ко дворам нескольких христианских держав, умоляя их объявить войну османам. Это посольство персидского короля и подвиги французов на Дунае вызвали большое беспокойство в Диване, и к королю Франции был отправлен посол, которого больше всего опасались христианские князья. Аккредитивы турецкого посланника носили такой заголовок: “Самому славному, великодушному и величайшему господину веры Иисуса, примирителю разногласий, возникающих между христианскими монархами, повелителю величия и богатства и славному наставнику величайшего Генриха IV, императора Франции”. Турецкий султан в своем письме умолял французского монарха заключить перемирие между Портой и императором Германии и отозвать из Венгрии герцога Меркюрского, чья доблесть и умение принесли победу знаменам немцев. Генрих IV допросил османского посла и спросил его, почему турки так боятся герцога Меркура. Посол ответил, что пророчество, которому верят турки, гласило, что меч французов изгонит их из Европы и свергнет их империю. Генрих IV не вспомнил герцога Меркура: этот способный военачальник продолжал громить османов и, покрыв себя славой в войне с неверными, по возвращении во Францию заболел пурпурной лихорадкой, “которая, “ говорит Мезераи, ” послала его к триумфу на небесах”.

В своих войнах против христиан турки часто оказывались в обороне, что было для них признаком упадка. История отмечает, что ни в один период их неудачи не вызывали у них большей тревоги, а победы - большего удивления и радости. Их поражения почти всегда были сигналом к подстрекательству к мятежу, которому упадок власти придавал смелости.

И все же Османская империя все еще продолжала войну и надвигалась подобно шторму, готовому вот-вот разразиться. В середине семнадцатого века остров Чию, принадлежавший геноуэзцам, был присоединен к их морским владениям, и турки направили свое победоносное оружие на Кандию, важную колонию венецианцев. В то же время османская армия вошла в Трансильванию, что сильно встревожило Австрию.

Папа Александр VII под давлением императора Леопольда I и венецианского сената попытался сформировать союз между князьями и государствами христианского мира и обратился к королю Польши, королю Испании и, в особенности, к королю Франции с просьбой о помощи против турок.

Людовик XIV. уступил мольбам суверенного понтифика и отправил в Рим посла, которому было поручено объявить его святейшеству, что он вступил в конфедерацию христианских князей. С другой стороны, государства Германской империи, которые были союзниками Франции, собрались во Франкфурте и занялись сбором денег и войск, обещая объединить свои усилия с усилиями французского монарха для защиты христианского мира.

Эта великодушная прямота со стороны короля Франции и его союзников заслужила, без сомнения, благодарность Леопольда; но, во что трудно поверить, ревнение, которое они проявили к общему делу и которое превзошло все первоначальные надежды, только пробудило ревнивое беспокойство императора. У нас есть даже основания полагать, что это беспокойство распространялось и на суверенного понтифика, поскольку его святейшество приветствовал предложения Людовика XIV. очень холодно; и когда резолюции германского собрания достигли Рима, Александр с безразличием воспринял известие, за которое любой другой папа, говорят мемуары того времени, не преминул бы пойти и торжественно поблагодарить в церкви святого Петра или святого Иоанна Латеранского. Король Франции не мог скрыть своего удивления, и в письме, которое он приказал написать своему послу, есть следующие примечательные слова: “В остальном, это скорее дело его святейшества, чем наше; для его величества, ради его собственного удовлетворения и его долга перед Богом, будет достаточно сделать в отношении этой лиги все, что мог сделать король, старший сын Церкви и главный защитник религии, в условиях неминуемой опасности для христианского мира”.

Вскоре стало известно, что турки продвигаются вперед и проникли в Моравию. Император Леопольд при их приближении покинул свою столицу. Затем папа согласился возобновить приостановленные переговоры. Но они были возобновлены с чувством ревности и взаимного недоверия, которые не оставляли надежды на счастливый результат. Людовик XIV, тем не менее, не упустил ничего, что доказывало бы искренность его намерений или способствовало созданию лиги. Тогда считалось, что предприятие против турок было делом всего христианского мира и что в данном случае только одна христианская держава не должна принимать решения о мире или войне.

Мы приводим здесь некоторые подробности, поскольку эти подробности до сих пор не были общеизвестны и что нынешние обстоятельства могут придать им дополнительный интерес. Мы также знаем, что в те дни, в которые мы живем, мы должны искать примеры в старых воспоминаниях, а часто и в наших истинных правах на славу.

Императора не могли успокоить демонстрации французского монарха, а злоба, которую он питал по поводу Вестфальского мирного договора, заставила его забыть об опасностях, грозивших ему самому и всему германскому корпусу. Людовик XIV. обещал выставить армию в двадцать тысяч человек, и союзники Германии предложили столько же. Леопольд боялся этой армии из-за себя. В конце концов Людовик удовлетворился предоставлением шести тысяч солдат под командованием графа де Колиньи и маркиза де ла Фейяда. Папа, чтобы не

оставаться нейтральным в войне против мусульман, предоставил императору субсидию в размере 70 000 флоринов и право взимать десятые доли со всей церковной собственности в австрийских государствах. Все объединенные силы Германии, короля Франции и других конфедеративных государств сформировали армию численностью в тридцать тысяч человек. Эта армия двинулась на Венгрию. Объединившись с войсками императора, они получили много преимуществ перед турками и полностью разгромили их в битве при Сен-Готарде. Османы потребовали прекращения боевых действий, и ревнивые страсти, которые поначалу препятствовали энергичному продолжению войны, позволили Дивану заключить выгодный мир.

Османы, избавленные таким образом от тяжелой войны, смогли направить все свои силы против Кандии, которую Венеция, оставшаяся теперь в одиночестве, была недостаточно сильна, чтобы защищать. Тогда огромное количество французских воинов поспешило на помощь христианскому городу, осажденному неверными: среди рыцарей, которых жажда славы привела на эту опасную и далекую войну, история с удовольствием называет маркиза де Фенелона, чьими заботами был воспитан архиепископ Камбре и которого его современники считали образцом доблестных джентльменов. Его юный сын, которого он взял с собой, был ранен в сражении с турками и умер от полученных ран. Франции в той же экспедиции пришлось оплакивать другого героя, молодого герцога Бофора; Маскарон, произнесший надгробную речь об этом новом Маккавеи, так описывает его смерть: “После бегства всех остальных, уступив скорее числу, чем силе, он пал на свои трофеи и умер самой славной смертью, какую только может пожелать христианский герой, с мечом в руке сражаясь с врагами своего Бога и своего короля на глазах Европы, Азии и Африки; и более того, на глазах Бога и его ангелов”. Людовик XIV, всегда считавший, что защита христианских государств соответствует его славе, послал в Кандию свежую помощь: перед островом появились четыре французских корабля; но они прибыли слишком поздно; город Кандия только что капитулировал после двухлетней и четырехмесячной осады.

Это завоевание возродило мужество турок, и их могущество, поддерживаемое гением Кюпрули, которого мусульмане называли *великим разрушителем колоколов нечестия*, могло бы по-прежнему представлять угрозу для христианских народов, если бы их политикой не руководила глупая гордыня. Опьяненные какими-то пустяковыми успехами, турки возобновили свой проект вторжения в Германию. Ближе к концу семнадцатого века они предприняли последнюю попытку, и столица Австрии увидела под своими стенами армию из двухсот тысяч неверных.

Германия была истощена тридцатилетней войной. Король Польши, побуждаемый папой прийти на помощь Германской империи, поспешил со своей польской кавалерией к месту боевых действий и возродил мужество немцев и венского гарнизона. Турки, подвергшиеся стремительному нападению, бросили свой лагерь, артиллерию и обоз. Разбитая османская армия не собиралась с силами, пока не достигла берегов Рааба, где разбила лагерь вокруг шатра великого визиря, единственного, который не попал в руки завоевателей. Джон Собеский с триумфом вошел в город, который он спас своим мужеством. Это радостное событие было отмечено по всей Германии народными ликованиями; и, как это было сделано после победы, одержанной доном Иоанном Австрийским, среди церковных церемоний повторялись эти слова из Священного Писания: “Был человек, посланный от Бога, по имени Иоанн”.

Поражение под Веной стало для турок сигналом к величайшим поражениям. Месть народа и армии преследовала великого визиря, который вел войну; и султан Магомет IV пал с трона при известии об этих кровавых бедствиях, последствия которых ощущались в самом сердце империи. Знаменитый Карловицкий мирный договор свидетельствует о потерях, которые понес османский народ, и о неоспоримом превосходстве его врагов. Упадок Турции как морской державы начался в битве при Лепанто; ее упадок как военной или завоевательной державы начался с поражения при Вене. История знает две вещи, которые следует отметить в переговорах Карловица. Венгрия, которая так долго сопротивлялась туркам, в конце концов ослабленная гражданскими раздорами и иностранными войнами и в то же время уступившая императорам Германии и султанам Константинополя, затем утратила свою национальную независимость и присоединилась к владениям австрийского дома. Среди государств и князей, подписавших этот договор, московские цари, которым в более поздний период было суждено нанести такие страшные удары по Османской империи, впервые появились как держава, заинтересованная в борьбе христиан с неверными.

Мы описали происхождение и прогресс турок; теперь нам остается только поговорить о причинах их упадка.

Турки были созданы только для того, чтобы бороться с варварским народом, подобным им самим, или с вырождающимся народом, подобным грекам. Когда они встретились с нациями, которые не были коррумпированы и не испытывали недостатка в храбрости или патриотизме, их карьера была остановлена. Заслуживает внимания то обстоятельство, что они никогда не могли произвести впечатления ни на один из народов Латинской Церкви; единственной нацией, которая была отделена от христианского мира завоеваниями турок, была та, которая отделилась от него сама. Когда османы больше не могли осуществлять свой план всеобщего вторжения, все страсти, которые подтолкнули их к завоеваниям, послужили лишь разрушению их собственной империи, что является обычной судьбой простых народов-завоевателей.

Войны, которые они вели в одно и то же время против христианской Европы и Персии, были главными причинами упадка военной мощи турок. Усилия, которые они предприняли против персов, отвлекли их силы от экспедиций против христиан; а их экспедиции против христиан подорвали их средства для ведения войн в Азии. В этих двух видах войны у них была совершенно разная манера ведения боя. После того, как они какое-то время сражались с воинами Окса или Кавказа, они были неспособны вести войну в Европе. Они так и не смогли одержать полной победы ни над Персией, ни над христианскими народами и в конце концов оказались зажатыми между двумя врагами, одинаково заинтересованными в их гибели и одинаково движимыми религиозными страстями.

Турки, как и все орды с севера Азии, принесли с собой феодальное правление. Первое, что должны были сделать все кочевые народы, обосновавшиеся в завоеванных странах, был раздел земель с определенными условиями защиты и повиновения. Из этого раздела естественным образом возник феодализм. Разница, однако, которая существовала между турками и другими варварами, завоевавшими Запад, заключалась в том, что ревнивый деспотизм султанов никогда не допускал, чтобы феоды становились наследственными или чтобы вокруг них вырастал аристократия, как в монархиях христианского мира. Таким образом, в турецкой империи, с одной стороны, не было видно ничего, кроме власти абсолютного господина, а с

другой - ничего, кроме военной демократии. Таким образом, османская монархия была построена на том, что является самым слабым в политических обществах, — на воле отдельного человека или на воле толпы.

Турок сравнивали с римлянами. Оба народа начинали одинаково; ибо оба были не чем иным, как бандами разбойников. Что отличает их в истории, так это то, что турки остались такими же, какими они были по своему происхождению; в то время как римляне в своих завоеваниях никогда не отвергали знания, обычаи или даже богов покоренного ими народа. Турки, напротив, ничего не брали у других народов и гордились тем, что оставались варварами.

Мы говорили выше, что наследственная аристократия никогда не устанавливалась бок о бок с деспотизмом; и это, возможно, причина, по которой османская нация оставалась в состоянии варварства. Те, кто изучал развитие человеческих обществ, знают, что именно аристократия формирует манеры и мораль народа и что именно в средних классах зарождаются знания и зарождается цивилизация.^[88] Отсутствие аристократии в восточных правительствах не только объясняет нам хрупкость этих правительств, но и помогает нам объяснить, почему не было достигнуто прогресса в стране, где ничто не отличало людей друг от друга, где никто не обладал достаточным влиянием, чтобы направлять толпу, или не был достаточно возвышен, чтобы служить примером или моделью.

Вследствие безразличия турок к искусствам и наукам, труды в промышленности, сельском хозяйстве и мореплавании были доверены их рабам, которые были их врагами. Поскольку они с ужасом относились ко всему новому или к тому, что не привезли с собой из Азии, они были вынуждены обращаться к иностранцам за всем, что было изобретено или усовершенствовано в Европе. Таким образом, источники процветания и могущества, мощь их армий и флотов находились вовсе не в их собственных руках. Каждый знает, что потеряли турки, пренебрегая изучением военной тактики европейцев или следя за ее прогрессом. В битве при Лепанто беспорядок был внесен в их флот исключительно из-за того, что они пообещали свободу своим морякам, которые все были христианами.

Некоторые современные авторы, повсюду ищущие сходства, сравнивают янычар с преторианскими когортами. В этом сравнении нет ничего точного: у римлян империя была выборной, и преторианцы завладели ею с целью выставления на продажу. У турок мысль о выборе своего принца никогда не приходила в голову ни народу, ни солдатам. Янычары довольствовались тем, что беспокоили правительство и поддерживали в нем такой беспорядок, что их никогда нельзя было уволить и они всегда могли оставаться хозяевами. Все их противодействие состояло в том, чтобы не допустить какого бы то ни было улучшения дисциплины или военных обычаев. Злоупотребления и предрассудки, которые труднее всего уничтожить в нации, — это те, которые присущи телу или классу, в руках которого находится власть. Всемогущий деспотизм так и не смог преодолеть сопротивление янычар и спахи, и эти грозные отряды, которые так эффективно способствовали древним завоеваниям, стали величайшим препятствием для создания новых.

Турки, обосновавшиеся в Греции, больше уважали старые обычаи и предрассудки, чем любили страну, в которой жили. Хозяева Стамбула, они постоянно смотрели на места своего происхождения и казались всего лишь путешественниками или мимолетными завоевателями Европы. Они сохранили азиатские нравы, азиатские законы, воспоминания об Азии; и Запад, по их мнению, был не столько страной, сколько театром для их подвигов.

Среди их упадка ничто не было более пагубным для турок, чем память об их прошлой славе; ничто не было для них более пагубным, чем та национальная гордость, которая больше не соответствовала их судьбе или их силе. Иллюзии о власти, которой больше не существовало, мешали им предвидеть препятствия, с которыми они, вероятно, столкнутся в своих предприятиях, или опасности, которые им угрожали. Когда османы вели неудачную войну или заключали невыгодный мирный договор, они никогда не упускали случая возложить вину на своих лидеров, которых народная месть обрек на смерть или изгнание; и хотя они таким образом приносили жертвы своему тщеславию, их неудачи становились тем более непоправимыми, что они упорно ошибались в их истинных причинах.

Тацит где-то выражает радость, которую он испытывал, видя, как варвары воюют друг с другом; и мы испытываем нечто вроде этой радости, когда видим, как деспотизму угрожают его собственные институты и мучают сами инструменты его власти. Другое зрелище, не менее утешительное для всех, кто любит человечность и справедливость, - созерцать эту семью свирепых деспотов, перед которыми трепетал весь Восток, пожиравший самого себя. Хорошо известно, какие жертвы каждый султан, восходя на трон, был вынужден приносить подозрительному гению деспотизма. Но Небеса не допускают, чтобы самые священные законы природы постоянно безнаказанно нарушались; и османская династия, искупая столькие преступления против семейных уз, в конце концов погрузилась в своего рода деградацию. Османские принцы, воспитанные в подчинении и страхе, утратили энергию и способности, необходимые для управления великой империей. Солиман II. только усилило зло, издав конституционный закон, согласно которому ни один сын султана не должен командовать армиями или управлять провинциями. С того времени никто, кроме женоподобных принцев, робких и бессмысленных людей, не занимал османский трон.

Если воля принца становилась порочной, этого было вполне достаточно, чтобы порочность стала всеобщей. По мере того, как вырождался характер султанов, вырождалось все вокруг них. Всеобщая апатия вытеснила шумную деятельность, связанную с войной и победой. На смену страсти к завоеваниям пришли алчность, честолубие, эгоизм и все пороки, которые знаменуют и довершают упадок империй. Когда государства поднимаются и движутся к процветанию, возникает стремление увеличить свою мощь; когда они приходят в упадок, возникает также стремление подстрекать к их разрушению и извлекать выгоду из их разорения.

Империя всегда располагала многочисленной армией; но эта армия, в которой дисциплина с каждым днем деградировала, была грозной только в мирное время. Толпатимариотов, или пожизненных владельцев феодальных владений, которым нечего было оставить своим семьям, пролетела по отданным им землям подобно саранче, которая на равнинах, куда ее занесли ветры, уничтожает даже зародыши урожая. Пачи управляли провинциями как завоеватели. Богатство народа было для них подобно добыче, которую завоеватели распределяли между собой в день победы. Те, кто мог накопить сокровища, могли купить безнаказанность. Такие, при которых армии провозглашали свою независимость. Младшие офицеры повсюду следовали примеру лидеров. В правительстве, так же как и в армии, все было выставлено на продажу, все подвергалось разграблению. Таким образом, эта империя, проявившая такую энергию, пала, как добыча, в руки всех тех, кого судьба или благосклонность принца призвали к власти; и если нам будет позволено использовать не очень возвышенное сравнение, чтобы выразить степень унижения нации, османская держава больше не представляла собой ничего,

кроме тех безжизненных тел, в которых мы не можем заметить движения, кроме пожирающих их насекомых.

Константинопольские султаны, дремавшие в своих сералях, часто просыпались от грома народных восстаний. Насилие армии или народа было единственным средством правосудия, способным достичь деспотизма. Но само это правосудие было еще одним бедствием и лишь способствовало ускорению общего упадка.

Хотя преемники Османа после правления Селима были первосвященниками национальной веры, это важное достоинство ничего не добавляло к их власти. Мусульманская вера, которая со строгостью предписывала соблюдение многих мелочей, нисколько не подавляла страстей толпы. Религиозная вера, которая позволяла князю совершать братоубийство, не могла быть гарантией ни власти, ни жизни князя. Религия, всегда готовая освятить торжество силы, не могла найти в своем моральном кодексе никаких мотивов для осуждения бунта, особенно когда бунт увенчался успехом.^[89]

Но что удивительно, турки, восстав против принца из османской династии, сохранили глубокое почтение к этой династии. Они принесли в жертву тирана ради своей мести и были готовы принести себя в жертву ради тирании. Таким образом, вседозволенность в ее величайших проявлениях всегда уважала деспотизм; и то, что доводило беспорядок до высшей степени, заключалось в том, что этот деспотизм, в свою очередь, уважал вседозволенность.

Турки жили в состоянии упадка, как в своем естественном состоянии. Нет ничего более замечательного в истории, чем беспечность нации в разгар революции, которая ведет ее к гибели; и эта революция с турками была вызвана не новыми идеями, а старыми, не свободолюбием, а привычками к рабству. Они уважали причины своего разорения, потому что эти причины были связаны с историей варварских времен; а религия, постоянно повторяя им, что “тот, кто горит в огне, должен смириться”, мешала им искать лекарство от тех бед, от которых они страдали.

Среди наций, склонных к разрушению, в самом сердце коррупции можно наблюдать известную вежливость, определенный лоск или элегантность манер. Турки, напротив, были подвержены жестокой и изуверской коррупции, и их империя состарилась, но нация ничего не утратила из той свирепости характера, из той гордой грубости, которые присущи младенчеству общества.

Нас спросят, почему христианский мир не воспользовался этим упадком турок, чтобы снова изгнать их обратно в Азию. Мы видели из этой истории, что народы христианской Европы так и не смогли объединиться и договориться для защиты Константинополя, когда он подвергся нападению турок; и они больше не проявляли склонности объединяться для освобождения его после того, как он был взят. Мы можем добавить, что чем менее грозными становились турки, тем меньше предпринималось усилий для их завоевания. Кроме того, они не вызывали зависти у коммерческих наций христианского мира. Напрасно судьба поместила их между Востоком и Западом; напрасно она сделала их хозяевами Архипелага, берегов Африки, портов Черного и Красного морей: их лучшие провинции превратились в пустыни, их города были заброшены. Все погибло в руках ленивого и неотесанного народа. Турок пощадили, потому что они не воспользовались своими преимуществами; и потому что они были, по выражению Монтескье, людьми, наиболее пригодными для беспечного управления великими империями.

Прежде чем мы закончим этот краткий очерк турецкой империи в семнадцатом веке, мы просим разрешения добавить несколько размышлений, которые, возможно, заставят оценить обстоятельства. Не было ничего более чудовищного, чем присутствие на одной территории двух наций и двух религий, которые взаимно ненавидели и проклинали друг друга. Испания представляла собой подобное зрелище; но энергия и великодушное постоянство испанцев восторжествовали над враждебным народом и враждебной религией; и в то самое время, когда турки утвердились в Греции, мавры, унося с собой свой иностранный культ, отказались от своих завоеваний и вернулись в Африку, откуда они пришли. Греки после вторжения османов не проявляли ни прежней энергии, ни прежнего мужества, хотя их патриотизм должен был постоянно подпитываться землей, по которой они ступали, и самим их именем, которого завоеватель не смог их лишить.

Тем не менее, несмотря на свое унижение и нищету, они все еще могли возлагать надежды на господство религиозных идей и на стремление к цивилизации, которая действовала как связующее звено между всеми христианскими обществами. В то время как нравы и поклонение исламу делали турок чуждыми и даже ненавистными христианскому миру, религия Христа и исторические воспоминания ставили греков в один ряд с другими народами Европы.

По мере того, как знания, почерпнутые из древности, распространялись среди франков, Греция становилась для них священной страной. Язык Платона и Демосфена, на котором с таким красноречием воспевались прелести свободы, стал им дороже их собственного материнского языка. Поэтические места Греции, которые любовь к литературе сделала столь знакомыми для прилежного класса, были для нас подобны местам, в которых мы провели свое детство. В Европе не было ученого, у которого город Аристотеля, Ликург или Эпаминонд не вызывали бы чего-то похожего на те чувства, которые мы испытываем к нашей собственной стране. Если греки выродились, если они с безразличием смотрели на руины своей страны, древняя Греция все еще жила для каждого просвещенного человека и всегда присутствовала везде, где существовал вкус к искусству или любовь к учености.

Чем больше возрастал интерес к грекам, тем более варварскими казались турки. Османская нация пришла и утвердилась в богатейших странах Европы и оставалась на виду у всех европейских народов, не знакомясь с их языками, их законами или их политикой; подобно тем стадам диких животных, которые иногда останавливаются поблизости от жилищ человека, не зная о том, что происходит в этих местах, и не имея средств схватить свою добычу или защититься, кроме своей активности, своей природной силы и средств, которые дает им грубый инстинкт. Такое положение вещей противоречило как законам общества, так и законам природы, которые не позволяют людям или нациям жить вместе в одном и том же месте, за исключением случаев, когда они обладают сходными качествами и способны совместно использовать свои способности. Турки, возможно, были защищены сначала удачей своего собственного оружия, а затем политикой некоторых кабинетов министров; но какую реальную поддержку могли они иметь на Западе, когда их отталкивали нравы, чувства и мнения европейских народов, для которых они с каждым днем становились все более чужими?

С одной стороны, антипатия к варварскому народу; с другой - отношения, которые объединили цивилизованные христианством нации, вероятно, рано или поздно возродили бы тот дух братства, который породил крестовые походы; и Богу было угодно, чтобы этот дух, из которого

родились священные войны, проявился в том же столетии, которое долгое время отказывалось признавать их последствия или восхищаться их чудесами.

В тот момент, когда мы заканчиваем эту историю, греки издали крик тревоги, и этот крик разнесся по всему христианскому миру. Настал ли момент их освобождения? Когда мы исследуем нынешнее состояние Европы, мы обнаруживаем гораздо большую силу, чем было бы необходимо для завоевания Византии; но, с другой стороны, разнообразие интересов и мнений не позволит христианской республике объединиться для этого великого предприятия. Мы видели, что турки на самом деле не владеют ничем, кроме почвы своей обширной империи; богатства, которые там производятся, принадлежат нациям христианского мира, и эти нации предназначены для турецких провинций, которые они обрабатывают для своей прибыли, как активный и трудолюбивый фермер для полей, которые он вспахивает и жнет. Добавьте к этому, что большинство христианских держав, по-видимому, опасаются, что распад великой империи может разорвать узы европейской конфедерации; они боятся не силы османов, как раньше, а трудностей и расколов, которые вызовет завоевание. Что может усилить их опасения, так это нетерпение перемен, эта горячая страсть к новизне, которая мгновенно распространяется среди народов подобно заразной лихорадке; в то время как греки умоляют Европу о своей свободе, беспокойные и неудовлетворенные души смотрят на Восток, ибо я не знаю, что послужит сигналом к революции в Европе. Таким образом, христианский мир, разделенный своими разнообразными интересами, терзаемый тысячью различных страстей и опасющийся за свой собственный покой, с тревогой ожидает готовящихся событий и, по-видимому, отшатывается от побед, которые ему приносят превосходство его интеллекта и его армий.

К чему приведут все эти воинственные демонстрации и все мирные переговоры, о которых слава сообщает нам каждый день? Нет сомнения, что крест снова восстанет на Востоке, и судьба проживающих там христиан несколько улучшится; но достигли ли мы момента, который должен сделать Европу полностью христианской? Уступит ли Османская империя, слабость которой сейчас кажется столь значительной, мощи своих врагов или она ускорит свое собственное крушение? Восстановит ли Греция, так долго находившаяся в рабстве, то положение среди наций, из которого она некогда так бесславно произошла, или она попадет в руки своих освободителей? В голову приходят тысячи других вопросов; но мы не будем предвосхищать события; прежде всего, мы будем избегать умножения домыслов и гипотез или порождения здесь блестящих мечтаний философов и поэтов, которые отвергает суровость истории. Когда мы высоко ценим истину и в течение длительного времени ищем ее во всем, что содержит наиболее позитивное в воспоминаниях о прошлом, мы учимся говорить о будущем с большой осмотрительностью и сдержанностью.

Может показаться, что мы слишком долго останавливались на Османской империи; но происхождение этой империи, ее прогресс и упадок связаны со всеми событиями, которые нам пришлось описать. Приведенный нами очерк этого, возможно, иногда был полезен для ознакомления наших читателей с духом и характером войн против неверных; и с этой точки зрения наш труд не был бесполезным.

В описываемый нами период страсти, породившие чудеса крестовых походов, превратились в спекулятивные мнения, которые привлекали внимание скорее писателей, чем королей или народов. Таким образом, священные войны с их причинами и следствиями стали объектами дискуссий врачей и философов. Мы можем вспомнить мнение Лютера; и хотя он частично

отрекся от своего первоначального мнения о войне с турками, большинство его сторонников продолжали проявлять большое отвращение к крестовым походам.

Министр Юрье идет гораздо дальше Лютера. Этот пылкий апостол Реформации, далекий от мысли, что следует вести войну против мусульман, без колебаний рассматривал турок как пособников протестантов и говорил, что свирепые сектанты Магомета были посланы “трудиться вместе с реформаторами в великом деле Божьем”, которое заключалось в разрушении папской империи. После снятия последней осады Вены в 1683 году и отмены Нантского эдикта тот же самый Юрье был огорчен позором реформаторов и поражением турок; в то же время он добавил, “что Бог унизил их только для того, чтобы снова собрать их вместе и сделать орудиями своей мести папам”. Такова крайняя слепота, до которой способен довести нас дух партии или секты, когда мы введены в заблуждение ненавистью и раздражены преследованиями.

Однако другие писатели, прославленные своим гением и также связанные с Реформацией, утверждали, что войны против неверных должны продолжаться: они сожалели о безразличии христианского мира и войнах, которые ежедневно вспыхивали между христианскими нациями, в то время как они оставили в покое народ, являющийся врагом всех других народов. Канцлер Бэкон в своем диалоге *"О священном белле"* использует всю свою логику, чтобы доказать, что турки исключены из международного права. Он ссылается, по очереди, на естественное право, права наций и божественное право против варваров, которым он отказывает в названии народа, и утверждает, что против них следует вести войну, как против пиратов, антропофагов или диких животных. Прославленный канцлер цитирует в подтверждение своего мнения максимы Аристотеля, максимы из Библии, приводя примеры из истории и даже из басен. Его манера рассуждать немного напоминает политику и философию шестнадцатого века, и мы не чувствуем себя обязанными повторять аргументы, многие из которых не смогли бы убедить умы нынешнего столетия.

Мы предпочитаем развивать некоторые идеи Лейбница, который, чтобы возродить дух дальних экспедиций, обратился к честолюбию князей и чьи политические взгляды получили незабываемое применение в наше время. В тот момент, когда Людовик XIV. готовился с оружием в руках вторгнуться в Нидерланды, немецкий философ прислал ему пространное послание, чтобы убедить его возобновить экспедицию Людовика Святого в Египет. Завоевание этой богатой страны, которую Лейбниц называет Восточной Голландией, способствовало бы торжеству и распространению веры; оно обеспечило бы самому христианскому королю славу Александра, а французской монархии - обширные возможности для могущества и процветания. После занятия Александрии и Каира, удача будет предлагать завоевателям счастливые возможности восстановления империи Востока; в Османской империи, нападали на поляков и немцев, и тревожат внутренние разногласия, готов был провалиться сквозь руины; в Московию и Персию были уже готовы воспользоваться его падением; если Франция выдвинули свои силы, ничего бы не было легче, чем собрать снова огромное наследие Константина, чтобы доминировать над Средиземным морем, чтобы расширить свою империю над Красным морем, над морем Эфиопии, над Персидским заливом, и вступить во владение коммерции Индии; все самое блестящее в лучах славы и величия империи, потом представил себя в воображении Лейбница; и этот возвышенный гений, ослепленный своей идеей, и присоединяя его политики с предрассудками своего века, мог видеть ничего больше, чем завоевание Египта, *но открытие*

философского камня: он видел уже, в ближайшее время далекое будущее, христианская религия процветает снова в Азии, империи и торговли Востока и Запада, разделено между королем Франции и дом в Австрии и Испании, мир, оказываемых мирных, и регулироваться эти два завоевания державы!

После того, как Лейбниц оценил преимущества предложенного им масштабного предприятия, он не пренебрег ни одним из средств, которые могли бы обеспечить успех или облегчить его выполнение. Именно в этой части своих воспоминаний он продемонстрировал все превосходство своего гения; и когда мы читаем отчет о последней войне французов в Египте, мы не можем не быть убеждены, что Бонапарт был хорошо знаком с планом кампании, адресованным Лейбницем Людовику XIV. Но, безусловно, это гигантское предприятие, результат которого, вероятно, был бы скорее блестящим, чем основательным или долговечным, меньше подходило монарху, руководствующемуся в своей политике чувствами подлинного величия, чем современному герою, всегда влюбленному в авантурную и романтическую славу. Тем не менее идеи Лейбница, хотя и не были благосклонно восприняты версальским кабинетом министров, не преминули произвести живое впечатление на государственных деятелей семнадцатого века. Известно также, что король Франции уже серьезно подумывал о войне против турок; и у нас есть основания полагать, что Буало имел в виду все эти проекты отдаленных завоеваний, когда он говорил в своем послании королю:

Je t'attends dans six mois aux bords de l'Hellespont.[90]

Ни красноречие, ни даже лесть авторов не могли заставить принцев взяться за оружие против неверных; и крестоносцы закончили тем же, чем и начали, паломничеством. Среди знаменитых паломников, отправившихся на Восток после священных войн, одним из самых замечательных был Игнатий Лойола. Он дважды посетил святые места и, подобно святому Иерониму, закончил бы свои дни в Палестине, если бы латинские священники не посоветовали ему вернуться в Европу, где он основал орден иезуитов. Как это было до крестовых походов, принцы смешались с толпой христиан, направлявшихся в Святую Землю. Фридрих III, прежде чем взойти на императорский трон, совершил паломничество в святой город. У нас до сих пор сохранился отчет о путешествиях, которые последовательно совершили в Палестину князь Радзивиллов, герцог Баварский, герцог австрийский и три курфюрста Саксонии, среди которых был тот, кто был защитником Лютера.

Паломников с Запада больше не принимали в Иерусалиме, как в прежние времена, рыцари Святого Иоанна, а латинские отцы ордена Святого Франциска Ассизского, посвятившие себя охране гроба Господня. Сохраняя гостеприимные нравы древних времен, отец-хранитель сам омывал ноги путешественникам, и оказывал им необходимую помощь в их паломничестве. Паломники сели на борт в Венеции, где суда всегда были готовы доставить их к берегам Сирии. Люди могли получить все преимущества, связанные с паломничеством в Святую Землю, не покидая своих домов; либо нанимая благочестивых людей, которых отправляли за моря, либо кенобитов, которые проживали на месте.

Большая часть монархов христианского мира, по примеру Карла Великого, считали, что их славе соответствует не только освобождение, но и защита города Иисуса Христа от бесчинств мусульман. Капитуляции Франциска I., возобновленные большинством его преемников, содержат[91] несколько условий, которые способствуют обеспечению мира для христиан при свободном исповедании их религии на Востоке. В царствование Генриха IV Дешей, посол

Франции в Константинополе, посетил верующих в Иерусалиме и передал им утешение в виде благотворительности, достойной королевской особы. Граф Нуантель, представлявший Людовика XIV. при дворе турецкого султана, также отправился в Святую Землю; и Иерусалим с триумфом принял посланника могущественного монарха, чье доверие и слава были использованы для защиты христиан за морями.

Большинство князей христианского мира каждый год отправляли свои подношения святому городу, и на торжественных церемониях в церкви Воскресения демонстрировались сокровища, пожертвованные королями Запада. Хранители святых мест, которые принимали паломников и заботились о них, не имели ничего на земле; но дары верующих были для них подобны манне пустыни, ежедневно посылаемой с небес. Благодаря своего рода чуду, постоянно обновляющемуся, святые памятники христианской религии, долгое время защищавшиеся армиями Запада, не имея больше никакой защиты, кроме религиозных воспоминаний, сохранились среди варварских сектантов исламизма: безопасность, которой пользовался город Иерусалим, заставляла меньше думать о его освобождении. То, что породило дух крестовых походов в XI веке, было, прежде всего, преследованиями, направленными против паломников, и состоянием нищеты, в котором существовали христиане Востока. Когда их перестали преследовать и им пришлось выносить меньше страданий, прискорбные рассказы больше не вызывали жалости и негодования у западных народов; и христианский мир удовлетворился обращением молитв к Богу о сохранении мира в местах, которые он освятил своими чудесами. Затем воцарился дух смирения^[92], который имел место из-за энтузиазма крестовых походов; города Давида и Годфри стали смешиваться в умах христиан с небесным Иерусалимом, и, как говорили священные ораторы, “необходимо было пройти через Небеса, чтобы прибыть в Святую Землю”, было бесполезно взывать к храбрости воинов, но к преданности богу. и милосердие верующих.

КНИГА XVIII.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ЕВРОПЫ, О РАЗЛИЧНЫХ КЛАССАХ ОБЩЕСТВА И О ПРОГРЕССЕ МОРЕПЛАВАНИЯ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ИСКУССТВ И ОБЩИХ ЗНАНИЙ ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ.

1571-1685гг. н. э.

Мы рассказали о происхождении, духе и характере крестовых походов; теперь наша задача показать их влияние на состояние общества. Прежде чем высказать наше мнение о результатах священных войн, нам показалось желательным в нескольких словах изложить нашим читателям суждения, которые выносили о них другие. В семнадцатом веке, столь изобиловавшем гениальными людьми, героической храбростью крестоносцев восхищались, их поражения

вызывали сожаление, и, не задаваясь вопросом о добре или зле, которое принесли эти далекие походы, уважались благочестивые мотивы, побудившие воинов Запада взяться за оружие. Восемнадцатый век, воспринявший все мнения Реформации и преувеличивший их, — восемнадцатый век не пощадил крестовых походов и не преминул обвинить в них невежество, варварство и фанатизм наших предков.^[93] Вольтер опубликовал "Историю крестовых походов" в 1753 году; выбранная им тема была в то время настолько низкопробной в общественном мнении, и он сам так много высмеивал описываемые им события, что его книга не вызвала любопытства и не нашла читателей. Ничто не может сравниться с жестокостью, с которой авторы *Энциклопедии* вскоре после этого превзошли даже язвительность Вольтера. Такая оценка крестовых походов стала настолько распространенной, что панегиристы Людовика Святого позволили вовлечь себя в нее, и некоторые из них в своих выступлениях едва ли были склонны прощать благочестивого монарха за его подвиги и несчастья в Египте и перед Тунисом.

Однако философия, проникнутая духом исследования и анализа, прослеживала события до их причин, изучала их следствия и, считая истину единственным объектом, достойным исследования, пренебрегала декламацией и презирала сатиру. Рассудительный Робертсон в своем введении к истории Карла V. высказал свое мнение, что крестовые походы способствовали распространению свободы и развитию человеческого разума. Лестило ли это восприятие некоторым мнениям того времени, или же оно оказывало на публику естественное влияние истины, но оно нашло достаточное количество сторонников; и с тех пор экспедиции крестоносцев на Восток стали оцениваться с меньшей строгостью.

Несколько лет назад Институт Франции предложил вопрос, с помощью которого они предложили ученым указать на все преимущества, которые общество извлекло из крестовых походов; и если мы можем судить по памятникам, получившим приз в этом ученом состязании,^[94] священные войны принесли больше пользы потомкам, чем они принесли бедствий поколениям, их современникам. Таким образом, мнения о крестовых походах менялись несколько раз менее чем за два столетия; отличный урок для тех, кто с такой уверенностью говорит о революциях, начало которых мы видели, но конца которым мы не увидим; когда так трудно судить о революциях, совершившихся давным-давно и результаты которых у нас перед глазами!

Возможно, мы достигли благоприятного момента для того, чтобы с некоторой долей истины оценить влияние крестовых походов и мнения тех, кто размышлял о них до нас: мы можем сказать, что революции нынешнего века являются для нас факелом, освещающим историю прошлых времен; нынешнему поколению не хватало ни одного урока, преподанного великими политическими потрясениями, и по этой причине, без сомнения, наш век когда-нибудь заслужит звание века просвещения.

Мы можем с уверенностью сказать, что то, чего не хватало крестовым походам, чтобы найти более снисходительных судей, было успехом; давайте предположим на мгновение, что крестовые походы увенчались успехом, как и надеялись те, кто их предпринял, и давайте посмотрим, каковы были бы в этом случае их результаты. Египет, Сирия и Греция стали бы христианскими колониями; народы Востока и Запада вместе продолжали бы великое шествие цивилизации; языки франков проникли бы в самые отдаленные уголки Азии; берберийское побережье, ныне населенное пиратами, восприняло бы мораль и законы Европы; а внутренняя часть Африки не была бы долгое время землей, недоступной для торговых отношений и

исследований ученых людей и путешественников. Чтобы судить, какие выгоды получили бы народы при тех же законах и той же религии от этого союза, нам достаточно вспомнить состояние римского мира при преемниках Августа, образующих, так сказать, один народ, живущих по тем же законам, говорящих на том же языке. Все моря были свободны, и самые отдаленные провинции сообщались друг с другом легкими и удобными путями; города обменивались предметами своего искусства и промышленности, климаты - различными производствами, народы - знаниями. Если бы крестовые походы подчинили Восток христианству, справедливо полагать, что это грандиозное зрелище, которое человечество лицезрело лишь однажды, повторилось бы в наше время, и мнения о преимуществах священных войн теперь не разделились бы. К сожалению, крестоносцы не смогли расширить или сохранить свои завоевания. Таким образом, результаты крестовых походов труднее уловить, и приписываемое им добро не поражает умы всех с одинаковой силой.

Среди результатов крестовых походов беспристрастная история не может обойти стороной то зло, которое они причинили человечеству; но это зло ощущалось в само время священных войн; и достоверной картины того периода было вполне достаточно, чтобы познакомить нас с ними. Что касается добра, принесенного крестовыми походами, то оно было подобно зародышу, который долгое время остается скрытым в земле и развивается медленно. После рассказа о каждом крестовом походе наши читатели, вероятно, помнят, что в кратком изложении мы указали на его непосредственные результаты. Теперь мы охватим все эпохи восточных походов общим обзором. Когда эпохи, к которым относились события, о которых мы говорили, станут более известными, дух этих событий и их последствия будут лучше поняты и о них лучше судят: мы собираемся показать общества такими, какими они были в средние века, и прогресс, которого они достигли на пути к цивилизации; оставляя просвещенным читателям заботу о том, чтобы оценить то, что относится к крестовым походам.

В первую очередь мы рассмотрим состояние различных европейских держав и начнем с Франции.

Когда мы вспоминаем состояние слабости и упадка, в котором застало французскую монархию начало XII века, мы поражаемся степени процветания и великолепия, которых она достигла в последующие века. Искусные переговоры, успешные войны, полезные союзы, упадок феодальной системы и постепенное предоставление избирательных прав простому населению благоприятствовали династии Капетингов в расширении их государств и повышении их авторитета. Несколько столетий ушло на завершение этого великого дела судьбы и политики; и чем медленнее совершалась эта революция, тем прочнее оказывались ее последствия. Единый план поведения, которому следуют все принцы одной семьи, и успех, которого он добился в процветании и приумножении королевства, а также славы и независимости нации, в наши дни заслуживают всего внимания истории. Французы не могут не испытывать одновременно благодарности и восхищения, когда они размышляют о том, что объединение стольких богатых провинций — эта французская монархия, которая росла из века в век и которая в конце концов распространилась от Рейна до Пиренеев; что эта прекрасная Франция, одним словом, такой, какой мы ее видим, - это дело рук августейшей семьи, которая управляет ею в наши дни.^[95]

Политика наших королей, без сомнения, была поддержана великими событиями крестовых походов; было естественно, что нация, принявшая наибольшее участие в этих событиях, больше

других выиграла от этого, увеличив свою мощь и улучшив свое социальное положение. Слава, которую французское оружие приобрело за морями, придала монархии новый блеск; королевская власть в равной степени выиграла от подвигов и поражений многочисленных воинов, которых священные войны привлекли в Азию; отсутствие, смерть или разорение крупных вассалов позволили королевской власти подняться из недр феодальной анархии и установить порядок в королевстве.

Более чем за столетие до первого крестового похода бароны и прелаты перестали собираться на общие собрания, чтобы регулировать формы отправления правосудия и поддерживать акты королевской власти своим политическим влиянием. Во время второго крестового похода состоялось несколько собраний великих людей королевства, на которых обсуждались приготовления к экспедиции и меры по поддержанию общественного порядка и исполнению законов во время отсутствия Людовика VII. В этих собраниях, которые были очень многочисленны, французы могли проследить хотя бы отдаленный образ тех собраний, которые были столь знамениты при первых расах, на которых короли и их подданные вместе обсуждали средства обеспечения независимости нации и безопасности трона.

Таким образом, крестовые походы помогли королям Франции восстановить свою законодательную власть, а наиболее просвещенной части нации - вернуть те древние prerogatives, которыми они пользовались при детях Хлодвига и Карла Великого.

Следует помнить, что после восшествия на престол Гуго Капета крупные вассалы не только больше не собирались вокруг своего принца, но и полностью отделили свое дело от дела короны; некоторые даже едва признавали короля Франции и, прикрывая свое сопротивление благочестивым предлогом, в своих публичных актах указывали год правления Иисуса Христа вместо года правления короля. Это противостояние, длившееся более столетия, наконец уступило место другим чувствам, когда они увидели французских монархов во главе тех экспедиций, которые привлекли внимание всего христианского мира и в которых, казалось, было заинтересовано дело самого Иисуса Христа, а также всех христианских народов. Чтобы ясно понять, чем короли Франции были обязаны священным войнам и что, в частности, они приобрели, приняв в них участие, было бы достаточно сравнить Филиппа I., меланхолично запертого в своем дворце во время Клермонского собора, отлученного Урбаном, осужденного епископами и покинутого своей знатью, с Филиппом Августом, сначала победившим Саладина в Сирии, а затем одержавшим победу при Бовине над врагами своего королевства; или с Людовиком IX, окруженным в своих неудачах верной армией. дворянство, всегда уважаемое духовенством и народом, почитаемое как самая твердая опора Церкви и провозглашенное своим ровесником арбитром Европы.

Далее мы будем говорить об изменениях, которые произошли тогда в различных классах общества; здесь мы ограничимся тем, что скажем, что крестовые походы были сигналом к установлению нового порядка вещей во Франции, и что этот новый порядок вещей заложил прочные основы во время священных войн.

Если королевская власть во Франции была слаба в период первого крестового похода, то в Англии она была сильной; королевская власть и феодализм угнетали Англию всей тяжестью завоеваний Вильгельма; но власть, основанная на победе и поддерживаемая насилием, на раннем этапе породила в умах людей чувство противостояния, которому было суждено развиваться временем и обстоятельствами. Военный деспотизм был способен заставить

замолчать мнения; но он не полностью изменил нравы англичан и не уничтожил их привязанности к старым обычаям. Страсти, подавленные мечом, в конце концов вспыхнули с еще большей силой.

Всесильная монархия проявляла тенденцию к упадку, и в Англии наблюдалось обратное тому, что наблюдалось во Франции. Свобода продвигалась вперед за счет королевской власти. В наши планы не входит подробно объяснять причины этой революции. Несколько английских монархов позволили увлечь себя неблагоразумной и страстной политикой, которая толкнула их на пагубные выходки; их эксцессы, их насилие, и особенно преступления Джона Лакленда, оттолкнули умы их подданных и объединили всю нацию в едином чувстве сопротивления абсолютной власти. Другой, не менее примечательной причиной упадка, на которую история не обратила достаточного внимания, было честолюбие английских принцев, вдохновившее их на бессмысленный проект завоевания французского королевства. Разорительные войны, которые они вели с врагом, которого не могли покорить, отдали их на усмотрение баронов и английского народа, которые предоставляли им субсидии и сражались под их знаменами.

Крестовые походы оказали, возможно, меньшее влияние на цивилизацию Англии, чем на цивилизацию ряда других государств Европы. Однако они могли бы согласиться со многими обстоятельствами того периода в осуществлении изменений, которые претерпела английская монархия.

Ричард Львиный кер больше стремился приобрести славу великого полководца, чем репутацию великого короля; ратная слава заставила его забыть о заботах о своем королевстве. Следует помнить, что перед своим отъездом он продал обязанности, прерогативы и владения короны; он продал бы, как он сам сказал, Лондонский сити, если бы мог найти покупателя; его неудачи и плен разорили его народ, а его долгое отсутствие поддерживало дух раздора среди его знати, и особенно в его собственной семье.

Английские бароны несколько раз порывались отправиться на Восток против воли короля; и мысль о противостоянии монарху, которого они не любили, часто усиливала их нетерпение отправиться в Палестину. Короли также воспользовались мнением своего времени и отправились в крестовые походы с единственной целью получения субсидий, которые они использовали в других предприятиях. Эти средства, слишком часто применявшиеся, вызывали презрение к политике князей и только усиливали общественное недоверие.

Но то, что завершило ниспровержение основ абсолютной монархии в Англии, было насильственными действиями пап против английских королей; действиями, которым благоприятствовал дух религиозных войн. В союзе баронов против Генриха III мятежники носили крест, как и в заморских войнах, а священники обещали пальму мученичества тем, кто умрет за дело свободы. Одним очень любопытным обстоятельством является то, что главой лиги, созданной за независимость английской нации, был французский джентльмен, сын столь известного графа де Монфора[96] в крестовом походе против альбигойцев.

Но длительные усилия Англии по обретению свободы заслуживают тем большего внимания истории, что они, в конце концов, привели к положительному и долговременному результату. Так много других наций, после долгой борьбы, иногда против вседозволенности, иногда против тирании, столкнулись только с нищетой, позором и рабством. Если английская революция произвела в конце концов благотворные последствия, то это произошло потому, что в ней

объединились все классы общества; потому что она была совершена в интересах всех, в соответствии с характером и нравами нации и в соответствии с духом христианства, которое тогда господствовало над всем, что должно было продолжаться среди людей. Единодушие мнений и чувств, соответствие нравов и законов, политики и религии заложили с того времени тот общественный дух, образцом которого Англия до сих пор предлагает нам; и этот общественный дух стал в конце концов самой твердой опорой и самой надежной гарантией свободы.

В то время как Англия отвоевывала свободу у своих королей, а Франция требовала вернуть ей королевскую власть, Германия представляла собой другое зрелище; германская империя, которая демонстрировала большое величие вплоть до XI века, быстро пришла в упадок во время крестовых походов.

Императоры, чтобы противостоять крупным вассалам, предоставили ряд преимуществ духовенству и даровали привилегии городам. Духовенство использовало эти преимущества в пользу пап, которые нападали на императорскую власть; города извлекали выгоду из уступок, которые были сделаны для обретения независимости. Все усилия императоров оказались неспособными помешать тому, чтобы корона оставалась выборной, в то время как крупные феодалы стали наследственными. Таким образом, избрание глав империи зависело от принцев и знати, которых они сами освободили от всякой зависимости. В соперничестве претендентов на трон, в соперничестве, которое почти всегда решалось удачей, интригами или победой, легко можно предположить, что честолюбие часто оказывалось более успешным, чем умеренность и добродетель. Среди принцев, взошедших на императорский трон, многие были людьми с выдающимся характером; но их деятельный и неугомонный гений привел их к авантурным и гигантским предприятиям, которые истощили их силы и ускорили упадок империи.

Воспоминания о древнем Риме и могуществе цезарей всегда были в их воображении. Одной из величайших ошибок их политики было обращение их взглядов в сторону Италии; по пути туда они встретили пап, которые объявили им войну на уничтожение; две семьи императоров пали под громами Рима; они так и не смогли править Италией, и пока они истощали себя в тщетных попытках установить там свое господство, они довершили потерю своего влияния в Германии.

Утешительным замечанием для человечества является то, что большинство завоевателей средневековья ослабили себя своими начинаниями, а сама победа привела лишь к крушению их могущества. Короли Франции того периода проявляли, возможно, меньше таланта и гениальности, чем императоры Германии; но их политика была мудрее и удачливее; они ограничились завоеванием собственного королевства; их завоевания имели тенденцию лишь к объединению разрозненных членов большой семьи; и их авторитет становился более популярным пропорционально тому, что их рассматривали как естественную связь между французами всех провинций.

Слава, которую императоры Германии приобрели своими завоеваниями, была всего лишь личной славой и несколько не интересовала немецкий народ. Это проявление их могущества не имело ничего общего с нациями, во главе которых они стояли. Как только эта власть перестала быть узами или опорой для людей, они отделились от нее, и каждый стремился к своей безопасности или возвышению собственными силами.

Из этого возникло положение вещей, которое было, возможно, более роковым для Германии, чем абсолютная власть императоров; на руинах имперского величия возникло множество государств, противостоявших друг другу разнообразием законов и духом соперничества. Все те церковные и светские княжества, в которых преобладал дух монархии; те города, в которых бродил дух свободы; то дворянство, воодушевленное претензиями аристократии, никак не могли иметь одинаковых интересов или проводить одинаковую политику, направляя свои усилия к одной общей и спасительной цели.

Папы, ослабив власть императоров, пожелали избавиться от сломанного скипетра Карла Великого и раздавали его всем, кто казался способным содействовать их плану мести. Затем появилась толпа принцев, претендующих на империю, которую таким образом поддерживали папы, и чем больше их было, тем быстрее империя приходила в упадок. Среди гражданских раздоров Германия окончательно утратила свое политическое единство и, наконец, религиозное единство.

Чтобы судить, до какой степени было трудно привести в движение ту огромную массу, которая называлась Германским союзом, необходимо лишь рассмотреть в истории четырнадцатого и пятнадцатого веков те многочисленные сеймы, которые собирались для обсуждения войны с турками, в которых даже присутствие неминуемой опасности никогда не было способно принять ни одного энергичного решения ради безопасности Германии.

Папы иногда пользовались предлогом крестовых походов, чтобы отдалить императоров и подтолкнуть их к пагубным экспедициям; таким образом, энтузиазм по поводу священных войн, имевший тенденцию к установлению союза между христианскими народами, не имел силы объединить членов немецкой нации и служил лишь для поддержания смуты и беспорядка в недрах империи. Мы должны, однако, повторить здесь то, что было прочитано в этой истории; именно под покровительством и влиянием римского двора, когда он был серьезно занят крестовым походом, возникла семья Рудольфа Габсбургского, семья, могущество которой вернуло империи часть ее бывшего величия и спасло Европу от вторжения турок.

Мы также должны добавить, что в период крестовых походов Германия увеличила свои территории и численность населения. Экспедиции против неверных Востока породили идею нападения на язычников и идолопоклонников, чьи орды населяли берега Вислы и Балтики. Эти расы, будучи покорены крестоносцами, вошли в состав христианской республики и стали частью Германской конфедерации. При виде креста из недр лесов и пустынь возникли такие города, как Данциг, Торн, Эльбинг, Кенигсберг и другие. Финляндия, Литва, Померания и Силезия стали процветающими провинциями; возникли новые нации, образовались новые государства, и, в довершение всех этих чудес, герб крестоносцев отметил место, где должна была появиться монархия, которой не существовало в средние века, но которая в нынешнюю эпоху внезапно заняла свое место в ряду великих держав Европы. В конце XIII века провинции, из которых происходит прусская монархия, и ее название, и ее происхождение, были отделены от христианского мира идолопоклонством и дикими нравами; завоевание и цивилизация этих провинций были делом священных войн.

Если из Германии мы перейдем в Италию, то там встретимся с другими формами правления и другими революциями.

Когда рухнули последние опоры Римской империи, Италия была покрыта руинами. Гунны, франки, вандалы, готы, германцы и лангобарды по очереди несли в этой прекрасной стране бич своего господства, и все они оставили после себя следы своих нравов, своего законодательства и своего характера.

В десятом веке, когда константинопольские императоры были не в состоянии больше удерживать Италию, возникли другие державы, одни в результате завоеваний, другие благодаря счастливой случайности, а третьи в силу обстоятельств, которые история с большим трудом может указать. Влияние пап иногда защищало независимость Италии от вторжений и ига германских императоров; но борьба была такой долгой, а война между двумя державами сопровождалась таким количеством превратностей, что это только увековечивало смуту и раздоры; в течение нескольких столетий гвельфы и Гибеллины опустошали Италию, не защищая ее.

В каждой стране Европы тогда существовала сила, или, скорее, преобладающий авторитет, который был объединяющим пунктом, или центром, вокруг которого формировалось общество и объединяло свои силы для защиты своего политического существования.

В Италии, в отличие от Франции и других стран, не было этого драгоценного средства сохранения. Ничто так не доказывает распад, в который была ввергнута эта богатая страна, как способ, с помощью которого она пыталась установить свою независимость в средние века. Это разделение на множество штатов, это дробление территории, это многочисленное население, разделенное на тысячи фракций, - все это свидетельствовало об отсутствии какой-либо связи, какого-либо общего центра. Италия состояла из множества наций; у каждой из двадцати республик были свои законы, свои интересы и своя история. Эти непрекращающиеся войны между гражданами одних и тех же городов; эта вражда между республиками; эта необходимость жителей привлекать чужаков в своих внутренних распрях; это недоверие, которое сильнее действовало на горожан, чем на авантюристов, получавших жалованье, имело тенденцию стирать истинное чувство патриотизма и в конце концов привело к забвению даже имени итальянской нации.

Феодальная система была упразднена в Италии раньше, чем где бы то ни было; но вместе с феодализмом ушли древняя честь храбрых рыцарей и рыцарские добродетели. В республиках, защищаемых наемниками, храбрость и все сопутствующие ей благородные чувства перестали цениться. Неистовые страсти больше не сдерживались ни законами, ни мнениями людей; именно в этот несчастливый период проявились те проявления ненависти и мести, которые кажутся нам столь невероятными в наших трагедиях; никакое зрелище не может быть более удручающим, чем Италия четырнадцатого века; и мы можем с уверенностью сказать, что Данте стоило только оглянуться вокруг, чтобы найти модель для своего Ада.

Общество, всегда готовое расколоться на части, казалось, не имело другого мотива, кроме ярости партий, не имело другого принципа жизни, кроме раздора и гражданской войны; не было другой гарантии против вседозволенности, кроме тирании; или против тирании, кроме отчаяния фракций и кинжала заговорщиков. Поскольку сила большинства маленьких государств, покрывавших Италию, редко соответствовала их честолюбию, а как князьям и гражданам, по той же причине, по какой они были слабы, требовались и умеренность, и мужество, они искали своего возвышения или своей безопасности всеми средствами, которые могли предложить вероломство. Заговоры, политические уловки, отвратительные преступления

- все казалось им правильным; все казалось доступным, что могло поддержать их ссоры и удовлетворить их честолюбие или ревность. В конце концов, всякая мораль исчезла; и именно тогда сформировалась школа политики, о которой можно прочитать в уроках, или, скорее, в сатире, книги Макиавеля.

Говорят, что итальянцы были первыми, кто сформировал представление о том, что публицисты называют балансом сил. Мы не думаем, что Италия заслуживает такой славы; то, что понимается под балансом сил, не является изобретением: это не что иное, как естественный ресурс слабости, которая ищет поддержки. Если мы проследим за развитием событий, то обнаружим, что эта система, которой так долго хвалились, стала роковой для Италии, вызвав туда завоевателей, которые сделали ее, вплоть до наших дней, театром самых кровопролитных войн.

В период крестовых походов города Ломбардия и республики Генуя, Пиза и Венеция достигли большого процветания; и то, что обеспечило им это процветание, было торговлей с Востоком, которую Италия вела до крестовых походов и упорно продолжала, используя все преимущества, полученные от морских походов.

Но эти республики, которые боролись за господство на море и занимали лишь небольшой уголок суши в Средиземном море, — которые постоянно обращали свои взоры на Сирию, Египет и Грецию, — которые предоставляли чужеземцам заботу о защите своих территорий и вооружали своих граждан только для защиты своей торговли, — эти торговые республики были гораздо более рассчитаны на обогащение Италии, чем на поддержание чувства истинной независимости среди итальянских народов.

Однако мы не можем удержаться от восхищения венецианской республикой, могущество которой повсюду предшествовало оружию крестоносцев и на которую народы средневековья смотрели как на королеву Востока. Упадок этой великой республики начался не ранее того периода, когда прогресс мореплавания, которому она так много способствовала, наконец открыл путь в Индию и привел к открытию нового света. Большинство других республик Италии не отличались ни таким великолепием, ни такой продолжительностью существования; многие из них — особенно те, в которых преобладала демократия, — исчезли в конце крестовых походов, в хаосе и суматохе раздоров и гражданских войн. На их место пришли герцоги и принцы, которые заменили народные страсти политическими интригами и иногда ставили своей целью способствовать возрождению искусств и литературы, истинной славы Италии.

Неаполитанское и Сицилийское королевства, расположенные на окраине Италии, были для крестоносцев дорогой в Грецию и на Восток. Богатства этой страны, у которой, казалось, никогда не было защитников, — территории, которую ее жители никогда не были в состоянии защитить, — должно быть, часто вызывали алчность и честолюбие принцев и даже рыцарей, отправлявшихся искать счастья в Азию. История этой прекрасной страны на протяжении двух столетий переплетается со священными войнами, крестовые походы часто служат предлогом или возможностью для ее завоевания. Войны, начатые в пользу Неаполитанского королевства, — те войны, которые привели к большему количеству чудовищных преступлений, чем славных подвигов, к большему количеству восстаний, чем сражений, довершили разложение

неаполитанского характера, в котором всегда отмечалась, с одной стороны, склонность сбросить ярмо нынешнего господства, а с другой - крайняя покорность игу победы.

Рассматривая таким образом основные государства Европы, мы особенно поражаемся огромному разнообразию, существующему в нравах, учреждениях и судьбах наций. Как возможно следовать за ходом цивилизации среди стольких республик и монахий, одни из которых пышно расцветают в недрах варварства, другие погружаются в руины? И как можно указать на влияние крестовых походов через столько революций, которые часто имеют одни и те же причины, но последствия которых настолько различны, а иногда и настолько противоположны? Испания, на которую мы сейчас собираемся обратить наше внимание, представит нам другие картины и должна предоставить новые темы для размышлений.

В ходе крестовых походов мы видим, что Испания была занята в своих собственных границах защитой от тех же сарацин, с которыми другие народы Европы сражались на Востоке; на севере полуострова сохранились некоторые христианские государства, которые стали грозными при Санчо Великом, короле Кастилии и Арагона. Доблесть кастильцев, подкреплённая примером Сиды и влиянием рыцарских манер, а также поддержанная воинами из всех провинций Франции, взяла Толедо ещё до конца XI века. Но завоевания испанцев впоследствии не соответствовали блеску их ранних триумфов; по мере того, как они отвоевывали провинции у мавров, они превращали их в отдельные королевства; и испанская держава, разделённая таким образом, стала в некотором роде ослабевать из-за своих собственных побед.

Вторжение мавров в Испанию имело некоторое сходство с вторжением франков в Азию. Именно религия Магомета воодушевила сарацинских воинов на битву, подобно тому как христианская религия воспламенила рвение и пыл воинов креста. Африка и Азия часто откликались на призыв мусульманских колоний в Испании, как Европа откликнулась на тревожные крики христианских колоний в Сирии. Энтузиазм породил с обеих сторон чудеса героизма и долгое время удерживал удачу между двумя враждебными нациями и двумя враждебными религиями.

Дух независимости естественным образом вырос среди испанцев во время войны, в которой государство нуждалось во всех своих гражданах и в которой каждый гражданин, таким образом, приобрёл большую степень значимости. Не без основания было замечено, что народ, совершивший великие дела, что целый народ призван к защите своей страны, испытывает преувеличенное чувство своих прав, проявляет себя более требовательным, иногда более несправедливым по отношению к тем, кто правит, и часто испытывает искушение применить против своих суверенов силу, которую он использовал против своих врагов. Таким образом, мы можем видеть в испанских летописях, что знать и народ были более беспокойными, чем в других странах, и что монархия там поначалу была более ограниченной, чем среди других наций Европы.

Учреждение кортесов, предоставление избирательных прав палате общин и множество привилегий, предоставленных городам, очень рано обозначили среди испанцев упадок феодальной системы и абсолютную власть монархов. Если мы можем судить по публичным законодательным актам, мы могли бы поверить, что испанский народ пользовался свободой раньше всех других народов Европы. Но в трудные времена мы должны быть осторожны, оценивая свободу нации по тому, что говорится с политических трибун или в хартиях и институтах, поочередно добываемых насильем и разрушаемых властью, всегда находящейся

между двух скал — анархией и идеспотизмом. История Испании в этот период полна преступлений и чудовищных деяний, которые бросают тень как на правителей, так и на народ: это доказывает, по крайней мере, что мораль не соответствовала законам и что институты, созданные среди общественных разногласий, не смягчили национальный характер.

Среди революций, сотрясавших Испанию, политические страсти иногда заставляли забывать даже о господстве мавров. Когда в конце XIII века мусульмане, завоеванные Яковом Арагонским, покинули Балеарские острова и королевства Валенсия и Мурсия, испанцы внезапно приостановили продвижение своего оружия. В то время как на Востоке победоносные мамлюки удвоили свои усилия, чтобы полностью изгнать франков с побережья Сирии; на Западе мавры в течение двух столетий оставались во владении частью Испании, при этом испанцы ни разу всерьез не пытались завершить завоевание своей собственной страны. Знамя Магомета развевалось над городами Гранады вплоть до правления Фердинанда и Изабеллы. Только в этот период испанская монархия вышла всемогущей из хаоса революций и возродила в народе воинственный и религиозный энтузиазм, который завершил изгнание мавров. Тогда прекратилась борьба, длившаяся восемь столетий и в которой, по свидетельству испанских авторов, было разыграно три тысячи семьсот сражений. Столь многочисленные сражения, которые были не чем иным, как одним долгим крестовым походом, должно быть, были школой храбрости и героизма; таким образом, испанцы в шестнадцатом и семнадцатом веках считались самой храброй и воинственной нацией Европы. Философы пытались объяснить влиянием климата тот дух надменности и горделивости, тот серьезный и аскетичный характер, которые и по сей день отличают испанскую нацию. Нам кажется, что гораздо более естественное объяснение этого национального характера можно найти в войне, одновременно патриотической и религиозной, в которой участвовали двадцать поколений подряд, опасности которой, должно быть, внушали серьезные мысли, а также благородные чувства.

Отвращение к игу и религии мавров удвоило привязанность народа к своей религии и своим древним обычаям. Воспоминание об этой славной борьбе не переставало воодушевлять пыл и мужество испанцев в недавний период; — к счастью, для Испании было бы лучше, если бы в момент, о котором я говорю, она не забыла свои собственные примеры!

Ближе к концу войны с маврами Испания приняла инквизицию с большей теплотой, чем другие христианские нации. Я не буду пытаться опровергнуть упреки, которые современные философы адресовали ей; но мне кажется, что не были приняты во внимание мотивы, которые сделали бы более простительными в Испании, чем где бы то ни было, эти подозрения и эту темную ревность ко всему, что не было национальной религией. Как они могли забыть, что знамя иностранного культа так долго реяло над полуостровом и что на протяжении многих веков христианские воины сражались не только за веру своих отцов, но и за саму землю своей страны против неверных? По моему мнению, нельзя ли поверить, что среди испанцев религиозная нетерпимость или, скорее, ненависть ко всем иностранным религиям имела в себе нечто такое, что было не столько ревнивой набожностью, сколько горячим, неугомонным патриотизмом?

Испания не принимала участия в крестовых походах до тех пор, пока дух этих войн не начал угасать в остальной Европе. Мы должны, однако, отметить, что это королевство извлекло некоторые выгоды извосточных экспедиций. Почти во всех предприятиях христианского мира против мусульман Азии огромное количество крестоносцев останавливалось на побережье Испании для борьбы с маврами. На Западе было объявлено о многих крестовых походах против

неверных, которые были хозяевами полуострова. Знаменитая победа Толосы над маврами была плодом крестового похода, проповедуемого в Европе, и особенно во Франции, по приказу суверенного понтифика. Экспедиции за море были также выгодны испанцам, поскольку они удерживали в своей стране сарацин Египта и Сирии, которые могли присоединиться к сарацинам на побережье Африки. В этой истории было показано, что королевство Португалия было завоевано и основано крестоносцами. Крестовые походы дали представление о тех рыцарских орденах, которые, в подражание орденам Палестины, были созданы в Испании и без помощи которых испанская нация, возможно, не одержала бы победы над маврами.

Мы можем добавить, что Испания - это страна, в которой дольше всего сохранялась память о крестовых походах. В прошлом столетии булла под названием "*Крестовый поход*" ежегодно издавалась во всех провинциях. Эта торжественная публикация напомнила испанцам о победах, которых они некогда добились над мусульманами.

Мы показали состояние главных держав Европы во время крестовых походов; теперь нам остается поговорить о силе, которая господствовала над всеми остальными и которая была связующим звеном или центром для всех держав; мы имеем в виду власть глав Церкви.

Папы римские, как светская власть и как духовная, представляли собой разительный контраст в средние века. Как правители Рима, они почти не имели власти и часто были изгнаны из своих собственных государств: как главы христианского мира, они осуществляли абсолютную власть на окраинах мира, и их имя почиталось везде, где проповедовалось Евангелие.

Было сказано, что папы совершали крестовые походы; те, кто придерживается этого мнения, далеки от знакомства с общим движением, охватившим тогда христианский мир; никакая сила на земле не смогла бы произвести такую великую революцию; только Тот, чья воля порождает и рассеивает бури, мог сразу вселить в человеческие сердца тот энтузиазм, который заглушал все другие страсти и как бы невидимой силой влек за собой толпы. В первой книге этого тома мы показали, как постепенно развивался энтузиазм по поводу священных войн и как он вырвался наружу к концу одиннадцатого века без какого-либо другого влияния, кроме влияния господствующих идей: он увлек за собой все общество, и папы были уведены, как были уведены нации людей; одним из доказательств того, что суверенные понтифики не произвели эту экстраординарную революцию, является то, что они так и не смогли возродить дух крестовых походов, когда этот дух угас среди христианских народов.

Точно так же было сказано, что крестовые походы очень сильно укрепили авторитет пап; вскоре мы увидим, какая доля истины есть в этом утверждении. Среди причин, способствовавших росту папской власти, мы можем назвать вторжение северных варваров, которые свергли западную империю, и продвижение сарацин, которые не позволяли императорам Востока на досуге обратить свое внимание на Италию или даже сохранить какое-либо господство над этой страной. Таким образом, папы оказались освобожденными от двух держав, от которых они зависели, и остались во владении городом Римом, у которого, по-видимому, не было другого хозяина. Другие обстоятельства усилили с того времени авторитет преемников святого Петра. Как бы то ни было, всем известно, что эта власть уже достигла огромного прогресса перед крестовыми походами; главы самых могущественных монархов уже склонились перед громами Ватикана; и христианский мир, казалось, уже принял максимум Григория VII, что "папа, как наместник Иисуса Христа, должен быть выше любой человеческой власти".

Не подлежит сомнению, что религиозная война была рассчитана на то, чтобы способствовать укреплению папской власти. Но эта война сама по себе вызвала события и породила обстоятельства, которые были не столько средством усиления власти пап, сколько скалой, о которую эта власть была разбита. Но положительно то, что окончание крестовых походов сделало суверенных понтификов менее могущественными, чем они были в начале священных войн.

Давайте, прежде всего, скажем несколько слов о преимуществах, которые главы Церкви извлекли из походов против неверных. Когда поднимался вопрос о крестовом походе, всегда прибегали к верховным понтификам; священная война проповедовалась от их имени и велась под их покровительством. Воины, вступавшие под знамена креста, получали от папы привилегии, которые освобождали их от всякой другой зависимости, кроме зависимости от Церкви; папы были защитниками крестоносцев, опорой их семей, хранителями их имущества; именно папам крестоносцы подчинялись во всех своих разногласиях и доверяли все свои интересы.

Суверенные понтифики поначалу не осознавали преимуществ, которые они могли бы извлечь из крестовых походов. Во время первого крестового похода Урбан, у которого были враги, с которыми нужно было бороться, не подумал обратиться за помощью к воинам, которых он убедил принять крест; только во время второго крестового похода папы осознали, какое влияние должны дать им священные войны. В тот период король Франции и император Германии были в некотором роде наместниками Святого Престола; в третьем крестовом походе папа вынудил Генриха II. принять крест, чтобы искупить убийство Томаса Бекета. После смерти Генриха его сын Ричард отправился на Восток по сигналу верховного понтифика. В результате этого крестового похода, как мы уже рассказывали, в королевстве Англии произошли большие беспорядки; папы воспользовались ими, чтобы дать законы английскому народу, и через несколько лет после смерти Ричарда его брат и преемник признал себя вассалом римского двора.

Крестовые походы были для пап предлогом узурпировать во всех государствах Европы основные атрибуты суверенитета; во имя священной войны они получили право повсюду вводить как армии, так и повинности; легаты, которых они нанимали во всех странах христианского мира, осуществляли верховную власть от их имени; присутствие этих легатов внушало уважение и страх; их воля была законом. Вооруженные крестом, они командовали всем духовенством как хозяева; и поскольку духовенство среди всех христианских народов имело наибольшее влияние, империя пап больше не имела ни противодействия, ни ограничений.

Может показаться, что мы не забыли ни о каких преимуществах, которые главы Церкви нашли в крестовых походах: вот препятствия и скалы, с которыми они столкнулись при осуществлении своей власти.

Следует признать, что империя пап в Азии во время священных войн увеличилась лишь очень незначительно; раздоры, которые постоянно беспокоили христианские колонии на Востоке и в которые они были вынуждены вмешиваться, умножали их затруднения, но не увеличивали их могущества.

К их голосу не всегда прислушивалась толпа крестоносцев; иногда даже воины креста сопротивлялись воле и презирали советы понтификов. Легаты Святого Престола часто

находились в оппозиции к командованию армии, и их характер не всегда уважался в лагерях. Поскольку предполагалось, что папы должны были руководить крестовыми походами, они были в некотором роде ответственны за несчастья и беспорядки, которые они были не в силах предотвратить: эта моральная ответственность иногда подвергала их суровому осуждению и наносила ущерб их репутации мудрых и способных.

Злоупотребляя духом крестовых походов, папы были втянуты в войны, в которых их честолюбие часто интересовало больше религии; тогда они думали о своей светской власти, и это было их самым слабым местом; они никогда не были сильными, кроме тех случаев, когда зависели от более высокой поддержки; крестовые походы стали для них рычагом, которым они пользовались, чтобы возвыситься; но следует признать, что они слишком сильно зависели от него, и когда этот рычаг подвел их, их авторитет пошатнулся. Стремясь вернуть то, что они потеряли, папы предприняли в четырнадцатом и пятнадцатом веках невероятные усилия по возрождению духа крестовых походов; тогда вопрос заключался уже не в том, чтобы идти сражаться с сарацинами в Азии, а в том, чтобы защитить Европу от вторжения турок. Среди опасностей христианского мира поведение пап заслуживало величайших похвал, а проявленное ими рвение не было в достаточной степени оценено историками. Но время страстного увлечения крестовыми походами прошло. Успех, достигнутый суверенными понтификами, никогда не был соразмерен их усилиям, а бесполезность их попыток неизбежно ослабляла идею их господства и могущества.

Крестовый поход против альбигойцев принес им очень мало преимуществ; нетерпимость, породившая эту войну, проистекала из крестовых походов; инквизиция, возникшая в результате этого, пробудила больше страстей, чем подавила. С помощью инквизиции Церковь присвоила себе в этом мире юрисдикцию, которая слишком сильно отдавала предпочтение человечности; ее постановления пользовались гораздо большим уважением, когда относились к небесам или к будущей жизни.

Ничто не может сравниться с огромными поборами, которые были наложены на духовенство за ведение священных войн. Десятыне взымались не только за крестовые походы, но и за каждую попытку крестового похода; не только за экспедиции на Восток, но и за каждое предприятие против врагов римского двора. В конце концов их стали взимать под самыми надуманными предложениями; вся Европа обратилась к папам с горячими увещеваниями; сначала жаловались на строгость, с которой агенты собирали дань; а впоследствии их неверность в использовании сокровищ, вымогаемых у верующих, стала в равной степени предметом скандала. Ничто не могло быть более пагубным для папской власти, чем эти жалобы, которые раздавались со всех сторон и которые, в конце концов, послужили оружием для грозной ереси Лютера.

История пап в средние века дополняет доказательство того, что мы сказали. Их господство продолжало постоянно усиливаться в течение столетия вплоть до Иннокентия III.; после этого периода оно снижалось в течение еще одного столетия, вплоть до Бонифация VIII., после чего крестовые походы за моря закончились.

В последние дни публицисты много говорили о власти глав Церкви; но они судили скорее согласно системам, чем фактам, — больше в духе нашего времени, чем в духе средневековья. Гений суверенных понтификов высоко ценился, особенно для того, чтобы представить их амбиции в более выгодном свете. Но если бы папы действительно обладали приписываемыми им гением и честолюбием, мы должны полагать, что они были бы в основном заняты

расширением своих государств и повышением своего авторитета как суверенов. Тем не менее, им это не удалось, или же они никогда не пытались этого сделать. В самом деле, что могли сделать люди, которые в большинстве своем достигли дряхлого возраста? — что могли сделать принцы, которые просто передали трон, чтобы укрепить свою власть и обуздать страсти, присущие младенчеству и юности обществ? Среди толпы пап, сменявших друг друга, многие были наделены выдающимся гением, в то время как другие обладали лишь умеренными способностями; люди всех характеров и всех складов ума последовательно занимали кафедру Святого Петра; тем не менее, эти люди, столь разные по своим вкусам, страстям и талантам, все стремились к одному и тому же и все делали одно и то же; следовательно, у них было побуждение, которое было не в них самих, мотив которого следует искать в другом месте, а не в вульгарной политике монархов.

Это была бы любопытная история, которая проследила бы в одной и той же картине духовную империю и светскую империю пап. Кто бы не удивился, увидев в нем, с одной стороны, силу, которой ничто не может противостоять, которая движет самим миром, — всегда одну и ту же волю, которая передается от понтифика к понтифику, как залог или как священное наследие; с другой стороны, политику, слабую и изменчивую, как человек, — силу, которая едва может защититься от самого низкого из своих врагов и которую в каждый момент способно поколебать дыхание революций? При такой параллели воображение было бы ослеплено, если бы ему представили такую империю, какой никогда не видели на земле, и которая привела бы к убеждению, что папы не принадлежали к этому хрупкому и преходящему миру, — силе, которую ад не может свергнуть, — которую мир не может развратить, — которая без помощи какой-либо армии и простым господством нескольких слов быстрее подчиняет все и доказывает себя более грозной, чем древний Рим со всеми его победами. Какое более великолепное зрелище может представить нам история империй? Но, с другой стороны, кто бы не проникся жалостью, увидев правительство без энергии, администрацию без дальновидности, — этот народ, происходящий от *королевского народа*, возглавляемый ленивым, робким стариком, вечный город, превращающийся в руины и как бы скрытый под травой? Когда мы видим — так близко к силе, почти сверхъестественной — слабость, неуверенность, хрупкость, обычные для вещей на земле, и человечество со всеми его страданиями, почему нам не может быть позволено сравнить двойную власть пап с самим Иисусом Христом, наместниками и образами которого они были на земле, — с Иисусом Христом, чья двойная природа представляет нам, с одной стороны, Бога, сияющего великолепием, а с другой — простого смертного, обремененного крестом и увенчанного терниями?

Если основные черты этой картины не лишены правдивости, как мы можем верить в политику пап в том виде, в каком она нам представлена? — разве не естественнее думать, что суверенные понтифики во всем, что они делали великого, следовали духу христианства? В средние века, которые были периодом их могущества, ими гораздо больше руководил этот дух, чем они сами им руководили; позже, когда папы вынашивали проекты, подобные тем, которые приписываются их гению и честолюбию, их власть пришла в упадок. Нам достаточно сравнить Григория VII, отдавшего духу своего времени и поддерживавшего себя господством Церкви, с Юлием II, которого Вольтер называет великим князем и который применял только известные политические комбинации.

Папская власть была единственной, которая имела свои основания и уходила корнями во мнения и верования. Эта сила дала миру, или, скорее, мир попросил ее, законы, знания и поддержку. Папы были правы в известном сравнении двух великих светил. Авторитет глав Церкви был гораздо большим опережением цивилизации, чем авторитет князей. Для того чтобы мир мог стать цивилизованным, папам было важно обладать огромной властью; и потребность, которая ощущалась в их власти, способствовала ее развитию.

Пока миром управляли мнения и верования, а не гражданские законы и политические авторитеты, папы пользовались наибольшим влиянием; когда интересы и права государей и наций стали лучше регулироваться; когда мир перешел от власти мнений к власти законов; когда, одним словом, светская власть прочно утвердилась в Европе и возобладала над духовной частью общества, понтифики неизбежно утратили свое господство. Такова история происхождения, прогресса и упадка папской власти в предшествующие нам века.

То, что мы сказали о папах, ясно показывает, какое влияние Церковь оказывала на европейское общество в средние века; но грубые умы еще не были готовы воспринять все блага христианства. Союз варварства с суевериями тормозил прогресс истинного знания. Страсти и обычаи варваров все еще были переплетены с некоторыми благотворными установлениями.

Франки, германцы и готы, завладевая богатейшими странами Европы, использовали все права завоевателя, и эти права стали законами европейского общества. Мы можем составить представление о правительстве средневековья, представив себе победоносную армию, которая рассредоточивается по завоеванной стране, делит территорию и тех, кто ее населяет, и всегда готова выступить по сигналу своих офицеров и высшего полководца для борьбы с общим врагом и защиты своих владений.

Пока в этой военной колонии существовали дисциплина и субординация, общественный порядок не был полностью нарушен; и такой тип правления мог бы заменить более мудрые институты. Но как только отношения помощи и верности, повиновения и защиты ослабли, общество — или, скорее, феодальное правительство — перестало представлять собой что-либо иное, как армию, отдавшуюся на произвол судьбы, армию, офицеры и солдаты которой больше не признавали главу, больше не подчинялись руководству и сражались наугад под тысячью различных стандартов.

Вассалы зависели, в первую очередь, от князя, потому что они держали от него свои земли и должности. Эти земли и эти должности стали наследственными, их обладатели вскоре возжелали стать независимыми и присвоить себе привилегии, которые принадлежали только суверену; такие как чеканка денег, обладание юрисдикцией и ведение войны от своего имени. С того времени от субординации почти не осталось и следа.

Этот упадок общества, или, скорее, это разложение феодальной системы, относится к концу второй расы. Карл Великий в своих попытках восстановить империю Цезарей совершил насилие над общественным договором, и его экстраординарные усилия истощили королевскую власть. Лук, который он слишком сильно натянул, сломался в руках его преемников, и его империя распалась, когда ее больше не поддерживало господство великого характера. Карл Великий хотел освободиться от законов феодализма; при его слабых преемниках феодализм, в свою очередь, желал освободиться от короны. Величайшим злом феодальной системы было то,

что она уничтожила всю защитную власть, все опекающее законодательство, которое могло бы следить за порядком и безопасностью общества.

Монарх, лишенный всякой власти, не мог быть ни опорой невинности, ни мстителем за преступление, ни посредником в войне, ни третейским судьей в спорах, нарушающих мир. Суверенитет, осуществляемый каждым человеком, носившим меч, был распространен повсюду, и никто нигде не признавал его силы; таков был беспорядок и неразбериха среди тех, кто с мечом в руке боролся за крушение суверенной власти.

Нет ничего более прискорбного, чем эта картина; никому не известны эксцессы, сопровождавшие феодальную анархию. В наши планы не входит говорить об этом в какой-либо степени; задача, которую нам предстоит выполнить, менее болезненна: если мы обратим свой взор к старым временам, то только для того, чтобы обнаружить происхождение наших институтов; и среди революций варварской эпохи нам остается только сообщить, что они произвели полезного и долговечного. Прежде чем мы продолжим, и для того, чтобы смешать несколько утешительных идей с печальными и болезненными образами, мы покажем, наряду со злоупотреблениями феодализма, преимущества, которые современное общество получило от феодальной системы, и счастливые зародыши цивилизации, которые выросли из нее на благо последующих эпох.

Если феодальное правление сдерживало источники беспорядков, оно предотвращало их распространение до своего апогея и оставление зла без исправления. Если она поощряла анархию и гражданские войны, то она спасла Европу от ярости завоевателей и от ярости деспотизма. Вассалы не соглашались добровольно покинуть свои земли; они были лишь обязаны следовать за своим сувереном на войну в течение определенного времени. Это условие феодального договора, которое было распространено в Европе, было признано благоприятным для защиты территории и ставило препятствия на пути любого проекта вторжения. Силы, разбросанные по всем частям, служили для защиты каждой страны от внешнего врага и нигде не могли быть собраны для содействия планам амбициозного лидера.

В то время, когда страсти правили всем, а законы были ничем, когда никакие политические интересы не связывали людей вместе, что могло помешать принцу собрать армии и опустошить Европу? Что могло помешать завоевателю подчинить себе несколько королевств и подвергнуть народ всем проявлениям тирании, поддерживаемой только силой оружия? Тогда именно духу сопротивления феодальной знати европейское общество было обязано среди варварства тем преимуществом, что не стало добычей восточного деспотизма, и безопасностью от захватнических войн.

У феодализма были права и привилегии, которые нужно было защищать; защита этих прав и привилегий естественным образом привела к идеям независимости, и эти идеи независимости в конце концов распространились по всем классам общества. Не следует забывать, что английские бароны установили свободу в своей стране, одновременно защищая привилегии и права феодального договора.

Взаимность послушания и защиты, услуг и обязанностей поддерживала некоторые благородные чувства. Из феодальных отношений родился тот дух преданности и уважения к суверену, который не является ни слепым подчинением раба, ни разумным подчинением республиканца. Это чувство, которое вплоть до нового времени считалось консервативным

принципом общества в монархиях, стало особенно отличительной чертой французского дворянства.

История крестовых походов представляет нам несколько примеров такой преданности баронов и рыцарей своему монарху. Когда короли Франции, принявшие крест, подвергались каким-либо опасностям на Востоке, каких доказательств уважения и любви они не получали от доблестных рыцарей, сопровождавших их? Какое зрелище может быть более трогательным, чем плененная армия в Египте, забывающая о своем собственном пленении, чтобы оплакать Людовика IX! Кто не тронут, видя на африканском побережье французских воинов, пораженных злом, но не находящих в своих страданиях ничего, кроме слез о смерти короля Франции?

Эти узы верности, возникшие из феодальных отношений, были настолько сильны в умах людей, что проповедники крестовых походов иногда ссылались на них в своих увещеваниях. Они проповедовали обязанности феодализма одновременно с заповедями Евангелия и, чтобы побудить христианских воинов принять крест, называли их “вассалами Иисуса Христа”.

Мы должны вернуться ко временам феодального правления, чтобы обнаружить во всей их чистоте ту восприимчивость к вопросам чести, ту нерушимую верность слову, которые тогда обеспечивали отсутствие законов и которые в цивилизованных обществах часто делают людей лучше самих законов. Все наши представления о военной славе, то безграничное уважение, которое мы оказываем храбрости, то глубокое презрение, с которым среди нас относятся ко лжи или уголовному преступлению, восходят к этому отдаленному периоду. Феодализм был настолько тесно связан с духом и характером наций, что в современных обществах нет институтов, которые не имели бы с ним какого-либо отношения; и мы повсюду видим его следы в наших привычках, наших манерах и даже в нашей речи.

Позвольте мне добавить сюда одно-единственное наблюдение. Напрасно мы словами протестуем против нашего происхождения; нам постоянно напоминают о нем наши вкусы, наши чувства, а иногда и наши удовольствия. В самом деле, если, с одной стороны, наш разум, сформированный в школе новых идей, не находит в средневековье ничего, что не вызывало бы отвращения, почему, с другой стороны, наше воображение, движимое зрелищем щедрых страстей, с удовольствием представляет себе старые времена и общается с доблестными рыцарями и паладинами? В то время как суровая философия безмерно обвиняет варварские обычаи феодализма и готические манеры наших предков, как получилось, что воспоминания, которые оставили нам эти манеры и эти обычаи, все еще вдохновляют наших поэтов картинами, которые кажутся нам такими очаровательными? Почему эти воспоминания возрождаются каждый день с одинаковым успехом в наших стихах, в наших романах и на нашей сцене? Верно ли будет сказать, что в нашем воображении больше патриотизма, чем в нашем разуме, поскольку первое заставило бы нас забыть историю нашей страны, а другое постоянно напоминает нам о ней?

Крестовые походы помогли уничтожить злоупотребления феодальной системы; они послужили сохранению всего, что эта система внушала благородным чувствам, и в то же время способствовали развитию того, что в ней было благоприятного для цивилизации. Мы закончим наш очерк нравов феодализма и благотворных последствий крестовых походов описанием революции, которая в то время затронула различные классы общества. Дворянство привлечет наше внимание в первую очередь.

Дворяне есть в каждом народе, где память о предках чего-либо стоит. Не может быть никаких сомнений в том, что благородство было распространено среди франков и других варварских народов, вторгшихся в Европу. Но с какой точки зрения рассматривалось это благородство до одиннадцатого и двенадцатого веков? Как это было изначально составлено? Как передавалась иллюстрация? В нашем распоряжении очень мало памятников, помогающих решить эти вопросы; и когда мы досконально изучим историю средних веков, нам не останется ничего лучшего, как подражать специалистам по генеалогии, которые, затрудняясь объяснить происхождение самых древних родов, довольствуются тем, что относят это к ночному времени прошлого.

Когда мы размышляем о скорости, с которой сменяются поколения, и о том, как трудно даже в цивилизованные времена большинству семей разобраться в своей собственной истории в течение одного столетия, можем ли мы удивляться тому, что во времена невежества и варварства было так мало средств сохранить память о самых прославленных семьях? В дополнение к почти полному отсутствию письменных документов, идея истинного величия, идея того, что составляет героический пример, еще не настолько сильно поразила умы людей, чтобы заставить их надолго запомнить это.^[97] В те варварские времена мужчины и даже принцы чаще всего отличались только своими физическими качествами или телесными дефектами. Чтобы убедиться в этой истине, нам достаточно взглянуть на список королей средневековья, в котором мы находим имена Пепина ле Брефа (Пепин Короткий), Шарля ле Шова (Шарль Лысый), Вильгельма ле Ру (Вильгельм Руфус, или Рыжий), Луи ле Гро (Людовик Толстый), Фредерика Барбероса (Фредерик Барбаросса, или Рыжебородый) и многих других, чей возраст определялся только тем, что бросалось в глаза и было очевидно для самого грубого восприятия. Мало что может быть более любопытным для наблюдателя, чем видеть, как старые хроники знакомят нас с персонажами, о деяниях которых они рассказывают. Они никогда не опускают на своих картинах ни цвета волос, ни роста, ни облика принцев и героев; и их исторические портреты (можно мне будет привести сравнение?) имеют гораздо меньше сходства с историческим отрывком, чем с теми описаниями, которые в наши дни пишутся в паспортах путешественников.

Если, как сказал один писатель, целостный человек еще не был понят, нельзя сказать, что добродетель не была известна, как в любой другой период; но идея добродетели была тогда утрачена идеей долга, и с единственным чувством долга, которое было всего лишь голосом совести или скромным инстинктом привычки, они и не мечтали жить в памяти людей.^[98] Стремление проиллюстрировать название присуще зарождающейся цивилизации. Когда цивилизация излучала свои первые лучи, моральные представления о величии были связаны с именами древних родов; и можно с уверенностью сказать, что благородство не было по-настоящему учреждено до того, как начали ощущать ценность славы. Но что совершенно несомненно, так это то, что во время крестовых походов дворянство приобрело такое возвышение, каким оно никогда прежде не пользовалось. Подвиги знати во имя христианства сильно отличались от тех войн замка против замка, которыми они занимались в Европе. Дворянство того времени вошло в историю, и мнение всего мира о его доблести стало его самым высоким титулом.

Если мы обратимся к наиболее достоверным фактам и наиболее вероятным мнениям, у нас есть основания полагать, что различия дворянства первоначально основывались на высоких должностях, но главным образом на собственности. Именно за землю или поместье в

феодалной системе приносилась клятва верности или оммаж, и требовалась защита суверена. Для человека, который не был собственником, не существовало ни контракта, ни привилегий; ему нечего было ни давать, ни получать; во времена Жуанвиля дворян называли *богачами*. Во Франции крупный собственник по праву считался благородным; если он разорялся или его разоряли, его потомки снова сливались с толпой: так установились обычаи варварской эпохи. Странно, что бывают моменты, когда крайняя цивилизация может вернуть нацию к тому же состоянию, что и крайнее варварство. Когда политические иллюзии будут рассеяны и не останется ничего, кроме простой субстанции общества, это все еще собственность, это сословие, которое установит превосходство и обозначит ранги. Земли больше не будут поставлять солдат, но они будут платить налоги за их содержание; они больше не будут обязаны выполнять обязанность феодальной помощи; но они по-прежнему будут обязаны суверену поддерживать свое влияние в обмен на защиту, которую они получают от суверенной власти.

Если в средние века аристократия основывалась на земле, общество извлекало большую выгоду из этого обстоятельства; ибо территориальная собственность, которая не меняется, которая всегда одна и та же, сохраняет институты и нравы народа лучше, чем промышленная собственность, которая чаще всего принадлежит одной стране не больше, чем другой, и которая по этой причине несет в себе зародыши коррупции. Если именно по этой причине некогда дворянство деградировало, предаваясь спекуляциям в сфере торговли и промышленности, то следует согласиться с тем, что установленный таким образом обычай имел по крайней мере респектабельную цель и проистекал из благотворного принципа.^[99]

Территориальная собственность имела тогда такое влияние на социальное государство, что вполне достаточно быть знакомым с изменениями, которые оно претерпело, чтобы судить об изменениях, которым подверглось общество. “Как только будет обнаружено состояние собственности определенного периода, ” говорит Робертсон, - мы сможем с точностью определить, какой в то же время степенью власти тогда обладали король или знать”. Во время крестовых походов церковные и гражданские законы разрешали знати отчуждать свои владения. Многие из них воспользовались этой роковой привилегией и без колебаний продали свои земли, что привело к потере собственности, а следовательно, и власти. Таким образом, дворянство потеряло свою власть, а корона обрела то, чего лишилась аристократия.

Крестовые походы, однако, принесли неплохие плоды знати; джентльмены приобрели княжества на Востоке; большинство городов Греции и Сирии превратились во множество сеньорий, которые признавали себя господами графов и баронов, вступивших под знамена священных войн; некоторые, еще более удачливые, взошли на трон Давида или Константина и заняли место среди величайших монархов христианского мира.

Военные ордена также предоставляли дворянству компенсацию за потери, понесенные им в разорительных войнах. Эти ордена обладали огромными владениями как на Западе, так и на Востоке; они были для европейской знати убежищем в мирное время и школой героизма на войне.

Именно в этот период было введено использование фамилий, и были приняты гербы. Каждый джентльмен прибавлял к своему имени название своего поместья или титул лорда, которым он владел; он помещал в свой герб знак, отличавший его семью и свидетельствовавший о его знатности; генеалогия стала наукой и своими исследованиями освятила иллюстрацию рас. Какую бы ценность ни придавали этой науке в наши дни, следует признать, что она часто

проливала яркий свет на историю прославленных семей, а иногда и на общую историю страны, к которой принадлежали эти семьи.

Все приводит нас к мысли, что происхождение фамилий,^[100] но более конкретно гербов, связано с крестоносцами. Господь не нуждался в знаке отличия, когда он не покидал своего собственного поместья; но он осознал необходимость выделяться среди других, когда оказался вдали от дома и смешался с толпой крестоносцев: огромное количество семей разорилось или вымерло в священных войнах. Разорившиеся люди сильнее привязывались к воспоминаниям о своей знати, единственном богатстве, которое у них осталось; после исчезновения семей ощущалась необходимость их замены; именно при Филиппе ле Арди была введена практика создания дворян.^[101] Как только появились новые дворяне, стало важнее считаться древними. Собственности оказалось недостаточно для сохранения и передачи имени, которое само по себе стало собственностью, освященной историей и признанной обществом. Именно тогда дворянство придавало большее значение знакам отличия.

В конце феодального правления дворянство, правда, все еще составляло в значительной степени силу армии; но оно служило государству в новом качестве; оно больше соответствовало духу рыцарства, чем духу феодализма. Джентльмен больше не отдавал дань уважения своему государю за его поместье, но он поклялся на своем мече быть ему верным.

Как только в феодальных услугах перестали нуждаться, дворянство возросло в рвении к личному служению. Короли горячо приветствовали их, когда они перестали быть грозными; таким образом, они вернули себе в пользу дворов значительную часть преимуществ, которые они утратили. Поскольку они все еще занимали первое место в обществе и сохраняли большое влияние над другими классами, они продолжали своим примером оттачивать дух и нравы нации; и именно благодаря их средствам сформировались те элегантные манеры, которые так долго отличали французов среди всех наций Европы.

Однако трудно с точностью сказать, что приобрела знать, а что потеряла в результате произошедших изменений. В их существовании, несомненно, было что-то более блестящее, но и что-то менее основательное. Почетные прерогативы, которые они сохранили, не придав им никакой реальной силы, вооружили против них больше ревнивых страстей, чем территориальная власть; ибо можно заметить, что себялюбие человека переносит богатство и власть в других с большим изяществом, чем оно переносит различия.

Мы должны также добавить, что по мере развития общества появлялись новые средства иллюстрации, новые виды известности; моральная сила мнения, которая раньше была присуща исключительно знати, постепенно передавалась тем, кто своими талантами, знаниями или трудолюбием способствовал процветанию общества.

Мы увидели блестящую сторону феодализма; теперь мы должны поговорить о состоянии, в котором стонали жители городов и страны. Большинство деревень и городов зависели от какого-нибудь барона, покровительство которого они приобретали и который осуществлял над ними произвольную юрисдикцию. У человека, обращенного в рабство, или, скорее, в рабство, не было закона, который защищал бы его от угнетения; продукт труда, плата за его пот ему не

принадлежали; он сам был собственностью, на которую можно было претендовать где угодно, если бы он бежал из своего дома. Прикованный к глебу, он, должно быть, часто завидовал животному, которое помогало ему прокладывать борозду, или скакуну, благородному спутнику своего хозяина. У крепостного не было другой надежды, кроме той, которую давала ему религия, и он не оставил своим детям ничего, кроме примера своего терпения в страданиях. Он не мог ни заключить контракт при жизни, ни составить завещание в час смерти. Его последняя воля не была признана законом; она умерла вместе с ним. Чтобы оправдать варварство этого грубого века, мы должны вспомнить еще более ужасную судьбу рабов у греков и римлян. Нам нет необходимости указывать на препятствия, которые такое положение вещей, должно быть, создавало для развития промышленности и социальных способностей человека. Таким образом, страна была покрыта лесами, а большинство городов не представляли собой ничего, кроме нищеты.

Города Ломбардии и большей части Италии были первыми местами, сбросившими ярмо феодализма. Императоры Германии, как мы видели, почти всегда были в ссоре с папами. Города воспользовались этими распрями, чтобы присвоить себе права, которые никто не оспаривал. Другие покупали их у императоров, которые считали, что заключили выгодную сделку, когда продали то, от чего у них не было сил отказаться. К середине XI века духовенство и знать уже не имели большего влияния в городах Италии. Согласно свидетельству Оттона Фрайзенгенского, современного автора, Италия была полна свободных городов, все из которых обязывали своих епископов проживать в их стенах; едва ли найдется дворянин, который не подчинялся бы законам и правительству города. В Германии города получили свободу в более поздний период. Эти немцы, которые, согласно Тациту, считали проживание в городах признаком рабства, в конце концов не только построили города, но и искали в них свободы. Города на Рейне, по-видимому, были освобождены императорами в одиннадцатом веке. Но большинство этих городов были бедными, в них было мало жителей, и они не могли защитить себя от немецкой олигархии. В начале четырнадцатого века несколько вольных городов, обогатившихся за счет торговли с Востоком и коммуникаций, открытых крестовыми походами, образовали конфедерацию и тем самым обеспечили уважение своей независимости.

В Англии дух свободы не расцвел до священных войн; города, за исключением Лондона, получившего некоторые привилегии, едва ли мечтали о независимости; бритты, как и во времена Вергилия, казались все еще отделенными от остального мира. Можно сказать, что свобода в английской нации была делом не локальным, а общим, которое должно было решиться позже.

В Испании война с маврами, как мы уже говорили, способствовала независимости общин. Мы располагаем историческими документами одиннадцатого века, которые доказывают, что в тот период несколько испанских городов пользовались определенными иммунитетами. Но первый из этих городов, созданных в Кортесы, движимый духом ревности, отказался принять остальные, что нанесло большой ущерб развитию свободы в Испании.

Архивы коммун на юге Франции знакомят нас с некоторыми следами свободы задолго до периода крестовых походов. Влияние прекрасного климата, живость, одушевлявшая жителей, и некоторые традиции римского права сохранили в провинциях, граничащих с Испанией и Италией, привычки к независимости, которые могли бы служить образцами. Когда короли

Франции подумали о предоставлении избирательных прав некоторым коммуна, они, должно быть, позаимствовали эту идею с юга королевства.

Однако эти гражданские права южных городов были скорее закреплены обычаям, чем позитивными законами. Согласно лучшим мнениям, формальное и юридическое предоставление избирательных прав коммуна во Франции восходит к Луи-ле-Гро, который предоставил привилегии некоторым городам, расположенным во владениях короны. Примеру Луи-ле-Гро последовал Людовик VII. и Филипп Август. Огромное количество городов видели, что все виды рабства исключены из их стен, выбирали своих собственных магистратов, взимали свои собственные налоги, содержали военную силу и имели полностью свою собственную юрисдикцию. Таков был первый удар, нанесенный во Франции феодальному правительству.

До этого периода было принято просить помощи у баронов против насилия и грабежа. Эта поддержка была прекращена, как только возникла другая власть-покровитель. Крепостные и даже свободные люди, которые сначала искали безопасности в замках, вскоре стали искать ее в городах, против своих бывших защитников, кастелянов; первыми обязательствами жителей городов были взаимная оборона и покровительство.

Свобода городов зародилась благодаря корпорациям; люди могли быть сильными только объединившись. Эта необходимость объединения в моменты кризиса или опасности настолько естественна, что, когда общество встревожено, образуются фракции и партии, подобные корпорациям. Дух государственного органа, или дух партии, каким бы образом его ни рассматривать, по существу связан с социальным характером. Свобода в гораздо большей степени рассматривалась по отношению к сообществу, чем по отношению к отдельному человеку; она считалась благом, которым можно было пользоваться только сообща. Таким образом, не общество оказалось подчиненным индивиду, а индивид - обществу. Изолированный человек ничего не мог сделать; сила заключалась в ассоциации, которая эффективно защищала права всех и следила за сохранением индивидуальной и общественной свободы.

Когда города, расположенные в пределах королевских владений, получили свои привилегии, дух независимости вскоре овладел другими городами королевства. Коммуны, которым удалось добиться своего избирательного права, не все получили одинаковые преимущества; обстоятельства в большей или меньшей степени благоприятствовали им. Здесь свобода была куплена у господина; там иго было сброшено силой; в других местах были заключены договоры, в которых дух свободы и феодальная власть шли на взаимные уступки.

Во время крестовых походов долгое отсутствие баронов, должно быть, увеличило для коммун возможности получения избирательных прав. Большинство лордов, разорившихся в священных войнах, обменяли на деньги, в которых они нуждались, все свои права на города, которые зависели от них, — права, которые они уступали тем охотнее, что надеялись завоевать княжества в Азии.

Это предоставление избирательных прав коммуна произвело совершенно иной эффект для крупных вассалов и короны. Это ослабило власть лордов, потому что дух свободы был направлен против них; это усилило королевскую власть, потому что города, которые были свободны или хотели быть таковыми, обращались к королю. Города, когда их независимость была под угрозой, умоляли короля о защите. В старых хрониках мы находим, что Филипп Август

выдал охранные грамоты городам, зависящим от баронов. Таким образом, короли стали надеждой всех общин королевства, а свобода поддерживалась королевской властью. Вот почему города Франции, чтобы защитить свои привилегии, не создавали лиг, как это было в других странах; ибо они находили естественную защиту в королевской власти.

Революция, которой было суждено уничтожить феодализм, действовала, казалось, сама по себе. Во владении новоприобретенным благом есть беспокойство, тревога, боязнь потерять его, которая всегда держала коммуны на чеку; напротив, во владении приобретенным издревле благом есть праздная уверенность, которая не позволяла баронам видеть истинное положение вещей. Лорды выступали против новых идей лишь с близоруким презрением и верили, что они ничего не теряют, пока держат свои мечи наготове.

Однако, если судить по жалобам Гиберта, аббата Ножана, современного историка, предоставление избирательных прав коммунаам встретило некоторое противодействие. Не было недостатка в кислых духах, которые считали это опасным и разрушительным нововведением. Но мы можем полагать, что эти жалобы были вызваны только тем естественным отвращением, которое испытывает большая часть людей при виде каких-либо изменений, освященных временем, и тем смутным недоверием, которое порождает новизна, в какой бы форме она ни проявлялась. Правда в том, что никто не знал и, возможно, не мог судить о масштабах изменений, которые тогда происходили. Революции, каковы бы ни были их цель или характер, никогда до конца не изучаются до тех пор, пока они не завершат свой путь, и никогда не раскрывают свою тайну в самом начале.

Спустя столетие после Луи-ле-Гро, Людовик VIII. претендовал на право немедленного суверенитета над всеми коммунами. Это был сигнал для всех городов завершить свое освобождение от баронов; это был смертельный удар по феодальной аристократии. Эта великая революция социального государства происходила так быстро, что история с трудом может проследить за ее ходом и не может определить ту роль, которую сыграли в ней крестовые походы.

Счастливым было бы общество, если бы тот дух свободы, который тогда привел его в движение и который продвигался безостановочно, сея на своем пути блага и зло, не породил ничего, кроме мудрых учреждений; если бы, всегда ограниченный справедливыми рамками, он не разжигал часто кровавых раздоров и в конце концов не смешался со слепыми страстями толпы! Какой картиной была бы та, которая должна была бы показать последствия этой революции вплоть до наших дней, которая должна была бы представлять монархию, поднимающуюся из руин феодализма, а затем саму погибающую в результате новой революции! Какой предмет для серьезных размышлений у историка, когда, окидывая быстрым взглядом древние и современные времена, он видит две наиболее активные силы общества, переживающие возрождение цивилизации, — королевскую власть и свободу, постоянно идущие друг другу навстречу, требующие друг от друга взаимной поддержки, разрушающие все разделявшие их барьеры, уничтожающие все, что попадалось им на пути; наконец, после нескольких веков усилий, они встречаются лицом к лицу на руинах, скопившихся вокруг них, с первого взгляда принимая друг друга за врагов, объявляя друг другу войну и вместе падая на одном поле битвы!^[102]

Не дай Бог, чтобы кто-нибудь подумал, что я представляю здесь обескураживающие образы! Я только хотел показать хрупкость человеческих дел и недостаток дальновидности у тех, кто

руководит обществами. Революция, которую мы наблюдали, является, возможно, делом не столько свободы, сколько равенства, которое впервые проявляется в политическом мире.

Это равенство, каким его представляют современные люди, едва ли было известно в древних республиках, в языке которых не было слова для его выражения. Первой книгой, в которой говорилось о равенстве, было Евангелие. Христианство постоянно представляет всех людей равными перед Богом. Целью Евангелия было унизить гордыню великих, что было благотворно. Я не знаю, какая ложная философия использовала равенство, чтобы поднять гордыню низших; и тогда общество было потрясено до самых своих основ.

Великую революцию, произведенную в нравах и законах Европы и начавшуюся во времена крестовых походов, можно разделить на две основные эпохи. Сначала было желательно вырвать у феодалов власть, которой они злоупотребляли: это была первая эпоха, это была революция свободы. Когда у феодалов не осталось ничего, кроме различий, эти различия раздражали гордыню и ревность, которые, в конце концов, убедили себя, что всякое политическое превосходство - это тирания, которую необходимо низвергнуть. Это была вторая эпоха — революция равенства; гораздо более ужасная, чем первая, потому что она имела в качестве мотива страсти, удовлетворить которые было гораздо труднее, чем любовь к свободе.

Но крестьяне и крепостные страны, в то время как города наслаждались свободой, все еще стонали в рабстве. Вплоть до четырнадцатого века этот многочисленный класс не находил облегчения в тяготах своего рабства. Величайшим преимуществом, которое крестовые походы могли дать крестьянам, было временное прекращение разбоя и мир, воцарившийся в стране на все время ведения войн с сарацинами.

Вполне вероятно, что согласно законодательству и обычаям Запада, с крепостными в Европе обращались не лучше, чем в Святой Земле, согласно *судебным заседаниям Иерусалима*. Нет сомнений, что крестьяне, взятые из глеба для крестового похода, стали свободными людьми; но большинство из них погибло от нищеты или от мечей мусульман. Что стало с теми немногими, кто вернулся в свои дома, установить невозможно.

Население, рассеянное по стране, не представляло, как в городах, грозной массы, способной к сопротивлению. Крестьяне редко общались друг с другом и не могли поддержать какое-либо требование или установить какое-либо общее право. Человеку требуется некоторый интеллект, чтобы осознать преимущества свободы, а крестьянский класс тогда был подавлен невежеством. Мы также должны добавить, что любовь к независимости пришла вместе с богатством; и вот почему она возникла раньше в городах, чем в сельской местности, и раньше в процветающих городах, чем в более бедных. Крепостные в стране были бедны; они не знали бы, как использовать свободу. Свобода не имеет большой ценности для того, кто испытывает недостаток в самом необходимом для жизни. Среди воинственных и варварских орд, питавших отвращение к труду, было естественно презирать тех, кто предавался мучительному труду возделывания земли. Это отвращение неизбежно было более сильным среди кочевых народов, подобных тем, что завоевали Европу. Презрение, испытываемое в средние века к крестьянству, было пагубным для их свободы; и это презрение пережило даже их рабство. Люди чувствовали себя в некотором роде вынужденными обращаться как с рабами с людьми, которые выполняли работу, которая считалась необходимой, но которой пренебрегал каждый свободный человек.

Житель страны, предоставленный собственным ресурсам, не стремился к независимости; единственное благо, на которое он мог претендовать, - это выбор рабства. Поскольку Церковь внушала больше доверия, чем знать, толпа несчастных нашла убежище у подножия алтарей и посвятила свою свободу и свободу своих детей той церкви или тому монастырю, у которых они искали защиты. Нет ничего более любопытного, чем формулы, с помощью которых духовенство приняло эту жертву личной свободы. Они поздравляли новых крепостных с тем, что они предпочли “господство Иисуса Христа свободе века”; они добавляли, что “служить Богу - значит царствовать” и что “святое рабство - это истинная независимость”. Эти слова, должно быть, соответствовали нравам и идеям того времени, поскольку каждый день можно было видеть множество мужчин и женщин, стекавшихся в монастыри и умолявших Церковь принять их в число “рабов Иисуса Христа”. То, что они считали себя, по этой причине, гораздо более свободными, чем другие люди, мы можем в наши дни удивляться; но разве не было своего рода свободы в ношении цепей, которые они выбрали и которыми они сами себя сковали?

Некоторые вольные города Германии внесли свой вклад в предоставление избирательных прав крестьянам на своей территории. То же самое произошло в Италии и Испании, где территория городов была значительной; в Англии крестьянство долгое время ждало какого-либо улучшения своей участи. Но нет ничего труднее, чем с уверенностью установить судьбу, которой на протяжении многих веков подвергалось это множество людей, населявших равнины Европы; во тьме средневековья бесчисленные поколения крепостных прошли по земле, не оставив никаких следов в истории. Мы с трудом можем уловить в старых хрониках и административных актах кое-где несколько рассеянных проблесков, проливающих свет на наши исследования.

Во Франции только в начале четырнадцатого века можно найти какие-либо королевские указы о предоставлении гражданских прав крепостным. В указе 1315 года Людовик X использовал эти замечательные слова: “Многие люди среди нашего простого народа закованы в узы рабства, что нам очень не нравится.... Наше королевство, ” добавил он, - называется королевством франков; мы желаем, чтобы оно действительно соответствовало своему названию” и т. Д. В этом указе, изданном только для королевских владений, король Франции призвал дворян последовать его примеру. “Мы располагаем письмом-патентом того же короля, согласно которому комиссарам предписывалось отправляться в бейливик Санлис и “предоставлять свободу всем, кто в этом нуждается”, при условии, тем не менее, уплаты определенной суммы за права рабства, которые возвращались к короне.

Все исторические документы этого периода все больше и больше доказывают, что короли ставили себя во главе общего общественного движения. Во всем, что они тогда делали, их мотивом, несомненно, было восстановление порядка в королевстве и опора их власти на защиту, предоставленную тем, кто пострадал от насилия и эксцессов феодальной анархии. Однако, если судить по только что процитированному постановлению и многим другим подобным, их политика не всегда была бескорыстной, и, подобно большинству баронов, они иногда продавали, а не предоставляли свободу крепостным и общинам.

Многие крестьяне проявили себя весьма неохотно к получению свободы, которая должна была быть им продана. Одни из-за бедности, другие из-за недоверия, многие из-за нежелания изменить свое положение отказались от предложенного им блага. Таков дух людей, что они решили оставаться крепостными, потому что были обречены больше таковыми не быть. В нескольких провинциях их сопротивление вызвало даже беспорядки. Это были рабы,

сражающиеся в своих цепях против самой Свободы. В более поздний период *жакерия* доказала, что легче разжечь страсти грубых людей, чем сделать их свободными; и что, по мнению крепостных, от нетерпения под ярмом и ненависти к своим хозяевам до истинной любви к свободе было далеко.

Когда мы желаем разорвать цепи толпы, мы никогда не должны обращаться к толпе; чтобы улучшить судьбу низших классов, улучшение должно исходить от высших классов, которыми распространяются знания и создаются институты. Именно это и произошло в тот период, о котором мы говорим. Порабощение страны было во многом смягчено принципами духовенства, но еще больше под влиянием французской магистратуры, возникшей одновременно с цивилизацией.

В середине пятнадцатого века некоторые крепостные Каталонии, нашедшие убежище во Франции, были востребованы своими лордами, и парламент Тулузы объявил, что каждый человек, вступающий в королевство, плачет *Франция!* стал свободным. Мезераи,^[103] который рассказывает об этом факте, добавляет: “Таково королевство Франция, что его воздух несет свободу тем, кто им дышит, а наши короли настолько величественны, что правят только свободными людьми”.

В начале шестнадцатого века ни в городах, ни в сельской местности почти не было следов рабства. История могла бы только приветствовать эту революцию, если бы даже падение феодализма, уничтожив древние злоупотребления, не поставило правительства в противоречие с трудностями, которые не были предвидены и последствиям которых суждено было быть плачевными. Когда феодальное правительство, которое ничего не стоило народу,^[104] было полностью свергнуто, стало необходимо покрывать расходы новой администрации; когда государство потеряло защитников, которых ему предоставляли феодальные законы, следовало искать других и оплачивать их услуги. Отсюда возникла необходимость в наемных армиях и регулярных и постоянных налогах. Чтобы обеспечить желаемые деньги, чеканка монет была обесценена, евреев преследовали, прибегали к насилию и продавали правосудие — все это имело тенденцию коррумпировать как правительство, так и нацию. Проблемы с финансами и беспорядки, которые они вызвали, только усилились вплоть до сегодняшнего дня. Чтобы исправить это, моральной силой и жизнью общества часто пренебрегали, и средства сбора денег составляли всю политику государств. Иметь кредит или не иметь его, то есть в наши дни это вопрос жизни и смерти для правительств. *Кредит, дефицит, банкротство* — вот три слова, о которых древние и средние века ничего не знали, но которые сейчас постоянно присутствуют в беспокойных умах королей и министров. Возможно, когда-нибудь этих трех слов будет достаточно, чтобы объяснить упадок империй.

Каким бы ни был вес общественных сборов, следует признать, что налоги привели к более частым отношениям между правительствами и народом, что оказалось выгодным для свободы. Люди уделяли больше внимания управлению, за которое они платили плодами своего трудолюбия. Монархи больше заботились о различных классах граждан, с которых они требовали дань, и были вынуждены консультироваться с ними при определенных обстоятельствах, чтобы у народа, говорит Паскье, не было повода для недовольства или ропота. Происхождение представительного правления в том виде, в каком оно существует во многих европейских странах в наши дни, искали в отдаленные времена; но все приводит нас к мысли, что оно обязано своим рождением отношениям, которые потребности государств и

необходимость налогов естественным образом установили между народами и правительствами.

То, что больше всего усилило затруднения большинства европейских монархий после падения феодализма, было чрезмерным расширением их военных учреждений. В тот момент, когда я пишу, нет необходимости указывать на эту страшную скалу современных обществ. Не прошло и столетия с тех пор, как Монтескье предсказал, что Европа погибнет от рук своих армий.^[105] Дай Бог, чтобы это пророчество не сбылось! Военная мощь Европы дала нам повод опасаться всего того зла, которое она должна была предотвратить. Это было сделано для того, чтобы защитить каждое королевство от иностранных вторжений; и все же в Европе нет ни одного королевства, которое не подвергалось бы вторжению или угрозе вторжения. Было сочтено необходимым сдерживать толпу с помощью армий; и армии были увеличены до такого количества людей, что они превратились в саму вооруженную толпу. Может ли быть правдой, как было сказано, что от этого зла нет лекарства? Плачевное положение вещей, без которого общество не может существовать!

Крестовые походы упрекали в том, что они породили идею поборов; эта идея слишком проста, чтобы не возникнуть без помощи крестовых походов.^[106] Вероятно, что способ, которым десятки доли собирались для священной войны, мог бы послужить образцом для тех, кто впоследствии установил регулярные взносы. Что касается регулярных армий, то экспедиции на Восток могли бы дать первое представление о них. Несомненно, что эти дальние походы изменили условия феодальной службы и приучили людей видеть постоянные армии, которые содержали князья и которыми командовали ими.

Среди институтов, которые боролись с варварством средневековья, мы, в первую очередь, рассмотрим рыцарство, подвиги которого известны гораздо лучше, чем его происхождение. В то время, когда все решалось силой и все решалось мечом, — в котором, как говорит Монтескье, судить означало сражаться, — женщины, дети и сироты не могли защитить свои права и были брошены на произвол судьбы. Великодушные воины выступили вперед, чтобы защитить их; их преданности аплодировали, их примеру последовали. Вскоре был сформирован орден палатинов, которые бродили по миру, ища зло, которое можно было бы исправить, и преступников, с которыми можно было бы сразиться. Таково, несомненно, было происхождение рыцарства, которое так бесполезно ищет в лесах Германии. Этот институт возник из крайнего беспорядка в обществе и был подобен бастиону, который человеческое великодушие противопоставляло проявлениям распущенности и страстям варварской эпохи.

Рыцарство было известно на Западе еще до крестовых походов. Эти войны, которые, по—видимому, преследовали ту же цель, что и рыцарство, — защиту угнетенных, служение делу Божьему и борьбу с неверными, — придали этому институту больше блеска и последовательности, а направлению — более широкое и благотворное.

Религия, которая смешалась со всеми учреждениями и страстями средневековья, очистила чувства рыцарей и возвысила их до энтузиазма добродетели. Христианство одолжило рыцарству свои церемонии и эмблемы и смягчило мягкостью своих принципов суровость воинственных нравов.

Благочестие, храбрость и скромность были отличительными качествами рыцарства: “Служите Богу, и он поможет вам; будьте мягки и обходительны с каждым джентльменом, избавившись от

всякой гордыни; не будьте ни льстецом, ни клеветником, ибо такие люди редко достигают большого совершенства. Будь верен в словах и делах; держи свое слово; помогай бедным и сиротам, и Бог вознаградит тебя”.^[107] Так сказала мать Баярда своему сыну; и эти наставления добродетельной матери составляли весь рыцарский кодекс.

Самой замечательной частью этого института было полное самоотречение — та преданность, которая делала долгом каждого рыцаря забывать о своей собственной славе и публиковать только высокие подвиги своих товарищей по оружию. Доблестные поступки рыцаря были его состоянием, средством к существованию; *и тот, кто молчал о них, был грабителем чужого имущества*. Не было ничего более предосудительного, чем для рыцаря восхвалять самого себя. “Если оруженосец, ” гласит le Code des Preux, “ тщеславен и гордится тем, что он сделал, он недостоин стать рыцарем”. Историк крестовых походов предлагает нам исключительный пример этой добродетели, которая не является полностью смирением и может быть названа ложной скромностью славы, когда он описывает Танкреда, остановившего свою карьеру на поле битвы, чтобы заставить своего оруженосца поклясться вечно хранить молчание о его подвигах.

Самым жестоким оскорблением, которое можно было нанести рыцарю, было обвинить его во лжи. Отсутствие правды и лжесвидетельство считались самыми постыдными из всех преступлений. Если угнетенная невинность молила о помощи рыцаря, горе тому, кто не откликнулся на этот призыв! Стыд следовал за каждым оскорблением слабого и за каждой агрессией по отношению к безоружному человеку.

Дух рыцарства поддерживал и укреплял среди воинов благородные чувства, порожденные военным духом феодализма: преданность своему суверену была первой добродетелью или, скорее, первым долгом рыцаря. Таким образом, в каждом государстве Европы выросла молодая военная держава, всегда готовая к битве и всегда готовая пожертвовать собой за государя или за страну, как за дело справедливости и невинности.

Одной из самых замечательных черт рыцарства, которая в наши дни сильнее всего возбуждает наше удивление и любопытство, был союз религиозных чувств с галантностью. *Преданность и любовь*, — таков был принцип действия рыцаря; *Бог и дамы*, — таково было его устройство.

Чтобы составить представление о рыцарских нравах, нам достаточно взглянуть на турниры, которые были обязаны им своим происхождением и которые были школами вежливости и празднествами храбрости. В этот период знать была рассеяна и жила изолированно в своих замках. Турниры давали им возможность собираться вместе; и именно на этих блестящих собраниях возрождались память о древних доблестных рыцарях, молодежь брала их за образец и впитывала рыцарские добродетели, получая награды из рук красавицы.

Поскольку дамы были судьями действий и храбрости рыцарей, они обладали абсолютной властью над умами воинов; и у меня нет повода говорить, что это господство слабого пола придавало очарование героизму *пре и паладинов*. Европа начала избавляться от варварства с того момента, как самый слабый подчинил себе самого сильного, — с того момента, когда любовь к славе, когда благороднейшие чувства сердца, нежнейшие привязанности души, все, что составляет моральную силу общества, смогло восторжествовать над любой другой силой.

Людовик IX, пленник в Египте, отвечает сарацинам, что он ничего не предпримет без королевы Маргариты, “которая является его дамой”. Жители Востока не могли понять такого почтения; и

именно потому, что они не понимали этого почтения, они остались так далеко позади европейских народов по благородству чувств, чистоте морали и элегантности манер.

Герои древности странствовали по миру, чтобы избавить его от бедствий и чудовищ; но этими героями двигали не религия, возвышающая душу, и не та вежливость, которая смягчает манеры. Они были знакомы с дружбой, как в случае с Тесеем и Пиритоем, Гераклом и Ликасом; но они ничего не знали о нежности любви. Древние поэты находили удовольствие в изображении несчастий некоторых героинь, покинутых своими возлюбленными; но в их трогательных картинах от их жалобной музыки никогда не ускользает ни малейшее выражение вины против героя, который таким образом вызвал поток слез красоты. В средние века или в соответствии с рыцарскими нравами воин, который должен был подражать поведению Тесея по отношению к Ариадне или сына Анхиза по отношению к Дидоне, не преминул бы навлечь на себя упрек в предательстве.

Другое различие между духом древности и чувствами современности состоит в том, что у древних считалось, что любовь ослабляет мужество героев; и что во времена рыцарства женщины, которые были судьями доблести, постоянно поддерживали в сердцах воинов любовь к славе и стремление к добродетели. У Алена Шартье мы находим беседу нескольких дам, которые высказывают свое мнение о поведении своих рыцарей, присутствовавших в битве при Азенкуре. Один из этих рыцарей спасся бегством, и дама его мыслей восклицает: “Согласно закону любви, я должна была бы любить его лучше мертвым, чем живым”. Во время первого крестового похода Адела, графиня Блуа, писала своему мужу, ушедшему на Восток с Годфри Бульонским: “Остерегайся заслужить упреки храбрецов”. Когда граф Блуа вернулся в Европу перед взятием Иерусалима, его жена заставила его покраснеть за свое дезертирство и вынудила вернуться в Палестину, где он храбро сражался и нашел славную смерть. Таким образом, дух и чувства рыцарства порождали чудеса в равной степени с самым пылким патриотизмом древнего Лакедемоня; и эти чудеса казались такими простыми, такими естественными, что хронисты лишь повторяют их мимоходом и не выражают ни малейшего удивления по поводу них.

Это учреждение, столь остроумно названное “Источником вежливости, исходящей от Бога”, вызывает еще большее восхищение, если рассматривать его под всемогущим влиянием религиозных идей. Христианское милосердие завладело всеми чувствами рыцаря и потребовало от него постоянной преданности делу защиты паломников и ухода за больными. Именно так были учреждены ордена Святого Иоанна, Храма, Тевтонских рыцарей и несколько других, учрежденных для борьбы с сарацинами и утешения людей в их страданиях. Неверные восхищались их добродетелями так же сильно, как и боялись их храбрости. Нет ничего более трогательного, чем зрелище этих благородных воинов, которых видели поочередно то на поле битвы, то в приюте страданий; иногда они наводили ужас на врага и столь же часто были утешителями всех страждущих. То, что палadini Запада делали ради красоты, рыцари Палестины делали ради бедности и несчастья. Первые посвятили свою жизнь дамам своих мыслей; вторые посвятили свою жизнь бедным и немощным. Великий магистр военного ордена Святого Иоанна принял титул “Хранителя бедных Иисуса Христа”, а рыцари называли больных и нищих “Нашими господами”. Это кажется почти невероятным, но великого магистра ордена Святого Лазаря, учрежденного для лечения проказы, пришлось выбирать из числа прокаженных.^[108] Таким образом, милосердие рыцарей, чтобы быть лучше знакомыми с человеческими страданиями, в какой-то мере облагородило то, что является самым

отвратительным в человеческих болезнях. Разве этот великий магистр Святого Лазаря, который был вынужден сам страдать от немощей, которые он был призван облегчать другим, не подражал, насколько это возможно на земле, примеру Сына Божьего, принявшего человеческий облик, чтобы освободить человечество?

Можно подумать, что в столь великой благотворительности было хвастовство; но христианство, как мы уже говорили, утомило гордыню воинов, и это было, без сомнения, одним из самых благородных чудес религии средневековья. Все, кто тогда посещал Святую Землю, могли только восхищаться рыцарями Святого Иоанна, Храма и Святого Лазаря, их смирением при переносе всех жизненных невзгод, их покорностью всем строгостям дисциплины и их повиновением малейшему желанию своего лидера. Во время пребывания Святого Людовика в Палестине госпитальеры поссорились с несколькими крестоносцами, охотившимися на горе Кармель, и последние подали свою жалобу великому магистру. Начальник Госпиталя вызвал к себе братьев, которые оскорбили крестоносцев, и, чтобы наказать их, приговорил есть пищу на земле, прямо на их мантиях. "Случилось так," рассказывает сьер де Жуанвиль, "что я присутствовал вместе с рыцарями, которые жаловались, и мы попросили магистра разрешить братьям снять свои плащи, на что он ответил отказом". Таким образом, суровость монастырей и суровое смирение кенобитов не вызывали отвращения у этих воинов. Таковы были герои, которых сформировали религия и дух крестовых походов. Я знаю, что эта покорность и смирение людей, привыкших к оружию, могут быть обращены в насмешку; но просвещенная философия находит удовольствие в признании благотворного влияния религиозных идей на нравы общества, предавшегося варварским страстям. В эпоху, когда вся сила проистекала из меча, когда страсть и гнев могли толкать воинов на всевозможные крайности, что могло быть более приятным зрелищем для человечества, чем доблесть, унижающая саму себя, и сила, забывающая саму себя?

Мы знаем, что духом рыцарства иногда злоупотребляли и что его благородные принципы не управляли поведением всех рыцарей. В "Истории крестовых походов" мы описали затянувшиеся разногласия, которые вызвала ревность между двумя орденами Святого Иоанна и Храма. Мы говорили о пороках, в которых упрекали тамплиеров в конце священных войн. Мы могли бы еще долго говорить об абсурдности странствующего рыцарства, но наша задача здесь - написать историю институтов, а не человеческих страстей. Что бы ни думали о развращенности людей, всегда будет правдой то, что рыцарство в союзе с духом вежливости и духом христианства пробуждало в человеческих сердцах добродетели и чувства, о которых древние не подозревали.

Что доказывает, что в средние века не все было варварским, так это то, что институт рыцарства с самого своего рождения пользовался уважением и восхищением всего христианского мира. Не было джентльмена, который не желал бы стать рыцарем. Принцы и короли почитали себя за принадлежность к рыцарству. В него приходили воины, чтобы брать уроки вежливости, храбрости и человечности. Замечательная школа, в которой победа отбросила свою гордыню, а величие - надменное презрение; в которой те, кто обладал богатством и властью, учились только тому, чтобы использовать их умеренно и великодушно.

По мере того как образование народа формировалось на примере высших классов общества, благородные чувства рыцарства постепенно распространялись во всех слоях общества и смешивались с характером европейских наций; постепенно против тех, кто не выполнял своих

рыцарских обязанностей, возникло общее мнение, более суровое, чем сами законы, которое было как кодексом чести, так и зовом общественной совести. Чего только можно было ожидать от состояния общества, при котором все беседы, проводимые в лагерях, на турнирах, на собраниях воинов, сводились к таким словам: “Зло тому, кто забывает обещания, данные им религии, патриотизму, добродетельной любви; зло тому, кто предаёт своего Бога, своего короля или свою даму”.

Когда институт рыцарства пал из-за злоупотреблений, которые были допущены по отношению к нему, или, скорее, вследствие изменений в военной системе Европы, в европейском обществе все еще оставались некоторые чувства, которые он внушал, точно так же, как у тех, кто забыл религию, в которой они родились, остается кое-что из ее предписаний, и особенно из глубоких впечатлений, которые они получили от нее в детстве. Во времена рыцарстванаградой за добрые поступки были слава и почести. Эта монета, которая так полезна для народов и которая им ничего не стоит, не преминула стать какой-нибудь валютой в последующие века. Такого действия славной памяти, что знаки отличия рыцарства служат и в наши дни вознаграждением за заслуги и храбрость.

Поскольку можно с уверенностью сказать, что крестовые походы добавили некоторого блеска и придали рыцарству некоторое господство, следует согласиться с тем, что они оказали человечеству существенную услугу.

Если институт рыцарства был барьером против распущенности и варварства, то институт духовенства, основанный на более твердых и прочных принципах, должен был оказать еще большие услуги цивилизации.

Влияние и богатство духовенства приравнивали их к знати в феодальной системе; но следует признать, что ранг, присвоенный им при таком порядке вещей, противоречил их характеру и состоянию общества. Мы без колебаний заявляем, что феодальная система имела тенденцию коррумпировать институт духовенства, подобно тому как духовенство коррумпировало феодальную систему. Духовенство, обученное принципам мира, не годилось для выполнения условий военного режима; с другой стороны, военный режим, несомненно, изменил миролюбивые манеры духовенства. Не было ничего необычного в том, что прелаты были облачены в кирасу и шлем. Иногда сельские священники вели на битву паству, которую им доверила религия мира. Этот воинственный дух в священнослужителях был значительно усилен крестовыми походами, в ходе которых их оружие освящалось целью войны. Духовенство, однако, никогда не становилось достаточно воинственным, чтобы выполнять все феодальные обязательства; и мы можем также добавить, что оно не всегда было достаточно миролюбивым, чтобы выполнять все свои религиозные обязанности.

Из того, что мы только что сказали, можно сделать вывод, что церковный порядок и феодальное правление в долгосрочной перспективе будут отталкивать друг друга. Если мы обратимся к истории средних веков, то увидим, что бароны и дворяне часто проявляли зависть к власти духовенства и что духовенство, в конце концов, внесло свой вклад в разрушение основ феодализма.

Существование духовенства претерпевало множество изменений в зависимости от времени, места и обстоятельств. В Италии они пользовались очень небольшим авторитетом и принимали участие в большинстве популярных фракций. В Германии высшее духовенство делило со знатью

обломки императорской власти. В Испании они внесли большой вклад в изгнание мавров, и добыча побежденных увеличила их богатство. В Англии духовенство ассоциировалось с баронами и соперничало с короной. Во Франции оно примкнуло к королевской семье и поддерживало постоянно растущую власть монархов.

Если мы можем судить по соборам, проводившимся во время крестовых походов, большинство из которых были заняты реформированием церковной дисциплины, у нас есть основания полагать, что нравственность духовенства имела тогда сильную тенденцию к развращению. Старые хроники особенно суровы по отношению к крестоносцам и духовенству Востока, которых они неустанно обвиняют в том, что они своими излишествами оскорбляют мораль и религию. Некоторые хронисты даже, как Иаков Витрийский, рисуют такие отвратительные картины, что их подозревают в несправедливости или, по крайней мере, в преувеличении. Ради исторической правды небесполезно отметить здесь, что большинство историков, о которых мы сейчас говорим, принадлежали к классу проповедников, на которых была возложена задача порицания своей эпохи, и которые часто были вынуждены затемнять свои цвета, чтобы взволновать толпу. Во все времена было замечено, что священные ораторы преувеличивали пороки, борьба с которыми была их целью; и если бы мы не знали о милосердии, которое ими движет, мы могли бы иногда ошибочно принять их речи за жестокую сатиру. Это наблюдение, которое мы не должны упускать из виду, читая средневековые хроники, которые почти все составлены священнослужителями, привыкшими по своей профессии строго судить своих современников. Еще одно наблюдение, подтвержденное историей, состоит в том, что о коррупции говорят с большей горечью во времена, когда о ней едва известно, чем во времена, когда она стала повсеместной. В эпохи, когда еще преобладают какие-то представления о добродетели, люди обвиняют самих себя; а в эпохи, совершенно развращенные, они восхваляют себя.

Хроника времен первых крестовых походов сообщает нам, что беззакония людей тогда достигли своего апогея; и, что сразу характеризует дух летописца и дух его эпохи, он добавляет, что эти беззакония сократили бы продолжительность мира, “если бы не было образовано несколько новых монашеских конгрегаций”. На самом деле, в двенадцатом и тринадцатом веках было основано больше монастырей, чем за все остальные века средневековья. Энтузиазм по поводу священных войн, возбуждая воображение народов, произвел умственную революцию; повсюду были замечены чудеса, которых до того времени никто не наблюдал; само благочестие верило, что оно больше не может достичь спасения обычными путями: в то время как толпа воинов устремилась на Восток, многие благочестивые души, чтобы совершить покаяние, искали личного умерщвления плоти и подвергали себя суровым испытаниям добровольного изгнания или хоронили себя в пустынях.

Во главе монашеских конгрегаций, образовавшихся в этот период, мы должны поставить организацию Братьев милосердия, которая зародилась во время третьего крестового похода и была учреждена с целью освобождения пленников. Эти почтенные кенобиты, по примеру рыцарских героев, искали утешения для жертв и помощи для несчастных. Подобно рыцарям, они подвергали себя тысяче опасностей и смело шли на смерть, проявляя милосердие. Именно во время шестого крестового похода возникли два ордена Святого Доминика и святого Франциска, ордена, которые, по выражению аббата Усберга, обновили молодость Церкви. Начиная с тринадцатого века, эти два ордена отправляли миссии на Восток и на север Азии. В то время как татарские орды опрокидывали империи, опустошая Европу и угрожая всему

христианскому миру, бедные священники пересекали пустынные места Татарии, проникали даже в Китай; и мирные завоеватели, вооруженные Евангелием, расширили империю христианства и водрузили знамя креста на концах известного мира. Религиозные колонии, которые они затем основали в Азии, просуществовали гораздо дольше, чем колонии, основанные крестоносцами.

Мы не будем пытаться перечислить все услуги, которые религиозные общины оказывали обществу. У них были правила, которые могли служить образцами на заре политического законодательства. Они были во всех отношениях подобны городским корпорациям. В то время как города были охвачены анархией, в лесах существовали свои законы; и ростки цивилизации развивались в тишине и уединении.

Именно в монастырях были обнаружены единственные школы, в которых преподавали буквы, и сохранились латинский язык и чудеса, которые он производил. Именно в них ученые люди вели точный учет событий и занимались передачей нам тех исторических документов, без которых слава и нравы наших предков были бы нам неизвестны.

Помимо того, что духовенство вносило большой вклад в удобрение невозделанных земель, оно защищало работников всей мощью Церкви. Божье перемирие, которое было делом рук духовенства, поставило под защиту Небес обитателей полей, волов, товарищей по их труду и даже орудия их обработки почвы. Церковь пошла еще дальше; она умножила календарные праздники ради блага народа. Увеличивая количество религиозных церемоний, Церковь руководствовалась двумя мотивами: первый - чаще приводить к подножию алтаря невежественную и грубую толпу, которая находила там наставления, необходимые для улучшения их нравственности и утешения в своих пороках; второй - обеспечить несколько дней отдыха для этой толпы рабов, обреченных алчностью своих хозяев на труды, которым не было конца и плодов которых они не собирали.^[109]

Среди войн, которые не переставали возобновляться, крестьяне часто находили убежище рядом с монастырем, населенным мирными людьми и защищенными мнениями того времени. Ничто не может лучше доказать господство Церкви, чем видеть, с одной стороны, дворянство, запертое в своих крепких замках, а с другой - кенобитов, живущих в почти не запертых монастырях и защищаемых только верой и доверием. Как и следовало ожидать, мир, царивший по соседству с монастырями, привлек к ним многочисленное население. Многие поселки и даже городишки были обязаны своим происхождением близости монастыря, название которого они сохранили до сих пор.

Принципы духовенства, возможно, больше, чем их пример, способствовали предоставлению гражданских прав крепостным. Григорий Великий, давая свободу некоторым рабам, сказал, что Искупитель пришел на землю, чтобы освободить людей от рабства и заменить кодекс рабства правами людей. В средние века многие вольности были дарованы “из любви к Богу, — для спасения души, — для отпущения грехов”. Именно в час смерти и в соответствии с распоряжениями по завещанию было предоставлено большинство избирательных прав; из чего мы можем заключить, что это была работа священников, которые помогали умирающим. Духовенство представляло предоставление рабам избирательных прав как дело, угодное Богу; церемония освобождения совершалась в церкви как торжественный религиозный акт. Именно у подножия алтарей были произнесены священные слова, которые разорвали узы рабства. Таким образом, все свидетельствовало о том, что дух Евангелия повсюду сочетался с

прогрессом цивилизации и что свобода современных народов должна была стать одним из благословений христианства.

Существовал и другой способ обрести свободу - вступить в священный сан или принять постриг в монастыре. Так много рабов избежало таким образом ига своих хозяев, что этот обычай пришлось ограничить и, наконец, полностью отменить почти во всех государствах Европы. Крестовые походы часто предоставляли крепостным те же привилегии, что и духовенству. Под знаменами креста крепостные обрели те же права, что и раньше в монастырях. Эта возможность, которой обладали крестьяне, - разорвать свои цепи, отправившись в Святую Землю, - привела бы к опустошению равнин, если бы новые правила не наложили на это ограничений.

Было сказано, что духовенство обогатилось за счет крестовых походов. Это утверждение, которое так часто повторялось писателями прошлого столетия, требует беспристрастного исторического анализа. Духовенство было богатым в период первого крестового похода. Их враги долгое время обвиняли их в том, что они узурпировали огромную собственность. Во Франции, при двух первых расах, их богатство оскорбляло баронов, которые несколько раз грабили их под предлогом того, что они не защищали государство и что имущество, которым они владели, принадлежало тем, чья храбрость охраняла безопасность королевства.

Если бы крестовые походы обогатили духовенство, можно было бы предположить, что духовенство было бы наиболее богатым в странах, которые принимали наибольшее участие в крестовых походах. Итак, духовенство Германии и ряда других государств Европы превзошло по богатству духовенство французского королевства, где крестовые походы вызвали столько энтузиазма и заставили так много воинов взяться за оружие. Духовенство, это правда, обрело новые владения на Востоке; но после крестовых походов от них не осталось ничего, кроме напыщенных титулов.

Первый крестовый поход, должно быть, был, как мы уже говорили, очень выгоден духовенству; они не были обязаны оплачивать связанные с ним расходы; усердие верующих обеспечило их. Тем не менее они приняли участие в этом крестовом походе; и священники, отправившиеся в путь вместе с другими крестоносцами, определенно не обогатились в своем паломничестве. Многие, без сомнения, разделили судьбу Роберта, аббата Сен-Реми, историка первого крестового похода, который по возвращении из Иерусалима был изгнан своими монахами за разрушение своего монастыря.

Во время второго крестового похода с церковью взимались пожертвования, не обращая никакого внимания на теплые увещания духовенства. С того времени во всем христианском мире утвердилось мнение, которое стало очень пагубным для духовенства, а именно, что войны, ведущиеся во славу Иисуса Христа и за освобождение святых мест, должны оплачиваться Церковью. Дань была немедленно взимаема с духовенства, не консультируясь с какими-либо другими властями и не следуя каким-либо иным правилам, кроме тех, которые диктуются необходимостью и обстоятельствами. Если вести отсчет от третьего крестового похода, то после публикации *десятой книги Саладина* были установлены более регулярные налоги, которые устанавливались папами или соборами и которые взимались с такой строгостью, что церкви лишались своих украшений, а иногда священные вазы выставлялись на продажу. Это правда, что духовенство иногда получало подношения и завещания от тех, кто отправлялся в Святую Землю или дал обет отправиться туда; но что значили такие подношения в знак благочестия по

сравнению с подношениями, которые они сами были вынуждены платить? Мы без колебаний утверждаем, что за двести лет духовенство заплатило на священные войны больше денег, чем потребовалось бы для покупки всего их имущества; и таким образом, было заметно, что рвение духовенства к освобождению святых мест заметно остыло; и можно сказать, что безразличие, которое последовало среди христианских народов за рвением к крестовым походам, началось с духовенства. В Германии и многих других странах их недовольство зашло так далеко, что в конце концов папы не осмелились доверить проповедь крестовых походов епископам и передали эту миссию только нищенствующим орденам, у которых ничего не было, и им нечем было заплатить за экспедиции против неверных.^[110]

Было сказано, что духовенство воспользовалось крестовыми походами, чтобы купить по низким ценам собственность знати, подобно тому, как в наши дни мы видели, как многие люди воспользовались революцией, чтобы приобрести по умеренной цене собственность самого духовенства. На самом деле, мы находим примеры таких приобретений в первых крестовых походах; но эти примеры, должно быть, были более редкими в священных войнах, расходы на которые было обязано оплачивать духовенство.^[111] Большое преимущество духовенства перед дворянством заключалось в том, что дворяне могли закладывать или отчуждать свое имущество, и что священнослужителям никогда не разрешалось закладывать или отчуждать свое имущество. Другим преимуществом духовенства было то, что они составляли тело, всегда движимое одним и тем же духом и всегда управляемое одними и теми же законами. Хотя все менялось вокруг них, они никогда не менялись. Таким образом, они сопротивлялись революции, которая была совершена в сфере собственности.

Мы видели, что в двенадцатом и тринадцатом веках было основано огромное количество монастырей. Таким образом, дикие, необработанные места превратились в плодородные земли; и эти завоевания, совершенные в пустыне, расширили владения духовенства. Мы должны также добавить, что юрисдикция духовенства, которое с каждым днем совершало новые успехи, была для них источником богатства. Как мы уже отмечали, в природе вещей было так, что самый просвещенный класс должен был стать самым богатым. Таким образом, духовенству не было необходимости извлекать выгоду из разорения крестоносцев, чтобы разбогатеть; их знания, их дух порядка и экономии, *а также власть, которой они обладали над народом*, предоставляли им достаточно средств для увеличения или сохранения своих владений.

Кроме того, у всех были основания радоваться, видя, как духовенство приобретает богатство, ибо это богатство принадлежало всем. Фактически, каждый мужчина мог стать священнослужителем, а духовенство принадлежало ко всем семьям. Этот порядок, столь могущественный в средние века, был естественным связующим звеном, промежуточным пунктом, который сближал и объединял все классы общества. В ссорах, которые иногда вызывала зависть между духовенством и знатью, крупные вассалы упрекали духовенство в том, что оно *детит крепостных*. Нередко можно было видеть людей, вышедших из низшего класса народа, на высших церковных должностях; верное доказательство того, что духовенство предлагало каждому путь, с помощью которого он мог возвыситься, и что таким образом они помогали восстановить гармонию, разрушенную феодальным неравенством.

Духовенство — таким, каким его видели наши отцы, — существует только сейчас в памяти людей.^[112] По мере того, как это учреждение со всеми преимуществами, о которых мы

говорили, будет все дальше удаляться от нас, мы, возможно, станем лучше осознавать его ценность. Есть вещи, о которых мы судим более благосклонно, когда память напоминает нам о них, чем когда они присутствуют.

После революции, разрушившей так много семей, в которой было обмануто так много надежд, — в то время, когда многочисленная молодежь теснится в ограниченном кругу общественных занятий, — когда различных профессий среди просвещенного класса отнюдь не достаточно для огромного числа кандидатов, — позвольте мне спросить, не будет ли Церковь с ее богатством и ее утешительной моралью гаванью во время шторма, убежищем, всегда открытым для тех, кому миру нечего дать? Во времена, когда все неопределенно, подвижно и преходяще, когда ни один человек не уверен в своей судьбе, кто не должен завидовать тем людям, чья судьба никогда не менялась, которые жили всегда одинаково, которые смотрели на настоящее без жалоб, которым будущее не внушало беспокойства и которых справедливо можно сравнить с птенцами птиц, о которых говорит Священное Писание? Если бы я осмелился высказать все, что думаю, — а я говорю не столько от имени религии, сколько от имени философии и человечества, — я бы даже пожалел об этих суровых уединениях, открытых для благочестия и освященных покоем и молитвой. Там, по крайней мере, было найдено убежище от страстей, которые тревожат общество так же, как они тревожат сердце человека. Почему, в самом деле, не должно быть больниц для душевных страданий, как существуют больницы для лечения других человеческих немощей? Почему те, кто пострадал от жизненных бурь и чье сердце изранено глубокими ранами, не могут найти убежища от своих невзгод, как и те, кого настигает нужда, или как искалеченный войной солдат? Кто не знает, что великие революции, как и великие горести, внушают желание скрывать существование и искать покоя в одиночестве? “Когда бушует буря,” говорит Пифагор, “поклоняйся эху”. Давайте оглянемся назад, на времена, предшествовавшие средневековью, — на те времена, когда мир был готов развалиться на куски вместе с Римской империей: именно в эту прискорбную эпоху пустыни Фиваиды были населены благочестивыми кенобитами, которые были больше не в состоянии выносить зрелище человеческих страстей. В уединенные места Цеттеуса и Мемфиса стекались не только простые и вульгарные люди, но и ученые мужи, воины - люди, которых видели при дворах императоров. В то время как общество было потрясено до основания, в то время как беспорядок и коррупция распространяли свое пагубное влияние повсюду, возвышенные умы, которых такое положение вещей приводило в отчаяние, уходили хоронить себя в уединении, обнимая алтари той христианской религии, которая была единственной опорой, оставшейся несчастной добродетели, и была последней надеждой цивилизации.

Мечи рыцарей и принципы духовенства, как мы видели, с успехом боролись с крайностями варварства; но ни одно учреждение еще не достигло достаточной устойчивости, чтобы гарантировать безопасность европейских обществ. Несмотря на все усилия по восстановлению порядка, анархия все еще сохранялась. Чтобы знать, в чем заключается дух цивилизации в эпоху или в народе, достаточно быть знакомым с прогрессом, достигнутым в ту же эпоху или среди того же народа в отправлении правосудия. Из всех памятников, которые может воздвигнуть человеческий разум, гражданский и уголовный кодексы требуют самых обширных знаний и глубочайшего знакомства со страстями человека.

В средние века общество, погруженное во тьму, утратило уроки и примеры древности во всем, что касалось судебного порядка, и оказалось в некотором смысле сведенным к опыту варваров.

Когда бароны узурпировали у короны право вершить правосудие, юрисдикций во Франции было столько же, сколько лордств. Судебная администрация тогда утратила тот дух *цельности*, того единообразия, которое придает весомость и прямоту ее решениям. Суждение больше не выносилось иначе, как в соответствии с местными обычаями или неопределенными традициями.^[113] Когда в семнадцатом веке были собраны судебные обычаи и традиции, существовавшие в предшествующие эпохи, их оказалось двести восемьдесят пять; несомненное доказательство того, что во времена, о которых мы говорим, не могло быть фиксированного правления и что анархия вторглась в святилище правосудия.

Члены королевской семьи не могли следить за сеньориальной юрисдикцией, и королевские указы были бессильны вне владений короны. У великих вассалов не было взаимопонимания, которое могло бы изменить или регулировать законодательство. Примечательно, что Франция после упадка империи Карла Великого более двух столетий оставалась без признания какой-либо власти, к которой она могла бы обращаться со своими горестями и жалобами, — не имея ни в лице монарха, ни в лице высших собраний власти, которая могла бы устанавливать правила, устранять несправедливость, исправлять злоупотребления и освящать максимы опыта. Если королевство могло так долго существовать в таком состоянии, разве у нас нет оснований полагать, что в каждом обществе существует неизвестная сила, которая защищает это общество от его собственных эксцессов и спасает людей, несмотря на их страсти, — несмотря на все, что, кажется, рассчитано на их гибель?

Для принятия решений по гражданским и уголовным делам не было другого руководства, другого разума, кроме инстинктов и совести судей. Эти слабые средства не были компетентны в сложных случаях определять истинные намерения действий или понимать формулировки невиновности или обличения преступления. Затем все вопросы рассматривались в соответствии с устными условностями и оценивались в соответствии с неписаными свидетельствами. Слова, часто неверно истолкованные, иногда частично вычеркнутые из памяти, часто противоречащие или фальсифицированные, не могли послужить толчком к правосудию. Призывали к добросовестности; взывали к совести свидетелей и сторон; но слишком часто ответом было лжесвидетельство, которое определяло решения судей. В конце концов все поверили, что было открыто безошибочное средство для выявления лжи и обмана; от совести людей было обращено воззвание к Небесному правосудию. Тот, кого обвиняли, тот, чьи показания были опровергнуты, подвергался испытаниям огнем, кипятком или раскаленным железом. Считалось, что Небеса не допустят несправедливости и что они скорее приостановят действие законов природы, чем законов общества.

Однако эти доказательства были предоставлены простолюдинам; судебный поединок был испытанием знати или свободных людей. Этот вид правосудия, при котором каждый воин обладал только собственной доблестью как вершитель своей судьбы, чрезвычайно хорошо соответствовал воинскому духу того времени.

Столь варварский обычай был широко распространен: не довольствуясь судебным разбирательством уголовных дел, гражданские вопросы подлежали его решениям. Джентльмен имел право не только бросить вызов своему противнику, он мог также бросить вызов самим свидетелям, а иногда даже заставить судей спуститься с ним на арену. Справедливость тогда виделась только в победе, или, скорее, победа стала единственной справедливостью. Так,

франки во время крестовых походов часто выражали свое удивление по поводу того, что Бог иногда позволяет мусульманам побеждать христиан.

Меч решал все; места, где правосудие произносило свои указы, оглашались криками ярости и ненависти. Они были запятнаны, по очереди, кровью невинных или кровью виновных, поскольку мастерство, сила или удача были на стороне сражающихся. Перед лицом таких столкновений, как было возможно сохранить идею справедливости или несправедливости? Разве жестокость нравов не должна была возрасти, а образование стать неестественным?

Мы должны, однако, помнить обстоятельства, которые привели к появлению этого обычая и которые могут сделать его простительным в глазах просвещенной философии. В условиях невозможности, в которой судьи часто оказывались, установить истину или вынести вердикт с уверенностью, обман, лжесвидетельство и лживость торжествовали над законами и угрожали охватить все общество. Нельзя было найти лучшего средства предотвратить это несчастье, чем устроить мошенников и вероломство подготовкой, “помпезностью и обстоятельствами” судебного поединка. Правосудие, будучи неспособным проявить себя во тьме варварства, окружило себя ужасными образами и позволяло приближаться к своему убежищу только с недоверием и страхом. Ужас, который внушала даже мысль о судебном поединке, неопределенность такого судебного решения, должно быть, предотвратили многие состязания, и это было большим преимуществом. Кроме того, нельзя было найти никаких других, более надежных средств для улаживания ссор, которые нельзя было продолжать, не подвергая опасности все общество. В эпоху, когда страсти были примешаны ко всему, для общества, несомненно, было важно, чтобы правосудие прекратило дебаты справедливым образом; но не менее важно, чтобы эти дебаты были прекращены незамедлительно.

С первой точки зрения мы видим в этом обычае лишь привилегию и чудовищное применение физической силы. Но без такого применения физической силы мир, возможно, стал бы добычей лжесвидетельных, неверующих людей. Поэтому нам следовало бы меньше сокрушаться об этом отвратительном злоупотреблении, чем о состоянии общества, при котором оно казалось необходимым, чтобы предотвратить злоупотребления, еще более отвратительные. Впоследствии потребовалось немало усилий, чтобы реформировать судебную систему. Наиболее трудно разрушаемые предрассудки - это те, в которых, как полагают, заинтересованы храбрость и вопрос чести. Ни власть королей, ни религия, ни философия не смогли отменить дуэли среди современных народов; а дуэли в некоторых отношениях - это не что иное, как правосудие, вершившееся мечом в средние века.

Мы еще не рассказали обо всех препятствиях, с которыми торжество справедливости столкнулось в нравах и обычаях тех далеких времен. Отсутствие законов вызывало большие беспорядки; но иго законов было для баронов более невыносимым, чем сама анархия. Уверенность, которую бароны чувствовали в своих объятиях, делала их, по крайней мере, равнодушными ко всем видам законодательства. В любом обществе люди, у которых в руках власть или принуждение, редко первыми апеллируют к законам; потому что никто не может быть несправедлив к ним безнаказанно, и у них всегда есть средства добиться справедливости.^[114]

Судебный порядок, как мы понимаем его сейчас, в двенадцатом веке не мог быть ничем иным, кроме абстракции, которая не приходила в умы людей. Воинственная знать Европы не имела бы ничего общего ни с каким видом правосудия, которое не представляло бы собой образ войны.

Бароны не могли себе представить, что законодательство может быть гарантией как для них самих, так и для общества. Они ощущали несправедливость так же, как рану на поле боя; и личная обида была единственным мотивом, побуждавшим их преследовать виновных. Справедливость тогда едва ли считалась добродетелью, но месть была долгом. Не существовало законов против тех, кто был несправедлив, но были законы против тех, кто не мстил за себя.

С такими манерами и таким характером бароны не могли отказаться от практики частных войн, которую франки и другие варвары принесли с собой в Европу. Каждый дворянин, считавший, что на его честь или собственность напали, брался за оружие, чтобы защитить свои права или отомстить за свою ссору. Все родственники и вассалы воюющих сторон были вынуждены принять участие в ссоре. Поля были разорены, города и деревни сожжены, и именно таким образом они требовали или вершили правосудие. В течение многих столетий Европа была опустошена этими междоусобными войнами. Кровопролитные раздоры, передававшиеся из поколения в поколение, стали привычным состоянием, для которого использовались обычаи и правила; и пока в обществе не было законов, гражданская война имела свою юридическую силу.

Вылечить такие обширные расстройства было нелегко. Как можно было разоружить силу и лишить ее прерогативы, которую она, казалось, предпочитала всем другим привилегиям? Общество, каким оно было тогда, обладало лишь одной-единственной силой, способной уравновесить воинственные страсти, опустошавшие Европу; это была сила религиозных идей и господство христианства. Против частных войн призывался авторитет соборов; святых заставляли говорить; призывали само суеверие; прибегали к видениям, откровениям и чудесам. Церковь высказывала все свои угрозы и пускала в ход все свои громовые раскаты. Эти средства иногда приостанавливали развитие зла, но принцип раздора всегда сохранялся. Положить конец частным войнам было невозможно, но в конце концов они были подавлены в определенные дни недели; и все хорошее, что могла сделать такая могущественная религия, - это добиться принятия Божьего Перемирия. Именно здесь крестовые походы чудесным образом поддерживали рвение духовенства. Всякий раз, когда сарацинам объявлялась война, все разногласия мгновенно утихали, словно чудом, и Европа оставалась в глубоком молчании перед знаменем креста.

Однако усилиям духовенства в сочетании с некоторыми другими благоприятными обстоятельствами было суждено в конечном итоге привести к торжеству справедливости и человечности. До того, как было установлено гражданское правосудие, Церковь обладала святой юрисдикцией, которая судила верующих. Это правосудие не нуждалось в преследовании виновных; виновные сами отдавались на его суд: оно не было слепым, как человеческое правосудие; самые потаенные складки совести раскрывались перед ним сами собой: оно не встречало сопротивления, не возбуждало ропота; те, кого оно осуждало, осуждали самих себя. Чтобы привести в исполнение свои законы и санкционировать свои решения, у него была сила раскаяния, страха перед мстящим Богом, обещаний небес и угроз ада. Таков был трибунал покаяния, который в отсутствие гражданских законов иногда заменял другие трибуналы и наблюдал за общественным порядком как за триумфом религии. Столь грозный трибунал неизбежно усилил влияние духовенства и, без сомнения, способствовал распространению его юрисдикции даже на дела, в которых евангелическая мораль вообще не была заинтересована. Людей, убежденных в том, что всякая справедливость исходит от Бога,

скорее всего, заставили поверить, что Бог выносит свои наименьшие суждения органами своих служителей на земле. Когда пап упрекали во вмешательстве в политику князей, они отвечали, что действия этой политики могут быть грехами, и поэтому эти действия подпадали под папскую юрисдикцию. Духовенство узурпировало судебную власть в гражданских делах, подобно тому как суверенные понтифики узурпировали светскую власть.^[115] В средние века духовенство объявляло себя арбитрами справедливого и несправедливого; и поскольку их юрисдикция была гораздо более благоприятной для человечества, более соответствующей разуму, чем юрисдикция баронов, оно быстро прогрессировало. Среди привилегий, которые папы предоставили крестоносцам, право быть судимыми по церковным законам стояло на первом месте. Духовенство воспользовалось отсутствием, смертью или разорением знати, ушедшей в крестовые походы, чтобы расширить свою юрисдикцию, в то время как палата общин воспользовалась этим обстоятельством, чтобы получить свободу, а короли - чтобы увеличить свою власть. В конце концов эта юрисдикция стала настолько могущественной, что пробудила зависть феодальной знати. К середине XIII века знать объединилась против духовенства и в манифесте, которым мы все еще располагаем, потребовала, чтобы "они отдали цезарю то, что принадлежало цезарю". Они запрещали своим вассалам обращаться в церковные суды, за исключением случаев ереси, брака и ростовщичества, и угрожали преступникам потерей имущества и нанесением увечий кому-либо из членов церкви. "Служители, - добавили они, - обогатившиеся за наш счет, будут возвращены к состоянию первоначальной церкви и к созерцательной жизни, предоставив нам действовать, что нам подобает, и явив нам чудеса, которых мы давно не видели".

Поскольку влияние духовенства проистекало из христианства, знать в своем манифесте хотела заявить о преимуществе того, что она одна обратила галлов в христианство своим оружием. Все, что они сказали в поддержку этого утверждения, дало основание предсказать, что они не одержат победы в состязании, в котором Победа будет на стороне знаний и интеллекта.

Это была не обычная война, а настоящая война мнений; и поскольку у лордов не было для ее ведения ничего, кроме своих мечей, они в конце концов были вынуждены отказаться от своих притязаний.

Однако европейское общество вступило в этот роковой для наций период, в этот кризис, почти всегда кровавый, когда новые и старые мнения объявляют друг другу упорную войну; в котором все новое бродит и яростно возбуждается; в котором все древнее сопротивляется и с грохотом разваливается на куски. Долгое время старые законы были бессильны; а законы, которые пытались установить, не имели при своем исполнении ни той силы, которая приобретается привычкой, ни той, которая дается опытом. Вселенский кризис переживала вся Европа; и Запад, встревоженный революциями и гражданскими войнами, на мгновение оказался на грани возвращения во тьму и хаос десятого века.

Именно в этот период в Германии была учреждена императорская палата, учрежденная с целью умиротворения раздоров и пресечения разбоя. В Арагоне была создана опека *юстиции*, которая была вооружена против вседозволенности всей властью диктатора. Во всех странах были созданы братства и ассоциации против эксцессов анархии. Прежде всего, именно во Франции ощущалась необходимость призвать правосудие к поддержке пошатнувшегося общественного порядка и поставить его под защиту королевской власти. Королевская власть в

некотором роде зародилась среди опасностей и страхов общества. Существует инстинкт, который в моменты кризиса направляет людей к власти, которая должна их защитить; и эта власть становится всемогущей по той причине, что к ней обращаются за помощью и что на нее возлагаются все надежды.

Церковная юрисдикция уже нанесла смертельный удар феодальному правосудию. Изучение римского права вызвало некоторое оживление опыта древних среди народов, едва избежавших варварства. В Европе, особенно во Франции, возник новый судебный порядок.^[116] Этот судебный приказ поначалу был очень сложным из-за естественной склонности людей пера и мантии к множеству формальностей во всех делах. Чтобы найти ключ к разгадке в лабиринте новых законов, баронам не хватало знаний и, в особенности, терпения. Если верно, что юристы усложняли законодательство, чтобы оставаться его единственными толкователями, то их надежды не были обмануты, ибо в конце концов они заняли место феодальной знати в судебных функциях.

Это правда, что сеньориальные судьи не были упразднены; но было разрешено обжаловать их решения в суде короны. Кроме того, были дела, в которых правосудие баронов было признано некомпетентным, и поскольку об этой некомпетентности почти всегда судила юрисдикция короля, последний в конечном итоге привлек к себе большинство дел любого веса или важности. Поскольку в остальном важно, чтобы правосудие защищала сила, способная обеспечить его уважение, по мере того как власть баронов уменьшалась, а власть короля увеличивалась с каждым днем, королевская юрисдикция возобладала, и обычай утвердил принцип, согласно которому вся справедливость исходит от короля. Когда однажды этот принцип был признан и провозглашен во всех провинциях, Боманье был прав, сказав, “что король является сувереном над всем и что он по праву несет общую опеку над королевством”.

Именно в этот период возникла французская магистратура, которая впоследствии стала столь выдающейся. Парламенты демонстрировали искренность и лояльность старых времен в сочетании с интеллектом современности. Иногда они защищали права народа от короны и часто были щитом короны в борьбе с группировками. Возможно, их корни недостаточно глубоко уходили в общество, права которого они защищали. Основные законы королевства не регулировали их права и точно не устанавливали пределы их власти. Их власть была обусловлена не столько писаными конституциями, сколько тем недостатком справедливости, который ощущается среди цивилизованных людей, сколько тем высшим влиянием, которое они почти всегда получают, чья функция состоит в том, чтобы быть выразителями закона. Мы видели, как парламенты гибли в условиях общественных беспорядков, к которым они сами подали неосторожный сигнал. Они видели недостатки администрации, но им не хватало позитивных знаний, чтобы указать на надлежащее средство правовой защиты: они обратились к народу, и фракции откликнулись; они призвали к свободе, и разразилась революция. Теперь, когда этой магистратуры среди нас больше не существует и что ей не может быть места в порядке вещей, который породили события, нам кажется, что настал момент, когда все должны быть справедливы по отношению к ней и восхвалять то благородное бескорыстие, ту просвещенную твердость, ту непреклонную честность, которые сформировали ее главный характер. “Наблюдателю настоящего периода, - говорит английский писатель, - а не историку прошлых времен решать, достаточно ли распространены в наши дни те добродетели, которые отличали древнюю французскую магистратуру, чтобы их не вспоминали с большой похвалой и не демонстрировали нашим современникам в качестве полезных примеров”.

В совершившейся революции мы удивлены, что бароны проявили так мало дальновидности; они выступали против привилегий порядка вещей, которого больше не существовало, когда без их вмешательства и без их согласия был установлен новый порядок вещей; чем сильнее была их потребность в союзе для самозащиты, тем большее упорство они проявляли в сохранении слишком фатальной привилегии вести войну друг с другом. Привычка к воинственным ифеодальным нравам заставляла их предпочитать всем другим занятиям занятие оружием, которое они с полным основанием считали самым славным поприщем; но которое разоряло их, держало в невежестве и отстраняло от дел, в то время как другие обогащались на мирных занятиях, с пользой применяли свои способности и пользовались исключительно властью. В конце концов, дворянство, после самых щедрых жертв, стало ничем иным, как аристократией, бездействующей в правительстве, в то время как те, кто приложил руку к управлению, стали настоящими хозяевами.

Революции, которые мы только что описали, заставили нас на мгновение забыть о крестовых походах; священные войны, однако, могут быть причислены к причинам, улучшившим законодательство. Уход крестоносцев дал повод для ряда действий; были усилены меры предосторожности против мошенничества; были вызваны государственные нотариусы; было принято или, скорее, возрождено использование хартий, называемых *шартрскими хирограферами*, или *шартрскими партиями*. Мы уже говорили, что было принято множество постановлений, ограничивающих численность крестоносцев, и эти постановления представляли собой множество законов, добавленных к тем, которые существовали. Крестоносцы, проезжая через далекие страны, могли заметить много мудрых обычаев, которые они привезли с собой в свою страну. Виллардуэн сообщает нам, с каким изумлением французская знать по прибытии в Венецию увидела сенат, дожа и народ, совещающихся в их присутствии. Это зрелище не могло не просветить их. Когда латиняне были хозяевами Константинополя, они там познакомились с законодательством Греции; в Палестине судебные заседания в Иерусалиме дали им представление о законодательстве, менее несовершенном, чем их собственное; кодекс, который долгое время управлял христианскими колониями, привел Людовика IX. подумать только, составить сборник законов, которые он, правда, не применял на практике, но которые, без сомнения, распространили много полезной информации. Пример Людовика Святого и поддержка, которую юрисконсульты получили по возвращении из Египта, способствовали воспитанию в народе любви к справедливости; и эта любовь к справедливости, которая начала ощущаться среди всех классов, была лучшей гарантией зарождающейся цивилизации.

Искусные писатели описали до нас эту эпоху, столь богатую великими событиями и уроками политики. Они показали, как королевская власть поднялась из недр беспорядка; как законодательство постепенно возобладало над анархией; и как несколько государств Европы — особенно Франция — достигли той степени силы и великолепия, в которой мы видели их в восемнадцатом веке. Нам осталось бы сказать очень мало после великих публицистов, которые предшествовали нам, если бы недавние революции не разразились, чтобы просветить нас. Опыт настоящего времени пролил новый свет на прошлые века; и мы лучше знакомы с природой и происхождением старых институтов, поскольку видели, как они превращаются в руины. Древо нашей древней монархии не смогло противостоять сотрясениям, которые потрясли общество; его ветви устилали землю, а корни обнажились. Тогда нам стало легко увидеть, по каким тайным каналам циркулировали сила и жизнь; как они росли и как падали, —

“То дерево, чья голова касалась небес,
А ноги касались империи мертвых”.^[117]

Познакомившись с различными классами общества и показав истоки наших институтов во время крестовых походов, мы собираемся увидеть, каким был в тот же период прогресс мореплавания, торговли, промышленности, наук, литературы, искусства и общих знаний.

До XII века моря Европы и Азии, за исключением Средиземного, были едва посещаемы даже народами, жившими на их берегах. В период первых крестовых походов то, что составляло королевство Франция, имело всего два или три порта на побережье Нормандии и не имело ни одного порта на океане или Средиземном море, когда во время седьмого крестового похода Людовик IX приказал срыть Эг-Морт.^[118] Англия была едва ли более развитой; это королевство предоставило пиратам навигацию по окружавшим его морям. Оказалось, что мир еще недостаточно велик для честолюбия и гения английской нации, которая в наши дни господствует над всеми известными морями. Некоторые города на берегах Балтики, Голландии, Фландрии, и Испании совершали морские экспедиции, которые, однако, едва ли заслуживают описания в истории крестовых походов. Когда начались крестовые походы, дух преданности, объединенный с духом коммерции, придавал новое и более широкое направление путешествиям и трудам мореплавателей. Жители Дании появились в сирийских морях; а норвежцы, пришедшие морем, помогали при взятии Сидона. Граждане Любека и Бремена присутствовали при осаде Птолемаиды. Со всех побережий Запада суда и флотилии перевозили паломников, провизию и оружие в Иерусалимское королевство и другие христианские княжества, основанные в Азии победами крестоносцев.

Таким образом, мореплаватели из всех стран встретились в морях Востока. В некотором роде именно под эгидой креста начали устанавливаться выгодные отношения междуморскими державами Европы. В начале XII века флот пизанцев, объединившихся с некоторыми другими итальянцами, пришел на помощь арагонцам в завоевании Балеарских островов. Мореплаватели Италии были так мало знакомы с морями Испании, что приняли берега Арагона за страну мавров. Этот первый союз между далекими народами был результатом крестового похода, проповедуемого папой Паскалем III и поддержанного большим количеством рыцарей Прованса и Лангедока.

Мореплаватели Любека, Бремена и Дании, попробовав свои силы в длительных плаваниях, воспользовались приобретенным опытом, чтобы посетить неизведанные Балтийские моря. Эти новые предприятия открывали для их благочестивого рвения и честолюбия более близкое море и дикие народы, которые они могли обратить под свою веру и подчинить своим коммерческим взглядам. Морские экспедиции были смешаны с крестовыми походами, проповедуемыми против народов, все еще живущих в состоянии язычества. При виде креста и флага мореплавателей возникли богатые города, и варварские регионы начали знакомиться с благами цивилизации.

Именно в этот период мореплавание открыло для себя новую карьеру и расширило сферу своей полезной деятельности. Ничто так не способствовало его развитию, как сообщение, которое тогда было установлено между Балтикой, Средиземным морем, Испанским океаном и морями севера. Объединяя нации в погоне за одними и теми же преимуществами, она умножала их отношения, их узы и их интересы и удваивала их соперничество. На этом пути, открытом таким образом для всех народов Европы, практические знания были уточнены, значительно

расширились и распространились повсюду; была установлена конфигурация берегов, расположение мысов, портов, бухт, островов и т. Д. и т. Д.; Была измерена глубина океана; было замечено направление ветров, течений и приливов; было получено много сведений по всем вопросам гидрографии, и очень скоро рассеялось то невежество одиннадцатого и двенадцатого веков, которое привело к стольким кораблекрушениям, что летописцы XVIII-XII вв. времена первых крестовых походов, о которых они с трепетом рассказывают, можно отнести только к гневу Небес.

Мы бы говорили здесь о морском компасе, если бы можно было точно установить период его изобретения. Отрывок из книги Иакова Витрийского, который мы приводили в другом месте, не позволяет нам сомневаться в том, что свойства магнита были известны во времена крестовых походов и что мореплаватели черпали из него большую помощь в своих длительных путешествиях; но, с другой стороны, нет ничего, что доказывало бы, что моряк пользовался компасом тогда повсеместно. Мы можем полагать, что столь ценное открытие все еще оставалось тайной для простолюдинов, и что те, кто владел этим секретом, стремились воспользоваться им только в своих собственных интересах, не думая о преимуществах, которые можно было бы извлечь из него для прогресса мореплавания. Мы добавим, что то, что произошло с компасом моряка, произошло также с большинством промышленных изобретений, для которых история редко может определить эпохи, потому что их авторы из жадности или зависти не только не обнародовали их, но и тщательно скрывали от своих современников.

Военно-морская архитектура была значительно усовершенствована во время крестовых походов. Суда были значительно увеличены, чтобы на них можно было перевозить множество паломников. Опасности, сопутствующие длительным плаваниям, привели к тому, что корабли, направлявшиеся на Восток, были построены более прочно. Искусство устанавливать несколько мачт на одном судне, искусство увеличивать количество парусов и располагать их так, чтобы корабль мог плыть против ветра, были счастливыми плодами соревнования, которое тогда воодушевляло мореплавателей.

Таким образом, активность и гений человека восторжествовали над всеми препятствиями, подчинили себе стихии и овладели морской империей. Но эта империя, как и вся страна, в средние века была жертвой разбоя и насилия; бури, встречные ветры, кораблекрушения были не единственным злом, которого можно было ожидать в длительных плаваниях. На каждом море не было известно никакого права, кроме права сильнейшего, а отсутствие морского кодекса значительно увеличивало опасности дальнего плавания.

Остро ощущалась необходимость в законодательстве, которое могло бы гарантировать интересы и свободу мореплавателей. Именно Испания представила первый образец такого законодательства. В начале двенадцатого века древним *прюдомесом* [119] Барселонского моря. Венецианцы приняли его на ассамблее, состоявшейся в Святой Софии в 1255 году. Впоследствии этот кодекс был принят пизанцами и генуэзцами и под названием Морского консульства стал общим правом восточных морей. Другой кодекс, опубликованный сначала Элеонорой Гиенской, а затем Ричардом Кер-де-Львом под названием “Свитки Олерона”, получил одобрение нескольких морских держав и, наконец, был принят во всех морях Запада.

Защищенные этим кодексом, мореплаватели получили возможность пожинать плоды своих долгих трудов и вскоре успешно оспаривали у неверных средиземноморскую империю. Если

Италия и несколько других стран Запада избежали ярма сарацин, то своей безопасностью они были обязаны скорее превосходству своего флота, чем превосходству армий.

В предыдущей книге я говорил об открытии Америки и о переходе в Индию мимо мыса Доброй Надежды. Вполне вероятно, что без крестовых походов гений мореплавателей, хотя и позже, преодолел бы огромные пространства и бесчисленные опасности, отделявшие Балтийское и Средиземное моря от Индийского океана, а Старый Свет от Нового. Мы можем, по крайней мере, сказать, что дальние экспедиции и опасные предприятия, предпринятые под знаменами креста, подготовили путь для последних достижений мореплавания, открывая повсюду новые пути для промышленности и, прежде всего, способствуя развитию торговли, естественной и необходимой связи между различными нациями и различными странами земного шара.

В каждом климате есть свои продукты; и это разнообразие богатств создает для людей обязательство по обмену. Это обязательство по обмену способствует общению между всеми нациями, так что со временем наиболее удаленные друг от друга регионы не могут оставаться неизвестными друг другу. Поистине можно сказать, что таким образом Провидение поместило различные производства в разные климатические зоны, что оно отказало одним странам в том, что даровало другим, чтобы создать для людей, рассеянных по лицу земли, необходимость взаимных поисков друг друга, торговли для удовлетворения их взаимных потребностей, передачи своих знаний и совместного продвижения к цивилизации.

В средние века ленивые и женоподобные греки пренебрегали ввозом на Запад товаров из Азии. Сарацины бросили якорь у берегов Европы только для того, чтобы принести туда бедствия войны. Торговля Запада была направлена на поиск того, что ей не доставлялось, и частые путешествия на Восток были совершены ради выгоды Запада.

Задолго до крестовых походов товары из Индии и Азии прибывали в Европу, иногда по суше, пересекая греческую империю, Венгрию и страну болгар; но чаще по Средиземному морю, в котором находились все порты Италии. Священные войны сделали оба этих маршрута более знакомыми, и с тех пор ничто не могло остановить стремительный прогресс торговли, защищенной на своем пути знаменем креста.

Большинство приморских городов Запада не только разбогатели, поставляя Европе товары Востока, но и получили значительное преимущество в перевозке паломников и христианских армий. Флоты следовали вдоль берегов стран, в которых сражались крестоносцы, и продавали им военное снаряжение и провизию, в которых они всегда нуждались. Таким образом, торговля возвращала в Европу часть сокровищ, которые принцы и бароны, разорившиеся ради того, чтобы отправиться сражаться с неверными, везли в Азию.

Все богатства приморских городов Сирии и даже Греции принадлежали западным купцам. Они были хозяевами большей части христианских городов Азии; мы знаем, какова была доля венецианцев после взятия Константинополя. Они владели всеми островами архипелага и половиной Византии. Греческая империя была как еще одна Венеция, со своими законами, флотом и армиями.

Латиняне вскоре потеряли Константинополь, Иерусалим и большинство стран, покорившихся их оружию. Торговля, более удачливая, сохранила свои завоевания после крестовых походов. Город Тана, построенный в устье Танаиса, стал для Венеции колонией, которая открыла для нее полезные связи с Персией и Татарией и которая доминировала на рынках Тавриды, Трапезунда,

Багдада и Бассоры. Несколько генуэзцев, собравшихся в маленьком крымском городке Каффа, в то время как турки угрожали Европе, занимались разработкой кавказских рудников и добывали сокровища Индии через Астракану. Европейская торговля открывала магазины даже среди стран, которые вели жестокую войну против христиан. Террор, который внушали мамлюки, не помешал колониям торговцев обосноваться в Египте. Вся Африка, особенно побережье Средиземного моря, была подвластна их коммерческим амбициям, и места, которые Сент-Луис не смог завоевать, стали притоками их промышленности.

В то время как торговля со всеми частями света была, таким образом, передана в руки нескольких приморских городов, многие великие королевства Европы все еще были чужды ей. Англия, у которой не было других богатств, кроме шерсти, с радостью принимала в своей столице товары Азии, привозимые туда итальянскими и испанскими купцами. Города Франции принимали лишь незначительное участие в торговле с Востоком. Крестовые походы были делом рук французов; другие собирали их плоды. В средние века Марсель был единственным французским городом, который поддерживал какие-либо отношения с отдаленными народами. Этот город, основанный фокейцами ради торговли с галлами, никогда не переставал обращать свои взоры к местам своего происхождения и поддерживать торговые отношения с Сирией и Грецией. Испания, промышленность которой развивалась рано, извлекла больше пользы из крестовых походов, и к концу священных войн у испанцев были склады на всех побережьях Азии.

Однако ни одна страна не извлекала большей выгоды из торговли с Востоком, чем Италия. Эта страна, господствовавшая над Средиземным морем и открытая всем частям известного мира, находилась в наиболее выгодном положении. Это положение, которое прежде облегчало завоевания римлян, помогло народам Италии в их новых предприятиях, и подчинило мир их спекуляциям, как оно подчинило его их оружию. В то время как их флоты отправлялись на Восток, они посылали в Европу не легионы и проконсулов, как это делал Рим, а караваны купцов, которые подчиняли провинции, через которые они проезжали, расчетам и потребностям торговли. Благодаря своей усердной торговле эти торговцы распоряжались всеми деньгами, которые тогда обращались на Западе. Во всех странах у них были многочисленные колонии и значительные предприятия. В Европе нет больших городов, в которых название лангобардов, данное улице, кварталу, даже в наши дни не свидетельствует о долгом пребывании итальянских купцов.

Мы не можем не восхищаться этой силой коммерции; но у нее был также свой принцип разрушения. Какое соперничество, какие ревнивые страсти она порождала ежедневно! За тихоокеанские завоевания велась непрерывная борьба с мечами в руках. В этой борьбе пали многие города; Пиза была разрушена Генуей; Генуя, в свою очередь, не смогла продолжать свое соперничество с Венецией. Другой опорой для этих коммерческих держав была мобильность торговли, которая возвысила их и которая непрестанно переносила свои благосклонности и дары из одного места в другое. Если торговля меняла свой маршрут или направление, этого было вполне достаточно, чтобы город процветал или ускорил его падение. В средние века исчезло множество городов, причем раздоры или войны никоим образом не способствовали их разрушению. Создавалось впечатление, что форчун получала удовольствие от уничтожения своей собственной работы и как будто из-за этого она презирала связывать себя с человеческими страстями.

Невозможно отделить прогресс промышленности и даже сельского хозяйства от прогресса торговли. Чтобы выяснить, какую выгоду могли извлечь промышленность и сельское хозяйство из отношений с Востоком, возможно, было бы достаточно установить, в каком состоянии эти два источника процветания тогда находились у жителей Востока. Среди стольких путешественников, несомненно, были и такие, кому было интересно понаблюдать за обычаями далеких стран, которые они посетили. Мы знаем, что в экспедиции крестоносцев предпочтение отдавалось тем, кто был мастером своего дела или искусен в механическом искусстве. Эти трудолюбивые пилигримы не всегда совершали путешествие, не приносящее пользы их стране; и в тех священных войнах, в которых рыцари креста искали только победы и славы, трудолюбие, если я осмелюсь так выразиться, имело также свой крестовый поход, мирными трофеями которого были драгоценные открытия, украденные у греков или сарацин, и счастливое подражание тому, чем они восхищались в искусстве Востока.

У сарацин были мануфактуры до крестовых походов. В Дамаске и в городах Египта обработка металлов производилась с большим совершенством, чем на Западе. Старые хроники сообщают нам, что христиане Палестины иногда ездили в Дамаск за оружием. Жуанвиль рассказывает, что, совершая паломничество к богородице Тортосы, он купил в Триполи несколько камлетов, изготовленных в этом городе. Он послал несколько их фрагментов королеве Маргарите, которая, по его словам, сначала приняла их за реликвии и упала на колени, чтобы принять их; но, обнаружив свою ошибку, встала со словами: “Зло сенешалю! который заставил меня преклонить колени перед его камлетами.”^[120] Режиссером Жуанвиля был Людовик IX. приобрести некоторое количество этого вещества, что доказывает, что мануфактура, на которой оно было изготовлено, имела определенную репутацию.

В тот период в том же городе Триполи и в нескольких городах Греции имелось большое количество ткацких станков по производству шелка, продукция которых, должно быть, привлекала большое внимание купцов и паломников, посещавших Восток. Примерно в середине XII века Рожер II, король Сицилии, приказал перевезти несколько таких ткацких станков в Палермо; это был плод экспедиции к берегам Греции. Шелковица процветала и множилась под прекрасным небом Италии, а также под небом Морей, и это полезное завоевание дало сицилийцам возможность вскоре превзойти в трудолюбии греков. Главная мастерская была размещена во дворце королей, как бы для того, чтобы продемонстрировать богатство и величие этого нового искусства.

Многие полезные изобретения пришли к нам в этот период из стран Востока. Некоторые авторы утверждают, что ветряные мельницы были известны в Европе еще до крестовых походов; но мы должны помнить, что они могли появиться благодаря ранним паломничествам в Азию, которые в подобных вопросах так трудно отделить от священных войн.^[121]

В то время Тир славился своим стеклом. Песок, найденный в его окрестностях, придал изготовлению стекла совершенство, неизвестное в других странах. Использование стекла было гораздо более распространено в Палестине, чем на Западе. Венецианцы заимствовали из Тира идею своих прекрасных работ из стекла, столь прославленных в средние века.

Крестоносцы, как видно из этой истории, всегда проявляли большое удивление, становясь свидетелями взрыва греческого огня. Но что кажется очень странным, они, казалось, никогда

не завидовали сарацинам в этом огромном преимуществе. Франкские воины на поле боя предпочитали меч и копье средствам ведения боя, которые, по их мнению, отнимали что-то от личной храбрости. Однако вовсе не невероятно, что греческий огонь, в конце концов, дал идею пороха; изобретение, гибельное для человечества, но давшее грозное оружие в руки европейского общества, когда ему угрожали турки и татары.

Мы уже говорили о маисе, или турецкой пшенице, отправленной в Италию Бонифацием Монферратским во время четвертого крестового похода. Дамасская слива была завезена в то же время в Европу герцогом Анжуйским, посетившим Иерусалим. Наши сады обязаны священным войнам ранункулусом, столь ценным на Востоке, и шалотом, получившим свое название от Аскалона; знание или, скорее, использование шафрана, квасцов и индиго в Европе можно проследить со времен крестовых походов.

Мы можем вспомнить, с каким восторгом крестоносцы впервые увидели сахарный тростник на территории Триполи. Растение было перевезено на Сицилию примерно в середине двенадцатого века. Однако неверно утверждать, что оттуда оно попало в новый свет. Если впоследствии испанцы перевезли сахарный тростник на остров Мадейра, мы можем предположить, что они нашли его в королевстве Гранада, куда мавры привезли его из Африки. Но также вероятно, что на это растение обратили внимание только потому, что вкус сахара был широко распространен и что это вещество, привезенное из Египта, стало важной отраслью торговли. Именно так мы можем воздать честь крестовым походам.

Естественная история, связанная с прогрессом промышленности и сельского хозяйства, также обогатилась некоторыми полезными понятиями. Отдаленные климатические зоны не только обменялись своими растительными продуктами, но и крестовые походы обеспечили Европе знакомство с некоторыми животными Африки и Азии. Мы упоминали, что египетские мамлюки послали Людовику IX слона, которого французский монарх подарил королю Англии. Вскоре после первой экспедиции Людовика IX Бибарс отправил к Мэйнфри, сыну Фридриха II, нескольких пленных моголов с их лошадьми татарской породы. Среди восточных изделий, которые египетским послам было поручено преподнести королю Сицилии, был жираф, животное, которого до того времени никогда не видели на Западе.

Любопытные обстоятельства, которые мы могли бы привести далее, ничего не добавили бы к уже сложившемуся мнению о благоприятном влиянии крестовых походов на прогресс сельского хозяйства и промышленности. Богатства Азии, привезенные в Европу, вскоре породили стремление к развитию искусств, которые украшают жизнь, и наук, которые удваивают способности человека.

В десятом веке архитектура заключалась в строительстве башен, валов и крепостей. В жилищах великих все приносилось в жертву необходимости обеспечивать оборону от врага; ничто не могло быть потрачено на комфорт или великолепие. Жилища людей, даже в городах, едва ли защищали их от повреждений, наносимых погодой, или от неводержанности времен года. Единственными архитектурными памятниками были те, которые были посвящены предкам. До того, как появились великолепные дворцы для принцев или удобные дома для богатых, строились здания, посвященные религии. Едва ли возможно перечислить церкви и монастыри, построенные в одиннадцатом и двенадцатом веках. Согласно мнению того времени, наиболее верным способом искупления грехов было строительство церкви или монастыря. Таким образом, архитектурные памятники возникли по зову покаяния, а религиозное вдохновение в

некотором роде возродило чудеса, которые баснословная древность приписывала лире Амфиона.

В каждом городе, в каждом населенном пункте жители гордились украшением своего собора и алтарей, у которых они взывали к святому, которого приход выбрал своим покровителем. Можно сказать, что в этом благочестивом рвении было что-то вроде патриотизма, ибо базилика, или отеческая церковь, была тогда самым благородным и разумным образом страны.

В начале крестовых походов существовало религиозное братство, состоящее из людей, искушенных в строительных работах; они путешествовали по миру, предлагая верующим свои услуги по строительству или ремонту церквей. Другое братство было создано с полезным проектом строительства мостов для паломников и путешественников. Часовня или молельня напоминали пассажирам, что мост, по которому они переходят, был делом милосердия.

Духовенство, которое было богато и могло демонстрировать свое богатство только в зданиях, прославляло возведение церквей. Чтобы завершить свою работу, они призвали на помощь живопись и скульптуру, которые, как и архитектура, были обязаны своим появлением набожности и чьи самые ранние шедевры были посвящены украшению алтарей христианской религии.

Нет ничего более обыденного, чем видеть, как благородные крестоносцы, отправляясь в Палестину или возвращаясь на Запад, основывали монастырь или церковь. Названы имена нескольких паломников, которые, вернувшись из Иерусалима, потратили свои сокровища на строительство церквей, форма которых могла бы дать им изображение гроба Господня, который они посетили. Сокровища, отвоеванные у неверных, часто использовались для строительства таких зданий. Перед первым крестовым походом некоторые города Италии предприняли экспедицию в Африку, и награбленное предназначалось для украшения церквей. В итальянской хронике мы читаем, что пизанцы уступили греческому императору Кало-Иоанну несколько принадлежавших им городов в Малой Азии при условии, что этот император оплатит расходы, необходимые для строительства дворца архиепископа в Пизе и украшения собора в Палермо.

Во время крестовых походов вид памятников архитектуры, которыми восхищались на Востоке, должно быть, пробудил подражание у западных паломников. Ничто не могло превзойти удивления крестоносцев при виде города Константина. Фуше де Шартр в своем восторге воскликнул: «О, какой огромный и красивый город Константинополь!» Немецкий историк Гюнтер также выражает свое восхищение и говорит, что в такое великолепие нельзя было бы поверить, если бы его не видели. Маршал Шампани рассказывает, что французские рыцари, увидев прекрасные башни и великолепные дворцы Византии, не могли убедить себя, *что во всем мире может быть такой богатый город!*

Италия, получавшая такие преимущества от своих отношений с Востоком, в значительной степени воспользовалась шедеврами Греции. Жители Рима и нескольких других городов, основанных и украшенных римлянами, имели перед собой остатки древности, которые могли служить им образцами. Богатства, которые приносила им торговля, давали им средства для поощрения промышленности и искусств, которые помогают украшать города. До крестовых походов в городах Италии, в частности в Венеции, были дворцы и роскошные сооружения. В тринадцатом и четырнадцатом веках вкус к красивой архитектуре изменил облик Италии и постепенно распространился по всей остальной Европе.

Мы должны, однако, добавить, что изящные искусства, за исключением архитектуры, очень мало были обязаны частым связям с Востоком. Мусульмане презирали живопись, которым Коран запрещал воспроизведение изображений человека или одушевленных существ. Точно так же, как, возможно, помнят наши читатели, латиняне после взятия Константинополя разрушили большинство памятников, воздвигнутых гением скульптуры, и превратили шедевры Фидия и Проклеса в монеты.

Ленивый и молчаливый характер жителей Востока не был рассчитан на то, чтобы довести музыку до совершенства, поскольку это искусство свидетельствует о живом и пылом воображении народа; и греки надолго утратили секрет тех мелодичных песен, которые во времена Лина и Орфея очаровывали вершины Родоп и леса Меналя. Таким образом, история музыки имеет очень мало общего с историей священных войн. Когда Италия увидела возрождение изобразительного искусства, оно возникло как естественное порождение почвы, как растения, присущие климату; своим великолепием оно было обязано процветающему состоянию общества и последовало за ним как следствие богатства и роскоши, порожденных торговлей и промышленностью.^[122]

Возрождение изобразительного искусства возвестило о возрождении литературы. Но если верно, что своим развитием письменность отчасти была обязана влиянию крестовых походов, то следует признать, что крестоносцы не всегда проявляли склонность извлекать из них пользу для себя: ничто не может сравниться с невежеством крестоносцев, которые затем отправились на Восток. История сообщает нам, что после взятия Иерусалима они сожгли в Триполи библиотеку, в которой хранились самые ценные памятники восточной литературы: при взятии Константинополя пожар поглотил литературные сокровища древней Греции. Крестоносцы взирали на это несчастье с таким безразличием, что ни одна из их хроник не упоминает об этом, и потомки так и остались бы в неведении об этом, если бы не красноречивые жалобы Никиты.

Наукой, которая больше всего выиграла от этих дальних экспедиций, несомненно, была география. До крестовых походов эта наука была совершенно неизвестна. Страны, наименее удаленные друг от друга, не имели никакого сообщения. Бургундию почти не знали в Париже; в Бургундии Париж считался очень отдаленным местом. Крестоносцы, следовавшие за Петром Отшельником, не были знакомы с названиями городов Германии и Венгрии, через которые они проходили. Они потерпели поражение при Мерсбурге, и современные хроники, рассказывающие об этом, довольствуются тем, что называют венгерский город *Маллевиллем*, или городом несчастий.

Если франки едва знали свою собственную страну, то каким же должно было быть их невежество в отношении стран Востока? Мы можем судить по необходимости, которую они испытывали в том, чтобы взять своих проводников из числа греков, которым они не доверяли, и по их крайнему смущению, когда эти проводники бросали их. Несколько армий погибли из-за незнания мест, к которым привела их победа. Большинство хронистов знали об этом деле не больше, чем крестоносцы; и именно поэтому так трудно следить за ними в Малой Азии и Сирии.

Одним из наиболее примечательных обстоятельств является то, что из более чем двухсот хроник, в которых говорится о Египте, мы не смогли найти более одной, в которой упоминаются Пирамиды. Иаков Витрийский, долгое время проживший в Сирии и, по-видимому, обладавший таким объемом знаний, который был тогда обычным для образованных людей, повторяет в своих описаниях Востока басни Геродота, такие как история амазонок и фениксов. Мы едва

можем удержаться от смеха над простой доверчивостью Жуанвиля, который серьезно сообщает нам в своих воспоминаниях, что деревья земного рая дают корицу, имбирь и гвоздику и что эти пряности вылавливают из вод Нила, куда их уносит ветер.

Крестоносцам, постоянно занятым боевыми действиями, никогда не приходило в голову познакомиться со странами, покоренными их оружием. Тем не менее, вследствие них религия и коммерция, одна из которых была движима желанием распространить Евангелие, другая - надеждой разбогатеть, открыли несколько новых путей и приобрели полезные представления о Востоке во время крестовых походов. Миссионеры, посланные римским двором и Людовиком Святым, путешествовали по обширным регионам Азии, и торговля либо следовала за ними, либо опережала их в этих далеких путешествиях. Отчеты Рубруки, Асселина, Джона План Карпина и Марко Паоло содержат наблюдения, истинность которых признана и в наши дни.

Мы можем добавить, что крестоносцы, прибывшие из всех стран Европы, познакомились друг с другом под знаменем креста. Нации больше не были чужими друг для друга, что рассеяло невежество, в котором они пребывали относительно названий городов и провинций Запада.

Географические карты этого периода не дают ни очертаний земного шара, ни протяженности стран, ни положения или пределов правления императоров; они просто обозначают с помощью расплывчатых обозначений то, что наиболее сильно поражало путешественников, — например, диковинки каждой страны, животных, здания и различную одежду людей. Мы видели карту мира, которая прилагается к "Хронике Сен-Дени" и которая, по-видимому, была составлена в тринадцатом веке: мы не находим, как на современных картах, обозначений четырех сторон света, но на четырех сторонах написаны названия основных ветров в количестве двенадцати. Иерусалим, согласно мнению того времени, расположен в центретрех частей известного мира; большое здание, увенчанное крестом, символизирует святой город. Вокруг этой королевы городов автор карты изобразил по другим зданиям города Палестины, Сирии, Египта и т. Д.: расстояния отмечены без какого-либо внимания к точности; все кажется случайным образом нанесенным на бумагу: эта беспорядочная масса зданий или домиков, кажется, отражает не столько вселенную, сколько бесформенную картину большого города, построенного без плана или регулярности.

По этому мы можем судить, насколько полно география находилась тогда в зачаточном состоянии; но в то же время становится очевидным, что ею не совсем пренебрегали, как это было до того времени. Таким образом, мы имеем право полагать, что они не стояли бы там на месте и что географические знания вскоре продвинулись бы вперед. В четырнадцатом веке страны Востока были уже гораздо лучше известны, если судить по карте, которую Санути представил папе римскому и которую можно увидеть в сборнике "Историки крестовых походов" Бенгарса.

Наиболее полезные для человека науки, такие как медицина, могли бы добиться некоторого прогресса во время крестовых походов, если бы крестоносцы воспользовались знаниями жителей Востока. В частности, в медицине арабы обладали более положительными знаниями, чем латиноамериканцы. При осаде Птолемаиды мы видели, что Саладин посылал своих врачей к Ричарду; но мы не узнаем, что король Англии посылал своих к Саладину, когда тот заболел. Во время первого крестового похода Людовика Святого врачи, сопровождавшие армию крестоносцев, ничего не понимали в цинге и других эпидемических заболеваниях, которые причиняли такие разрушения в лагере христиан. Их невежество было не менее губительным,

чем зараза: когда Людовик IX и его воины попали в плен к мусульманам, болезни, которые их терзали, сразу прекратились, потому что они больше не лечились у своих собственных врачей, а были переданы под опеку арабов.

Затем Восток снабдил Европу несколькими процессами и лекарствами, от которых современная медицина долгое время получала огромную пользу. Кассия и сенна пришли из Азии и стали известны на Западе в период крестовых походов. Териака, сыгравшая столь большую роль в медицине средневековья, была привезена из Антиохии в Венецию. Роберт Нормандский, вернувшись из Святой Земли после взятия Иерусалима, получил в школе Салерно сборник египетских заповедей, которые стали притчами у всех народов Европы.

И все же эти открытия и эти знания жителей Востока не слишком просветили Запад в искусстве врачевания. Чтобы должным образом усвоить уроки опыта такого рода, были необходимы предварительные исследования, а европейские врачи в то время были слишком невежественны, чтобы воспользоваться знаниями арабов. В этот период религиозная благотворительность создала огромное количество открытых приютов для страждущего человечества. Но это милосердие, каким бы замечательным оно ни было, когда его целью было ухаживать за больными и утешать их в их страданиях, очень мало знало о симптомах или характере бесчисленных болезней, которые поражают жизнь человека. Можно с уверенностью сказать, что во время крестовых походов мы получили с Востока гораздо более серьезные болезни, чем истинное обучение медицине. Мы знаем, что во времена крестовых походов в Европе существовало множество лазаретов, но нам ничего не известно о средствах, применявшихся для излечения от проказы. Изоляция, по-видимому, была единственным известным целебным или консервирующим средством при этой болезни, которую многие ученые врачи теперь считают простым предрассудком. Дух преданности щедро одаривал прокаженных, ничего не делая для их излечения. Проказа, в конце концов, исчезла без помощи медицины, и имущество, переданное лазаретам, было передано больницам; что было выгодно человечеству и может быть записано как одно из преимуществ крестовых походов.[\[123\]](#)

Мы ничего не будем говорить о других науках, которые были обязаны священным войнам еще меньше, чем география и медицина.

Сирийские сарацины были очень мало просвещены в средние века. На Востоке состояние знаний, как и всего остального, зависело от правления великого князя; пока этот князь правил, знание процветало под его влиянием; после его смерти все погрузилось во тьму, что является естественным состоянием стран, управляемых исламом.[\[124\]](#)

Франки выиграли больше от торговли с греками, чем от торговли с сарацинами. Крестоносцы установили постоянные отношения между городами Италии и Византийской империей. Некоторые искры греческого гения мерцали в Италии еще до взятия Константинополя турками.

Колледж для молодых греков был основан в Париже во времена правления Филиппа Августа. В XIII веке в Болонье, Париже и Саламанке процветали университеты, в которых преподавался греческий язык; позже к нему были добавлены восточные языки по постановлению Венского собора.

В хронике Сен-Дени мы находим такие замечательные слова: “В этом, 1257 году, Вильгельм, врач, привез из Константинополя несколько греческих книг”. Таким образом, прибытие

некоторых томов из Греции было событием, достойным того, чтобы его зафиксировать, и важность, придаваемая ему, уже говорила о настроении умов людей.

Когда турки стали хозяевами Константинополя, ученые, изгнанные из своей страны, обосновались в Италии, где греческие музы заключили союз с латинскими музами. Почтенных толкователей древности повсюду радушно встречали, и за распространение их знаний платили щедрым гостеприимством. Среди выдающихся людей, которым музы древней Греции были обязаны почетным покровительством, мы не должны забывать Николая V, который, будучи главой христиан Запада, отлучил греческую церковь от церкви и, как ученый, по-видимому, поклялся поклоняться гению Гомера и Платона.^[125] Недавно изобретенное книгопечатание использовалось для сохранения литературных сокровищ, привезенных с Востока, и навсегда защищало их от косы Времени, фурий войны или рук варваров. "Илиада" и "Одиссея" нашли читателей в местах, вдохновлявших Энеиду; речи Демосфена снова читались среди развалин форума, где образованные люди могли поверить, что они все еще слышат голос Цицерона. Гений итальянцев, воспламененный шедеврами древнего Рима и древних Афин, породил новые шедевры; и Италия явила явление, которое мир, возможно, никогда больше не увидит, — явление нации, которая в течение нескольких столетий дважды завоевала пальму первенства в литературе на двух разных языках.

Именно из Константинополя мы получили философию Аристотеля. Мы едва ли можем сказать, в какой степени истинные друзья разума должны поздравлять себя с этим. У Аристотеля были ученики, приверженцы и мученики; философ из Стагиры был очень близок к тому, чтобы его предпочли Библии; презирающих Аристотеля называли *Biblici*. В тот период в школах была внедрена мания к тонкостям, которая позорила преподавание философии. Разум больше изучался не в человеческом разуме, а в книге; природу больше изучали не во вселенной, а у Аристотеля. Школы стали похожи на фехтовальные поединки. В эпоху, когда все решалось насилем, человеческий разум пожелал иметь свой вид ведения войны; так что победа в большинстве дел считалась справедливой; и в школах она стала единственной причиной. Мы можем полагать, что эта философия не слишком способствовала продвижению истинной мудрости; но мы должны признать, что если она и сбила на мгновение с пути человеческий разум, то не совсем остановила его прогресс. Она упражняла способности человека и тем самым помогала их развитию. На заре становления обществ не столько ошибки разума, сколько его бездействие удерживают нации во тьме варварства.

Никогда еще университеты не посещались так посещаемо, как в этот период. Число студентов в школах Парижа, Болоньи и Оксфорда, по слухам, достигало десяти тысяч. Великие привилегии, предоставленные университетам, доказывают уважение, с которым тогда относились к обучению. Доктора оспаривали прецедент с самим рыцарством. Если верить Бартоло, десятилетнее преподавание римского права принесло ему звание *рыцаря*. Это достоинство называлось *рыцарством учености*, а те, кто достигал его, назывались *рыцарями-клерками*.

Среди всех порождений разума на первое место следует поставить те, которые имели целью сохранение памяти о событиях. Во все периоды средневековья появлялись хроники, в которые заносились важные факты истории. Во многих монастырях велись реестры или журналы, в которые заносилось все примечательное, что происходило в различных частях света. Монахи на общих собраниях иногда передавали эти записи друг другу, и это общение помогало им сделать

свои хроники более полными. В менее отдаленные от нас эпохи другие киновиты с кропотливой заботой собирали те же самые хроники, сокрытые в уединении монастырей, и передали их потомкам как наиболее ценные памятники старины.

Древние летописцы были простыми и благочестивыми людьми; они считали малейшую ложь смертным грехом; они были скрупулезны в том, чтобы говорить правду, когда были знакомы с ней. Большинство из них сочли бы себя неподготовленными к обязанностям историка, если бы не вернулись к сотворению мира или, по крайней мере, к всемирному потопу. Среди событий, о которых они рассказывают, они никогда не забывали таких, которые поразили бы простолюдинов и которые поразили их самих; как перевороты в природе, голод, чудеса и т. Д. В соответствии с духом их эпохи, основание монастыря занимает более заметное место в их сольных концертах, чем основание королевства или республики. Политика им совершенно неизвестна, и все, что их удивляет, все, что им нелегко постичь, они редко объясняют чудом.

Таков характер наших старых хронистов; и даже когда они не сообщают нам того, что мы желаем знать, их простота трогает нас, а непосредственность интересует. Когда они рассказывают нам о чудесных вещах, в которые верили в их времена и в которых они, кажется, полностью убеждены, они не делают ничего, кроме того, что рисуют себя и свою эпоху.

Но мы должны остерегаться воображать, что восточные хроники того же периода более совершенны, чем наши собственные. Мы находим в них тот же дух суеверия и легковерия, соединенный с тем духом фатализма, который характеризует мусульманскую веру.

Совершенно напрасно мы ищем у арабских историков какие-либо из тех мыслей, которые учат нас разбираться в человеческих страстях или политических революциях. Они почти всегда пренебрегают наиболее важными обстоятельствами событий, чтобы описать причудливые особенности или вдаваться в незначительные детали; таким образом, подчиняясь духу восточного деспотизма, который желает, чтобы человек всегда был занят мелочами. Когда они рассказывают о падении империи, если их спросить, почему она пала, они отвечают: “Бог знает, Бог пожелал, чтобы это было так”. Во всех их хрониках, к которым мы обращались, всякий раз, когда мусульмане одерживают победу над христианами, мы никогда не находим никакого другого отражения, кроме этого: “Бог есть Бог, и Магомет - его пророк”. Когда христиане одерживают победу, мусульманские хроники хранят совершенное молчание, довольствуясь словами: “Пусть Бог проклянет их!”

Восточные исторические труды очень далеки от того, чтобы компенсировать это отсутствие замечаний другими достоинствами, такими как порядок, ясность или элегантность; большинство их рассказов представляют собой не что иное, как беспорядочно упорядоченную номенклатуру фактов. Цитаты из Корана, стихи, произнесенные при наступлении того или иного события, некоторые сравнения, принадлежащие скорее поэзии, чем истории, — вот единственные украшения их повествований.

Из этого мы видим, что нашим средневековым хроникам нечего завидовать хроникам Востока. Большинство из них, это правда, чрезвычайно сухие и не отличаются ни точностью, ни методичностью. Но все же некоторые из них не кажутся недостойными привлечения внимания ученых и людей со вкусом. Поскольку их авторы писали на латыни, у нас есть основания

полагать, что великие произведения древности не были им неизвестны, и во многих их рассказах мы можем легко заметить, что у них были образцы.

История, должно быть, достигла некоторого прогресса во время крестовых походов. Эти длительные войны между христианами и мусульманами были похожи на грандиозное зрелище, на котором присутствовали Европа и Азия. Важность этих событий и живой интерес, который проявил к ним христианский мир, вдохновили нескольких авторов на желание проследить их историю. На Западе возникла целая толпа хронистов, среди которых некоторые были вполне достойны называться историками. Каждый знаком с Вильгельмом Тирским, которого можно назвать Ливием времен крестовых походов, Альбером д'Экс, Бодри, архиепископом Дольским, Одо Деуйским и особенно с Джеймсом де Витри, у которого мы встречаем яркие и одушевленные описания, быстрый и плавный стиль и почти всегда элегантно повествование; и, наконец, не в последнюю очередь, с Вильгардуэном и Жуанвилем, писавшими на французском языке и чьи мемуары являются самыми ранними памятниками французской литературы.

Но все эти события, представившие историкам такие яркие картины, чудеса зарождающихся институтов, чудеса социального мира, возникшего из хаоса варварства, должны были не только пробудить любопытство, они должны были ярко поразить умы новых поколений. Это грандиозное зрелище, без сомнения, способствовало развитию способностей, связанных с воображением. После того как мы увидели простые и верные связи событий, гений поэтов был призван что-то добавить к правдивым картинам хронистов. Трубадуры, процветавшие во время крестовых походов, вряд ли могли пренебречь подвигами стольких доблестных рыцарей. Мы слышим, как их голоса постоянно смешиваются с голосами проповедников священных войн, и обнаруживаем, что их поэтические вымыслы повсюду смешиваются с историческими повествованиями.

Среди воинов, отправившихся на Восток сражаться с неверными, отличилось множество трубадуров и труверов. Мы видели роман Рауля де Куси и стихи Тибо, графа Шампанского. К этим именам, известным в моде французских муз, мы можем добавить имена графа Пуатье, графа Анжу, герцога Бретани, Фридриха II и Ричарда Львиного Кер-де-Лиона. Часто эти знатные крестоносцы скрашивали скуку долгого паломничества поэтическими развлечениями и воспоминаниями. Граф Суассонский, находясь в плену у Людовика Святого, пел дифирамбы дамам Франции в присутствии сарацин и под самыми их мечами. Одна хроника повествует, что в конце третьего крестового похода герцог Бургундский выступил с сатирой против Ричарда, и что Ричард ответил стихотворением. Примера этих князей было достаточно, чтобы пробудить соперничество поэтов; и поскольку они слагали свои стихи на французском языке, этот язык, на котором тогда говорили в Иерусалиме, Константинополе и многих других местах Востока, должно быть, преобладал над всеми современными идиомами.

Муза трубадуров воспевала рыцарство, любовь и красоту; муза труверов, живших на берегах Луары и в провинциях, расположенных за этой рекой, восхищалась песнями более серьезного толка. У труверов были соперники в Англии и Германии. Эти поэты создали для себя героический и новый мир, который вдохновлял их на благородные поступки. Они прославляли высокие подвиги Артура и Ринальдо, рыцарей Круглого стола, Карла Великого, Роланда и двенадцати пэров Франции. К этим именам они добавили имена Годфри, Танкреда, Ричарда и

Саладина, воспоминание о которых живо интересовало все христианские народы средневековья.

Чудесное среди людей связано с их привычками, воздействием климата и великими революциями в обществе. Вследствие смешения и неразберихи различных народов в средние века чудесные традиции Севера смешались с традициями Юга и породили полуварварскую мифологию, которая сильно отличалась от смеющейся мифологии греков. Но труды, опасности, подвиги религиозной войны, далекой войны, подобной войне крестовых походов, должны были придать более благородное направление воображению поэтов и уберечь его от того, что было обычным и причудливым в романтических представлениях грубой эпохи. То, что происходило тогда на реальном театре событий, было более необычным, чем выдумки поэтов; и все чудесное того периода было тем легче уловить, что его можно было найти в реальной истории.

Тогда родилась новая литература, соответствующая духу нового состояния общества. Если бы эта литература, которая, по выражению ученого Герена, носила характер национальной и современной оригинальности, породила такие великие произведения, как "Илиада" и "Одиссея", музы открыли бы для себя путь, неизвестный древним; язык с тех пор был бы обогащен, усовершенствован, закреплён самими шедеврами; и история говорила бы об эпохе крестовых походов, как она говорит нам об эпохе Августа или Перикла.

К сожалению, наша средневековая литература породила лишь безразличные поэмы, которые не смогли заставить нас забыть великие произведения древности. Там не было ничего, кроме романтических произведений, в которых интерес к предмету вызывался вовсе не талантом, и стихотворений, авторы которых, хотя и остроумны и изобретательны, не обладали тем авторитетом гения, который влияет на мнения эпохи и даже потомков.

У нас есть более чем одна причина сожалеть о том, что человеческий разум не открыл для себя нового пути в период крестовых походов. Нет сомнения, что древние предлагают нам более совершенные образцы вкуса; но по мере того, как люди в конце концов проникались страстью к грекам и латинянам, современные нации пренебрегали своей собственной древностью ради древностей Афин и Рима. При изучении шедевров, которые не имели никакого отношения к нашей собственной славе, память о наших собственных предках нисколько не примешивалась; и знания, которые они нам дали, ничего не добавили к нашему патриотизму. Какой интерес и какую ценность имели бы для нас воспоминания о нашей стране, если бы они были прослежены литературой, сформированной в соответствии с нравами нации и которая в некотором роде началась бы с самой нации!

Большинство романистов и даже поэтов того времени, у которых не было образцов и отсутствовал вкус, не находили другого способа заинтересовать своих читателей, кроме как преувеличением рыцарских чувств. Доведенное до крайности подражание было принято за реальность, и нашлись рыцари, желавшие делать то, что они видели в романах и поэмах. Так появилось странствующее рыцарство. Таким образом, во все времена состояние общества влияло на литературу, а литература, в свою очередь, влияла на состояние общества.

Романсы, посвященные рыцарству и крестовым походам, претерпели изменения, которым подверглись нравы и обычаи; и этот вид сочинения дошел до наших дней, выражая, по очереди, вкусы, чувства и мнения каждой эпохи. Древности это было совершенно неизвестно.

Он родился вместе с романским языком, название которого он взял; и те, кто сейчас получает от него удовольствие, должны быть благодарны за это эпохе крестовых походов.

Такого рода произведения, привлекавшие любопытство и внимание простонародья, способствовали формированию национального языка, который затем, по-видимому, вызывал презрение у образованных людей. Латинский язык по-прежнему оставался языком наук и обучения. Но он утратил свою правильность и чистоту. Латынь пятнадцатого века была более испорченной, чем латынь двенадцатого. Романский и латинский языки имели тенденцию искажать друг друга своим смешением и взаимными заимствованиями.

Знания, однако, продолжали расти и распространяться и в значительной степени способствовали совершенствованию нравов народов Европы. Одним из доказательств того, что крестовые походы были связаны с этими первыми шагами цивилизации, является то, что знания и письменность впервые расцвели среди народов, обогащенных торговлей, которой способствовали священные войны, как в Италии; и у народов, которые имели наибольшее общение с восточными народами, как испанцы. Двум изобретениям было суждено завершить эту счастливую революцию и ознаменовать начало и конец периода крестовых походов. Первым было изобретение бумаги, о котором стало известно в Европе незадолго до первой экспедиции на Восток; вторым - изобретение книгопечатания, которое произошло ближе к концу священных войн.

Нам остается сказать лишь немного о результатах крестовых походов. Несколько выдающихся авторов говорили о них до нас, и информация, которую они предоставили по этому важному вопросу, хотя и облегчает наш труд, лишь оставляет нам преимущество в выражении мнения, которое было освящено их авторитетом и которое больше не нуждается в защите.

Чтобы лучше объяснить и прояснить все то хорошее, что принесли с собой священные войны, мы в другом месте рассмотрели, что произошло бы, если бы они добились всего того успеха, который могли бы иметь. Давайте теперь попробуем выдвинуть другую гипотезу и пусть наши умы на мгновение остановятся на том состоянии, в котором находилась бы Европа, если бы не экспедиции, которые Запад так много раз предпринимал против народов Азии и Африки. В одиннадцатом веке несколько европейских стран подверглись вторжению, а другим угрожали сарацины. Какими средствами защиты располагала тогда христианская республика, когда большинство государств были преданы вседозволенности, охвачены раздорами и погрузились в варварство? Если бы христианский мир, как замечает г-н Де Бональд, тогда не выходил бы всеми своими воротами и неоднократно, чтобы атаковать грозного врага, разве мы не имеем права полагать, что этот враг воспользовался бы бездействием христианских народов и что он застал бы их врасплох среди их разногласий и покорил бы их одного за другим?^[126] Кто из нас не содрогается от ужаса при мысли о том, что Франция, Германия, Англия и Италия могли испытать судьбу Греции и Палестины?

Начиная нашу историю, мы говорили, что крестовые походы представляли собой зрелище кровавой и ужасной борьбы между двумя религиями, которые боролись за мировую империю; победа принадлежала той из этих двух религий, которая вдохновляла своих последователей и защитников на самые благородные чувства и которая, способствуя среди них прогрессу цивилизации, придавала им большую силу для защиты своих территорий и обеспечения своих завоеваний.

В этой грозной борьбе истинное средство защиты заключалось в превосходстве знаний и социальных качеств. Пока невежество относительно варварства царило над народами Запада, так же как и над народами Азии, победа оставалась неопределенной; возможно, даже большая сила была тогда на стороне более варварских народов, ибо они уже обладали всеми условиями своего политического существования. Но когда над Европой взошла заря цивилизации, она осознала собственную безопасность, а ее враги начали испытывать страх.

Мусульманская религия, благодаря своей доктрине фатализма, казалось, запрещала своим последователям всякое предвидение, и в несчастливые дни в ней не было ничего, что могло бы возродить мужество ее воинов. Христиане, напротив, не теряли ни одной из своих способностей в неудачах: неудачи часто даже удваивали их энергию и активность. Что самое удивительное в истории крестовых походов, так это наблюдать, что поражения христиан в Азии вызывали у воинственного населения Европы гораздо больший энтузиазм, чем их победы. Проповедники священных войн, стремясь убедить христианских воинов взяться за оружие против неверных, ничего не говорили о славе и могуществе Иерусалима, но в своих патетических сетованиях старались преувеличить опасности, несчастья и упадок христианских колоний.

Из этого мы видим, какое преимущество имело христианство перед поклонением Магомету в войне между Востоком и Западом.

Еще один порок Корана заключается в том, что он имеет тенденцию изолировать людей, что вредно для развития их социальных качеств. В империи исламизма нет ничего сильного, кроме деспотизма; но сила деспотизма почти всегда заключается не в чем ином, как в слабости нации, которой он правит. Христианская религия преследует другую цель, когда она говорит своим ученикам: *любите друг друга как братья*. Одной из его самых замечательных характеристик является дух общительности, которым он вдохновляет людей. Всеми своими принципами он предписывает им объединяться, помогать друг другу, просвещать друг друга. Таким образом, это удваивает их силу, постоянно помещая их в сообщество трудов и опасностей, страхов и надежд, мнений и чувств. Именно этот дух общительности породил крестовые походы и поддерживал их в течение двух столетий. Если этот дух не смог обеспечить успех, он, по крайней мере, подготовил христианскую республику в более поздний период к защите с преимуществом. Это сделало народы Европы подобными крепостям, которые невозможно сломить. Оно создало, даже посреди беспорядков, моральную силу, которую ничто не могло победить; и христианство, защищаемое этой моральной силой, в конце концов смогло сказать варварам, хозяевам Константинополя, то, что Бог сказал морским волнам: *вы не пойдете дальше*.

Таким образом, христианство и героические добродетели, которыми оно вдохновляло своих последователей, были в средние века непобедимым щитом для христианской Европы. Когда энтузиазм по поводу крестовых походов за моря начал угасать, главы Церкви все еще зывали к духу Евангелия, чтобы воодушевить народы против мусульман на грани вторжения в Германию и Италию; и, все еще протягивая христианским воинам крест Христов, иногда им удавалось пробудить в сердцах чувства религиозного и патриотического героизма. Таким образом, нельзя отрицать, что крестовые походы способствовали спасению европейских обществ от нашествия

варваров; и это, без сомнения, было первым и величайшим из преимуществ, которые человечество извлекло из них.

Итак, я здесь, мои роды подошли к концу. Возвращаясь к своему мнению и отдавая последнюю дань уважения истине, я должен сказать, что среди результатов крестовых походов есть некоторые, которые кажутся неоспоримыми, другие, которые не могут быть определены с точностью. Я должен добавить, что многие обстоятельства, сопутствовавшие гражданским войнам, способствовали прогрессу знаний и цивилизации. Ничто не может быть сложнее пружин, приводящих в движение современные общества; и тот, кто пожелал бы объяснить ход событий одной-единственной причиной, должен впасть в большую ошибку. Одни и те же события не всегда и не везде производят сходные эффекты, как можно видеть из нарисованной нами картины Европы в средние века. Священные войны способствовали во Франции унижению крупных вассалов, в то время как феодальная власть почти не пострадала от них в Германии и других странах. В этот период некоторые государства были расширены, другие быстро продвигались к своему падению. У одних народов свобода пустила глубокие корни и руководила молодыми институтами; у других власть князей была возвышенной, временами освобождаясь от всех ограничений, у других ограничиваясь мудрыми законами. Здесь процветали торговля, искусства и науки; в других местах промышленность не имела никакого прогресса, и человеческий разум оставался погруженным во тьму. Зародыши цивилизации во времена крестовых походов были подобны тем семенам, которые уносит с собой буря и рассеивает: одни в бесплодных местах, где они остаются неизвестными и непродуктивными; другие - на благоприятной земле, где действие солнца, благоприятная температура и плодородная почва способствуют их развитию и заставляют приносить хорошие плоды.

У каждой эпохи есть свои доминирующие мнения; и когда эти мнения связаны с великими событиями, они накладывают свой отпечаток на институты общества. Другие события, другие мнения, в свою очередь, придают новое направление человеческим делам и изменяют, улучшают или развращают мораль и законы наций. Таким образом, политический мир непрестанно обновляется; поочередно, его тревожат жестокие потрясения, и им правят широко распространенные истины или заблуждения. Если в будущем общества обретут еще одно новое лицо, нет сомнений, что однажды их институты будут объяснены влиянием революций, которые мы видели, так же как мы сейчас объясняем институты прошлых времен влиянием крестовых походов. Пусть потомки соберут и сохранят плоды наших несчастий лучше, чем мы сами собрали и сохранили плоды опыта и несчастий наших отцов![\[127\]](#)

См. Дополнительную главу на стр. 549.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

№ 1.—Стр. 2, том I.

В третьем и четвертом веках христианской эры паломничества в Святую Землю стали настолько частыми, что привели ко многим злоупотреблениям. Святой Августин, Проповедь 3, о мученике. Verb., expresses himself thus: “Dominus non dixit, Vade in Orientem et quære justitiam: naviga usque ad Occidentem, ut accipias indulgentiam.” Тот же святой говорит в другом месте, Serm. 1, de Verb. Апостол. Петри до Рождества Христова: “Нет долгой медитации; уби кредит, уби венис; до конца дней своих, везде есть любовь, не навигация”. Святой Григорий Нисский в письме, озаглавленном “De Euntibus Hierosolymam”, с еще большей яростью выступает против паломничества: он думает, что женщины, в частности, часто встречались на своем пути с возможностью согрешить; что Иисус Христос и Святой Дух не были в одном месте чаще, чем в другом; он считает, что паломничество - это путь к спасению. горько осуждает нравственность жителей Иерусалима, совершивших величайшие преступления, хотя у них постоянно была перед глазами Голгофа и все места, посещаемые паломниками. Святой Иероним пытался отвлечь святого Павлина от паломничества в Иерусалим письмом, которое сохранилось до сих пор: “De Hierosolymis, - сказал он, - et de Britannia equaliter patet aula cœlestis”. Он добавил, что бесчисленная толпа святых и ученых наслаждалась вечной жизнью, никогда не видел Иерусалима; что от правления Адриана до правления Константина изображение Юпитера вызывало поклонение язычников на Голгофской скале и что Венере и Адонису воздавалось горячее поклонение в стенах Вифлеема.

Мы добавляем отрывок из паломничества святого Евсевия Кремонского и его друга святого Иеронима, взятый из заметки, написанной Фрэнсисом Феррариусом, том I “Болландистов”, апрель, стр. 276.

“(390-423 гг. н. э.) Согласно святому Иерониму, святой Евсевий родился в Кремоне, в семье выдающихся родителей, которые не жалели ни сил, ни средств на его образование. Они были вознаграждены быстрым прогрессом их сына в знаниях, но особенно редкими добродетелями, которые он проявлял с самого раннего детства. Поглощенный исключительно религиозными идеями, Евсевий, будучи еще молодым, оставил своих родителей, свою страну и все преимущества, которые сулили ему его происхождение и богатство, чтобы отправиться в Рим и посетить священные памятники, находящиеся в этом городе. Очень скоро, подружившись со святым Иеронимом, жившим в Риме, Евсевий решил сопровождать его в путешествии, которое последний намеревался совершить в Иерусалим.

“Сев на корабль, они по пути посетили остров Кипр, прошли через Антиохию, где были приняты святым Павлином, который был епископом этого города,^[128] и благополучно прибыли в Иерусалим. Совершив свои богослужения в местах, освященных присутствием Христа, они посетили Вифлеем, Голгофу, Елеонскую гору и гору Фавор, долину Иосафата, замок Эммаус и продолжили свое паломничество до Египта, чтобы стать свидетелями постов и аскез, которым

предавались благочестивые фиванские отшельники. По возвращении в Иудею их внимание особенно привлек город Вифлеем, и они решили основать там монастырь, который вскоре наполнился религиозными людьми, склонными следовать правилам, установленным самим святым Иеронимом. Но толпа паломников с каждым днем становилась все больше, и, не зная, как их прокормить и разместить, два друга были вынуждены вернуться в Италию, чтобы продать имевшееся у них там имущество, которое они предназначали для этих благочестивых целей. Святой Иероним, вынужденный своими делами отправиться в Рим, встретился там со святой Паулиной, происходившей из древнего рода Гракхов. Эта дама, узнав о замысле, который привел его в Италию, решила последовать его примеру: она отказалась от своего состояния, своей страны и своих детей и последовала за ним в Вифлеем, где основала монастырь для дев, которым управляла самостоятельно до самой своей смерти. Святой Иероним, израсходовав привезенные им крупные суммы на строительство больницы для паломников, завершил свою благочестивую карьеру в Вифлееме в преклонном возрасте. Евсевий, который был назначен настоятелем после смерти своего друга, пережил его всего на два года. Глубоко опечаленный своими монахами, для которых он постоянно был благодетелем и отцом, он был похоронен, согласно его желанию, вместе со святым Иеронимом, недалеко от конюшни, в которой родился Спаситель. Так соединились в могиле, какими они были при жизни, и какими они, без сомнения, являются на небесах, куда их поместили их добродетели, два человека, которые отреклись от всего, что было им дороже всего, чтобы укрепить веру верующих и стать в далекой стране утешителями несчастных”.

№ 2.—Стр. 3, том I.

Маршрут из Бордо в Иерусалим.

Хотя мы не считаем необходимым в настоящее время приводить, как это сделал г-н Мишо в своих “Отрывках оправданий”, весь этот знаменитый Маршрут целиком,^[129] с замечаниями о местах, через которые мы проезжали; мы думаем, что удовлетворим похвальное любопытство многих наших читателей, представив подробности, чтобы показать маршрут, по которому первые паломники отправлялись в Святую Землю.

Ученые люди считают этот Маршрут самым точным из дошедших до наших дней; впервые он был напечатан в 1588 году заботами знаменитого Пьера Питона с рукописи на пергаменте, хранящейся в его собственной библиотеке; и которая, когда господин Мишо писал эту историю, находилась в Императорской библиотеке в Париже. Этот маршрут был составлен примерно в 333 году христианской эры. Фактически, автор его сообщает нам, что он отправился из Константинополя в Халкидон и что он вернулся в Константинополь под консульством Далматия и Ксенофила, которые, как мы узнаем от Кассиодора и других авторитетов, были консулами вместе в 333 году. Автором был христианин из Бордо, целью которого в этом произведении было облегчить своим соотечественникам путешествие в Святую Землю, которое он совершил сам.

Пример императрицы Елены и великолепие, с которым она украсила скромное местечко, где родился наш Спаситель, особенно возбуждали в то время рвение и любопытство христиан к подобным путешествиям. Отрывок из Псалмов, плохо переведенный на греческий, считался пророчеством и заповедью всем верующим посещать святые места. В Псалмах читалось: “Будем поклоняться Господу на том месте, где были поставлены ноги Его”, и епископы того

времени непрестанно повторяли: “Псалмопевец пророчествовал и сказал; Будем поклоняться Господу на том месте, где были поставлены ноги Его”. Это есть в 132-м Псалме, и Иероним, Евсевий и другие не понимали этого иначе; Вульгата переводит это так: *Adorabimus in loco ubi steterunt pedes ejus*; но на иврите сказано только: *Мы падем ниц перед подножием твоих ног*, то есть перед святым ковчегом; и это версия на английском.

Покинув этот знаменитый город, наш паломник направился в Тулузу, проезжая мимо Оша, из Тулузы в Нарбонну, проезжая мимо Каркассона, а из Нарбонны в Арль, проезжая мимо Безье и Нима. Арль был тогда очень известным городом, его называли Маленьким Римом галлов. Он продолжает свой путь в Италию и, проехав через города Авиньон, Оранж, Валанс, Дье, Гап и Эмбрун, прибывает к подножию Коттийских Альп (*Alpes Cottiae*); в Бриансоне он начинает восхождение на гору Женевр и вскоре оказывается в Сузах в Италии. Затем он въезжает в Турин, следует по реке По, пересекает прекрасные равнины Пьемонта, которые находятся к северу от этой реки, пока не достигает Павии; он снова поднимается на север и прибывает в Милан, тогда второй после Рима город Италии. Продолжая свой путь на Восток, паломник проходит через Бергамо, Брешию, Верону, Виченцу и прибывает в Аквилею, тогда великий город, но впоследствии разрушенный Атилой. Затем он поднимается на Юлийские Альпы, которые отделяют Фриули от Карниолы. Он прибывает в Эмо (Место отдыха) и в двадцати трех милях от этого места отмечает границы Италии и Норики; эти границы были в то время границами Западной и Восточной империй.

Наш паломник, покинув викариат Италии, или древнюю Цизальпинскую Галлию, попадает в епархию Иллирии, далее направляется в Килли и достигает города Петау в современной Штирии. Пересекая реку Драве, он попадает в Нижнюю, или Вторую Паннонию; но продолжает следовать по северным берегам Драве, или южным границам современной Венгрии, и, пересекая Верхнюю Паннонию, он направляет свой курс на юг и достигает берегов Савы в *Сибалисе*, который располагался там, где сейчас стоит современная деревня Свилай, к востоку от Брода. Двигаясь на Восток, он въезжает в *Сирмий*, в то время один из самых значительных городов Восточной империи, от которого сейчас почти не осталось следов. Недалеко от Сирмия наш паломник приходит к слиянию Савы и Дуная, в *Сингидунуме*, где в настоящее время находится Белград, который, как он сообщает нам, заканчивается Верхней Паннонией. Пересекая Сейв, он оказывается в Месии, ныне Сербии, и следует по течению Дуная. В *Виминациуме*, ныне лежащем в руинах, недалеко от Ви-Паланки и Рама, наш паломник не забывает отметить, что именно в этом месте Диоклетиан убил Карина, что согласуется с описанием этого события Евтропием. Покинув берега Дуная в Виминациуме, он направляет свой курс на юго-восток, следуя римской дороге, которая немного отклоняется от берегов Моравы, и примерно за пятьдесят миль до того, как он прибывает в Ниссу, он указывает на станцию, называемую *Мансио Оромаго*, как границы Месии и Дакии; но мы должны заметить, что это Дакия Аврелиана, а не Траяна, о которой он говорит. Проехав через Ниссу в Сербию, он прибывает в город *Сардика*, руины которого сейчас можно увидеть недалеко от Софии, или Триадицы. Продолжая следовать тем же маршрутом, что и в наши дни, из Белграда в Константинополь, он устанавливает границы между Дакией и Фракией, сразу за *Мутацией Сенсио*. Из Филиппополя, или Фелибры, наш паломник отправляется в *Ираклию*, ныне Эрекиль, на побережье Мраморного моря, и, наконец, в Константинополь. Из Константинополя, говорит наш путешественник, вы пересекаете Босфор, прибываете в Халкидон и идете через Вифинию. В Либиссе, близ Гебизы, на берегу Пропонтиды, как отмечает наш паломник, находится гробница Ганнибала; это подтверждается Плинием, Плутархом, Евсевием и др. Турнефор и Белу,

из числа современных исследователей, говорят, что видели гробницу в этом месте. После прибытия в *Никомедию* (Исникмид) наш паломник продолжает свой маршрут и, проезжая через Ниццу (Исник), отмечает недалеко от Кераты границы Вифинии и Галатии. Затем в *Анкиру*, близ Ангоры, затем в Андрапу, где он определяет границы Галатии и Каппадокии. Продолжая двигаться на юго-восток, в Карисманию современности, он достигает Тианы, которая, по его словам, является страной мага Аполлония. Далее следует место под названием Пилас, а вскоре за ним Тарс, о котором он не преминул сообщить нам, что это страна апостола Павла. Затем он въезжает во Вторую Киликию, которая образовывала одно из подразделений Восточной империи. В девяти милях от Александрии (или Скандерона) он отмечает границы Киликии и Сирии и, наконец, прибывает в город Антиохию (Антакию). Затем наш путешественник продолжает свой маршрут по римской дороге, которая проходила вдоль побережья Сирии, и в *Балнее* (Бельния) указывает границы Сирии и Финикии. Проезжая мимо небольшого местечка под названием *Антарадус* (Центр -Арадус), которое является Тортосой времен крестовых походов, он обращает внимание на то, что сам город Арадус находится всего в двух милях от побережья. Этот могущественный город был построен на маленьком острове, который современные люди называют Руад. Наш путешественник пересекает *Триполис* (Тараболес), затем Беритус (Бераут) и прибывает в *Сидону* (Саид). Рядом с Тиром (ныне маленькая деревушка Сур); оттуда в Птолемаис (Сен- Жан д'Акр), а в Сикамене он оказывается у подножия горы Кармил. В восьми милях от этого места он указывает границы Сирии и Палестины и прибывает в Кесарию (Кайсарих). Покидая Кесарию, наш паломник сходит с прямой дороги, ведущей в Иерусалим. Чтобы лучше выполнить цель своего путешествия и посетить Палестину, он направляет свой курс на Восток, к почитаемым водам Иордана. Прервав свой маршрут, чтобы сделать несколько библейских замечаний, он направляется к берегам Иордана, в местечко под названием *Скифополь* или *Вифсан*, названное современными Бисаном; затем, направляясь к югу от Иерусалима, он проезжает *Асер*, “в котором был дом Иова”, и в пятнадцати милях оттуда въезжает в *Неаполис* или *Сихем*, Наболи современных. Здесь он перестает следовать каким-либо прямым маршрутом, но посещает все места, которые запомнились в Ветхом или Новом Завете, и рассказывает о них в своем путешествии из Неаполя в Иерусалим. Увидев все, что могло привлечь внимание благочестивого и хорошо информированного христианина, он возвращается в Иерусалим и возобновляет свой Маршрут с такой же точностью, как и вначале. Поскольку его путешествие домой начинается тем же маршрутом, по которому он прибыл, мы присоединимся к его компании в Эрекиле, на Мраморном побережье, где он начинает отклоняться. Он направляется к югу от горы Родопы, самого Труднодоступного места современников; он проезжает через город Априс, который после Феодосия получил название Феодосиополя. Недалеко от Априса наш паломник указывает на границы провинции Европа и Родопы. Чтобы понять это, мы должны помнить, что в период, в который писал аквитанский паломник, епархия Фракии была разделена на шесть провинций, среди которых были Европа и Родопы; города Константинополь, Гераклея и Априс находились в провинции Европа. Наш паломник достигает Траянополиса, который турки называют Орихово, и, держась запада, через Македонию, или современную Румынию, и вдоль северных берегов Мраморного моря и Архипелага, он указывает на место, называемое Пардис, границу провинций Родопы и Македония — он пересекает Неаполис, ныне Кавале, и Филиппы, которые находятся в руинах. Вскоре после этого он посещает знаменитый Амфиполь на Стримоне, руины которого сейчас находятся недалеко от маленькой деревушки под названием Джени-Кени. Двадцатью милями дальше наш паломник созерцает могилу поэта Еврипида на станции под названием Аретуза, расположенной в долине с тем же названием. Он проезжает мимо Фессалоники (Салоники),

которая до сих пор остается одним из самых значительных городов этих стран. Он прибывает в Пеллу, знаменитую столицу Македонии, которая в наши дни представляет собой лишь руины, известные под названием Палатии, или Дворцы. Наш паломник не упускает возможности продемонстрировать свою эрудицию, отметив, что Александр Македонский был родом из этого города — *civitas Pelli*, сын Александра Великого Македо. Здесь паломник, направляясь на северо-запад, следует по знаменитому эгнатианскому пути, проложенному римлянами через Македонию. Этот путь ведет в Эдессу, в Гераклею в Македонии, и там, прерывая свое северное направление, он идет прямо на запад, к Диррахию; но одно ответвление этого пути, прежде чем прибыть в Диррахий, ныне Дураццо, вновь спускается к Аполлонии, ныне лежащей в руинах, под названием Полина; и именно этим последним воспользовался паломник. В тридцати трех милях от Гераклеи, недалеко от станции под названием Брусиды, он указывает на границы Македонии и Эпира, двух провинций, которые тогда были всего лишь подразделениями великой Македонской епархии. В двадцати четырех милях от Аполлонии аквитанский путешественник достигает побережья в Авлоне (Валена), в том месте, где Эпир, или побережье современной Албании, ближе всего подходит к Италии. Затем он пересекает пролив между Аулоной и Гидрунтовым, недалеко от Отранто. По прибытии в Италию наш паломник отправляется в Бриндизи, а затем следует Аппиевой дорогой, самой лучшей и посещаемой из всех дорог. Сначала она привела его в Капуя. Из Капуи он продолжает путь тем же путем в Рим, пересекая понтийские болота. Он покидает Рим и следует по дороге Фламиния, которая пересекает Апеннины и ведет в Ариминум (Римини), через Сполето, Фано и Пезаро.

Из Римини наш паломник следует Эмилиановым путем, который прослеживался и продолжает прослеживаться по прямой линии; и, пересекая Болонью, Модену, Парму и Плацентию, он прибывает, наконец, в Медиоланум (Милан); откуда он возвращается в Бордо тем же маршрутом, которым он отправился в путь.

№ 3.—Стр. 25, том I.

В многочисленных паломничествах, описанных мсье Мишо, так много однообразия, сопровождаемого такими невероятными чудесами, что мы уверены, что наши читатели охотно обойдутся без них. Случай, который он обещает привести о Фульке, графе Анжуйском, таков: “Затем граф приблизился, чтобы поцеловать Гроб Господень, и тогда божественное милосердие показало, что благое усердие графа было приемлемым, ибо камень, который был твердым и основательным, от поцелуя графа стал мягким и податливым, как воск, разогретый на огне. Граф откусил от него и отправил в рот большой кусок так, что неверующие этого не заметили; а затем он, совершенно непринужденно, посетил другие святые места”.

Действительно, есть еще один случай, на который, как мы опасаемся, ссылается мсье Мишо; но поскольку развлечения или наставления, которые он мог бы себе позволить, не компенсировали бы его непристойности, мы его не приводим.

№ 4.—Стр. 53, том I.

Среди хронистов, рассказывающих об этом весьма памятном событии, одним из самых почитаемых является Уильям Малмсберийский, монах ордена Святого Беннета. Из-за его учености его называли Библиотекарем, и его особым предметом изучения была история. Он жил в начале двенадцатого века. Наш автор перенес дух всех хроник в свой текст, и мы считаем совершенно излишним приводить все, что он процитировал из них в своих *Отрывках-оправданиях*; но есть любопытный отрывок Уильяма Малмсберийского, который показывает характер автора и его время, и мы без колебаний приведем его.

Сказав, что после собора все разошлись по домам, он продолжает так: “Сразу же слава об этом великом событии распространилась по вселенной, проникла в умы христиан своим мягким дыханием, и где бы оно ни веяло, не было ни одной нации, какой бы далекой или безвестной она ни была, которая не послала бы кого-нибудь из своих людей. Это рвение воодушевляло не только провинции, граничащие со Средиземноморьем, но и всех, кто когда-либо хотя бы слышал имя христианина на самых отдаленных островах и у варварских народов. Тогда валлиец покинул свои леса и забросил охоту; шотландец избавился от блох, с которыми он так хорошо знаком; датчанин перестал употреблять свои опьяняющие напитки; а нориканец повернулся спиной к сырой рыбе.^[130] Поля были покинуты земледельцами, а дома - их обитателями; все города опустели. Людей не сдерживали ни кровные узы, ни любовь к родине; они не видели ничего, кроме Бога. Все, что было в зернохранилищах или предназначалось для еды, было оставлено под опекой жадного земледельца. Путешествие в Иерусалим было единственным, на что надеялись или о чем думали. Радость оживляла сердца всех, кто отправлялся в путь; горе жило в сердцах всех, кто оставался. Почему я говорю "о тех, кто остался"? Возможно, вы видели, как муж отправляется в путь со своей женой, со всей своей семьей; вы рассмеялись бы, увидев, как все пенаты приводятся в движение и грузятся на машины. Дорога была слишком узкой для пассажиров, путешественникам требовалось больше места, такой большой и многочисленной была толпа”.

№ 5.—Стр. 82, том I.

Роберт Нормандский.

Перед крестовыми походами у Роберта были длительные и серьезные ссоры со своим отцом, Вильгельмом II Нормандским, а у меня - с Англичанами. В 1080 году он покинул свою страну и обратился за защитой к своим дядям Роберту, графу Фландрии, Удо, архиепископу Тревскому, и нескольким другим принцам Лотарингии, Германии, Аквитании и Гаскони. Он обращался к ним со своими жалобами, смешивая ложь с правдой, и получал от них огромную помощь. Но он растратил их таланты среди актеров, паразитов и куртизан. Он был настолько расточителен, что вскоре снова оказался в стесненных обстоятельствах и был вынужден прибегнуть к помощи ростовщиков. “Все, ” говорит хронист Ордерик Виталь, “ знали герцога Роберта как ленивого, слабого принца. Поэтому злонамеренные, презиравшие его, воспользовались его характером, чтобы посеять смуту и раздоры. Герцог был смел, доблестен, достоин похвалы во многих отношениях и от природы красноречив; но он был невнимателен, расточителен в своей щедрости, свободен от обещаний, легкомыслен и неблагоразумен в своей лжи, легко поддавался уговорам; мягок по характеру и медлителен в наказании за преступления; переменчив в своих решениях, слишком фамильярен в разговоре и тем самым навлекал на себя презрение недоброжелателей. Он был тучным и невысокого роста, за что отец назвал его

Courte-Heuse. Он стремился всем угодить и давал, или обещал, или даровал все, что от него просили. Расточая свое достояние, он ежедневно уменьшал его, неосмотрительно раздавая каждому то, чего тот желал. Таким образом, он обеднел и предоставил другим средства действовать против него. ” Когда состоялся первый крестовый поход, Нормандия, плохо управляемая таким правителем, находилась в самом плачевном состоянии. Герцог Роберт, опасаясь величайшего зла, не видел лучшего способа избежать его, чем передать свое герцогство в залог своему брату Уильяму Руфусу на пять лет за сумму в десять тысяч марок и отправиться в Иерусалим. С его подвигами на Святой Земле наши читатели знакомы. В 1100 году Роберт, возвращаясь из Палестины, высадился в Апулии, где влюбился в Сибиллу, дочь Жоффруа Конверсанского, племянника герцога Гвискара. Он женился на ней и увез в Нормандию, получив от своего тестя средства для выкупа своего герцогства. Он прожил там восемь лет почти так же, как и до своего паломничества. В конце этого периода и вследствие событий, не относящихся к нашей теме, он был взят в плен в Тиншебрее в Нормандии своим братом Генрихом, который перевез его в Лондон, где он оставался взаперти двадцать семь лет, но всегда наслаждался жизнью.

№ 6.

Charlemagne.

Просматривая Хроники в поисках отрывков, иллюстрирующих нашу работу, мы наткнулись на портрет Карла Великого, настолько чрезвычайно интересный, что, хотя он не имел никакого отношения к крестовым походам, мы не можем удержаться от того, чтобы представить его нашим читателям, умоляя их помнить, что Карл Великий считался даже в Азии самым могущественным князем Европы.

“Карл Великий, достигший высшей степени известности и славы, отличавшийся скрупулезным и глубоким благочестием, был хорошо осведомлен в литературе и философии, был мстителем и ревностным пропагандистом христианской религии, защитником и сторонником справедливости и истины. Лицо Карла Великого было очень белым (в то время, когда он был коронован папой Львом), выражение его лица было жизнерадостным, и независимо от того, стоял он или сидел, его осанка была одинаково величественной. Хотя его шея была толстой и довольно короткой, а живот слишком выпуклым, все его конечности были хорошо сложены. В праздничные дни он надевал мантию из золотой ткани и кольчугу, украшенную драгоценными камнями. Его *сагум*, или плащ, был застегнут золотой застежкой, а диадема украшена золотом и драгоценными камнями. Ближе к концу своей карьеры по возвращении из Испании он заболел лихорадкой, которая длилась четыре года и сделала его хромым. Он скорее следовал своим собственным склонностям, чем советам своих врачей, к которым испытывал своего рода отвращение, потому что они хотели, чтобы он воздержался от жареного мяса, которое он очень любил, и приучил себя питаться вареным мясом. Карла называли великим из-за его огромной удачи, в которой он не уступал своему отцу, а, напротив, чаще становился завоевателем и более прославленным. В молодости у него были каштановые волосы и румяный цвет лица; он был красив, в его осанке было много достоинства; он был очень щедр, очень справедлив в своих суждениях, красноречив и очень хорошо информирован. Он каждый день наслаждался охотой и упражнениями в верховой езде; он чрезвычайно любил теплые ванны, на которые приглашал не только своих детей, но и придворных, своих друзей и свою охрану, так что в ванне с ним часто

находилось более сотни человек. Он был умерен в еде и еще больше в питье; тем не менее он часто жаловался, что голодание вредно для него. Он редко устраивал большие пиры, за исключением торжественных случаев. Обычно на его столе было не более четырех блюд, не считая жареного мяса, которое он так любил. Пока он ел, кто-нибудь читал ему истории и рассказы о деяниях древних, или же книгу святого Августина "О Граде Божьем", к которой он питал большое пристрастие. За трапезой он никогда не пил больше трех раз. Летом он ел фрукты после ужина и спал два-три часа, раздевшись, как ночью. Он был одет как франки, и постоянно носил меч; пояс для меча и перевязь были золотыми или серебряными. Иногда он носил два меча. Он говорил на нескольких языках. Вокруг него были доктора семи свободных искусств, которые ежедневно обучали его; то есть пизанский диакон - грамматике; саксонец - риторике, диалектике и астрономии; и Альбин, по прозвищу Алуэн, - другим искусствам. Он сам провел некоторые реформы в искусстве чтения и в искусстве пения, хотя никогда не читал публично вслух и пел только с хором. Он приказал написать все законы своего королевства, которых раньше не было. Он сам написал деяния и войны древних и начал грамматику языка своей страны. Каждую ночь у его кровати стояло сто двадцать охранников. Десять человек были поставлены у его изголовья, десять у его ног и по десять с каждой стороны от него, и каждый из этих сорока держал обнаженный меч в одной руке и зажженный факел в другой".

№ 7.—Стр. 227, том I.

Хроника Тура.

Мы считаем своим долгом привести здесь отрывок из Альбера д'Экса полностью, в котором излагаются мотивы смертного приговора, вынесенного лидерами христианской армии мусульманам, обнаруженным в Иерусалиме. В конце приводится описание массовых убийств, последовавших за взятием города. Этот документ важен для всех, кто хочет проникнуться духом времени.

"Jerusalem civitas Dei excelsi, ut universi nôstis, magnâ difficultate, et non sine damno nostrorum, recuperata, propriis filiis hodie restituta est, et liberata de manu regis Babylonîæ jugoque Turcorum. Sed modo cavendum est, ne avaritiâ, aut pigritiâ vel misericordiâ erga inimicos habitâ, hanc amittamus, captivis et adhuc residuis in urbe gentilibus, parcentes. Nam si forte à rege Babylonîæ in multitudine gravi occupati fuimus. subito ab intus et extra impugnabimur, sicque in perpetuum exilium transportabimur. Unde primum et fidele nobis videtur consilium, quatenus universi Saraceni et Gentiles, qui captivi tenentur, pecunia redimendi, aut redempti, sine dilatione in gladio corruant, ne fraude aut ingenio illorum nobis aliqua occurrant adversa. Consilio hoc accepto, tertio die post victoriam egressa est sententia à majoribus; et ecce universi arma rapiunt, et miserabili cædi in omne vulgus gentilium, quod adhuc erat residuum, exagunt, alios producentes à vinculis, et decollantes; alios per vicos et plateas civitatis inventos trucidantes, quibus antea pecuniæ causâ, aut humanâ pietate pepercerant. Puellis tenellis detruncabant, aut lapidibus obruebant, in nullis aliquam considerantes ætatem. E contra puellæ, mulieres, matronæ, metu momentaneæ mortis angustatæ et horrere gravissimæ necis concussæ, Christianos, in jugulum utriusque sexus debacchantes ac sævientes, medios pro liberandâ vitâ amplexabantur, quædam pedibus eorum adolvebantur, de vitâ et salute suâ illos mirum miserando fletu et ejulatu sollicitantes. Pueri vero quinquennes aut triennes matrum patrumque crudelem casum intuentes, unâ miserum clamorem et fletum multiplicabant; sed frustra hæc pietatis et misericordiæ signa fiebant. Nam Christiani sic neci totum laxaverunt animum,

ut non sugens masculus aut foemina, nedum infans unius anni vivens manum percussoris evaderet. Unde plateæ totius civitatis Jerusalem, corporibus extinctis virorum, mulierum, lacerisque membris infantium adeo stratæ et opertæ fuisse referuntur, ut non solùm in vicis, soliis, et palatiis, sed etiam in locis desertæ solitudinis, copia occisorum reperiebatur innumerabilis.”—*Alb. Aq. lib. 6, cap. 30, ap. Бонг. стр. 282, 283.*

№ 8.

Письмо Боэмунда, Годфруа, Раймонда и Гуго Великого о мире, заключенном с императором, и победе, одержанной над неверными (аппо 1097, экс-рукопись. Сент-Олбани).

Боэмунд, сын Жискара; Раймонд, граф Сен-Жиль; герцог Годфри и Гуго Великий; всем последователям католической веры: пусть они достигнут вечного счастья, которого мы им желаем.

Для того, чтобы мир, заключенный между нами и императором, а также события, произошедшие с нами с тех пор, как мы были в землях сарацин, стали известны всему миру, мы направляем к вам, дорогие братья, посланника, который сообщит вам все, что вам может быть интересно узнать. Мы должны сказать вам, что в мае месяце император пообещал нам, что с этого времени паломники, прибывающие с Запада, чтобы посетить Гроб Господень, должны быть защищены от всех оскорблений на землях его владений; приговаривая к смертной казни любого, кто нарушит его приказы, и в то же время отдавая нам в качестве заложников его зятя и племянника, в качестве гарантии его слова. Но давайте вернемся к событиям, которые могут вас заинтересовать. В конце того же мая мы дали бой туркам и, по милости Божьей, победили их. Тридцать тысяч человек остались на поле битвы. Наши потери составили три тысячи человек, которые благодаря этой славной смерти обрели бесконечное счастье. Невозможно правильно оценить огромное количество золота и серебра, а также драгоценных облачений и оружия, попавших в наши руки; Ницца, важный город с окружающими его фортами и замками, немедленно сдалась. Мы также участвовали в кровопролитной битве в Антиохии; шестьдесят девять тысяч неверных были убиты там, в то время как только десяти тысячам из нас посчастливилось обрести вечную жизнь в этом случае. Никогда не было радости, равной той, что одушевляет нас, ибо, живем ли мы или умираем, мы принадлежим Господу. По этому поводу узнайте, что царь Персии прислал нам послание, в котором он предупреждает нас о своем намерении дать нам сражение накануне праздника Всех Святых. Если он проявит себя победителем, его замысел, по его словам, состоит в том, чтобы с помощью царя Вавилона и многих других неверных князей вести непрерывную войну с христианами; но если он будет побежден, он примет крещение вместе со всеми, кого сможет убедить последовать его примеру. Поэтому мы умоляем вас, дорогие братья, удвоить ваши посты и милостыню, особенно на третий день перед праздником, который будет в пятницу, в день триумфа Иисуса Христа, в который мы будем сражаться с гораздо большей надеждой на успех, готовясь молитвами и другими актами преданности.

P.S.—Я, епископ Гренобля,[\[131\]](#) посылаю эти письма, которые были доставлены мне, вам, архиепископам и канонам церкви Тура, чтобы они были известны всем тем, кто отправится на фестиваль, и тем, кто из разных частей земли, в которые они вернутся; и чтобы некоторые могли

поддержать это святое предприятие милостынями и молитвами , в то время как другие, взявшись за оружие, поспешат принять в нем участие.

№ 9.

Письмо от Даймбера, архиепископа Пизы, Готфрида Бульонского и Раймона, графа Сен-Жиля. Они возвещают о Победах, одержанных христианскими армиями в Святой Земле (anno 1100, ex Manuscript. Signiensis Monasterii).

Я, архиепископ Пизы, и другие епископы; Годфри, милостью Божьей ныне защитник Гроба Господня и всего воинства Господня, находящегося в настоящее время в земле Израиля, нашему святому отцу папе Римскому, Римской Церкви, всем епископам и всем христианам, здоровья и благословения в Господе нашем Иисусе Христе.

Бог проявил свою милость, выполнив через нас то, что он обещал в древние времена. После взятия Ниццы наша армия численностью в триста тысяч человек заняла всю Румынию. Сарацинские князья и короли, восставшие против нас, с помощью Божьей были легко побеждены и уничтожены; но так как некоторые из нас стали тщеславными благодаря этим преимуществам, Господь, чтобы испытать нас, противопоставил нам Антиохию, город, против которого человеческие усилия ничего не могли сделать, который останавливал нас девять месяцев и сопротивление которого настолько смирило нашу гордыню, что вынудило нас прибегнуть к покаянию. Бог, тронутый нашим раскаянием, позволил лучу своей божественной милости озарить нас, ввел в город и отдал нам турок со всем их имуществом.

В нашей неблагодарности, во второй раз приписав этот успех нашему собственному мужеству, а не Всемогущему, который заставил нас добиться его, он позволил, в наказание нам, чтобы неисчислимое множество сарацин пришло и осадило нас, так что никто не осмеливался выходить из города; вскоре нас постиг такой жестокий голод, что некоторые из нас, в своем отчаянии, по-видимому, не прочь были подкрепиться человеческим мясом. Было бы слишком долго перечислять все, что мы выстрадали в этом отношении. Наконец гнев Господа утих, и он настолько воспламенил мужество наших воинов, что даже те, кто был ослаблен болезнями и голодом, взялись за оружие и доблестно сражались. Враг был побежден; и поскольку наша армия бесплодно изнемогала под стенами Антиохии, мы вошли в Сирию и отняли у сарацин города Барру и Марру, а также несколько замков и укрепленных пунктов. Ужасный голод, охвативший здесь нашу армию, поставил нас перед жестокой необходимостью питаться мертвыми телами сарацин, уже находившимися в состоянии разложения. К счастью, рука Господа снова помогла нам и открыла перед нами ворота городов и крепостей стран, через которые мы проезжали. При нашем приближении они поспешили прислать к нам гонцов, нагруженных провизией и подарками; они предложили сдаться и принять законы, которые мы, возможно, пожелаем диктовать; но поскольку нас было мало и поскольку общим желанием армии было идти на Иерусалим, мы продолжили наш путь, предварительно потребовав заложников из городов, в самом маленьком из которых жителей было больше, чем у нас солдат.

Известие об этих преимуществах побудило большое количество наших людей, оставшихся в Антиохии и Лаодикии, присоединиться к нам в Тире, так что под всемогущим руководством

Господа мы прибыли в Иерусалим. Наши войска сильно пострадали при осаде этого места из-за нехватки воды. Когда был собран военный совет, епископы и главные вожди приказали, чтобы армия босиком обошла город крестным ходом, чтобы Тот, кто прежде унижался ради нас, тронутый нашим смирением, мог открыть нам ворота и предать своих врагов нашему гневу. Господь, умиротворенный нашим поступком, отдал нам Иерусалим восемь дней спустя, как раз в тот период, когда Апостолы, составлявшие первоначальную Церковь, разделились, чтобы рассеяться по разным частям земли, - эпоху, которая отмечается как праздник огромным количеством верующих. Если вы хотите знать, что мы сделали с врагами, которых нашли в городе, узнайте, что в портике Соломона и в храме наши лошади стояли по колено в нечистой крови сарацин. Мы уже выделили тех, кто должен был охранять это место, и мы уже предоставили разрешение вернуться туда тем, кого обуревала любовь к родине или желание увидеть, как их семьи снова возвращаются в Европу, когда нам сообщили, что царь Вавилона находится в Аскалоне с бесчисленным войском, надменно объявляя о своем плане увести в плен франков, охранявших Иерусалим, а затем сделать себя хозяином Антиохии. Так он говорил, но Бог небесный распорядился иначе. Когда эта новость подтвердилась, мы выступили навстречу вавилонянам, оставив в городе наших раненых и наш багаж, с достаточным гарнизоном. Когда две армии оказались друг перед другом, мы преклонили колени и призвали в нашу пользу Бога воинств, чтобы Ему было угодно, по Его справедливости, уничтожить нашими руками власть сарацин и демона и таким образом распространить свою Церковь и знание Евангелия от одного моря до другого. Бог удовлетворил наши молитвы и дал нам такое мужество, что те, кто мог бы видеть, как мы бросаемся на врага, приняли бы нас за стадо оленей, идущих утолить пожирающую их жажду в чистом источнике, который они видят. Наша армия состояла немногим более чем из пяти тысяч всадников и пятнадцати тысяч пеших; у противника, напротив, было более ста тысяч конных и сорока тысяч пеших солдат. Но Бог проявил свою силу в пользу своих слуг. Только наша первая атака обратила в бегство, даже без боя, это огромное множество. Можно сказать, что они боялись оказать малейшее сопротивление и что у них не было оружия, на которое они могли бы положиться для самозащиты. Все сокровища царя Вавилона попали в наши руки. Более ста тысяч сарацин пали под нашими мечами; огромное количество утонуло в море, и страх был так силен среди них, что две тысячи были задушены у ворот Аскалона, пытаясь проникнуть внутрь.

Если бы наши солдаты не были заняты разграблением лагеря врагов, едва ли из такого количества уцелело бы достаточно людей, чтобы объявить о своем поражении. Мы не можем пройти мимо этого экстраординарного события. За день до битвы мы завладели несколькими тысячами верблюдов, быков и овец. Вожди приказали солдатам покинуть их, чтобы двинуться навстречу врагу. Удивительно, что эти животные все еще сопровождали нас, останавливаясь, когда останавливались мы, продвигаясь вперед, когда продвигались мы; облака даже укрывали нас от палящего солнца, а зефир освежал нас. Мы вознесли благодарность Господу за победу, которую он позволил нам одержать, и вернулись в Иерусалим. Граф Сен-Жиль, Роберт герцог Нормандский и Роберт граф Фландрский оставили там герцога Годфри и вернулись в Лаодикию. После того, как архиепископ Пизы восстановил совершенное согласие между Боэмундом и нашими лидерами, граф Раймонд приготовился вернуться в Иерусалим для служения Богу и своим братьям. Вследствие этого мы желаем вам, главам Католической Церкви Иисуса Христа, и в первую очередь латинского народа; и всем вам, епископам, клирикам, монахам и мирянам, чтобы в знак уважения к мужеству и восхитительному благочестию ваших братьев Господу было угодно излить на вас свои благословения, даровать вам полное отпущение ваших грехов и

посадить вас одесную Бога, который живет и царствует с Отцом в единстве Святого Духа от всей вечности. Да будет так.

Мы молим вас Господом нашим Иисусом Христом, который всегда был с нами и который сохранил нас во всех наших невзгодах, проявить благодарность к нашим братьям, которые возвращаются к вам, сделать им добро и выплатить им то, что вы им должны, чтобы таким образом сделать себя приятными Господу и получить часть милостей, которые они заслужили от божественной благодати.

№ 10.

Письмо главных крестоносцев папе Урбану. (См. Фульше де Шартр, страницы 394, 395, "Собрание бонгаров".)

Мы все желаем, чтобы вы знали, как велика была милость Божья к нам и с какой всемогущей помощью мы взяли Антиохию; как турки, которые подвергли оскорблениям Господа нашего Иисуса Христа, были побеждены и преданы смерти, и как мы отомстили за обиды, нанесенные нашему Богу; как мы, наконец, были осаждены турками из Корасана, Иерусалима, Дамаска и многих других стран; и как, наконец, благодаря покровительству Небес, мы были избавлены от великой опасности.

Когда мы взяли Ниццу, мы разгромили, как вы уже знаете, великое множество турок, которые выступили против нас. Мы разбили великого Солимана (Килидж-Арслана), захватили значительную добычу и, будучи хозяевами всей Румынии, осадили Антиохию. Мы много пострадали в этой осаде, как со стороны турок, запертых в городе, так и со стороны тех, кто пришел на помощь осажденным. В конце концов, когда турки были побеждены во всех битвах, дело христианской религии восторжествовало следующим образом. Я, Боэмунд (*ego Bohemundus*), после заключения соглашения с неким сарацином, который согласился сдать мне город, ближе к концу ночи я прикрепил лестницы к стенам, и таким образом мы стали хозяевами места, которое так долго сопротивлялось Иисусу Христу. Мы убили Асьена, правителя Антиохии, с большим количеством его людей, и в нашей власти были их жены, их дети, их семьи и все, что у них было. Однако мы не смогли овладеть цитаделью; и когда мы собирались атаковать ее, мы увидели, что прибыло бесконечное количество турок, о приближении которых нам было сообщено некоторое время назад; мы видели, как они рассредоточились по стране, покрывая все равнины. Они осадили нас на третий день; более сотни из них проникли в цитадель и угрожали вторгнуться в город изнутри.

Поскольку нас разместили на холме, противоположном тому, на котором стоял форт, мы охраняли дорогу, ведущую в город, и после нескольких схваток вынудили неверных вернуться в цитадель. Когда они увидели, что не могут осуществить свой проект, они окружили это место таким образом, что всякое сообщение было прервано; из-за чего мы были сильно огорчены и опустошены. Измученные голодом и всевозможными невзгодами, многие из нас убили своих лошадей и ослов, которых они привели с собой, и съели их; но, наконец, милость Божья пришла к нам на помощь; апостол Андрей показал рабу Божьему место, в котором находилось копье, которым Лонгин пронзил бок Спасителя. Мы нашли это святое копье в церкви апостола Петра.

Это открытие и несколько других божественных откровений восстановили нашу силу и мужество до такой степени, что те, кто был полон отчаяния и страха, преисполнились пыла и дерзости и призывали друг друга к борьбе. После трехнедельной и четырехдневной осады, в день праздника святых Петра и Павла, полные доверия к Богу, исповедавшись во всех наших грехах, мы выступили из города в боевом порядке. Нас было так мало по сравнению с армией сарацин, что последние вполне могли подумать, что мы намеревались бежать, а не провоцировать их на бой. Составив нашу диспозицию, мы атаковали врага везде, где он появлялся в полную силу. С помощью божественного копья мы сразу обратили их в бегство. Сарацины, по своему обыкновению, начали рассеиваться во все стороны, занимая холмы и дороги, с намерением окружить нас и уничтожить всю христианскую армию; но мы изучили их тактику. По милости Божьей нам удалось заставить их объединиться в какой-то момент, и когда они объединились, десница Божья сразилась с нами; мы вынудили их бежать и покинуть свой лагерь со всем, что в нем было. Победив их и преследуя целый день, мы вернулись, полные радости, в Антиохию. Цитадель сдалась; командующий и большая часть его людей были обращены в христианскую веру. Таким образом, Господь наш Иисус Христос увидел, что весь город Антиохия восстановлен в его законе и его религии; но поскольку к радостям этого мира всегда примешивается нечто печальное, епископ Пуйский, которого ты назначил нам своим апостольским викарием, умер после завоевания города и после войны, в которой он снискал много славы. Теперь ваши дети, лишенные отца, которого вы им дали, обращаются к вам, своему духовному отцу. Мы молим тебя, ты, кто открыл нам путь, по которому мы следуем, ты, кто своими речами заставил нас покинуть наши дома и все, что нам было дороже всего в наших собственных странах, кто побудил нас взять крест, чтобы следовать за Иисусом Христом и прославлять его имя, мы закликаем тебя завершить свою работу, придя к нам и принеся с собой все, что ты можешь принести. Именно в городе Антиохия возникло название "христианин", ибо, когда святой Петр был установлен в той церкви, которую мы видим каждый день, те, кто называл себя галилеянами, называли себя христианами. Что может быть более справедливым или более подходящим, чем видеть, как тот, кто является главой Церкви, приезжает в этот город, который можно считать столицей христианского мира? Тогда приходите и помогите нам закончить войну, которая принадлежит вам. Мы победили турок и язычников; мы не можем таким же образом бороться с еретиками, греками, армянами, сирийцами и якобитами; мы закликаем вас сделать это; мы искренне закликаем вас, святой Отец. Ты, отец верующих, приди к своим детям; ты, викарий Святого Петра, приди и займи свое место в его церкви; приди и сформируй наши сердца к покорности и послушанию; приди и уничтожь своей высшей и единоличной властью все виды ересей; приди и веди нас дорогой, которую ты наметил для нас, и открой нам врата того и другого Иерусалима; приди и вместе с нами освободи гробницу Иисуса Христа и сделай так, чтобы имя христианина превалировало над всеми другими именами. Если вы уступите нашим желаниям, если вы придете к нам, каждый будет повиноваться вам. Пусть Тот, кто правит во все века, приведет вас к нам и сделает вас восприимчивыми к нашим молитвам. Аминь.

№ 11.

Собор в Наплузе, проведенный Авторитетом Гарамонда, патриарха Иерусалимского, с целью реформирования морали христиан Палестины, в присутствии Балдуина, короля Иерусалимского, в 1120 году от Рождества Христова, в понтификат Каликста II.

Таким образом, Вильгельм Тирский, книга xii. о *Священной войне*, глава. xiii. кратко излагает причину и действия совета.

В том же году, то есть в 1120 году от воплощения Слова, Иерусалимское королевство было измучено из-за своих грехов многими бедами, и в дополнение к бедствиям, причиняемым их врагами, множество саранчи и грызущих крыс уничтожили урожай до такой степени, что опасались нехватки хлеба; сеньор Гарамонд, патриарх Иерусалимский, человек религиозный и богобоязненный; король Балдуин, прелаты церквей и великие мужи королевства отправились в Наплож. , в небольшом городе Самария, и провел народное собрание и общий суд. В проповеди, обращенной к народу, было сказано, что, поскольку представляется очевидным, что именно грехи людей вызвали гнев Господа, необходимо совместно обсудить средства исправления и подавления излишеств, чтобы, вернувшись к лучшей жизни и достойно заплатив за свои отпущенные грехи, люди могли стать приемлемыми для Того, кто желает не смерти грешника, а скорее того, чтобы он отвернулся от своего нечестия и жил. Итак, напуганные грозными знамениями с Небес, частыми землетрясениями, последовательными поражениями, муками голода, вероломными и ежедневными нападениями своих врагов; стремясь вернуть Господа делами благочестия, они, чтобы восстановить и сохранить дисциплину в нравственности, издали двадцать пять постановлений, которые будут иметь силу законов. Если у кого-нибудь возникнет желание прочитать их, их легко можно найти в архивах многих церквей.

На этом соборе присутствуют Гарамонд, патриарх Иерусалимский; логик Балдуин, второй король латинян; Экмар, архиепископ Кесарийский; Бернард, епископ Назаретский; епископ Лиддесский; Гильдон, избранный настоятель церкви Святой Марии в Долине Иосафат; Петр, настоятель горы Фавор; Ахард, настоятель горы Сион; Пайен, королевский канцлер; Юстас Гранье; Уильям де Бюре; Батисан, констебль Яффы; и многие другие из двух ордена, количество и названия которых мы забываем.

“Синоду, - говорит Барониус, - к концу 1120 года удалось произвести такую реформу нравов, что по милости Небес в следующем, 1121 году предводитель турок, выступивший против Антиохии со значительными силами, был поражен апоплексическим ударом и скончался”.

Глава I. 1. Поскольку необходимо, чтобы дела, начатые Богом, завершились в нем и через него, с намерением начать этот святой собор и завершить его Господом, я, Балдуин, второй король латинян в Иерусалиме, открывая это святое собрание Богом, я отдаю и дарую, как я приказал, святой Церкви Иерусалима и присутствующему здесь патриарху, Гарамонду, а также его преемникам десятые доли всех моих доходов, что касается масштабов этой епархии; то есть десятые доли моих доходов Иерусалима, Наплузы и Птолемаиды, которая далее называется Аккон. Это плоды моей царственной щедрости, предназначенные для того, чтобы патриарх, на которого возложена обязанность молиться Господу о благоденствии государства, мог иметь средства для существования. И если однажды, вследствие прогресса христианской религии, он или один из его преемников рукоположит епископа в одном из этих городов, он сможет распоряжаться десятыми долями как для короля, так и для Церкви.

Глава I. 2. Я, Боэмунд, в присутствии членов этого совета, с согласия представителей собрания и моих баронов, которые сделают то же самое в пределах своих десятых долей, в соответствии с их церковными полномочиями, я возвращаю десятые доли, как я уже сказал; и соглашаясь с ними относительно несправедливости, с которой они и я сохранили их, я прошу прощения.

Глава. 3. Я, патриарх Гарамонд, от имени всемогущего Бога, своей властью и властью всех присутствующих здесь епископов и братьев отпускаю вам грехи в связи с упомянутым возмещением десятых долей, и я милосердно принимаю вместе с ними те десятые доли, которые, по вашему признанию, вы должны Богу, мне и другим вашим епископам, в зависимости от степени благодеяний присутствующих или отсутствующих братьев.

Глава. 4. Если кто-либо опасается жестокого обращения со стороны своей жены, пусть он пойдет и найдет того, кого он подозревает, и пусть он запретит ему при законных свидетелях входить в свой дом и вообще разговаривать со своей женой. Если после этого запрета он или кто-либо из его друзей застанет их за беседой в своем доме или где-либо еще, пусть этот человек без какого-либо отсечения своих членов будет представлен суду Церкви; и если он очистит себя пламенным огнем, пусть он останется безнаказанным. Но когда он подвергнется какому-нибудь позору за то, что был застигнут врасплох в разговоре, пусть он будет уволен безнаказанно и без возмездия за нарушение запрета.

Г-н Мишо вставляет все эти законы; но мы опускаем следующие двенадцать, поскольку они скорее вызовут отвращение, чем послужат уроком или развлечением.

Глава. 16. Сарацин мужского или женского пола, который наденет одежду франков, должен принадлежать государству.

Глава. 17. Если какой-либо мужчина, уже женатый, женился на другой женщине, он должен до первого воскресенья Великого поста нашего года исповедаться священнику и понести епитимию; после этого ему остается только жить в соответствии с предписаниями Церкви. Но если он будет скрывать свое преступление дольше, его имущество будет конфисковано; он будет отрезан от общества и изгнан с этой земли.

Глава 18. Если какой—либо мужчина, сам того не зная, женится на жене другого, или если женщина выходит замуж, сама того не зная, за уже женатого мужчину, то пусть невиновный выдаст виновного и получит право жениться снова.

Глава. 19. Если какой—либо мужчина, желая избавиться от своей жены, говорит, что у него есть другая, или что он взял ее при жизни первой, пусть он подвергнется испытанию раскаленным железом, или пусть он предстанет перед судьями Церкви, законными свидетелями, которые подтвердят под присягой, что это так. То, что здесь сказано о мужчинах, применимо и к женщинам.

Глава. 20. Если служащий берет в руки оружие для собственной защиты, в этом нет вреда; но если из любви к войне или ради того, чтобы пожертвовать мирскими интересами, он отказывается от своего положения, пусть он вернется в Церковь в отведенный срок, пусть исповедуется и впоследствии подчинится указаниям патриарха.

Глава. 21.—Если монах или обычный каноник отступает, пусть он возвращается в свой орден или уезжает в свою страну.

Глава. 22. Тот, кто обвиняет другого, не имея возможности доказать этот факт, должен понести наказание за преступление, в котором он его обвинил.

Глава. 23.—Если кто-либо будет осужден за кражу на сумму свыше шести су, пусть ему пригрозят потерей руки, ноги или глаза. Если сумма кражи меньше шести су, пусть ему нанесут клеймо каленым железом на лоб и прогонят через город. Если украденная вещь будет найдена, пусть она будет возвращена тому, кому она принадлежит. Если у вора ничего нет, пусть его тело будет передано тому, кому он причинил вред. Если он повторит преступление, пусть он будет лишен всех своих членов и жизни.

Глава. 24. Если кто—либо, не достигший совершеннолетия, совершит кражу, пусть он останется под стражей до тех пор, пока королевский суд не решит, что с ним делать.

Глава. 25. Если какой—либо барон застигнет человека своего сословия врасплох при совершении кражи, последний не должен подвергаться потере своих членов, но пусть его отправят судить в королевский суд.

№ 12.

Буллы папы Евгения III. о Втором крестовом походе.

Здесь мы приводим перевод буллы Евгения III, опубликованной в 1145 году по случаю второго крестового похода. Это взято из “Bullarum Romanum Novissimum”, первого тома.

“Слуга слуг Божьих, своему дорогому сыну Людовику, прославленному королю Франции, своим дорогим сыновьям принцам и всем верующим королевства Франции, здоровья и апостольского благословения.

“Мы знаем из истории прошлых времен и из традиций наших отцов, сколько усилий приложили наши предшественники для освобождения Церкви Востока. Наш предшественник, Урбан, светлой памяти, затрубил в евангельскую трубу и с беспримерным рвением призвал христианские народы со всех частей света на защиту Святой Земли. По его голосу храбрые и бесстрашные воины королевства франков и итальянцы, воспламененные святым рвением, взяли за оружие и ценой своей крови освободили город, в котором наш Спаситель соизволил пострадать за нас и в котором находится могила, памятник Его страстям. Милостью Божьей и усердием наших отцов, которые защищали Иерусалим и старались распространить христианское имя в тех далеких странах, завоеванные города Азии сохранились до наших дней, и многие города были атакованы неверными, а их жители стали христианами. Ныне, за наши грехи и грехи христианского народа (которые мы не можем повторить без скорби и стенания), город Эдесса, который на нашем родном языке называется Рохас и который, если мы можем верить его истории, когда Восток был покорен языческим народам, единственный остался верен христианству, — город Эдесса попал в руки врагов креста.

“Та же участь постигла и несколько других христианских городов: архиепископ этого города со своим духовенством и многие другие христиане были убиты; мощи святых были преданы оскорблениям неверных и рассеяны. Величайшая опасность угрожает Церкви Божьей и всему христианскому миру. Мы убеждены, что ваше благоразумие и рвение проявятся в этом случае; вы продемонстрируете благородство ваших чувств и чистоту вашей веры. Если победы, достигнутые доблестью отцов, будут сохранены доблестью сыновей, я надеюсь, вы не позволите, чтобы кто-то поверил, что героизм французов выродился. Мы предостерегаем вас,

мы молим вас, мы приказываем вам взять крест и оружие. Я предостерегаю вас для прощения ваших грехов, вас, людей Божьих, облечься в силу и мужество и остановить нашествия неверных, которые радуются одержанной над вами победе; защитить Восточную Церковь, освобожденную нашими предками; вырвать из рук мусульман многие тысячи христианских пленников, которые сейчас находятся в цепях. Таким образом, святость христианского имени возрастет в нынешнем поколении, и ваша доблесть, слава о которой разнесется по всей вселенной, не только сохранится незапятнанной, но и приобретет новое величие. Возьмите себе в пример добродетельного Мататьягу, который, чтобы сохранить законы своих предков, не колеблясь подвергал себя смерти вместе со своими сыновьями и своей семьей; не колеблясь отказался от всего, что было ему дорого в мире, и который с помощью Небес, после тысячи трудов, одержал победу над своими врагами. Мы, присматривающие за Церковью и за вами, с родительской заботой предоставляем тем, кто посвятит себя этому славному предприятию, привилегии, которые наш предшественник Урбан предоставил солдатам креста. Мы также распорядились, чтобы их жены и дети, их мирские блага и их имущество были переданы под защиту Церкви, архиепископов, епископов и других прелатов. Нашей апостольской властью мы приказываем, чтобы те, кто примет крест, были освобождены от всех видов преследования из-за их имущества до их возвращения или до получения определенных известий об их смерти. Кроме того, мы приказываем, чтобы воины Иисуса Христа воздерживались от ношения богатых одежд, с особой тщательностью относились к украшению своей личности и не брали с собой собак для охоты, соколов или чего-либо еще, что может испортить манеры воинов. Мы предупреждаем их, во имя Всевышнего, что они должны заботиться только о своих боевых конях, своем оружии и обо всем, что может помочь им в борьбе с неверными. Священная война требует всех их усилий и всех способностей, которые у них есть; те, кто отправляется в священное путешествие с правым и чистым сердцем и у кого будут долги, не будут платить никаких процентов. Если они сами или другие за них обязаны выплачивать ростовщические проценты, мы освобождаем их от них нашей апостольской властью. Если лорды, которыми они владеют, не захотят или не могут ссудить им необходимые деньги, им должно быть разрешено передать свои земли или имущество духовенству или любым другим лицам. Как и наш предшественник, властью всемогущего Бога и властью благословенного Святого Петра, князя апостолов, мы даруем отпущение грехов, мы обещаем вечную жизнь всем тем, кто предпримет и завершит указанное паломничество или кто умрет на службе Иисусу Христу, после того, как исповедал свои грехи с сокрушенным и смиренным сердцем”.

Дано в Витербо в декабре месяце 1145 года.

№ 13.

Письмо Саладина, составленное Сди Альфадхелем, имауму Нассир Дель-дин-иллаху Абул Аббасу Ахмеду, содержащее отчет о завоевании Иерусалима и битве при Тверии.

После благочестивых пожеланий халифу он переходит к своему предмету следующим образом:—

“Слуга (то есть Саладин) написал это письмо, в котором содержится отчет о благоприятных событиях, автором которых он является. Надпись этого письма - описание божественной доброты, которая является морем для перьев, морем, в котором они могут плавать целую

вечность. Это благословение, благодарность за которое должна быть безмерной. Давайте же возблагодарим Бога за это сегодняшнее благословение; это благословение, которое будет длиться вечно; пусть никто не скажет: *подобное уже видели*. Дела исламизма находятся в самом счастливом состоянии; вера тех, кто верит в него, укрепляется. Мусульмане разрушили заблуждение, которое неверные распространили в этих местах. Бог верно исполнил в отношении своей религии соглашение, в которое он вступил. Религия была изгнана и стала чужой; теперь она обитает в своем естественном жилище: награда получена, эта награда куплена ценой жизни. Заповедь истины Божьей, которая была бессильна, теперь в силе; его дом вновь заселен, хотя и был покинут после того, как был разрушен. Божий приказ исполнен, и носы многобожников унижены. Мечи выдвинулись ночью, и больные спали. (Я полагаю, это означает, что Саладин застал крестоносцев врасплох и что христиане не ожидали того, что случилось с ними с его стороны.) Бог выполнил данное им обещание возвысить свою религию над всеми религиями. Его свет более яркий, чем утренний; мусульмане возвращаются к своему наследию, которое было у них отнято. Они пробудились, они покорились то, что не могли надеяться завоевать даже в своих мечтах; их ноги твердо стоят на холме; их знамена развеваются над мечетью; они молились на *черном камне*. Действуя таким образом, *слуга* не предполагал для себя ничего, кроме этих великих результатов; он только противостоял *этому злу* (злу этой войны) в надежде на это великое благословение; он только вел войну с теми, кто противостоял ему, чтобы могло распространяться слово Божье; ибо слово Божье возвышенно; он сражался только для того, чтобы таким образом заслужить вечную жизнь, а не богатство этого мира. Возможно, языки обвиняли его в том, что у него есть презренный объект, а человеческие мысли клеветали на него; но он подавил эти мысли с помощью времени и терпения. Тот, кто искал драгоценную вещь, подвергал себя опасности. Тот, кто прилагал все усилия, чтобы прославить свою жизнь, разоблачал себя. В противном случае *слуга* действовал только после консультации с мудрейшим из своих врачей. *Слуга* написал это письмо, и Бог уже привел его к победе над его врагами. Башни неверного повержены; он обнажил свой меч, и он превратился в жезл; его атаки ослабли; он повернул свою уздечку; и, в наказание от Бога, он не нашел рук, чтобы действовать. Его мечи спали в ножнах, его копья потеряли свои наконечники, и долгое время они были подняты, чтобы нести смерть. Земля Иерусалима стала чистой; это было как у женщины, у которой есть свои правила. Бог стал единым Богом, и он был *троичным* (или тремя). Дома неверных разрушены, жилища многобожников повержены. Мусульмане овладели укрепленными замками. Наши враги больше не вернутся к ним, ибо они заклеены печатью слабости и деградации. Бог поместил красоту там, где было уродство.

В первый раз, когда слуга напал на них, [\[132\]](#) Бог пришел к нему на помощь и помог ему со своими ангелами; он сломил их разрывом, который невозможно исправить; он ускорил их падение, которое не позволило бы неверным восстать снова. Он взял большое количество пленных и убил многих из их народа. Поле битвы было покрыто мертвецами, оружием и лошадьми. Сколько мечей от ударов стали подобны пилам! Сколько всадников устремилось навстречу судьбе, которая уничтожила их! Сам король (Иерусалима) выступил вперед и очистил все перед собой. Тот день был днем свидетельства (о благосклонности Бога и доблести мусульман). Ангелы были свидетелями. Ошибка была устранена; зародился исламизм. Ребра неверных были материалом для адского огня. Король был схвачен, и он держал в своих руках самые крепкие из своих уз, самые крепкие из уз своей религии и своей веры. Это был *крест*, лидер, проводник сторонников гордыни и тирании. Они (христиане) никогда не приближались к

опасности, не имея ее посреди себя; они летали вокруг нее, как мотыльки летают вокруг света. Их сердца объединились в его тени; они сражались при этом свете с величайшей отвагой. Они считали его самой прочной нитью, которая могла связать их вместе; они верили, что это стена, которая защитит их в этот день. В тот день большая часть неверных была схвачена. Ни один из них не повернулся спиной, кроме графа.^[133] Да проклянет его Бог! Он жаждал кровавой бойни в день победы и был полон низменных уловок в день унижения; он спас себя! но как? он улизнул, опасаясь быть пораженным копьем или мечом; впоследствии Бог взял его в свои руки, предал смерти в соответствии со своим обещанием и отправил из царства смерти в ад. После поражения слуга прошел по провинции (Палестина) и собрал вместе разбросанных по ней подданных аббасидов — тех подданных, которые вселяли ужас в сердца своих врагов; и с их помощью он завоевал такие-то места.

Эта провинция (Палестина) полна колодцев, озер, островов, мечетей, минаретов, населения, армий. Слуга заменит плевелы заблуждения на доброе семя истинной веры; он низвергнет кресты церквей и сделает так, что *изан* (призыв мусульман к молитве) будет услышан. Он превратит в *кафедры* те места, на которых неверные приносили жертвы (алтари), а из церквей он сделает мечети.

“Не осталось ничего, кроме Иерусалима; каждый изгнанный человек, каждый беглец нашел здесь убежище; здесь затворились как издавека, так и вблизи; они считали, что там их защищает милость Божья; они верили, что их Церковь заступится за них. Затем слуга прибыл к городу; он увидел город, хорошо населенный; он увидел войска, согласившиеся умереть; для которых смерть была бы сладостна, если бы их город был обречен на падение. Он подошел к одной стороне города, но обнаружил, что долины (или сады) были глубокими; что плохих проходов было много; что стены, подобно ожерелью, окружали его, и что башни, похожие на большие бусы,^[134] были расположены вдоль середины стен. Затем он направил свой курс на другую сторону, где был такой подъем, какой он желал, место и убежище для кавалерии; он окружил эту сторону и приблизился к ней; он приказал разбить свою палатку в месте, открытом для попыток врага; он энергично атаковал стены и, наконец, овладел ими. Осажденные послали к нему, предлагая платить ему дань в течение определенного времени; они хотели добиться прекращения своих страданий и дожидаться подкрепления. Слуга повременил с ответом и придвинул свои машины поближе; машины, которые являются палками и веревками, наказывающими замки за их сопротивление. Их удары подготовили победу. Башни были захвачены; на стенах не осталось сражающихся; камень снова рассыпался в пыль, как это было вначале. Ворота перешли в руки армии слуги. Тогда неверные пришли в отчаяние; тогда вышел предводитель нечестивцев: это был *Бен* или *Безбарран*; он просил, чтобы город был взят капитуляцией, а не штурмом; отвращение от разорения и горя было запечатлено на его лице, которое прежде сияло величием королевской власти; он пал ниц в прах, он, перед которым никто не смел поднять глаз, и сказал: Там (указывая на город) тысячи пленных мусульман; - это тот, кто был убит. решимость франков: если вы возьмете город силой, если вы взвалите тяжкое бремя войны на их плечи, они немедленно убьют своих пленников; впоследствии они убьют своих жен и детей; тогда им нечего будет желать, кроме смерти; но ни один из них не умрет, не принеся в жертву многих из ваших людей. ’ Офицеры придерживались мнения, что город должен быть взят путем капитуляции; ибо, сказали они, если он будет взят штурмом, нет сомнения, что осажденные очертя голову бросятся навстречу опасности и пожертвуют своими

жизнями за то, что они так хорошо защищали. В предыдущих боевых вылетах они проявили невероятное мужество, и их атаки были ужасны.

Но Бог изгнал их с этой территории и низверг их; он благоволил приверженцам истины и проявил свой гнев против неверных. Они защищали этот город мечом; они воздвигали здания на острие меча и с колоннами солдат. Эти (неверные) разместили там церкви и дома Дивейех, Девурджех и т.д., а также госпитальеров. В этих домах хранятся драгоценные вещи из мрамора.

“Слуга восстановил мечеть в Аляске в ее древнем предназначении. Он поместил в него имаунов, которые будут там совершать истинное богослужение. *Хотбе* (или проповедь) была произнесена там в пятницу, 14-го числа Чаабана. Мало кто желал, чтобы небеса раскрылись от радости и звезды затанцевали. Слово Божье возвысилось; гробницы пророков, которые неверные запятнали, были очищены и т.д. и т.п.”

Ближе к концу своего письма Саладин говорит, что его войска разбросаны по всей провинции; он хвастается ее плодородием и богатством и говорит, что собирается завершить ее завоевание. Он добавляет, что флот вышел в море и что он собирается восстановить стены Иерусалима.

№ 14.

Хотбе, или Проповедь, произнесенная в Иерусалиме в первую пятницу после того, как Саладин овладел этим городом, Мухаммедом Бен Зеки.

Мохаммед Бен Зеки взошел на возвышение, или кафедру, и начал хутбех, или проповедь, прочитав суру *Фальча* (первая часть Корана) от начала до конца. Затем он сказал: “Пусть погибнет команда неправедных! Хвала Аллаху, владыке миров!” Затем он прочитал, 1-й, начало суры *Алинам*: “Хвала Богу, сотворившему Небеса”; 2-й, стих суры *Субхана*: “Хвала Богу, у которого нет сына”; 3-й, три стиха суры *Алкхехеф*: “Хвала Богу, который послал книгу своему слуге”. Затем он прочитал, 1-й стих: “Хвала Богу и спасение его слугам”; 2-й стих из суры *Себа*: “Хвала Богу, которому принадлежит все, что на небесах и на земле”; 3-й, несколько стихов из суры *Фальхр*: “Хвала Богу, создателю Небес”. Его намерением было собрать воедино все *Темы-хауда* (восхваления, которые содержатся в Коране). После этого он начал хотбе в следующих выражениях:—

Хвала Аллаху, который возвысил исламизм во славу своей помощью; который своей властью унизил многобожие; который правит мирскими вещами по своей воле; который продлевает свои благословения в соответствии с мерой нашей благодарности; который побеждает неверных своими хитростями; который дает власть династиям в соответствии со своей справедливостью; который сохранил будущую жизнь для тех, кто боится его, усилием своей доброты; который простирает свою тень на своих слуг; который сделал так, что его религия восторжествовала над всеми остальными; который одерживает победу над своими слугами так, что никто не может этого сделать. противостоите ему; кто торжествует в своем халифе, и никто не может ему противостоять; кто приказывает то, что он желает, и никто не может возразить

против этого; кто судит в соответствии с его волей, и никто не может воспрепятствовать исполнению его указов. Я восхваляю этого Бога за то, что с его помощью его избранные одержали победу; за славу, которую он даровал им; за помощь, которую он оказал своим защитникам; Я восхваляю его за то, что он очистил дом, наполненный скверной, от нечестия многобожия. Я восхваляю его внутренне и внешне. Я свидетельствую, что нет другого Бога, кроме этого Бога; что он единственный и не имеет соучастника; единственный, вечный, который не порождает, и сам не рожден, и не имеет равного. Я свидетельствую, что Магомет - его слуга и его посланник, этот пророк, который устранил сомнения, посрамил многобожие, уничтожил ложь; который путешествовал ночью из Медины в Иерусалим; который вознесся на небеса и достиг даже кедра Альмонтейи. Да пребудет с ним вечное блаженство Божье, с его преемником Абу Бекром Альсадичем и т.д.

“О люди! опубликуйте необычайное благословение, с помощью которого Бог облегчил вам взятие и освобождение этого города, который мы потеряли, и снова сделал его центром исламизма после того, как он почти сто лет находился в руках неверных.

Этот дом был построен и его фундамент заложен во славу Божью и в страхе перед Небесами. Ибо этот дом - жилище Авраама; лестница вашего пророка (мир ему!); кибла, к которой вы молились в начале исламизма, обитель пророков, цель святых, место откровения, жилище порядка и защиты; он расположен в земле собрания, арене собраний; он принадлежит к той благословенной земле, о которой Бог говорит в своей священной книге. Именно в этой мечети Магомет молился с ангелами, приближающимися к Богу. Именно в этот город Бог послал своего слугу, своего посланника, слово, которое он послал Марии. Пророк, которого он удостоил миссией, не отступал от звания своего слуги. Ибо Бог сказал: *Мессия не будет отрицать, что он слуга Божий; у Бога нет сына, и с ним нет другого Бога*. Несомненно, они были в нечестии, те, кто говорил, что Мессия, сын Марии, был Богом.

“Этот дом - первая из двух кибл, вторая из мечетей, третья из херамейнов; не к нему люди приходят толпами после двух месджед; именно на него указывают пальцами после двух мест. (Я полагаю, в Мекке и Медине.) Если бы вы не были из числа слуг, которых избрал Бог, несомненно, он не оказал бы вам особой милости этим преимуществом, которое не было предоставлено никаким другим храбрецам, честь которого никто не может оспорить у вас; как вам повезло быть солдатами армии, которая явила чудеса пророка, которая совершила походы Абу Бекра, завоевания Омара и т.д. Бог вознаградил вас лучшей из наград за то, что вы сделали для его пророка. Он был благодарен за мужество, которое вы проявили, наказывая мятежников; кровь, которую вы пролили за него, была приемлема для него; это ввело вас в Рай, который является обителью блаженных; признайте, тогда, ценность этого благословения, вознесите ему необходимые благодарственные молитвы; ибо Бог проявил к вам заметную милость, даровав вам это благословение, избрав вас для этой экспедиции. Ибо врата Небес были открыты для этого завоевания; его великолепие пролило свет, проникший даже в самую глубокую тьму; ангелы, приближающиеся к Божественному Величию, возрадовались этому; глаза пророков и вестников с радостью созерцали это. Поскольку, по милости Божьей, вы являетесь армией, которая завоеует Иерусалим в конце времен, войском, которое поднимет знамена веры после разрушения пророчества.

Этот дом - разве он не тот, о котором Бог говорил в своей книге? ибо он говорит: "Хвала тому, кто заставил своего слугу путешествовать ночью' и т. Д.; Не тот ли это дом, который почитали народы; к которому приходили пророки, в котором были прочитаны четыре книги, посланные от Бога? Разве это не тот дом, ради которого Бог остановил солнце при Иисусе Навине и замедлил течение дня, чтобы его завоевание было легким и ускорилось? Разве это не тот дом, который Бог поверил Моисею и который он повелел своему народу спасти; но, за исключением двух человек, эти люди этого не сделали; Бог разгневался на этих людей и изгнал их в пустыню, чтобы наказать их за мятеж.

“Я восхваляю Бога, который привел вас в то место, откуда он изгнал детей Израиля; и все же они выделялись среди других народов. Бог поддержал вас в предприятии, в котором он оставил другие народы, предшествовавшие вам; это привело к тому, что среди вас сложилось лишь одно мнение, в то время как раньше мнения расходились; радуйтесь, что Бог назвал вас среди тех, кто рядом с ним, и сделал из вас свою собственную армию, после того, как вы стали его солдатами по собственной воле. Ангелы (которые были посланы к этому дому) поблагодарили вас за то, что вы принесли сюда учение о единстве.

Теперь силы небес молятся за вас и изливают на вас благословения. Храните этот дар в себе страхом Божиим. Тот, кто обладает им, спасен. Остерегайтесь страстей, непослушания, отступления, бегства от врага. Вы стремитесь воспользоваться возможностью уничтожить то, что еще осталось от страданий? Сражайтесь за Бога, как вам подобает; жертвуйте собой, чтобы угодить ему, вы, его слуги, поскольку вы принадлежите к числу избранных. Остерегайтесь, чтобы дьявол снова не сошел к вам и чтобы безбожие не проникло в ваши сердца. Думали ли вы про себя, что ваши стальные мечи, ваши отборные лошади, ваша неутомимая настойчивость принесли вам эту победу? Нет, это был Бог; только от него пришел ваш успех. Остерегайтесь, слуги Божьи, после того как одержали эту победу, стать непослушными и непокорными; ибо тогда вы будете подобны той, кто разрубила на куски то, что сама сплела, или подобны тому, кому мы послали наши стихи и кто отверг их; дьявол овладел им, и он отклонился от веры. Священная война! священная война! это лучшее из ваших поклонений, самый благородный из ваших обычаев; помогайте Богу, и он поможет вам; держитесь Бога, и он будет держаться вас; помните его, и он будет помнить вас; делайте добро ему, и он будет делать добро вам; старайтесь отсечь каждый больной член, уничтожить даже последнего врага; очистите остальную часть земли от тех народов, на которые Бог и его посланник разгневаны. Обрубите ветви нечестия и страха, ибо уже настали те дни. Мечь мусульманских нападений, магометанской нации. Бог велик: он дарует победы, он унижает нечестие; поймите, что это великая возможность — воспользуйтесь ею; это добыча, бросьтесь на нее; это добыча, овладейте ею. Это важное дело, приложите к нему все свои средства, отдайтесь ему полностью; отправьте батальоны ваших племен в поход для этого. Ибо это дело приближается к концу, и сокровищницы наполняются богатством. Бог уже даровал вам победу над этими подлыми врагами. Эти враги были равны вам или, возможно, более многочисленны, чем вы; но как бы то ни было, он показал, что один из вас стоит двадцати других людей. Бог поможет вам, если вы добьетесь выполнения его приказов и будете воздерживаться от того, что он запретил. Он укрепит всех нас, мусульман, победой; если Бог поможет вам, вам не придется бояться другого

победителя; но если он откажется от вашей помощи, кто будет тем, кто поможет вам после него?”

Затем проповедник помолился за Имауна Альнасира, халифа, и сказал: “О Боже! увековечи султана, твоего слугу, который смиряется перед твоим величеством, который благодарен за твои благословения, который дорожит воспоминанием о твоей милости. Сохрани свой острый меч, свою сверкающую звезду, которая защищает твою религию, которая защищает гарем! сейд, принц-триумфатор, *воссоединитель* слова, веры (то есть тот, кто действовал так, что мусульманские принцы единодушно, с единым чувством выступили против неверных); разрушитель креста, благо государства и религии (салах эддуния ва эддин). Султан мусульман, очиститель священного дома, Абу Модхаффер Юс-бен-Айюб, подтверждающий власть эмира верующих; О Боже! даруй, чтобы твои ангелы окружили его престол; воздай должное тому, что он сделал для религии Авраама; вознагради его действия ради мусульманской религии. О Боже! продлить ради исламизма” и т.д.

№ 15.

Булла григория VIII, 1187 г. н. э.

Григорий, епископ, слуга слуг Божьих; всем почитателям Господа Нашего Иисуса Христа, к которым придут эти письма, здоровья и апостольского благословения.

Узнав об ужасной суровости судов, которые божественная десница совершила над Иерусалимом и Святой Землей, мы и наши братья были охвачены таким ужасом, охвачены такой живой скорбью, что в мучительной неуверенности в том, что для нас было бы лучше всего сделать в этом случае, мы могли только разделить скорбь псалмопевца и воскликнуть вместе с ним: “Господи, народы вторглись в наследие Твое, они осквернили святой храм твой; Иерусалим - не более чем пустыня, а тела святых служили пастбищем”. к зверям земным и к птицам небесным". Ибо в результате внутренних раздоров, которые по наущению демона породила злоба людей в Святой Земле, вот Саладин, без всякого предупреждения, во главе грозной армии, обрушивается на город. Король и епископы, тамплиеры и госпитальеры, бароны и простой народ спешат на помощь, неся с собой крест Господень, тот крест, который в память о страсти Христовой, пригвожденный к нему гвоздями, и который таким образом купил искупление рода человеческого, считался самым надежным бастионом, противостоящим нападениям неверных. Начинается конфликт; наши братья побеждены, святой крест попадает в руки врагов; король взят в плен, епископы убиты, и те из христиан, кто избежал смерти, не могут избежать рабства. Бегство спасает немногих, и очень немногих; и они рассказывают нам, что видели, как все тамплиеры и госпитальеры погибли у них на глазах. Мы считаем бесполезным, возлюбленные братья, сообщать вам, как после уничтожения армии враги распространились по всему королевству и овладели большинством городов, за исключением небольшого числа, которые все еще сопротивляются. Именно здесь мы вынуждены сказать вместе с пророком: “Кто превратит мои глаза в источник слез, чтобы я мог оплакивать день и ночь истребление моего народа!” Тем не менее, мы далеки от того, чтобы позволять себе быть низвергнутыми или разделенными, мы должны быть убеждены, что эти неудачи следует приписывать только гневу Божьему на множество наших грехов; что самый эффективный способ получить отпущение их -

это слезы и стоны, и что, наконец, умиротворенные нашим покаянием, милость Господа воскресит нас снова, более славных за то унижение, в которое он нас ввергнул. Кто мог, говорю я, сдержать свои слезы в столь великом бедствии не только согласно принципам нашей божественной религии, которая учит нас плакать вместе со страждущими, но и из простых человеческих побуждений, принимая во внимание величие опасности, свирепость варваров, жаждущих крови христиан, их попытки осквернить святыни и уничтожить имя истинного Бога в стране, в которой он родился; картины, которые воображение читателя представит ему лучше, чем мы можем их нарисовать. Нет; язык не может выразить, чувства не могут постичь, какой была наша скорбь, какой должна быть скорбь христианского народа, узнавшего, что эта земля сейчас страдает так же, как она страдала при своих древних обитателях; эта земля, проиллюстрированная столькими пророками, от которых исходили огни мира; и, что еще более велико и невыразимо, где воплотился Бог, творец всего сущего; где, по бесконечной мудрости и непостижимому милосердию, он согласился подвергнуть себя немощам плоти, страдать от голода, жажды, наказания на кресте и от смерти. его смерть и славное воскресение совершили наше спасение. Тогда нам не следует приписывать наши бедствия несправедливости судьи, который наказывает, а скорее беззаконию согрешивших людей; поскольку мы видим в Писании, что, когда евреи вернулись к Господу, он обратил их врагов в бегство, и что одного из его ангелов было достаточно, чтобы уничтожить грозную армию Сеннахирима. Но эта земля поглотила своих жителей; она не смогла долго наслаждаться спокойствием, и нарушители нашего божественного закона не сохранили его надолго; все это дает этот пример и это наставление тем, кто вздыхает о небесном Иерусалиме, что только совершая добрые дела и среди многочисленных искушений, они могут достичь его. У жителей этих стран заранее были основания опасаться того, что произошло с ними сейчас, когда неверные завладели частью приграничных городов. Молили бы Бога, чтобы они тогда прибегли к покаянию и чтобы они умиротворили искренним раскаянием Бога, которого они оскорбили! ибо месть этого Бога всегда только откладывается. Он не удивляет грешника; он дает ему время для раскаяния, пока, наконец, его исчерпавшее себя милосердие не уступит место его справедливости. Но мы, которые среди разложения, охватившего эту страну, должны обратить наше внимание не только на беззакония ее жителей, но и на наши собственные и на беззакония всего христианского народа, и которые, более того, должны страшиться потери тех верующих, которые все еще остаются в Иудее, и разрушений, которыми угрожают соседним странам, среди раздоров, которые царят между христианскими королями и князьями, а также между деревнями и городами; мы, которые не видят со всех сторон ничего, кроме скандалов и беспорядков, мы должны плакать вместе с пророком и повторять вместе с ним: "Истины и познания Бога нет на земле; я не вижу, чтобы на их месте царствовало что-либо, кроме лжи, человекоубийства, прелюбодеяния и жажды крови". Повсюду необходимо срочно действовать, заглаживать наши грехи добровольным покаянием и с помощью истинного благочестия возвращаться к Господу Богу нашему, чтобы, исправившись от наших пороков и видя злобу и свирепость врага, мы могли делать для поддержки дела Господня столько, сколько неверные не боятся пытаться делать каждый день против него. Подумайте, мои возлюбленные братья, с какой целью вы пришли в этот мир и как вам следует покинуть его; подумайте, что таким образом вы пройдете через все, что вас касается. Используй же время, которым ты можешь распоряжаться, на добрые дела и на покаяние; отдай то, что принадлежит тебе, потому что ты не создавал себя сам, потому что у тебя нет ничего, что принадлежало бы только тебе, и потому что способность создать ручного червя выше всех сил земли. Мы не скажем: "отвергни нас, Господи, но позволь нам войти в небесную житницу, которой ты владеешь; помести нас среди этих божественных

плодов, которым не страшны ни повреждения временем, ни попытки воров". Мы будем трудиться, чтобы отвоевать ту землю, на которую истина сошла с небес и где она не отказалась претерпеть позор креста ради нашего спасения. Мы не будем иметь в виду ни любовь к богатству, ни тленную славу, но твою святую волю, о мой Бог! ты, который научил нас любить наших братьев, как самих себя, и посвящать тебе те богатства, распоряжение которыми у нас так часто не зависит от твоей воли. Нет ничего более удивительного в том, что эта земля была поражена рукой Бога, чем видеть, как впоследствии она была освобождена по его милости. Только воля Господа может спасти это; но не разрешается спрашивать его, почему он поступил так. Возможно, его волей было доказать нам и научить нас, что тот, кто, когда приходит время покаяния, принимает его с радостью и жертвует собой ради своих братьев, хотя и может умереть молодым, его жизнь включает в себя большое количество лет. Посмотрите, с каким рвением воспламенились Маккавеи ради своего святого закона и освобождения своих братьев, когда они без колебаний бросились в самую гущу величайших опасностей, жертвуя своим богатством и своими жизнями и увещевая друг друга взаимно такими речами, как эти: "Давайте подготовимся, давайте проявим мужество, потому что лучше погибнуть в бою, чем видеть зло нашего народа и профанацию святынь". И они жили только по закону Моисея, в то время как вы были просвещены воплощением Господа нашего Иисуса Христа и примером стольких мучеников. Итак, проявите мужество; не бойтесь пожертвовать этим земным достоянием, которого может хватить лишь на столь короткое время, и в обмен на которое нам обещано вечное, превышающее чувственное представление, и которое, по мнению апостола, достойно всех жертв, на которые мы можем пойти, чтобы получить его.

Поэтому мы обещаем всем тем, кто с сокрушенным сердцем и смиренным умом не побоится предпринять это мучительное путешествие и кто будет полон решимости сделать это по мотивам искренней веры и с целью получения прощения своих грехов, полного прощения своих ошибок и последующей вечной жизни.

Погибнут ли они там или вернутся, пусть знают, что по милости всемогущего Бога, авторитетом святых апостолов Петра и Павла и нашим собственным они освобождены от всех других покаяний, которые могли быть наложены на них, при условии, что они полностью исповедали свои грехи.

Имущество крестоносцев и их семей останется под особой защитой архиепископов, епископов и других прелатов Церкви Божьей.

Не должно проводиться никаких исследований относительно действительности прав владения Крестоносцем в отношении какой бы то ни было собственности до тех пор, пока не будет установлено его возвращение или кончина; а до этого времени его собственность должна быть защищена и уважаться.

Его нельзя заставить платить проценты, если он кому-то что-то должен.

Крестоносцы не должны маршировать в роскошных одеждах, с собаками, птицами или другими подобными предметами, которые демонстрируют только роскошь и показуху; но они должны иметь то, что необходимо, должны быть одеты просто и скорее походять на людей, совершающих покаяние, чем на тех, кто ищет тщетной славы.

Дано в Ферраре, 4 ноября, в календы.

[Затем следует постановление о всеобщем посте, чтобы умиловить гнев Божий и дать им возможность вернуть Иерусалим.]

Гнев Верховного Судьи никогда не утихает так эффективно, как тогда, когда мы стремимся подавить свои плотские желания, —

Следовательно, поскольку мы не сомневаемся в том, что несчастья, которые недавно обрушились на Иерусалим и Святую Землю в результате нашествия сарацин, были вызваны преступлениями жителей и христианского народа, мы, по единодушному совету наших братьев и с одобрения большого числа епископов, приказываем, чтобы с этого дня в течение пяти лет пост Великого поста соблюдался каждую пятницу в течение всего дня.

Далее мы приказываем, чтобы во всех местах, где совершается богослужение, оно совершалось в девять часов, и это от Пришествия Господа до его Рождества.

Все без исключения воздерживаются от употребления мяса в пятницу и субботу каждой недели, мы и наши братья также запрещаем употреблять его во вторник между собой, если только личные немощи, праздник или какая-либо другая уважительная причина не оправдывают нас; надеясь таким образом, что Господь будет умиловлен и оставит нам свое благословение.

Таковы наши правила по этому вопросу, и тот, кто нарушит их, будет считаться нарушителем Великого поста.

Дано в Ферраре, 4 ноября, в календы.

№ 16.

Парижский собор, состоявшийся в 1188 году при понтификате папы Климента III. Затем были изданы указы о Десятых долях, называемых Десятыми долями Саладина, для покрытия расходов на войну против Саладина, короля турок.

В марте месяце 1188 года от Рождества Христова, ближе к середине Великого поста, король Филипп созвал в Париже генеральный собор, на который были приглашены архиепископы, епископы, аббаты и бароны королевства. Бесконечное количество солдат и людей там приняли крест. С согласия духовенства и народа было решено, что, учитывая возникшие в то время неотложные нужды (у короля не было ничего более важного, чем предстоящее путешествие в Иерусалим), общая десятая часть, от которой никто не должен быть освобожден, которая была названа *десятой частью Саладина*,^[135] должна взиматься только за этот год.

Учреждение Десятого.—Приветствую вас во имя святой и нераздельной Троицы. Мы, Филипп, король Франции, по совету архиепископов, епископов и баронов наших владений приказали, чтобы епископы, прелаты и клирики созданных церквей, а также солдаты, принявшие крест, не беспокоились о возврате долгов, которые они, возможно, имели до заключения договоров с евреями или христианами, до истечения двух лет, считая с первого праздника Всех Святых, который последует за указом нашего вышеупомянутого господина короля: так что при следующих праздниках Всех Святых кредиторы получают треть того, что им причитается, а также то, что у них есть. и так из года в год, в один и тот же период, до полного погашения долга. Проценты по предыдущим долгам больше не начисляются, начиная со дня, когда должник

должен был принять крест. Крестоносец, являющийся законным наследником, сыном или зятем солдата, не являющегося крестоносцем, или вдовы, должен обеспечить своему отцу или своей матери преимущество, предоставляемое настоящим указом, при условии, что он не пользуется иными доходами, кроме тех, которые получены от труда его отца и матери; но если их сын или зять не находился на их попечении, или даже если он не носил оружия и креста, они не должны пользоваться указанным преимуществом; но должники, которые получают земли и доходы, в течение двух недель, следующих за приближающимся праздником Иоанна Креститель указывает своим кредиторам земли и доходы, с которых они смогут взыскать свои долги, на условиях, изложенных выше, и в соответствии с предписанной формой, посредством лордов, в юрисдикции которых будут находиться эти земли. Лорды не должны иметь права возражать против этой поставки, за исключением удовлетворения требований самого кредитора. Те, у кого недостаточно земель или доходов для формирования такой партии, должны предоставить своим кредиторам гарантии и ценные бумаги для погашения своих долгов в установленный срок; если в течение двух недель после праздника Святого Иоанна Крестителя они не удовлетворили своих кредиторов партией земель или гарантиями и ценными бумагами, если у них нет собственности, как было предписано, они не будут пользоваться привилегией, предоставленной другим. Если клерк или солдат крестового похода является должником клерка или солдата крестового похода, его не должны беспокоить перед следующим собранием Всех Святых, при условии, что он сможет предоставить ему хорошую гарантию оплаты в это время.

Если один из крестоносцев за восемь дней до Очищения Пресвятой Девы или позже передаст в пользу своего кредитора немного денег, какую-то работу или какой-то счет, кредитора нельзя заставить на этот счет считать его освобожденным. Сделка, по которой человек купил у другого Крестоносца годовой урожай поместья, хороша и действительна. Если солдат или клерк нанял или передал свои земли или доходы на несколько лет другому Крестоносцу, или клерку, или солдату, не перешедшему границу, должник за этот год должен получить продукцию с земель или доходы; но кредитор по истечении лет, в течение которых он пользовался грузом или гарантией, должен продолжать пользоваться ими еще год, чтобы компенсировать потерю первого года; так что, однако, кредитор должен получить за этот первый год половину дохода за выращивание, если он возделывал виноградные лозы и земли, на которых он работал. которые были переданы ему в качестве обеспечения. Все сделки, которые должны быть заключены за восемь дней до Очищения Пресвятой Девы или которые должны быть заключены после, должны быть подлинными. В отношении всех долгов, на которые распространяется действие настоящего указа, будет необходимо, чтобы должник предоставил гарантию столь же хорошую или даже лучшую, чем та, которую он давал ранее. Если стороны не пришли к согласию относительно качества гарантии, она должна быть передана сеньору кредитора; если он не ответит на это требование, дело должно быть передано сюзерену. Если лорды или князья, под руководством которых могут находиться кредиторы или должники, откажутся приложить свои руки к исполнению того, что предписано настоящим указом, из-за привилегий, данных должнику, или из-за подлежащих отправке грузов, и если, предупрежденные митрополитом или епископом, они не сделают этого в течение сорока дней, они будут подлежать отлучению от церкви; но если лорд или сюзерен сочтет своим долгом показать в присутствии митрополита или епископа, что он не нарушил эту формальность по отношению к кредитору или даже должнику, то они будут наказаны. и поскольку он готов исполнить то, что ему приказано, митрополит или епископ не могут отлучить его от церкви. Ни один крестоносец, будь то клерк, солдат или кто-либо другой, не может быть привлечен к ответственности иначе, как за долги,

уже взысканные по закону на момент принятия креста; он не должен быть пассивен перед другими до своего возвращения из Святой Земли. Те, кто не являются крестоносцами, должны выплатить, по крайней мере в этом году, десятую часть всего своего имущества и доходов, за исключением монахов ордена Сито, Шартре, Фонтевро и домов лазаря, в отношении принадлежащего им имущества. Никто не должен вмешиваться в собственность общин, если только это не сеньор, которым они владеют. В остальном каждый сохраняет права, которые он имел раньше в общине. Главный судья поместья всегда взимает десятую его часть. Следует иметь в виду, что те, кто обязан выплачивать десятую часть, должны выплачивать ее со всего своего имущества и доходов, без предварительного вычета своих долгов. Только после уплаты десятой части они могут расплатиться со своими кредиторами из оставшейся части своего имущества; все миряне, а также солдаты, облагаемые *taille* (подушным налогом или чем-то вроде земельного налога), после принесения присяги под страхом анафемы, а клерки под страхом отлучения от церкви должны платить десятую часть. Солдат, которому не перешли дорогу, должен выплатить своему господину, которому перешли дорогу и которого он удерживает, десятую часть своего собственного имущества и феода, которым он владеет. Если он не владеет его поместьем, он выплатит ему десятую часть своего собственного имущества и выплатит десятую часть тем, кем владеет непосредственно. Если у него нет лорда, он выплатит десятую часть своего собственного имущества тому, на чьем феоде он живет. Если человек, владеющий собственным имуществом, обнаруживает, что десятые доли его имущества принадлежат другому лицу, а не тому, кому он ими обязан, и если собственник может доказать, что они законно принадлежат ему, то первый не может удержать эти десятые доли. Перекрещенный солдат, законный наследник или зять неперекрещенного солдата или вдовы, получит десятую часть своего отца или матери. Никто не должен накладывать руки на имущество архиепископов, епископов, капитулов или церквей, которые зависят от них, кроме самих архиепископов, епископов, капитулов или церквей. Если епископы соберут десятые доли, они должны передать их тем, кто назначен их принимать. Крестоносец, которому причитается *тайль*, или десятая часть, и который откажется их выплатить, будет арестован и передан в распоряжение того, перед кем он в долгу. Тот, кто его арестовал, не может быть отлучен от церкви за это. Тот, кто заплатит свою десятую часть с готовностью, согласно закону и без принуждения, будет вознагражден Богом.

№ 17.

Записка о греческом огне, взятая из рукописи "Жизнь Саладина" Ренодо.

Несомненно, что искусственный огонь, называемый *греческим огнем*, *морским огнем* или *жидким огнем*, состав которого встречается у греческих и латинских историков, сильно отличался от того, которым начали пользоваться жители Востока в это время, и действие которого было тем более удивительным, что причина его была совершенно неизвестна; ибо, в то время как первый был приготовлен из воска, смолы, серы и других горючих материалов, в этом не было ничего, кроме нефти или бензина, источники которого близ Багдада, подобные тем, что были в Багдаде. на котором говорили древние, недалеко от Экбатаны и на границах Мидии. Все натуралисты сходятся во мнении, что это битуминозное вещество очень легко воспламеняется и что его невозможно потушить ничем, кроме песка, уксуса и мочи. Перед Александром был проведен эксперимент с ним, путем зажигания большого количества огня от паровозов,

которые долго горели, не имея возможности потушиться; даже шут, натертый им, получил такие серьезные повреждения от огня, что спасти его жизнь было очень трудно. И все же, несмотря на то, что древние были знакомы с ним, неизвестно, часто ли они применяли его на войне, или что он входил в состав настоящего греческого огня, изобретенного, согласно общепринятому мнению, Каллинихом при Константине Погонате, но который, несмотря на это, на много веков древнее. Таким образом, весьма вероятно, что жители Востока, не имевшие никакого применения до этой осады, Эбн-эль-Мехас успешно использовали его как новое изобретение; и что христиане, из-за сходства, называли его греческим огнем, исходя из идеи, которую они себе представляли, что это может быть то же самое, с чем был знаком весь Левант. Этот огонь использовался для защиты осажденных мест и назывался *oleum incendiarium*, *oleum medicum*; и им пользовались во времена Валентиниана, при котором Вегетий, военный писатель, который приводит его описание, написал свой труд. Эней, древний автор, цитируемый Полибием, также говорит об этом в своем трактате "Об обороне городов", и Каллиних не добавил к нему ничего нового, за исключением машин или медных труб, с помощью которых они впервые применили его на море и сожгли арабский флот близ Кизика. Греки продолжали впоследствии пользоваться этими машинами, которыми они вооружали свои брандеры, и никогда не сообщали об этом знании какому-либо другому народу; не больше, чем магометане разжигали бензин, когда однажды научились этому способу. Таким образом, названия смешались из-за невежества двух народов; греки с большим основанием называли искусственный огонь мусульманмидийским, а латиняне объединяли оба под названием греческого огня, как впоследствии жители Востока называли порох *нафтой*, исходя из обнаруженной ими связи между ним и тем огнем, от которого он заставил их отказаться.

№ 18.

Воспоминания о Саронском лесу, или Заколдованном лесу Тассо.

Большинство мест в Палестине, где велись сражения между франками и сарацинами, к концу XVIII века были театром многочисленных конфликтов между французами и мусульманами. Французы в 1799 году обратили сирийцев в бегство в окрестностях Арсура, на том самом месте, где Ричард одержал великую победу над Саладином. Мы с удовольствием представляем нашим читателям очень интересные мемуары М. Полтра, который участвовал в кампании в Сирии и который назвал лес Сарон, или заколдованный лес Тассо.

“24 Вентоза 7 марта (14 марта 1799 г.) наша армия, покинув Яффу, чтобы двинуться на Сен-Жан д'Акр, после полуторачасового продвижения подошла к берегу потока, который вытекал из Лидды и впадал в море на небольшом расстоянии слева от нас; форсирование этого потока представляло много трудностей для нашей артиллерии.

“Перед нами была равнина шириной около лиги, но которая слева от нас простиралась до моря, где ее окружали *дюны*, или небольшие песчаные холмы, покрытые зеленью; в то время как справа от нас она простиралась на две или три лиги и терялась среди отлогих склонов гор Гофна и Наплуз, которые евреи называли горой Гаризим. Поток, который мы только что миновали, был древней границей между коленами Дана и Вениамина и коленом Ефрема, по территории которого мы собирались пройти.

“Равнина, казалось, была закрыта перед нами лесистым подъемом, простиравшимся от главной цепи, которая тянулась вдоль равнин Палестины, слева от нас, до самого берега моря; наш маршрут пролегал через эти леса, и было бы опасно приближаться к ним, не разведав их; тем более, что мы знали, что сирийская армия находится на небольшом расстоянии от нас, и можно было ожидать, что они бросили в них несколько отрядов, чтобы воспрепятствовать нашему проходу и воспользоваться преимуществом, которое могли предложить им труднопроходимые и укрытые места. Этот лес, расположенный на очень высоком холме, представлял для нас живописный вид, который приятно напоминал места нашей прекрасной лесистой страны Франции.

“Французский генерал воспользовался моментом, когда разлив реки задержал продвижение армии, чтобы наш авангард произвел рекогносцировку различных участков этого леса и убедился, что дороги практически проходимы. В девять часов утра генерал, командовавший кавалерией, сообщил ему, что путь свободен, что в лесу нет вражеского отряда и что армия может безопасно продвигаться вперед. Согласно этому совету, марш был возобновлен, и, пройдя в течение часа по ровной равнине, мы начали углубляться в лес и подниматься на холм, где дорога стала очень трудной для наших частей и наших повозок. Маршрут, по которому мы следовали, оказался очень малолюдным, хотя наши гиды заверили нас, что это главная дорога в Яффо, Сен-Жан-д'Акр и Дамаск. Пески, камни, кустарники, овраги и крутые холмы делали наш переход очень мучительным; можно было бы сказать, что в этих кантонах никогда не прокладывали маршрутов; и я не могу лучше сравнить тот путь, по которому мы шли, чем с перекрестками наших наименее посещаемых лесов во Франции. Ветви деревьев, целые стволы, упавшие от старости или несчастного случая, с огромными камнями, на каждом шагу преграждали путь, и нашим саперам стоило бесконечных трудов расчистить проход для наших повозок и навьюченных верблюдов. Если бы враг знал, как воспользоваться этим обстоятельством, и увеличил наши трудности несколькими редутами или баррикадами из деревьев, для нас было бы невозможно форсировать проход; несколько отрядов пехоты или только несколько вооруженных крестьян могли бы нанести нам большой урон и полностью остановить продвижение нашей армии в местах, уже почти непроходимых по своей природе. Но, к счастью, мы имели дело с врагами, которые не подозревали даже о первых элементах военной тактики; ибо, в то время как наши колонны с таким трудом преодолевали эти лесистые и скалистые горы, где было бы так легко остановить нас и сражаться с нами с преимуществом, они мирно ожидали нас четырем лигами дальше, на чистой равнине, где наша артиллерия и наши маневры давали нам полное преимущество над ними, в чем они имели все основания убедиться на следующее утро. После мучительного марша в две лиги через лес армия остановилась, выйдя из леса, и заняла позицию на северной стороне холма, недалеко от деревни Мески, где был расположен наш штаб. На небольшом расстоянии перед нашей позицией протекал поток; и наши легкие войска, которые уже миновали его, сообщили нам, что они могли видеть на обширной равнине, простиравшейся со стороны Сен-Жан-д'Акра, отряды сирийской и мамелюкской кавалерии, которые указывали на близость вражеской армии. Затем были приняты меры, чтобы держать нас в готовности на случай, если они пойдут на нас в атаку; но вечер и ночь прошли без нанесения удара; а на следующее утро, после того как мы без сопротивления переправились через реку, мы предстали перед ними в боевом порядке на равнине Куокун, у подножия гор Наплуз, и после небольшого сражения отбросили их обратно на равнину Эсдрелон, откуда они начали отступление к Сен-Жан-д'Акр.

“Описание Саронского леса. Леса, которые мы только что пересекли, известны в стране под названием Саронский лес; они простираются по обширному холму, который является одним из западных выступов цепи, отделяющей долину Иордана от равнин Палестины и который сам по себе является продолжением горы Либан. Этот холм, названный евреями горой Сарон, отделен от главной цепи ниже города Наплуз и простирается до моря, где заканчивается невысокими скалами и холмами, между Яффой и Арсуфом, древним Аполлонием; его длина может составлять восемь или девять лиг от горы Гаризим, где он выходит из главной цепи, до морского берега; его средняя ширина составляет от двух до трех лиг, а высота увеличивается, от Наплуза до берега Средиземного моря, где он заканчивается скалами и холмами Средиземного моря. среднего роста. На севере он ограничен потоком Арсуф (Нахер-эль-Хаддер), который берет начало ниже Наплуза, на горе Гаризим; протекает близ руин древнего Антипатриса и впадает в море близ Арсуфа, пройдя семь или восемь лиг. На юге он параллелен потоку Лидда, древнему Дисополису, который берет начало на горе Акрататене, недалеко от Иерихона, недалеко от Гофны и Газера, проходит Лидду и впадает в море примерно в лиге к северу от Яффы, пройдя от восьми до десяти лиг. Эти два потока текут параллельно друг другу и делают почти одинаковые повороты, поскольку направляются по склону одного и того же холма. Среднее расстояние между их руслами составляет от пяти до шести лиг, что равнялось ширине земель древнего племени Эфраима, в центре которых простиралась гора Сарон, подножие которой шириной в две или три лиги заканчивается у этих потоков двумя небольшими боковыми равнинами шириной в лигу или около того.

Лес покрывает склон холма от главной цепи до морского берега в пределах трех четвертей лиги, что дает ему длину от семи до десяти лиг и от двух до трех в ширину. Цепь гор Акрататен и Гаризим показалась мне бесплодной или покрытой только кустарником. Склоны горы Сарон более крутые и изломанные с северной стороны, чем с южной; ее основание представляет собой известняковую скалу, которая во многих местах леса возвышается над поверхностью большими глыбами, нагроможденными одна на другую. В общем, я не могу лучше сравнить достопримечательности этой части Палестины, чем окрестности Фонтенбло. Лес Сарона состоит исключительно из дубов, вида, обозначенного древними, *Quercus cerrus*; его листья более гладкие и менее изрезанные, чем у наших обычных дубов. Коробочка желудей имеет очень большие размеры; я видел много желудей диаметром от десяти до двенадцати линий при их раскрытии, в которых находились желуди такого размера; чешуйки или скорлупки, покрывающие эту коробочку, не были округлыми и накладывались одна на другую, как у бургундских дубов, а заканчивались заострениями и загибались наружу в виде спирали или как маленькие крючковатые заострения, что дало этому дубу название *Quercus cunita*; листья были покрыты бугорками, известными в торговле как желчные орешки. . Эти дубы, как мне показалось, не могли набрать сколько-нибудь значительных размеров; большинство из них, хотя и свидетельствовали о большом возрасте, могли быть обхвачены одним человеком и имели, самое большее, площадь от семи до восьми дюймов. Ствол был узловатым и не очень прямым и в немногих случаях достигал более двадцати пяти-тридцати футов в высоту; верхушка их была скорее круглой, чем пирамидальной, как у наших яблонь и каштанов в Европе. Однако их кора была более гладкой и менее бороздчатой, чем у наших дубов того же возраста. В целом, рост этих деревьев был почти таким же, как в щебнистых лесах сухих и возвышенных побережий Нижней Бургундии, и я полагаю, что та же причина, недостаток глубины растительного покрова и влаги, может вызывать это сходство, хотя и в другом климате. И все же я подозреваю, что древесина очень твердая и хорошего качества; но, будучи узловатой, скрученной и небольшого

размера, она может быть очень малопригодна для строительных целей: так, Соломон, чтобы построить свой храм, был вынужден получать древесину из Ливана, в то время как Саронский лес находился у самых ворот Иерусалима. Наши первые крестоносцы во время осады святого города, вынужденные привозить туда древесину для строительства своих машин и штурмовых башен, жаловались, что этот лес может дать им только куски небольшого размера, что делает их строительные работы долгими и трудными. Возможно, с того периода не было случая обращаться к этому лесу, которым сейчас пользуются только жители по соседству, которые рубят на его окраинах древесину, в которой они нуждаются. Правительство не обращает внимания на собственность, которая не может быть использована в общественных целях, учитывая трудность транспортировки пиломатериалов в стране, где не используются экипажи и где все перевозится на спинах верблюдов; кроме того, в жарком климате для топки используется так мало древесины, что этот лес не может иметь большой ценности даже для этой цели.

Теперь я должен доказать, что именно в этом Саронском лесу наши первые крестоносцы во время осады Иерусалима в 1099 году рубили древесину для строительства машин и башен, которые они использовали при штурме города.

Согласно Вильгельму Тирскому, именно сириец указал на это герцогу Нормандии и графу Фландрии. Этот историк помещает его на расстоянии семи или восьми миль от Иерусалима и отмечает, что деревья в этом лесу были небольшого роста и не могли обеспечить их прочной древесиной, в которой они нуждались, а трудность добыть какую-либо другую древесину в стране, где леса были очень редки, вынудила их изготовить эти машины из скрепленных вместе частей, что потребовало много времени и труда.

“Casu affuit quidam fidelis indigena natione Syrus, qui in valles quasdam secretiores, sex aut septem ab urbe distantes milliaribus quosdam de principibus direxit, ubi arbores, etsi non ad conceptum opus aptas penitus, tamen ad aliquem modum bonas invenerunt plures.”

Вильгельм Тирский ошибается в расстояниях, утверждая, что этот лес находится в шести или семи милях от Иерусалима, в то время как на самом деле он находится в десяти или одиннадцати лигах от него. Он также помещает его в глубокую долину, что могло быть правильным, только если рассматривать его применительно к горам Госна и Наплузе, с которых крестоносцы могли спуститься, чтобы нарубить дров, в которых они нуждались.

“Рауль Канский, столь же современный историк, более точен в расположении этого леса и неопровержимо доказывает нам, что это был лес Сарона, в который крестоносцы ходили рубить бревна для осады; ибо он помещает его у подножия гор Наплуз, именно там, где он сейчас находится.

“Lucus erat in montibus, et montes ad Hyerusalem remoti ei, quàm modò Neapolis, olim Sebasta, ante Sychar dictus est, propiores, adhuc ignota nostratibus via, nunc celebris et fermè peregrinatum unica.”—*Rad. Cad.* глава 121.

“На самом деле, чтобы попасть из Сен-Жан-д'Акра в Иерусалим, необходимо пройти через этот лес; и я не знаю, как крестоносцы могли пройти его незамеченными во время своего похода из

Антиохии в святой город. Очевидно, они шли берегами моря от Кесарии до Яффы, и высокие холмы, которые были слева от них, мешали им увидеть это.

“Ле Пере Мамбур поступает лучше; зная, что Палестина - страна, в которой леса во все времена были редкостью, в своей "Истории крестовых походов" он сомневается в существовании этого леса, который, насколько я понимаю, единственный в этих кантонах.

“Тассо, чье поэтическое и богатое воображение радовалось созданию стольких замечательных вещей, не был остановлен такими пустяковыми соображениями, и в его "Освобожденном Иерусалиме" Саронский лес снабдил его одним из лучших эпизодов его поэмы.

Здесь я должен высказать несколько соображений о происхождении названия леса, города и страны Сарон. М. Д'Анвиль на своей карте Палестины дает части территории колена Ефремова, расположенной между потоком Лидда и потоком Аполлония, название *Саронас*, которое он записывает как название страны; и именно на этом месте существует Саронский лес, о котором, возможно, М. Д'Анвиль ничего не знал. Он также помещает между этими двумя потоками, выше Лидды, город под названием Тамнатх-Сара, в стране, которую он называет *Тамнитука*, которая сейчас составляет часть леса, где гора Сарон снова соединяется с главной цепью.

“На карте Святой Земли, составленной М. Робером по рукописям Сьера Сансона, есть город Сарона, расположенный между Лиддой и Антипатрисом, ближе к центру нынешнего леса. Он делает этот город царственным городом евреев. Как и г-н Д'Анвиль, он называет город Тамнатх-Сара, а на небольшом расстоянии к северу - город Озенсара.

Сходство этих различных названий наводит меня на мысль, что все они могут быть образованы от примитивного *Sar*, которое на многих языках означает дубы, леса, заросли, как указывает Диодор в книге v., когда говорит, что галлы дали имя *Сарониды* некоторым философам своей страны, потому что они жили в дубовых лесах и преподавали в тени этих деревьев. Мы сохранили этот *sar* в слове *sarman*, древесина виноградной лозы; в *serpe* (или *sarpe*, нижнебретонский), инструмент для рубки дерева; *surbacane*, палка с отверстиями, для метания маленьких стрел или других снарядов; *sarse*, деревянная бочка; *essarter*, или *essarter*, для вырывания кустов на месте, которое собирается быть обработанным.

“Я предоставляю перу, более сведущему, чем мое, в науке этимологии, следовать этому предмету более изученным и определенным образом.

№ 19.

Ральф Дайсет.

Ральф Дайсет был родом из Лондона и жил, как говорят, в царствование Иоанна; он был человеком, замечательным своим благочестием и ученостью.

Он говорит: “В 1185 году король Англии (Генрих II.) созвал монастырских настоятелей, графов и баронов возле Фонтана клерков, [\[136\]](#) в Лондоне.

“Выслушав патриарха и магистра госпитальеров, король умолял всех присутствующих направить в Иерусалим всю помощь, которая в их силах. Затем они обсудили, подобает ли королю лично отправиться в Палестину или ему следует остаться в Англии, чтобы управлять ею, как он обещал, перед собравшейся церковью. Король обещал предоставить помощь в виде людей и денег для подавления всякого рода насилия и беззакония и что справедливость и милосердие будут преобладать во всех судебных решениях. Королю казалось наиболее благоразумным управлять своим королевством с подобающей умеренностью и защищать его от вторжений варваров.

“В том же году короли Франции и Англии имели свидание в Жизоре, где они получили крест из рук архиепископа Тирского. Было решено, что все французские крестоносцы должны носить красный крест, английские - белый, а графы Фландрии - зеленый.[\[137\]](#)

Ральф говорит, что когда крест был взят в Англии, была взята общая десятая часть со всего имущества в помощь Иерусалиму. Этот сбор был произведен с таким насилием, что привел в ужас как духовенство, так и народ. Под названием "милостыня" он проводился в жизнь с духом взыскания и алчности.

После этого наблюдения историк помещает патент на письма Филиппа, короля Франции, и Ричарда, короля Англии, которые предписывают крестоносцам выступить из обеих стран в октаву Пасхи под страхом отлучения от церкви и интердикта; и запрещают кому бы то ни было причинять вред крестоносцам во время их отсутствия. Эти письма датированы 30 декабря.

Работа Ральфа Дайсета заканчивается в 1199 году. Она превосходна как по датам, так и по многим отрывкам из нее.

№ 20.

Ральф из Коггершолла.

Ральф Коггершоллский, англичанин по происхождению, процветал примерно в 1220 году, в правление Генриха III, сына Джона. Он принадлежал к ордену Сито. Его заслуги и ученость возвысили его до сана настоятеля монастыря Коггершолл в графстве Эссекс. Он является автором многих работ.

Д. Мартенн, публикуя “Англиканскую хронику” Ральфа, удивлен, и, по-видимому, не без оснований, что англичане, которые так ревниво относятся к славе своей страны, проявили такое пренебрежение к работам этого автора, которого так высоко ценят их ученые.

Ральф, как и другие хронисты, сух и краток, и только после вторжения Саладина в Палестину он отказывается от стиля хрониста и принимает стиль историка.

Рассказав о прибытии королей Франции и Англии на Сицилию, о том, что Ричард совершил на острове Кипр, о победе, которую этот принц одержал над сарацинскими кораблями перед высадкой в Акре, об осаде и взятии этого места, о разногласиях, вспыхнувших между Филиппом Августом и Ричардом, о взятии Ричардом нескольких приморских городов и о смерти маркиза Монферратского, Ральф Коггершоллский рассказывает, что герцог Бургундский, оставленный в Палестине вернувшимся домой Филиппом Августом, прибыл, чтобы присоединиться к Ричарду,

и сказал: для того, чтобы вместе сражаться с врагами Христа; и что было решено пойти и осадить Иерусалим. Он описывает победу, одержанную Ричардом над богатым караваном, направлявшимся в этот город. Он говорит, что, пока этот принц находился в своем лагере перед замком Эрнальда, а герцог Бургундский со своими войсками находился в крепости Бетенобль, шпион пришел предупредить короля, что ночью он слышал, как какие-то люди и верблюды спускались с гор, и что он последовал за ними. Он добавил, что обнаружил, что они были отправлены Саладином герцогу Бургундскому и что верблюды в количестве пяти человек были нагружены золотом, серебром и шелковыми одеждами. Шпион получил приказ от короля взять с собой несколько королевских стражников и подстеречь в засаде посланцев Саладина, когда они вернутся. Все, что он сделал; он застал их врасплох, схватил их и привел к королю. Ричард пытками вытянул из одного из них доверенную им тайну. Он признал, что султан отправил их герцогу. На следующий день Ричард послал за герцогом, патриархом и настоятелем Вифлеема. Он провел с ними приватную беседу и поклялся перед ними на Евангелии, что готов отправиться со своей армией и осадить Иерусалим, или Вавилонию, или Бериту, без владения которыми царь не мог быть коронован. Ричард, дав эту клятву, пожелал, чтобы герцог дал свою. Герцог отказался, потому что тамплиеры и французы заверили его, что он навлечет на себя гнев Филиппа, если Ричард с их помощью одержит победу в Иерусалиме. Ричард пришел в ярость, обошелся с герцогом как с предателем и упрекнул его в получении подарков от Саладина. Герцог отрицал все, в чем его обвиняли. Тогда Ричард послал за посланцами Саладина. Когда они были представлены и раскрыли свою тайну, король приказал своим стражникам забить их до смерти стрелами в присутствии всей армии; что и было сделано так, что войска Ричарда или герцога не узнали ни о причине такой жестокости, ни о том, откуда прибыли эти посланцы, ни о том, что они сделали. Герцог Бургундский, сильно пристыженный, немедленно удалился со своими войсками и направился по дороге в Акру. Ричард, услышав об этом отступлении, немедленно отправил гонцов к городской страже, запретив им впускать в город французов. Герцог расположился лагерем за стенами. Король свернул свой лагерь на следующий день; и, следуя за герцогом, он также разбил свои палатки за пределами города.

Затем Ральф подробно описывает битву при Яффе, которая произошла вскоре после этого. Поскольку эта битва - одна из тех, в которых доблесть и мастерство Ричарда проявились с наибольшим преимуществом, и поскольку историки, которым мы следовали в нашем описании третьего крестового похода, представили нам лишь неточные подробности этого события, мы считаем справедливым по отношению к королю с львиным сердцем привести выдержку из того, что говорит о нем Ральф.

Ричард отдыхал со своей армией за три дня до Птолемаиса, когда ему сообщили, что Саладин осаждает Яффу со всеми своими войсками; и что город скоро будет взят, а гарнизон перебит, если он не окажет осажденным своевременной помощи. Ричард, огорченный этим известием, попытался вернуть герцога Бургундского к чувствам согласия; но этот принц отверг все его заигрывания и в ту же ночь выступил со своими войсками в Тир. Вскоре после прибытия туда он закончил свою жизнь жалким образом в бреду лихорадки; что Ральф считает справедливым наказанием небес. Ричард отправляется в путь с частью своей армии и доверяет себя морю; но корабли были отброшены к острову Кипр встречными ветрами и яростью волн, так что те, кто остался на суше, поверили, что король тайно отступил. Это также объясняет утверждения некоторых авторов о том, что Ричард отправился на остров Кипр. Король и те, кто сопровождал его, после трехдневной борьбы с ветрами и волнами, наконец, преуспели, гребя наискось, и вместе с тремя судами бросили якорь в порту Яффо.

Саладин повторными атаками уже овладел городом и предал смерти всех немощных и раненых. Гарнизон отступил в замок и уже подумывал о том, чтобы сдаться капитуляцией, когда патриарх, свободно переходивший от одной армии к другой, сказал им, что солдаты Саладина решили убить их всех, чтобы отомстить за своих родственников и друзей, которых Ричард несколько раз безжалостно предавал смерти; и что они не избежат смерти, если даже Саладин разрешит им удалиться. Несмотря на эти сведения, гарнизон колебался и не видел никакой надежды избежать ожидавшей их участи, когда в порту появились корабли короля. Это зрелище вернуло им мужество. Со своей стороны, Ричард, видя, что крепость города не взята, выскочил на берег в полном вооружении, сопровождаемый своими войсками, и, подобно разъяренному льву, устремился среди полчищ врагов, покрывающих берег. Он смело продвигается вперед, сквозь стрелы, которые сыплются на него со всех сторон, сметая все на своем пути. Турки, не в силах противостоять такому нападению и полагая, что Ричард привел с собой более многочисленную армию, поспешно сняли осаду, не без больших потерь. Они были так напуганы, что ничто не могло остановить их до тех пор, пока они не оказались в безопасности в стенах Рамулы. Король после этой стычки смело пошел и разбил свои палатки под стенами города, на равнине недалеко от Сен-Абаку, поскольку крестоносцы не могли оставаться в городе из-за запаха, исходившего от трупов, убитых с обеих сторон, которые были по ошибке положены рядом с несколькими тушами свиней.

Когда на следующий день Саладину было объявлено, что Ричард прибыл всего с восьмьюдесятью солдатами и четырьмя сотнями арбалетчиков, составлявших его охрану, он пришел в ярость от того, что его армия обратилась в бегство перед таким небольшим числом. Он немедленно приказал своей кавалерии возвращаться в Яффу и на следующий день доставить ему короля живым и пленным.

Той ночью Ричард спокойно отдыхал в своем лагере, ничего не подозревая; когда на рассвете неверные окружили его лагерь так плотно, что не было прохода, по которому он мог бы укрыться в городе. Три тысячи сарацин вошли в Яффу, и христиане, разбуженные шумом и криками, были поражены ужасом, обнаружив, что окружены со всех сторон.

При виде такой внезапной опасности Ричард быстро облачается в доспехи, садится верхом и, отбросив всякий страх, кажется, напротив, более смелым по сравнению с числом своих врагов. Он воодушевляет своих людей на борьбу; он говорит им, что они не должны бояться смерти, когда им приходится защищать свою религию и мстить за оскорбления, нанесенные Христу; что для них было бы более славно пасть за закон Христа и, падая, мужественно поражать его врагов, чем подло сдаться им или искать спасения в бегстве, которое стало невозможным. Обращаясь к ним таким образом, Ричард выстроил своих товарищей в сомкнутый батальон, чтобы во время боя враг не смог найти открытого пространства, через которое можно было бы прорваться к ним. Затем он приказал установить у подножия каждого из них шесты для палаток, которые служили им крепостным валом. Пока они занимались этим, насколько позволяло время, и пока на их стороне были неверные, вооруженные и выжидавшие, переговариваясь между собой, один из королевских камергеров выбежал из города и прибыл в лагерь, восклицая жалобным голосом, как это передал нам Хью де Невиль, участвовавший в этой битве: “Увы! мой господин, мы все погибнем; у нас не осталось никаких ресурсов. Бесчисленное множество язычников овладело городом, и мы имеем перед собой бесчисленные войска, которые угрожают нам смертью”. Король в сильном гневе приказал ему замолчать и поклялся, что отрубит ему голову, если он посмеет произнести такие слова в присутствии кого-либо из солдат.

Ричард немедленно снова обратился к своему войску с речью; он призвал их не пугаться численности язычников; он сказал им, что отправится в город, чтобы выяснить, что происходит; и, взяв с собой шесть решительных воинов и королевский штандарт, он бесстрашно входит в Яффу, открывает себе дорогу мечом и копьем, бросается на врагов, которые собрались в общественных местах, нападает на них, рубит их, убивает. Воины, которые сопровождают его, опрокидывают всех, кого встречают, и убивают их без пощады. Вторжение короля было таким внезапным и яростным, что большинство павших не знали, какая сила их уничтожила. Враги бежали перед царем, который преследовал их, как стаи бегут перед львом, охваченным голодом.

Ричард, благодаря своей несравненной доблести уничтоживший или обративший в бегство находившихся в городе неверных, приказал некоторым солдатам гарнизона, укрывшимся в замке, прийти и взять на себя охрану городских ворот и стен.

После этой невероятной победы король вернулся со своими шестью воинами в армию. Тем не менее он был очень огорчен тем, что у него было так мало лошадей, потому что во всем лагере их было всего шесть и мул. Чтобы еще больше воодушевить своих солдат, Ричард рассказал им, что Господь совершил в городе с помощью своей руки и как столь малое число людей одержало победу над таким множеством врагов: “По этой причине, - воскликнул он, - давайте призовем на помощь всемогущего Бога, чтобы он мог сегодня сокрушить наших врагов. Будьте уверены, что выдержите первый шок и мужественно перенесите ярость первых ударов. Остерегайтесь сломенения; ибо, если вас разлучат, вы будете разорваны на куски, как овцы, без сил и без защиты. Если, напротив, вы сможете выдержать первую атаку, не сломившись, вам нечего будет опасаться мужества ваших врагов. С Божьей помощью вы одержите победу над врагами Христа. Но если я увижу, что кто-нибудь из вас проявит хоть малейший страх, или оставит врагу проход, или свернет в сторону, клянусь всемогущим Богом, я собственноручно отрублю ему голову”.

Когда король таким образом увещевал и воодушевлял своих людей на битву, все подняли свои копья и своими молитвами призвали на помощь Бога; но в то время как многие из них, без сомнения, размышляли о том, что их ждет только жестокая смерть, звук труб и клиросов возвестили о приближении неверных, которые обрушились на христиан подобно потоку, направив на них свои копья и издавая громкие и устрашающие крики. Турки ожидали, что христиане отступят при первой же атаке; что они рассеются по равнине; что их ряды будут сломлены; и что они позволят изрубить себя на куски почти без сопротивления. Но христианский батальон оставался твердым и неподвижным, ни на шаг не уступая ни ужасу, ни ярости штурма. Турки удивились этой неслыханной дерзости в столь малом числе и, натянув поводья своих лошадей, отступили на некоторое расстояние назад, но не настолько, чтобы они могли коснуться друг друга своими копьями с обеих сторон. Не было выпущено ни стрелы, не брошено копье; они только угрожали друг другу жестами, голосом и выражением лица. Турки оставались так в течение получаса, а затем вернулись на свою первую позицию, бормоча и разговаривая сами с собой. Они отошли от христиан почти на половину стадиона. Увидев это, король разразился громким смехом, воскликнув: “Храбрые воины Христа! разве я не говорил вам об этом? Разве я не говорил вам, что они не посмеют сравняться с вами, если мы не нападём на них первыми? Они показали нам всю свою храбрость и все, что, по их мнению, могло внушить нам страх. Они думали напугать нас своей численностью и чтобы мы не посмели сопротивляться их первому натиску. Они ожидали, что мы будем покоряться, как женщины, их ударам и летать туда-сюда по равнине. Проклят теперь тот, кто попытается избежать их

обвинения или кто побоится помериться с ними силами. Мужественно поддерживайте их атаки, как вы только что сделали, пока, с Божьей помощью, мы не одержим над ними победу”.

Едва Ричард закончил говорить, как неверные снова двинулись вперед, издавая свои крики и трубя в трубы; они, однако, остановились на небольшом расстоянии от христиан. Последние, оставаясь неподвижными, как и прежде, и проявляя, по возможности, большую отвагу, неверные вторично вернулись на свои позиции, не отваживаясь нанести удар. Они повторили это пять или шесть раз, с первого часа дня до девятого. Ричард, который начал уставать от столь долгого бездействия и чья храбрость возрастала пропорционально бесстрашию тех, кто его окружал, приказал своему отряду, когда неверные снова спустятся, выпустить в них несколько стрел и дротиков и дать им пощупать наконечники своих копий, чтобы спровоцировать их на бой. Он приказал своим арбалетчикам идти впереди солдат и выпускать свои стрелы, болты и дротики во врага, что и было сделано; и когда турки, по своему обычаю, двинулись вперед, издавая отвратительные крики, и, казалось, были готовы сокрушить христиан, последние атаковали их своими пиками, мечами и всеми видами оружия, опрокидывая их и убивая. Кровавая бойня вскоре вызвала крики агонии и беспорядок в рядах врага. Некоторых пронзили копьями, других сбросили с коней вниз головой; эти были ранены в голову, те были пронзены стрелами; и огромное количество было убито дротиками. Бесстрашный Ричард, чьи великолепные руки сверкали, как огонь, и который до этого момента не нанес и не получил ни одной раны, теперь внезапно бросился в ряды неверных с мечом в одной руке и копьем в другой,^[138] выбивая искры из шлемов и доспехов всех, с кем он сталкивался, направо и налево. Он бросился в самую гущу вражеских батальонов, не пытаясь уклониться от их ударов и не переставая наносить смертельные. Однажды он был окружен сотней сарацин, которые атаковали его в одиночку. Он набрасывается на них; он одним ударом отсекает голову одному; он отделяет плечи от туловища другого; он отрубает руку этому и предплечье тому; других он повергает и делает неспособными к защите. Остальные разбегаются и пытаются избежать его ударов. Ричард внушает такой ужас, что никто не осмеливается ждать его, никто не осмеливается встретиться с ним лицом к лицу. Солдаты Ричарда следуют за своим королем так же, как они следовали бы за своим штандартом; они проникают внутрь врага, убивая без угрызений совести всех, кто либо сопротивляется, либо падает у них на пути. Неверные падают с жалобными криками, ударяясь о землю головой и ногами, и их жизни истекают кровью. Хотя они яростно атаковали христиан и осыпали их градом дротиков, Богу было угодно, однако, чтобы ни один из их ударов не был смертельным и чтобы в этом бою не погиб ни один христианин, за исключением одного солдата, который, отделившись от своих товарищей, встретил смерть, которой он хотел избежать бегством. Солдаты, которым Ричард доверил охрану Яффы, восхищенные непобедимой храбростью короля и его сподвижников, выступили всем скопом из города и с яростью обрушились на турок. Последние, преследуемые без всякого перерыва Ричардом и его маленькой армией, обратились в бегство, потеряв большое количество своих людей, и спрятались в ямах и пещерах.^[139]

Ральф из Коггершолла, описав эту удивительную победу, говорит, что Ричард, пораженный чумой, решил вернуться в Европу. Он в нескольких словах рассказывает о договоре, заключенном с Саладином. Он говорит, что то, что укрепило короля Англии в решении покинуть Азию, было полученное им известие о попытках его брата Джона узурпировать его власть в королевстве. Битва при Яффе произошла в собачьи дни, и только осенью Ричард отплыл в Европу. Рассказ автора о том, каким образом король попал в немецкий плен, достаточно

любопытен, чтобы его здесь повторить. Ральф - единственный из проанализированных нами хроникеров, который сообщает мельчайшие подробности по этому вопросу.

Король Ричард, говорит он, и некоторые из его людей в течение шести недель были раздражены бурным морем. Когда он прибыл в трех лье от Марсея и узнал, что граф де Сен-Жиль и некоторые другие дворяне, через владения которых ему предстояло проезжать, согласились устроить для него засады, он решил вернуться в Англию через Германию. Он вернулся и высадился на острове Корфу. Он обнаружил там два пиратских судна, которые имели наглость напасть на его судно и которые узнал его лоцман. Ричард, благодаря проявленным ими мужеству и отваге, заключил сделку с пиратами и согласился подняться на борт их судов. Он взял с собой лишь небольшое количество своих людей. Это были Болдуин де Бетюн; мастер Филипп, королевский клерк; Ансельм, его капеллан, который сам рассказал нам обо всем, что видел и слышал; и несколько рыцарей Храма. Они высадились на побережье Склавонии, в городе под названием Газара. Они немедленно послали гонца в соседний замок просить сеньора, который был хозяином провинции и племянником маркиза Монферратского, предоставить ему свободу проезда через его владения. По возвращении король купил три пизанских рубина, за которые отдал девятьсот византов. У него был один из этих рубинов, вставленный в золотое кольцо; и он поручил посыльному передать это кольцо хозяину замка. Последний поинтересовался именами тех, кто требовал пропуска. Гонец ответил, что это паломники, возвращающиеся из Иерусалима, и назвал имя Болдуина де Бетьюна, добавив, что кольцо прислал ему купец по имени Хью. Хозяин замка, после долгого осмотра подарка, ответил гонцу: "Его зовут не Хью, а Ричард, король Англии. Я поклялся, - добавил он, - что возьму в плен всех паломников, которые придут в эту страну, и что я не приму от них никаких подарков; но из-за ценности этого и достоинства того, кто его посылает и кто оказал мне такую честь, не зная меня, я возвращаю вам кольцо и дарую свободу проезда". Гонец отправился и доложил об этом ответе королю. Паломники, очень мало удовлетворенные сообщением, тайно покинули город ночью, сели на купленных лошадей и проделали лучший из своих путей через страну. Но господь послал за ними шпиона, чтобы тот пошел по их следам и арестовал короля. Когда Ричард вошел в город, в котором жил брат лорда, последний призвал к себе заслуживающего доверия человека по имени Роже д'Аржантен, нормандца по происхождению, который прожил с ним двадцать лет и которому он отдал в жены свою племянницу; и приказал ему пройти по всем домам, в которых останавливались паломники, и попытаться выяснить по языку или каким-либо другим признакам, нет ли среди них короля. Он пообещал ему половину города, если тот сможет арестовать принца. Роджер, после долгих поисков, нашел короля, который долгое время скрывался и был вынужден открыться только молитвами и слезами Роджера. Последний немедленно посоветовал Ричарду улизнуть и дал ему лучшую лошадь, которую он смог раздобыть. Затем он отправился к своему хозяину и сказал ему, что известие о прибытии Ричарда было ложным и что это были всего лишь Болдуин де Бетюн и его спутники, которые возвращались из паломничества. Но хозяин пришел в великую ярость и приказал арестовать их всех. Король тайно покинул город с Вильгельмом де л'Этангом и слугой, который понимал немецкий язык. Он путешествовал три дня и три ночи, не взяв с собой никакой еды. Наконец, измученный голодом, он свернул со своей дороги, чтобы войти в город под названием Гинана, в Австрии, на Дунае. В довершение всего герцог Австрийский находился тогда в Гинане. Царский слуга, отправившись на рынок, показал несколько византийцев и своими речами вызвал подозрения; его арестовали и допросили. Он ответил, что служит богатому купцу, которого ожидает через три дня. Затем его отпустили; и он немедленно отправился к королю, рассказав

ему о случившемся и посоветовав ему отправляться без промедления. Но король, который был утомлен, решил отдохнуть несколько дней. Слуга, отправившись на рынок за провизией, однажды имел неосторожность прихватить с собой королевские перчатки, заткнутые за пояс. Эти перчатки были очень примечательны, и слугу снова арестовали. Когда его доставили к городскому судье, его подвергли пыткам и пригрозили отрезать ему язык, если он немедленно не откроет правду. Слуга, поддавшись мучительному вопросу, сделал требуемое от него признание. Информация была немедленно отправлена герцогу; дом, в котором жил король, был окружен, и его призвали сдаться. Король заявил, что сдастся только самому герцогу. Последний прибыл, и король, сделав несколько шагов ему навстречу, отдал ему свой меч.^[140] Герцог в приподнятом настроении увел короля, с которым он обращался почтительно. Впоследствии он приставил к нему стражу, которая не отходила от него ни днем, ни ночью, но несла вахту с обнаженными мечами в руках.

После этого рассказа Ральф много печально размышляет о пленении Ричарда, которое он может объяснить только как тайный суд Божий, настолько удивительным и прискорбным кажется ему, что король, избежавший стольких опасностей в Сирии, стал пленником христианского принца, не имея возможности защититься или дать бой. Он следует за королем во время его пленения и описывает его освобождение и возвращение в свои владения. Он рассказывает о том, что случилось с этим принцем, когда он вернул себе свое королевство, и продолжает его историю до момента его смерти, которая произошла в 1229 году. Ральф нарисовал такой портрет Ричарда, который не может не заинтересовать наших читателей из-за выдающейся роли, которую этот король сыграл в истории крестовых походов.

“У нас были основания надеяться, - говорит он, - что Ричард, учитывая щедрость его превосходного ума и его огромное мастерство в военном искусстве, станет образцом для нормандских королей. В первые дни своего правления он был приветлив со всеми; будучи хорошо разбирающимся в религиозных делах и склонным прислушиваться к справедливым требованиям; он немедленно заполнил вакантные епископства и аббатства. Он обещал воздать справедливость всем. Многим он вернул за определенные суммы денег их хартии, привилегии и свободы или же возобновил их. Полученные таким образом деньги послужили ему средством для путешествия в Иерусалим. Почти сразу после этого он покинул свое королевство и начал свою экспедицию с большой преданностью, тщательной подготовкой и бесконечными расходами. Бог защищал его во всем и помог ему избежать всех опасностей этой войны; и с его помощью король вырвал из рук неверных значительную часть Святой Земли. Очевидно, Бог все еще наблюдал за ним во время его возвращения и пленения и сохранил его от рук новых и многочисленных врагов. Но когда Ричард был возвращен своим подданным, он забыл о победоносной руке, которая сохранила его: в зрелом возрасте он не позаботился об исправлении пороков, обезобразивших его юность. Он проявил столько резкости и упрямства, что чрезмерной суровостью запятнал все добродетели, украшавшие начало его правления. Он всегда бросал угрожающий взгляд на тех, кто заговаривал с ним о государственных делах; он высказывал упреки со страшным видом и демонстрировал яростное выражение лица тем, кто не удовлетворял его требования о деньгах или не выполнял данных им обещаний немного заплатить ему. Наедине он был приветлив и обаятелен и даже снисходил до игр или шуток. Он был настолько жаден до денег, что хотел опустошить все кошельки. Он до такой степени давил на англичан, чтобы добиться выплаты суммы своего выкупа, что не жалел ни приказов, ни условий. Тем не менее Хьюберт, архиепископ Кентерберийский и юстициарий королевства, смягчил, насколько мог, последствия жестоких указов короля”.

Ральф в другой части своих сочинений, похвалив нового короля Англии за то, что он вернул церковным благотворительным фондам их доходы и титулы, добавляет, что Ричард получал большое удовольствие от богослужения, и особенно от религиозных обрядов. Он говорит, что его часовня была богато украшена; что он сопровождал своим звучным голосом и поощрял церковных певчих подарками; но что *отsecrète* мессы до *после причастия* он молился в тишине и с искренностью, которую ничто не могло нарушить. Впоследствии он называет два аббатства, которые он основал или отремонтировал, оба ордена Сито; одно было в Бон-Порте, в Нормандии, в епархии Руана; другое, в Сосне, в епархии Пуатье.

№ 21.

Продолжатель истории Вильгельма Тирского не сообщает ничего такого, чего не было бы в тексте, за исключением маленькой хитрости, которую Саладин попытался разыграть с Ричардом во время битвы при Яффе, и которая, по нашему мнению, достойна того, чтобы быть представленной нашим читателям. Мы цитируем хронику:—

Саладин спросил, где король Англии. Ему ответили: "Сир, видите его там, на земле, пешего, со своими людьми". - Как, - спросил Саладин, - король идет пешком среди своих людей? Разве ему не стыдно?" Тогда Саладин прислал ему лошадь и поручил гонцу передать, что такой человек, как он, не должен быть пешим среди своих людей в такой опасности. Сержант выполнил приказ своего господина. Он пришел к королю и подарил ему лошадь, присланную Саладином. Король поблагодарил его за это и приказал одному из своих собственных сержантов сесть на нее и показать перед ним, как она скачет. После того как сержант пустил лошадь галопом и хотел вернуться к своему хозяину, он обнаружил, что не может этого сделать, потому что лошадь, несмотря на все, что он мог сделать, унесла его к сарацинскому войску. Саладину было очень стыдно за это".

Эта хроника, говоря об освобождении Ричарда из плена, без колебаний отмечает, что такой огромный выкуп потребовался именно по совету Филиппа Августа, и что королю Франции досталась значительная его часть.

Другой хронист, Готье Винисоф, говорит, что Ричард отдал восьмерых знатных турецких пленников в обмен на Уильяма де Протелля (другие зовут его Порселло), который спас своего господина, когда тот был застигнут врасплох, бросившись на пути сарацин, воскликнув: "Я король Ричард".

№ 22.

Выдержка из анонимной хроники, содержащейся в рукописи Сорбонны, № 454, Тринадцатого века.^[141]

Затем король Ричард повернул назад и направился своим курсом так прямо и так хорошо, как только мог, в Германию, где высадился и с небольшим отрядом странствовал, пока не прибыл в Австрию (Остеррихе), где за ним наблюдали шпионы и его знали. Когда он вообразил, что его обнаружили, он переоделся слугой и принялся на кухне переворачивать каплунов; но шпион узнал его и пошел сообщить герцогу; и когда герцог услышал это, он послал столько рыцарей и людей, что они оказались намного сильнее, и короля схватили и отправили в одну крепость, а его товарищей - в другую; а короля пересылали из замка в замок, так что никто не знал, где он, и солдаты, которые его охраняли, не знали, кто он такой.

Как Менестрель Блондель вытащил короля Ричарда из Тюрмы.— Мы рассказывали вам, как король Ричард был посажен в тюрьму герцогом Австрийским, и что никто не знал, где он, кроме герцога и тех, кому он доверял. Случилось так, что король долгое время развлекал менестреля, родившегося близ Артуа, которого звали Блондель. Этот человек объявил себе, что будет искать своего господина по всей земле, пока не найдет его; и отправился в путь, и скитался изо дня в день по суше и воде, пока не искал полтора года, ничего не слыша о короле. И случилось так, что он въехал в Австрию, и случай привел его прямо к замку, где был заключен король.

А *Баклажанщиком* рядом с замком была вдова, и он спросил ее, кому принадлежит этот замок, который был таким прекрасным, таким крепким и хорошо расположен. Хозяйка ответила, что “он принадлежал герцогу Австрийскому”. “Милая хозяйка, - сказал Блондель, - в нем заключен какой-нибудь заключенный?” “Конечно, - сказала она, “ есть один, который просидел взаперти почти четыре года, но мы не знаем, кто он; они охраняют его очень тщательно, и мы не сомневаемся, что он джентльмен - кто-то высокого качества”. Когда Блондель услышал это, он был бесконечно рад, и его сердце нашептывало ему, что он наконец нашел то, что искал; но он был осторожен и не позволил хозяйке узнать об этом. В ту ночь он спал крепко, потому что разум его был спокоен; и когда петух возвестил о наступлении дня, он встал и пошел в церковь молить Бога помочь ему. Затем он пришел в замок и обратился к кастеляну, сказав ему, что он менестрель и играет на лютне, и что он охотно остался бы с ним, если бы это было ему угодно. Кастелян был молодым и красивым рыцарем и сказал, что с радостью возьмет его к себе. Тогда Блондель обрадовался и пошел за своей лютней и кошельком; и он так старался, что очень понравился кастеляну и стал любимцем его домочадцев. Здесь он оставался всю зиму, так и не сумев разглядеть, кто был пленником. Наконец, незадолго до праздника Пасхи, прогуливаясь однажды по саду, окружавшему башню, осматривая ее со всех сторон, в надежде увидеть узника, пока его мысли были заняты таким образом, король заметил Блонделя и, желая представиться ему, вызвал в его памяти песню, которую они сочинили вместе и которую никто не знал, кроме короля и Блонделя. Поэтому он начал петь первый куплет громким и чистым голосом, потому что пел очень хорошо. И когда Блондель услышал это, он убедился, что это его господин; и его сердце никогда не испытывало такой радости, как в тот день. И он пошел из сада в комнату, в которой спал, и принес свою лютню; затем он начал играть и в своей игре выразил свою радость по поводу того, что нашел своего господина. Таким образом, Блондель оставался до Пятидесятницы и исполнял свою роль так хорошо, что никто его не заподозрил. Тогда Блондель пошел к кастеляну и сказал ему: “Господин, если ты согласен, я охотно вернулся бы в свою страну, ибо прошло много времени с тех пор, как я покидал ее”. “Блондель, добрый брат, - сказал кастелян, - ты не сделаешь этого, если послушаешься моего совета; но оставайся там, где ты есть, и я приумножу твоё состояние”. “Конечно, сэр, ” сказал Блондель, “ я ни в коем случае не могу остаться. Когда кастелян понял, что не может его задержать, он попрощался с

ним и подарил ему хорошую новую лошадь. Расставшись с кастеляном, Блондель путешествовал так быстро, что вскоре прибыл в Англию и сообщил баронам и друзьям короля, где и как он его нашел. Когда они услышали эту новость, то очень обрадовались, потому что король был самым храбрым рыцарем, когда-либо носившим шпоры. Тогда они решили между собой, что отправятся в Австрию к герцогу, чтобы добиться освобождения короля, и выбрали для этой цели двух самых доблестных и благоразумных рыцарей. Они ехали так быстро, что вскоре добрались до герцога Австрийского, которого нашли в его замке. Они приветствовали его со стороны английских баронов и сказали: “Сир, они молят и умоляют вас взять выкуп за их господина; они дадут вам столько, сколько вы можете потребовать”. Герцог ответил, что подумает об этом. И когда он посоветовался по этому поводу, он сказал: “Если вы хотите вернуть своего господина, вы должны принести двести тысяч марок стерлингов; если нет, не говорите больше об этом, потому что это будет потрачено впустую”. Получив ответ, они попрощались с герцогом и сказали, что доложат об этом баронам. Затем они вернулись в Англию и рассказали баронам, что сказал герцог; и бароны ответили, что его никогда не следует задерживать за это. Затем они собрали выкуп и послали его герцогу, и герцог передал им короля; но не раньше, чем он дал ему хорошие гарантии, что тот никогда не будет к нему приставать.

№ 23.

Отрывок из путешествия Болдуина, архиепископа Кентерберийского, в страну Уэльс.

В седьмой книге мы говорили о проповеди архиепископа Болдуина и о рассказе, написанном Джеральдом Валлийцем (Giraldus Cambrensis), известным также под именем *Барри*. Мы думаем, что доставим удовольствие нашим читателям, приведя выдержку из этого рассказа, которая даст некоторое представление о нравах жителей Уэльса в двенадцатом веке. Проповедники сначала отправились в Херефорд и Рэднор. В этом последнем городе местный епископ и монах ордена Ключи приняли крест; в то же время был зачислен Рис, сын Грифида, принца южной части Уэльса. Их примеру последовал Эйнеон, сын Эйнеона Клайда, принц Экении, и несколько других жителей. Гиральдус рассказывает, что случилось с лордом Рэднором во времена правления Генриха I. Этот дворянин вошел в церковь, где, не считаясь со святостью этого места, провел ночь со своими лошадьми и гончими. Поднявшись рано, по обычаю охотников, он обнаружил, что ослеп, и ему сказали, что все его гончие мертвы. Его отвели за руку обратно в его замок, и когда он долгое время вел печальную и несчастливую жизнь, он решил отправиться в Иерусалим, чтобы свет веры не угас в нем. Прибыв в Палестину, он отправился сражаться с сарацинами и, оседлав огненного коня, ворвался в ряды врагов и скончался со славой.

В провинции Уортренион, недалеко от Рэднора, в народе рассказывали о приключении, не менее чудесном. Эйнон, зять Риса, владыки страны, однажды охотился в лесах. Один из его людей поразил стрелой лань. У этой самки, вопреки обычаю, были двенадцатилетние рога, такие же большие, как у самца. Это животное считалось чудом природы; но охотник, убивший его, мгновенно лишился правого глаза, был разбит параличом и до конца своей жизни пребывал в изнурительном состоянии.

Жители этой провинции с почтением относились к посоху, принадлежавшему святому Кирику; этот посох был изогнут с обоих концов в форме креста и украшен золотом и серебром. Она

обладала особым свойством излечивать зло и воспаления шеи. Те, на кого нападали с такого рода жалобами, прикасались к палке, предварительно заплатив денье. “В наше время случилось так, - говорит Гиральдус, - что человек, страдающий от зла, положил перед палкой всего один обол, и зло было излечено лишь наполовину; после этого больной предложил второй обол и был полностью излечен. Другой человек вылечился, пообещав отрицателя, но поскольку он не выполнил своего обещания, его зло вернулось и не исчезало полностью, пока он не предложил три отрицателя”.

Недалеко от Эливена, в церкви Гласкум, находился колокол, который, как говорили, принадлежал церкви Святого Давида. Женщина, чтобы освободить своего мужа, который был заперт в соседнем замке, отнесла туда колокол, который она тайно взяла из церкви Святого Давида; но кастеляны не захотели выдавать мужа и сохранили колокол: ночью замок был охвачен чудесным пожаром, который не пощадил ничего, кроме стены, к которой был подвешен колокол. Почти такое же чудо произошло в маленькой деревушке Луэль. Церковь, которая была подожжена, полностью сгорела вместе со всем, что в ней находилось, за исключением ящика, в котором находился *хозяин*.

В провинции Элевейн вышли из берегов два великих озера, одно из которых было создано природой, а другое - рукой человека. Естественная дамба сменила свое место, и озеро появилось в двух тысячах шагов от нас, в долине, где в нем сохранилась рыба. Хиральдус, рассказывая об этом необычном обстоятельстве, добавляет: “это было в Нормандии, незадолго до смерти Генриха II. все рыбы в озере были замечены дерущимися в течение целой ночи, и что толпы людей собрались вместе, чтобы стать свидетелями этого странного зрелища. На следующее утро в живых не осталось ни одной рыбы”.

В стране Хага и Брекнок, в озере, через которое протекает река Уай, перед Гластонбери, вода внезапно приобрела зеленый цвет. Старики говорили, что это явление имело место в то время, когда страна была опустошена Нозлем, сыном Мередит. В той же стране случилось, что маленький мальчик, пытаясь стащить гнездо с голубями в церкви Святого Давида, его рука осталась прикованной к камню, что было расценено как чудо, сотворенное святым, желавшим сохранить птиц своей церкви. Этот мальчик, за которым последовали его родители и друзья, пришел и бросился к подножию алтаря и провел три ночи в посте и молитвах: камень выпал из его руки, и он был освобожден. Гиральдус говорит, что он видел этого мальчика, затем ставшего стариком, во время своего путешествия, и что он рассказал ему об этом вундеркинде. Камень сохранился в церкви Святого Давида, и до сих пор был виден отпечаток пяти пальцев мальчика.

Не менее невероятное чудо произошло недалеко от Сент-Эдмондсбери. Бедная женщина с видом набожности подошла к шкатулке или *тронку* святого персонажа и вместо того, чтобы положить в нее подношение, нашла способ каждый день красть из нее часть подаяния верующих. Она поцеловала тронка так, что к ее языку прилипла монетка, которую она незаметно отправила в рот. Однажды, целуя тронк в своей обычной манере, она приклеилась к нему губами; она выплюнула деньги, которые были у нее во рту, но не могла оторвать губ от коробки в течение целого дня. Огромное количество христиан и даже евреев пришли посмотреть на это чудо и были поражены удивлением и восхищением.

Архиепископ Болдуин и его свита проповедовали крестовый поход на полях, где они нашли работников и пастухов. Они подарили крест большому количеству мужчин, которые

присоединились к ним в совершенной наготе; их жены скрыли их одежду, чтобы они не записались в крестовый поход.

Пересекая территорию Брекнока, Хиральдус услышал, что в церкви Хеведена наложница настоятеля церкви неосторожно села на деревянный гроб святой Орсаны, сестры короля Офреда. Этот гроб был более возвышенным, чем алтарь. Когда наложница захотела подняться, она не смогла высвободить свои бедра из дерева, к которому они были прочно прикреплены. Люди столпились внутри, на нее обрушились удары, с нее сорвали одежду, и ей стало легче только с помощью Божества, которое, наконец, сжалилось над ее слезами и молитвами.

Книга псалмов Квиндреды, сестры святого Кенелмуса, также совершала великие чудеса. Накануне праздника святого Кенелмуса в Вайнхелкамбе собралась толпа женщин со всех окрестных мест, чтобы присутствовать на празднествах, устроенных монахами. *Subcellarius fornicationem incurrit* с одним из тех, кто находится в коридорах монастыря. На следующий день в процессии он нес книгу псалмов, о которой мы говорили; но когда он захотел отложить ее, книга осталась у него в руках. Затем он вспомнил о грехе, совершенном им накануне вечером; он исповедался, совершил покаяние и, поддерживаемый молитвами своих братьев, наконец преуспел в том, чтобы разорвать цепи, наложенные на него Божеством. Эта книга псалмов обладала замечательными и часто испытываемыми достоинствами. Когда тело Кенелмуса несли на кладбище, а люди по дороге кричали: “Он мученик!” Квиндред, которую подозревали в убийстве своего брата, ответила: “То, что он был убит, так же верно, как и то, что мои глаза, вырванные из орбит, прикованы к этому псалтири”. При этих словах глаза Квиндреды вылезли из орбит и устали на раскрытую книгу, оставив на листах кровавые пятна.

Они также выставляли в той же стране ошейник или корону, которые, по их словам, принадлежали святому Канавке. Вор, попытавшийся украсть его, был лишен зрения и провел свою жизнь в темноте.

Гиральдус рассказал о многих других, не менее экстраординарных способностях. Мы повторяем некоторые из них его собственными словами. Солдат по имени Гилберт Хагернилл был изгнан, *per fenestram ejectionis*, от жеребенка в присутствии множества свидетелей. Он был болен за три года до этого события. Кобыла произвела на свет животное необычайной быстроты, которое передними конечностями напоминало лошадь, а задними - оленя.

Недалеко от рек Эйвон и Нет Хиральдусу рассказали о приключении, случившемся со священником по имени Элидор. Этот викарий, когда ему было двенадцать лет, сбежал из отцовского дома. Пробыв два дня в пещере, он увидел двух маленьких человечков, которые подошли к нему и сказали: “Пойдешь с нами? Мы отведем тебя в страну наслаждений”. Юноша последовал за пигмеями по подземной и темной дороге и обнаружил прекрасную страну, которую пересекали леса, луга и реки, но которая не была освещена солнцем. Юный Элидор предстал перед королем этой темной страны, который, долго восхищаясь им, отдал его принцу, своему сыну. Подданные этого принца были очень маленького роста; у них были светлые вьющиеся волосы, ниспадавшие на плечи. У них были маленькие лошади, размером с наших гончих. Они не ели ни мяса, ни рыбы и питались, по большей части, молоком. Они никогда не клялись и не давали клятв и ненавидели ложь. Когда кто-либо из них ступал на землю, они никак не могли понять непостоянства, вероломства и честолубия людей, которых просветило солнце.

Казалось, у них не было никакого внешнего поклонения, никаких религиозных обрядов, но они полностью ограничивались любовью к истине.

Юный Элидор иногда возвращался на землю и навещал свою мать, которой рассказывал о своих открытиях и приключениях. Мать посоветовала ему взять с собой немного золота, которого, по его словам, было так много в этой чудесной стране. Он захотел повиноваться ей и украл золотой мяч, которым привык играть королевич. Когда он вошел в отцовское жилище, его нога осталась прикованной к косяку двери; золотой мяч, который он принес, покатился к ногам его матери, но был немедленно подобран двумя пигмеями, которые осыпали Элидора насмешками. Последний, весьма устыдившись своей вины, желая вернуться в страну Гномов, тщетно пытался найти дорогу; и хотя он продолжал свои поиски более года, они так и не увенчались успехом. В конце концов он стал искать утешения в учебе и стал священником. Он выучил, говорит Гиральдус, язык пигмеев и запомнил из него несколько слов: этот язык очень напоминал греческий.

Эта история, очень похожая на одну из *"Тысячи и одной ночи"*, возможно, навела Свифта на мысль о *Гулливере*; ее очень подробно излагает Хиральдус. Викарий Элидор, добавляет наш путешественник, на старости лет рассказал об этих чудесных приключениях и не мог пересказать их без слез.

В стране Хаверфорд и Росс неисчислимое множество людей последовало за архиепископом Болдуином и взяло крест. Ораторы священной войны проповедовали на латыни и французском, и хотя люди не понимали ни слова из того, что они говорили, они были тронуты до слез. Пожилая женщина, которая в течение трех лет была слепа, послала своего сына к архиепископу Болдуину, чтобы получить кусочек мантии этого святого понтифика. Молодой человек, не сумевший пробиться сквозь толпу, окружавшую архиепископа, принес своей матери комок земли, на который наступил архиепископ и оставил свой след; слепая женщина прижала этот комок ко рту, затем приложила к глазам и прозрела.

Проповедники крестового похода появились на острове Мона, или Англси. На этом острове Родерик, младший из сыновей Авена, принял крест вместе с большим количеством своих подданных. Жители этого острова с большим уважением указали на камень, имевший форму мужского бедра и который благодаря чудесному свойству, когда его перемещали, сам собой возвращался на то место, которое он занимал вначале. Граф Хью Честерский приказал приковать его крепкими цепями ко дну моря; но на следующий день оно снова было найдено на том месте, откуда было взято.

Архиепископ завершил свое путешествие посещением окрестностей Девы, или Честера; эти страны были не менее богаты чудесами, чем другие. Многие принцы и дворяне этой страны приняли крест.

Пересекая реку Конвей, Хиральдус сообщает нам, что у истоков этой реки жил чародей Мерлин; он рассказывает по этому поводу (гл. viii.), любопытное замечание о двух Мерлинах; один был из Шотландии, а другой из Уэльса; последнего звали Амброз, и он был рожден демоном в городе Кэрмардин, который обязан ему своим названием.

Письмо месье Мишо об убийцах, написанное Am. Jourdain.

В ходе ваших трудов вы, должно быть, часто встречались с именами этих сектантов, известных под названием *Ассасинов*, религиозные принципы которых заключались в слепом повиновении этому Горному Старику, правившему только убийствами и самыми ужасными преступлениями. Возможно, вы не раз объясняли любовь к чудесному, которая преобладает в века невежества, варварства и легковерия, рассказами западных авторов, современников крестовых походов, уважая их настойчивость и невозмутимую отвагу в преследовании и совершении преступлений. Тем не менее, мы должны признать, к позору нашего рода, что эти рассказы еще ниже истины и подтверждаются единодушным согласием арабских и персидских авторов.

Я не буду описывать вам этих сектантов со слов Вильгельма Тирского, Джеймса Витрийского и бесконечного числа историков, с которыми вы хорошо знакомы; если бы я сделал это, я бы не научил вас ничему, чего вы не знали раньше. Но я посвящаю это письмо тому, чтобы представить вам краткий очерк происхождения, догм и истории ассасинов, даже их нынешнего состояния; ибо некоторые их останки все еще сохранились в горах Сирии. Я был бы весьма признателен, если бы смог привнести какой-либо интерес к вашей работе или, по крайней мере, доказать вам, какое удовольствие я получаю, оказывая вам услугу.

Прежде чем перейти к этому вопросу, не лишним будет напомнить вам о происхождении двух великих религиозных сект, разделяющих мусульман, — *суннитов* и *хьютейцев*.

Магомет умер, не назвав своего преемника, и в народе возникли две фракции, одна из которых хотела возвести на халифат Али, зятя этого лжепророка, а другая - благочестивого Абу-Бекра. Мужественная твердость Омара преодолела трудности, и партия Абу-Бекра одержала победу. Омар правил после него, и его преемником был Осман. Только после смерти этого слабого принца Али вступил во владение трон, который его сторонники всегда считали своим наследием.

Тем не менее, едва началось его правление, как со всех сторон возникли фракции, целью которых было лишить его скипетра. Али способствовал такому положению вещей, пренебрегая искусством политики и оскорбляя отказами и даже позором некоторых офицеров Магомета, чей авторитет был велик. Одному из этих мятежных личностей, Моавии, честолюбивому и могущественному сопернику, при содействии хитрости Ибн-эль-Асса, знаменитого завоевателя Египта, поддерживаемому Айшей, вдовой Магомета, которая не могла простить мужа Фатимы за то, что он заподозрил ее в супружеской верности, и умело пользовалась недостатками Али, удалось, наконец, вырвать у него власть, законность которой невозможно было оспорить; в то же время убийство прервало течение жизни, которая, вероятно, должна была закончиться унижением и неприятностями. всех видов. Двух его сыновей постигла судьба ничуть не более счастливая; они погибли, став жертвами честолюбия Оммиадов, дома, первым принцем которого был Моавия.

С того времени в мусульманской империи существовали две партии, основой оппозиции которых была религия, и которые существуют даже по сей день:^[142] это сунниты и хюты. Первый признал законность престолонаследия в лице Абу-Бекра, Омара и Османа и поставил Али в один ряд с этими тремя халифами. Вторые, напротив, считают первых заместников

Магомета узурпаторами и утверждают, что Али был его единственным и подлинным преемником.

Число сторонников Али стало очень велико, особенно в Персии; но эти сторонники вскоре сами разделились на несколько партий, объединенных в своем почитании Али и его потомства, но разделенных в отношении прерогатив, которые они приписывали этому благородному происхождению и той ветви, которая обладала правами *имамата*, то есть духовной и светской власти. Из всех сект, породивших это различие во взглядах, самой могущественной была секта исмаилитов. Она была названа так потому, что утверждала, что достоинство Имауна было передано непрерывной линией потомков Али принцу по имени Исмаэль, и что после его смерти имамат перешел к лицам, неизвестным людям, вплоть до того момента, когда должен был свершиться триумф дома Али; к этой секте принадлежали кармиты и фатимитские халифы, которые вырвали Египет и Сирию у абасидских халифов Багдада, после того как заложили фундамент своей власти в Африке и образовали великую империю, в которой жили халифы Али. к тому периоду, когда Саладин сверг их трон, чтобы воздвигнуть новый для потомка Аббаса. Но поскольку фатимиты не признавали никакой другой законной власти, кроме своей собственной, они наняли большое количество миссионеров для распространения своих догм и тайного привлечения прозелитов.

Таков, месье, набросок, который я счел необходимым сделать, прежде чем перейти к основателю секты, являющейся целью моего письма.

Этого основателя звали Хасан, сын Саббаха. Он родился в окрестностях Тауса, города Корассан, знаменитого тем, что дал жизнь нескольким великим людям. Его отец вел умерщвленную жизнь и придерживался сурового учения, но он тайно следовал секте рафедхитов, или сторонников Али. Однако, чтобы отвести все подозрения от своих взглядов, он доверил воспитание своего сына известному врачу Моваффеседдину из Ничапура, который был добродетельным суннитом. Он претендовал на арабское происхождение и выдавал себя за потомка семьи Саббах-Хомаири; но это была басня, которой никто не верил, и было очень хорошо известно, что его предки населяли несколько деревень, находившихся в зависимости от тысячи человек.

Хасан так говорит о своих первых годах обращения в секту исмаилитов: “С семи лет я трудился над приобретением знаний и талантов. Я, как и мои отцы, исповедовал ту секту хутигов, которые признают преемственность двенадцати имаунов.

Мне довелось познакомиться с *рефиком* по имени Амуре-Занаб, и между нами завязалась самая тесная дружба. Я полагал, что догмы и мнения исмаилитов принадлежат только философам, и я воображал, что правитель Египта (то есть фатимитский халиф) был приверженцем этой философии. Это убеждение вовлекло меня в теплые дискуссии с Амуре; всякий раз, когда он хотел защитить свои собственные доктрины, у нас возникали споры относительно их догматов. Напрасно он нападал на доктрины моей секты, я нисколько не поддался его доводам, и все же он незаметно произвел впечатление на мой разум. Пока все было в таком состоянии, мы расстались, и я тяжело заболел. Тогда я сказал про себя: “Учение исмаилитов соответствует истине, и только упрямство мешает мне придерживаться его. Если тогда, не дай Бог! для меня наступит роковой момент, я умру, так и не приняв истину”. Однако мое здоровье

восстановилось, и вскоре после этого я познакомился с другим исмаилитом по имени Абу-Неджм-Санадж. Я расспросил его об истинной системе исмаэлианской веры: он ясно объяснил мне ее, и я очень скоро проник во все ее глубины. Впоследствии я встретился с исмаилитянином Даем по имени Мумен, которому шейх Абдельмелик-бен-Атташе, даи из Ирака, разрешил выполнять функции миссионера. Я сообщил ему о своем желании исповедать ему свою веру, и он удовлетворил мою просьбу. В то время, когда шейх Абдельмелек приехал в Рей, я сопровождал его, и, поскольку мое поведение ему понравилось, он доверил мне служение даи. Ты должен отправиться в Египет, - сказал он, - чтобы выразить свое почтение имаму Мостансеру, и да будет это благословением для тебя!" Мостансер-биллах, потомок Али, затем занял египетский халифат и *имамат*. Поэтому, когда шейх уехал из Рея в Исфахан, я отправился в Египет".

Хасан был принят в Египте с большим почетом, ибо слава о его заслугах опередила его там, и имаун Мостансер допустил его к самой фамильярной близости. Такая высокая степень благосклонности погубила его. Придворные, завидовавшие его репутации, постарались навлечь на него немилость, и, когда между ним и знаменитым Бедр-аль-джемали, генералиссимусом войск халифа, возникли разногласия, Хасан уступил. Враги схватили его и бросили вместе с несколькими франками на судно, направлявшееся в Африку. Едва он оказался в море, как поднялась ужасная буря и подвергла корабль большой опасности; все пассажиры были охвачены ужасом, не ожидая ничего, кроме смерти; только Хасан сохранил самообладание и спокойствие. Когда его спросили об этом необычном поведении, "Наш господь, - ответил он, - обещал мне, что с нами не случится никакого вреда", и, в самом деле, по прошествии короткого времени море снова успокоилось. Вскоре раздался крик о чуде, и Хасан сделал так много учеников из товарищей по своему путешествию. В другой раз судно было загнано в порт христианского города, губернатор которого разрешил нашему благочестивому доктору вернуться на берег, после того как оказал ему гостеприимство. Наконец, когда судно причалило к берегам Сирии, Хасан покинул его и взял курс на Персию по суше. Он прошел через Алеппо и Багдад, а оттуда направился в Консистан, Исфахан, Йезд и Карманию, повсюду проповедуя свое учение. Из Кармании он вернулся в Исфахан, где пробыл более четырех месяцев, в конце которых отправился в Консистан. Он оставался здесь три месяца, а затем отправился в Дамеган, где прожил три года, обратив в свою веру большое количество людей. Хасан, после различных других странствий, овладел Алтамонтом, крепким замком, расположенным в Рудбарде, местности недалеко от Касбина. Персидский историк Мирхонд рассказывает, что он предложил Мехди, потомку Али, владевшему этим местом, купить у него столько земли, сколько могло поместиться в бычьей шкуре, за сумму в 3000 динаров. Мехди согласился на эту сделку, и Хасан взял бычью шкуру, из которой сделал ремни, и, связав их вместе, протянул веревку по всему замку. Именно с помощью этого трюка он стал хозяином Алтамонта, который впоследствии стал центром могущества исмаэлян.

Эта власть, благодаря способностям и активности Хасана, быстро развивалась; она уже была установлена по всей провинции Рудбар, в которой его приверженцы построили ряд крепких замков; в Персии не говорили ни о ком, кроме Хасана, который угрожал подчинить всю эту великую страну своему господству. Мелик-чах, встревоженный услышанным, приказал одному из своих генералов уничтожить Хасана и его сторонников и стереть с лица земли его крепости; но тщетно; и смерть настигла Мелик-чаха прежде, чем его войска получили хоть малейшее преимущество.

Смуты, последовавшие за его смертью, и разногласия, возникшие среди детей этого принца по вопросу наследования престола, предоставили Хасану возможность увеличить число своих приверженцев. В его руки попали наиболее укрепленные замки северо-запада Персии. В конце концов султан Синджар, сделав себя хозяином этого королевства, всерьез взялся за уничтожение исмаилитов. Хасан хитростью избавился от этого опасного врага. Он соблазнил одного из слуг принца, который, пока он спал, приставил острый стилет к его голове. Когда султан, проснувшись, увидел этот кинжал, его охватил великий страх; но так как он не знал о руке, вложившей его туда, он умолчал об этом обстоятельстве. Через несколько дней он получил следующее письмо от главы исмаилитов: “Если бы у султана не было добрых намерений, кинжал, который он нашел у своей головы, был бы вонзен ему в сердце”. Синджар был так напуган, что согласился заключить мир с исмаилийцами на трех условиях: первое заключалось в том, что они не должны возводить новых сооружений в своих замках; второе, что они не должны покупать ни оружия, ни боевых машин; и третье, что он не должен привлекать новых прозелитов. Он даже предоставил Хасану в качестве пенсии часть доходов страны Кумес.

С того времени Хасан мирно жил в замке Алтамонт, в величайшем уединении, упражняясь в суровом благочестии и занимаясь составлением догматических трактатов о своем учении. Говорят, что за тридцать лет он лишь дважды поднимался на террасу своего дворца в Алтамонте. Он требовал от своих сектантов строжайшей точности в соблюдении религиозных обрядов. Даже отеческая нежность не могла заставить его отступить от этой суровости. Хоссейн, его сын, убил даи Кухестана и наказал его смертью; другого сына постигла та же участь за то, что он выпил вина. Человек, игравший на флейте в замке Алтамонт, приказал выгнать его оттуда и воспротивился всем молитвам, которые были обращены к нему с просьбой о помиловании. Некоторые авторы утверждают, что, пожертвовав таким образом своими сыновьями, он хотел доказать исмаэлям, что у него не было намерения закреплять верховную власть за своей собственной семьей; я сомневаюсь, что такая причина может оправдать Хасана в его варварстве. И все же это не первый случай, когда политики приносят сердечные чувства в жертву государственным интересам.

Способности этого человека в управлении делами равнялись его фанатизму. История сохранила несколько доказательств этого, из которых я приведу только следующее. Хасан учился у имауна Мовассек-эддина в компании с Низамом эль-Мулком, одним из величайших государственных деятелей, когда-либо созданных исламизмом; и содружество труда установило между ними самую тесную дружбу. Они дали взаимное обещание, что первый из двоих, кто получит почести, разделит их с другим, и что удача не должна повлиять на их привязанность. Хасан, долгое время ведя жалкую жизнь, отправился в Ничапур, где нашел Низама-эль-Мулка, министра великого мелик-чаха; это было примерно в 1073 году христианской эры. Низам-эль-Мулк, верный своему обещанию, принял Хасана с большой добротой и обеспечил ему должность при дворе. Наделенный широким умом, редкой хитростью и большими административными талантами, этот претендент вскоре втерся в доверие к султану. Однажды Мелик-чах, у которого возникли некоторые сомнения в честности своего первого министра, спросил его, за какой короткий срок он сможет составить четкий отчет о поступлениях и расходах провинций. Мы должны заметить, что в тот период владения этого князя простирались от Антиохии в Сирии до Качкара в Туркестане. Низам-эль-Мулк сказал, что на это потребуется два года; Хасан предложил выполнить работу за сорок дней при условии, что султан предоставит в его распоряжение всех придворных писцов; и поскольку его предложение

было принято, он выполнил свое обещание. Он готовился представить результаты своих исследований принцу, когда Низам-эль-Мулк, видевший приближение его разорения, нашел способ заполучить заявления в его руки и исказить их. Когда Хасан предстал перед султаном, принц задал ему несколько вопросов, касающихся положения и финансов империи. Хассан обратился к своим бумагам и нашел их неполными; он колебался, заикался и не мог ответить. Низам-эль-Мулк умело воспользовался его нерешительностью, чтобы унижить Хасана в глазах Мелик-чаха. “Мудрым и рассудительным людям, - сказал он, - потребовалось два года, чтобы выполнить работу, порученную вашим величеством; невежественный человек, который притворился, что завершит ее за сорок дней, неспособен дать удовлетворительные ответы на вопросы, поставленные перед ним”. Принц в гневе хотел наказать Хасана; но, поскольку он был креатурой своего двора, он позволил делу прекратиться и удовлетворился презрением к нему. Этот анекдот, который не делает чести характеру Низам-эль-Мулка и не демонстрирует деликатности со стороны Хасана по отношению к человеку, которому он был обязан своим состоянием, доказывает, по крайней мере, что последний обладал большими способностями к бизнесу.

Таков был человек, которого исмаилиты, или, скорее, убийцы крестоносцев, признали своим вождем и которому они дали имя *Сейдуна*, — Наш Господь. Но прежде чем мы продолжим, необходимо подробнее остановиться на принципах этой секты, на деноминациях, которые она носила, и на ее организации.

Вы видели, сэр, происхождение названия “исмаэльский”, данного ветви сторонников Али, к которой принадлежал Хасан. Однако это имя не единственное, под которым ортодоксальные мусульмане знали этих еретиков. Их также называли *батенийцами*, *неззарийцами*, *молахедами* и *хачиченами*; но только два последних эпитета относились к прозелитам Хасана.

Титул батенийца обозначал принципы, установленные исмаэльцами. Одним из символов их религии было объяснение аллегорическим способом всех предписаний мусульманского закона; и эта аллегория была доведена некоторыми из их докторов до того, что вела ни к чему иному, как к уничтожению всякого общественного богослужения; и к возвышению чисто философской доктрины и весьма распущенной морали на руинах всего откровения и всего божественного авторитета. Вот почему их называли *батенис*, или *батенийцами*, то есть *приверженцами внутреннего культа*.

Молахед, множественное число арабского слова *Molhed*, означает *нечестивый*; сторонники Хасана получили этот эпитет только в 1164 году от Рождества Христова и при правлении одного из его преемников по имени Хасан, сын Мухаммеда. Этот принц с юности посвятил себя изучению догматических книг секты; и поскольку его отец, которому он наследовал, не был знаком с наукой, он казался в глазах народа очень глубоким ученым и незаурядным человеком. Это хорошее мнение по отношению к его персоне росло с каждым днем, и исмаэлийцы становились все более слепо готовыми выполнять его приказы. Хассан, осмелевший от этого успеха, высказал несколько экстравагантных мнений и выдал себя за имама своего времени. Его отец был все еще жив и в своем невежестве скрупулезно следовал доктринам своей секты. Притязания сына вызвали у него отвращение, и он предал смерти двести пятьдесят тех, кто им симпатизировал. Пока был жив Мухаммед, Хасан скрывал свои истинные намерения; но он возобновил их в тот момент, когда смерть его отца передала ему трон. Он разрешил все, что запрещала религия, отменил внешние обычаи мусульманской веры, разрешил своим

подданным пить вино и отказался от всех обязательств, которые закон Магомета налагает на своих последователей; он объявил, что знание аллегорического смысла заповедей обходится без соблюдения буквального смысла, и в конце концов добился провозглашения себя сыном Неззара, сыном халифа Мостансера и халифом Бога на поверхности земли.^[143] Это еретическое поведение обеспечило исмаэлянам наименование *Молахед*, нечестивый.

Фамилия Нецзариан происходит от того Неззара, о котором я говорил, и была дана тем исмаэлянам, которые придерживались партии этого принца, старшего сына Мостансера, халифа Египта. Сектанты Хасана принадлежали к партии Неззара.

Теперь я перехожу к эпитету *Убийцы*. Происхождение этого слова было объектом многочисленных исследований, которые все еще оставались без какого-либо удовлетворительного результата, когда известный ученый доказал очевидным образом, подкрепляя все, что он выдвинул на основе различных арабских текстов, что это искаженное слово *хачичен*; и что оно было дано исмаэлянам, потому что они употребляли опьяняющий напиток под названием *хачич*. Этот хачич готовится из листьев конопли или какой-либо другой части этого овоща, которые они используют различными способами; в качестве ликера, в виде кондитерских изделий; или в виде пастилы, подслащенной сахаристыми веществами; и даже для окуривания. “Опьянение, вызываемое *хачичем*, - говорит мсье Сильвестр де Саси, - повергает человека, принимающего его, в экстаз, подобный тому, который жители Востока испытывают при употреблении опиума; и, согласно свидетельствам очень многих путешественников, мы можем быть уверены, что люди в этом состоянии бреда воображают, что они наслаждаются обычными объектами своих желаний и вкушают блаженство, приобретение которого обходится им недорого, но слишком частое употребление которого изменяет животную организацию и приводит к маразму и смерти. Некоторые из них в этом состоянии скоротечного помешательства, теряя сознание своей слабости, совершают действия жестокого характера, способные нарушить общественный порядок. Нельзя забывать, что во время пребывания французской армии в Египте главнокомандующий был обязан строго запретить продажу и употребление этих вредных веществ, употребление которых стало необходимостью для жителей Египта, особенно для низших классов народа. Тех, кто придерживается этого обычая, до сих пор называют *хачичинами*, *хачачинцами*; и эти два выражения ясно показывают, почему латинские историки крестовых походов называли исмаилитов иногда *ассиссини*, а иногда *ассасинини*.

При небольшом знакомстве с арабским языком и наблюдении за изменениями, которые претерпели некоторые слова этого языка при переносе в произведения латинских и греческих авторов, невозможно выдвинуть какие-либо возражения против правильности этимологии, выдвинутой м. Сильвестром де Саси. Мы можем, однако, полагать, что не все исмаилиты пользовались хачичами; что только их вождь был знаком с этим приготовлением и что он применял его только к тем, кого предназначал заниматься печально известным ремеслом *федаи*, или *убийц*; ибо среди приверженцев этой секты царила примечательная иерархия: *дай*, *рефики* и *федаи*, образовывали три совершенно различных класса.

Глава секты жил, как я уже говорил, в замке Алтамонт, расположенном среди гор. Именно расположение этого жилища дало ему титул *Шейк Альджебал*, — *Повелитель горы*; но поскольку *шейк* означает в равной степени *повелитель* и *старик*, наши историки крестовых походов восприняли это в последнем смысле и называли князя ассасинов *Горным стариком*.

The *Дай* составляли первый класс секты; распространять учение было поручено им.^[144] Они выполняли функции миссионеров, распространяясь по провинциям, проповедуя догматы своего богослужения и принимая исповедание веры от тех, кто был обращен. Кроме того, среди них были ученые степени. Они называли *дай алдоат*, —*дай из дайса*, того, в чьем подчинении находилось несколько миссионеров, и юрисдикция которого охватывала несколько провинций. У исмаилитов был *даис альдоат* в Сирии, Ираке, Дилеме, Корассане и др.

Под именем *рефик*, по-видимому, состояла группа сектантов.

The *Федаи* были слепыми служителями Горного Старца; именно в их руки он вложил нож, под который должны были безжалостно пасть все, кто выступал против утверждения его доктрины или боролся с ней опасными аргументами; принцы, генералы, врачи — никто не был застрахован от их ударов; и они проявили в совершении преступления упорство, сравнимое разве что с их фанатизмом.

Слово *федаи* в своем собственном значении означает *преданного человеку*, и его применение было очень справедливым, поскольку этот класс исмаэлийцев исполнял приказы своего князя с беспримерной преданностью. Это правда, что это слепое повиновение было куплено военной хитростью; ибо у меня нет ни малейшего сомнения в том, что мы должны применить к федаисам то, что Марко Паоло рассказывает о молодых людях, воспитанных Стариком с Гор. “Этот путешественник, правдивость которого общеизвестна, - говорит г-н де Саси, - сообщает нам, что этот государь воспитывал молодых людей, выбранных из числа самых крепких жителей мест, которыми он правил, чтобы сделать из них исполнителей своих варварских указов. Все их образование было направлено на то, чтобы убедить их в том, что, слепо повинаясь приказам своего начальника, они обеспечат себе после смерти наслаждение всеми удовольствиями, которые услаждают чувства.^[145] Чтобы достичь этой цели, этот принц разбил вокруг своего дворца восхитительные сады. Там, в павильонах, украшенных со всей, какую только может вообразить азиатская роскошь, богатая и блестящая, жили юные красавицы, посвященные исключительно удовольствиям тех, для кого были предназначены эти чарующие места. Именно в это место исмаэлийские принцы время от времени перевозили молодых людей, из которых они намеревались сделать слепых орудий своей воли. Заставив их проглотить какое-то зелье, которое погрузило их в глубокий сон и лишило на некоторое время всех их способностей, они приказали перенести их в эти павильоны, достойные садов Армиды. После пробуждения все, что попадало им в уши или в глаза, повергало их в буйный восторг, который не оставлял в их умах места для разума. Неуверенные в том, что они уже приступили к наслаждению блаженством, картина которого так часто рисовалась в их воображении, они с восторгом отдались всем разнообразным соблазнам, которые их окружали. После того, как они провели несколько дней в этих садах, те же средства, которые были использованы для того, чтобы привести их туда без их ведома, были снова использованы, чтобы удалить их оттуда. Были тщательно использованы первые мгновения пробуждения, которые для них положили конец очарованию стольких удовольствий, чтобы побудить их описать своим юным товарищам чудеса, свидетелями которых они были, и убедить их, что счастье, которого они испытали в течение нескольких быстро пролетевших дней, было всего лишь прелюдией или предвкушением того, чем они могли бы обладать вечно, подчинившись приказам своего принца”.

Этот напиток, наделенный такой удивительной силой, был не чем иным, как *хачич*, с достоинствами которого был знаком глава секты и употребление которого распространилось лишь несколько столетий спустя.

Вот, сэр, что сообщают нам восточные историки о происхождении, догмах и политической организации секты ассасинов. Что касается его истории, протяженности его владений и его могущества, то это пункты, для развития которых потребовалось бы гораздо большее пространство, чем то, которым я вынужден себя ограничивать. Тем не менее, я посвящу этим статьям несколько строк для удовлетворения вашего любопытства.

Миркхуд оставил нам свой труд под названием *Бузат Альсафа* "История исмаилитов Персии". Этот фрагмент тем более ценен и аутентичен, что был слово в слово извлечен из истории, написанной знаменитым визирем Атха-эль-Мульком, который был послан Холагоном после разгрома исмаилитов в замок Алтамонт и имел возможность ознакомиться с их оригинальными историческими мемуарами. Миркхуд, или, скорее, Атха-эль-Мульк, сообщает нам, что персидская династия Исмаэлей поставила восемь принцев, включая Хасана бен-Саббаха, и что она просуществовала в течение 166 лет, до того времени, когда Холагон, по наущению нескольких принцев, ненавидевших исмаэлей из-за их эксцессов, завоевал Персию, разрушил замки секты и отправил Рокн-эддин-Карчара, последнего правителя Алтамонта, на другой берег реки Иордан. Оксус. Это великое событие произошло в 1256 году.

Но эта основная ветвь, или, скорее, этот род исмаилитов, не является той, о которой так часто упоминается в наших крестовых походах; Хасан Саббах, после того как заложил фундамент своей власти в Персии, посылал миссионеров, как первого, так и второго порядка, во все части мусульманского мира; и эти миссионеры были особенно активны в Сирии. Некий очень знаменитый сельджукидский эмир, правивший Алеппо, чудесным образом поддержал их замыслы. Редун (так звали этого принца) подружился с исмаэльцами, даже принял их принципы и открыто оказал им защиту. С этого периода, то есть с 501 года Хиджры, восходит происхождение огромной власти, которой они пользовались в Сирии, просуществовавшей почти двести лет; но эти исмаилиты были подчинены суверену Алтамонта и руководились *даисом*: примечательно даже, что большинство *федаев*, занятых в совершении убийств в Сирии, были персами по национальности и, несомненно, получили образование для этой отвратительной профессии в восхитительных садах Алтамонта и благодаря *чичу*.

Европа проявляла слишком мало интереса к истории исмаилитов, полученной от восточных авторов, чтобы быть уверенной в масштабах страны, оккупированной этими сектантами. География Персии также окутана слишком большой неизвестностью, чтобы позволить нам определить точное местоположение различных замков, в которых они обитали. Но что я могу утверждать, так это то, что провинция Рудбар, в которой располагалась резиденция их империи, согласно *Ферхенку Чури*, — персидскому словарю, переведенному на турецкий, — является большим районом, включающим множество деревень и расположенным между Касбином и Гиляном, в окрестностях Херана, нынешней столицы Персии.

Вильгельм Тирский сообщает нам, что исмаилиты владели десятью крепостями в Сирии и насчитывают в них шестьдесят тысяч душ. Их главная база находилась в Массиате, важном, хорошо укрепленном месте, расположенном к западу от Хамы, на расстоянии дневного

перехода. Они завладели им в 505 году Хиджры, после убийства эмира, который управлял им; и сохранили его даже до наших дней. Помимо Массиата, они владели семью крепостями на параллели Хамы, от Хемеса до Средиземного моря и в окрестностях Триполи. Они начали появляться в Сирии к концу пятого века Хиджры. Их могущество быстро возросло при сельджукиде Редеване, который принял их доктрину. На протяжении всего его правления у них был дом в Алеппо, в котором они совершали свои богослужения. Они были так напуганы, что среди бела дня уводили женщин и детей с открытых улиц, и никто не осмеливался противостоять их насилию. Они публично грабили людей секты, враждебной их собственной; давали убежище величайшим преступникам и, пользуясь безнаказанностью, набирались новой дерзости для совершения новых преступлений. Эти варвары дошли в своей наглости до того, что силой оружия захватывали города и крепкие замки; таким образом, они вошли в Апамею, откуда Танкред изгнал их.

Какими бы обширными ни были владения исмаилитов в Персии или Сирии, они не могут сравниться с их могуществом, установленным фанатизмом и поддерживаемым страхом, который они внушали. Распространившись по всему мусульманскому миру, от окраин Малой Азии до глубин Туркестана, они повсюду внушали страх. Представляя вам несколько примеров их фанатизма и дерзости, я, если и не дам вам точного представления об их силе, то, по крайней мере, познакомлю вас с ее природой и с тем, в чем она, как можно предположить, заключалась. Давайте начнем с преданности и фанатизма.

История сообщает нам, что Генрих, граф Шампанский, совершив путешествие в Малую Армению, по возвращении нанес визит королю ассасинов и был принят с самыми выдающимися почестями. Принц провел его по всем уголкам своего жилища и поднял на очень высокую башню, на каждой ступеньке которой стояли люди, одетые в белое. “Я полагаю, - сказал он своему гостю, - что у вас нет таких послушных подданных, как мои?” В то же время он сделал знак рукой, и двое из этих людей бросились с вершины башни и мгновенно испустили дух. Глава исмаилитов добавил: “Если вы этого пожелаете, то по малейшему сигналу с моей стороны те, кого вы видите, бросятся в атаку таким же образом”. Прощаясь с Генрихом, он преподнес ему богатые подарки и сказал: “Если у тебя есть враг, который посягает на твою корону, обратись ко мне, и мои слуги вскоре избавят тебя от беспокойства, прикончив его”.

Мелик-чах, встревоженный успехами Хасана бен-Саббаха, послал к нему одного из своих офицеров, чтобы потребовать от него отказаться от своих взглядов и сдать свои замки. Хасан приказал привести к нему одного из своих слуг и приказал ему покончить с собой, что слуга немедленно и исполнил. Затем он приказал другому человеку броситься с вершины высокой башни, и его приказ был так же быстро выполнен. “Доложи своему господину, - сказал он послу, - о том, что ты видел, и скажи ему, что в моем распоряжении шестьдесят тысяч человек, чья преданность и послушание подобны тому, что ты видел”.

В 1120 году несколько батенийцев убили Бурсики, принца Моссула, и были изрублены на куски на месте. Мать одного из этих исмаилитов, узнав о смерти эмира и участии ассасинов, пришла в восторг; но ее удовлетворение сменилось не менее сильным горем, когда она узнала, что ее сын по какой-то счастливой случайности избежал участи своих товарищей. Таким образом, фанатизм произвел на эту женщину такое же действие, какое национальная честь и патриотизм произвели на мать-спартанку, которую история увековечила как убитую горем, когда она услышала, что ее сын спасся во время резни при Фермопилах. Что становится с очарованием и

силой добродетели, если слепой фанатизм, позор нашей природы, может соперничать с ней в самых благородных поступках, которые она вдохновляет?

Исмаилиты были более опасными из-за их практики проникать ко дворам большинства принцев и их умения принимать такие обличья, какие требовали обстоятельства. Они переоделись в сирийское платье, чтобы избавиться от Ахмеда Бала, о котором я только что говорил; они поступили на службу к Таджельмуту Бури, принцу Дамаска, в качестве конюхов Корассана и безнаказанно нападали на него. Убийцы Буриски забрали одежду дервизов, чтобы отвести от себя все подозрения. Исмаилиты, назначенные Поньяром, маркизом Монферратским, приняли христианство, носили религиозные одеяния, изображали самое суровое благочестие, завоевали дружбу и уважение духовенства, снискали расположение своей жертвы и, убив его, перенесли пытки, в которых они погибли, с восхитительным смирением. Имаун Факр-эддин, очень знаменитый персидский врач, будучи обвинен в тайном исповедании исмаэльских доктрин, чтобы очистить себя от клеветы, взошел на кафедру и произнес проклятия в адрес секты. Эта новость достигла Алтамонта, и правивший тогда Мухаммед поручил федаю осуществить свою месть. Этот человек отправился в жилище имауна и сказал ему, что он юрисконсульт, что он желает получить наставления от такого способного мастера и своими ласками и лестью так хорошо сыграл свою роль, что был принят в семью доктора; он провел у него семь месяцев, не получив возможности осуществить свое намерение. Наконец, оказавшись однажды наедине с имауном, он закрыл двери дома, выхватил свой кинжал, бросился на доктора, повалил его на землю и уселся ему на грудь. “Я разорву тебя, - сказал он, - от пупка до груди”. “За что?” - ответил имун. Затем федаи упрекнули его в том, что он проклял исмаилитов с кафедры. Имам несколько раз поклялся никогда в будущем не говорить плохо об этой секте; на что федаи отпустили его, сказав: “У меня нет приказа убивать вас, иначе я не стал бы откладывать выполнение этих приказов или колебаться в их выполнении; знайте же, что Мухаммед приветствует вас и желает, чтобы вы оказали ему честь посетить его в его замке. Ты станешь всемогущим правителем, ибо мы будем слепо повиноваться тебе”. И он добавил: “Мы не принимаем во внимание речи простых людей; их оскорбления на нас не действуют. Но ты, ты никогда не должен позволять своему языку произносить что-либо против нас или порицать наше поведение, потому что твои слова проникают в сердца людей, как удары гравера проникают в камень”. Имаун сказал: “Я не могу пойти в замок, но отныне я никогда не произнесу ни слова, которое может вызвать неудовольствие правителя Алтамонта”. После этого разговора федай достал из-за пояса триста шестьдесят золотых монет и сказал имауну: “Вот твое жалованье за один год, *ивозвышенный диван* распорядился, чтобы ты каждый год получал аналогичную сумму от рейса Модхаффера. У меня в комнате есть две мантии йемана; когда я уйду, твои слуги должны взять их, потому что наш господин прислал их тебе. Федаи мгновенно исчезли. Имаун взял кусочки золота и одежды и в течение пяти лет получал назначенное жалованье.

Эта удивительная преданность, эта уверенность в загробной жизни, блаженство которой не поддавалось описанию, породили смелость и упорство в исполнении приказов принца и невозмутимое мужество, которые заставили исмаэлей перенести смерть, не позволив самым жестоким пыткам вытянуть из них признание. Халифы и эмиры падали под их ударами в мечетях, на улицах, в стенах дворцов, среди толп народа и дворов знати. Если их застигали со смертельным ножом в руках, они благодарили небеса за то, что приблизили их к цели их желаний, и приветствовали смерть как первый шаг к счастью. Мудуд и Ас-Санкар Албурски, принцы Моссула, были убиты, когда выходили из главной мечети города, хотя и в окружении

своих офицеров и слуг. Ахмед Бал, управляющий некоторыми замками Азербайджана, несколько раз объявлял себя врагом Владыки Горы; он был убит посреди зала аудиенций султана Мухаммеда в Багдаде. Великий Саладин отказался принять или защитить исмаэльскую доктрину и объявил о своем намерении уничтожить ее. Когда он вел осаду Акки, или Птолемаиды, на него набросился федай и нанес ему удар кинжалом по голове. Саладин схватил его за руку, ноубийца не переставал наносить удары, пока не был убит. Второй и третий федаи продолжили атаку, но без особого успеха. Тем не менее, говорит историк, Саладин удалился в свой шатер в большом страхе.

Я уже говорил вам, сэр, что вторжение Холагона в Персию и экспедиции Бибана в Сирию подорвали могущество Исмаэля. Но, разрушая их замки, эти два великих воина не смогли полностью истребить секту. Когда Тамерлан проник в Мезиндеран, он обнаружил там большое количество исмаилитов. Эти сектанты часто упоминаются в истории завоевания Йемена турками. Мы знаем, что в настоящее время они рассеяны по многим частям Персии и что правительство терпимо относится к ним. Они даже притворяются, что сохранили своего имауна до настоящего момента; что он происходит от самого Исмаэля, сына Джафара Эласди, и носит имя Ча Калил. Он живет в городе Кхех, недалеко от Кома. Этот имун почитается почти как бог среди своих прозелитов, которые приписывают ему дар чудес и часто присваивают ему титул халифа. Исмаэлитов можно встретить даже на берегах Ганга и Инда, откуда они благочестиво приходят каждый год, чтобы получить благословения своего господина в обмен на великолепные подношения, которые они приносят ему. Точно так же многие их семьи все еще живут в горах Ливана, о которых месье Руссо, генеральный консул Франции в Алеппо, предоставил нам некоторую ценную информацию.

Сирийские исмаилиты делятся на два класса: *суэйдани* и *хедреви*. Последние, составляющие наиболее многочисленную часть секты, возглавляют эмира Али Зогби, преемника эмира Мустафы Эдриса. Их основное место жительства находится в Мессиае, который, по мнению г-на де Саси, следовало бы называть Месиат. Эта древняя крепость расположена в двенадцати лигах к западу от Хамы, на изолированной скале. В трех лигах к западу от Мессии исмаилиты владеют другой крепостью, названной Кадмос, не менее важной, чем предыдущая.

Второй класс, к которому относятся *суэйдани*, гораздо менее многочислен, чем предыдущий, и сосредоточен в деревне Феудара района Мессиа. Его бедность навлекла на него презрение хедреви; его нынешнего вождя зовут *шейх Сулейман*.

Секта исмаилитов в настоящий момент состоит только из нескольких несчастных семей, разбросанных тут и там, которых ежедневно уничтожают преследования турок. Ниже приводится зловещее событие, которое ввергло их в эти обстоятельства. Мы оставим говорить г-на Руссо: "*Ресланы*, одно из самых выдающихся семейств секты Носаиритов, с незапамятных времен владело крепостью и территорией Мессии, когда исмаилиты, став достаточно могущественными, чтобы вторгнуться в их владения, внезапно напали на них и изгнали их из страны, в которой они обосновались. Эта явная узурпация усилила закоренелую ненависть, которую питали к ним все соседние народы. Носайрийцы, после нескольких безуспешных попыток вернуть свои владения различными способами, в конце концов прибегли к военной хитрости. Они послали нескольких своих людей к Мессии, которые под чужими именами и, не вызывая никаких подозрений относительно своих замыслов, поступили на службу к чичскому эмиру *Мустафе Эдрису*, который тогда командовал крепостью.

Абу Али Хаммуру и Али Баче, главарю заговорщиков, не пришлось долго ждать возможности, о которой они мечтали. Однажды, когда эмир остался один в своем жилище, они напали на него и нанесли ему несколько кинжальных ран. Это неожиданное убийство стало сигналом к большим несчастьям для исмаилитов. Меры были так хорошо согласованы между их врагами, что по данному сигналу многочисленный отряд носайри, размещенный на проспектах Мессии, должен был внезапно напасть на него и перебить всех жителей, которые попытаются защититься. Этот проект был полностью реализован. Исмаилиты, подвергшиеся резким нападениям, напуганные и, по большей части, убитые на открытых улицах, оказали лишь слабое сопротивление своим врагам, которым они были вынуждены поклясться в покорности на будущее. Добыча, добытая в этот день, оценивалась более чем в миллион пиастров, считая разграбление деревень и страны. Это событие произошло в 1809 году”.

У этих исмаилитов есть книга, в которой изложены догмы их нынешней веры, обычаи их богослужения и т.д. Ее автором был некий шейх Ибрагим, который, по-видимому, был одним из провидцев секты; она была обнародована после разграбления Мессии. Это собрание абсурдных мечтаний и бессвязных, нелепых, незначительных принципов, в которых примитивная доктрина этих сектантов соединена с массой догм, которые ей чужды и которые время, общение с другими сектами и невежество привнесли в их веру. Тем не менее, не следует полностью пренебрегать их изучением, поскольку они служат доказательством того, до какой степени человеческий разум может обманывать сам себя.

Чтобы не истощать ваше терпение, я опущу то, что относится к мистическому богословию и различным воплощениям Имуна, или Мессии, который был проявлен в личностях Адама, Ноя, Авраама, Моисея, Иисуса и Али, четвертого халифа, согласно ортодоксальным магометанам. Я также умолчу о тайнах букв алфавита, которые делятся на светящиеся и затемненные, субстанциальные и телесные; сначала их было двадцать два, ко времени ниспослания Корана их число увеличилось на шесть; они связаны с домами луны, со знаками зодиака, с планетами и стихиями; обозначают иногда пророка, иногда святого персонажа; короче говоря, их можно использовать бесконечно аллегорически; но я приведу описание Рая во всей полноте.

“Я приберег обитель более постоянную и наполненную вечными наслаждениями для тех, кто следует моему закону и боится последствий моего правосудия. Эта обитель - рай, вход в который возможен через восемь различных ворот, ведущих к одинаковому количеству помещений; в каждом помещении или подразделении есть 70 000 лугов шафрана и 70 000 жилищ из перламутра и коралла; в каждом жилище или обители есть 70 000 дворцов и 70 000 галерей из топаза; в каждой галерее есть 70 000 золотых залов; в каждом зале 70 000 серебряных столов; на каждом столе 70 000 изысканных блюд и т.д. и т.п. В каждом из этих 70 000 дворцов содержится 70 000 источников, или ручьев из молока и меда с таким же количеством пурпурных павильонов, занятых красивыми молодыми женщинами. Более того, каждый зал увенчан 70 000 куполами из янтаря, и на каждом куполе изображены 70 000 чудес, сотворенных рукой Всемогущего. Обитатели этих заколдованных мест бессмертны и не знакомы с немощами, слезами, смехом, молитвами или постом”.

Я должен сказать вам в связи с этим отрывком, что в истинном учении исмаилитов рай является истинной религией и эпохой ее проявления, и что это описание или любое другое, подобное ему, следует рассматривать как аллегория.

К этой цитате я не могу удержаться от добавления двух других: одна - об обязанностях человека, другая - о метафизических идеях этой секты.

“О! сын Адама, царство вселенной принадлежит мне; все, чем ты владеешь, исходит от меня; но знай, что пища, которой ты питаешься, не спасет тебя от смерти, а одежда, которая прикрывает тебя, - от немощей плоти; ты продвинешься вперед или вернешься назад, в зависимости от того, употребишь ли ты свой язык во лжи или в правде. Твое существо состоит из трех частей: первая - моя, вторая - твоя; а третья принадлежит нам общим. То, что принадлежит мне, - это твоя душа; то, что принадлежит тебе, - это твои поступки; и то, что мы разделяем между собой, - это молитвы, которые ты обращаешь ко мне. Ты должен умолять меня о своих нуждах; мое наслаждение - слушать молитвы добрых. О, сын Адама, почитай меня, и ты узнаешь меня; бойся меня, и ты увидишь меня; поклоняйся мне, и ты приблизишься ко мне. О, сын Адама, если короли будут сожжены за их тиранию, судьи — за их предательство, врачи - за их зависть, ремесленники - за их мошенничество, великие - за их гордыню, низшие - за их лицемерие, бедняки - за их ложь, - где найдутся те, кто сможет стремиться войти в рай?

Есть три вида существования: первое, обычное и относительное, подверженное влиянию звезд, подверженное изменениям и способное быть и не быть одновременно; это материя; второе, интеллектуальное, которому предшествовало небытие, но которое становится постоянным с момента своего возникновения; это душа, на которую не могут воздействовать небесные тела; третье, необходимое, абсолютное и вечное, превосходящее по своей природе два других, это Высшее Существо, которым все было произведено, которое всегда существовало и будет существовать вечно .

“Существо, чье существование вечно, первый принцип, безгранично, Едино и не имеет спутников.

Таким образом, человек существует вдвойне — своей душой и своим телом; его духовное существование переживает его телесное существование, которое рано или поздно распадается.

“Душа - это простая субстанция, однородная и нематериальная, неразрушимое дыхание Божественности. Тело - это соединение разнородных и разрушаемых материальных частей, которое существует только до тех пор, пока его части остаются соединенными вместе. Душа по существу не присуща телу; последнее не является его субъектом; мы только знаем, что она присутствует в нем, поскольку мы осознаем великолепие солнца на поверхности любого объекта.

“Душа бессмертна.

Души были созданы раньше тел: ожидая их, они пребывали в интеллектуальном мире, обители истинных сущностей.

После своего единения с телом они постоянно стремятся сохранить воспоминание о своей производительной причине; и если в своем новом состоянии они не забывают эту первую сущность, они возвращаются в свое прежнее жилище; в противном случае они продолжают

скитаться и чувствовать себя несчастными *в материальном* мире, чтобы постоянно испытывать превратности и боль нынешней жизни.

“Чтобы не испортиться и не потерять своих прав на близость со своим автором, душа должна быть постоянно наполнена идеей той первопричины, которая расположена непрестанно привлекать ее к себе. Это его истинное состояние совершенства, то, в котором он поддерживает себя, становясь нечувствительным ко всем земным привязанностям.

“В дополнение к своей нематериальной и разумной душе у человека есть еще одна, которая является естественной душой; она рождается и умирает вместе с телом; это некая необъяснимая, но активная и действительная сила, которая является общей для него и животных, лишенных разума, и которая возвышает его над ними; это бессмертное дыхание, которое Божество сообщило ему, исключая другие существа вселенной”.^[146]— Примите, месье, умоляю, &c. и с.

№ 25.

Мирный договор, заключенный под стенами Константинополя.

Это, безусловно, один из самых необычных документов, которые мы когда-либо видели. Горстка воинов в чужой стране, без какой-либо уверенности в подкреплении, находится перед вторым городом мира, хорошо населенным, полностью укрепленным и подготовленным к обороне; и все же они, прежде чем начать штурм, хладнокровно заключают договор, по которому город и его империя делятся между ними; и что довершает чудо, так это то, что они преуспели и на некоторое время получили то, что задумали.

“Мы, Генрих Дандоло, милостью Божьей дож Венеции, Далмации и Хорватии, и очень прославленные лорды, Бонифаций, маркиз Монферратский; Болдуин, граф Фландрии и Эно; Людовик, граф Блуа и Клермона; и Генрих, граф Сен-Поля; каждый со своей стороны, чтобы поддерживать между нами союз и согласие и избегать всякого повода для оскорблений, при содействии Того, кто является нашим миром, кто все сотворил и во славу которого мы живем". сочли нужным установить следующий порядок, после того как мы взаимно связали себя узами клятвы. Во-первых, мы все согласны (после того, как призвали имя Иисуса Христа) подвергнуть город нападению; и если с помощью божественной силы нам удастся войти в него, мы останемся и будем служить под командованием тех, кто будет назначен руководителями армии, и следовать за ними, как будет приказано. Все богатства, которые будут найдены в городе, должны быть сложены каждым в общее место, которое будет выбрано для этой цели, мы всегда сохраняем, так же как и для наших венецианцев, три части этого богатства, которые должны быть переданы нам в качестве компенсации за то, что император Алексей был обязан выплатить нам, а также вам. Со своей стороны, вы сохраните четвертую часть до тех пор, пока все мы не получим равного удовлетворения; и если что-то останется, мы разделим это поровну между нами и вами, чтобы все были удовлетворены. И если указанного богатства окажется недостаточно для выплаты причитающегося нам, это богатство, из какого бы источника оно ни возникло, должно быть разделено таким же образом между вами и нами, как было впоследствии согласовано, за исключением провизии и фуража, которые должны быть отложены и разделены поровну между вашим и нашим народом, чтобы все могли существовать надлежащим образом; и все, что может быть найдено помимо этого, должно быть разделено с

другой добычей, согласно достигнутой впоследствии договоренности. Мы и наши венецианцы должны пользоваться по всей империи свободным и абсолютным образом и без каких-либо противоречий всеми прерогативами и имуществом, которыми мы привыкли пользоваться, как в духовных, так и в мирских делах; а также всеми привилегиями и обычаями, прописанными или неписаными. Также будут избраны шесть членов с нашей стороны и шесть с вашей, которые, после принесения присяги, выберут в армии и возвысят до империи того, кого они сочтут наиболее пригодным для ее исполнения и командования на этой земле во благо и славу Бога, святой римской церкви и империи. Если они договорятся между собой, мы признаем императором того, кого они изберут общим голосом. Но если случится так, что шестеро будут на одной стороне, а шестеро - на другой, это будет предоставлено случаю, и того, на кого падет жребий, мы признаем императором. Если на одной стороне будет большинство, мы признаем императором того, в пользу кого будет объявлено это большинство. Если совет разделится более чем на две части, мы признаем императором того, кого изберет наиболее многочисленная партия. Лицо, которое может быть избрано императором, получит четверть всего, что будет отвоевано у империи, Влахернский дворец и Львиную Пасть. Три остальные четверти будут разделены поровну между вами и нами. Что касается духовных лиц, которые будут на стороне, на которой не будет избран император, они будут иметь привилегию составлять духовенство Церкви Святой Софии и избирать патриарха во славу Бога, святой Римской церкви и империи. Но что касается священнослужителей с одной и другой стороны, то они будут составлять духовенство церквей, которые выпадут на их долю. Что касается богатств церквей, то будет предпринята забота о том, чтобы распределить среди священнослужителей столько, сколько будет достаточно для их достойного содержания, а среди церквей - столько, сколько будет необходимо для их надлежащего содержания. Все, что может остаться от этого богатства, должно быть разделено в соответствии с вышеуказанными указаниями. Мы, кроме того, дадим клятву с обеих сторон, что, начиная с последнего дня текущего месяца марта, мы останемся в течение целого года на службе императору, чтобы способствовать его власти и укреплять ее во славу Бога, святой Римской церкви и империи; и что все те, кто ранее проживал в империи, поклянутся в верности императору, согласно хорошему и похвальному обычаю. Таким образом, все те, кто сейчас проживает в империи, как уже упоминалось, должны поклясться, что они будут считать хорошими и аутентичными те постановления и договоры, которые были заключены. Также уместно заметить, что, как с вашей, так и с нашей стороны, будет выбрано не более двенадцати членов, насколько это может быть удобно, на которых после принесения присяги будет возложена обязанность распределять феодалы и почести между отдельными лицами и регулировать права службы, которым эти же лица будут подчинены в отношении императора и империи, в соответствии с тем, что эти члены сочтут подходящим; что феодалом, который будет передан кому-либо, будут владеть свободно и без каких-либо препятствий его потомки, как мужского, так и женского пола, и что феодальные владения будут принадлежать тем же лицам. Владелец будет обладать всей полнотой власти исполнять все, что ему покажется благим, за исключением его послушания законам и долга, который он должен исполнять на службе императору и империи. Подобным же образом для императора будут оказываться все необходимые услуги, независимо от того, к чему будут привязаны владельцы феодальных владений и привилегий, в соответствии с порядком, который будет им присвоен. Далее предписывается, что ни один житель нации, которая будет находиться в состоянии войны с нами или нашими преемниками, или с венецианцами, не должен быть допущен в империю до тех пор, пока эта война не будет полностью прекращена. Более того, считается, что каждая партия искренне стремится добиться от нашего святого отца папы римского, чтобы, если кто-

либо попытается нарушить настоящую конституцию, он был подвергнут отлучению от церкви. Со своей стороны, император обязан поклясться, что он сохранит действия и подарки, которые будут сделаны, безвозвратными, в соответствии со всем, что было названо ниже. Что, если настоящий договор потребует какого-либо дополнения или отмены, это будет в нашей власти и свободе сделать при содействии наших шести советников, совместно с упомянутым лордом маркизом, которому в равной степени будут помогать его шесть советников. С другой стороны, вышеназванный сеньор дож не может принести присягу императору за какие-либо услуги, за какое-либо поместье или привилегию, которые могут быть ему предоставлены; но он или те, кого он делегирует в том, что касается его, должны принести присягу оказывать императору и империи все требуемые услуги в соответствии со всем, что было упомянуто в этой связи.

Дано в 1204 году от рождества Христова, в 7-й день месяца марта.

№ 26.

В 1195 году английский хронист Уолтер Хемингфорд рассказывает, что Горный Старец разослал всем принцам Европы письмо, в котором он оправдывает прославленного короля Ричарда в смерти маркиза Монферратского. Хотя это письмо, возможно, немного апокрифично, мы публикуем его, чтобы показать нашим читателям, как тогда говорили о Старце Горы.

“Горный Старец, приветствую князей и всех людей христианской религии. Поскольку мы не желаем зла тому, кто невиновен и не заслуживает этого, мы не допустим, чтобы невиновность другого человека была скомпрометирована каким-либо совершенным нами действием. Мы никогда не потерпим, с позволения Божьего, чтобы те, кто обидел нас, долго радовались обидам, нанесенным нашей простоте. Тогда мы заявляем всем вам и берем в свидетели того, через кого надеемся спастись, что маркиз был убит не в результате каких-либо козней короля Англии. Он был справедливо убит, по нашей воле и по нашему приказу, нашими спутниками, потому что он оскорбил нас и пренебрег, несмотря на наши предупреждения, возмещением ущерба: ибо у нас в обычае сначала предупреждать тех, кто нас чем-либо обидел, нас или наших друзей, чтобы они могли дать нам удовлетворение; и у нас в обычае, если они пренебрегают нашим предупреждением, мстить за себя руками наших министров, которые повинуются нам с еще большей преданностью, поскольку убеждены, что Бог славно вознаградит их, если они погибнут, выполняя наши приказы. Мы также узнали, что об этом же короле говорится, что он поручил нам, как менее неподкупным, чем другие, послать кого-нибудь из наших людей устроить засаду королю Франко. Это ложь и результат напрасного подозрения. Бог - наш свидетель, что он никогда не предлагал нам ничего подобного, и что наша честность не позволила бы нам допустить, чтобы что-либо дурное было предпринято против человека, который этого не заслуживал. Прощайте”.

№ 27.

Фрагмент из Никиты Хониата, касающийся статуй Константинополя, разрушенных крестоносцами.[\[147\]](#)

Латиняне проявили ту любовь к золоту, которая характеризует их нацию, придумав новый вид грабежа, до того времени неизвестный всем прежним разорителям этого города городов. После вскрытия гробов императоров, которые находятся в Героуме, воздвигнутом возле великолепной церкви учеников Иисуса Христа, они ночью разграбили их все; и, в нарушение законов справедливости, они забрали все украшения из золота, жемчуга и драгоценных прозрачных камней, которые так долго оставались нетронутыми в этом священном месте.

Подобным же образом, по прошествии стольких лет они обнаружили тело императора Юстиниана, все еще совершенное и неразложившееся, и это зрелище привело их в восхищение; но из-за этого они больше не обращали внимания на украшения, которыми было покрыто тело.

Можно утверждать, что западники не щадили ни живых, ни мертвых, и, начав с Бога и его слуг, они безразлично заставили всех осознать последствия своего нечестия. Вскоре после этого они вынесли из великой церкви то покрывало, которое ценилось во много тысяч мин серебра и было украшено густой золотой вышивкой. Но так как даже все эти богатства не могли удовлетворить безграничную алчность этих варваров, они обратили свои взоры на бронзовые статуи и предали их огню. Бронзовая Юнона, стоявшая на площади Константина, была разобрана на части и отправлена в плавильный цех для превращения в *статуэтки*;[148] эта статуя была такой большой, что голова была такой большой, какую четыре пары волов могли втащить во дворец.

После "Юноны" они сняли с ее основания группу Париса и Венеры; пастух предлагал богине золотое яблоко раздора.

Кто бы мог без восхищения смотреть на этот квадратный бронзовый обелиск, высота которого почти равнялась высоте самых высоких колонн? На нем были изваяны все птицы, которые весной наполняют воздух своими мелодичными концертами, труд земледельцев, музыкальные инструменты, блеющие овцы и прыгающие ягнята. Море там распростерло свои волны с огромным количеством рыбы, часть из которых была поймана живой, а остальные, прорвавшись сквозь сети, нырнули обратно в свой водный дом. Обнаженные купидоны резвятся по двое и по трое, забрасывая друг друга яблоками и предаваясь самым диким прыжкам. На вершине этого квадратного обелиска, заканчивающегося пирамидальной формой, была помещена женская фигура, которая поворачивалась при малейшем дуновении ветра; отсюда ее называли *Анемодулос* (то есть рабыня ветров). Это произведение восхитительной красоты было также переплавлено, как и колоссальная статуя, стоявшая на Месте Тельца и изображавшая человека верхом на коне в героическом наряде. Некоторые называли эту фигуру, основанием которой была трапеция, Иисусом Навином, потому что его рука была протянута к заходящему солнцу и что он, казалось, приказывал ему оставаться на прежнем курсе. Но большинство людей думали, что это предназначалось Беллерофонту, герою, родившемуся и выросшему на Пелопоннесе, верхом на Пегасе; ибо у коня не было уздечки, и именно таким изображен Пегас, ударяющий по желанию копытом равнину и, летящий или бегущий, пренебрегающий подчинением своему всаднику. Существовало древнее предание, сохранившееся до наших дней и известное каждому, что под левой передней ногой этой лошади была скрыта фигура человека, представляющего, по мнению одних, венецианца, а по мнению других, какого-то другого врага с Запада, носящего римское имя, или же это был

болгарин. Часто предпринимались попытки сделать эту ступню настолько твердой, чтобы было невозможно обнаружить то, что, как говорили, скрыто под ней. Когда этого коня и его всадника разобрали на куски, чтобы переплавить, фигурку действительно нашли спрятанной под копытами коня; она была одета в мантию, по виду очень похожую на шерстяную; но латиняне, мало заботясь о предсказаниях, касающихся ее, бросили и ее в огонь. Многие другие статуи и замечательные произведения искусства, стоявшие на Ипподроме, разделили ту же участь и были разрушены этими варварами, которые, неспособные восхищаться прекрасным, превратили все эти шедевры в монеты и уничтожили памятники, стоившие так дорого, ради такой незначительной суммы денег. Они разломали на куски Геркулеса, возлежащего на ивовой корзине (или матрасе), покрытой львиной шкурой, голова которой даже в бронзе имела такой устрашающий вид, что, казалось, вот-вот зарычит и посеет ужас среди праздной толпы, остановившейся посмотреть на нее. Герой сидел без колчана, лука или дубинки; его правая рука и нога были вытянуты во всю длину, в то время как левая нога была согнута; положив левый локоть на колено, он поднял переднюю руку и с печальным видом опустил голову на ладонь. Казалось, он сожалел о своей участи и с негодованием размышлял о неприятностях, которым подвергал его Эврисфей, из ревности, а не по необходимости. У него были широкая грудь и плечи, вьющиеся волосы, широкие бедра, мускулистые руки, а рост был таким, какой Лисимах, по предположению, мог бы приписать истинному Геркулесу. Этот бронзовый Геркулес был его первой и последней работой: он был настолько велик, что шнур, обвивавший его большой палец, был достаточно длинным для пояса обычного человека, а тот, которым измеряли его ногу, был равен по длине росту человека. Однако они не преминули уничтожить такого Геркулеса; эти люди, которые отделяли мужество от связанных с ним добродетелей, которые приписывали его прежде всего себе и заявляли, что ценят его превыше всего! Они увели осла с его вьючным седлом, который шел пешком и ревел, а погонщик ослов следовал за ним по пятам, которого цезарь Август приказал поместить в Акциум, или Никополь, в Греции, чтобы увековечить память о том, как он однажды ночью отправился понаблюдать за армией Антония и встретился с этим человеком, у которого он спросил, кто он такой и куда направляется, человек ответил, что его зовут Нико, а его осла - Никандр, и что он направляется к армии Цезаря. Они также не могли оторвать своих рук от гиены и волчицы, вскормивших Рема и Ромула; они расплавили этот драгоценный памятник римской нации ради каких-то жалких медных монет. Таким же образом они уничтожили человека, сражавшегося со львом; нильского гиппопотама, тело которого заканчивалось хвостом, покрытым чешуей; слона, потрясавшего хоботом; сфинксов, верхняя часть тела которых принадлежала женщинам редкой красоты, но которые снизу напоминали страшных животных; эти сфинксы вызывали тем большее восхищение, что казались способными ходить и в то же время летать и оспаривать первенство в быстроте с самыми крупными птицами. Лошадь без уздечки, наострившая уши и ржущая; прирученный бык, идущий медленными, тяжелыми шагами; и Сцилла, это древнее чудовище, женщина по пояс, с длинной шеей, большой грудью и видом, полным жестокости; ее нижние части разделились, образовав тех животных, которые напали на суда Улисса и сожрали нескольких его товарищей.

Точно так же на Ипподроме стоял бронзовый орел, замечательный памятник магического искусства Аполлония Тианского. Находясь в Византии, его умоляли положить конец бедам, которые жители терпели от укусов змей. Прибегнув к своему преступному искусству, которому его научили демоны и люди, посвященные в их порочные мистерии, он поместил на колонне орла, на которого нельзя было смотреть без удовольствия и который привлекал прохожих

останавливаться и созерцать его, подобно тому как песни Сирен завораживали тех, кто их слушал. Его крылья были расправлены, как будто он собирался взлететь, но складки змеи, которую он держал в когтях, препятствовали его усилиям. Рептилия вытянула голову, как бы желая дотянуться до крыльев птицы; но ее усилия были напрасны, ибо, пронзенная когтями орла, ее пыл ослабел, так что казалось, что она скорее заснет или умрет, чем вцепится в крылья орла. Таким образом, змей испускал свой последний вздох, и вместе с ним истекал его яд; в то время как орел с надменным взглядом и, казалось, действительно издавал победные крики, пытался поднять змею и унести ее с собой в небеса; все это было выражено величественным видом орла и смертью змея. Можно было бы почти сказать, что, видя, как змея таким образом вынуждена расслабить свои гибкие складки и отказаться от ядовитых укусов, она своим примером прогнала других змей из Византии и призвала их спрятаться в своих норах. И это было не все, что делало фигуру этого орла восхитительной; ибо он очень верно для глаза опытного зрителя обозначал двенадцать часов дня двенадцатью линиями, начертанными на его крыльях, когда солнечные лучи не были скрыты облаками.

Что мне сказать о Елене, с руками белее снега, с маленькими изящными ножками и грудью из алебаstra? О Елене, которая объединила всю Грецию против Трои, которая стала причиной разрушения этого города, которая с берегов Трои перешла на берега Нила и оттуда, наконец, вернулась в Лакедемон? Смогла ли она подчинить себе этих неумолимых мужчин и смягчить эти железные сердца? У нее не было такой силы; она, чья красота очаровывала каждого зрителя, чье одеяние было великолепным, которая, хотя и была бронзовой, была полна восхитительной истомы и которая, казалось, даже в своей тунике, вуали, диадеме и элегантно уложенных волосах дышала самым духом сладострастия. Ее туника была из ткани более тонкой, чем ткани Арахны; ее покрывало было самой восхитительной работы; диадема, окружавшая ее лоб, сверкала золотом и драгоценными камнями; а ее развевающиеся локоны, развеваемые ветром, были собраны сзади и спускались к ногам. Ее губы, слегка приоткрытые, как чашечка розы, казалось, были готовы произнести мягкие и приятные слова, в то время как ее невыразимо милая улыбка, казалось, в какой-то мере встречала зрителя и наполняла его восхитительными эмоциями. Но язык не может описать или передать потомству очарование ее взгляда, изящно очерченную дугу бровей или грацию, украшавшую ее фигуру. Но ты, Елена, дочь Тиндара, очаровательная природной красотой, произведение Любви, предмет забот Венеры, самый восхитительный дар природы, награда за победу, предложенная грекам и троянцам, где Непента, это средство от печали, которое дала тебе жена Тоаса? Где те снадобья, перед которыми никто не может устоять? Почему ты не использовал их, как прежде? Но я вижу, как это было. Твоей неизбежной судьбой было стать добычей пламени, ты, чей единственный образ обладал силой разжечь пламя любви в сердцах всех, кто видел тебя. Возможно, я могу сказать, что эти потомки Энея приговорили тебя к сожжению, чтобы отомстить за тебя лично за Илион, сожженный пожарами, которые создала твоя любовь. Но ярость золота, овладевшая латинянами и побудившая их повсюду уничтожать самые прекрасные шедевры искусства, находится за пределами моего воображения или описания. Но я осмелюсь сказать вот что: они расстаются со своими женами и отдают их в объятия других за несколько оболлов; они непрестанно заняты грабежом или азартными играми; они надевают доспехи и сражаются друг с другом с бессмысленным и яростным пылом, а не с благоразумной, регулируемой доблестью; выставляют все, чем обладают, в качестве приза за победу, не исключая юных невест, которые подарили им радости отцовства или даже свою собственную жизнь, сокровище, столь дорогое для всех других мужчин, и для сохранения своего рода. за которые они ничего предпринимать

не будут.—Даже варвары, не знающие грамоты, знают и повторяют эти стихи о тебе, Елена: “Справедливо, что и греки, и троянцы должны претерпевать долгие несчастья из—за женщины, чья красота равна красоте бессмертных богинь”.

Там стояла на колонне другая женщина необычайной красоты, по-видимому, в период блистательной юности, волосы которой спускались прядями по обе стороны лица и были собраны сзади; она находилась на небольшом возвышении, так что до нее можно было дотронуться рукой. В правой руке, хотя рука не имела опоры, эта статуя держала всадника, чью лошадь она держала за одну ногу, и это, по-видимому, было так же легко, как нести кубок с вином. Этот всадник с мужественной, благородной осанкой, облаченный в кирасу и обутый в сапоги, казалось, действительно дышал войной. Уши коня были подняты, как будто он услышал звук трубы, голова поднята, взгляд горящий, а пыл, написанный в глазах, свидетельствовал о его нетерпении к скачке; его ноги, болтающиеся в воздухе, казалось, неслись вперед воинственным прыжком.

После этой статуи, рядом с восточной границей Квадриг, называемых желтой фракцией, были установлены статуи колесничих, примеры и модели искусства искусного управления колесницей. Судя по расположению их рук, казалось, что они предупреждают возничих не ослаблять поводья при приближении к границе; но крепко держать лошадей при повороте и резко и постоянно пользоваться кнутом, чтобы держаться как можно ближе к границе и позволить неумелому вознице-сопернику сделать слишком широкий размах и потерять преимущество даже с лучшими лошадьми.

Я добавлю только одну особенность, поскольку я не брался описывать все. То, что вызывало необычайное удовольствие и восхищение, было каменным основанием, на которое было положено бронзовое животное, которое можно было бы принять за быка, если бы его хвост не был слишком маленьким; подобно египетским быкам, у него не было длинных подвздошей, а копыта не были раздвоенными. Он раздавил своими челюстями, почти до состояния удушения, другое животное, тело которого было покрыто чешуей, настолько заостренной, что, хотя она была из бронзы, могла ранить любого, кто осмеливался к ней прикоснуться: предполагалось, что это животное было василиском, а существо, которое оно схватило, аспиком; но другие утверждали, что одно из них было быком с берегов Нила, а другое - крокодилом. Со своей стороны, я не берусь примирять эти мнения; я ограничусь тем, что скажу, что они были вовлечены в самое удивительное соперничество и нанесли друг другу серьезные раны; ибо иногда более сильные, иногда просто слабые, они были в одно и то же время победителями и побежденными. Животное, которое многие принимали за василиска, было все опухшее с головы до ног, и яд, циркулирующий по его телу и проходящий через все его члены, придавал ему цвет более зеленый, чем у лягушек, — цвет смерти. Оно стояло на коленях с томными глазами и, казалось, утратило всякую силу. Можно было бы даже поверить, что он давно мертв, если бы, по крайней мере, его задние лапы все еще крепко не стояли под ним. Другое животное, которое он держал в своих челюстях, все еще слегка помахивало хвостом и открывало свою длинную пасть под давлением зубов, которые держали и душили его. Казалось, он прилагал все усилия, чтобы вырваться из зубов и пасти, которые так цепко держали его, но не мог добиться успеха, потому что его тело было зажато между челюстями и пронзено зубами его врага от плеч и передних лап до части, следующей за хвостом. Так они и умерли, один от руки другого; битва была взаимной, месть взаимной, победа равной, а смерть общей.^[149] Со своей стороны, я полагаю, что могу заметить по этому поводу, что не только в изображениях или среди свирепых

и сильных животных злые и смертельные для человека существа таким образом причиняют взаимную смерть друг другу; но мы часто видим, как народы, которые ведут войну с римлянами, уничтожают друг друга; что является следствием силы Христа, который рассеивает дружественные народы. к войне, от которой кровь застывает в ужасе, и которая показывает, как праведники маршируют против аспика и василиска и попирают ногами льва и дракона.

№ 28.

Письмо М. Мишо о крестовом походе детей 1212 года, М. А. Журдена.

Экспедиция за моря, предпринятая около 1212 года и состоявшая исключительно из детей, если и не является одним из самых ярких событий крестовых походов, то, безусловно, представляется мне не менее экстраординарной. То, что учреждения, продиктованные духом религии и предназначенные либо для распространения нашей религии, либо для возвышения ее величия, не всегда находили в своей цели средство защиты от развращения, присущего людям, - это истина, установленная бесчисленными примерами; но что фанатизм, или гений зла, должен быть достаточно силен, чтобы погасить в детстве естественное чувство своей слабости и оторвать его от естественной опоры, чтобы внушить ему этот ход идей, эту настойчивость в решениях, это согласие, которого требует каждое предприятие, созданное многочисленным сообществом индивидуумов, - вот что мы можем сказать. с трудом верится, хотя память об этом факте сохранилась у нескольких историков. Всякий, кто знаком со вкусом средневековья ко всему чудесному и читал лишь неполный отчет современных историков о крестовых походах, поначалу испытывает искушение отнести эту экспедицию к числу сказочных приключений; и чтобы придать ей хоть какой-то вес, необходимо представить свидетельства, достойные нашего доверия.

Поначалу сомневаясь, я занялся сбором этих свидетельств; я предлагаю их вам в этом письме, месье, чтобы дополнить, если возможно, еще одной чертой разнообразную картину заблуждений человеческого разума.

Мы должны различать различные обстоятельства этого странного события; его дату, средства, которые его подготовили, места, которые были свидетелями, и его последствия. Хотя критика не располагает достаточными данными для точного определения каждого из этих пунктов, тем не менее средневековые хроники предоставляют нам документы, достаточно обширные, чтобы удовлетворить благоразумное любопытство.

Что касается даты, все современные историки относят этот крестовый поход к 1212 году,^[150] или самое позднее к 1213 году.^[151] С ошибкой очень легко примириться, что другие продвигают ее на двенадцать лет вперед,^[152] или верните ее на десять.^[153]

Что касается мест, которые были свидетелями зарождения и роста такого предприятия, похоже, что крестоносцы принадлежали к двум нациям и сформировали два отряда, которые следовали разными маршрутами: один, покинув Германию, пересек Саксонию и Альпы и прибыл на берега Адриатического моря;^[154] Франция предоставила остальных, которые, собравшись в окрестностях Парижа, пересекли Бургундию. , и прибыл в Марсель, место посадки.^[155]

Престиж, фанатизм, объявление о вундеркиндах - все это использовалось для того, чтобы разбудить молодежь этих стран и привести ее в движение. Согласно Винсенту де Бове, сообщалось, что Горный Старец, который привык воспитывать *арсакида* с самого нежного возраста, удерживал в плену двух клерков и предоставил им свободу только при условии, что они вернут ему нескольких мальчиков из Франции. Тогда было высказано мнение, что эти дети, обманутые ложными видениями и соблазненные обещаниями этих двух клерков, осенили себя крестным знаменем.

Инициатором крестового похода в Германии был некий Николас, немец по национальности.^[156] “Это множество детей, - говорит Безарр, - были убеждены с помощью ложного откровения, что в тот год засуха будет настолько сильной, что морские бездны пересохнут; и они отправились в Геную с намерением перейти в Иерусалим по засушливому дну Средиземного моря”.

Состав этих войск соответствовал средствам, использованным для их соблазнения. Там были дети всех возрастов и состояний, обоего пола; некоторым из них было не более двенадцати лет; они отправлялись в путь из деревень и городов без вожаков, без проводников, без провизии и с пустыми кошельками. Напрасно их родители или друзья пытались отговорить их, показывая им безрассудство такого похода: плен, на который они их обрекали, удвоил их пыл; выламывая двери или проламывая себе проходы в стенах, им удавалось сбежать, и они возвращались к своим отрядам. Если их спрашивали о цели их путешествия, они отвечали, что собираются посетить святыне места. Хотя паломничество, начатое под таким покровительством и запятнанное всевозможными излишествами, должно было быть объектом скорее скандала, чем назидания, находились люди, достаточно глупые, чтобы увидеть в этом деяние всемогущего Бога; мужчины и женщины покидали свои дома и свои земли, чтобы присоединиться к этим отрядам бродяг, полагая, что они следуют путем спасения; другие снабжали их деньгами и едой, думая, что помогают душам, вдохновленным Богом, и руководствуясь чувствами божественного благочестия. Папа римский, когда ему сообщили об их действиях, воскликнул со стоном: “Эти дети упрекают нас в том, что мы похоронены во сне, в то время как они летят на защиту Святой Земли”.^[157] Если некоторые представители духовенства, наделенные некоторой дальновидностью, открыто обвиняли эту экспедицию, их порицания сразу же приписывались мотивам алчности и недоверия; и, чтобы избежать общественного презрения,^[158] мудрость и благоразумие были обречены на молчание.

Это событие, однако, доказало, что все, за что человек берется, не прибегая к здравому смыслу и серьезному размышлению, не приводит к удачному результату; “ибо вскоре, — говорит епископ Сикард, - это множество полностью исчезло: *quasi evanuit universa*”.

Но мы должны тщательно различать судьбу немецких и французских крестоносцев, хотя часть последних направила свой курс в Италию.

Не требовалось ничего, кроме ношения креста, чтобы быть допущенным к участию в крестовом походе; если бдительная забота принцев и прелатов в экспедициях, руководимых церковной и светской властью, не могла успешно исключить из них людей с дурной моралью, то что за люди должны были быть смешаны с толпой, собравшейся без малейшей заботы и под присмотром не обладающего высшим разумом человека, большая часть которого бежала, подобно блудному сыну, из отцовского жилища, чтобы без ограничений отдаться своим порочным наклонностям? Таким образом, рассказ монаха Годфри несколько не удивляет нас, когда он говорит, что воры

проникли в среду немецких паломников и исчезли после того, как забрали их багаж и дары, которыми верующие одарили их. Один из этих воров, которого опознали в Кельне, закончил свои дни на дыбе. К этому первому несчастью быстро пришла толпа злодеев, что стало неизбежным результатом недалёковидности крестоносцев. Усталость от долгого путешествия, жары, болезней и нужды погубили многих из них. Из тех, кто прибыл в Италию, некоторые, рассеявшись по стране и разграбленные жителями, были обращены в рабство; другие, в количестве семи тысяч человек, предстали перед Генуей. Сначала сенат разрешил им остаться в городе на шесть или семь дней; но впоследствии, размышляя о безрассудстве экспедиции, опасаясь, что такое множество людей вызовет голод, и, прежде всего, опасаясь, что Фридрих, который в то время находился в состоянии восстания против Святого Престола и войны с Генуей, может воспользоваться этим обстоятельством, чтобы поднять беспорядки, они приказали крестоносцам покинуть город. Тем не менее, во времена Эксцентричности было общепринято мнение, что республика предоставила права гражданства нескольким молодым немцам из этой грозной массы, которые отличались знатным происхождением; впоследствии они приобрели такое большое уважение, что были приняты в орден патрициев; “и именно от них, - добавляет тот же историк, - ведут свое происхождение несколько великих семейств наших дней; среди них можно отметить семейство Вивальди”. Остальные, осознав свою ошибку, снова повернули обратно в свою страну; и эти крестоносцы, которых видели наступающими многочисленными отрядами и распеваящими воодушевляющие песни, вернулись поодиночке, у них отняли все, они ходили босиком, испытывали муки голода и подвергались насмешкам населения городов и стран, через которые они проходили: неудивительно, что при таких обстоятельствах многие молодые девушки утратили целомудрие, которое было украшением их домов.

Крестоносцев из Франции постигла почти такая же участь: вернулась очень незначительная часть из них: остальные либо погибли в волнах, либо стали объектом спекуляций двух марсельских купцов. Хью Феррерс и Уильям Поркус, так их звали, вели торговлю с сарацинами, значительную ветвь которых составляла компания young boys. Более благоприятной возможности для выгодной спекуляции не могло быть; они предложили перевезти на Восток всех паломников, прибывающих в Марсель, без какой-либо платы за путешествие, мотивируя этот акт щедрости благочестием. Это предложение было с радостью принято, и семь судов, груженных этими паломниками, отплыли к берегам Сирии. По прошествии двух дней, когда корабли находились у острова Святого Петра, недалеко от скалы Отшельника, поднялась сильная буря, и море поглотило два из них со всеми пассажирами на борту. Остальные пятеро прибыли в Бугию и Александрию, и все молодые крестоносцы были проданы сарацинам или работорговцам.^[159] Халиф купил сорок из них, все они состояли в ордене, и велел воспитывать их с особой тщательностью в специально отведенном для этой цели месте: двенадцать других погибли мученической смертью, не желая отречься от своей религии. Никто из купленных халифом чиновников, по свидетельству одного из них, впоследствии получившего свободу, не исповедовал культ Магомета: все, верные религии своих отцов, постоянно практиковали ее в слезах и рабстве. Гуго и Вильгельм, которые в более поздний период составили план убийства Фридриха, были обнаружены и бесславно убиты вместе с тремя сарацинами, их сообщниками, получившими за этот плачевный конец причитающуюся им плату за предательство.

Впоследствии папа Григорий IX повелел построить церковь на острове Святого Петра в честь тех, кто потерпел кораблекрушение, и учредил двенадцать канонических должностей, чтобы

обеспечить выполнение ее обязанностей. Во времена Альберика все еще указывали место, где хоронили тела, выброшенные волнами.

Что касается крестоносцев, которые пережили столько бедствий и остались в Европе, за исключением некоторых старых и немощных людей, папа не освободил их от своих обетов; они были обязаны либо совершить паломничество в более зрелом возрасте, либо искупить его милостыней.

Таков был исход этого крестового похода, столь справедливо обозначенного двумя хрониками: *expeditio nugatoria, expeditio derisoria*.^[160]

Два факта в этом рассказе поражают нас своей необычностью: условие, поставленное Горным стариком для освобождения клерка, о котором говорит Винсент из Бове, и торговля детьми, которую вели марсельские купцы.

По первому пункту мы не можем предложить ничего, кроме мнения, принятого среди народов Запада. В XIII веке обычно считалось, что Старец Горы поддерживал связь с христианской Европой; нескольких принцев даже обвиняли в том, что они прибегали к кинжалам его убийц, чтобы избавиться от своих врагов. Фридрих принимал от него послов на Сицилии.^[161] Роджер Бэкон горько жалуется на чары, тайно применяемые сарацинами для совращения юных слуг Христа;^[162] имя "Ассасины" вошли в обиход еще в XIII веке и были объектом всеобщего ужаса. Таким образом, несмотря на мнение некоторых критиков, необходимо более подробное рассмотрение, чем входит в рамки этого письма, прежде чем мы отвергнем рассказ Винсента де Бове.

Что касается торговли маленькими мальчиками, то это вовсе не новый факт; многие следы ее можно найти гораздо раньше этого периода. Греки и венецианцы практиковали это достаточно открыто. В 748 году папа Захария выкупил множество рабов-христиан, увезенных из Рима венецианскими купцами; жители Вердена, по свидетельству Лильпранда, собирались продать арабам Испании нескольких искалеченных ими мальчиков, которые должны были служить охранниками женщин сераля.^[163] Кроме того, судьба молодых крестоносцев, которые высадились в Марселе и нашли деградацию и рабство вместо священной земли, обещанной их слепому рвению, засвидетельствована двумя современными писателями, достойными полного доверия: это прославленный Томас де Шампре^[164] и Роджер Бэкон.^[165] Таким образом, я не вижу никаких разумных сомнений, которые можно было бы выдвинуть против этого факта, но я нахожу в нем свежий пример человеческой алчности, которая ради удовлетворения своих пристрастий жертвует тем, что природа и религия считают самым священным.— Принимайте, месье, и проч. и проч.

№ 29.

Письмо папы Иннокентия III.^[166]

Теперь, когда мотивы более насущные, чем когда-либо, призывают христиан на помощь Святой Земле, и что у нас есть основания ожидать от нынешней помощи более благоприятных результатов, чем были получены до сих пор, мы снова возвышаем наш голос и призываем вас

услышать наши вопли во имя Того, кто, умирая, громко кричал с креста и кто дошел в послушании Богу, своему отцу, до такой степени, что умер на кресте, плача, чтобы избавить нас от мук вечной смерти; кто плакал также сам по себе и сказал: “Если кто-нибудь желает прийти с нами”. я, пусть он полностью отречется от себя, пусть возьмет свой крест и последует за мной”. Это как если бы он сказал более явным образом: “Пусть тот, кто желает следовать за мной к короне, также следует за мной на битву, которая теперь предлагается всем в качестве испытания”. Нет никаких сомнений в том, что Всемогущий Бог был способен, если бы на то была его воля, предотвратить попадание этой земли в руки врагов; он способен даже сейчас, если бы на то была его воля, легко вырвать ее у них; поскольку ничто не может противостоять его воле. Но поскольку беззаконие достигло почти своего апогея, и поскольку рвение к милосердию у большинства охладилось, чтобы пробудить своих верных слуг от смертного сна и напомнить им о желании жизни, Он предлагает им эту борьбу, чтобы доказать их веру, как золото в горниле; предлагая им в этом возможность, более того, надежный залог обретения спасения. За это те, кто доблестно сражался за него, получают от него венец счастья; но те, кто в такой острой необходимости отступят от служения, которым они были обязаны во славу Господа, будут заслуживать того, чтобы в великий судный день было произнесено их справедливое осуждение. Какие счастливые последствия произведет это святое предприятие! Сколько тех, кто, обратившись к покаянию, встанут под знамя креста и заслужат своими усилиями венец славы, кто, возможно, погиб бы в своем беззаконии после того, как провел жизнь, полностью посвященную плотскому сладострастию и легкомыслию этого мира. Это старая уловка Иисуса Христа, которую он соизволил повторить в наши дни для спасения своих верных слуг. В самом деле, если бы какой-либо земной монарх был изгнан своими врагами из своих государств, разве, когда он вернул бы их себе, такие из его вассалов не были бы осуждены как неверные и обречены на все наказания, которых заслуживают особо виновные, не пожертвовавшие ради него не только своей жизнью, но и своей личностью? Точно так же Царь царей, Господь наш Иисус Христос, который дал вам тело и душу и все другие благословения, которыми вы наслаждаетесь, осудит вас как виновных в черной неблагодарности и преступлении неверности, если вы не придете к нему на помощь в то время, когда он таким образом изгнан из царства, которое он приобрел своей кровью. Пусть тот, кто тогда откажется в этой настоятельной необходимости поспешить на помощь своему Искупителю, знает, что он проявит преступную жестокость и что он будет тяжко виновен. Если кто-либо будет несправедливо лишен части, пусть даже небольшой, наследия своих отцов, то вскоре, согласно обычаям этого мира, он будет трудиться изо всех сил, чтобы исправить эту несправедливость и отразить это насилие; и не пощадит ни своей личности, ни своего имущества, пока ему не удастся вернуть все, что он потерял. Какое оправдание в таком случае может привести тот, кто отказался от каких-то пустяковых трудов, чтобы наказать преступления, совершенные против его Искупителя, и отомстить за нанесенные ему оскорбления; и кто, щадя свою личность и свое имущество, препятствует восстановлению мест, которые были свидетелями страстей и воскресения нашего Господа, в которых Бог, наш царь, несколько веков назад соизволил совершить на земле спасение людей? Как, также, согласно божественному предписанию, может он любить своего ближнего как самого себя (как написано), кто знает, что его братья, христиане по вере и названию, стеноют в тюрьмах вероломных сарацин и переносят все ужасы тяжелейшего плена, и откажется эффективно трудиться для своего освобождения, нарушая этим это предписание естественного закона, которое Бог открыл в своем Евангелии: “Поступай с другими людьми так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой”. Тебе ли не известно, что среди этих людей есть те, кто не желает, чтобы они поступали с тобой? люди, многие тысячи христиан стонут в рабстве и

цепях и постоянно подвергаются жесточайшим пыткам? Все провинции, находящиеся ныне во власти сарацин, были населены христианскими народами до окончания времен святого Григория; но к тому периоду появилось дитя погибели, лжепророк по имени Магомет, который, соблазнившись радостями этого мира и приманкой плотского сладострастия, нашел средства соблазнить большое число людей и сбить их с пути истины. Хотя его вероломство, возможно, восторжествовало вплоть до сегодняшнего дня, мы, тем не менее, возлагаем наше доверие на Господа, который до сих пор так хорошо вдохновлял нас, и надеемся, что вскоре увидим конец этого зверя, число которого, согласно Апокалипсису Святого Иоанна, “включено в шестьсот шестьдесят шесть”. Он скоро умрет под действием Святого Духа, который оживит огнем милосердия охладевшие сердца верующих; и из этих лет почти шестьсот уже скончались. В дополнение к другим тяжким и значительным оскорблениям, которые вероломные сарацины нанесли нашему Искупителю за наши грехи, недавно на горе Фавор, где он явил своим ученикам образ будущей славы, те же самые вероломные сарацины воздвигли крепость для смешения христианского имени. Они надеются с помощью этой крепости легко овладеть городом Акко, который находится недалеко от нее, а затем без малейших препятствий вторгнуться в остальную Святую Землю, почти полностью лишенную сил и средств обороны. Итак, для этого, мои дорогие дети во Христе, измените свои братские разногласия на чувства мира и любви, и пусть каждый из вас поспешит встать под знамя креста, без колебаний обнажая свою личность и свое богатство ради Того, кто пожертвовал своей душой за вас и пролил свою кровь за вас. Отправляйся с уверенностью в этот священный поход, уверенный, что, если ты действительно раскаиваешься, этот короткий и преходящий труд станет для тебя верным средством обретения жизни вечной. Для нас, хранителей Божественного милосердия, которым была передана власть благословенных Святых Петра и Павла, согласно власти, которую, хотя мы были недостойны ее, Бог дал нам, чтобы связывать и развязывать, мы даруем всем, кто предпримет лично и за свой счет этот достойный труд, абсолютное прощение их грехов после того, как они искренне покаются в них и исповедуют их устно, и мы даем им определенную надежду, что таким образом им будет легче обрести жизнь вечную. Что касается тех, кто, не участвуя лично в экспедиции, внесет свой вклад в нее, отправив, в соответствии со своим рангом и средствами, людей, пригодных для этой цели, то точно так же тем, кто отправится лично, хотя и за счет других, мы даруем всем прощение их грехов. Мы даруем такое же прощение, пропорционально степени их жертвенности и пылкости их преданности, тем, кто лишит себя части своих мирских благ, чтобы покрыть расходы предприятия. Мы в равной степени берем под защиту Святого Петра и самих себя личности и имущество верующих с того момента, как они получают крестное знамение; мы отдаем их под защиту архиепископов и епископов, а также всех прелатов Церкви; и мы заявляем, что на имущество отсутствующих не будет совершено никаких посягательств до получения определенных сведений об их смерти или возвращении. Если кто-либо предпримет попытку сделать это, он должен быть процитирован перед прелатами Церкви и подвергнут церковному порицанию. Более того, если случится так, что кто-либо из тех, кто намерен отправиться в Святую Землю, будет вынужден под присягой выплатить какие-либо ростовщические суммы, мы предписываем прелатам Церкви использовать те же средства, чтобы заставить своих кредиторов освободить их от присяги и отказаться от своих ростовщических требований; и если случится так, что кто-либо из этих кредиторов попытается принудить своего должника выплатить ростовщические обязательства, пусть он подвергнется такому же порицанию и будет вынужден возместить убытки. Что касается евреев, мы приказываем, чтобы светская власть заставила их отказаться от всякого ростовщичества для тех, кто отправляется в Святую Землю; и до тех пор, пока они не получают

этого разрешения, они должны быть лишены посредством отлучения от церкви всех видов торговли с христианами. Но для того, чтобы помощь, оказываемая Святой Земле, стала менее обременительной и более легкой из-за того, что она возлагается на большее число людей, мы умоляем всех верующих в целом и каждого в отдельности, во имя Отца, Сына и Святого Духа, единственного истинного, единственного Вечного Бога, требуя во имя Иисуса Христа и для Иисуса Христа, от всех архиепископов, епископов, настоятелей и настоятелей; от всех капитулов церквей, соборных или монастырских; от всех клерков, а также от всех городов, поселков и деревень, чтобы все они были послушны. снабдите каждого, в соответствии с его способностями, необходимым количеством воинов, всем необходимым для их содержания в течение трех лет. Если для этой цели каждый отдельный вклад покажется недостаточным, следует объединить несколько; ибо мы не сомневаемся, что себя представит достаточное количество людей, если не будет недостатка в средствах. Мы особенно просим королей, принцев, графов, баронов и других богатых людей, которые не участвуют в экспедиции лично, внести свой вклад в соответствии со своими средствами. Что касается приморских городов, то мы требуем от них помощи судов. И из страха, что может показаться, будто мы возлагаем на других тяжелое бремя, которое мы не желаем взваливать на себя, мы заявляем в своей совести и перед Богом, что все, что мы требуем от других, мы охотно сделаем сами. Мы сочли своим долгом заявить в отношении клерков, которые войдут в состав экспедиции, что после прекращения всех споров они могут с этой целью внести залог доходов от своих пособий на три года. Но поскольку помощь, в которой нуждается Святая Земля, может столкнуться со многими препятствиями и задержками, если перед возложением креста на каждого необходимо остановиться, чтобы проверить, способен ли он лично выполнять все обязательства, налагаемые таким обетом, мы соглашаемся, что, за исключением постоянных членов, все желающие должны принять крест; и что, если этого требуют причины острой необходимости или очевидной полезности, их обет может быть, в силу апостольского обязательного послания, изменен, погашен или отложен; и по той же причине мы отменяем помилование и индульгенции, даруемые нами до сего дня тем, кто предлагал выступить против мавров в Испании или против еретиков Прованса; особенно потому, что они были предоставлены им на время, которое теперь полностью ушло в прошлое, и по причинам, которые в значительной степени перестали существовать. Ибо, по милости Божьей, эти дела настолько продвинулись вперед, что больше не требуют активных мер; и если случайно они снова потребуются, мы должны позаботиться о том, чтобы быстро обратить на них наше внимание. Однако мы допускаем, что провансальцы и испанцы по-прежнему должны пользоваться этими поблажками. Более того, поскольку корсары и пираты сильно препятствуют мерам, принимаемым для помощи Святой Земле, захватывая и грабя тех, кто направляется туда, мы отлучаем их от церкви, а также их главных сообщников и подстрекателей; запрещая под страхом анафемы любому человеку сознательно вести с ними переговоры о какой-либо продаже или какой-либо покупке и предписывая губернаторам городов и местностей, которые они населяют, вернуть их к этому беззаконию и положить конец их разбою. Кроме того, поскольку нежелание беспокоить нечестивых есть не что иное, как поощрение их; и поскольку это не чуждо маневрам тайного общества, которое пренебрегает противодействием этим явным преступлениям, мы не можем удержаться от применения церковной суровости к личностям и имуществу тех, кто окажется в таком положении; потому что они стали бы не менее опасны для христианского имени, чем сами сарацины. Более того, мы возобновляем приговор об отлучении от церкви, вынесенный Латеранским собором, в отношении тех, кто снабжает сарацин доспехами и оружием или служит лоцманами у корсаров этих стран; мы заявляем также, что они

будут лишены всего, чем владеют, и останутся в рабстве, если им доведется попасть в него. Мы приказываем, чтобы это предложение публиковалось во всех приморских городах каждое воскресенье и фестиваль. Но поскольку нам гораздо больше следует ожидать от божественного милосердия, чем от человеческой силы, мы должны в такой ситуации бороться не столько с телесными руками, сколько с духовными; поэтому мы приказываем и постановляем, что раз в каждый месяц должна совершаться отдельно общая процессия мужчин и таким же образом отдельно, насколько это возможно, одна из женщин, во время которой, с умами, исполненными духа смирения, все будут просить с горячими молитвами, чтобы божественному милосердию было угодно снять с нас поношение и смятение, избавив от рук дьявола. язычников, ту землю, на которой были совершены все тайны нашего искупления, и восстановив ее, во славу Всемогущего, христианскому народу. Во время этих шествий всегда нужно проявлять осторожность, обращаясь с горячим увещанием к людям и повторяя им название знамения нашего спасения. К молитве должны быть добавлены пост и милосердие, чтобы они были подобны крыльям для молитвы и легче и быстрее доносили ее до благочестивых ушей Вечного, который с добротой выслушает нас в свое время. Подобным образом, каждый день во время торжественной мессы, после поцелуя мира, в момент, когда спасительная жертва, приносимая за грехи мира, вот-вот будет съедена, все присутствующие, как мужчины, так и женщины, должны смиренно пасть ниц до земли, а служащие должны громким голосом петь псалом "*Deus venerunt gentes in hæreditatem tuam*"; к которому они должны добавить: "*Изгнать Бога и рассеять врага*" и "*беглец...*" на первый взгляд, ничего особенного. Затем исполняющий обязанности священник должен громким голосом пропеть над алтарем молитву "*Deus qui admirabile*" и т.д. В церквях, в которых должна собраться общая процессия, следует позаботиться о том, чтобы поместить *трон*, который должен быть заперт тремя ключами, один из которых должен оставаться в руках честного священника, другой - в руках набожного мирянина, а третий - в руках монаха, чтобы о них можно было добросовестно заботиться. Именно в эти ящики клерки, миряне, мужчины и женщины должны класть милостыню, предназначенную для помощи Святой Земле, в соответствии с настроениями тех, кому будут доверены эти заботы. Что касается отъезда и путешествия, которые должны быть совершены со скромностью и порядком, мы пока ничего не будем говорить о них, пока армия Господня не примет крест. Но поскольку все обстоятельства теперь готовы, мы примем все меры, которые могут показаться необходимыми, с помощью советов мудрых и рассудительных людей. С этой целью мы выбрали нашего любимого сына Де Салеса, покойных настоятелей Ново-Кастро, К. декана Спайра и хранителя ордена августинцев, всех честных людей, которые, объединившись с другими достойными и честными людьми, будут регулировать и распоряжаться от нашего имени всем, что они сочтут необходимым для успеха этого предприятия, следя за тем, чтобы их приказы добросовестно и тщательно выполнялись людьми, пригодными для этого дела и специально назначенными для него. Вот, следовательно, почему мы молим вас всех, мы умоляем и заклинаем вас, во имя Господа, повелеваем вам этими настоящими апостольскими посланиями и повелеваем вам властью Святого Духа позаботиться о том, чтобы при каждом удобном случае доказывать этим легатам Иисуса Христа вашим рвением снабдить их всем необходимым, что они найдут, через вас и в вас, средства достижения столь желанной цели.

Посмотри, как велико безрассудство того, кто остается здесь! Разве Иисус не повелевает своим апостолам следовать за ним и чтобы тот, кто должен следовать за ним, оставил своих друзей и свое богатое жилище? Пришло время подчиниться этому приказу: тот, кто умирает за морями, более счастлив, чем если бы он жил; а тот, кто живет по эту сторону от них, более несчастлив, чем если бы он умер. Чего стоит трусливая, позорная жизнь? Ах! тот, кто умирает великодушно, торжествует над самой смертью и снова живет в блаженстве.

Пусть он перестанет хвастаться своей храбростью, рыцарь, который не вооружается, чтобы прийти на помощь ни кресту, ни священной могиле! Да, с богатым снаряжением, с доблестью, с вежливостью и со всем, что справедливо и безукоризненно, мы не можем обрести славу и счастье в раю. Чего еще могли бы требовать графы и короли, если бы благородными поступками они могли искупить себя от ада и вечного огня, в котором так много несчастных будут вечно мучиться?

Тот, кто по старости или болезни вынужден оставаться дома, пусть отдает свои деньги тем, кто готов взяться за оружие: это доброе дело - послать другого вместо себя; особенно когда тебя не удерживает трусость. Ах! что ответят те, кто остался дома, в судный день? Бог явится и скажет: “Лживые люди! люди, полные трусости! ради тебя я умер, ради тебя меня подвергли бичеванию”. Тогда сам справедливый человек будет ли он без страха? — (Понс де Капдуциль: *Эрнос сиа*.)

Я хотел бы, чтобы король Франции и король Англии жили в мире! Несомненно, Бог оказал бы большую честь тому из двоих, кто согласился бы на первое, и никогда не забыл бы его заслуг. Да, этот король был бы коронован на небесах. Ах! почему король Апулии и император не друзья и не братья до тех пор, пока не будет восстановлена святая гробница? Неужели они не знают, что прощение, которое они даруют здесь, они сами получают в день великого суда? (Понс де Капдуциль: *С честью*.)

Какой траур! какое отчаяние! какие слезы! когда Бог скажет: “Идите, несчастные, идите в ад, где вы будете вечно мучиться в муках, в агонии. Это твое наказание за то, что ты не поверил, что я подвергся жестокой страсти: я умер за тебя, а ты забыл это”. Но те, кто в крестовом походе встретятся со смертью, смогут сказать: “И мы, Господи, мы умерли за тебя”. (Римский словарь: *Quan lo dous*.)

Сегодня проявят себя храбрые, галантные и отважные люди; именно их дерзость и отвага отличат их: настал момент проявить мастерство и доблесть. Бог призывает, он сам призывает, он выбирает истинных рыцарей, тот, кто знает их, и он отвергает низменных, которым недостает мужества и веры: только доблестных отличит его милосердие. (Пьер д'Овернь: *Сеньор*.)

Пришло время, настал день, когда будет подвергнуто испытанию, кто из мужчин достоин служить Вечному: он призывает, но он призывает только доблестных и отважных. Они всегда будут принадлежать ему, которые, верно зная, как страдать, посвящать себя и сражаться, будут полны откровенности, великодушия, вежливости и преданности. Пусть трусливые и скупые остаются там, где они есть; Бог желает только добра: он желает, чтобы они спасли себя своими собственными высокими делами. Какое достойное и славное спасение!

Если когда-либо Уильям Мэйлспайн казался храбрым среди нас, то теперь он предоставил самому Богу доказательство этого; он принял крест первым, он принял крест добровольно, чтобы спасти гроб господень и священное наследие. Какой позор! как неправы короли и император, что они не соизволяют заключать договоры и перемирия друг с другом, чтобы иметь возможность помочь царству закона, святому свету, гробнице и кресту, которые турки так долго удерживали. Одно только повторение этой катастрофы повергает нас в глубокую печаль — (Эмери де Пегильян: *Эвас пана.*)

Скоро станет известно, какие доблестные люди лелеют благородное стремление заслужить славу этого мира и славу Божью. Да, они могут получить и то, и другое, те, кто посвящает себя благочестивому паломничеству, чтобы освободить святую гробницу. Великий Боже, какое горе! турки напали и осквернили ее! Давайте осознаем, даже до глубины наших сердец, этот смертный позор; давайте наденем на себя знак крестоносцев, давайте переплывем моря; у нас есть надежный и мужественный проводник, сам верховный понтифик Иннокентий.

Да, туда приглашен каждый, от каждого требуется; пусть каждый выйдет вперед и перекрестится во имя того Бога, который был распят между двумя разбойниками, когда он был так несправедливо осужден евреями. Если мы все еще ценим верность и храбрость, мы должны опасаться позора из-за того, что лишаем Христа наследства; но мы любим, мы желаем того, что является злом, и презираем то, что было бы добрым и полезным. Но что? жизнь в наших странах для нас - не что иное, как постоянная опасность; а смерть на Святой Земле для нас - вечное счастье.

Ах! должны ли мы колебаться, принимая смерть на службе Богу, тому Богу, который соизволил пострадать ради нашего освобождения! Да, они будут спасены вместе со святым Андреем Первозванным, те, кто направится к горе Фавор: пусть никто не испытывает страха перед этой плотской смертью. Чего следует опасаться, так это духовной смерти, которая приводит нас туда, где будет плач и скрежет зубов, как показывает и уверяет нас святой Матфей.

Signor, saciez-tu or ne s'en ira
En cele terre u diex fu mors et vis,
Et ki la crois d'outre mer ne prendra
A paines mais ira en Paradis:
Ki a en soi pitié et ramembrance
Au haut Seignor, doit guerre sa vengeance,
Et delivrer sa terre et son pays....
Or s'en iront cil vaillant bacheler
Ki aiment Dieu et l'oneur de cest mont
Ki sagement voilent à Dieu aler,
Et li morveux, li cendreus demourront:
Avugle sunt, de ce ne dont je mie,
Ki au secours ne font Dieu en sa vie
Et por si poc pert la gloire del mont.
Diex se laissa per nos en crois pener;
Et nous dira au jour où tuit venront:
"Vos, ki ma crois m'aidâtes à porfer,

Vos en irez là où li angele sont;
Là me verrez, et ma Mère Marie;
Et vos, par qui je n'oi onques aie,
Descendez tuit en enfer le parfонт.”[167]

—Тибо, король Наварры. Он принял крест в 1236 году; он отправился из Марселя в августе месяце 1238 или 1239 года.

№ 31.

О погребальных церемониях пруссаков.

Когда умирал человек, особенно знатный, его сажали на сиденье среди его семьи и друзей, которые говорили ему: “Привет! разве у тебя не было удобного дома и красивой жены, почему ты умер? Разве у тебя не было больших стад, быстрых лошадей и собак с верным нюхом? Что изгнало тебя из этого мира?” Затем они разложили сокровища покойного, задавая ему те же вопросы; и поскольку он на них ничего не ответил, присутствовавшие поручили ему передать послания своим умершим друзьям и родственникам.[168] Они сделали умершим похоронные подарки: для мужчин это был меч, чтобы защитить их от врагов; для женщин это были иголка с ниткой, с помощью которых они могли бы починить свою одежду во время долгого путешествия. Бедных хоронили, богатых сжигали на погребальной могиле.[169] Родственники сопровождали конвой верхом на лошадях с мечами в руках, издавая крики, отгоняющие злых духов. Прибыв на место церемонии, кортеж трижды обошел вокруг кучи, повторяя эти слова: “Хиллоа! почему ты ушел из жизни?” Вместе с мертвыми они сжигали домашнее имущество, лошадей, собак, соколов, все, что служило нуждам или удовольствиям умершего на земле; иногда даже жен и рабынь, которые были привязаны к нему, бросали в подожженную кучу. Панегиристы, которых они называли *талисманами*[170] и *лигастоны*, произносили панегирики умершему; и пока пламя поднималось к небесам, им казалось, что они видят его в облаках, верхом на белом коне, облаченным в блестящие доспехи, держащим три звезды в правой руке, сокола в левой и продвигаясь к другому миру во всем великолепии силы и славы.

№ 32.

Письмо графа Артуа после взятия Дамьетты.

Его превосходнейшей и очень дорогой матери Бланш, милостью Божьей, прославленной королеве Франции, Роберту, графу д'Артуа, ее преданному сыну, приветствие, сыновняя почтительность и воля, всегда послушная ее воле. Поскольку вы проявляете большой интерес к нашему процветанию, к нашему и к христианскому народу, когда вы узнаете их с уверенностью, ваше превосходительство, без сомнения, возрадуется, узнав, что господь, наш брат и король, королева и ее сестра, а также мы сами, наслаждаемся, благодаря Богу, совершенным здоровьем. Мы горячо желаем, чтобы вы могли насладиться подобным. Наш дорогой брат, граф Анжуйский, все еще страдает от своей квартановой лихорадки, но она менее сильна, чем была. Господь, наш брат, с баронами и паломниками, которые провели зиму на острове Кипр, собрались на борту своих судов в порту Лимиссо вечером Вознесения, чтобы выступить против

врагов христианской веры. После долгих трудов и сильного противодействия со стороны ветров они прибыли под покровительством Бога в пятницу после Троицы, ближе к полудню, к побережью, где, бросив якорь, собрались на королевском корабле, чтобы обсудить, что им делать. Когда они увидели перед собой Дамьетту и порт, охраняемый великим множеством варваров, как конных, так и пеших, а устье реки покрыто большим количеством вооруженных судов, было решено, что на следующий день все они должны высадиться вместе с нашим господином королем.

На следующий день христианская армия, покинув большие суда, спустилась на галеры и маленькие лодки. Полные уверенности в милосердии Божьем и в помощи святого креста, который легат нес рядом с королем, они направили свой курс к берегу и против врага, который выпустил в них множество стрел. Тем не менее, поскольку маленькие лодки из-за слишком большой глубины моря не могли пристать к берегу, христианская армия, предоставив свои лодки заботам Провидения, бросилась в море и добралась до суши, хотя и нагруженная своим вооружением. Хотя множество турок защищало берега от христиан, тем не менее, благодаря Господу нашему Иисусу Христу, последние овладели ими без потерь и убили большое количество конных и пеших воинов, причем некоторых, как мы слышим, с великим именем. Сарацины отступили в город, который был хорошо укреплен рекой, ее стенами и мощными башнями; но Всемогущий Господь сдал его на следующий день, который был октавой Троицы, христианскому войску; сарацины, покинув его, обратились в бегство. Это было сделано по милости одного Бога. Знайте, что те же сарацины оставили город полным всевозможных припасов и боевых машин. Христианская армия, полностью снабдив себя продовольствием, оставила половину для снабжения города. Король, наш повелитель, пребывал там со своей армией и во время своего пребывания распорядился принести с кораблей все, что ему потребуется. Мы сочли за лучшее оставаться здесь до отступления вод Нила, которые, как мы слышали, затопят страну и приведут к большим потерям в христианской армии.

Графиня Анжуйская была заключена на острове Кипр с прекрасным, хорошо сложенным мальчиком, которого она оставила там нянчиться. Дано в лагере Джамас, в год от Рождества Христова 1249, в июне месяце, в канун дня святого Иоанна Крестителя.

№ 33.

Письмо Людовика Святого о его пленении и освобождении.

Людовик, милостью Божьей, король Франции, своим возлюбленным и верным прелатам, баронам, воинам, гражданам, горожанкам и всем другим жителям своего королевства, которым могут быть адресованы эти настоящие письма, приветствие!

Ради чести и славы имени Божьего, желая всей душой продолжить предприятие крестового похода, мы сочли нужным сообщить вам всем, что после взятия Дамьетты, которую Господь наш Иисус Христос по своей неизреченной милости, как чудом, отдал во власть христиан, как вы, несомненно, узнали, по совету нашего совета, мы выступили из этого города в 20-й день ноября прошлого месяца. Наши сухопутные и морские армии были объединены; мы выступили против сарацин, которые собрались вместе и расположились лагерем в месте, в простонародье

называемом Мансура. Во время нашего марша мы выдерживали атаки врага, который постоянно нес значительные потери. В один из дней, среди прочего, были убиты многие бойцы египетской армии, которые пошли в атаку на нашу. Между прочим, мы узнали, что султан Каира только что закончил свою несчастную жизнь; что перед смертью он послал за своим сыном, который находился в восточных провинциях, и заставил всех офицеров своей армии принести присягу на верность этому принцу; и что он оставил командование всеми своими войсками одному из своих эмиров по имени Факр-эддин. По прибытии в указанное мной место мы убедились, что новость верна. Мы прибыли туда в четверг перед праздником Рождества; но мы не смогли приблизиться к сарацинам из-за водного потока, который протекал между двумя армиями, называемого рекой Танис, ручья, который отделяется в этом месте от великой реки Нил. Мы разбили наш лагерь между этими двумя реками, и он простирался от большой реки до малой. У нас было там несколько столкновений с сарацинами, многие из их людей были убиты нашими мечами, но многие из них утонули в водах. Поскольку Танис нельзя было перейти вброд из-за глубины его вод и высоты берегов, мы начали перекидывать через него дамбу, чтобы открыть проход для христианской армии; мы работали над этим много дней с большим трудом, опасностями и затратами. Сарацины противодействовали всем нашим усилиям: они строили машины, чтобы действовать против наших машин; и они разбивали на куски камнями и сжигали своим греческим огнем башни и бревна, которые мы установили на дамбе. Мы почти потеряли всякую надежду перейти реку по дамбе, когда беглый сарацин сообщил нам о броде, по которому христианская армия могла бы перейти реку. Созвав наших баронов и главных военачальников армии в понедельник, предшествующий Пепельной среде, было решено, что на следующий день, то есть в день покаяния (за три дня до Великого поста), мы должны ранним утром отправиться к месту, указанному для переправы через реку, оставив небольшую часть армии охранять лагерь. На следующий день, выстроив наши войска в боевом порядке, мы направились к броду и переправились через реку, не без больших опасностей, ибо брод оказался глубже и труднее, чем нам представлялось. Нашим лошадям пришлось плыть, и выбраться из реки было нелегко из-за возвышенности берегов, которые к тому же были очень илистыми. Переправившись через реку, мы прибыли к месту, где сарацины установили машины перед нашей дамбой. Наш авангард, атакуя врага, убил огромное количество людей, не щадя ни пола, ни возраста. Среди них сарацины потеряли генерала и нескольких эмиров. После того, как наши войска рассеялись по стране, некоторые из наших солдат прошли через лагерь врага и прибыли в деревню под названием Мансура, убивая всех, кого встречали; но сарацины, заметив неосторожность наших людей, вновь обрели мужество и напали на них, окружив их со всех сторон и превосходя численностью. Последовала великая резня наших баронов и воинов, духовенства, а также других лиц, о которых мы не без оснований сожалели и о гибели которых мы все еще продолжаем сожалеть. Там мы потеряли также нашего храброго и прославленного брата, графа д'Артуа, достойного вечной памяти. С горечью в сердце мы вспоминаем об этой болезненной утрате, хотя нам следовало бы радоваться ей; ибо мы верим и надеемся, что, приняв мученический венец, он отошел в небесную страну и там наслаждается наградой, присуждаемой святым мученикам. В тот день сарацины обрушились на нас со всех сторон и осыпали наши войска градом стрел, мы выдерживали их яростные атаки до девятого часа, хотя были совершенно без помощи наших арбалетчиков.^[171] В конце концов, после того, как большое количество наших воинов и лошадей было убито и ранено, с помощью нашего Господа мы сохранили наши позиции, и, собравшись с силами, мы отправились в тот же день и разбили наши палатки рядом с машинами сарацин. Мы остались там с небольшим количеством наших людей и соорудили мост из лодок, чтобы те, кто был на другом берегу реки, могли прийти к нам.

На следующий день многие из них переправились через реку и разбили лагерь недалеко от нас. Затем машины сарацин были уничтожены, и наши солдаты смогли свободно и безопасно переходить из одной армии в другую по лодочному мосту. В следующую пятницу дети погибли, собрав свои силы со всех сторон с намерением истребить христианскую армию, пошли в атаку на наши позиции с большой дерзостью и бесконечным числом. Потрясение было настолько ужасным с обеих сторон, что, как говорят, подобного никто никогда не видел на этих берегах. С помощью Божьей мы отстояли свои позиции со всех сторон; мы дали отпор врагу, и многие из них пали под нашими ударами. Через несколько дней сын покойного султана, возвращавшийся из восточных провинций, прибыл в Мансуру. Египтяне приняли его как своего господина и с восторгом. Его прибытие удвоило их мужество; но с этого момента, мы не знаем, по какому Божьему приговору, все с нашей стороны пошло вразрез с нашими желаниями. В нашей армии вспыхнула заразная болезнь, уносившая людей и животных таким образом, что очень немногим не пришлось пожалеть товарищей или ухаживать за больными. Христианская армия за очень короткое время значительно поредела. Продовольствия было так мало, что многие умирали от нужды и голода, ибо лодки Дамиетты не могли доставить армии провизию, погруженную на реку, потому что суда пиратов и врага перекрывали проход. Они даже захватили множество наших лодок, а затем захватили подряд два каравана, которые везли нам провизию, и убили большое количество моряков и других людей, входивших в их состав. Крайняя нехватка продовольствия и фуража посеяла опустошение и ужас по всей армии, а понесенные нами потери вынудили нас оставить наши позиции и вернуться в Дамиетту, если на то была воля Божья; *но поскольку пути человека находятся не в нем самом, а в Том, кто направляет его шаги и распоряжается всеми вещами согласно его воле*, пока мы были в пути, то есть 5 апреля месяца, сарацины, собрав все свои силы, напали на христианскую армию и с разрешения Бога атаковали ее. Бог, и из-за наших грехов мы попали во власть врага. Мы и наши дорогие братья, графы Анжу и Пуатье, а также другие, кто возвращался с нами по суше, все были взяты в плен. Большая часть тех, кто возвращался по реке, таким же образом были либо взяты в плен, либо убиты. Суда, на борту которых они находились, в основном были сожжены вместе с находившимися в них больными. Через несколько дней после нашего пленения султан предложил нам перемирие; он серьезно, но без угроз потребовал, чтобы Дамиетта и все, что в ней находится, были без промедления переданы ему; и чтобы ему возместили все потери и все расходы, которые он понес до этого дня, с того момента, как христиане вошли в Дамиетту. После многих конференций мы заключили с ним перемирие на десять лет на следующих условиях:—

Султан освободит из тюрьмы и позволит отправиться туда, куда мы пожелаем, нас самих и всех, кто был взят в плен с момента нашего прибытия в Египет, и всех других христиан, из какой бы страны они ни были, которые были взяты в плен с тех пор, как султан Камель, дед нынешнего султана, заключил перемирие с императором; христиане сохраняют в мире все земли, которыми они владели в Иерусалимском королевстве на момент нашего прибытия. Со своей стороны, мы соглашаемся сдать Дамиетту с восемьюстами тысячами сарацин-византийцев за освобождение пленников и за убытки и издержки, о которых мы только что говорили (мы уже заплатили четыреста), и освободить всех сарацинских пленников, захваченных христианами с тех пор, как мы были в Египте, а также тех, кто был пленен в Иерусалимском королевстве с момента заключения перемирия между вышеупомянутым султаном и вышеупомянутым императором. Все наше домашнее имущество и имущество всех других, кто был в Дамиетте, после нашего отъезда будет передано под опеку султана и перевезено в страну христиан, когда представится возможность. Все больные христиане и те, кто останется в Дамиетте, чтобы продать то, что у них

там есть, будут в равной безопасности и отправятся либо по суше, либо по морю, когда им заблагорассудится, без препятствий или приставаний. Султан был обязан предоставить безопасный пропуск в христианские страны тем, кто пожелает отправиться по суше.

Это перемирие, заключенное с султаном, только что было скреплено клятвой с обеих сторон, и султан уже выступил в поход, чтобы отправиться со своей армией в Дамьетту и выполнить поставленные условия, когда, по воле Божьей, несколько сарацинских воинов, несомненно, при попустительстве большей части армии, напали на султана в тот момент, когда он вставал из-за стола, и тяжело ранили его. Султан, несмотря на это, вышел из своего шатра, надеясь спастись бегством; но он был убит ударами мечей в присутствии почти всех эмиров и множества других сарацин. После этого многие сарадины в первые минуты своей ярости пришли с оружием в руках к нашей палатке, как будто они хотели, и как многие среди нас боялись, убить и нас, и других христиан; но божественное милосердие успокоило их ярость, и они настаивали на том, чтобы мы выполнили условия перемирия. Однако их слова и просьбы перемежались ужасными угрозами: наконец, по воле Бога, который есть отец милосердия, утешитель страждущих и который прислушивается к стенаниям своих слуг, мы подтвердили новой клятвой перемирие, заключенное нами с султаном. Мы получили от всех и от каждого из них в частности аналогичную клятву, данную в соответствии с их законом, соблюдать условия перемирия. Было назначено время для сдачи пленных и города Дамьетта. Не без труда мы договорились с султаном об отказе от этого места; не без труда мы снова договорились с эмирами. Поскольку у нас не могло быть надежды удержать его, после того, что нам сказали те, кто вернулся из Дамьетты, и кто знал истинное положение вещей; по совету баронов Франции и многих других, мы рассудили, что для христианского мира будет лучше, если мы и другие пленники будем освобождены посредством перемирия, чем удерживать этот город с остатками христиан, которые были в нем, нас и других оставшихся пленников, подвергающихся всем опасностям такого пленения. По этой причине в назначенный день эмиры взяли город Дамьетту, после чего они освободили нас, нас самих, наших братьев, графов Фландрии, Бретани и Суассона, а также многих других баронов и воинов королевств Франции, Иерусалима и Кипра. Тогда у нас была твердая надежда, что они выдадут и освободят всех остальных христиан и что, согласно смыслу договора, они сдержат свои клятвы.

Сделав это, мы покинули Египет, оставив людей, которым было поручено принять пленников из рук сарацин и позаботиться о вещах, которые мы не могли вывезти из-за отсутствия судов для их перевозки. По нашем прибытии сюда мы послали суда и комиссаров в Египет, чтобы забрать пленных; ибо освобождение этих пленных является предметом всей нашей заботы; и другие вещи, которые мы оставили позади, такие как машины, оружие, палатки, определенное количество лошадей и несколько других предметов; но эмиры надолго задержали наших комиссаров в Каире, которым они, в конце концов, доставили только четыреста пленных из двенадцати тысяч, находящихся в Египте. Некоторые из них были освобождены только после выплаты денег. Что касается остального, эмиры ничего не захотели восстанавливать; но что самое отвратительное, после заключенного перемирия, которому они присягнули, согласно рассказам наших комиссаров и достойных доверия пленников, вернувшихся из этой страны, они выбрали из числа своих пленников нескольких молодых людей, которых они заставили, подняв меч над их головами, отречься от католической веры и принять закон Магомета, что многие имели слабость сделать; но другие, подобно отважным спортсменам, укоренившимся в

своей вере и постоянно упорствующим в своей твердой решимости, были вынуждены отказаться от католической веры. не были тронуты ни угрозами, ни ударами врагов и приняли мученический венец. Мы не сомневаемся, что их кровь взывает к Господу за христианский народ; в небесном суде они будут нашими защитниками перед Верховным Судьей; и они будут более полезны нам в этой стране, чем если бы мы смогли удержать их на земле. Мусульмане также убили многих христиан, которые остались больными в Дамiette. Хотя мы должны были соблюдать условия договора, который мы заключили с ними, и всегда были готовы соблюдать их, у нас не было уверенности в том, что христианские пленники будут освобождены или что нам вернут то, что принадлежало нам. Когда перемирие было заключено и произошло наше освобождение, у нас была твердая уверенность, что страна за морем, оккупированная христианами, останется в состоянии мира до истечения срока перемирия; и у нас было как желание, так и намерение вернуться во Францию. Мы уже готовились к нашему переходу; но когда мы ясно поняли из того, что мы только что рассказали, что эмиры открыто нарушают перемирие и, пренебрегая своей клятвой, не побоялись посмеяться над нами и христианским миром, мы собрали баронов Франции, прелатов, рыцарей Храма, Госпитальеров, Тевтонского ордена и баронов Иерусалимского королевства и посоветовались с ними о том, что лучше всего сделать. Большинство придерживалось мнения, что если бы мы вернулись в этот момент и покинули эту страну, которую мы были на грани потери, это полностью подвергло бы ее нападению сарацин, особенно в том состоянии нищеты и слабости, до которого она была доведена, и мы могли бы считать освобождение христианских пленников, находящихся сейчас во власти врага, потерянным и безнадежным. Если бы, напротив, мы остались, у нас были надежды, что время принесет что-то благоприятное, такое как освобождение пленников, сохранение замков и крепостей Иерусалимского королевства и другие преимущества для христианского мира; особенно после того, как возникли разногласия между султаном Алеппо и теми, кто правил в Каире. Султан уже, собрав свои армии, овладел Дамаском и несколькими замками, принадлежащими правителю Каира. Говорят, он собирается прийти в Египет, чтобы отомстить за смерть султана, которого убили эмиры, и сделать себя хозяином, если сможет, всей страны. Исходя из этих соображений и сочувствуя страданиям и деградации Святой Земли, мы, пришедшие ей на помощь, сожалея о пленении и горестях наших пленников, хотя многие отговаривают нас от дальнейшего пребывания за морями, мы предпочли отложить наш переход и еще некоторое время оставаться в Сирии, чем полностью отказаться от дела Христа и оставить наших пленников подвергнутыми стольким большим опасностям. Но мы решили отправить обратно во Францию наших дорогих братьев, графов Пуатье и Анжу, для утешения нашей дорогой леди и матери и всего королевства. Поскольку все те, кто носит имя христиан, должны быть преисполнены рвения к задуманному нами предприятию, и вы в особенности, которые произошли от крови тех, кого Господь избрал в качестве привилегированного народа, для завоевания Святой Земли, которую вы должны рассматривать как свою собственность, мы приглашаем вас всех служить Тому, кто служил вам на кресте, проливая свою кровь за ваше спасение; ибо этот преступный народ, в дополнение к богохульствам, которые они изрыгали в присутствии христиан против Создателя, бил по кресту розгами, плевал на него и оскорблял Создателя. растоптали его ногами в ненависти к христианской вере.

Тогда мужайтесь, воины Христа! вооружайтесь и будьте готовы отомстить за эти бесчинства и оскорбления. Берите пример со своих предков, которые отличились среди всех народов своей преданностью, искренностью своей веры и наполнили вселенную славой своих благородных поступков. Мы шли впереди вас в служении Богу. Приходи и присоединяйся к нам. Хотя вы

придете поздно, вы получите от Господа вознаграждение, которое отец семейства в Евангелии даровал без различия работникам, пришедшим работать в виноградник в конце дня, как и работникам, пришедшим в его начале. Те, кто придет или пришлет помощь, пока мы здесь, получат, в дополнение к индульгенциям, обещанным крестоносцам, благосклонность Бога и людей. Итак, готовьтесь, и пусть те, кого добродетель Всевышнего вдохновит либо прийти самим, либо прислать помощь, будут готовы к апрелю или маю следующего месяца. Что же касается тех, кто не может быть готов к первому отрывку, то пусть они, по крайней мере, будут в состоянии составить то, что будет происходить в связи с праздником Святого Иоанна. Природа предприятия требует оперативности, и каждая задержка должна привести к фатальным последствиям. Ибо вы, прелаты и другие, верные слуги Христа, помогаете нашему делу Всевышним горячими молитвами; прикажите, чтобы это делалось во всех местах, находящихся под вашим руководством, чтобы они могли получить для нас от божественного милосердия благословения, которых наши грехи делают нас недостойными.

Совершено в Акко, в год от Рождества Христова 1250, в августе месяце

№ 34.

Список великих офицеров или рыцарей, следовавших за Людовиком Святым в Тунис, согласно Соглашениям, заключенным между ними и королем в 1269 году, как изложено в Рукописи, из которой взят этот Список; рукопись эта была унаследована месье Мале де Гравилем, бывшим адмиралом, и была напечатана в конце Предисловия к Истории Людовика Святого, Жуанвилем, издание Лувра.

Монсеньор де Валери должен отправиться сам и тридцать рыцарей, и король должен дать ему восемь тысяч турнских ливров, и он должен обеспечить кормом своих королевских лошадей во время путешествия; но они не должны быть накормлены при дворе (*n'auront pas bouche à court*), и он и его люди должны остаться на год, этот год начнется, как только они прибудут на сушу; и если случится так, что по соглашению или в силу морских случайностей они останутся на каком-нибудь острове с королем, то он и его люди останутся на год, как только они прибудут на сушу. согласно которому они должны оставаться с морем позади, год должен начинаться с их пребывания, и рыцарям должна быть выплачена половина их взносов в начале года, а другая половина по истечении первой половины; и если требуется знать, что должно быть разрешено каждому знаменосцу, то это должны быть две лошади; и каждому рыцарю, не знаменосцу, по одной лошади; и лошадей должен нести грум, который будет заботиться о них; так что у грумов под присмотром по шесть лошадей у каждого.^[172] Коннетабль отправится туда же, он и пятнадцать рыцарей, на тех же условиях, что и сьер де Валери, но он получит от короля только четыре тысячи турских ливров.

Монсеньор Флоран де Варанн, адмирал, отправится туда на тех же условиях сам и с двенадцатью рыцарями и получит от короля три тысячи двести турнских ливров.

Господин Рауль д'Эстре, маршал, тоже поедет на тех же условиях, сам и шесть рыцарей, и получит тысячу шестьсот турских ливров.

Монсеньор Ланселот де Сен-Марк, маршал, отправляется на тех же условиях, сам и пять рыцарей, и получает тысячу четыреста турских ливров.

Господин Пьер де Молен поедет сам и пять рыцарей на тех же условиях, за исключением того, что он и его спутники будут обедать при дворе и получают от короля тысячу четыреста турнских ливров и четыреста ливров в подарок.

Месье Коллар де Молен, его брат, уйдет на тех же условиях и в том же порядке, что и месье Пьер, его брат.

Господин Жиль де ла Турнерель поедет сам и четыре рыцаря на тех же условиях и будет питаться при дворе.

Господин Мальри де Руа поедет сам и восемь рыцарей на тех же условиях, и будет питаться при дворе, и получит две тысячи ливров, и двести ливров отдельно для себя.

Господин Жерар де Мортруаз отправится сам и десять рыцарей, чтобы получить три тысячи турских ливров.

Господин Рауль де Нил, он сам и пятнадцать рыцарей, получают четыре тысячи турских ливров и будут питаться за свой счет *(в общежитии для сыновей)*.

Монсеньору Альмори де Мелану лично и пятнадцати рыцарям - четыре тысячи турнских ливров, и они будут питаться за свой счет.

Господину Осо д'Оффемону, ему самому и десяти рыцарям, две тысячи шестьсот турских ливров, и он будет питаться за счет короля *(в королевском отеле)*.

Рауль де Фламан, шесть рыцарей; Болдуин де Лонгваль, четыре рыцаря; Луи де Бинжен, десять рыцарей; Жан де Вилль, четыре рыцаря; Мальри де Турнель, четыре рыцаря; Уильям де Куртенэ, десять рыцарей; Уильям де Патэ, он сам, его брат и многие другие, все получают жалованье пропорционально количеству своих рыцарей и все питаются за счет короля *(в королевском отеле)*.

Архиепископ Реймса получит 1111 млн. фунтов стерлингов

Епископ Ленгресский получит 1111 млн. фунтов стерлингов и судно для своих тридцати двух рыцарей.

Господин Робер де Буа-Генселен, совершенно один, сто шестьдесят ливров на питание за счет короля. Пьер де Санс, Этьен Гош, Мэси Делен, все те же, то есть совершенно одни, получают сто шестьдесят ливров, или, как говорится в тексте, восемь по двадцать ливров каждому, и питаются за счет короля.

Господину Жилю де Майи, ему самому и десяти рыцарям, три тысячи ливров, проезд и возвращение за лошадьми; обедайте при дворе.

Мсье Итьен де Мориньяк, он сам и пять рыцарей, тысяча двести ливров, проезд и возвращение за лошадьми; обедайте при дворе.

Фурье де Вернейль - за себя и четырех рыцарей, тысяча двести ливров, и питание за счет короля.

Месье Гийому де Френе, десять рыцарей, две тысячи шестьсот ливров и питание за счет короля. Граф де Гайн, точно такой же.

Графу де Сен-Полю, ему лично и тридцати рыцарям за проезд и возвращение лошадей, за еду и за все остальное - двенадцать тысяч ливров и две тысячи личных подарков.

Господин Ламбер де Лимон, он сам и десять рыцарей, получающих королевское жалованье, то есть каждому по десять турецких солей в сутки и не имеющих права питаться при дворе, составляют тысячу восемьсот двадцать пять ливров.

Сам господин Жерар де Кампанду и пятнадцать рыцарей на королевском жалованье не будут обедать при дворе, как это было с господином Ламбером, за две тысячи семьсот тридцать семь ливров десять турецких солей.

Жалованье мсье Раймона Алана, его самого и пяти рыцарей, выплачиваемое королем, составляет девятьсот двенадцать ливров десять турецких солей.

Господин Жан де Дебен, он сам и десять рыцарей, три тысячи ливров, проезд и обратная дорога на шести лошадях, будут питаться при дворе.

Маршал де Шампань отправится с десятью рыцарями и ничего не получит от короля.

Месье Гайяр Дарль, он сам и пятеро из королевского жалованья, девятьсот двенадцать ливров десять солей.

Мсье Гильяму де Фландрскому, лично и двадцати рыцарям, шесть тысяч ливров, проезд и возвращение за его лошадьми, и он будет питаться при дворе.

Господину Оберу де Лонгвалю лично и пяти рыцарям - тысяча сто ливров, проезд и возвращение за лошадьми, а также питание при дворе.

№ 35.

Наставления Людовика Святого, адресованные на смертном одре Филиппу ле Арди. [173]

Дорогой Сын, Поскольку самым искренним желанием моего сердца является то, чтобы ты был хорошо информирован по всем предметам, я думаю, что ты сможешь извлечь много уроков из этого письма; я часто слышал, как ты говорил, что ты лучше сохраняешь то, что исходит от меня, чем от любого другого человека.

Дорогой Сын, мое первое наставление тебе состоит в том, что ты должен любить Бога всем своим сердцем и всей своей силой, ибо без этого все, что ты делаешь, ничего не стоит: ты должен избегать всего, что, по твоему мнению, может вызвать его неудовольствие и что находится в твоей власти, и особенно ты должен иметь такую твердую решимость, что ты не совершишь смертный грех из-за всего, что может случиться с тобой, и что ты скорее допустишь, чтобы все твои члены были отрублены, а твоя жизнь лишена самого жестокого мученичества, чем сознательно совершаешь смертный грех.

Если наш Господь поразит тебя каким-либо преследованием, болезнью или чем-то другим, ты должен переносить страдания с радостью, благодарить его за это и быть довольным; ибо ты должен думать, что он сделал это для твоего блага, и ты должен далее думать, что ты заслужил это, и еще больше, если на то будет его воля; потому что ты слишком мало служил ему или слишком мало любил его, и потому что ты многое делал против его воли.

Если нашему Господу будет угодно послать тебе какое-либо процветание, телесное здоровье или что-либо другое, ты должен смиренно поблагодарить его и быть очень осторожным, чтобы не унижить себя гордыней или каким-либо другим оскорблением; ибо это великий грех - вести войну против Господа его собственными дарами.

Дорогой Сын, я советую тебе часто исповедоваться и всегда выбирать исповедника святой жизни и достаточных знаний, от которого ты можешь получить наставления о том, чего тебе следует избегать, и о том, что тебе следует делать; и веди себя так, чтобы твои исповедники и друзья могли смело наставлять и обличать тебя.

Дорогой Сын, я советую тебе охотно слушать службу Святой Церкви, и когда ты находишься в часовне, остерегайся произносить пустые слова. Повторяйте свои молитвы с искренним вниманием, устно или мысленно, и будьте особенно наблюдательны, когда тело нашего Господа будет присутствовать на мессе.

Дорогой Сын, имей сострадательное сердце к бедным и к тем, кто, как ты думаешь, испытывает душевные или телесные страдания, и по мере сил твоих охотно утешай их утешением или милостыней. Если у тебя болит сердце, скажи это своему духовнику или любому другому человеку, которого ты считаешь верным и способным сохранить твою тайну: чтобы ты всегда был спокоен, никогда не делай ничего, о чем ты не можешь рассказать.

Дорогой Сын, охотно общайся с хорошими людьми, религиозными или светскими, но избегай общества нечестивых; охотно веди добрые беседы с добрыми и охотно слушай, как о нашем Господе говорят в проповедях; и наедине искренне проси прощения. Люби хорошее в других и ненавидь зло, и никогда не допускай, чтобы в твоём присутствии произносились слова, которые могут привести людей ко греху, никогда добровольно не слыши, как о других говорят плохо, или какие-либо слова, которые могут порочить нашего Господа, или Богоматерь, или святых. Никогда не терпи подобных речей, не осудив их; и если они исходят от клерка или такой важной персоны, что ты не можешь его наказать, передай это тому, кто может вершить правосудие за это.

Дорогой Сын, постарайся быть таким хорошим во всем, чтобы казалось, что ты благодарен за благословения и почести, которыми Бог осыпал тебя, чтобы, если Господу нашему будет угодно, чтобы ты удостоился чести управлять королевством, ты был достоин получить святое помазание, которым посвящаются короли Франции.

Дорогой сын, если ты хочешь достичь царства, позаботься о том, чтобы обладать качествами, присущими королям; то есть будь таким справедливым, чтобы никогда не уклоняться от правосудия, что бы с тобой ни случилось. *Если между бедняком и богачом возникнет ссора, встань на сторону бедняка против богача, пока не установишь истину, а когда узнаешь ее, поступи справедливо.* Если случится так, что у тебя возникнет спор с другим человеком, отстаивай интересы незнакомца перед своим советом: не проявляй чрезмерной настойчивости

в своей ссоре, пока не убедишься в истине; ибо члены твоего совета могут побояться выступить против тебя, чего тебе не следует желать.

Дорогой сын, если ты узнаешь, что тебе что-то досталось незаконно, будь то в твое собственное время или во времена твоих предков, немедленно верни это, каким бы серьезным ни было дело, в виде земли, денег или другого имущества. Если дело темное, так что ты не можешь прийти к истине, заключи такой мир, согласно совету достойных людей, чтобы твоя душа или душа твоих предков могла быть полностью освобождена от него; и если когда-нибудь ты услышишь, что твои предки произвели какое-либо возмещение ущерба, приложи большие усилия, чтобы узнать, не осталось ли еще чего-нибудь, что можно было бы восстановить; и если ты обнаружишь, что это так, немедленно произведи возмещение ущерба для блага твоей души и души твоих предков. Будь усерден защищать на своих территориях всевозможных людей, особенно лиц, принадлежащих к святой Церкви; защищай их от ущерба как личности, так и имуществу, и в этой связи я напоминаю тебе высказывание короля Филиппа, одного из моих предков, поскольку один из членов его совета сказал мне, что слышал, как он его произносил. Однажды король был на заседании своего тайного совета, и некоторые из его советников сказали, что клерки причинили ему большое зло, и они удивлялись, что он это перенес. Он ответил: “Я считаю, что они причиняют мне большое зло; но когда я думаю о почестях, которыми наградил меня наш Господь, я, безусловно, предпочитаю терпеть свои потери или увечья, чем делать что-либо, что могло бы вызвать недоразумение между мной и святой Церковью”. Я повторяю это тебе, чтобы ты не верил легкомысленно тем, кто говорит против лиц, связанных со святой Церковью. Таким образом, почитайте и защищайте их, чтобы они могли спокойно совершать служение нашему Господу. Я учу тебя этому, чтобы ты мог главным образом любить религиозных людей и помогать им в их нуждах; и тех, кто, по твоему мнению, лучше всего почитает и служит нашему Господу, таких люби больше, чем других.

Дорогой сын, я желаю, чтобы ты любил и почитал свою мать, и чтобы ты охотно принимал и соблюдал ее добрые наставления, и был склонен доверять ее добрым советам; люби своих братьев и всегда следи за их благом и их продвижением; будь для них вместо отца, веди их ко всему хорошему; но позаботься о том, чтобы из любви к кому-либо ты не отступал от правильных действий и не делал ничего, чего не следовало бы делать.

Дорогой Сын, я советую тебе, что все благодеяния святой Церкви, которые ты должен будешь даровать, будут переданы лицам, признанным достойными великим советом *благоразумных людей*; и мне кажется, лучше, чтобы ты давал тем, у кого ничего нет, и они будут хорошо использовать твои дары, если ты будешь усердно их искать.

Дорогой Сын, я советую тебе избегать, насколько это возможно, вступать в войну с любым христианином; и, если кто-нибудь причинит тебе зло, постарайся всеми средствами узнать, нет ли способа отстоять свое право, не вступая в войну, заметив, что это означает избегать грехов, которые совершаются на войне. И если случится так, что тебе подобает это сделать, или что кто-либо из твоих людей не справится со своим долгом, или совершит зло против какой-либо церкви, или какого-либо бедняка вообще, и не захочет загладить свою вину, за что или по какой-либо разумной причине тебе подобает начать войну, *тщательно отдай приказ, чтобы бедные люди, которые не совершили ни преступления, ни оскорбления, были защищены, не позволяй причинять им вред ни огнем, ни другими средствами*; ибо для тебя будет гораздо лучше сразиться со злодеем и взять его замки штурмом или осадой: но обязательно получи

хороший совет, прежде чем вступать в какую-либо войну; будь уверен, что дело совершенно правое, что ты призвал злодея и ждал столько, сколько позволит твой долг.

Дорогой Сын, я советую тебе, что когда в твоих владениях возникнут войны между твоими людьми, ты должен приложить все возможные усилия, чтобы умиротворить их; ибо это угодно нашему Господу; и мессир Сен-Мартин привел очень яркий пример этого, ибо он отправился восстанавливать согласие среди клерков, находившихся во дворце архиепископа, хотя в то время он знал от нашего Господа, что должен умереть; и ему казалось, что, поступив так, он достойно закончил свою жизнь.

Дорогой Сын, будь уверен, что у тебя есть хорошие судьи и начальники в твоих владениях, и часто проверяй, поступают ли они справедливо, и никому ли они не причиняют зла, и действуют ли они так, как должны; точно так же будь уверен, что те, кто живет при твоём дворе (*общежитии*), не совершают несправедливости; ибо, как бы ты ни ненавидел причинять зло другим, ты должен еще больше ненавидеть зло, которое должно исходить от тех, кто получает от тебя силу, и должен очень остерегаться, чтобы этого никогда не случилось.

Дорогой Сын, я советую тебе всегда быть преданным Римской церкви и нашему святому отцу папе римскому и оказывать ему уважение и почести, подобающие твоему духовному отцу.

Дорогой Сын, даруй силу свободно людям с благими намерениями, которые знают, как правильно ею пользоваться, и приложи все усилия, чтобы удалить все грехи с твоей территории, то есть нечестивую брань и все, что может быть сказано или сделано с неуважением к Богу, Богоматери или святым; плотские грехи, игру в кости, пьянство в тавернах и другие пороки. Подавляй в своих владениях мудро и осмотрительно всех мятежников и предателей, выступающих против твоей власти; изгоняй их и всех недоброжелательно настроенных людей с земли, пока она не будет полностью очищена от них. Когда, по мудрому совету достойных людей, ты услышишь о каком-либо добром деле, которое нужно совершить, распространяй его всеми доступными тебе средствами, приводя доказательства того, что ты признаешь благословения, которыми наш Господь наградил тебя, и что ты готов отблагодарить его за них.

Дорогой Сын, я советую тебе очень позаботиться о том, чтобы деньги, которые ты будешь тратить, были потрачены должным образом, и, более того, чтобы они были справедливо взысканы: это то, к чему я хотел бы, чтобы ты был особенно внимателен; то есть, избегай непомерных расходов и несправедливого вымогательства, пусть твои деньги будут справедливо получены и хорошо использованы; и этому да научит тебя наш Господь, со всем, что может быть прибыльным и подходящим для тебя!

Дорогой Сын, я молю тебя, если Господу нашему будет угодно, чтобы я покинул эту жизнь раньше тебя, чтобы ты помог мне мессами и молитвами, и чтобы ты разослал их конгрегациям королевства Франции, чтобы они возносили молитвы за мою душу, и чтобы ты пожелал, чтобы наш Господь даровал мне участие во всех добрых делах, которые ты совершишь.

Дорогой Сын, я даю тебе все благословения, которые отец может и должен дать сыну, и я молюсь Господу нашему Иисусу Христу, чтобы по его великой милости, молитвами и заслугами его благословенной матери Девы Марии, и ангелов и архангелов, и всех святых мужского и женского пола он сохранил и защитил тебя от совершения всего, что может быть против его

воли, и чтобы он дал тебе благодать исполнять его волю, и чтобы ты служил ему и почитал его; и пусть он дарует тебе и мне, по своей безграничной щедрости, все, что может быть против его воли. чтобы после этой смертной жизни мы могли прийти к нему для жизни вечной, туда, где мы могли бы видеть его, любить его и бесконечно восхвалять его. Аминь.

Ему да будет вся слава, честь и хвала, который есть единый Бог с Отцом и Святым Духом, без начала и без конца. Аминь.

№ 36.

Эдуард I, король Англии.

Поскольку наш автор мало что сказал, чтобы показать английским читателям, какую роль этот один из их величайших королей сыграл в священных войнах, мы предлагаем выдержку из хрониста Уолтера Хемингфорда, каноника Гиссебурна, о котором Мишо высоко отзывается.

Эдуард, сын Генриха III, принимал участие в крестовом походе Людовика IX. Незадолго до праздника Святого Михаила он отправился в Эг-Морт, где сел на корабль, а через десять дней высадился в Карфагене и был с большой радостью принят находившимися там христианскими князьями, то есть Филиппом Французским, который только что наследовал Людовику IX, своему отцу; Карлом, королем Сицилии, и королем Наварры. Уолтер рассказывает, что Эдуард испытывал отвращение к договору, заключенному между христианскими королями и королем Туниса, и не хотел принимать в нем участия. Английский принц отправился в Акру с тысячей отборных воинов и остановился на месяц, чтобы освежить свои войска и познакомиться со страной. В конце месяца к нему присоединилось много христиан, и, покинув Акру во главе семи тысяч человек, он прошел маршем на расстояние двадцати лиг от этого города, взял Назарет и убил большое количество сарацин. Затем армия вернулась в Акко, но за ней последовал враг, который надеялся застать их врасплох в какой-нибудь долине или ограниченном месте. Христиане, узнав об их намерениях, встали лицом к лицу, многих убили, а остальных обратили в бегство.

Ближе к празднику святого Иоанна Эдуард, узнав, что сарацины находятся в пределах пятнадцати миль от Акко, выступил, напал на них на рассвете, убил около тысячи из них, а остальных обратил в бегство. Имя Эдварда вскоре распространилось среди врагов Христа, и, начиная бояться его, они придумали средства избавиться от него. Великий эмир Яффы, притворяясь, что желает обратиться в христианскую веру, несколько раз посылал к нему раба с письмами, но тайно обвинял в совершении убийства короля, которое раб исполнил. Но, к счастью, Эдвард избежал последствий с помощью искусных пиявок. Как только он выздоровел, он заключил перемирие на десять лет и вернулся в Европу со своими крестоносцами.

№ 37.

Отверстия в трубах.

Г-н Мишо дал очень длинный отчет об открытиях тронка, из которого мы считаем необходимым предложить нашим читателям лишь небольшую часть, чтобы показать им суть дела. Постоянное повторение названий французских городов и т. Д. с количеством денег, найденных в тронках, никому не может быть интересно.

В низкое воскресенье, 19 апреля, 1517 года, между восемью и девятью часами пополудни, был поднят и унесен трон столичной церкви Святого Стефана Тулузского, закрытый и запертый тремя ключами, опечатанный двумя печатями и помещенный в архиепископский дом упомянутого Тулуза упомянутым комиссаром, казначеем или приемщиком и контролером в присутствии мессира Жеана де Веррамино, каноника и канцлера упомянутой церкви; Томаса ле Франка, настоятеля упомянутой церкви. из упомянутой церкви; Доменго Воссене, Берджесс и несколько других; и на следующий день в присутствии вышеуказанных лиц упомянутый комиссар, приемщик и контролер открыли упомянутый банк, где они взяли и обнаружили для исповедников сумму в шестьсот пятьдесят один ливр, шесть солей, шесть денье полностью, за тысячу сто пятнадцать признаний, которые были розданы; для этого

6с. 51 liv. 6s. 4d. (так в оригинале)

Из других денег, найденных в упомянутом тронке в вышеупомянутый день и год, полученных в связи с помилованием и годовщиной крестового похода, сумма составляет четыреста девяносто девять ливров, пятнадцать солей, четыре турских денье

сi. 499 liv. 15s. 4d.

Из другого открытия "трона Тулузы" на празднике следующего Рождества, в упомянутом 1517 году, сумма в двадцать семь ливров, три сола, девять турнских денье.

27 лив. 3с. 9д.

Из другого вскрытия упомянутого трона Тулузы, сделанного первого мая 1518 года, то есть второго числа 1518 года, в котором была найдена сумма в двести пять ливров, десять солей, шесть турнских денье, как для юбилея, так и для исповеди; для этого

205 лив. 10с. 6д.

Из другого вскрытия, сделанного 7 июня указанного года, была найдена сумма в сто двадцать семь ливров, как для юбилейных, так и для исповедных, для этого

127 лив. 2с.

При открытии церкви Кастанне в Тулузской епархии была найдена сумма в четырнадцать ливров, один соль, пять турнских денье, предназначенная как для исповедников, так и для юбилейных мероприятий; для этого

14 лив. 1с. 5д.

&с. &с. &с.

С момента открытия различных храмов в епархии Тулузы, как в пределах города, так и за его пределами, в 1517 и 1518 годах, многие из которых открывались по нескольку раз, они собрали сумму, которая, таким образом, стоит в конце: *Итоговаяприемнаяæ presentis computi*

3700 ливров. 18s. 6d.

Столь же подробно описано расходование этих денег, из которых мы приведем несколько примеров.

РАСХОДЫ

ИЗ НАСТОЯЩЕГО ОТЧЕТА,

И, ВО-ПЕРВЫХ,

Деньги, выплачиваемые Людям, которые должны за них отчитываться.

Мэтру Жану Гроссье, нотариусу и секретарю короля, нашего повелителя, и от него уполномоченному вести счет и получать денежные средства для крестового похода, предоставленные нашим святейшим отцом папой римским королю, нашему повелителю, в его королевстве и других землях и владениях, присягнувших ему, сумму в полторы тысячи тридцать два ливра, семнадцать солей, четыре турнских денье, которые нынешний получатель должен в счет указанной расписки, которую он составил в отношении денежных средств для указанного крестового похода в указанный город Тулузу, эта сумма была возвращена. выплачено упомянутому Гроссье на основании письменного послания господина нашего короля, данного в Амбуазе 25 января, которое было передано по его увольнению, подписанному его рукой, 26 февраля 1517 года, таким образом, как представляется; и за это

1,532 лив. 17с. 4д.

Упомянутому мэтру Жану Гроссье посредством его письменного отказа от работы, 10 июня одна тысяча пятьсот восемнадцатого года, сумма в размере двухсот сорока восьми ливров, трех турнуаских солей, которую упомянутый получатель должен, по получении упомянутой квитанции, выплатить ему на основании письменного послания короля, нашего повелителя, данного в Амбуазе в последний день апреля, как указано в упомянутом отказе, переданном здесь, как указано; для этого

248 лив. 3с.

Тому же мэтру Жану Гроссье за другое письменное увольнение 20 мая 1520 года, сумма в шестьсот двадцать пять ливров, четырнадцать солей, пять турнских денье, которую упомянутый получатель должен выплатить ему в соответствии с его упомянутым увольнением, приведенным здесь, как указано; за это

625 лив. 14с. 5д.

Прочие расходы, произведенные упомянутым магистром Жаном Клушером по приказу мессира Жосса де ла Гарда, доктора богословия, генерального викария Достопочтенного Отца в Боге, монсеньора архиепископа Тулузского, Комиссара, по приказу Короля, нашего

Господина, по вопросу Крестового похода, и в соответствии с Письмами и Инструкциями, подписанными рукой короля, расшифрованными и представленными в начале настоящего Отчета.

На расходы комиссаров, приемщика, контролера и нотариуса за то, что они отправились с семью лошадьми 22 апреля 1517 года через епархию архиепископства Тулузского за тронками и ящиками, в которых они находились в течение тринадцати дней, сумма в двадцать ливров, девять солей, пять турнуаских денье, которая была выплачена нынешним приемщиком по распоряжению указанного комиссара, как явствует из бумаг, подписанных и заверенных его рукой, и из документов, удостоверяющих их подлинность. Месье Раймон Раффин, каноник столичной церкви Тулузы, контролер, уполномоченный нашим господином королем помочь в сборе денег для упомянутого крестового похода,^[174] содержащий расходы по этому счету, а также содержащий подтверждение оплаты всех указанных расходов вместо квитанции; для этого в документе указано, что сумма

20 лив. 9с. 5д.

Пьеру Ланжьеру шестнадцать турнских солей за то, что он расклеил четыреста предметов и разместил около двухсот из них у дверей и на перекрестках вышеупомянутого Тулуза к празднику Пасхи; за это

16с.

Мессире Пьеру Феррестьеру, Антуану Шассантру и Дюрану Вейсьеру, священникам, за то, что они в указанное время доставили указанные предметы в Монтаструк, Версвей и Кармэн, на сумму в шестьдесят турнских су; это

60-е годы.

Жоржу Руверсу за то, что он изготовил два жестяных ящика, чтобы положить их поверх тронка, на сумму в десять турнских солей; это

10 секунд.

Томасу Ноэлю за то, что он внес пожертвование для упомянутого крестового похода в Тулузе, сумму в шестьдесят три сола, четыре турнских денье; это

63s. 4d.

Жану Дерненту за то, что он оковал железом сундук упомянутого тронка и изготовил для него висячий замок, на сумму одиннадцать ливров, т. е. это

11 лив.

Мастеру Стефану Фабри и Жану Галмару за то, что они отнесли указанные предметы в несколько мест, а также за писчую бумагу и упаковочную нитку для перевязки пакетов, сумма в четыре ливра, два соля, девять турнских денье; это

4 лив. 2с. 9д.

Уильяму Перолю за то, что он отнес несколько исповедей в Ключиак, сумма в двенадцать турнских солей; это

12с.

Лиону де Воклере за четыре висячих замка для упомянутого тронка, сумма в сорок турнских солей; это

40-е годы.

Звонарям церкви святого Стефана Тулузского за то, что они, возможно, были обязаны за то, что на последнем празднике Пасхи прозвонили Помилование в размере шестидесяти турнских солей; это

60-е годы.

Русиньолю за двенадцать матерчатых мешочков, в которые можно положить деньги, в сумме восемь солей шесть турнуаских денье; это

8с. 6д.

Мастеру Жеану Гальмару за то, что он прикрепил троны в разных местах и снабдил гвоздями для висячих замков, сумма в двадцать семь солей шесть денье

27с. 6д.

Бертрану Бе за то, что он служил или ждал в храме святого Стефана Тулузского в течение пятнадцати дней, сумма семнадцать солей шесть турнских денье

17с. 6д.

За ужин^[175], который был приготовлен для тех, кто присутствовал при пересчете денег из трона упомянутого святого Стефана Тулузского, и для повара в размере семидесяти двух турнуаских солей

72 с.

Проповедникам Тулузы за то, что они проповедовали упомянутые помилования, сумму в восемнадцать турнских ливров; это

18 лив.

Мэтру Жану Бурлье, нотариусу,^[176] за то, что присутствовал при размещении и вывозе указанных тронов в указанной епархии Тулузы в течение пятнадцати дней в период Пасхи, сумма в пятнадцать турских ливров

15 лив.

Магистру Жеану Террейну из Тулузы - сто турнуаских солей за то, что он проследил за раздачей писем и выяснил имена тех, кто отнес их в церковь Тулузы на Пасху этим днем.

100 секунд.

Звонарям упомянутого Святого Стефана за звон в колокола и уборку церкви - сумма в сорок турнских солей; это

40-е годы.

Тем, кто скрепил признания упомянутого крестового похода и юбилея, сумма в шесть турских ливров, эта

6 лив.

Мессире Жану Бониссану, секретарю монсеньора де Тулуза, за то, что он написал восемь обязательных писем на пергаменте и подписал четыреста статей, которые будут вывешены на дверях церквей, на сумму в шесть турских ливров, это

6 лив.

Джеану Гранту, печатнику, за то, что он напечатал тысячу небольших статей и сотню исповедей на пергаменте, на сумму сто десять турнуаских ливров; это

110 лет

Жеану Бодре, аптекарю из Тулузы, за тридцать один фунт красного воска, а также за четыре листа бумаги на сумму десять ливров, семнадцать солей, шесть турнских денье; это

10 лив. 17с. 6д.

Мэтру Гийому де Виллано, нотариусу, за подписание и заполнение исповедальных листов и поручений, а также за совершение других актов упомянутого крестового похода, на сумму десять турских ливров; это

10 лив.

Получателю упомянутого крестового похода за то, что он расставил троны и собрал деньги, за тринадцатидневное присутствие, сумму в двадцать восемь турских ливров

28 лив.

Господину контролеру упомянутого крестового похода, по той же причине, сумму в двадцать восемь турнских ливров; это

28 лив.

Господину комиссару упомянутого крестового похода с тремя лошадьми на ту же сумму в сорок турнских ливров; это

40 лет

Мэтру Жану Бурлье за то, что он сделал две копии квитанции о получении и расходовании средств по упомянутому крестовому походу на сумму в тридцать турнских солей; это

30-е годы.

Раймону де Влино за то, что он изготовил триста пятьдесят гербов по двенадцать турнских динаров каждый, что составляет семнадцать ливров десять турнских солей; это

17 лив. 10с.

Тем, кто запечатал упомянутые признания как на пергаменте, так и на бумаге, а также за то, что они были сложены, - сумма в четыре турских ливра

4 лив.

Далее следует список сумм, выплаченных проповедникам крестового похода, который слишком длинный, чтобы его вставлять, но все они стремятся доказать, что задание было выполнено не безвозмездно. Мы извлекли вышеупомянутые статьи из "Бесконечного отчета", чтобы показать нашим читателям кое-что о характере сборов, взимаемых различными классами за работу, выполненную в начале шестнадцатого века, но более конкретно, чтобы указать, сколько рук было погружено в ящики после того, как деньги были вымоганы у благочестивых или благотворительных, прежде чем их содержимое было использовано по назначению.

Проповедники, как явствует из следующих статей и многих других в отчете, забрали пятую часть того, что было найдено в тронках во время их вскрытия.

Проповедникам, которые проповедовали в городе Тулуза, была выплачена пятая часть от четырехсот девяти ливров шестнадцати солей восьми турнских денье, которые были найдены в упомянутом тронке, открытом на нескольких фестивалях, сверх суммы в восемьдесят один ливр девятнадцать солей четыре турнских денье; это

81 лив. 19с. 4д.

Проповеднику из Лиль-ан-Журдена за ЕГО пятую часть от ста девяноста восьми ливров, трех солей, семи турнских денье; это

39 лив. 3с. 7д.

Кажется, никто не прикасался к тронку без пользы; таким образом, Жеану Турейну полагается шестьдесят солей за то, что он взял на себя заботу о тронке на Пасху; и пятнадцать солей ребенку, который плакал у тронка. Высшие чиновники получали по сто ливров в год, пока проповедовался крестовый поход, а их подчиненные ничего не делали без вознаграждения.

№ 38.

Мемуары Лейбница, адресованные Людовику XIV.

Следуя примеру месье Мишо, мы без колебаний представляем нашим читателям следующую статью, хотя она имеет мало отношения к нашей истории. Документ, которым обменивались два таких человека, как Лейбниц и Людовик XIV, по умозрительному, но важному вопросу, не может не представлять интереса; кроме того, почти нет сомнений в том, что он попал в руки Бонапарта

до того, как он предпринял свою экспедицию в Египет. Принято считать, что эти Мемуары Лейбница, написанные во время экспедиции в Египет, вплоть до периода революции хранились в архивах Версаля и что этот исторический документ исчез во время политических волнений во Франции. Выдержка из него была опубликована в английской брошюре в 1805 году; а другая выдержка была сделана в книге под названием "*Путешествие в Ганновер*", опубликованной в 1805 году. М. Мишо больше использовал английскую брошюру, чем последнюю публикацию. М. Мангурит, автор "*Путешествия*", увидел в библиотеке Ганновера копию мемуаров, адресованных Людовику XIV., написанных рукой Лейбница; в качестве названия она имела "*Египетская экспедиция, эпистола к царю Франции*". *scripta*. М. Мангурит сообщает нам, что маршал Мортье приказал сделать с нее копию для отправки в Париж, где она была помещена в библиотеку короля. Похоже, что Мемуары были отправлены незадолго до знаменитого переправы через Рейн и войны против Голландии. Г-н Мангурит убежден, что Лейбниц, которого он представляет как инструмент какого-то кабинета министров, не имел никакого другого мотива убеждать Людовика вторгнуться в Египет, кроме как отвлечь его от угрозы нападения на Батавскую республику. Г-н Мишо говорит, что это мнение кажется невероятным, и что автор не приводит ему удовлетворительных доказательств. Мы думаем, что, по крайней мере, некоторые из наших читателей склонятся к мнению М. Мангурита.

Лейбниц начинает свои мемуары с заявления, что слава о мудрости его величества побудила его поделиться с ним некоторыми размышлениями на тему, знакомую предшествующим векам, но недавно забытую; речь идет о предприятии, "величайшем, которое можно предпринять, и в то же время самом легком из тех, которые считаются великими". Осмелюсь добавить, - продолжает он, - что это самое святое, самое справедливое (*addere audeo, sanctissimum justissimumque*) и что оно не сопряжено с какой-либо опасностью, даже если попытка тщетна. Это также так хорошо согласуется с уже сделанными приготовлениями, что, по-видимому, обдумывалось долгое время, и, таким образом, усилило бы восхищение тех, кто справедливо называет концепции вашего величества *чуждом секретности*. Это нанесло бы Голландии больше вреда, чем можно было ожидать от самого блестящего успеха в открытой войне, не оставив ей возможности противостоять каким-либо препятствиям на этом пути. Это позволило бы достичь цели нынешнего вооружения, обеспечив Франции господство на морях и в торговле. Короче говоря, если бы вся ненависть и всякая зависть были таким образом уничтожены одним ударом, ваше величество обнаружили бы, что благодаря этому вы были бы возведены, с общего согласия, в ранг верховного арбитра христианского мира — наивысший, какой только можно себе представить, и это покрыло бы ваше имя бессмертной славой за то, что вы расчистили, будь то для себя или для своих потомков, путь для подвигов, подобных подвигам Александра".

Дав понять, что настоящий момент чрезвычайно благоприятен, что нет государя более могущественного, чем король Франции, или более любимого своими подданными; "Я убежден, - говорит он, - что в известном мире нет ни одной страны, завоевание которой заслуживало бы такой попытки или которая с такой вероятностью дала бы превосходство, как Египет, который я с удовольствием называю Восточной Голландией, а Францию - западным Китаем".

"Брак между этим принцем и этой страной, то есть между королем Франции и Египта, как мне кажется, в равной степени интересует человечество и христианскую религию".

Впоследствии Лейбниц говорит, что, исследуя мотивы, определявшие Людовика IX. пытаться завоевать Египет, а не Иерусалим, он пришел к убеждению, что они заслуживают самого пристального внимания.

“После смерти императора Фридриха Барбароссы Филипп, прозванный Августом, и Ричард, король Англии, осадили и взяли Сен-Жан-д'Акр. Среди пленников был араб по имени Каракус, которого история представляет как пророка. Этот человек, часто слышавший, как Филипп говорил о цели, которую христианские державы поставили перед собой в этой войне, заявил, что они никогда не смогут удержать Иерусалим и христианский суверенитет в Азии, если египетская монархия не будет свергнута; и для этой цели было чрезвычайно важно овладеть Дамией. Из-за этого возникли разногласия между Филиппом и Ричардом и т.д. Сам Ричард, потерпев неудачу в Палестине, хотел предпринять поход против Египта, но смерть помешала ему.

“Христианские державы, наконец, осознали свою ошибку, и папа Иннокентий III предпринял экспедицию против Египта, исход которой был печальным. Затем последовала экспедиция Сент-Луиса, которая потерпела неудачу из-за неосторожности и недостатка мастерства у руководителей. Людовик выставил свою армию в глубине страны, между двумя притоками Нила, оставив свой тыл и течение реки во власти врага. Вместо того чтобы овладеть побережьем и обеспечить Нил для своего флота, что было единственным средством закрепления его завоеваний, снабдить свою армию продовольствием и обезопасить себя от любых нападений, он позволил окружить себя; сарацины перехватили его припасы и закончили уничтожением христианской армии.

Впоследствии войны между Францией и Англией, а также те, которые вспыхнули между Францией и австрийским домом, положили конец всякой идее вторжения в Египет до времен Хименеса, который был автором лиги, созданной для завоевания этой страны Фердинандом Кастильским, Эммануилом Португальским и Генрихом VIII. из Англии.^[177] Три принца, - говорит Лейбниц, - о которых можно с полным основанием сказать, что каждый из них заложил основу могущества и коммерции своих народов; и именно этого Франция теперь ожидает от Людовика XIV.

“Этот проект потерпел крах из-за смерти Фердинанда, в результате которой корона Испании перешла к австрийскому дому”.

Затем Лейбниц дает краткий обзор революций в Египте, начиная с древнейших эпох и до того времени, когда он был покорен турками; чтобы показать важность, которая всегда придавалась владению Египтом, и доказать, что он никогда не оказывал особого сопротивления искусному и могущественному завоевателю.

“Египет, ставший теперь провинцией Турецкой империи, будет по этой причине покорен легче; не только из-за трудностей, с которыми столкнется Порта при отправке помощи, и из-за склонности жителей к восстанию, но еще больше из-за того, что он больше не является резиденцией империи”.

После этой преамбулы Лейбниц, развивая свой план, утверждает, что завоевание Египта — самый надежный путь к господству в Европе; или, другими словами, что это укрепит наилучшие интересы Франции; что, принимая во внимание масштаб цели, предприятие очень легкое; что в

нем нет риска; что оно соответствует разумной политике; что его не следует откладывать; — короче говоря, что оно велико, справедливо и благочестиво.

“Это превосходство, которого так важно добиться Франции, состоит в обладании таким количеством власти, на которое можно разумно надеяться; ибо она не может рассчитывать на универсальную монархию, а только на общее руководство или арбитраж дел. Всеобщая монархия - абсурд; история Европы доказывает это. Ведя войну против христианских государств, можно добиться лишь слабого усиления и приобрести небольшую территорию. Такие средства не подходят для самого христианского короля или великого монарха: браки, выборы и наследование престола приносят больше.

“Война должна быть направлена только против варварских народов; и среди них неоспоримо, что одним удачным ударом (а французы особенно подготовлены для нанесения такого удара) империи могут быть в одно мгновение свергнуты и основаны. В таких войнах присутствуют элементы высокой мощи и возвышенной славы.

“Несомненно, что могущество Франции должно возрасти с установлением мира в Европе и что оно должно быть ослаблено несвоевременными войнами. Пусть тогда это будет использовано против варваров и для восстановления Египта. В Америке испанцы, англичане и голландцы сделали бы невозможным любое предприятие; но, направленное против Турции, никто не осмелился бы воспротивиться этому; после вторжения в Египет война, которую мы тогда начали бы, стала бы священной благодаря всеобщему одобрению; и вместо покинутых стран Палестины, прославленных только своими руинами, мы получили бы в награду за наши усилия *это око стран, эту мать зерна, это место торговли. (Non, deserta illa, ruinis tantùm nobilis Palæstina, sed oculus regionum, mater frugum, sedes commerciorum acquireretur.)*

“Из всех регионов земли Египет следует считать первым после Китая. Он обладает таким количеством преимуществ, что воображение ничего не может к ним добавить. Это главный перешеек земного шара, моря которого он разделяет таким образом, что возникает необходимость огибать Африку. В то же время это барьер и проход между Африкой и Азией. Это пункт сообщения и главное предприятие торговли, с одной стороны, Индии, а с другой - Европы. Это в некотором роде око соседних стран, богатых плодородием своей почвы и большим населением среди окружающих их пустынь. В нем объединены чудеса природы и искусства, которые по прошествии стольких веков, кажется, всегда дают повод для нового восхищения”.

Подкрепив свое мнение многочисленными цитатами из источников, которыми располагает Египет, Лейбниц продолжает следующим образом: —

“Предположим, Египет будет оккупирован армией самого христианского царя, мы увидим, насколько это событие должно способствовать политическому господству. *(Pars melior Franciæ cedit; hæc maris Mediterranei domina, imperium Orientalis resuscitabit.)*

“Очевидно, что турецкая империя могла бы быть свергнута нападениями немцев и поляков, если бы зародыши восстания, которые там сейчас формируются, получили широкое развитие; и нет сомнения, что Московия и Персия воспользовались бы этим обстоятельством. Тогда самая

ценная часть этой монархии перешла бы к Франции; которая, став таким образом владычицей Средиземноморья, восстановила бы Восточную империю. Из Египта она распространила бы свою империю за океан и без труда овладела бы Красным морем и островами близ Мадагаскара. Не потребовалось бы много времени, чтобы овладеть Эфиопским морем, Персидским заливом и господствующим над ним островом Ормуз.

“За завоеванием Египта точно так же последовали бы великие и важные перемены в Европе. Тогда король Франции мог бы по неоспоримому праву и с согласия папы принять титул императора Востока; он мог бы добавить к своему титулу старшего сына титул покровителя (*advocatus*) Церкви и благодаря огромным преимуществам, предоставленным Святому Престолу, гораздо больше удерживать понтификов в своей власти, чем если бы они проживали в Авиньоне. Италия и Германия были бы окончательно избавлены от страха перед турками, а Испания - от страха перед маврами. Мировая торговля была бы поделена между Францией и австрийским домом; в конце концов примирение между самыми могущественными семьями было бы закреплено к удовлетворению обоих: Франция получила бы в свое распоряжение Восток, а Испания - Запад.^[178] И если бы они пожелали быть объединенными неразрывными узами своих общих интересов, они достигли бы цели, к которой стремились мудрейшие из министров на Пиренейских конференциях; они стали бы арбитрами между другими державами; они подготовили бы счастье человеческой расы и внушили бы вечное почтение к памяти великих людей. великий царь, которому было приписывается так много чудес.

“С Египтом голландцы могли бы легко быть лишены торговли с Индией, от которой зависит значительная часть их могущества, и это нанесло бы им более прямой и неизбежный ущерб, чем самый блестящий успех в открытой войне. Христианская религия снова процветала бы в Азии; мир подчинялся бы тем же законам, и вся человеческая раса была бы объединена теми же узами; так что, *за исключением философского камня, я не знаю ничего, что можно было бы представить более важным, чем завоевание Египта.*

Обсуждая возможность казни, Лейбниц рассматривает побочные факторы: “Силы, которые будут задействованы, средства транспортировки войск, климат страны, ее укрепления и военную мощь, способы ведения войны там, внутренние проблемы Египта, расположение соседних народов, а также союзников и вспомогательных сил, как агрессоров, так и захваченной страны”.

Что касается вооруженных сил Франции, Лейбниц ссылается на Людовика, который, должно быть, лучше его знаком с их численностью; однако он считает, что на самом деле сил уже больше, чем требовалось бы.

Франциск, герцог Урбинский, потребовал 50 000 человек для свержения Османской империи. Для завоевания Египта было бы достаточно тридцати тысяч отборных людей. Эммануил Мудрый, король Португалии, льстил себя надеждой, что сможет добиться успеха с гораздо меньшим числом людей. “Нет сомнения, - добавляет Лейбниц, - что наша численность чрезвычайно увеличилась бы за короткое время благодаря присоединению арабов и нумидийцев, в то время как турецкие силы в этой провинции должны быть очень незначительными.

“Но предположим, - продолжает Лейбниц, “ что мы были бы вынуждены погрузить на борт 50 000 человек; это силы, которые Франция легко предоставила бы. Ибо, хотя я убежден, что 20 000

человек было бы вполне достаточно для оккупации и охраны побережья Египта, было бы благоразумно извлечь преимущество из собранных сейчас сил и одним ударом, одной энергичной операцией осуществить завоевание всего Египта”. Лейбниц далее советует поощрять войска речами, послаблениями, наградами, почестями и т. Д. и т.п.; считает гораздо менее важным использовать большое количество войск, чем хорошо их отбирать.

“Некоторые люди питают отвращение к перевозке больших армий морем; но более мудрые люди придерживаются противоположного мнения и думают, что незначительные неудобства этого вида транспорта более чем компенсируются очень большими преимуществами. Первые неудобства, которым они подвергаются на борту, не являются ни опасными, ни продолжительными; их можно рассматривать даже как эвакуацию, благоприятную для здоровья. Скорбучические заболевания проявляются только в длительных плаваниях, а острые заболевания вызываются невоздержанностью, которую может предотвратить дисциплина, или изменением климата, которого нельзя испытать в Средиземноморье. Не нужно опасаться никакого мятежа, потому что солдаты в некотором роде находятся во власти матросов”.

Мемориал Лейбница представляет здесь историческую сводку армий, высаживавшихся в разные периоды, от Пунических войн до последних завоеваний, совершенных в Азии и Америке испанцами, португальцами, англичанами и т. Д.; И, рекомендуя, чтобы суда не были слишком нагружены войсками, он отмечает, что плавание по Средиземному морю уже давно стало привычным для французских моряков, и что не могло бы быть никакой опасности, если бы уделялось должное внимание сезонам года. Французские и венецианские суда постоянно посещают Кандию, и с этого острова добраться до Египта несложно. Добавим, что остров Мальта является надежной базой для флота, поскольку этот остров связан с Францией бесконечным количеством уз, поскольку большая часть рыцарей и великий магистр ордена - французы.

“После того, как порт Александрия будет взят в результате государственного переворота (который не может не увенчаться успехом), побережье Сирии, а также острова Кипр и Кандия обязательно падут, при условии, что турки не смогут предпринять что-либо на море, чтобы противостоять этому”.

Далее в "Памятнике Лейбница" отвергаются все опасения по поводу вредности климата Египта; он рассуждает о полезных свойствах вод Нила, излагает диетические правила, рекомендует воздерживаться от вина и указывает на колебания погоды в разные месяцы года.

Затем он говорит о селитре, которую Египет производит в таком изобилии, и продолжает: “Средствами естественной защиты Египта являются окружающие его пустыни и моря, а также Нил; его искусственными средствами являются его замки и города. Море и Нил не только не причиняют вреда, но и облегчают использование военно-морских сил, а пустыни прервут сообщение с другими частями Османской империи и помешают туркам перебросить внушительную помощь на территорию Египта. Сильные места находятся либо на Красном море, либо на Средиземном”. Здесь Лейбниц описывает Александрию, Розетту и Дамьетту с Бозагом, указывая на слабость этих мест. “Побережье Красного моря еще более запущено и быстро попадет во власть португальского флота, действующего совместно с французскими силами на Мадагаскаре”, поскольку Лейбниц предполагает, что португальцы были бы более склонны поддержать взгляды французов, чем противостоять им.

Мемориал очень подробно описывает Персидский залив и Баб-эль-Мандельский пролив; он утверждает, что все места на побережье нуждаются в укреплениях; особенно он говорит о Суэце, Косье, Суакеме и, наконец, о Каире, который, как и все остальные, не окажет сильного сопротивления.

“Могло ли сопротивление Каира, ” говорит Лейбниц, “ само по себе помешать Франции возвыситься над всей славой прошлого или настоящего?” Было бы позором для столь могущественной нации, вовлеченной в такое грандиозное предприятие, хоть на мгновение усомниться в конечном успехе перед лицом этого последнего препятствия. Ибо Франция сражалась бы тогда не за Дюнкерк, не за Гравелин, не за Мейстрихт; но за господство на морях, за Восточную империю, за свержение Порты и за всеобщее господство; все это является результатом завоевания Египта”.

Затем следуйте некоторым географическим подробностям о побережье Сирии, портах и городах этой страны; то есть Эль-Ареше, Библе, Триполи, Александrette, Алеппо и Дамаске.

“ Александретта господствует над ущельями Киликии. Овладев этим местом, армия, идущая из Малой Азии в Палестину, могла быть вынуждена совершить долгий и мучительный переход по полупустыне и по частям Киликии, Армении и Месопотамии.

“Алеппо и Дамаск - единственные города, способные на мгновение противостоять нашим скрытым операциям после взятия Каира. Хотя они находятся далеко от моря, их необходимо обезопасить, поскольку тогда мы будем командовать всей страной по эту сторону горы Аманус.

“Турки могут, это правда, если их предупредить, разместить подкрепления в Египте и даже укрепить Александрию и сделать Египет почти неприступным. Поэтому будет важно сохранить проект в строжайшей секретности и ускорить отправку вооружения по назначению. Когда экспедиция будет предпринята, турки уже не в силах будут чинить препятствия на пути к ее успеху, поскольку отплытие столь грозного флота вызовет тревогу в самой резиденции правительства. С этой точки зрения было бы даже полезно распространить слух, что на самом деле оно направлено против Константинополя, чтобы Porta объединила и сосредоточила для защиты столицы свои разрозненные силы и таким образом ослабила отдаленные провинции. Французская армия, таким образом, была внезапно переброшена в Египет, и туркам потребовалось бы шесть месяцев, чтобы собрать равные силы, или даже гораздо больше времени, если бы Турция в то же время была вовлечена в польскую или венгерскую войну. Более того, как только экспедиция увенчается успехом, Персия, которая не может заявить о себе только на основании наших обещаний, не преминет восстать таким же образом. И если бы экспедиция состоялась в то время года, которое, по мнению опытных людей, казалось бы наиболее подходящим, для турок было бы абсолютно невозможно прибыть в какое-либо полезное время, даже если бы у них было 100 000 человек в распоряжении; потому что Египет был бы тогда затоплен водами Нила, в котором доминировал бы наш флот; и потому что турецкая армия не смогла бы выступить в поход раньше следующей зимы и т.д.

Предположим теперь, что Египет был бы в нашей власти, и, что вовсе не невероятно, турки оказались бы в мире со всеми своими соседями, что между ними не было бы беспорядков и что они были бы в состоянии наступать со 100 000 боеспособными людьми; предположим, с другой стороны, что мы были бы в состоянии противостоять этим силам только с 30 000 человек, поскольку мы должны оставить 20 000 человек позади, чтобы сохранить наши позиции в Египте

и захватить еще не покоренные места: я утверждаю, что этих 30 000 человек было бы достаточно, чтобы дать отпор туркам: добавим, что если принять надлежащие меры, нет сомнения, что из Европы может прибыть значительное подкрепление и что христианские подданные Порты, так же как и местные жители, с готовностью встанут под наши Знамена. Но предположим, что наши силы не превышали 30 000 человек, этот отряд был бы вполне в состоянии оказать сопротивление туркам двумя различными маневрами, будь то ожидание их на равнинах Египта, между Суэцем и Каиром, или марширование навстречу им в Аравийской Петрее, между Газой и горами, или в Сирии между Александреттой и горой Аманус, называемой теперь горой Скандерун, или Эль-Лукан.

“В Аравии Петра есть три узких ущелья, через которые проходят караваны на пути из Египта в Азию. Одно из этих ущелий находится справа, когда мы выходим из Египта, и ведет к восточным берегам Красного моря; другой проход находится слева, на берегах Средиземного моря, — он ведет в Палестину и Сирию; третье, расположенное между двумя предыдущими, выходит к горе Хорив и к монастырю Святой Екатерины. Два первых прохода ведут в Аравию, куда ни одна армия не могла проникнуть без больших трудностей. Остается только третий путь, который идет из Египта в Палестину через Идумею. Но этот проход настолько сужен, с одной стороны, Средиземным морем, а с другой - подножием Аравийских гор Петра, что египетский султан легко изгнал бы армию Селима из своей страны, если бы позаботился о том, чтобы обеспечить проход между Сирией и Киликией: именно пренебрежение этой предосторожностью очень облегчило Александру завоевание Азии Дарием. Если бы султан Мамлюков, покинув Палестину, занял позицию в узком проливе близ Газы или близ Сихора (называемого в Писании рекой Египта), представляющего собой нечто вроде полого ущелья, сбегającego с гор к морю, и если бы он там поджидал своего врага, несомненно, что на этой позиции 30 000 человек смогли бы противостоять сотням тысяч.

“Предположим, турки смогли бы форсировать не только Александреттский проход, но также и проход через Газу, они все же не смогли бы вернуть Египет; ибо в этом случае наша армия сохранила бы в своем тылу Нил и очень плодородную страну, в то время как у врага в тылу не было бы ничего, кроме Аравийских пустынь. И если бы при таком положении мы смогли избежать серьезного сражения, что было бы легко из-за особенностей местности, турецкая армия неизбежно истощилась бы и была бы вынуждена из-за нехватки провизии отступить в Сирию, оставив нас спокойно наслаждаться нашими завоеваниями”.

Лейбниц приводит несколько исторических фактов в поддержку своего мнения; он доказывает, что турки гораздо менее грозны, менее воинственны, менее многочисленны, чем они были раньше; он подробно описывает сераль, доходы, военные и морские учреждения Османской империи.

Автор приводит основания надеяться, что после первых известий об успехе Людовика XIV начнутся частичные восстания, а затем всеобщее восстание пачей, гражданских чиновников, солдат, христиан и, наконец, всего народа. “Я осмеливаюсь утверждать, - говорит он, - что все подданные Османской империи несчастны, недовольны, стремятся к переменам, и что в данный момент их сдерживает только удручающее воспоминание об их прежних попытках сбросить иго.

“Французский автор, очень хорошо знакомый с делами Турции и удивленный тем, что империя, созданная таким образом, существует так долго, высказывает предположение, что Бог, который все делает к лучшему, поднял и поддержал эту могущественную нацию на благо своей Церкви и

для наказания христиан за их грехи и пороки; 'но я, — продолжает Лейбниц, - я убежден, что приближается время, когда Всемогущий посетит свой народ, когда ярости варваров придет конец, когда в христианском мире начнется гораздо более счастливая эпоха. Много можно было бы сказать о пророчествах; о периодах в жизни человечества; о неизбежных катастрофах империй; даже о традициях самих турок, которые заставляют их ожидать своего уничтожения в стране между двумя морями. Это предсказание обычно применялось к Константинополю, а иногда и к Мореи; но никто до сих пор не думал о Египте.

Давайте, однако, не претендуя на проникновение в тайны судьбы, сделаем наши выводы из обычного хода дел. Общеизвестно, что султан полностью утратил, по мнению своих подданных, свой характер неприкосновенности, и это обстоятельство неизбежно должно способствовать его поражению”.

Все, что следует за этим, является лишь картиной беспорядка, царящего в политической организации турецкой империи. Поэтому Лейбниц считает, что завоевание Египта потрясло бы Порту до основания. Он добавляет: *“Audaciter dico, flagrabit Turcia seditionibus, si volumus; и если бы Порты в то же время была вовлечена в войну с Польшей или Венгрией, то, - говорит он, - была бы гибель ipsa, -и всеобщий паралич всего организма, несомненно существующий”*.

№ 39.

Капитуляции между Францией и Османской Портой.

Франциск I был первым из наших королей, заключившим договоры с Портой. В 1535 году он добился от Сулимана Канониста первых капитуляций в пользу торговли и католической религии в государствах Великого сеньора; в 1604 году - Генриха IV. получено от султана Ахмида I. обновление их с некоторыми дополнениями; в 1675 году они были обновлены и дополнены при султани Мехмеде IV., по требованию Людовика XIV.; в 1740 году Людовик XV. добился от султана Махмуда возобновления древних договоров со значительными дополнениями.

С тех пор Франция вела другие переговоры с Портой; но эти переговоры не привели к заключению какого-либо договора, положения которого были бы либо новыми, либо важными. Документы, необходимые для истории отношений Франции с Османской империей, всегда бережно хранились в канцелярии французского посольства в Константинополе. Именно там мы должны искать точные указания, чтобы дополнить то, что нам удалось продвинуть по этому вопросу.

Из этих капитуляций мы узнаем столько, сколько конкретно касается предмета нашей истории или может пролить свет на политику Османской империи.

- Император Султан Махмуд, сын султана Мустафы, вечно побеждающий.[179]

“Вот что определяет эту славную и императорскую подпись "покоритель мира", этот благородный и возвышенный знак, эффективность которого проистекает из божественной помощи.

“Я, человек, который превосходство милости Всевышнего, и на владыку чудес наполнен благословениями от главы пророков (которому да будет наиболее значительный приветствия, а также его семье и его сподвижникам), ам-Султан славных Султанов, император могучих императоров, распространитель крон к Cosroes, кто сидит на престолах, тень Бога на земле, Слуга двух прославленных городов Мекки и Медины, август и святые места, к которым мусульманами адреса их клятву; защитник и мастер святого Иерусалима, повелитель трех великих городов-Константинополя, Адрианополя и Broussa, а также из Дамаска, запаха Рая; Триполи, Сирии, Египта, чудо века, и славится своей прелести; всей Аравии, из Африки, из Cairovan, Алеппо, Республики Ирак, Арабской, и Adgen; из Бассора, из Lahra, из Дилем и особенно Багдада, столицы халифов; в Ракке, в Mossoul, из Chehregour, из Diarbeker, из Zulkadric, из Ergerum восхитительный; в Sebarta, Адана, из Caramenia, Карс, ООО Ichidder, Вана, островов Мореи, Кандия и Кипр, Чио и Родос; Барбари, Эфиопии; на места войны, Алжир, Триполи и Тунис; на островах и побережьях Белого моря и Черного моря; страны Natolia, и царство Ромелии; всех Курдистане, из Греции, из Turkomania, Татарии, Черкесии, в Sabarta, и Грузии, благородных племен татар, и все полчища, которые зависят от них; из Кафы, и других окрестных местах; всех Босния и его зависимостей; крепости Белград, место войны; из Сервиа, а также крепостей и замков, существующих в ней; стран-Албания, всех Валахии, Молдавии, а также из фортов и трюмов в этих кварталах; кроме того, обладатель ряда городов и крепостей, которые излишне повторять или похвастаться именами. Я, император, прибежище справедливости и царь царей, средоточие победы, султан, сын султана, император Махмуд завоеватель, сын султана Мустафы, сына султана Мухаммеда: Я, кто своей властью, источником удобства, украшен титулом императора двух земель и, как венец величия моего халифата, проиллюстрирован титулом императора двух морей.

“Слава великие князя веры Иисуса, избранным, великий и великолепный религии Мессии, арбитр и посредник в делах христианских народов, облеченная истинной знаки достоинством и честью, преисполненный величия, славы и величества, императора Франции, и других могучих королевств, которые зависят от него, наш очень красивый, очень заслуженный, искренние, и старый-престарый друг, Людовика XV., кому Бог дарует всем успехов и счастья, отправив нашим августа суда, который является резиденцией халифата, письмо, содержащее свидетельства самой совершенной искренности, и из самых симпатия, откровенность, и честность, и той же буквой, предназначенный для нашей возвышенной порт Фелисити, которая, по бесконечной доброте, бесспорно, величественное высшее существо, является обиталищем Султанов самых великолепных, императоров самых респектабельных; модель христианских дворян, умелым, разумным, уважаемые, и заслуженный министра, Луи-Совер, маркиз де Вильнев, ваше настоящее действительный государственный советник, и свой посол в наш порт Фелисити (возможно, в конце которого увенчается удачей), потребовав права и переводить письмо, которое было предоставлено ему наши императорского согласия, согласно с древним обычаем нашего суда, и, следовательно, сказал посол был допущен к подножию наш императорский престол, окруженный светом славы, он был доставлен в письме, и был представителем вашего величества, принять участие наша монаршая милость и благоволение; в переводе его дружелюбный тенор был впоследствии представлен и сообщил, по древнему обычаю османов, у подножия наш величественный трон, на канале очень заслуженный Elhadju Мехмед-паша, наш

первый министр, абсолютная переводчик нашего таинства, украшение мира, поддержка порядка наций, заказчиком оценки нашей империи, прибор славы короны, канал для милости Королевского Величества, весьма добродетельным Великим Визирем, мой почтенный и повезло министра и генерал-лейтенант, из которого мощь и процветание пусть Бог увековечить триумф!

“И в качестве выражения этой дружественной буква известно, желание и стремление Ваше Величество, чтобы сохранить, как вчера и третьего дня, все почести и вековая дружба народов, до сих пор сохраняется с незапамятных времен наших славных предков (пусть свет Божий на них), и самые величественные императоры Франции; и в этом письме есть вопрос, с учетом искренней дружбы и привязанности, что Франция всегда выказывала к нашему императорскому дому, снова возобновить, в течение счастливого периода нашего славного царствования, и, чтобы укрепить и просветить, путем добавления некоторых статей, императорской капитуляций, уже вновь в год Негура 1084, в царствование покойного Султана Мехмед, наши августейшие деды, благородный и щедрый при жизни, и счастлив в своей смерти; который капитуляций был за объект, что послы, консулы, переводчиков, продавцов, и других предметов из Франции, должны быть защищены и поддерживаться в Всем мира и спокойствия,^[180] и наконец приехали в наш императорский зная, что эти очки были присуждены за счет говорит посол и министр Блистательной Порте: основы дружбы, которые с незапамятных времен живут с твердостью между судом Франции и нашей Блистательной Порте, и убедительные доказательства, которые Ваше Величество уже дал его, особенно в наше славное царствование, давая основания надеяться, что узы такой дружбы может быть только приблизились, и становятся сильнее со дня на день; эти мотивы вдохновили нас чувства, созвучные с твоими желаниями; и желающие приобрести деятельность в сфере торговли и безопасности для посетителей и прихожан, которые и являются плодами такой дружбой следует производить, мы не только подтверждают эти подарки в полной мере, древних и вновь капитуляций, а также статьи, согласованные в указанные выше сроки, но закупать больше удобства для наших продавцов и большей энергией, в коммерции, то есть даровал им освобождение от правого *Mezeterie*, которые они заплатили во все времена, а также ряд других вопросов, касающихся торговли и безопасности игроков и зрителей, которые были рассмотрены, обработаны и отрегулированы, в надлежащем порядке и должной форме, в водолазы конференций, которые были проведены на эту тему, между отметил посол, с мебелью и с достаточной силой, а лица, приставленные по части нашей Блистательной Порте. После полного завершения всего, мой верховный и абсолютный Великий визирь, представив отчет об этом нашему императорскому Стремению, и поскольку мы хотим специально продемонстрировать по этому случаю ценность и уважение, которые мы питаем к древней и постоянной дружбе императора Франции, который только что дал нам новые и особые знаки искренности своего сердца, мы вручили наш знак императора за выполнение недавно заключенных статей и, следовательно, древних и обновленных капитуляций; будучи переписанными и переданными точно, слово в слово с самого начала, за которыми следуют статьи, недавно урегулированные и предоставленные; эти настоящие императорские документы о капитуляции были переданы в вышеуказанном порядке в руки вышеупомянутого посла”.

Статьями 32, 33, 34, 35 и 36 капитуляций содержать следующее:—“как враждебные народы, у которых нет положительных послов в мой порт Фелисити, ранее пошли и пришли в наши государства, под флагом императора Франции, то ли в торговле, то ли в паломничество,

согласно высочайшего разрешения у них были для этого под властью наших предков славных памяти, а также была предоставлена древние капитуляций придают французский: и как потом, по определенным причинам, вход для наших государств было положительно запрещено, эти же народы, и они даже были сняты с указанного капитуляций; тем не менее, император Франции, имея свидетельствует письмо, которое он прислал в наш порт Фелисити, что он должен желать того, что враждебные народы, к которым торгуют в наших государств было запрещено, может иметь свободу приходить и идти в Иерусалим, таким же образом, как они привыкли уходить и приходить, не будучи никоим образом прерываться; и что, следовательно, если оно было разрешено, чтобы они пришли и движения в наших странах, это должно быть под знаменами Франции, как и ранее, спрос императора Франции была соблюдена, с учетом древних дружба, которая со времен моих славных предков живут, от отца к сыну, между вашим величеством и Блистательной Порте, и у нас издан императорский указ, из которого приведен тенор:—Что христианская и враждебные народы, находящиеся на мир с императором Франции, и кто имеет желание посетить Иерусалим, может пойти туда и вернуться, в пределах границ своего государства, в обычном порядке, и в полной свободе и безопасности, без каких-либо лицо, причиняя им неприятности или препятствия, а если он должен потом доказывать удобным для предоставления указанных Объединенных Наций, свободы торговли в наших государствах, они потом уходят и приходят под знамена императора Франции, как и прежде, им не разрешалось уходить и приходить в любое другое знамя.

“Древние имперские капитуляции, которые находились в руках французов со времен правления моих великолепных предков до наших дней, и о которых только что было подробно сообщено выше, теперь возобновлены с добавлением некоторых новых статей, соответствующих императорскому приказу, изданному в силу моего хатт-шерифа; первая из этих статей провозглашает, что епископы, зависящие от Франции, и другие духовные лица, исповедующие французскую религию, какой бы нацией или расой они ни были, до тех пор, пока они будут оставаться в пределах своего государства, не будут подвергаться преследованиям". испытывать затруднения при выполнении своих функций в тех частях нашей империи, где они давно обосновались.

“Французские священнослужители, которые, согласно древнему обычаю, обосновались в городе Иерусалиме и за его пределами, в церкви Гроба Господня, называемой Камама, не должны быть потревожены в местах посещения, которые они населяют и которые находятся в их руках, которые останутся в их руках, как и прежде, без каких-либо нарушений в этом отношении или путем взимания дани; и если возникнет какой-либо спор, который не может быть решен на месте, он будет отправлен в мою Возвышенную Гавань.

“Французам или тем, кто зависит от них, какой бы нации или качества они ни были, которые желают отправиться в Иерусалим, никто не будет препятствовать ни в поездке, ни в возвращении.

“Два религиозных ордена, находящиеся в Галате, то есть иезуиты и капуцины, имеющие там две церкви, которые были в их руках *ab antiquo*, останутся в их руках, и они сохранят владение ими и их преимущества; и поскольку одна из этих церквей была сожжена, она будет восстановлена, как того требует справедливость, и она останется, как и прежде, в руках капуцинов, без посягательств или беспорядков. Не должно быть никаких опасений в отношении церквей,

которые есть у французов в Смирне, Сейде, Александрии и других *эшело*нах; и ни под каким предлогом от них не будут требоваться деньги.

“Французов никто не потревожит, когда в пределах их собственного квартала они будут читать Евангелие в своем госпитале в Галате”.

Поскольку некоторые из этих распоряжений не были строго выполнены, Порт возобновил их в 1740 году; это обновление, как оно выражено в статье 82.

“Когда места, которыми владеют зависящие от Франции священнослужители в Иерусалиме, как было упомянуто в статьях, торжественно дарованных и теперь обновленных, будут нуждаться в ремонте, чтобы предотвратить разрушение, которому они подвергнутся с течением времени, будет разрешено выдавать, по просьбе посла Франции, проживающего в моем Порту счастья, распоряжения об их ремонте способом, сообразным справедливости; и кади, комендантам и другим должностным лицам, не будет позволено создавать какие-либо препятствия на пути вещей, дарованных мной”. приказ; и поскольку случилось так, что наши офицеры под предлогом тайного ремонта в указанных местах совершили много визитов в течение года и вымогали деньги у духовенства, мы приказываем, чтобы со стороны кади, комендантов и других должностных лиц, которые могут там находиться, было совершено только одно посещение в год церкви места, называемого Гробом Иисуса; и то же самое в других церквях и местах посещения. Епископ и духовенство, зависящие от императора Франции, которые находятся в моей империи, будут защищены до тех пор, пока они ограничивают себя пределами своего собственного государства, и никто не должен препятствовать им совершать свои обряды в соответствии с их собственными обычаями в церквях, которые находятся в их руках, а также в других местах, в которых они проживают; и когда наши подданные-данники и французы будут ходить и встречаться друг с другом с целью покупки, продажи или по другим делам, они не будут подвергаться преследованию, вопреки тем же законам, из-за этого общения; и поскольку в предыдущих оговоренных статьях постановлено, что им должно быть разрешено читать Священные Писания в больнице Галаты, и, тем не менее, этого сделано не было, мы приказываем, чтобы в каком бы месте эта больница находилась в будущем, в юридической форме, им могло быть разрешено читать Священные Писания там, как это входит в их обязанности, без каких-либо расспросов по этому вопросу”.

Капитуляции или договоры с Портой слишком обширны, чтобы мы могли привести их здесь полностью. Статьи, которых насчитывается восемьдесят пять, регулируют права лиц и торговые привилегии, которыми Порты предоставила пользоваться всем французам, обосновавшимся или путешествующим в странах ее господства; они регулируют также дипломатические отношения между двумя державами и прерогативы послов короля Франции.

№ 40.

*Записка М. Рейнуара по поводу работы М. Хаммера, озаглавленной *Mysterium Baphometi Revelatum*, и др.*

Со времени изгнания рыцарей Храма и упразднения ордена прошло пятьсот лет, когда обвинения, свидетельства и судебные решения были снова представлены на пересмотр истории; — слава ордена и память о рыцарях снова восстановлены в глазах беспристрастных людей.

Появился новый противник тамплиеров и, отбросив обвинения, придуманные современными гонителями, изобрел другие преступления. Несмотря на большой промежуток времени, он хвастался тем, что может представить материальные доказательства: “Нет необходимости в словах, - говорит М. Хаммер, - когда камни служат свидетелями”.

Что это за памятники, с которыми люди, подготовившие и осуществившие крушение тамплиеров, не были знакомы или которыми они пренебрегли? Как им удалось избежать усердных проверок, вызванных завистью, ненавистью и пронизательностью инквизиторов? Почему различные отступники, которые из честолюбия или страха свидетельствовали против ордена, не указали на памятники, которые тогда были бы более многочисленными и поразительными и существование которых могло бы оправдать их позорное дезертирство? И когда церкви и дома тамплиеров были заняты преемниками, которые были так заинтересованы в получении прощения за жестокость разграбления, как получилось, что ни один из этих преемников не обнаружил этих материальных доказательств, которые, по словам М. Хаммера, по сей день провозглашают отступничество тамплиеров?

Работа этого ученого озаглавлена "*Тайна возрождения Бафомета*", или "*Братья Военного ордена Храма*", осужденные своими собственными Памятниками за участие в отступничестве, идолопоклонстве и нечестии гностиков и даже офианитов.

Ниже приводится изложение, анализ и краткое изложение М. Хаммера.

“Мы читаем в процедуре, предпринятой против ордена Храма, что рыцари поклонялись идолу в форме *Бафомета* — *in figuram Bafometi*.^[181] Разложение этого слова дает *бафо* и *мети*. *Бафо* по-гречески означает *окрашивание* или *окувание* и, следовательно, *крещение*; *мети* означает *дух*. *Бафометом* тамплиеров тогда было *крещение духом* — *гностическое крещение*, которое совершалось не водами искупления, а представляло собой духовное очищение огнем. *Бафомет* означает, таким образом, *озарение духа*.

“Поскольку гностики снабдили тамплиеров бафометическими идеями и образами, словом *meti* (*метис*) стало почитаемым среди тамплиеров: “Поэтому я, - добавляет М. Хаммер, - представлю доказательства этого решающего обстоятельства.

“Гностиков обвиняли в печально известных пороках. *Метисы* были представлены в символических формах, главным образом в виде змей и усеченного креста в форме *Tau—T*.

“Гностики, - продолжает М. Хаммер, - не всегда использовали слово *meti* в своих памятниках; они также использовали слово *gnosis*, которое является синонимом и встречается у тамплиеров”.

Развивая свою систему обвинений, М. Хаммер постоянно утверждает, что судебное разбирательство, возбужденное против тамплиеров, доказывает, что они обожали бафометические фигуры; он производит медали, на которых изображены эти мнимые бафометические фигуры, и особенно некоторые медали, на которых можно прочесть: *meti*, с

усеченным крестом,[182] и другие, которые представляют храм, с легендой, *Sanctissima Quinosia*, то есть *Гнозис*. Он указывает также на гностические вазы и чаши; и, приписывая их тамплиерам, утверждает, что роман о *Святом Граале*, или святой чаше, является символическим романом, который в то же время скрывает и доказывает отступничество рыцарей; и полагает, что он признает в церквях, которые ранее принадлежали тамплиерам, или которые, как он утверждает, принадлежали им, бафометические фигуры, а также гностические и офитические символы.

М. Хаммер проявляет большую эрудицию в описании различных и многочисленных систем, предшествовавших секте гностиков и породивших ее; наконец, он доходит до бафометических фигур; он приводит двадцать четыре из них, которые, как ему кажется, несут символы *Бафомета*; они покрыты астрологическими знаками; многие обвиты змеей и держат этот крест за ручку, которую египтяне называли *ключом Нула* и которая считалась символом плодородия. на них есть надписи, некоторые на латыни, некоторые на греческом, которые не обозначают ничего, кроме имен собственных; а другие на арабском были бы неразборчивы, если бы у нас не было возможности сравнить их с надписями на вазах. На главной вазе имеется арабская надпись, которая относится к поклонению божеству по имени *Мете*; она носит титул *Teala*— всемогущий и *Nasch* - производящий. М. Хаммер утверждает, что *Мете* было таким же, как *София* и *Ахамет* различных сект гностиков.

Но никакого отношения, ни близкого, ни отдаленного, к тамплиерам не обнаруживается.

Именно М. Николаи в немецкой работе, озаглавленной "*Эссе о тайне тамплиеров*", впервые употребил это слово *Бафомети* связал с ним идею образа верховного Бога в состоянии покоя, приписываемого ему манихейскими гностиками; именно этот ученый человек первым предположил, что у тамплиеров была тайная доктрина и посвящения нескольких степеней; и он утверждает, что сарацины сообщили им эту доктрину.

Чтобы разрушить все эти системы, достаточно доказать, что невозможно доказать, что слово *Бафомети*, о котором сообщается в судебном процессе против тамплиеров, означало что угодно, кроме *Магомета*.

Г—н барон Сильвестр де Саси уже осудил это объяснение г-на Хаммера; и если последний будет упорствовать в том, что не признает в *Бафомете* имени *Магомета*, ему будет легко доказать, что авторы средневековья часто писали "Бафомет" от имени Магомета; авторитетов не хватает.

Если даже слово бафометической или гностической секты не существует, если оно никогда не существовало, вся система лишена основы.

Но даже если бы можно было доказать, что секта Бафометиков существовала, если бы мы располагали определенными подробностями о ее взглядах и тайнах, как мог М. Хаммер доказать, что тамплиеры принадлежали к этой секте?

М. Хаммер собрал и приказал выгравировать около сотни медалей и других памятников, которые он приписывает тамплиерам, поскольку воображает, что находит на них *Мете* и *Tau* гностиков.

Медали, которые он производит, даже не являются доказательствами существования секты гностиков; и даже если бы это существование можно было продемонстрировать, поскольку эти медали и эти памятники совершенно чужды тамплиерам, зачем их применять к ним?[\[183\]](#)

Чтобы дать представление о том, каким образом М. Хаммер пытается доказать с помощью медалей, что тамплиеры были гностиками, я приведу только те, на которых этот ученый, как ему кажется, читает слово *Хиносис* или *Гнозис*.

На монете 80 мы видим, по словам М. Хаммера, иерусалимский храм с четырьмя башнями; надпись: + S. S. SIMOONJU [поверженный d] A; но, читая ее наоборот и начиная не с последней буквы A, а с поверженной d, которую М. Хаммер принял за Q, в то время как другие ученые, цитировавшие эту медаль, думали, что это D, он читает SSTA QUINOMIS, хотя в надписи нет T; и, рассматривая M как перевернутую сигму, М. Хаммер обнаружил Хинозис; затем Переходя на "Г" и произнося только одно "О" из двух, он обретает гнозис; который, согласно его рассказу, раскрывает и доказывает тайну гностических тамплиеров.

М. Хаммер не только читает его задом наперед, но и начинает с предпоследней буквы и оставляет букву "A", после которой стоит +, отделяющий начало надписи от ее конца. Он добавляет букву "T" и предполагает, что греческая буква смешана с латинской надписью; и все же, после всех этих изменений, он не может произвести слово "Гнозис".

И что помешало ему увидеть в этой надписи то, что она есть на самом деле, СС. СИМОН ИУДА?

На 99-й медали мы читаем таким же образом: "Святой Симон Вел Иуда"; на 93-й - "Святой Симон Иуда" и т.д. В средние века не было ничего более распространенного, чем монеты, на одной стороне которых имя святого, а на другой - города или князя.

Две монеты, на которых вместо святого Симона и святого Иуды М. Хаммер называет святого Гностика, также носят имя *Отто* или *Отто* Марчио. Это обстоятельство смущает М. Хаммера; он объясняет это тем, что этот маркиз Отто был гностиком, защитником тамплиеров и посвященным в их тайные доктрины.

Зееландер читает на этих монетах только святого Симона и святого Иуду; он считает, что этот Отон мог быть Отоном II, маркизом Бранденбургским, жившим примерно в 1200 году. Если мнение Зеландера не побудит М. Хаммера принять это простое, естественное и очевидное объяснение, он может найти у Отто Сперлингиуса объяснение подобной монеты с надписью святого Симона и святого Иуды. Головы двух святых расположены близко друг к другу, под одной короной. А. Меллен считал, что эта монета была отчеканена в Госларе, и Сперленгиус разделяет его мнение.

Но даже если допустить, что эти монеты принадлежали секте гностиков, я бы продолжал утверждать, что М. Хаммер вовсе не доказывает, что ими пользовались тамплиеры. Рассуждения этого ученого сводятся почти к следующему: "Эти памятники гностические, следовательно, они относятся к тамплиерам"; и к этому: "Эти памятники относятся к тамплиерам, следовательно, они гностические".

Но позвольте мне сказать еще раз, если у тамплиеров были среди себя такие гностические знаки, как получилось, что эти знаки не были обнародованы и осуждены, когда речь шла о разрушении ордена? Как получилось, что их нигде не найти, кроме как в Германии?

Я получил бы тот же результат, если бы таким образом подробно исследовал все, что относится к чашам и потирам, в которых, по мнению М. Хаммера, он видит гностические эмблемы; на них не только нет ничего, относящегося к тамплиерам, но М. Хаммер собирал их только в местах и на памятниках, совершенно не относящихся к ордену тамплиеров.

Что касается гностических скульптур, которые М. Хаммер упорно продолжает видеть в некоторых церквях, разве не хорошо известно, что мы находим в церквях средневековья скульптуры и памятники, которые очень трудно объяснить, либо из-за моральных и религиозных идей, которые художники того времени выражали в очень неподходящих образах; либо из-за благочестивых аллегорий, традиция которых не дошла до нас?

Рельефы капителей церкви Сен-Жермен-де-Пре приводили в замешательство антикваров, и если бы м. Хаммер нашел такие в церкви тамплиеров, он не преминул бы преувеличить ими свой обвинительный акт.

Он приводит семь церквей в Германии, в которых он утверждает, что распознает гностические эмблемы: но он не приводит никаких доказательств того, что эти церкви принадлежали тамплиерам; и, даже если бы орден построил их, следует ли понимать, что, если бы среди них существовала тайная доктрина, лидеры выставляли бы ее символы напоказ в своих церквях? И как получилось, что они выбрали семь немецких церквей для получения этих нерелигиозных знаков, в то время как они не сделали ничего подобного в трех тысячах церквей, которыми они владели в христианском мире?

М. Хаммеру повезло не больше, когда он обращается к романам, в которых говорится о Святом Граале, символической истории или символе ордена Храма.

В этих романах нет ничего противоречащего религии; рыцари, которые являются персонажами, обещают верность Богу и дамам; они вооружаются и сражаются за религию и красоту. Можем ли мы тогда удивляться тому, что в период, когда создавались эти романы, поиски Святого Грааля, или святой чаши, считались подвигом, достойным рыцарства?

М. Хаммеру кажется, что он находит нечто очень благоприятное для себя в следующем отрывке: — “Как Святой Грааль пришел в Трамелет в день Пятидесятницы”, — он замечает, что праздник Святого Грааля отмечался не в Рождество, а в Пятидесятницу; “если бы под этой чашей, - говорит он, - подразумевалась, как предполагают некоторые, чаша Господня, праздник отмечался бы либо в Рождество, либо в Страстной четверг, а не в день Пятидесятницы, который гностики считали очень святым, как день Святой Троицы”. святой Дух, который был для гностиков Софией, а для тамплиеров Мерой“.

Ответить на это очень просто: —1-й. Король Артус проводил свое пленарное заседание в дни великих праздников года; поэтому неудивительно, что Святой Грааль прибыл в день Пятидесятницы. Автор романа не смог выбрать день Рождества, праздник которого не был назначен во времена короля Артуса. Вполне вероятно даже, что романс, о котором идет речь, был сочинен до учреждения этого фестиваля Урбаном IV в 1264 году.

М. Хаммер понимал, что было странно выдвигать по прошествии пяти столетий обвинение против тамплиеров, совершенно отличное от того, которое служило предлогом для современных угнетателей. Поэтому он утверждает, что папа приговором, который был вынесен тамплиерам, хотел скрыть информацию об их истинных преступлениях; но он утверждает, что,

когда архивы Рима выйдут на свет, что рано или поздно случается со всем, мы найдем там доказательства преступлений, которые он сейчас осуждает.

Как можно поверить, что если бы рыцари были виновны в преступлениях, которые приписывает им М. Хаммер, папа и короли предпочли бы абсурдную систему обвинений, которую они использовали, системе, подобной той, которую выдвигает М. Хаммер?

Но, кроме того, совершенно очевидно, что ВСЕ фрагменты, находившиеся в римских архивах, теперь известны: все они отмечены своими номерами в уведомлении о неопубликованных фрагментах, которые помогли в составлении *Исторических памятников, относящихся к осуждению Шавалье Тампля, и т.д.* Следовательно, м. Хаммеру нечего надеяться на архивы Ватикана.

Этот выдающийся ученый когда-нибудь признает, что ему не следовало поддаваться желанию выдвинуть новую систему обвинения против ордена и рыцарей Храма. Их ужасная и прославленная катастрофа налагает обязательство быть очень осмотрительными и очень суровыми в выборе средств, с помощью которых мы можем позволить себе попытаться лишить их справедливого сострадания, в котором потомки не отказали их судьбе.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

Г-н Мишо рассказал историю крестовых походов с такой полнотой и точностью, что в том, что касается этих религиозных паломничеств с оружием в руках, добавлять ничего не нужно. Движение Запада на Восток прослежено и описано в мельчайших деталях, с учетом каждого личного происшествия и достижения, и работа была проделана настолько тщательно, что, вероятно, ни один позднейший историк не почувствует влечения к той же области. Однако, возможно, было бы полезно дополнить это заслуживающее доверия и вдохновенное повествование кратким обзором широких и плодотворных изменений, которые крестовые походы прямо или косвенно внесли в социальную и политическую жизнь Европы. Одно из преимуществ времени состоит в том, что по прошествии времени раскрываются те более широкие связи великих событий, которые были скрыты от наблюдения более ранней эпохи; и в то время как более ранний историк имеет преимущество находиться рядом с историческим движением, которое он описывает, и собирать из первых рук самую полную информацию о его происхождении, направлении и личности, более поздний писатель гораздо лучше подготовлен для работы по приведению движения в правильное соответствие с его социальным и политическим окружением. Фукидид должен оставаться преимущественно историком Пелопоннесской войны; но Грот и Курций, в значительной степени черпая факты из него, способны обсудить решающую борьбу между Афинами и Спартой с более широким пониманием элементов греческого характера и политики, которые привели к конфликту, и проследить его влияние на более позднюю греческую историю. В этой главе не будет добавлено никаких новых фактов, касающихся крестовых походов; но, используя более поздние исследования в этой важной области, мы укажем на некоторые результаты этих экспедиций в том виде, в каком они проявились в последующем политическом развитии Европы.

Клермонский собор 1095 года признал феодальную систему полностью развитой в Западной Европе. Священная Римская империя, которая в лице Карла Великого дала краткое обещание восстановления авторитета правительства и сплоченности общества, стала всего лишь тенью среди враждующих, агрессивных группировок феодализма. Огромной энергии Карла было достаточно, чтобы раздвинуть границы варварства и на некоторое время создать сравнительно чистое поле для усилий по созданию организованного и стабильного общества; но задача подавления социальной и политической анархии вокруг него была слишком велика даже для правителя его гениальности. Время еще не пришло, и когда с таким трудом выстроенные линии власти выпали из сильной руки, не нашлось преемника, который смог бы их удержать. Анархия стала почти всеобщей. Королевская власть была повсюду, за редкими исключениями, чем-то смутным и неопределенным, окруженным и ревниво охраняемым баронами, более могущественными, чем король, во всем, кроме названия. Общество было разделено на небольшие сообщества, у которых, по-видимому, не было общего направления движения или импульса прогресса. Каждый замок был центром власти, который мог быть враждебен любой другой власти в нем. Не существовало общих уз, объединявших расы в более крупное содружество родственных целей и устремлений. Люди одной крови испытывали друг к другу более смертельную враждебность, чем люди других рас.

Никакие крупные предприятия были невозможны, потому что общность чувств и гармония действий, которые делали их возможными, одинаково отсутствовали. Принцип индивидуализма — величайший вклад северных рас в политическое развитие Европы — достиг своего наивысшего развития и повсюду заявлял о себе в самых агрессивных формах. Западная Европа так далеко продвинулась в этом направлении, что дальнейший прогресс в искусстве, промышленности и институтах цивилизации был невозможен без привнесения в проблему нового элемента. Что было необходимо, так это связующее влияние какой-то общей цели, которая должна была дать новое единство, раскрыв людям более широкие возможности организованной социальной и политической жизни. Организация является необходимым условием прогресса, и до тех пор, пока в Европе отсутствовала концепция правительства с четко определенными полномочиями, регулярностью управления и способностью подавлять оппозицию и твердой и уверенной рукой утверждать свой авторитет во всех частях своей территории, никакое движение вперед было невозможно.

Это заклятие политического и социального бессилия было разрушено крестовыми походами. Петр Отшельник был гласом вопиющего в пустыне, предтечей исторического движения, которое должно было стать спасением Европы. Вернувшись из Сирии с сердцем, горячим от негодования по поводу оскорблений и преследований, которым подвергается паломник к Гробу Господню, его призыв к оружию имел всю силу, которую могли придать ему подлинные религиозные убеждения, и все убедительное красноречие призыва, которого люди жаждали и которого ждали в молчании и отчаянии. Никто не станет отрицать силу религиозного чувства, которое в ответ на это послание быстро собрало воинство в первом крестовом походе; но беспокойная жизнь угнетенных и обремененных рас нашла в новом предприятии выход, через который оно хлынуло подобно поднимающемуся приливу. Впервые в своей истории Западная Европа имела общую цель и объединилась в общем начинании. В самой отдаленной деревушке господствующая власть феодала на время перешла к власти Церкви, призывая Европу вести свои битвы и защищать свои священные места. Европа осознала тот факт, о котором раньше не подозревала, что она больше, чем ее враждующие феодалы, что возможности ее жизни гораздо разнообразнее и богаче, чем люди могли мечтать под железным давлением

феодалной системы, и, таким образом, необходимый элемент объединения и кооперации проявил себя.

Как и все великие социальные и политические перемены, переход от феодальных общин к национальной организации был бессознательным и нераскрытым. В сознании крестоносцев и общин, чью веру они представляли и чей импульс приводили в действие, ни один четко определенный идеал национальной жизни не откликнулся на призыв Петра. Этот идеал рос медленно, но его корни были заложены в этом движении. Испанцы, немцы, итальянцы, англичане и французы обнаружили, что действуют в гармонии ради общей цели. Они несли разные знамена, они маршировали под началом разных лидеров, они шли разными дорогами; но общий импульс гнал их вперед, и общая цель влекла их вперед. Общность их чувств часто омрачалась взаимной завистью, а единство действий нарушалось взаимным антагонизмом; но существенная гармония, лежавшая в основе этих беспорядков и обеспечившая положительные результаты более ранних крестовых походов, дала Европе концепцию жизни, которую она основательно усвоила еще до того, как последние крестоносцы вернулись из своих бесплодных поисков.

То, что сближало различные национальности и расы, раскрывая им общие религиозные и социальные цели и вкусы, привело к аналогичному результату в широко разделенных слоях общества. Европейское общество не было однородным, когда проповедовался первый крестовый поход. Оно было разделено на резко отличающиеся друг от друга слои, связанные друг с другом давлением внешней силы, а не связывающей силой органической структуры. Не было взаимности интересов или чувств. Король, барон, бюргер и крестьянин были настолько далеки друг от друга в силу сложившихся обстоятельств, что не могли понять друг друга. Этот общий язык опыта и устремлений, который сегодня находит отклик среди людей всех социальных рангов, был бы непонятен в эпоху первого крестового похода. Барон и крестьянин действительно действовали сообща в феодальной войне, но только тогда, когда низший был вынужден служить высшему, а более слабый выполнять работу более сильного. Никакой общий импульс никогда прежде не волновал общечеловеческую сущность всех классов; никакой призыв никогда прежде не призывал их как личностей к служению, в котором каждый находился бы в духовном равенстве со всеми другими. Мужчины и раньше распределялись по классам, но они распределялись как классы, а не как мужчины.

Церковь увидела, как ее ранняя мечта об имперской власти, с которой она могла бы поддерживать дружеский и влиятельный союз, рассеялась, как туман, перед железным индивидуализмом феодализма, и была вынуждена почти заново начать свое завоевание правящих держав Европы. Работа, которую несколько искусных священнослужителей могли бы выполнять при королевских дворах в нескольких столицах, на протяжении веков была поручена армии священников, прикрепленных к баронским домам и совершающих священные обряды своей религии в часовнях замков на обширной территории Западной Европы. Церковь и феодализм находились в радикальном антагонизме; они представляли идеи, которые при тех крайностях, в которых каждая из них придерживалась, не могли быть согласованы в практической жизни. Церковь уступила феодализму, как в более раннюю эпоху она уступила завоеванию Южной Европы варварами, потому что капитуляция, по крайней мере, формальная, была неизбежна. Но в последнем случае, как и в первом, борьба сразу же возобновилась по новому плану действий. Организованная кампания по сосредоточению сил в нескольких стратегических точках была отброшена из-за постоянной бдительности и постоянных

перестрелок вдоль чрезвычайно протяженной границы. Каждое баронство становилось ареной боевых действий, каждый замок - твердыней, которую можно завоевать с помощью самых искусных приемов духовной войны. Церковь была единственным представителем идеи вселенской власти и порядка, но до сих пор не возникло случая, которым можно было бы воспользоваться, чтобы сделать эту концепцию активным принципом в обществе. Оно находилось в смертельном антагонизме с системой, которая раскалывала общество на маленькие враждебные сообщества; но еще не пришло время, когда оно могло бы пустить в ход силу, достаточно мощную, чтобы уничтожить своего антагониста или оказать влияние, которое неизбежно привело бы к распаду феодального строя.

Проповедь первого крестового похода была возможностью, которую Церковь быстро распознала и использовала с той настойчивостью и непревзойденным умением, которые характеризовали всю ее раннюю и большую часть более поздней истории. Теперь можно было призвать к оружию не только отдельные феодалии, но и всю Европу. Феодализм разделил бы людей на фиксированные классы, а общество - на постоянные группы; Церковь, с другой стороны, предотвратила бы угнетение одного класса другим, связав всех всеобщей преданностью себе, и внушила бы обществу единство общего служения и общей веры.

Крестовые походы возникли из чувства, которое было столь же сильно в сердце крестьянина, как и в сердце дворянина. Великое дело и всеобщее чувство дали Церкви возможность, к которой она стремилась. Торжественный собор сделал проповедь Петра Отшельника голосом самой Церкви. Феодальные различия были забыты в энтузиазме службы, которая по своим санкциям и целям превосходила все земные обязанности и в которой земные различия на мгновение были отброшены в сторону. Власть феодальной знати, до сих пор господствовавшей в Западной Европе, на какое-то время стала второстепенной по отношению к власти Церкви. Люди были призваны больше не на службу своим господам, а на службу своей Церкви. Изменение было радикальным. Это было введение принципа, который все еще пытается утвердить себя в практическом законодательстве и политических действиях. Его развитие было медленным, но оно произвело революцию в обществе, и каков будет его конечный результат, никто не может предсказать. Король, барон, бюргер и крестьянин оказались бок о бок за одно и то же дело, один класс служил другому не в силу феодальной, а духовной власти; товарищи по оружию в предприятии, которое обращалось к тому, что было общим и вечным для всех них, а не к тому, что было отличительным и условным. Не внезапно, а благодаря медленным процессам роста, которые связаны с великими моральными изменениями, люди забыли о своем унижении и рабстве при феодализме в зарождающемся свете свободы, дарованной высшей духовной силой. Представление о более высокой власти, чем та, что находилась в руках феодала, пустило корни в сознании Европы и стало плодом огромных перемен. В Сирии лидеры крестовых походов не смогли удержать своих последователей в повиновении, когда те попытались следовать своим личным амбициям. Руководящая цель, которая привлекла их туда, превзошла все личные замыслы и превратила неподчинение в добродетель. Влияние, более мощное, чем феодализм, вошло в европейскую жизнь вместе с крестовыми походами и, возможно, было самым далеко идущим и потенциальным эффектом, который они произвели на мир.

Крестовые походы застали Европу неподвижной и лишенной силы прогресса. Общество выкристаллизовалось в формы настолько жесткие и фиксированные, что сильное давление извне было необходимо для любого движения к освобождению. Мало того, что сообщества

были ограничены и сокращены в численности, а отдельных людей удерживала на своих местах сила, бороться с которой было безнадежно; но все население было приковано к земле системой рабства, самой жесткой и наиболее распространенной из известных в истории. Соседние общины говорили на диалектах, отличающихся друг от друга настолько, что общение между людьми одной расы было почти таким же трудным, как и между людьми широко разделенных национальностей.

Не было почти никакого обмена знаниями, никакой торговли идеями. Там, где люди рождались, они проводили свою жизнь и были похоронены, не имея ни малейшего представления о каких-либо более крупных жизненных связях, чем те, что связаны с местностью, которая составляла их маленькую сферу деятельности. Феодализм, разлагающий общество и низводящий индивида до второстепенного фактора в огромной системе, парализовал силу развития, которое достигается только за счет обмена и комбинирования энергии. Китайская империя столетней давности едва ли была более надежно ограждена от внешнего влияния и обречена на абсолютный застой, чем страны, над которыми феодализм раскинул свою железную сеть. В эту тесную, плотную атмосферу крестовые походы послали мощный поток новой мысли. Безнадежная и утомительная рутина, на которую были обречены огромные массы населения, во многом объясняет тот энтузиазм, с которым множество людей бросалось на опасную и кропотливую службу. Люди задыхались в воздухе, которым дышали они и их отцы до них без какой-либо возможности измениться. В эпоху крестовых походов религиозный импульс был силен, но следующим по значимости чувством, несомненно, было стремление к свободе.

Между 1095 и 1291 годами нашей эры произошли огромные перемены. Первый крестовый поход нашел людей всех национальностей, жаждущих последовать за его лидерами, проповедники последнего крестового похода взывали к глухим ушам. Европа была безразлична к делу, которое на протяжении двух столетий находило таких красноречивых ораторов, как Бернар Клервосский, и таких чистых лидеров, как Годфри, таких отважных, как Ричард, таких преданных, как Людовик Святой, и все же религиозное рвение не умерло, а религиозные санкции не утратили своей святости. Секрет перемены в настроениях европейцев заключался в расширении и освобождении европейской жизни, которое обеспечили крестовые походы. Между различными сектами был сравнительно свободный обмен мнениями.

Непрекращающиеся передвижения воинств крестоносцев, смешение стольких различных рас разрушили множество барьеров и привели в действие множество объединяющих факторов. Немец знал француза, а француз - англичанина, и это взаимное знание было плодотворным, ускорило и стимулировало жизнь повсюду. Люди начали улучшать свое положение, меняя место жительства. Эмиграция, которая в первые века христианской эры изменила облик Европы, а затем была остановлена феодализмом, снова началась столь малыми и незначительными путями, что долгое время оставалась незамеченной, но имела огромное значение в свете последующей истории.

Изменение и распад феодальной системы, несомненно, является величайшим вкладом крестовых походов в развитие человечества. Этот результат был достигнут, как было показано, освобождением мысли и жизни во всей Западной Европе; но были и другие важные элементы, которые повлияли на решение проблемы европейского прогресса.

Экспедиции на Восток были для того времени чрезвычайно дорогостоящими. Очень многие крупные феодалы, снаряжавшие экспедиции, были не в состоянии за счет своих обычных

ресурсов покрыть необходимые расходы. Деньги добывались всевозможными способами. Города воспользовались потребностями своих феодалов, чтобы купить себе свободу, огромные поместья, которые веками увеличивались за счет постоянного накопления и завоеваний, были обременены или проданы. Произошел беспрецедентный в европейской истории обмен земельной собственностью. Многие крупные феодальные владения полностью исчезли в течение двух столетий, в течение которых собирались последовательные экспедиции на Восток. Путем подкупа, вымогательства и конфискации, которые стали возможными из-за беспорядка того времени, королевская власть совершила огромные вторжения на территорию феодализма, и когда последняя безнадежная борьба в Сирии закончилась, принцип централизации, повсеместно представленный королевской властью, значительно превзошел крайний индивидуализм феодализма.

Рост влияния и авторитета Церкви был, однако, самым непосредственным и заметным результатом крестовых походов. Религиозные идеи, заявляет Гизо, не претерпели никаких изменений, но власть переходила из рук в руки не меньше, чем собственность. Церковь, быстро использовавшая любую возможность, которую предоставляли смутный век и превратности войны, неуклонно продвигалась вперед, занимая каждую беззащитную позицию и укрепляя каждую незащищенную точку. Авторитет, которым Урбан пользовался на Клермонском соборе, призывая всех мужчин к оружию как подданных Церкви, при каждом удобном случае подтверждался с той твердостью и универсальностью политики, которые являются одним из секретов папской власти. Феодальное подчинение было заменено новым принципом верности. Разногласия между крупными баронами разрешались голосом Церкви, и на королевских советах папа выступал через своих личных представителей. Римские легаты стали известными фигурами в каждой столице, а настойчивость, с которой они добивались того, чтобы к ним прислушивались по всем общественным вопросам, быстро и постоянно расширяла представления населения о масштабах и весе власти Рима.

На Востоке столь же важные результаты принесли походы крестоносцев. Между Востоком и Западом было возобновлено сообщение. Грубая рука войны распахнула двери, которым больше никогда не суждено было оставаться постоянно закрытыми.

Ожесточенная борьба противоборствующих сторон не закрывала от них глаза на тот факт, что каждой из них есть чему поучиться у другой. Восточное величие и культура завораживали даже воинов, чьи руки в кольчугах поклялись уничтожить цивилизацию, при которой они были созданы. Позитивный и непосредственный выигрыш от западных знаний, несомненно, был меньше, чем считалось ранее, но скрытый выигрыш неисчислим. Если Запад не в долгу перед Востоком за искусство книгопечатания и компас, то он в долгу за существенное обогащение мысли, за значительное расширение ментального горизонта. Обмен мыслями, который был приведен в движение крестовыми походами, все еще дает свои богатейшие результаты; и в современной истории нет более впечатляющей черты, чем слияние этих двух древних цивилизаций.

(По договоренности с господами. Macmillan & Co., Лондон.)

СТИХИ, ПЬЕСЫ И РАЗНЫЕ ЭССЕ ЧАРЛЬЗА ЛЭМБА.

С 50 страницами введения и примечаний АЛЬФРЕДА АЙНГЕРА, редактора "Очерков Элии". 12 страниц, ткань, позолоченный верх. 432 страницы. \$1.50.

“В этом томе стихи Лэмба расположены в хронологическом порядке, и читатель может проследить различные события жизни поэта по его произведениям”. —Нью-Йоркский экзаменатор.

“Работа мистера Эйнджера была выполнена весьма разумно и удовлетворительно. Это издание можно смело рекомендовать за точность и полноту”. —*Boston Courier*.

“Эта книга доставит бесконечное удовольствие тысячам людей — сделает Лэмба больше не просто именем, а другом. Те читатели, которые знают Лэмба как поэта только по его стихам, немногочисленным, но изысканной красоты, будут удивлены, обнаружив размах его поэтической силы. Эссе в прозе, включенные в этот том, изобилуют восхитительным юмором”. — *Журнал "Провиденс"*.

Лондонская академия говорит: “В прошлом году у нас была несравненная *Элия*’ - здесь представлены все разнообразные работы Лэмба, которые он сам отобрал для сохранения в неизменном виде. Никому и никогда не понадобится более удовлетворительное издание, чем это. В интересах любознательных мы должны добавить, что мистер Эйнджер здесь впервые печатает копию стихов из альбома, написанных для миссис Де Морган и письмо Додуэллу, старому приятелю Лэмба, клерку в Индийском доме.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ (С новых пластинок)

ОЧЕРКИ ЭЛИИ ЛЭМБА.

С 50 страницами введения и примечаний АЛЬФРЕДА АЙНГЕРА. 12то, тканевый позолоченный верх. 550 страниц. \$1.50.

Нью-Йоркский христианский союз заявляет: “Ценность этого издания во многом повышается благодаря заметкам мистера Эйнджера, которые на сегодняшний день являются лучшим комментарием к Лэмбу, который был дан миру. Мистер Эйнджер досконально владеет всей информацией, относящейся к Лэмбу и его работе; он изучил все связанные с этим вопросы, изучил всевозможные неясные и второстепенные факты и придает эссе в некоторых частях гораздо более свежий смысл”.

ЭТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ включает заметки мистера Эйнджера, о которых “The Nation” говорит: “Они достойны восхищения. Они занимают почти пятьдесят страниц и СОДЕРЖАТ МАССУ ИНТЕРЕСНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛЭМБЕ, ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ЕГО ДРУЗЬЯХ. Библиографические сведения о первых публикациях эссе приведены здесь и там.

Объясняются многие неясности и намеки, и раскрываются многие мистификации Лэмба. Мистер Эйнджер использовал ключи (написанные рукой Лэмба) к различным первым сериям эссе ”.

Копии отправляются по получении цены с предоплатой, по

Эй Си Армстронг и сын, Бродвей, 714, Нью-Йорк.

РАБОТАЕТ СТАНДАРТ ВЫБОРА.

НОВОЕ И КРАСИВОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ МИЛЬМАНА,

С оглавлением и полными указателями.

В 8 т., КОРОНА 8 В., ТКАНЬ.

ЦЕНА, 12,00 долларов ЗА комплект. (Снижена с 24,50 долларов.)

(Дополнительно из телячьей кожи, 25,00 долларов за комплект.)

Настоящее издание работ Мильмана, тщательно переработанное и исправленное, включает

История евреев, 2 тома.

История христианства, 2 тома.

История латинского христианства, 4 тома.

Доктор Мильман завоевал устойчивую популярность как историк своими тремя великими работами "История евреев", "История христианства" и "История латинского христианства". Эти произведения связаны друг с другом и ведут повествование от начала всей истории до среднего периода современной эпохи. Это работа ученого, добросовестного студента и христианского философа. доктор Милман подготовил это новое издание таким образом, чтобы в нем были использованы результаты более поздних исследований. В примечаниях и в отдельных приложениях к главам критически обсуждается множество очень важных вопросов.

Автор известен своим спокойствием и жесткой беспристрастностью, бесстрашным разоблачением плохого и оценкой хорошего как в учреждениях, так и в людях, а также своей целью всегда говорить правду с милосердием. Лучшие источники обо всех рассказанных событиях были тщательно отобраны, и их результаты представлены в стиле, замечательном своей ясностью, силой и одушевлением.

РАБОТЫ МИЛМАНА ЗАНЯЛИ СВОЕ МЕСТО Среди ПРИЗНАННЫХ КЛАССИКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Общая точность его высказываний, искренность его критики и широта его милосердия повсюду очевидны в его произведениях. Кажется, что он всегда искал истину, и то, что он находит, он излагает с простой ясностью и бесстрашной честностью. ЕГО РАБОТЫ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ТАК ЖЕ ЦЕННЫ, КАК ТОМА ГИББОНА В СВЕТСКОЙ ИСТОРИИ. ОНИ ЗАСЛУЖИВАЮТ МЕСТА В КАЖДОЙ БИБЛИОТЕКЕ СТРАНЫ. ЭТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ в 8 томах содержит В среднем БОЛЕЕ 900 страниц в томе. ЦЕНА 12,00 долларов ЗА комплект. (Ранее публиковалось в 14 томах. за 24,50 доллара.)

Отправлено при получении цены с предоплатой, по

Эй Си АРМСТРОНГ И СЫН, Бродвей, 714, Нью-Йорк.

СНОСКИ:

[1] Мы находим множество подробностей об этих спорах и их происхождении в *Санути*, которые мы сочли за лучшее сократить.

[2] Мы приняли версию М. Дегиня как наиболее вероятную. (См . *Историю гуннов*.)

[3] Одна из главных трудностей, с которыми сталкивается историк этой эпохи, заключается в том, чтобы сохранить связь в своем повествовании, не говоря уже о необходимости говорить одновременно о Западе и Востоке, о христианах, мамлюках и татарах. Здесь на сцену выходит новый народ, там приходит в упадок старая империя: все события спешат и смешиваются воедино, и ход истории сбивается с толку среди стольких руин. Мы стараемся быть максимально понятными.

[4] Во многих хрониках говорится, что Улагон запер халифа среди всех его сокровищ и оставил его умирать с голоду: это обстоятельство совершенно неправдоподобно и не было признано М. Дегинем.

[5] Большинство историков взяли свои отчеты об этой войне Великих моголов из уважаемого труда, озаглавленного *Фрагмент Статуи Сарацин*; однако он содержит много ошибок, и в нескольких местах его следует исправить с помощью исследований историков Востока. Некоторую ценную информацию об этой татарской войне можно также найти в армянском "Хайтоне" и в "Санути"; но этих авторов следует читать с осторожностью и подозрением.

[6] Бела IV, король Венгрии, написал папе римскому, что, если ему не будет быстро оказана помощь, он должен заключить союз с татарами. Папа горячо упрекнул его. Александр IV. написал всем христианским князьям, прелатам и общинам, чтобы проконсультироваться о средствах сопротивления варварам, как на Востоке, так и на Западе. В "Райнальди" — 1262 год, № № 29 и 30 — можно прочитать его письмо, в котором он подробно описывает набор солдат и

субсидии. Это письмо сохранилось у Мэтью Пэриса, который рассказывает о соборах, проведенных по этому вопросу; некоторые факты, относящиеся к нашествию татар, также можно найти у Вильгельма Нангисского и Мэтью Вестминстерского, а также в *Собрании соборов*.

[7] Этот уникальный факт изложен арабским историком Абульфедой и повторен М. Дегинем, том iv. стр. 133.

[8] Об этом циркуляре сообщает Raynaldi, № 68 и 69. Мотивы, на которые ссылается папа в своем письме, поражают мудрую Флери, которая обращает внимание на дух противоречия, о котором мы упоминали.

[9] Эти экспедиции Бибарса со всеми подробностями описаны в хрониках Ибн-Ферата и в Макризи. Хотя мы значительно сократили наш рассказ, мы опасаемся, что нас обвинят в занудстве. Мы уступили нашему желанию восполнить недостатки, которые имеются во всех хрониках Запада в их описаниях этого периода. Жизнь Бибарса также оказала нам большую услугу.

[10] Арабские хроники описывают это событие очень туманно и двусмысленно; они почти не упоминают о резне пленных и почти ничего не говорят о капитуляции; они обвиняют франков в том, что они увели с собой мусульманских пленных, что маловероятно.

[11] Мы опасаемся, что М. Мишо переносит пристрастности Биографии на страницы истории: в первом случае это иногда простительно; во втором - никогда. Наши читатели, которые вспомнят взятие Иерусалима или Птолемаиды, сразу увидят, насколько слабы претензии христиан на превосходство над своими противниками в милосердии. Что касается религиозной части повествования, история изобилует массовыми обращениями покоренных армий и народов. Посмотрите, например, на Карла Великого и нашего Альфреда. Мы думали, что идея о том, что магометанство является *религией меча*, была отвергнута. Гиббон категорически отрицает, что это так, и утверждает, что ни одно предписание или отрывок из Корана не внушают этого.—Пер.

[12] Санути - почти единственный христианский писатель, который предоставляет информацию о приеме Сефеда.

[13] “Я не могу назвать сумму, - говорит Жуанвиль, - которую король выделил на укрепление Яффы, настолько она была велика. Он закрыл канал между двумя морями, он построил двадцать четыре башни и очистил рвы снаружи и внутри. Было три ворот, из которых легат построил одни, а также часть стен. И чтобы показать вам, сколько, должно быть, потратил король, я расскажу вам, что сказал легат, когда я спросил его, во сколько ему обошлись эти ворота и стена. Я подсчитал, что первое обошлось ему в пятьсот ливров, а второе - в триста ливров; но он сказал мне, да поможет ему Бог, что ворота и стена обошлись ему в тридцать тысяч ливров”.

[14] Этот небольшой инцидент довольно драматичен и в хороших руках не выглядел бы плохо при опросе. Разве это не помогло бы искусству, если бы историки, пораженные описываемыми ими сценами, предложили художникам, которые так часто оказываются в затруднительном положении из—за своего необдуманного выбора сюжетов, события, людей и страсти, подходящие для карандаша? -Пер. с англ.

[15] В этом письме Бибарса, написанном его секретарем, автором имеющейся у нас книги "Жизнь этого султана", говорится не только о взятии и разрушении Антиохии, но и о опустошениях, совершенных мамлюками на территории Триполи. Это письмо очень длинное, но мы находим в нем больше декламационных фраз и восточных фигур, чем фактов для пера историка.

[16] Сирвенте - это своего рода поэма, характерная для трубадуров.

[17] Это *сирвенте*, которое приписывается рыцарю Храма, было переведено аббатом Мийо, который, по-видимому, изменил его смысл. Оно напечатано в четвертом томе, стр. 131, *Сборника поэзий трубадуров*, составленного М. Рейнуаром, бессменным секретарем Французской академии. Мы используем дословный перевод, который мсье Рейнуар любезно предоставил нам.

[18] Эти подробности, а также большинство предшествующих им, касающихся мусульман, взяты из ценной хроники Ибн-Ферата.

[19] "Он придерживался мнения, " говорит Уильям де Нанжи, - что королевство Франция подверглось большому позору во время первого паломничества". Отец Майбур так отзывается о решении короля: "Св. Людовик, каким бы великим святым он ни был, не мог отделаться от мысли, что на нем лежит большой позор за то, что он так плохо преуспел в Египте".

[20] *История. de St. Louis*, by Filleau de la Chaise.

[21] Смотрите письма Климента в Дачезне, epist. 269.

[22] Жуанвиль, присутствуя на мессе в часовне, слышал, как совещались два рыцаря; один сказал, что если король примет крест, это будет один из самых роковых дней, когда-либо виденных во Франции; ибо, если мы примем крест, мы погубим короля; и опять же, если мы примем крест, мы потеряем Божью благодать, потому что мы принимаем крест не ради о нем.

[23] Когда наши читатели вспомнят о средствах, использовавшихся в прежних крестовых походах для вымогательства денег у всех классов, а также у духовенства, мы думаем, они разделят наше удивление по поводу этого утверждения. Духовенство в большинстве случаев было получателями налогов с мирян и, по словам самого нашего автора, не всегда оказывалось надежными сборщиками.—Пер. с англ.

[24] Все эти детали до десятых долей имеют огромное значение для истории крестовых походов: для проведения этих переговоров можно обратиться к следующим авторитетам: Raynaldi, № 59; the *Spicilege*, vol. xiii. с. 221; *Дополнение* к Райнальди, книга lxi. № 42; "*Церковная история*" Флери и "*Деяния Раймера*".

[25] Как историкам, нам не следует утверждать это и следует посоветовать нашим читателям принимать это с большой осторожностью и со многими ограничениями.—Пер.

[26] Эта диссертация, присланная нам автором, носит заглавие *Историческая диссертация* дона Фернандеса де Креваретте о роли испанцев в войнах за морями и о влиянии этих экспедиций с одиннадцатого по Пятнадцатый век. Эта работа, в которой преобладают образованная критика и солидная эрудиция, содержит много ценных документов; у нас часто будет случай процитировать ее.

[27] Мигрей так описывает убийство Конрадина: “Поскольку Карл решил отправиться в Африку вместе с королем Людовиком Сент—Луисом, не зная, что делать с Конрадином и Фредериком, которых было опасно держать, а тем более освобождать, в королевстве, полном фракций и восстаний, он приказал предать их суду синдиков городов региона”. королевство”.

[28] Можно проконсультироваться по поводу подготовки к путешествию Людовика IX, Вильгельма Нанжисского, Жоффруа де Болье, *Геста* из Сент-Луиса, продолжателя Мэтью Пэриса и Жуанвиля.

[29] “Это правда, что до того, как король Людовик принял крест, он получил несколько посланий от короля Туниса, причем в разное время, и многие из них были отправлены ему; эти послания дали Людовику понять, что король Туниса готов стать христианином, и что он с большей готовностью изменит свою веру, если представится возможность, при которой пострадают его собственная честь и благополучие его народа”. обеспечен. Добрый король—христианин полагал, что, если он и его прославленные войска внезапно придут в Тунис, вряд ли король Туниса сможет отказаться или оправдать такую разумную возможность принять святое крещение” и т.д. - *Анналы правления Людовика Святого*, Вильгельм Нангисский.

[30] Некоторые классические авторитеты называют это Tunetum; другие - Tunes.—Пер.

[31] Луи использует выражение: “Я против этого *запрета*” и т. Д. Это слово не может использоваться в этом смысле на английском, но очень эффективно на французском и использовалось во многих юридических прокламациях, связанных с королевскими или сеньориальными правами, — как, например: *запрет* - это прокламация, согласно которой все, кто владел землями короны, должны были быть освобождены. жители Франции были призваны служить королю в его войнах.—Пер.

[32] Вильгельм Нангисский говорит по этому поводу: “Это было великое предательство со стороны сарацин и великая простота со стороны христиан”.

[33] Джеффри де Болье изложил эти инструкции на латыни. Они написаны на старофранцузском в Жуанвиле и в “*Анналах правления Людовика Святого*”. Эти три автора приводят их с заметными различиями. Моро в двадцатом томе своих *Рассуждений об истории Франции* приводит еще одну новую версию, которая, как он заявляет, была скопирована из одного из реестров Счетной палаты, в котором, вероятно, Филипп ле Харди пожелал сохранить этот памятник. Именно этой версии мы в основном следовали в приведенном здесь отрывке.

[34] Подробности смерти Людовика Святого можно найти у Жоффруа де Болье, Вильгельма Шартрского, Вильгельма Нанжисского и в письме епископа Тунисского, переданном Мартенном; Жуанвиль описывает некоторые обстоятельства этого; но очень жаль, что добрый сенешаль не присутствовал при последних минутах жизни Людовика Святого; как трогательно было бы узнать о его смерти! отношения были! и насколько это было бы лучше того, что сообщают нам очевидцы, написавшие с такой бесчувственной сухостью и сжатостью!

[35] Это письмо, переведенное на латынь, можно найти в коллекции Мартен. Мы приведем выдержку из него в нашем Приложении.

[36] Мы читаем в жизнеописании Бибарса и в хронике Ибн-Ферата, что султан Каира был сильно недоволен поведением короля Туниса. Мир, который заключил последний, предоставил

крестоносцам свободу везти свое оружие в Египет. Бибарс хотел бы, чтобы христианская армия была задержана на побережье Африки. Он пригрозил свергнуть с престола своего союзника и сказал послам короля Туниса, что такой принц, как он, недостойн править мусульманами.

[37] О событиях, последовавших за смертью Сент-Луиса, см. Duchesne и *le Spicilège*, том i.

[38] Мы надеемся, что наши читатели, читая последнюю часть этого в остальном хорошего абзаца, не забудут, что мы всего лишь переводчики.—Пер. с англ.

[39] Среди многочисленных панегириков Людовику IX. есть лишь немногие, кто выдержал испытание временем. Вольтер нарисовал прекрасный портрет доброго короля. Г-н Дампартен в своей работе о королях Франции талантливо и правдиво отозвался об этом великом принце.

[40] Слова Буллы о канонизации.

[41] Арабские хронисты сохранили несколько из этих договоров: в выдержках из восточных рукописей мы находим договор между султаном Каира и маленьким городом Тортоса. Читая титулы и зависимости хозяев и жителей Тортосы, мы можем вообразить, что читаем договор аренды бейлифика или фермы, оформленный у нотариуса.

[42] У Ибн-Ферата мы можем прочитать письмо, написанное султаном Каира по поводу принцессы Берутской, которая покинула свое маленькое княжество без согласия султана. (Смотрите выдержки из арабских рукописей.)

[43] Этот рассказ гораздо длиннее у Ибн-Ферата; пытаюсь сохранить его тон и восточный колорит, мы сочли необходимым сократить его. Хроника Ибн-Ферата, представляющая собой собрание многих других хроник, содержит несколько различных версий; эта представляется нам наиболее вероятной и в то же время наилучшим образом рассчитанной для того, чтобы показать, каковы были ресурсы народов Азии против эксцессов деспотизма.

[44] Многие историки считают, что приготовления Карла были направлены против Константинополя. Не противореча этому мнению, мы можем полагать, что король Сицилии точно так же думал об Иерусалимском королевстве. Карл всегда держал свои политические проекты в строжайшей тайне; и очень часто лицемерие принцев вызывает у историков столько же смущения, сколько могло бы причинить вреда странам, подвергшимся его попыткам.

[45] Текст этого договора можно прочитать в "Жизни Келауна".

[46] М. де Саси перевел договор, заключенный между султаном Египта и королями Сицилии и Арагона. Следующее является одним из пунктов этого договора: "Если случится так, что папа Римский, короли франков, греков, татар или другие попросят короля Арагона или его братьев или заставят просить государства их владений о вспомогательных войсках или какой-либо помощи, будь то кавалерия, пехота, деньги, сосуды, одежда или оружие, упомянутые князья не дадут на это согласия ни открыто, ни тайно; они не предоставят им никакой помощи и ни на что подобное не согласятся. Если король Арагона узнает, что один из вышеназванных королей намеревается развязать войну в государствах султана или причинить ему какой-либо ущерб, он пошлет об этом султану и сообщит ему, с какой стороны его враги намерены напасть на него, и что с максимально возможной задержкой, прежде чем они будут приведены в действие, и он ничего не скроет от него относительно этого". Этот договор очень длинный и предусматривает устранение всех трудностей. Здесь мы можем сделать общее замечание, которое заключается в

том, что большинство договоров, заключенных между выходцами с Востока и христианами, в некотором роде превосходят проницательность современной дипломатии; столь сильное недоверие придало дальновидности участникам переговоров и договаривающимся державам.

[47] Мы не можем найти никаких документов на эту тему в "хрониках Запада"; нашим проводником был Ибн-Ферат.

[48] Все эти любопытные подробности о Птолемаиде, ее нравах и образе жизни ее обитателей предоставлены Германом Корнариусом (Коллекция Экарда). Более подробную выдержку можно найти в нашем анализе немецких авторов.

[49] Мы находим этот факт в двух австрийских хрониках, одна из которых озаглавлена "*Хроника анонимного Леобенсиса*"; другая "*Хроника Томаса Эбендорфейри де Хазельбаха*". В первом говорится, что легат созвал народ Птолемаиды, обрушил на них церковную анафему, а затем сел на корабль, чтобы вернуться в Рим. Это последнее обстоятельство кажется нам невероятным, и поэтому мы обошли его молчанием.

[50] Это обстоятельство связано с жизнью султана Келауна. (Смотрите выдержки из арабских рукописей в нашем Приложении.)

[51] По поводу осады Птолемаиса мы консультировались с Санути, Германом и родственниками рукописи. Это сообщение, написанное на французском языке того времени, по-видимому, взято из письма Джона де Вайля, маршала госпиталя Святого Иоанна, который написал своему брату Уильяму де Вайлю, приору Сен-Жиля в Провансе. Либо Иоанн де Вайль находился в Птолемаисе, либо он писал, основываясь на свидетельствах некоторых госпитальеров, которые избежали мечей мусульман и удалились на остров Кипр. Эта рукописная хроника, которой мы часто пользуемся, разделена на двадцать две главы, она находится в Королевской библиотеке, № 1290.

[52] Этот факт упоминается в хронике, которую мы цитировали ранее.

[53] Рукописный отчет об осаде и взятии Акко сарацинами.

[54] Об этом экстраординарном факте говорится в обращении к папе Николаю IV брата Арсена, греческого священника, совершавшего паломничество в Иерусалим во время осады Птолемаиды. Этот отчет находится в "Муратори"; мы перевели его полностью, как будет показано в нашем Приложении.

[55] Этот факт также подтверждается хроникой Германа Корнария, которую мы уже цитировали.

[56] Немецкая хроника Томаса Эбендорфта рассказывает истории о чудесах, которые были распространены среди сарацин. Согласно этой хронике, когда христианин умирал, изо рта у него выходил другой, *бывший*. В каждом теле было по две души; *in uno corpore duo fuerunt hominis*.

[57] Арабские хроники говорят о съере де Телеме или Бартелеми, который никогда не переставал вызывать ярость сарацин. Западные хроники ничего не говорят о нем; в одной из них говорится только, что некий франк, изгнанный из Птолемаиды за убийство, нашел убежище у египетского султана и указал ему способ взятия города.

[58] Вадин, автор хроники под названием *Annales Minorum*, том ii, стр. 585, цитирует обстоятельство, о котором рассказывает святой Антонин в третьей части своей *"Исторической Соммы"*. Сказав, что большая часть французских кордельеров была убита сарацинами, он добавляет следующие слова: "Но ни одна из дев Святой Клары не спаслась". Настоятельница этого ордена, обладавшая мужественным духом, узнав, что враг вошел в город, созвала всех своих сестер звоном колокола и силой своих слов убедила их сдержать обещание, данное ими Иисусу Христу, своему супругу, сохранить свое целомудрие: "Мои дорогие дочери, мои превосходные сестры, " сказала она, " мы должны, несмотря на определенную опасность для жизни и скромности, показать себя выше своего пола. Враги близки к нам; не столько к нашим телам, сколько к нашим душам; эти варвары, которые, удовлетворив свои жестокие похоти на всех встречаемых, убивают их своими мечами. В этом кризисе мы не можем надеяться спастись от их ярости бегством, но мы можем принять решение, болезненное, это правда, но верное. Большинство мужчин соблазняется женской красотой; давайте лишим себя этой привлекательности, давайте искать средство защиты нашей скромности в том, что служит причиной ее нарушения. Давайте разрушим нашу красоту, чтобы сохранить нашу девственность чистой. Я подам вам пример; пусть те, кто желает встретить свою небесную супругу, подражают своей госпоже ". При этих словах она отрезала себе нос бритвой; остальные сделали то же самое и смело изуродовали себя, чтобы предстать более красивыми перед Иисусом Христом. Этими средствами они сохранили свою чистоту, ибо сарацины, увидев их окровавленные лица, прониклись к ним отвращением и убили их всех, не пощадив ни одного.

[59] Quand il fut revenu au milieu de la cité, son dextrier fut molt las, et lui-même aussi; le dextrier resista en contre les espérons, et s'arresta dans la rue comme qui n'en peut plus. Les Sarrasins, à coups de flèches, ruèrent à terre frère Guillaume; ainsi ce loyal champion de Jesus-Christ rendit l'âme à son Créateur.

[60] Среди чудесных свидетельств, к которым привело разрушение христианских колоний в Сирии, история сохранила следующее: "В 1291 году дом святой Девы в Назарете, в котором она зачала Сына Божьего, был перенесен ангелами на вершину небольшой горы в Далмации, на берегу Адриатического моря: три года спустя его перевезли на другой берег того же моря, в лес, принадлежавший вдове по имени Лоретто. С тех пор на этом месте были построены небольшой город и великолепная церковь, которые до сих пор носят имя этой вдовы".

[61] Мы не можем ничего добавить к ученым исследованиям М. Рейнуара об осуждении тамплиеров. Мы отсылаем наших читателей к его работе и к нашему Приложению.

[62] На эту статью завещания Шарля-ле-Бея ссылается Дюканж. Было отмечено, что оно датировано 24 октября 1324 года, а Карл умер в 1327 году: мы можем предположить, что дата неверна или что Шарль-ле-Бель не выполнил свой обет.

[63] Перед нами завещание, составленное в этот период, в котором дворянин по фамилии Кастелен, прославившийся уже во времена крестовых походов, перечисляет сумму на расходы священной войны. Мы сожалеем, что не можем опубликовать текст этого документа, который был передан нам семьей наследодателя.

[64] Мемуары о роли испанцев в крестовых походах, прочитанные в Мадридской академии, описывают труды, приключения и странствия Раймонда Луллия. Также можно ознакомиться с *Церковной историей* Флери.

[65] Мы взяли эти сведения о Раймонде Лулли из "испанских рассуждений о крестовых походах", которые мы уже цитировали в предыдущей книге.

[66] Посмотрите, что рассказывает сам Санути в своей книге, из которой мы возьмем много выдержек.

[67] Кажется почти непостижимым, что наш автор в этих размышлениях опускает то, что должно поражать всех остальных как главную причину перемены, о которой он так сокрушается. Во времена Петра Отшельника крестовый поход был мечтой наяву, в которой честолюбию и алчности потакали так же сильно, как благочестию или суеверию. Но опыт доказал, что это не только "необоснованная выдумка", но и жестокий бич для всех, кто вступал в нее. Первые крестоносцы были провидцами — более поздние, должно быть, были безумцами.—Пер.

[68] Et venoist à tous seigneurs moult grande plaisance, et spécialement à ceux qui vouloient le temps dispenser en armes, et qui adonc ne le tuvoient mie bien raisonnablement employer ailleurs.—*Froissart*.

[69] Вечное порождение Святого Духа, исходящего от Отца и Сына. —Пер.

[70] Из этого наши читатели увидят, что полумесяц, который обычно, но ошибочно, считался стандартом всех сарацин, принадлежит османам: он никогда раньше не упоминался в этой истории.—Пер.

[71] Характер Константина был достоин того, чтобы его прославила эпическая муза. Один из наших самых выдающихся государственных деятелей взялся за эту славную задачу. — Смотрите поэму "*Последний Константин*" месье де Воблана. [Мы удивляемся, что наш автор не поражен здесь весьма ощутимым размышлением о том, что империи, королевства и другие институты, вполне заслужившие свое падение, часто умирают под непосредственным правлением людей, которые не сыграли никакой роли в их разрушении — они всего лишь последняя ступень стремительного падения, — если они непреклонны, они должны уступить. История его собственной страны и нашей могла бы дать ему подсказки для такого размышления.— Пер. с Англ.]

[72] Что касается осады Константинополя, то можно ознакомиться с очень подробным отчетом Гиббона и быстрой, но полной картиной М. Салабери в его *Истории Турецкой империи*.

[73] Оливье де ла Марш, описав фестиваль и разнообразные зрелища, открывшиеся взорам гостей, добавляет: "Таковы были изысканные обыденные блюда этого фестиваля, о которых я предоставляю говорить другим, чтобы рассказать о жалкой его части, которая кажется мне более значимой, чем другие". & с.

[74] Оливье де ла Марш говорит, что герцог Бургундский уже три года назад предпринял крестовый поход против турок на собрании, состоявшемся в Монсе.

[75] Некоторые современные историки, которые говорили об этих рыцарских обетах, преувеличили их фантастичность. Среди прочего, у одного из этих историков я нахожу такое предложение: "Короче говоря, лучшее представление о преданности этих новых крестоносцев дает то, что один из них поклялся, что если до момента своего отъезда он не сможет добиться благосклонности своей возлюбленной, он женится на первой попавшейся девушке,

у которой будет двадцать тысяч крон”. Мы не нашли ничего подобного ни у Монстреле, ни у Оливье де ла Марша, единственных авторов "Таймс", которые говорят об этом фестивале.

[76] Мы улыбаемся, читая эту странную сцену безопасного и невежественного хвастовства; но если Великий турок когда—либо позволял себе веселиться, мы должны думать, что это вызвало бы смех Магомета, если бы он случайно услышал об этом.—Пер.

[77] Он должен был напоминать ему славного старину Генри Дандоло.—Пер.

[78] Ничто не может быть более необъяснимым, чем такие размышления! Что эти несчастные изгои знали или заботились об опасностях Европы? Чего они искали, так это облегчения от нищеты, от которой страдали; и если бы турки были в Европе, они бы завербовались к ним.—Пер.

[79] Жак Кер был приговорен к смертной казни, а его имущество конфисковано. Карл VII. удовлетворился изгнанием Жака Кера; но его собственность долгое время не возвращалась. Шестьдесят клерков Жака Кера подписались вместе и составили сумму в 60 000 крон, с которой он удалился на остров Кипр и возобновил свою торговлю. Он основал там больницу для паломников и монастырь кармелиток, в котором и был похоронен. Жак Кер построил много домов в Марселе, Монпелье и Бурже: среди прочих, прекрасный дом, в котором сейчас находится муниципалитет. Именно Людовик XI. восстановил память о Жаке Кере. Упомянутая здесь надпись, должно быть, также находилась в больнице для паломников на Кипре.

[80] Высказывание аббата де Верто было всего лишь выражением вежливости по отношению к тому, кто предложил ему документы, не в интересах установления истины, а в интересах некоторых семей, которые хотели, чтобы их имена были упомянуты. На самом деле, если документы, которые они ему предложили, касались правды, им ничего не оставалось, как опубликовать их; теперь мы не видим ничего из опубликованного об осаде Родоса, что доказывало бы, что аббат де Верто ошибся или забыл что-то важное. Никто даже не пытался подвергнуть сомнению достоверность фактов, которые он излагает, с помощью какой-либо критики, дошедшей до наших дней. Остается только знаменитое выражение "*моя осада окончена*", при этом никто не попытался объяснить, в каком смысле и по какому поводу было сделано это выражение.

[81] Магомет II. взял Константинополь в 1453 году и умер в 1481 году.—Пер.

[82] Размышлениям, которые порождает этот отрывок, можно было бы посвятить целые страницы; но едва ли не самое поразительное - наблюдать, как деятельность человеческих умов и трудолюбие в своем прогрессе стирают то, чего не было раньше, а затем снова, по прошествии сезона, который сделал свое дело в распространении цивилизации и разума, возвращаются к прежнему руслу. Хотя наука возвращает нас к старому маршруту в Индию, какие чудеса произвело открытие Васко де Гамы для продвижения Великого Плана!— Пер. с англ.

[83] До какой степени такого рода профанация распространена даже среди так называемых цивилизованных наций, можно увидеть из истории (мы надеемся, что это неправда) о сэре Сиднее Смите и группе английских моряков, которые после осады Акко полным хором распевали “Боже, храни короля” в великой мечети Омара в Иерусалиме.—Пер.

[84] Это отрывок постановления, относящийся к знаменам, которые должны были нести в процессии: “Одновременно будет изготовлено красивое знамя, на котором будет изображен наш святой отец папа в полном понтификате в сопровождении нескольких кардиналов и других прелатов, облаченных в понтифики и облаченных в белые митры; папа будет на “декстере”, король — на “зловещем”, полностью облаченный в белое, за исключением парадных доспехов, которые будет нести его оруженосец, в сопровождении нескольких принцев и других лордов, все вооруженные; с другой стороны указанного знамени - исторические хроники и другие изображения, полные турок и других неверных”.

[85] Все эти документы неопубликованы и очень объемны; мы приведем некоторые выдержки из них в нашем Приложении.

[86] Некоторые авторы сделали вид, вопреки мнению Боссюэ и Дэвида Юма, что Лютер был вовлечен в свою оппозицию не мотивом ревности и чувством себялюбия. Несмотря на их возражения, этот факт доказан. Ученый Мозгейм в своей истории не считал нужным оправдывать Лютера на этом основании, что, кроме того, не имеет большого значения.

[87] Плод созрел в эпоху Льва, и поэтому он в целом обладает достоинствами выращивания. Николай V способствовал развитию интеллекта и искусств столь же искренне, как и Лев, но с большей осмотрительностью и меньшими претензиями. Но это распространенная ошибка: ни одна эпоха не забывала так о том, что все знания прогрессивны, как нынешняя; мы многим наслаждаемся и претендуем на все заслуги, связанные с этим, но очень несправедливо.—Пер.

[88] Этот вопрос, мы думаем, допускает другое решение. М. Мишо путает аристократию со средним классом. Когда класс любыми средствами достигает наследственного превосходства, не приобретаемого за счет личных заслуг какого-либо другого рода, манерам слишком часто бросают вызов, а мораль становится коррумпированной. То, что он говорит о среднем классе, совершенно верно. Вся мировая история не может предоставить такого примера стабильности и процветания, который сейчас предлагается в Англии под влиянием умного, благоразумного, нравственного среднего класса.—Пер.

[89] Не будет ли многое из этого применимо ко всем религиям, всех времен и всех стран? Успех освящает все - он порождает бунт, революцию; убийства, патриотизм; преступления, добродетели. Говорят, что иезуиты - самые горячие верующие в мире. Могли ли мусульманские священники выразить больше восторга по поводу прихода и успеха сильнейшей деспотии, которую когда-либо видела Европа, чем они это делали в последнее время?— Пер. с англ.

[90] Я ищу тебя через шесть месяцев на берегах Геллеспонта.

[91] Последние капитуляции относятся к периоду правления Людовика XV.

[92] Это смирение выражено весьма своеобразным образом в отрывке из рукописи Бернской библиотеки — “О причине, по которой сарацины овладели Святой Землей”.

Брат Винсент в проповеди, которую он произнес и текст которой гласил: “Ecce ascendimus Hierosoleman”, приводит три причины для этого: “Первая, — сказал он, “ заключается в оправдании христиан; вторая - в замешательстве сарацин; и третья - в обращении евреев. Что касается первой причины, то мы все должны знать, что нет ни одного христианина, каким бы святым он ни был, который не грешил бы, за исключением Иисуса и его матери, славной Девы

Марии; и Бог не желает, чтобы христиане грешили на земле, в которой Иисус Христос, его сын, претерпел страдания за грехи людей; и счел бы это великим оскорблением. Но Сарацины его так не обижают, потому что они - собаки. Королю было бы неприятно, если бы его дети или рыцариварили воду в его покоях; но когда там делает воду собака, он не обращает на это внимания”.

См. *Рукопись Catalogus Codicum. Бернская библиотека*, & с. том i, стр. 79.

[93] Этот отчет о крестовых походах впервые появился в *Mercury*, а впоследствии был напечатан небольшим томом. Теперь она включена в "*Генеральную историю*" Вольтера.

[94] Два мемориала получили призы; один принадлежал М. Эрцену, другой - М. Шуассель д'Оллекуру. Оба замечательны эрудицией и духом критики; они указали путь, по которому мы пошли, и мы с удовольствием признаем все, чем мы им обязаны.

[95] Когда человек, умеренно начитанный во французской истории, вспоминает эгоистичных, чувственных, *порочных* персонажей, столь чрезмерно восхваляемых здесь, он может простить себя за улыбку, с которой он должен прочитать "бессильное заключение".—Пер.

[96] Скажем, скорее —приобрел такую дурную славу своими жестокостями.—Пер.

[97] "Хроника Тура" с величайшей простотой сообщает нам, что Карла Великого прозвали *Великим* из-за его *огромной удачи*; таким образом, историки, как и обычные люди, путали славу с богатством.

[98] Это, должно быть, действительно чрезвычайно отдаленные времена, о которых у нас нет никаких сведений. Древнейшие поэмы, древнейшие истории не описывают такого состояния; дикие племена лесов и пустынь гордятся своим происхождением и известны как сыновья своих отцов, так же как Ахилл был известен как Пелид, а Галл — как сын Морни.—Пер.

[99] Нам, как переводчикам, не подобает вступать в полемику с нашим оригиналом, иначе многое можно было бы сказать в ответ на этот поистине *консервативный* абзац. Но, как читатели истории, мы думаем, нам будет позволено заметить, что *преимущества*, указанные в первых строках книги, не фигурируют в истории Венеции. Она никогда не была такой великой и процветающей, как в период чисто торговой деятельности. Когда была приобретена территория и возникло дворянство, вскоре последовали коррупция и упадок.—Пер. с англ.

[100] И все же мы не можем думать, что обычай шотландских *лэрдов*, которые берут название своих поместий, можно проследить до этого источника, хотя они делают это таким же образом. Представляется вероятным, что французское *de*, обычно признаваемое, по крайней мере, доказательством аристократизма, было принято по такому случаю; но даже это *de* подвергается сомнению, поскольку подразумевает владельца *of* поместья, страны или города, или человека, который прославился *из* страны или города.—Пер.

[101] Как же тогда получилось, что Вильгельм Нормандский, завоевывая Англию два столетия назад, создал так много своих рыцарей, графов и баронов, дав им титулы мест и поместий, которыми он в то же время наделил? Филипп-ле-Арди, без сомнения, дал новоиспеченным дворянам средства для поддержания их почестей, и дворянство, как и раньше, было связано с собственностью.—Пер. с англ.

[102] В этом наводящем на размышления отрывке мы с сожалением обнаруживаем, что предрассудки нашего оригинала побудили его придать ложную окраску своей картине. Монархи не предоставляли народу никаких иммунитетов ни из любви к свободе, ни к народу, но для того, чтобы заручиться его помощью против своих врагов, крупных вассалов или баронов — отсюда последствия; принцип зашел так далеко, что монарх был возведен в ранг деспота; а затем последовала другая перемена; когда его власть стала настолько полной, что его старые враги смотрели на него как на источник всех почестей и богатств, они объединились с ним; оба объединились в своих усилиях по угнетению и ограблению народа; и тогда наступил последний этап.—Пер.

[103] И все же он жил при Ришелье, в номинальное правление Людовика XIII., и в правление Людовика XIV.!—Пер.

[104] Большинство политэкономистов называют человеческий труд *собственностью*; М. Мишо показал, что основная масса людей при феодальной системе оплачивала обществу *труд, жизнь и свободу*; и все же он называет это *ничем*!—Пер.

[105] Я не помню этого предсказания, но я прекрасно помню, что Монтескье предсказывает, что *Франция погибнет от меча*.—Пер.

[106] Что это может означать? Налогообложение так же старо, как и правительства любого рода.— Пер. с англ.

[107] Servez Dieu, et il vous aidera: soyez doux et courtois à tout gentil-homme en otant de vous tout orgueil; ne soyez flatteur ne rapporteur; car telles manières de gens ne viennent pas à gran le perfection. Soyez loyal en faits et en dits; tenez votre parole; soyez secourables à pauvres et orphelins, et Dieu vous le guerdonnera.

[108] Отец Эли в своей *Истории монашеских орденов*, т. i, стр. 263, выражается так, говоря об ордене Святого Лазаря: “Что очень примечательно, так это то, что они могли избрать великим магистром только прокаженного рыцаря Иерусалимского госпиталя, который просуществовал до время Иннокентия IV, то есть около 1253 года, когда, будучи вынуждены покинуть Сирию, они обратились к понтифику и заявили ему, что, всегда имея с момента своего основания прокаженного рыцаря в качестве великого магистра, они оказались в невозможности избрать его, потому что неверные убили всех прокаженных рыцарей из их госпиталя в Иерусалиме. По этой причине они молили понтифика разрешить им в будущем избрать великим магистром рыцаря, который не был поражен проказой и который, возможно, находился в добром здравии; и папа направил их к епископу Траскейта, чтобы тот дал им это разрешение, предварительно выяснив, можно ли это сделать в соответствии с волей Божьей. Об этом сообщает папа Пий IV в своей булле 1565 года, столь расширенной и столь благоприятной для ордена Святого Лазаря, которой он возобновляет все привилегии и все дары, дарованные ему его предшественниками, и наделяет его новыми. Here is what he says of the election these knights ought to make of a leprous grand-master:—Et Innocentius IV., per eum accepto, quod licet de antiquâ approbatâ et hactenûs pacificè observatâ consuetudine obtentum esset, ut miles leprosus domûs Sancti-Lazari Hierosolymitani in ejus magistrum assumeretur; verûm quia ferè omnes milites leprosi dictæ domûs ab inimicis fidei miserabiliter interfecti fuerant, et hujusmodi consuetudo nequiebat commodè observari: idcirco tunc episcopo Tusculano per quasdam commiserat, ut, si sibi secundum Deum visum foret expedire fratribus ipsis licentiam, aliquem militem sanum et fratribus prædictæ domûs

Sancti-Lazari in ejus magistrum (non obstante consuetudine hujusmodi de cætero eligendi) auctoritate apostolicâ concederet.

[109] Для крепостных это могло быть благословением, но для свободного труда на это жаловались как на зло. Сапожник Лафонтена, описывая свое состояние финансисту, говорит: —

“Chaque jour amène son pain,
Tantôt plus, tantôt moins: le mal est que toujours
(Et sans cela nos gains seraient assez honnêtes),
Le mal est que dans l’an s’entremêlent des jours
Qu’il faut chômer; on nous ruine en fêtes;
L’une fait tort à l’autre; et monsieur le curé
De quelque nouveau saint charge toujours son prône.”

Каждый день приносит свой хлеб; иногда больше, иногда меньше: хуже всего то, что всегда (и без этого наши доходы были бы весьма сносными), зло в том, что в году появляется так много дней, когда мы вынуждены бездельничать — мы разоряемся на праздниках; один наступает на пятки другому; и господин викарий постоянно вводит в свою проповедь какого-нибудь нового святого.—Пер.

[110] Из уважения переводчиков к оригиналам мы постоянно воздерживаемся от замечаний в противовес нашему автору, когда он откладывает перо историка, чтобы сесть в кресло философа. В ходе этой главы наши читатели, должно быть, заметили много неглубоких размышлений и некоторые отрывки, противоречащие другим; но у всех них есть одно большое достоинство — *они чрезвычайно наводят на размышления*.—Пер.

[111] Как можно сказать, что духовенство платит за эти войны? Что стало с огромными суммами, вырученными от продажи всевозможных индульгенций? Духовенство занималось сбором пожертвований верующих, что, как мы видели, иногда было *выгодно*. Кроме того, бароны и рыцари платили за свое собственное снаряжение и снаряжение своих вассалов до тех пор, пока у них оставалась монета; тогда король или вождь, как это делал Людовик IX, иногда помогал им.—Пер.

[112] Это один из бесчисленных примеров в ходе работы, в котором читатель должен сожалеть, что М. Мишо не осознавал, что пишет для всего мира; его взгляды и, к сожалению, его пристрастия исключительно французские.—Пер.

[113] Несомненно, ему следовало добавить к этому человеческие страсти и приземленные интересы этих невежественных, независимых тиранов.—Пер.

[114] Разве в обществе не всегда существует какой-то такой доминирующий принцип? Разве *деньги* сейчас не так же могущественны, как грубая сила или умение владеть оружием в средние века?— Пер. с англ.

[115] О влиянии духовенства и религии в средние века ничего лучше не было сказано, чем то, что мы читаем в работе, озаглавленной “*Об интер—ретах и мнениях*” М. Фиве: “В то время, когда Церковь применяла публичное покаяние, в то время как трибуналы выносили решения только с применением оружия, мы не можем понять, как высшая полиция не могла впасть в панику”. в руках духовенства; и именно потому, что они одни осуществляли это право, во время

гражданских войн удачливые князья доверяли монахам охрану князей, у которых судьба битвы или предательства отняла права, которыми они обладали, делить королевство. Необходимо было заполнить пустоту, оставленную законами, иначе государство погибло бы; и только священники обладали моральным авторитетом, достаточно большим, чтобы восполнить слабость законодательства; —возвышенные страсти, более могущественные добродетели, тяжкие преступления, великое раскаяние; гордая независимость, спасительные страхи; избыток силы и отсутствие правил; мужество во всем и повсюду: таково было состояние общества в тот период; —легко понять, что только религия боролась с варварством”. Мы сожалеем, что не можем процитировать больше, чем фрагмент работы, наполненный с оригинальным восприятием и глубокими взглядами на развитие цивилизации в средние века.

[116] Автор мемуаров, которые послужат Новой историей Людовика XII. относит первое появление судебной реформы во Франции к правлению этого монарха. Он провел на эту тему научные исследования, и его работа дала нам много информации о духе и ходе нашего законодательства в средние века. Хотя мы не всегда согласны с последствиями принципов, которые он развивает, особенно в том, что касается их применения к тому, что происходит в настоящее время, мы с удовольствием отдаем должное редкой проницательности, с которой он прояснил вопросы, которые едва ли были замечены нашими лучшими историками.

[117] Лафонтен.

[118] И все же Марсель был процветающим портом на протяжении веков. В начале крестовых походов он не принадлежал французской монархии.— Пер. с англ.

[119] В данном случае “умелый человек, назначенный для просмотра и составления отчета о чем-либо”; но оно имеет несколько других значений; как человек достойный, честный или даже доблестный.—Пер.

[120] Хотспер говорит своей даме—

- Поклянись мне, Кейт, как подобает леди, какой ты и являешься,
Хорошая клятва, от которой наполняются слюнки!

Анафема королевы Жуанвилю в оригинале носит нечто подобное.—Пер.

[121] М. де Шуазель д'Айекур приводит в своих *Мемуарах* очень расширенную номенклатуру изобретений, привезенных крестоносцами с Востока в Европу.

[122] И разве не так было со всеми богатыми и процветающими странами? Что неизменно следует за этим высоким уровнем богатства, за изящными искусствами и сопутствующей им чувственностью, — это вопрос, который должна задать себе каждая великая нация, имеющая такие обстоятельства. -Пер.

[123] Мы не уверены, была ли оспа известна в Европе до крестоносцев. Ее появление среди нас часто приписывают им; и мы замечаем, читая историю Магомета и его преемников, что многие люди были отмечены шрамами, оставленными этой болезнью. Мы удивляемся, что Мишо не упоминает об этом.—Пер.

[124] Мавры Испании могут быть приведены в качестве примера, опровергающего это мнение. Это правда, что мавры Гранады долгое время и с большим успехом занимались искусствами и наукой; но что стало с ними, когда они вернулись на побережье Африки?

[125] Лорд Болингброк сказал: “В конце концов, именно Николаю V. Европа обязана своим нынешним уровнем образования” (Спенс).—Пер.

[126] Лучший ответ на это заключается в том, что слишком широко распространенная мусульманская держава была так же сильно расколота на части раздорами и амбициями, как и Европа. Во времена первого крестового похода не было страха перед вторжением с Востока; и вторжение христиан привело к единодушию в защиту магометанства. —Пер.

[127] Несколько примечательно, что в этом очень интересном резюме Мишо не упоминает точные науки. Обычно считается, что мы в долгу перед арабами за значительное улучшение, если не за полное знание математики; и хотя это знание, возможно, пришло к нам через Испанию, мы не думаем, что упоминание об этом обстоятельстве было бы здесь неуместно.—Пер.

[128] Хотя мы не можем претендовать на полное знакомство со всеми святыми этих эпох, мы думаем, что это может быть тот самый Паулинус, который был епископом Нолы и который, если не первый изобретатель колоколов, то был первым, кто применил их для священных целей.—Пер.

[129] М. Мишо говорит, что мы должны рассматривать этот Маршрут как первый отчет о путешествии в Святую Землю, которым мы располагаем.

Бордо на момент отъезда паломников был одним из главных городов галлии. Он расположен в устье Гаронны, в Бискайском заливе, и прочно связан с английской историей, поскольку долгое время был резиденцией Черного принца и местом рождения несчастного Ричарда II.-Пер. с англ.

[130] По двум-трем юмористическим чертам в этом описании наши читатели поймут, что наш Малмсберийский монах не возражал против шутки. Упомянутые здесь национальные особенности любопытны, поскольку доказывают, как долго над нашими северными друзьями насмехались за их *склонность к царापанию*, и что любовь к выпивке была свойственна датчанам до того, как ее осудил Гамлет:

“Это головокружительное веселье востока и запада
делает нас оскорбленными и обложенными налогами других наций:
они называют нас пьяницами и свинскими фразами
Пачкают наше пополнение”,

[131] Это был святой Гуго, освященный в 1081 году папой Григорием VII., тот самый, который вскоре после этого принял святого Бруно и его спутников и дал им уединение в Шартрезе, чтобы основать там новый орден. Турской церковью тогда управлял Родольф II.

[132] Саладин здесь говорит о битве при Тверии.

[133] Граф Триполийский.

[134] Чтобы понять эту фразу, мы должны помнить, что автор письма сравнивает укрепления Иерусалима с ожерельем.

[135] Это самое экстраординарное обстоятельство свидетельствует нам не только о славе Саладина, монарха такой далекой страны, но и о страхе, в котором он пребывал в Европе. Несмотря на его большую близость, мы не стали называть наш подоходный налог *налогом Буонапарте*, как могли бы сделать.—Пер.

[136] Вот немного для антикваров *Клеркенуэлла*, что, без сомнения, подразумевается под этим.—Пер.

[137] Это ценный совет для поэтов, художников и романистов.—Пер.

[138] Это может показаться невероятным; но нет никаких сомнений в том, что Ричард был превосходным наездником; и мы очень хорошо помним мистера Голдхэма из лондонской и Вестминстерской добровольческой легкой кавалерии, который выполнял упражнение с широким мечом, держа по мечу в каждой руке, и своего коня на скаку перед Георгом III в Гайд-парке. —Пер.

[139] Хотя наш хронист об этом не сообщает, мы можем предположить, что когда один из отряда Ричарда зарубил турецкого всадника, он не надолго оставлял свое седло пустым, и что такое присоединение позволило христианам эффективно преследовать его.—Пер.

[140] Если бы у какого-нибудь художника хватило мастерства нарисовать лицо Ричарда при расставании с таким другом, как его “добрый меч”, из этого получилась бы прекрасная картина. Чувства, которые, должно быть, чуть не задушили его львиное сердце, послужили бы материалом для стихотворения.—Пер. с англ.

[141] Мы приводим перевод этого отрывка, потому что он очень любопытен; но мы не верим в него в отношении даты; он кажется нам гораздо более современным, и некоторые части языка несовместимы с другими.—Пер.

[142] Но, как и в большинстве подобных случаев, религия была скорее прикрытием, чем основой амбиций. Мусульманская империя после трех первых халифов стала слишком большой и слишком сложной, чтобы ею мог управлять простой араб; и чудесные завоевания секты, естественно, вызвали у генералов, добившихся их, честолюбивое стремление управлять тем, что они завоевали. Религиозная вражда была всего лишь предлогом.— Пер. с англ.

[143] Это учение преобладало среди исмаилитов Персии в течение почти пятидесяти лет; но Джелах-эд-Дин, внук Хасана, восстановил культ в его чистоте.

[144] Даи, арабское причастие, правильно обозначает того, кто призывает,—*advocans*; и, расширительно, оно обозначает человека, который проповедует людям и приглашает их принять какое-либо учение. Титул *дай* был распространен в первое столетие исламизма. У каждой секты был свой собственный.

[145] Отрывок историка Миркхуда подтверждает этот рассказ; он сообщает нам, что Хасан, после того как завладел замком Алтамонт, приказал вырыть канал и подвел воду с большого расстояния к подножию своего замка. Вокруг него были посажены фруктовые деревья, и он

поощрял жителей засевать землю. Именно таким образом воздух этого места, который раньше был нездоровым, стал чистым и целебным.

[146] Месье Журден, адресовавший мне это интересное письмо, опубликовал работу, озаглавленную *"Перс, или картина истории государственного устройства, литературы, современной империи, мира и странствий жителей"*. Этот труд в пяти томах. в 18 веке н.э., содержит много новых понятий и любопытных деталей и делает честь таланту, а также эрудиции востоковеда.

[147] Оригинал этого фрагмента находится в *Библии. Грек. Фабриция*, т. vi, стр. 405, и в первом томе *"Империи Востока"* Бандьера. Этого нет в изданиях Никиты.

[148] Монеты достоинством в два шиллинга и четыре пенса каждая.

[149] Это экстраординарное описание того, что, должно быть, было удивительным произведением искусства; но мы не можем согласовать представление о василиске, которое у нас сложилось, с представлением об упомянутом животном — мы думали, что василиск - это разновидность змеи.—Пер.

[150] Винсент Беллев. *Размышления. История.* книга XXX. глава. 5; Albert Stad. *Хронология.* фол. 202; Годефр. Монах. *Летопись. ап. Frsch. Сборник. Альберичи*, стр. 489; Сикард. *Хроника ап. Мурата.* том vii. стр. 623.

[151] Томас де Кантипр. *De Apibus.*

[152] *Хроника. Арджент, ап. Уртии, Сборник.* том i. стр. 1.

[153] Джейкоб де Форраг. *Хроника. Январь, ап. Murat.* том ix. стр. 46. Что доказывает ошибочность этой даты, так это то, что Bizarre (*Hist. Genuens.*), скопировавший эту хронику, относит событие к 1212 году. Я не знаю, на основании какого авторитета Джон Мэсси помещает это в своей хронике в 1210 году.

[154] См. *Хронику. Аноним.* Страсбургский, Годфри Монах, Джеймс Варагинский и епископ Сикард.

[155] Альберик вдаётся во множество подробностей; и хотя этот историк обычно грешит чрезмерной доверчивостью, в данном случае его свидетельства не вызывают сомнений.

[156] Жак де Форраг.

[157] Альберт де Штадт.

[158] *Анонимная хроника* Страсбурга.

[159] Этот отчет предоставлен Альбериком и подтвержден Фомой Шампрским и Роджером Бэконом.

[160] *Хронология. Август.; Хроника. Серебро.*

[161] Годфри Монах.

[162] *Опус Майус*, стр. 254, изд. в fol.

[163] See Marin, *Storia Civile e Politica del Commercia de' Veneziani*, vol. i. p. 206; Do Guignes, *Mémoires sur le Commerce des Francs dans le Levant*, &c.; vol. xxxvii. of *Les Mémoires de l'Acad. des Inscr.*

[164] Объявление Видемуса. Di. 1213, infinitam puerorum multitudinem spiritu deceptionis arreptos, cum signaculo crucis iter Hierosolymitanum aggressos fuisse, periissequе diversis in locis; et maximam ex eis multitudinem per malefices quosdam Sarracenis in mari venditos extitisse.—*Lib. de Apibus*.

[165] Forsan vidistis aut audivistis pro certo quod pueri de regno Franciæ semel occurrebant in infinitâ multitudine post quemdem malignum hominem, ita quod nec à patribus, nec à matribus, nec ab amicis poterant detineri, et positi sunt in navibus et Sarracenis venditi, et non sunt adhuc 64 annis.—*Opus Majus*, p. 254.

[166] Мы обещали привести в Приложении несколько писем и Буллу этого папы относительно крестового похода 1197 года; но поскольку содержание всех этих фрагментов одинаково, за исключением некоторых незначительных выражений, мы ограничимся этим.

[167] Господь, знай, что тот, кто не пойдет в ту землю, где Бог был и жив, и мертв, и кто не возьмет крест за моря, не будет иметь шанса попасть в Рай: тот, кто имеет сострадание и воспоминание о Господе, должен избавить от войны и мести свою землю и свою страну.... Теперь уйдет каждый доблестный холостяк, любящий Бога и почитающий святую гору; те, кто поступает мудро, пойдут к Богу, низкие и подлые останутся позади: они слепы, как я думаю, которые в своей жизни не оказывают помощи Богу и теряют славу горы из-за такого пустяка. Бог пострадал за нас на кресте; и скажет нам в день, к которому все придут: “Вы, которые помогли мне нести мой крест, вы пойдете туда, где обитают ангелы, и там увидите и меня, и мою мать Марию; а вы, от кого я ничего не получил, сойдите все в глубины ада!”

[168] Прекрасное стихотворение миссис Хеманс “*Послания к мертвым*” посвящено этой теме; и в примечании, цитируемом из “*Дисциплины*” мистера Брантона, она говорит, что этот обычай не был редкостью в Горной Шотландии.—Пер.

[169] В правилах, которые были приняты для новообращенных из Пруссии, папы особенно осуждали похоронные обычаи этих людей. “Неофиты,” гласят эти правила, “обещают не сжигать своих умерших и не хоронить вместе с ними людей или лошадей, оружие, одежду или ценные вещи. У них больше не будет этих самозванцев, называемых *лигастонами*, которые напоминают языческих священников и которые на похоронах восхваляют мертвых за грабежи, нечестие и другие грехи” и т. Д. Эти правила позволяют нам познакомиться со многими древними обычаями пруссаков.

[170] Это самое замечательное сходство со словом, обозначающим барда в валлийском языке, и с именем валлийского барда, *par excellence*.—Пер.

[171] Читатель, возможно, помнит, что их оставили в лагере герцога в Бургундии.

[172] Этот отрывок очень неясен.

[173] Эти инструкции были внесены в реестр Счетной палаты. Чтобы облегчить их ознакомление с общественностью, некоторые оттиски были модернизированы.

[174] То есть документы или счета. Мы привели его в точности в нынешнем виде, чтобы наши читатели могли яснее понять природу этих документов.— Пер. с англ.

[175], По которой мы можем понять, что *обедать* на приходских собраниях - обычай, присущий не только современности.

[176] Из которой мы узнаем, что плата нотариуса составляла один ливр суточных.

[177] Это, должно быть, Генрих VII. исходя из дат, современных принцев и характера монарха.— Пер.

[178] Как забавно и в то же время удивительно поучительно читать эти схемы философов и государственных деятелей через сто пятьдесят лет после того, как они днем были заняты своими мыслями, а ночью - своими видениями!—Пер.

[179] Слова, переплетенные с буквами шифра Великого сеньора.

[180] Этот отрывок, лежащий в основе всех привилегий французов в Турции, часто служит мотивом для просьб послов и основой для фирманов великого сеньора.

[181] Гораздо больше желающих показать, что информация, полученная против тамплиеров, предоставила моральное или юридическое доказательство существования фигур Бафомета. В обвинительном акте об этом не говорится ни единого слова. Об этом нет упоминания ни в великой процедуре, возбужденной в Париже, ни в многочисленных показаниях свидетелей, которых допрашивали инквизитор и комиссары папы римского. Из шести свидетелей, заслушанных в Каркассоне, которые заявили, что им был подарен идол, только двое обозначили его Фигурам Бафомети. Один из них, Госеран де Монпеза, когда его доставили в Париж, отказался от всех предыдущих признаний; тогда остался только один свидетель, о скрытом поведении и конце которого ничего не известно. Доказано, что из четырех других лиц, допрошенных в Каркассоне, Жан Кассо и Питер де Мосси отказались от своих первых показаний, а Жан Кассо был сожжен в этом городе.

[182] Воображаемый усеченный крест, который, как полагал М. Хаммер, он узнал на медалях, которые в остальном не имеют никакого отношения к тамплиерам, есть не что иное, как результат наложения руки на верхнюю часть обычного креста; эта рука, держащая крест за вершину, встречается на многих медалях и монетах, которые сам М. Хаммер не осмелился бы приписать тамплиерам.

[183] Раймунд де Агилес говорит о магометанах: "В ecclesiis autem magnis Bafumarias faciebant" ... habebant monticulum ubi duæ erant Bafumariæ. Трубадуры используют Баформарию для обозначения мечети, а Бафомет - для обозначения Магомета.